ДБ
370
О-52
В „аб." и „МБА"
не выдается

НТРАРХИВ

ДЕКАБРИСТЫ

СБОРНИК
ОТРЫВКОВ ИЗ ИСТОЧНИКОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1926

Экз полный
7. 8. 85
[illegible]

ЦЕНТРАРХИВ

ДЕКАБРИСТЫ

ОТРЫВКИ ИЗ ИСТОЧНИКОВ

*

СОСТАВИЛ
Ю. Г. ОКСМАН

ПРИ УЧАСТИИ
Н. Ф. ЛАВРОВА и Б. Л. МОДЗАЛЕВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1926 ★ ЛЕНИНГРАД

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
488137

1-я ОБРАЗЦОВАЯ
ТИПОГРАФИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
МОСКВА — ПЯТНИЦКАЯ, 71
Главлит № 45032.
Гиз № 14008. Тир. 7000.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ.

Настоящий сборник дает систематический подбор отрывков из первоисточников и имеет своей задачей до известной степени приблизить читателя к непосредственному восприятию истории тайных обществ начала прошлого века и их неудачного выступления в декабре 1825—январе 1826 г.

При выборе материала, записям, сделанным среди самих событий, отдавалось предпочтение перед свидетельством позднейших воспоминаний и записок. Таким образом в предлагаемых вниманию читателей отрывках слышится — пусть неполно — но все же отзвук самой эпохи, голос и речь самих декабристов и других действовавших в событиях лиц и их современников.

Задача, которую ставили себе редакторы сборника, была совершенно определенная: дать документальный материал для характеристики социально-политических взглядов декабристов и социальных тенденций, направлявших их движение, закончившееся неудачным восстанием в декабре 1825 г. Этой задачей сборника определялись прежде всего хронологические рамки даваемого в нем подбора отрывков: он совершенно не затрагивает историю каторги и ссылки декабристов и периода их жизни после возвращения из Сибири. Но и внутри принятых хронологических рамок составителям пришлось оставить в стороне целый ряд вопросов, связанных, например, с воспроизведением бытовой обстановки работы тайных обществ двадцатых годов, с характеристикой деятельности «попутчиков» декабрьской революции 1825 г., художественно-литературного творчества некоторых декабристов и того общего «настроения», которым было окрашено это движение. Не область чувств и настроений, а главным образом сферу мысли и воли, не столько психологию декабристов, сколько их идеологию и социальные основы их движения прежде всего имели в виду показать составители книги, и они полагают, что все основное и главное, что дают наши источники для круга вопросов, охватываемых планом сборника, представлено в нем с достаточной полнотой. Одна особенность плана сборника должна быть тем не менее оговорена: в нем нет главы, характеризующей экономику эпохи, — те хозяйственные процессы, которые лежали в основе социально-политических движений. Но этого рода темы не могут

быть с достаточной полнотой представлены в отрывках из документов того характера, которые использованы в настоящей книге: здесь пришлось бы привлекать материал иного порядка (из статистических сборников, правительственных актов, ученых работ того времени и позднейших), а это невполне было бы согласно с самым замыслом сборника и, кроме того, явилось бы повторением работы, уже выполненной в других изданиях того же типа [1]).

Текст приводимых отрывков, за исключением тех случаев, когда это было по тем или иным обстоятельствам невозможно, (они оговорены в примечаниях), проверен по архивным подлинникам. Эта проверка, в которой, помимо составителей, приняли участие Б. Е. и В. Е. Сыроечковские, позволила установить и исправить крупные дефекты некоторых общеизвестных публикаций, в том числе таких основополагающих, как «Русская Правда» Пестеля или «Свод» А. Д. Боровкова.

Некоторые материалы (важнейшие из них—записка В. Ф. Раевского, «О солдате», конфирмованные приговоры по солдатским делам, производившимся в Бело-Церковской военно-судной комиссии, показания о пропагандистской работе «Общества Соединенных Славян» в 8-й артиллерийской бригаде) публикуются в настоящем сборнике впервые.

Книга рассчитана в первую очередь на потребности семинарских и лабораторных занятий в вузах, на рабочих факультетах, в старших отделениях школы второй ступени и в техникумах, но она имеет в виду и более широкий круг читателей; быть может, кое в чем она окажется небезынтересной и небесполезной и для начинающих специалистов по истории революционного движения.

Вводные замечания перед отдельными главами сборника имеют задачей лишь в сжатом очерке напомнить основные результаты, достигнутые научной работой по изучению соответствующих отделов истории тайных обществ начала XIX века. Равным образом и библиографические замечания указывают лишь основные пособия и работы. Для дальнейших библиографических указаний читателю рекомендуется обращаться к выпускаемому Центрархивом РСФСР исчерпывающему труду Н. К. Пиксанова и Н. М. Ченцова.

---

[1]) Имеем в виду книги: С. Вознесенского «Экономическое развитие и классовая борьба в России XIX и XX в. в.». Том I, стр. 1—189 Петрогр. 1924 и А. М. Большакова и Н. А. Рожкова «История хозяйства России в материалах и документах». Том II, стр. 111—155. Ленинград. 1925.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА 1815—1825 г.г. В ВОСПРИЯТИИ ДЕКАБРИСТОВ.

1.

«Свод показаний членов злоумышленного общества о внутреннем состоянии государства» [1]).

«Свод» этот, приводимый нами полностью, является единственным в своем роде опытом систематической передачи (почти всегда словами первоисточника) замечаний о «внутреннем состоянии государства», извлеченных из записок и писем на высочайшее имя декабристов во время следствия и суда над ними. Принадлежащий перу правителя дел комитета для следственных изысканий о злоумышленных обществах А. Д. Боровкова и — по признанию самого составителя — «главнейше извлеченный из ответов Батенкова, Штейнгеля, Александра Бестужева, Каховского и Перетца», документ этот дает картину восприятия декабристами русской действительности периода посленаполеоновских войн, — картину, тем более для историка занимательную, что контуры ее намечены не далекими от практической жизни мечтателями и доктринерами, а такими трезвыми дельцами, как член совета военных поселений, лично близкий Сперанскому, подполковник Г. С. Батенков, бывший начальник канцелярии московского генерал-губернатора, энергичный предприниматель бар. В. И. Штейнгель, влиятельный литератор и ад'ютант главноначальствующего путями сообщения— А. А. Бестужев, наконец, сын известного откупщика, титулярный советник Г. А. Перетц. Представленный императору Николаю 6 февраля 1827 г. подлинник «свода» был оставлен им у себя, а копии отправлены — одна в Варшаву к цесаревичу Константину, а другая к председателю государственного совета кн. Кочубею. Как отмечено в «Автобиографических записках» А. Д. Боровкова: «Государь император, — сказывал мне впоследствии князь Кочубей, — часто просматривает ваш любопытный свод и черпает

[1]) «Свод» печатается с оригинала, находящегося в бумагах комитета, высочайше учрежден. 6 декабря 1826 г. (Архив б. Гос. Совета, № 17/I); черновой проект этого «свода» вошел в записки Боровкова, опубликованные в журн. «Русская Старина», 1898 г., XI, стр. 353 — 362.

из него много дельного; да и я часто к нему прибегаю». Мне приятно было слышать лестный отзыв умного государственного мужа о моей работе, но еще приятнее было видеть проявление ее в разных постановлениях и улучшениях, выходящих с того времени».

1. Введение.

Начало царствования императора Александра было ознаменовано самыми блестящими надеждами для благосостояния России. Дворянство отдохнуло, купечество не жаловалось на кредит; войска служили без труда; ученые учились, чему хотели; все говорили, что думали, и все по многому хорошему ждали еще лучшего. К несчастью, обстоятельства до того не допустили и надежды состарились без исполнения. Неудачная война 1807 г. и другие многостоящие растроили финансы. Наполеон вторгся в Россию, и тогда народ русской ощутил свою силу, тогда пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследстви и народной. Вот начало свободомыслия в России. Правительство само произносило слова: свобода! освобождение! Само рассеивало сочинения о злоупотреблении неограниченной власти Наполеона. Еще война длилась, когда ратники, возвратясь в домы, первые разнесли ропот в народе: «мы проливали кровь, — говорили они, — а нас опять заставляют потеть на барщине; мы избавили родину от тирана, а нас вновь тиранят господа!» Войска от генералов до солдат, пришедши в отечество, только и толковали, как хорошо в чужих землях. Сначала, пока говорили о том беспрепятственно, это расходилось на ветер, ибо ум, как порох, опасен только сжатый. Луч надежды, что государь император даст конституцию, как упомянул он при открытии сейма в Варшаве, и попытки некоторых генералов освободить крестьян своих, еще ласкали многих. Но с 1817 г. все переменилось: люди, видевшие худое или желавшие лучшего, от множества шпионов, принуждены стали разговаривать скрытно, а чрез то теснее между собою сближалися.

2. Воспитание.

Истинный корень республиканских порывов сокрывался еще в самом воспитании и образовании, которые в течение двадцати четырех лет само правительство давало юношеству. Оно само, как млеком, питало их свободомыслием; а вступя на поприще жизни, они на каждом шагу встречали повод к достижению той цели, к которой ведет подобное образование.

3. Законы.

Твердые, ясные и краткие законы, врезываясь легко в памяти, предупреждают злоупотребления. У нас указ на указ: одно раз-

рушает, другое возобновляет и на каждый случай найдутся многие узаконения одни с другими несогласные. От сего сильные и ябедники торжествуют, а бедность и невинность страдают.

4. Судопроизводство.

Самое образование судопроизводства нашего весьма сложно. От земского суда до государственного совета столько переходов, что нужно долгое время и большие средства, чтобы провесть дело по всем инстанциям, в которых судят, пересуживают, и часто решением самого высшего места предоставляется только снова начать тяжбу судом по форме. Таким образом недостаточно жизни дождаться конца. К сему присовокупить должно несправедливости, злоупотребления, волокиту и взятки; все сие до крайности истощает тяжущихся.

5. Система правления.

Правительство отличалось непостоянством, и в управлении Государственном не было никакого положительного, твердого плана:

a) Учреждение о губерниях. Учреждение о губерниях изменилось в существенных основаниях; сила суда в нижних инстанциях ослабела; губернаторы присвоили себе всю местную власть; определение генерал-губернаторов довершило ниспровержение губернских мест; все дела стеклись к ним; само правительство смотрело не иначе, как токмо их глазами. Но во все двадцать пять лет ничего не сделано особенного к улучшению по части управления губерний. В 1822 г. дозволено ген.-губ. Балашову производить опыт преобразования. Начатый без сведения сената, опыт сей принят обывателями с негодованием на новые тягости и на умножение инстанций, а о той пользе, какая произойти имеет, никто еще не говорил.

b) Коллегии. Коллегии, коих учреждением обязана Россия Петру Великому, устоявшие среди разных внутренних перемен в течении семи царствований, уничтожены.

c) Сенат. Сенат, сие хранилище законов и блюститель благоустройства, обращен в простую типографию, подчиненную каждому лицу в доверенности.

d) Министерства. Учреждение министерств исполнено в существе своем важных недостатков, и явно составлено было на скорую руку. Не быв надлежащим образом связано с губернским управлением, мешало ему и само от него встречало препятствия.

e) Комитет министров. Отсутствия императора из столицы подали повод к учреждению комитета министров. Ни чего невозможно было придумать лучше к прикрытию всех беспорядков пред государем и к обнаружению одного лица его пред народом. Все производство дел оставалось в тайне; формы, под видом простоты и скорости, прикрывали все опущения и своевольство. Кан-

целярии могли делать все, что хотели, и вместо обещанной учреждением министерств ответственности каждого лица, они все, совокупно с министрами, прикрывались на все высочайшими соизволениями, и государь один нес на себе тяжесть ошибок и неустройств.

Сие произвело три важных последствия:

1) Множество самых мелочных дел, привлеченных в комитет, восходя до государя, напрасно его затрудняли.

2) Каждый делопроизводитель в министерстве легко мог скрывать свои ошибки и достигать частных видов, не опасаясь взыскания.

3) Высочайшие повеления потеряли свойственную им силу и важность.

Но сего еще мало: придумали еще особенные пути к смешению. По множеству частных случаев учреждали разные комитеты с такою же силою, как и главный; один перевершал дела другого; решения, утверждаемые высочайшею властию, являлись часто по одному и тому же делу в совершенном между собою противоречии.

Таким образом верховное правительство в последние годы, можно сказать, рассыпалось, потеряло единство и представляло нестройную громаду.

6. Упадок гражданской части.

Вообще гражданская часть—сей краеугольной камень в здании государственного благоустройства, — была как бы в некоторой опале. Покойный император видел зло, считал его неисцелимым и ограничивался только тем, что не скрывал своего отвращения, не имея в виду людей, с коими мог бы взяться за исправление.

7. Жалованье чиновникам.

Жалованье чиновников должно обеспечивать их существование. Оно у нас совершенно неуравновешено. Гражданскому губернатору, хозяину губернии, определено менее нежели вице-губернатору, а чиновники целого уезда, вместе взятые, не получают жалованья и против одного надзирателя питейного сбора. Сколько чиновников, едва имеющих занятие, пользуются большими окладами из двух и трех мест; сколько таких же получают пенсионы; но несравненно более бедствуют, совершенно нуждаясь даже в пропитании.

8. Состояние приказных.

Состояние приказных достойно сострадания: за тридцать или сорок рублей ассигнациями в год они обречены работать с утра до вечера. Надобно видеть в губерниях несчастное положение сих людей, чтобы принять в них участие.

9. *Взимание податей.*

Подати, собираемые для пользы граждан, не могут быть тягостны, особенно когда берутся с процентов капитала и его не разрушают. Но какое обширное поле злоупотреблений и народного бедствия представляли земские повинности, оставаясь в совершенном произволе местного начальства. Ни поверки, ни каких форм учета в умножении налога не наблюдалось, особенно в повинностях личных. Народ не мог не чувствовать всей их тягости. Стоило губернатору пожелать награды, — и вся губерния должна была приносить величайшие пожертвования.

10. *Дорожная повинность.*

Достаточно указать для сего на одни беспрестанные выгоны крестьян для делания дорог, часто в страдную пору, во время сенокоса или жатвы. Повинность сия довела поселян до совершенного разорения с одной стороны, от частых перемен в плане, а с другой от злоупотребления земских чиновников, которые то дадут сделать, и потом ломают под видом, что не по форме, то назначают на работы ближайших вдаль, и наоборот, чтобы за увольнение брать деньги.

11. *Недоимки.*

Народ, отягченный неправильным собиранием податей и отправлением разного рода повинностей, впал в недоимки. Строжайшие меры, принятые ко взысканию недоимок, довершили разорение. У крестьян начали продавать домашний скот, лошадей и самые домы; а в некоторых губерниях выбить, выколотить недоимку сделалось техническим словом. Должно присовокупить еще, что почти все капиталы и все обращение оных привлечены были в столицу, находящуюся в углу империи. Здесь собрана величайшая часть казенных заведений, здесь токмо производились все важные работы. От сего отдаленные губернии, а также лежащие далеко от водяных путей к Столице, скоро оскудели и терпели во всем недостаток.

12. *Казенное хозяйство.*

Казна посягнула на монополию. Под видом хозяйственных способов правительство мало-по-малу отделилось от народа и лишило пропитания целые семейства, отнимая у них промышленность, коею они занимались со времен незапамятных. Вместо того, чтобы разные улучшения распространять в народе, их делали исключительною собственностию казны, с которою, естественно, частные люди не могли входить в состязание:

a) Казенная продажа вина. Система винной продажи, по обширному ее влиянию, есть одна из бедственнейших мер казенной монополии. Она привела многие дворянские фамилии, и без того уже расстроенные залогом почти всех имений в 24-летнем банке, в совершенный упадок. Она явила пример соблазна для чиновников, ибо способы наживаться стали предпочитать понятиям о чести. Она обратила множество сумм в стоячие капиталы, ибо обогатившиеся чиновники большею частию или не смели, или не умели делать из сих капиталов правильного употребления. Она послужила источником чрезмерно гибельного народного разврата. Повсюду размножены трактиры, харчевни, портерные лавочки, питейные домы, временные выставки, из них некоторые с биллиардами, музыкою и другими для черни приманками. С такими мерами первые годы, точно, принесли прибыль; но вскоре оказалось, что она была времянная: в последние годы не добирались уже многие миллионы.

b) Казенная продажа соли. На соль, одну из главнейших потребностей в жизни, возвышена цена. До 1812 г. правительство, для облегчения беднейших классов народа, не только по сей части не извлекало Государственных доходов, но еще терпело убытки.

c) Взыскания с откупщиков и поставщиков. Действия министерств в последние десять лет были, можно сказать, ужасны. С откупщиков и поставщиков производились строгие и неослабные взыскания, но когда они представляли претензии свои на казну, то им предоставлялось ведаться особо. Дела с казною разорили знатнейших купцов и подрядчиков, а с ними верителей их затяжкою в уплате, учетами и неправильными прижимками в приеме.

d) Несоблюдение истинного хозяйства. Напротив того, истинного хозяйства нигде не соблюдалось; оно состояло в одних только искусно составленных отчетах, кои не сводились ни с предыдущими годами ни с отчетами других мест, имеющих между собою непосредственные соотношения.

13. Торговля.

Благодетельный для российской промышленности тариф 1810 г. внезапно изменен в 1816 г. новым в пользу Австрии, Пруссии и Польши на 12 лет. По крайней мере, коммерсанты могли располагать своими спекуляциями на сие определенное время; но и в этом ошиблись: в 1819 г. последовало новое всеобщее разрешение ввоза иностранных товаров, коими вскоре наводнили Россию. Многие купцы обанкрутились, фабриканты вконец разорились, а народ лишился способов к пропитанию и к оплачиванию податей. Тогда увидели ошибку, исправили ее тарифом 1823 г.; но причиненный вред невозвратен. Шаткость тарифа не только разорила

многих фабрикантов, но породила недоверие к правительству. Наконец, последовало в 1824 г. дополнительное постановление о гильдиях, за коим изданы еще многие дополнения и пояснения; за всем тем местные начальства нашлись в невозможности его выполнить, ибо у бедных мещан и особенно у жителей малых городов отнят последний способ к пропитанию. Таикм образом торговля наша находилась в болезненном состоянии.

14. Состояние флота.

По флоту, на основании адмиралтейского регламента Петра Великого, едва корабль заложится на стампеле, должно раздавать по всем мастерствам пропорции, дабы к назначенному дню все принадлежноссти к вооружению были в готовности; но во все управление министерством маркиза де-Траверсе сего не наблюдалось. Корабли ежегодно строились, отводились в Кронштадт и нередко гнили, не сделав ни одной кампании; и так переводится последний лес, тратятся деньги, а флоту нет.

15. Военные поселения.

а) Водворение. Насильственная мера водворения поселений принята была с изумлением и ропотом. Потом об'явлена цель их — освобождение России от тяжкой рекрутской повинности. Но уменьшение срока службы до 8 или 12 лет удовлетворило бы сей цели справедливее, прочнее и безопаснее, ибо тогда во всей России разлился бы дух военный, а крестьяне столь же легко стали бы расставаться с детьми, как дворяне. Возвратившиеся в семейство могли бы жениться, заниматься крестьянским бытом и, наживая детей, воспитывали бы их заранее быть солдатами, а сами были бы готовые ландверы.

b) Экономический капитал. В военных поселениях экономически, и частию от снисхождений провиантского и комиссариатского ведомств; но в существе не так: они много стоят суммами, землями, лесами, работою и народом. Если сделать правильную оценку, то, конечно, пятипроцентным доходом с употребленного капитала на неоконченное еще водворение какого-нибудь полка 1-й гренадерской дивизии можно было бы навечно обеспечить содержание сего полка во всех отношениях.

16. Разряды граждан.

а) Дворяне-помещики. Поведение дворян с крестьянами их ужасно. Продавать в розницу семьи, похищать невинность, развращать жен крестьянских считается ни во что и делается явно, не говоря уже о тягостном обременении барщиною и оброками. Мелкопоместные дворяне особенно составляют язву России:

всегда виноватые и всегда ропщущие, они, желая жить не по достатку, а по прихотям, нещадно мучат бедных крестьян.

b) Личные дворяне. Личные беспоместные дворяне, подобные польской шляхте, быстро размножаются.

Они, считая низким всякий труд и ремесло, живут различными изворотами; и вообще составляют род людей, которые при переворотах надеются что-нибудь выиграть, а потерять ничего не могут.

c) Духовенство. Сельское духовенство в жалком состоянии. Не имея никакого оклада, оно вовсе предано милости крестьян, принуждено угождать им, а от сего впадает в пороки до такой степени, что правительство чрез гражданских губернаторов вынуждено было распубликовать указ, чтобы миряне не поили до-пьяна священников. Между тем как сельское духовенство нищенствует, в неуважении, указ об одеждах жен священнических привел в волнение и неудовольствие богатое городское духовенство.

d) Купечество. Купечество, стесненное гильдиями и затрудненное в путях доставки, потерпело важный урон с 1812 г. Многие капиталисты погибли, другие расстроились. Разврат мнений дал силу потачки вексельному уставу. Злостные банкроты умножились, и доверие упало. Права, облагораживающие граждан, присвоены не лицу, а капиталу. От сего происходит двоякое следствие: богатый, честный купец невинно разорился; потеря богатства есть само по себе несчастие; но закон вместо утешения угнетает его более отнятием самых прав, отличавших его от низшего класса. Добродетельный, но бедный купец остается в низшем звании; напротив, бесчестный, но богатый, об'явя капитал, получает права, равняющие его с знатнейшим дворянством. Вот гибельный соблазн для гражданской добродетели.

e) Мещане. Класс мещан, значительный и почтенный в других государствах, у нас ничтожен, беден, обременен повинностями и лишен средств к пропитанию, в особенности постановлением, чтобы они для мелкой торговли или записывались в гильдии, или брали свидетельства с платежом пошлины. Упадок торговли на них отразился сильнее по их бедности.

f) Казенные крестьяне. Казенные крестьяне, завися от земского и уездного судов, губернского правления и казенной палаты, частыми набегами чиновников сих мест совершенно разоряются. Все с них взыскивают, все требуют, но никто не печется и не ответствует за их благосостояние. Хотя в казенной палате и есть отделение экономическое, заведывающее казенными имениями, но влияние его слабо, ибо земская полиция, уездный суд и губернское правление имеют равное с нею или еще и большее влияние.

g) Удельные крестьяне. В противоположность казенным приводятся удельные крестьяне, коих состояние описывается лучшими красками. Они пользуются своими правами, имеют свои

конторы, кои не только управляют ими, но и ограждают от насилий земской полиции и других властей. Управляющий конторою ответствует за устройство крестьян, в его ведомстве состоящих; но власть его ограничена: он не может произвольно вводить своих выдумок, или без особенного разрешения министра отрешить голову, миром избранного. У них все раскладки и учреждения производятся посредством общих совещаний.

17. Заключение.

Кратко изображенное внутреннее состояние государства показывает, сколь в затруднительных обстоятельствах восприял скипетр ныне царствующий император, и сколь великие трудности предлежат к преодолению: даровать законы, водворить правосудие учреждением кратчайшего судопроизводства, возвысить нравственное образование духовенства, подкрепить упавшее и двадцатичетырехлетним займом вконец разоренное дворянство, воскресить торговлю и промышленность незыблемыми уставами, дать юношеству другое просвещение, приличное для всех состояний, улучшить положение земледельцев, уничтожить уничижительную продажу людей, воскресить флот, поощрить частных людей к мореплаванию, к чему призывают Гаити и Америка, словом — исправить неисчислимые беспорядки и злоупотребления.

Военный министр граф *Татищев.*
Статский советник *Боровков.*

2.

Письмо А. А. Бестужева из крепости о положении России после наполеоновских войн[1]).

...Войска Наполеона, как саранча, оставили за собой надолго семена разрушения. Многие губернии обнищали, и правительство медлительными мерами или скудным пособием дало им вовсе погибнуть. Дожди и засухи голодили другие края. Устройство непрочных дорог занимали руки трети России, а хлеб гнил на корню. Злоупотребления исправников стали заметнее обедневшим крестьянам, а угнетения дворян чувствительнее, потому что они стали понимать права людей. Запрещенье винокурения отняло во многих губерниях все средства к сбыту семян, а размножение пи-

---

[1]) М. В. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов. Киев 1906 г., стр. 129—133. Бороздин, А. К. Из писем и показаний декабристов. М. 1906 г., стр. 36—39. Печатается нами частично.

тейных домов испортило нравственность и разорило крестьянский быт. Поселения парализировали не только умы, но и все промыслы тех мест, где устроились и навели ужас на остальные. Частые переходы полков безмерно тяготили напутных жителей; редкость денег привела крестьян в неоплатные недоимки, одним словом — все они вздыхали о прежних годах, все роптали на настоящее, все жаждали лучшего до того, что пустой слух, будто даются места на Амур-Дарье, влек тысячи жителей украины, — куда? не знали сами. Целые селения снимались и бродили наугад, и многочисленные возмущения барщин ознаменовали три последние года царствования Александра.

Мещане, класс почтенный и значительный во всех других государствах, у нас ничтожен, беден, обременен повинностями, лишен средств к пропитанию. В других нациях они населяют города, у нас же, как города, существуют только на карте, и вольность ремесл стесняют в них цехи, то кочуют, как цыгане, занимаясь шепетильною перепродажею. Упадок торговли отразился на них сильнее, по их бедности, ибо они зависят от купцов, как мелкие торгаши, или как работники на фабриках. Купечество, стесненное гильдиями и затрудненное в путях доставки, потерпело важный урон в 1812 г. Многие колоссальные фортуны погибли, другие расстроились. Дела с казною разорили множество купцов и подрядчиков, а с ними их клиентов и верителей, затяжкою в уплате, учетами и неправыми прижимками в приеме. Лихоимство проникло всюду. Разврат мнения дал силу потачки вексельному уставу. Злостные банкруты умножились, и доверие упало. Шаткость тарифа привела в нищету многих фабрикантов и испугала других, и вывела правительство наше из веры, равно у своих, как и чужеземных негоциантов. Следствием сего стал еще больший упадок нашего курса (т.-е. внешнего кредита), от государственных долгов происшедший, и всеобщая жалоба, что нет наличных. Запретительная система, обогащая контрабандистов, не поднимала цены на наши изделия, и, следуя моде, все платили втридорога за так называемые конфискованные товары. Наконец, указ, чтобы мещане и мелкие торговцы или записывались в гильдии, или платили бы налог, нанес бы решительный удар торговле, и удержание исполнения не удержало их от ропота. Впрочем, и без того упадок торговли был столь велик, что на главных ярмонках и в портах мена и отпуск за границу уменьшились третью. Купцы еще справедливо жаловались на иностранцев, особенно англичан, которые, вопреки уставу, имеют по селам своих агентов и, скупая в первые руки сырье произведения для вывозу за границу, лишают тем мелких торговцев промысла, а государство — обращения капиталов.

Дворянство было тоже недовольно за худой сбыт своих произведений, дороговизну предметов роскоши, и долготою судопроизводства. Оно разделяется на 3 разряда. На просвещенных, из коих бо́льшая часть составляет знать. На грамотных, которые

или мучат других, как судьи, или сами таскаются по тяжбам; и, наконец, на невежд, которые живут по деревням, служат церковными старостами, или уже в отставке, послужив, бог знает как, в полевых. Из них-то мелкопоместные составляют язву России: всегда виноватые и всегда ропщущие и, желая жить не по достатку, а по претензиям своим, мучат бедных крестьян своих нещадно. Прочие разоряются на охоту, на капели, на столичную жизнь или от тяжеб. Наибольшая часть лучшего дворянства, служа в военной службе или в столицах, требующих роскоши, доверяют хозяйство наемникам, которые обирают крестьян, обманывают господ, и, таким образом, $^{9}/_{10}$ имений в России расстроено и в закладе. Духовенство сельское в жалком состоянии. Не имея никакого оклада, оно вовсе предано милости крестьян, и от того принужденное угождать им, впадало само в пороки, для удаления коих учреждено. Между тем как сельское нищенствовало в неуважении, указ об одеждах жен священнических привел в волнение и неудовольствие богатое городское духовенство.

Солдаты роптали на истому ученьями, чисткою, караулами; офицеры — на скудость жалованья и непомерную строгость. Матросы — на черную работу, удвоенную по злоупотреблению, морские офицеры — на бездействие. Люди с дарованиями жаловались, что им заграждают дорогу по службе, требуя лишь безмолвной покорности; ученые—на то, что им не дают учит, молодежь—на препятствия в учении. Словом, во всех углах виделись недовольные лица, на улицах пожимали плечами, везде шептались — все говорили: к чему это приведет? Все элементы были в брожении. Одно лишь правительство беззаботно дремало над волканом; одни судебные места блаженствовали, ибо только для них Россия была обетованною землею. Лихоимство их взошло до неслыханной степени бесстыдства. Писаря заводили лошадей, повытчики покупали деревни, и только возвышение цены взяток отличало вышние места, так что в столице под глазами блюстителей производился явной торг правосудием. Хорошо еще платить бы за дело, а то брали, водили и ничего не делали... Прибыльные места продавались по таксе и были обложены оброком. Центральность судебных мест, привлекая каждую безделицу к верьху, способствовала апелляциям, справкам, пересудам и десятки лет проходили прежде решения, т.-е. разорения обеих сторон. Одним словом, в казне, в судах, в комиссариатах, у губернаторов, у генерал-губернаторов, везде где замешался интерес, кто мог, тот грабил, кто не смел, тот крал. Везде честные люди страдали, а ябедники и плуты радовались...

3.

Система международных отношений эпохи реакционных конгрессов в „Обозрении“ декабриста М. А. Фон-Визина [1]).

... Сами правительства для возбуждения в народах энергии против самовластия императора французов своими прокламациями призывали их к свободе и торжественно обещали им законно-свободные установления.

Правительства не только не спешили исполнить свои обещания, но стали вменять в преступление справедливое требование конституционных учреждений, всячески стараясь везде подавлять дух свободы. Александр стал во главе монархических реакционеров. Заодно с ним действовали король прусский и император Франц, или лучше сказать, — князь Меттерних — душа австрийского министерства и всей монархической реакции.

Народы, обманутые в своих ожиданиях правительствами, прибегали против их явных угнетений к средствам сокровенным. По всей Европе учредились тайные политические союзы с целию исторгнуть у правительств конституционные постановления. В Италии, под ненавистным ей австрийским владычеством, учредились тайные союзы (венты) карбонариев; в германских университетах образовался студенческий союз (Burschenschaft), раскинувший ветви свои по всей немецкой земле; во Франции—тайные политические общества под разными названиями. Цель у всех этих сокровенных союзов была одна: противодействовать монархической реакции правительств и освободить народы от их самовластия.

По низложении Наполеона главным предметом всех политических действий императора Александра было подавление возникшего повсюду духа свободы и укрепление монархических начал, которым угрожали тайные общества. Все правительственные и дипломатические действия Александра, начиная с священного тройственного союза России, Австрии и Пруссии, заключенного 14 сентября 1815 г., свидетельствуют об этом.

С этою целью в 1815 году, по предложению Александра, созван был конгресс в Ахене, на котором, по настоянию его, признано право вмешательства во внутренние дела соседственной державы, в случае изменения существующего в ней порядка. В Ахене приняты строгие меры против свободы книгопечатания и тайных обществ, против восстановления в Испании нарушенной королем конституции кортесов, которую сам Александр торжественно признал законною в трактате, который он заключил

---

[1]) М. А. Фон-Визин. Обозрение проявлений политической жизни в России («Общественн. движение в России в первой полов. XIX в.», том I, СПБ. 1905 г., стр. 180—184). Ср. А. Н. Шебунин. Декабристы и вопросы внешней политики («Русск. Прошлое», 1923 г., кн. IV).

в Великих Луках в 1812 году, 8-го июля, с уполномоченными кортесов.

В 1821 г. императоры Александр и Франц, короли прусский и неаполитанский с'ехались в Лайбахе с своими министрами и дипломатами. Конгресс определил подавить революцию неаполитанскую, вследствие которой сам король принял предложенную им конституцию и присягнул в точном ее соблюдении, и силою предупредить восстание в Пьемонте против короля сардинского. Австрийской армии поручено было привести в исполнение постановления конгресса относительно Неаполя и Пьемонта. В Лайбахе узнали об инструкции греков, и Александр, который прежде не только благоприятствовал освобождению их, но чрез тайных агентов подстрекал их к возмущению, теперь относил восстание эллинов к демагогическим замыслам европейских революционеров и из'являл готовность подавить его силою, в чем и послал уверение самому султану.

Конгресс Веронский 1822 г. утвердил Александра в этой жестокой против единоверцев своих политике. В Вероне он с союзниками своими—австрийским императором и прусским и французским королями—согласился на войну с освободившейся от деспотизма Фридриха VII Испанией для утверждения его неограниченной власти и на мир с турецким султаном, которому конгресс Веронский выдал эллинов. Это последнее действие возбудило общее негодование русских против Александра за бесчеловечное равнодушие его к страждущим единоверцам-эллинам, которые были в праве ожидать от него не только симпатического участия, но деятельной помощи, тем более, что с давних времен Россия возбуждала греков против их угнетателей и обещала им независимость.

Но дух свободы, который во всех европейских государствах действующие заодно правительства старались всячески угнести, повеял и на самодержавную Россию. Молодое ее поколение, которое вступило на гражданское поприще в первые десять лет царствования Александра, воспитанное под влиянием свободолюбивых начал, им провозглашаемых, вполне сознавало, как далеко Россия отстала от Европы в истинной цивилизации, но, любя и уважая Александра, она спокойно ожидала от него благодетельного преобразования, готовясь усердно ему содействовать.

Две неудачные войны с Наполеоном и третья, угрожавшая в 1812 году независимости России, заставили молодых русских патриотов исключительно посвятить себя военному званию на защиту отечества. Дворянство, патриотически сочувствуя упадку нашей военной славы в войнах с Франциею 1805 и 1807 г.г. и предвидя скорый разрыв с нею, спешило вступать в ряды войска, готового встретить Наполеона. Все порядочные и образованные молодые люди (дворяне), презирая гражданскую службу, шли в одну военную; молодые тайные и действительные статские советники с радостию переходили в армию подполковниками и майорами перед 1812 годом. Чрезвычайные события этого года, слав-

ное изгнание из России до того непобедимого императора французов и истребление его несметных полчищ, — последовавшие за тем кампании 1813 и 1814 г.г. и взятие Парижа, в которых наша армия принимала такое деятельное (и славное) участие, — все это необыкновенно возвысило дух наших войск и особенно молодых офицеров.

В продолжение двухлетней тревожной боевой жизни, среди беспрестанных опасностей, они привыкли к сильным ощущениям, которые для смелых делаются почти потребностию.

В таком настроении духа, с чувством своего достоинства и возвышенной любви к отечеству, бо́льшая часть офицеров гвардии и генерального штаба возвратилась в 1815 году в Петербург. В походах по Германии и Франции наши молодые люди ознакомились с европейскою цивилизациею, которая произвела на них тем сильнейшее впечатление, что они могли сравнивать все виденное ими за границею с тем, что им на всяком шагу представлялось на родине, — рабство огромного бесправного большинства русских, жестокое обращение начальников с подчиненными, всякого рода злоупотребления власти, повсюду царствующий произвол, — все это возмущало и приводило в негодование образованных русских и их патриотическое чувство. Многие из них познакомились в походе с германскими офицерами, членами прусского тайного союза (Tugendbund), который так благотворно приготовил восстание Пруссии и содействовал ее освобождению, и с французскими либералами. В откровенных беседах с ними, наши молодые люди нечувствительно усвоили их свободный образ мыслей и стремление к конституционным учреждениям, стыдясь за Россию, так глубоко униженную самовластием.

Возвратясь в Петербург, могли ли наши либералы удовлетвориться пошлою полковою жизнию и скучными мелочными занятиями и подробностями строевой службы, которые от них требовали строго начальники, угождая тем врожденной склонности Александра и братьев к фрунтомании, солдатской вытяжке, одиночному учению и проч., несмотря на то, что опыты двухлетней жестокой войны с неприятелем, самым искусным, могли бы, кажется, убедить Александра, что не от этих мелочей зависит победа. Притом русских оскорбляло явное предпочтение, оказываемое императором всем вообще иностранцам перед его подданными, к которым он и не скрывал своего неуважения: присоединенной Польше он даровал конституционные установления, которых Россию почитал недостойною.

Пока осмысленные русские патриоты могли еще ожидать от самого Александра благодетельных преобразований, которые, ограничив его самовластие, сколько-нибудь улучшили бы состояние народа, они готовы были усердно содействовать его благим намерениям, но когда они убедились в совершенном изменении его прежнего свободолюбивого образа мыслей после войны, по вредному влиянию на него Меттерниха, когда узнали о политических

действиях его на конгрессах венском, ахенском, лайбахском, веронском, на которых Александр с своими союзниками обнаружил неприязненное чувство к свободе народов, то самые восторженные почитатели его в блистательную эпоху занятия Парижа совершенно охладели к нему.

4.

Крепостная деревня.

Из дневника декабриста Н. И. Тургенева)[1].

21 июля 1819 г. Вчера, при закате солнца, приехал я в Тургенево. Здесь чувство своего, чувство неиз'яснимое было сильнее, нежели в Симбирске. Я ехал сперва лесом, потом степью два раза, потом хлебами. Вид степи был для меня новый. Я часто вставал в коляске, любовался Волгою, видом Симбирска, степи, и был весел, доволен; был, одним словом, счастлив и заметил, что в то самое время я думал о несчастии других с большим равнодушием, нежели обыкновенно. «Сыт голодного не разумеет». Наконец, я увидел тургеневскую церковь, наконец, и очутился в Тургеневе. — Для чего не могу я продолжать того состояния, в кот(ором) я был во время дороги из Симбирска! Я не нашел здесь веселых лиц ни на мужиках, ни на бабах, ни на девках. Сегодня только на мельнице полюбовался тамошними жителями, одною или двумя семьями. Сегодня после обеда, я даже ужаснулся, увидев несколько женщин, кот(орые) носят на лице печальные следы или распутства или неосторожности. Надобно взять против сего свои меры. Местоположение Тургенева совсем невесело, но я чувствую что-то приятное, находя себя в тени дерева, на траве и под своим деревом на своей траве.

Сегодня я был у обедни. Ничто меня не веселило, потому что я не замечал на крестьянах и на дворовых людях вида благоденствия. Я беспрестанно думаю об улучшении порядка, здесь существующего; главное неудобство,—что крестьяне на пашне. Сверх того, с них собираются деньги, по 1½ р., и женщины делают холсты. Фабрика обременяет крестьян.

23 вторник. Разговаривая с крестьянами, я замечаю также, или мне так кажется, что смертность между ними велика.

В последние (кроме прошедшего) года крестьяне претерпели много нещастий: не имели хлеба, ездили на работу и ложились спать иногда не евши. Сверх того был скотный падеж. Десятский Тимофей, между прочим, лишился вдруг 20 коров и 7 лошадей. Кто помогал им в сих несчастиях? Кроме обыкновенной выдачи магазинного хлеба, они не имели никакой помощи.

---

[1]) «Архив братьев Тургеневых», вып. V, Петр. 1921 г., стр. 135—152.

Жизнь нашего крестьянина весьма трудна. Три дня в неделю в течение всего года он работает на господина. Я иногда удивляюсь, и с некоторою жалостью, ограниченности познаний крестьян касательно всего, что происходит за околицею. Пусть подумают после сего о средствах распространения идей и вообще образованности. Возвратившиеся ратники, однако же, думаю, впустили в оборот много идей. Сегодня приходили ко мне заслуженные солдаты, возвратившиеся на родину. Почтенные люди, но без пенсии.

24 июля. Девки, работающие на фабрике, были сегодня посланы на сенокос: они рады были перемене их работы. Все жалуются, т.-е. не хвалят фабрику; и подлинно нельзя не жаловаться. Многие из девок не выдаются замуж, потому что фабрика требует их работы. Управитель мне сказывал, что по уничтожении фабрики прибавится тягол с двадцать Это кажется слишком много. Работа фабричная изнуряет людей, еще в самом младенчестве. Мальчиков и девочек бьют, когда учат. Некоторые из них, и все принадлежащие к ткачам, носят на лицах своих доказательство трудной сидячей работы. Бледность есть росписка в доходе. Есть-ли нельзя запретить другим делать несправедливости, то не надобно, по крайней мере, самому их делать. Фабрика лежит у меня на сердце, и я заплачу большой долг моей совести в тот день, когда фабрика уничтожится.

25 июля. Сегодня ездил в Коровино. Дядюшка имеет сходство с батюшкою... Я нашел у него Кроткова и Наумова. Первый доказывал мне выгоды от фабрик, и главная состоит в том, что крестьяне с малолетства приучаются к работе. Оба чистосердечно сожалели о дешевизне хлеба. Они говорили, что нет ему истоку; и не знали, как кажется, что хлеб свободно выпускается за границу. Два замечания их любопытны: 1-е, что хлеб дешев, между тем, как все дорожает — лыко, смола, телеги и т. д. 2-е, что прежде крестьяне сеяли весьма мало ярового хлеба, а с некоторого времени, когда пшеница в два года продавалась по 22 рубля, произведение ее весьма усилилось...

26 июля. До сих пор с девятого часа толковал с выборными. Иногда было трудно говорить с ними. Они, между прочим, просили определить количество десятин, которое каждое тягло должно обработать; это справедливо и сходно с моим мнением, но я должен был им в этом отказать, для избежания еще больших затруднений. Я слышал сегодня, что мужики думают или говорят, что я освободил их от наказаний и т. п. Для сего я опровергнул это перед выборными и опровергну еще перед сходом и подтвержу о повиновении управителю. Приказывал выборным жить мирно с управителем. Наконец, Кузьма сказал мне: «позвольте отдохнуть!». Говоря о бедности крестьян Короткова, они сказали, что нас благодарят, и что даже в околотке знают нас за смирных и хороших господ. Хорошо, кабы так. Я начинаю не уставать, но отчаиваться в совершенном успехе моих намерений и желаний,

Иногда невольно желаю и надеюсь на общее освобождение крепостных крестьян.

27 июля. Сегодня поутру был на сенокосе. Мне было очень неприятно смотреть на мужиков, женщин, мальчиков и девок, работающих на барщине, между тем как десятский ходил с палочкою и кричал то на тех, то на других, на мужиков взрослых менее, нежели на молодых. У одного из них я поел лепешки. Но я видел и уверился, что покуда будут существовать барщины, до тех пор будут необходимы и десятские. После обеда я рассматривал с управителем наш приход и расход. В приходе мельком находил по большей части статьи не весьма веселые, наприм.: «Виктору Данилову продано обмолу на 2 р. 50 к.», а Виктор Данилов один из трех самобеднейших крестьян в Тургеневе. Другая статья: продано вишен на 7 р. 99½ коп. И это хорошо: я сказал управителю, чтобы мужики впредь, есть ли захотят, сами кушали вишни; а яблоки из саду, кот(орых) последний управитель продал на 10 р. в год, может он и сам для себя собирать, а есть ли будет более, то чтобы и дворовые могли иногда испечь пирог с яблоками. После сего мы смотрели в библиотеке старые щеты, но не нашли, чего искали, без земского, кот(орый) опробовал пиво, сваренное для завтрашней помоги. После сего освободил одну женщину от платы за холст; а она соткать не могла от того, что целый год была больна. По вечеру пил чай на дворе с ребятишками. Вышел за вороты, освободил от фабрики и от работы одну девку, дочь солдатки, живущей в Сенгилеи. Девка прошла поработать на себя в рабочую пору, чтобы выработать что-нибудь для себя и для матери. Она, как и другие казакенские девки, должны каждый раз, когда ходят сюда, платить по гривне за перевоз. Тут же я разговаривал с некоторыми мужиками. Один просил освобождения старшей 12-летней дочери от фабрики, а у него всех детей 6. Мужики мне говорили, что жнитво господское урочное очень для них трудно: одно тягло должно в три дня сжать три десятины; а что свое они будто жнут около пяти дней десятину, что прежде, еще лет за пять, три десятины жались тяглом в четыре дня. Один из них, просивший о дочери, сказывал, что нанимал для себя жнецов. Цена еще неизвестна; она определится на городском рынке. Но говорят, и жнецы того требуют, что работная цена за день будет два рубля. В неурожайные годы платили копеек по 30 (три пудовки), и притом совместничество работников превышало требование Какие-то крестьяне казенные в соседстве, у кот(орых) рожь еще лучше нашей, дают по 25 р. за десятину, да и тут еще не находят охотников. Эта работная плата высока, теперь пусть сравнят доход от барщины и от оброка. Два сына беднейшего из здешних крестьян, Савинова, определились в работники к нашим же крестьянам, и каждый получает, сверх пищи, 50 р. в год. По сему судя, определенное мною жалованье дворовым очень экономно.

29 июля. Я опять в большом недоумении и в нерешимости на щет того, что я здесь сделал касательно выборных старшин

Государств. публичная историческая библиотека
409137

Лучше бы этого не делать. Дела от этого пойдут не лучше, а толки будут различные у мужиков и могут им самим обратиться во вред. Без управителя обойтись нельзя, и для того лучше оставить его, хотя и сжав сердце, полным хозяином и воспитателем, как и прежде. Я думаю, что решусь на это. Как трудно управиться с самыми легкими делами, когда исполнение должно поручить другим. Есть ли бы можно быть уверену, что оброк вместо пашни улучшит состояние крестьян, что можно бы согласиться на доход меньший получаемого нами. Но на оброке некоторые крестьяне улучшат свое положение, другие придут в еще большую бедность. Как можно быть спокойну духом, когда нигде не видишь желаемого; нигде возможности в исполнении справедливых намерений. Каково быть русским самодержцем? Я бы послал Карамзина пожить в деревне только на две недели, дабы в сие время он ввел какой-нибудь порядок в управлении. Он бы увидел, что власть ненадежна, когда она должна быть вверяема другим людям, а не законам.

7 августа (полдень). В сию минуту я немного спокойнее духом. Целое утро говорил с дворовыми и с крестьянами и с старостою о валовом оброке с крестьян. Предоставляя им все господское, я прошу с них 15.000 р. в год. Староста говорит, что на первый год они дадут 10.000 р. и даже так, чтобы сия сумма падала только на 100 тягол, а остальные 50 с их теперешнею землею предоставляются мне, и что я могу их освободить от всякой работы. Это бы очень хорошо. Мы немногим более получаем доходу, — но из какого источника? Есть ли мне дадут на выбор: получать доход не иначе как прежними и теперешними средствами, то я скорее откажусь от всего—и в сем даю сам себе перед богом и отечеством честное слово. Дело сделано. Я дал обещание и не могу от него отказаться. За Сергея ручаюсь, он будет со мною согласен. Брата Александра я не хочу обидеть и сомневаться в его согласии.

Ав(густа) 9. По вечеру ездил верхом по деревне. Заглядывал в избы крестьян—как они живут! И с людей, так живущих, надобно получать большой доход, чтобы самому жить гораздо лучше! Управитель вчера выщитывал, что есть ли бы весь прошлогодний хлеб был продан, то за прошлый год было бы доходу 16.500 р., кроме фабрики. По ведомостям других годов я видел, что доход можно вычесть круглым числом в 12.000 р.

Когда управитель вычислял мне доход прошлого года до 16 и даже 18.000 р., я не говорил ни слова; но когда, окончив исчисление, он сказал мне: «Ведь оно вот сколько доходу-то», я отвечал ему: «хорошо, так; доходу много, но теперь надобно вычесть из него слезы, кот(орые) пролиты мужиками и фабричными». Ему это было смешно. Я же предложил: «Мы доход получаем, издерживаем его, и тем дело кончится; но там на небе есть, может быть, книга, в кот(орой) иным образом этот доход записывается, и мы, оканчивая щеты издержками здесь на земле, не оканчиваем тамошнего щета, и должны будем когда-нибудь по нем рассчитаться». Он все принимал это в шутку. Я же был покоен, думая о валовом

оброке, кот(орый) освободит крестьян от ненавистной барщины и от управителей...

14 августа. Симбирск. Вчера поутру оставил я Тургенево. Расставшись с крестьянами, я еще более почувствовал желание сделать что-нибудь для них, а это что-нибудь есть оброк.

5.

Помещичий произвол и злоупотребления земской полиции.

(Из записок И. Д. Якушкина)[1].

Крепостное состояние у нас обозначалось на каждом шагу отвратительными своими последствиями. Беспрестанно доходили до меня слухи о неистовых поступках помещиков, моих соседей. Ближайший из них — Жигалов, имевший всего 60 душ, раз'езжал в коляске и имел огромную стаю гончих и борзых собак; зато крестьяне его умирали почти с голоду и часто, ушедши тайком с полевой работы, приходили ко мне и моим крестьянам просить милостыню. Однажды к этому Жигалову приехал Лимохин и проиграл ему в карты свою коляску, четверню лошадей и бывших с ним кучера, форейтора и лакея; стали играть на горничную девку, и Лимохин отыгрался. В имении Анненкова, верстах в 3-х от меня, управляющий придумывал ежегодно какой-нибудь новый способ вымогательства с крестьян. Однажды он об'явил им, что барыня их, живущая в курском своем имении, приказала прислать к себе несколько взрослых девок для обучения их коверному искусству; разумеется, крестьяне, чтобы откупиться от такого налога, заплатили все, что только могли заплатить. У богача Барышникова, при полевых работах, раз'езжали управитель, бурмистр и старосты и поощряли народ к деятельности плетью. Проезжая однажды зимою по Рославльскому уезду, я заехал на постоялый двор. Изба была набита народом, совершенно оборванным, иные даже не имели ни рукавиц, ни шапки! Их было более 100 человек, и они шли на винокуренный завод, отстоящий верст 150 от места их жительства. Помещик, которому они принадлежали, Фонтон де-Вараион отдал их на всю зиму в работу на завод и получил за это вперед условленную плату. Сверх того, помещик, которому принадлежал завод, обязался прокормить крестьян Фонтона в продолжение зимы. Такого рода сделки были очень обыкновенны. Во время построения Нижегородской ярмарки принц Александр Виртембергский отправил туда в работу из Витебской губернии множество своих нищих крестьян, не плативших ему оброка.

---

[1]) Записки И. Д. Якушкина, изд. 3-е, 1905 г., стр. 37—39.

Партии этих людей сотнями и в самом жалком положении проходили мимо Жукова. Все это вместе было нисколько не утешительно. К тому же не было дня, в котором я бы мог быть уверен, что у меня не случится столкновения с земской полицией. Ежегодно требовались люди на большие дороги на какой-нибудь месяц, а иногда на два; они там оставались в совершенном распоряжении заседателя, и всякий раз надо было хлопотать, чтобы он не оставил там людей долее, чем это было нужно. Очень часто требовались подводы под проходившие военные команды. В первый раз я приказал подводчикам не давать квитанций заседателю, не получив с него следуемых прогонов: люди мои пробыли 5 дней в отлучке и возвратились, не получив ни копейки. Так как пригнано было подвод несравненно более, нежели требовалось, то заседатель, продержав людей моих 3 дня, отпустил ни с чем. Требовались также иногда лошади на станции больших дорог под проезд значительных лиц. Ежели в предписании министра велено выставить 20 лошадей, то в предписании генерал-губернатора требовалось 30, в предписании губернатора 40, а земский суд требовал уже 60 лошадей.

6.

«О солдате».

(Записка члена Союза Благоденствия В. Ф. Раевского)[1].

В России военный класс составляет как бы отдельную часть народа. Другие законы, другие обязанности и совершенно другой образ мыслей отделяют его от гражданина.

Дворянин или офицер исключается из этого числа, он может оставить службу и быть снова тем же дворянином. Следственно, участь его не стоит внимания, достойный и храбрый офицер и в бедности найдет себе помощь. Невежда и негодяй не стоют сострадания.

Но об солдате хочу я говорить. — А дабы вразумить лучше его состояние, я разделяю на следующие статьи рассуждение мое:

1. О вступлении в службу.
2. О трудах его в мирное время.
3. О войне.
4. Об отношении его к офицеру,

---

[1]) Захвачена при аресте майора В. Ф. Раевского в 1822 г.; в небольших извлечениях известна по книге В. И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов», СПБ. 1909 г., полностью печатается нами впервые. (Дело Аудиториатского Департамента о майоре Раевском, 1827 г. № 42, том X, листы 7—12.)

О вступлении в службу.

18 до 30-ти лет суть лета, когда человек известного роста и крепкого сложения принимается в службу военную, и в эти лета, вдруг оставя семейство, земледельческое состояние и навык к сей единообразной жизни,—он клянется царю и службе на 25 лет сносить труды и встречать мученье и смерть с безмолвным повиновением. Клятва ужасная! Пожертвование, кажется, невозможное. Но необходимость общественной безопасности и искусное устроение махины управления весьма постоянно действуют, и солдат начинает рассуждать и действовать так, как определено ему рассуждать и действовать.

О трудах в мирное время.

1-е. Ученье и
2-е. Караулы
суть обязанности, предписанные законом солдату в мирном время.

Хорошо содержанный солдат и под хорошим начальством — первое щитает вместо забавы; второе почитает необходимостью и даже за стыд щитает уклоняться.

Он старается узнать фронт, точность дела, исполнять все требуемое потому, что видит с этим сопряженную честь своих начальников, некоторым образом облегчение участи своей, непременную необходимость и даже то, к чему единственно назначен он во время мира. И видит упражнения мирные, как приготовления к войне.

Отвергнуть нельзя (даже и в наше очищенное от предрассуждений время) пользы и необходимости людей военных, на них отдыхают безопасно и трон и народ от внешней опасности и внутренних беспокойств.

Следственно, требовать строго исполнения обязанностей от солдата несомненно надлежит, но облегчить участь его повелевает и религия и устав чести!

Офицер или дворянин имеет право, естьли он недоволен, оставить службу, — офицер имеет в виду награды чести, или награды денежные, для которых в нашем монархическом правлении все дворянство служит. Но солдат имеет в виду бедность, труды и смерть. Редко, очень редко без одного проступка прослужить можно 25 лет, — а сделавши один проступок, он обрекается законом на вечную службу!!

На сих-то тяжелых правах русской крестьянин надевает мундир, — но участь его была бы сносною, если б вкравшиеся злоупотребления, основанные на лихоимстве и бесчеловечии, не вырвались из пределов своих и не обременили солдата кандалами беззаконного насилия. и не принудили бы его видеть в начальниках тиранов, которых он боится и ненавидит.

Один из генералов наших сказал, что солдат жалуется тому, к кому он имеет более доверенности. Истина неоспоримая! Но не перед глазами ли нашими пример, что жалобы мимо своих утеснителей щитают преступлением [1]).

Воронцов позволил обиженному прямо приходить к себе... уничтожил побои, и никогда отдельный корпус в чужой земле (во Франции) не мог бы иметь лучшей дисциплины и быть в лучшем устройстве при самой систематике палочной администрации.

Из сего заключить можно, что первое зло, которое вкралось в русскую армию, есть несоразмерно жестокие телесные наказания, которые употребляют офицеры, вопреки всем законам, для усовершенствования солдат, и, к нещастию и стыду, других средств большая часть из них не постигает!

О работах.

Хотя законы говорят в пользу обиженного, но выгоды полковых и баталионных командиров, сопряженные с выгодами ротных, всегда заставляют давать худой толк правому делу. И тех, кои дерзают приносить жалобы, или обвиняют в возмущении и наказывают, или если капитан виноват, оставляют без всякого внимания, и горе тому солдату, который жаловался и остался в том же полку.

Производства следственных дел очень часто вверяются тем людям, кои для собственной защиты обвиняют подчиненного. Правое же решение щитают за вражду или незаконное пристрастие.

Наши офицеры от чистого сердца верить не могут еще, чтобы солдат мог быть когда-нибудь прав!

Ни один беспорядок в армии не возник собственно от солдат; либо жестокость или корыстолюбие и неразумие начальников были тому поводом. Русской солдат с каким-то благоговением видит власть, повинуется ей безмолвно, но любит видеть власть законную и справедливую.

Смело заключить можно, что из 20 наказанных самовольно, два солдата только сознаются, что они наказаны справедливо, другие все ропщут на несправедливость и жестокость. Но, предоставя закону определение наказания, офицер спокоен, и солдат роптать не посмеет.

Многие, особливо молодые офицеры, не имея ни достаточных познаний, ни природного ума, и лишенные даже пристойной наружности, дабы обратить на себя внимание, и вспомнить солдату о существе своем, прибегают к своеручным побоям или палкам, полагая в етом одном все право и средство заставить уважать себя.

---

[1]) И генерал, который судит так, справедливо сам первый нанес удар свободе искать справедливости.

На спрос военного суда Раевский отвечал, что генерал, о котором говорит он, есть генерал от инфантерии Сабанеев. (Примеч. Аудиториата.)

Унтер-офицеры, подражая офицерам, ефрейторы унтер-офицерам, щитают некоторого рода отличием бить, и нещастной солдат, не находя нигде защиты, не смея даже жаловаться на Инспекторских смотрах, впадает в бесчувственное ожесточение и часто для спасения своего делает извинительный побег, и наказанный по закону навсегда теряет свое честное имя и службу.

Если бы солдаты были вверены исключительно людям справедливым, благоразумным и образованным, тогда (и то с трудом) побои допустить бы можно было. Но где они!

Участь благородного солдата всегда почти вверяется жалким офицерам, из которых большая часть едва читать умееть, с испорченной нравственностью, без правил и ума, чего же ожидать можно? Солдат чувствует это и молчит потому, что молчать страх повелевает.

Малейший ропот вменяется в преступление. Жалоба мстится сильнее, нежели самое преступление.

О употреблении во зло власти.

Неизвестно, с каких времен водворилось самовластное право телесно наказывать солдат в русской армии; но известно то, что во времена Петра Великого и прежде без суда никто не имел права поднять руки на подчиненного — ни в одной статье строгого устава Петра Великого не разрешается самоуправие; но — 2-й части § 33 и далее, строго под изгнанием из службы запрещается жестоко и часто наказывать солдат без важных причин; а так как за важные причины определен суд и законы, следственно, всякое наказание самовластное есть противно Уставу.

От Петра Великого до наших времен, ни один закон не разрешил того, что противно и религии и природе.

Уставом воинским Александра, именно воспрещается всякое телесное наказание рекрут во время ученья.

Но наши офицеры, большою частию взросшие в невежестве и не получа хороших начал, презрили все уставы и порядок, на которых основана истинная дисциплина, приступили к доведению солдат не терпением и трудами, но простым и легчайшим средством, палками. Отсюда начались все неустройства, частные беспорядки и безнравие солдат.

Солдат не ропщет на законное и справедливое наказание, но он ненавидит корыстолюбивого и пристрастного начальника.

Вот сравнительная и достоверная таблица наказаний, которые определяет воля капитана и сила законов.

По суду.

За первый побег рекруту 500 шпицрутенов. Старому солдату 1.000.

За воровство по воле капитана 50 ударов, за ошибку на ученьи 300; за то, что ограбил жида, 70; за то, что один солдат скинул шапку с жида во время маршировки, весь взвод по 100 палок. За то, что не привел девку — 100; за то, что ремень не вычищен кавалера — 100 палок; за то, что усы не нафабрены, избит часовой.

Работы.

Незаконные работы суть вторая угнетающая солдата пружина. Сенокосы, отделка домов, хуторов и проч., домашняя прислуга офицерам — послабляя устройство и истинную дисциплину, изнуряя и совершенно уничтожая нравственность, как бы омужичивает солдата. Сколь ни сильно воспрещено ето в армии несколькими приказами императора, но солдат безмолвствует против начальника, а особливо сильного, ибо страх ему говорить воспрещает.

Во всяком справедливом следственном деле открываются неустройства эти, но так как ни один Генерал бывал тому примером, то подобные претензии уничтожаются, и Солдат под мстительными ударами узнает, как опасно искать справедливости.

Часть людей на капитанской работе, другая работает полковому и баталионному командирам, а самая меньшая исполняет обязанности Службы, которая для малого числа становится отяготительною, изнуряет их и служит второю причиною беспорядков и тайного ропота солдат.

Мастеровые в полках суть как бы поданные полкового командира, они не только употреблены для собственной, до службы не касающейся, работы полковника, но часто отдаются помещикам и жидам по договору; — может ли солдат сохранить все благородство своего звания и назначения естьли жид обходится с ним как с **поденщиком своим**. У **слабых** командиров адъютанты, квартермистры или казначеи присвоивают себе совершенное право распоряжаться мастеровыми как своею собственностию, и дабы люди не роптали, они дают им некоторое послабление к разврату — прикрывают неустройства, видя в том исполнение своих корыстолюбивых ращетов.

Оттого-то в целой Русской Армии весьма редко встретить можно мастерового не пьяницу, или не вора. А зло это существовать будет до тех пор, пока мастерового употреблять не будут иначе, как на работу законную.

7.

Военные поселения.

Отдельный корпус военных поселений, в организации которого новейшие исследователи видят смелый опыт создания новой армии, обладающей совершенно самостоятельной хозяйственной базой, скованной железной дисциплиной, свободной от какого бы то ни было влияния поместного дворянства и потому могущей служить надежной опорой трону, к концу 1825 года состоял из 90 баталионов новгородского поселения, 12 баталионов могилевского, 36 баталионов и 240 эскадронов слободско-украинского, екатеринославского и херсонского поселений. Кроме того, поселены были 2 роты саперного баталиона гренадерского корпуса, 2 роты охтенского порохового завода и 32 фурштадские роты (ср. «Ист. царст. имп. Александра I», 1871 г. том VI, стр. 113). В какой мере было оправдано, как проводилось и какое впечатление на современников произвело создание этого мощного военного и хозяйственного организма, свидетельствуют приводимые нами выдержки из «записок» М. А. Фон-Визина и «письма» В. И. Штейнгеля («Общественные движения в России в первую половину XIX века», т. I, СПБ., 1905 г., стр. 185 и 482 — 483). Показания декабристов об этом институте мы сочли, однако, необходимым дополнить авторитетнейшими признаниями «автобиографических записок» Е. Ф. Фон-Брадке («Русск. Архив», 1875, I, 51 — 52; 258 — 259) одного из ближайших сотрудников графа Аракчеева, с 1817 г. обер-квартирмейстера новгородских, а впоследствии елисаветградских военных поселений, автора известного «Положения о хозяйственном управлении военных поселений Херсонской и Екатеринославской губерний».

Из записок М. А. Фон-Визина [1]).

Ничто столько не возбуждало негодования общественного мнения против Александра, не одних либералов, а целой России, как насильственное учреждение военных поселений. Кто первый внушил императору эту несчастную мысль, неизвестно. Всего вероятнее, что, желая первенствовать в Европе, он сам придумал ее для того, чтобы сколько возможно более умножить свои военные силы с меньшими издержками для казны. В придуманном им плане воен-

[1]) М. А. Фон-Визин. «Обозрение проявлений политич. жизни в России» (op. cit., стр. 185).

ной колонизации, волости целых уездов из государственных крестьян поступали в военное ведомство. Все обыватели этих волостей, в которые водворялись пехотные и конные полки, делались солдатами: их распределяли по ротам, баталионам и эскадронам, которые должны были составлять резервы своих полков. Насильственно подвергали несчастных поселян строгой военной дисциплине, обучали военному строю, и они должны были отправлять военную службу и вместе с тем заниматься сельскими полевыми работами, под надзором военных начальников, для продовольствия своего и полков, в их волостях водворенных.

Из всех действий императора Александра, после изменения его образа мыслей, учреждение военных поселений было самое деспотическое и ненавистное. Введение этой тиранической меры в губерниях: Новгородской, Псковской, Смоленской, Харьковской, Екатеринославской, Херсонской, уничтожая благосостояние поступивших в военные поселяне государственных крестьян, встретило упорное сопротивление со стороны их: волости, даже целые уезды, обращаемые насильственно в военных поселян, возмутились. Противодействие их было подавляемо войсками, как бунт; военных поселян усмиряли картечью и ружейными выстрелами. Кровь лилась, как в сражениях, и, после усмирения, военные суды приговаривали многие тысячи несчастных жертв к наказанию сквозь строй и к ссылке в Сибирь, в каторжную работу и на поселение. Некоторые военные начальники, из подлого желания выслужиться, позволяли себе жестокие истязания при розысках для открытия виновников и главных зачинщиков возмущения.

Учреждение военных поселений, на которые издержаны были многие миллионы без всякой пользы, было предметом всеобщего неодобрения. Даже лица, на которых Александр возложил приведение в исполнение этой меры, при всяком случае уверяли, что они действуют против собственного убеждения и только в угодность государю. Главный начальник поселений, генерал граф Аракчеев, ненавистный целой России за злобный и свирепый нрав, но любимый Александром, как раб преданный, готовый отдать душу, чтобы угодить ему, — и Аракчеев говаривал, что военные поселения выдуманы не им, что он, сам не одобряя этой меры, приводит ее в исполнение, как священную для него волю государя и благодетеля своего...

Из «письма» бар. В. И. Штейнгеля к Николаю I [1].

После тяжкой отечественной войны, в которой все состояния, участвуя, оказали равное усердие и верность престолу и отечеству; когда всякий ожидал в мире вожделенного спокойствия, внезапно войти в селения военною рукой, взять дома мирных земледельцев,

[1]) А. К. Бороздин. Из писем и показаний декабристов. М. 1906 г., стр. 62. (Архив Октябрьской Революции. «Госархив» I. В № 11.)

все. дедами и самими ими нажитое, да и их самих в общий состав нового воинства — едва ли история представляет что-либо тому подобное. К сему присовокупить должно вынужденную уступку и покупку соседственных земель и поместий: ибо одна несправедливость естественно рождает другую. Возникли, с одной стороны, отчаянное сопротивление, особенно на юге, с другой — строгие меры укрощения. Всей России сделались известны сцены, которых никто не мог полагать возможными в царствование государя, толико кроткого, человеколюбивого! Общее недоумение разрешалось одним лицом графа Аракчеева. Оно во всех подобных действиях служило экраном для особы монарха.

Цель поселений об'явлена после—освобождение России от тяжкой рекрутской повинности. Осмеливаюсь, государь, представить, что уменьшение срока службы по примеру Пруссии до 8 или до 12 лет удовлетворило бы сей цели справедливее, прочнее, и безопаснее: ибо тогда чрез 25 лет во всей России разлился бы дух военный, и крестьяне столь же бы легко стали расставаться с детьми как дворяне, кои прежде также отпускали, как на смерть, а теперь охотно сами везут. Возвратившиесяв семейство могли бы жениться, заниматься крестьянским бытом и, наживая детей, воспитывали бы их заранее быть солдатами, сами были бы готовые ландверы.

Мысль о поселении войск не новая. Бурхард Миних представлял императрице Анне Иоанновне проект о заселении границ турецких, польских и шведских войсками, с тем, чтобы они приучались к тому роду войны, который с сими неприятелями приличен. Поселение на границе может быть действительно оплотом, но внутри государства другие следствия возможны. При разных мнениях о сем иностранцев известен краткий отзыв Веллингтона. Я слышал его из уст графа Ростопчина: видно, что русское правительство не боится штыков!

Автобиографические записки обер-квартирмейстера военных поселений Е. Ф. Фон-Брадке [1]).

Если теперь спросить: были ли военные поселения плодом мудрости и человеколюбия, сделали они солдата счастливее и его семейные отношения разумнее, доставили они государству опору, ратующую за свой очаг силу и сократили ли они огромные затраты на содержание действующих армий, — то на все эти вопросы приходится отвечать решительным «нет», в особенности по отношению к северным поселениям пехоты, состоявшим под непосредственным наблюдением графа [Аракчеева.] Уже самый выбор местности может почитаться роковым. В Новгородской губернии, в округе 1-й гренадерской дивизии, — почти сплошной лес и притом уже устаревший, попорченный, с обширными и глубокими болотами, весьма затруднительными для обработки; население, —

1) «Русский Архив», 1875 г., т. I.

большею частью весьма мало занимавшееся земледелием, благодаря близости столицы и большой судоходной реке Волхову; грунт — глина с глинистою же подпочвою, при сыром и холодном климате, требующем громадных усилий при обработке. В Могилевской губернии была избрана обширная область, и ее население в несколько тысяч человек было переселено в Херсонскую губернию, но из них лишь весьма немногие достигли места своего назначения; остальные погибли с отчаяния, с тоски по родному жилью, от пьянства, от голода, по собственной вине причиненного, и от полнейшего уныния, и сошли в безвременную могилу во время самого переселения. Я забыл настоящую цифру погибших, но она была ужасна; говорят, что это известие повергло императора Александра в величайшее горе. На их место поступил батальон солдат, отвыкших от земледелия, вполне незнакомых с местностью, недовольных своим новым назначением, лишенных опытных руководителей; и потому они страшно бедствовали и долго не могли обеспечить себе даже самое жалкое существование. Все эти поселенцы, впредь до ожидавшихся распоряжений, получали с женами и детьми определенное для солдата количество хлеба, и, таким образом, нельзя было в скором времени ожидать какого-либо сбережения, а расходы еще увеличивались содержанием солдатских семейств. Сооружение великолепных зданий для полковых штабов, для помещения поселенных солдат, и устройство шоссе обошлись в каждом полковом округе слишком в три миллиона ассигнациями; подготовка пашни, заготовление земледельческих орудий, скота, запасов семян и других необходимых потребностей стоили около миллиона, так что на каждый полк была сделана затрата в четыре миллиона, с которых приходилось выручать проценты. В самой основе учреждения не заключалось залогов успеха. Деревни состояли каждая из одной роты, т.-е. 228 человек, а в Могилевской губернии из 57 домохозяев, представлявших собою отдельное капральство, что на Севере, где без удобрения ничего не произрастает, составляло громадный труд при одном лишь удабривании полей, так как луга и пастьбы находились за полями, и скот приходил на пастьбу совершенно изнуренным. Накупили дорогого заграничного скота, а луга еще не были подготовлены, и скотина падала от голода и от злокачественности болотных трав. Внешний порядок был тягостен, так что соблюдение отвлекало поселян и их жен от работы. Все это и еще множество других затруднений, проистекавших от неумения и деспотического произвола, при полнейшем невежестве, возбудило среди солдат неудовольствие и отчаяние, еще усугубленные бесцельною жестокостью обращения, так что это учреждение в общей его сложности представляло по своему внешнему, поверхностному виду нечто весьма блестящее, но внутри его преобладали уныние и бедствие.

Мои служебные отношения в Елизаветграде ни в каком смысле не могли быть приятны уже потому, что они вновь ставили меня в положение, совершенно чуждое моим познаниям и моей предыдущей опытности. В этой громадной степной местности, где 90 тысяч душ, приписанных к военным поселениям, занимались земледелием и скотоводством, хозяйство велось совершенно инстинктивно и неправильно, что по местному наречию и называется диким или воровским хозяйством. Ни малейшего раздела полей, никаких отведенных лугов и пастбищ: пашут, где хотят, сеют, покуда урожаи хороши или даже посредственны, и затем бросают этот участок, доколе он не отдохнет от испытанного им обременения, что совершается обыкновенно, смотря по степени размеров и плодородия, в промежуток времени от пяти до нескольких десятков лет. Тем временем вырастает на этом изнуренном пространстве (навоз там употребляется лишь на топливо, но не как удобрение) сперва сорная трава, в особенности полынь, служащая отличным топливом, а потом, когда земля вновь несколько окрепнет, более густая или редкая трава, употребляемая для пастьбы или сенокошения. И так мне предстояло заводить здесь правильное хозяйство, наперекор всеобщему мнению, смотревшему с отвращением на всякое нововведение, при чем я сам считал себя вполне неспособным, не зная местных степных условий, и вообще незнакомый основательно с общими правилами рационального хозяйства. Я уже совсем было решился предоставить это смелое предприятие будущности и более искусным рукам, когда мне пришлось совершить об'езд всех военных поселений. Здесь я нашел этих прежде столь зажиточных поселян в величайшей нужде и бедствии, и мне нетрудно было открыть причину этого грустного положения. Когда полки вступили в пользование определенными им участками и приняли на себя управление, ими овладело пламенное усердие к пользам казны, и они, по отношению к доставшимся им природным богатствам, не довольствовались выручаемым обильным содержанием для своих людей и лошадей, но старались накоплять наибольшее количество запасного хлеба и сена. Этой цели они, без сомнения, достигли, хотя и тут целые стада крыс уничтожали добрую половину; но в то же время полки отнимали у крестьянина лучшие земли, делали огромные посевы без всякого соображения с трудовыми силами и предоставляли крестьянину лишь скудный остаток времени на его собственное хозяйство. Так как пахота, при продолжительном лете может производиться долго, и труда по удобрению не существует, то эта система была бы еще менее вредна для материального благосостояния поселенцев; но во время уборки, когда при жгучем солнечном зное часто все разом созревает, хлеб в один день начинает спеть, а трава обращается в солому, казенные огромные посевы требовали такого усиленного труда, что уборка крестьянских полей отлагалась до окончания этих работ, и крестьяне часто привозили в свои гумна одну лишь солому. Это

отчаянное положение не столь значительного населения требовало быстрых мероприятий, и потому, по моему представлению, было первоначально строго предписано графом Виттом, начальником военных поселений, чтобы каждый поселенец не употреблялся более трех дней в неделю на казенную работу. Это все-таки несколько обуздало безграничный произвол и было мною постоянно требуемо.

8.

Возмущение лейб-гвардии Семеновского полка.

Лейб-гвардии Семеновский полк, «любимый полк государев», опираясь на поддержку которого Александр дал свое согласие в марте 1801 г. на дворцовый переворот, по возвращении в столицу из заграничного похода явился одним из наиболее заметных центров брожения солдатской массы и передовой офицерской молодежи.

Как известно, большим подспорьем для улучшения быта нижних чинов русской армии было официально закрепленное еще в 1805 г. право пользования «высочайше узаконенными выгодами» от отпусков на летние вольные работы. Солдатам гвардии эти отпуска предоставлялись обычно после июньского царского смотра, сроком на полтора — два месяца. Перед кампанией 1812 г., независимо от летних «каникул», разрешено было увольнять солдат на работу во всякое свободное время и для этого давать каждому батальону два—три льготных дня в неделю. Об'единяясь в артели, солдаты брали на себя подрядные работы, вели коллективное хозяйство (напр., огороды, дававшие каждой роте Семеновского полка от 500 до 550 руб. в сезон) или промышляли на стороне каждый своим индивидуальным мастерством.

Как свидетельствует в своих записках декабрист бар. А. Е. Розен, «семеновские солдаты жили гораздо лучше солдат других полков, потому что большая часть из них были отличные башмачники, султанщики, и обогащали казну свою артельную». В самом деле, даже в течение самого неблагоприятного для их работ лета 1820 г., солдаты Семеновского полка выработали (по официальной справке) 29.780 руб., из коих в артель поступило 24 тысячи, а на руках осталось 5.780 руб. Трудно сейчас судить вполне определенно о том, насколько это развитие хозяйственных операций Семенов-

ского полка подрывало военно-техническую выучку его и боевую готовность. Во всяком случае, назначение весною 1820 г. командиром полка жестокого аракчеевского фронтовика полковника Шварца в столичных военных кругах учитывалось, как демонстративное задание «подтянуть» одинаково и солдат и офицеров, боевая спайка которых сказалась не только в полном уничтожении в полку телесных наказаний, но и во всем строе служебных взаимоотношений. Восстановлением старой палочной дисциплины далеко не ограничились командные мероприятия Шварца. Изнуряя своей требовательностью солдат на обычных фрунтовых учениях, он завел еще особые смотры «по десяткам». Утром солдаты были на ученьи, которое дополнительно проводилось иногда и после обеда, а остальное время белили, чистили амуницию и одевали ежедневно на особый смотр к командиру по четыре десятка с каждой роты. Людей, замеченных в малейшей неисправности, в тот же или на следующий день приводили вторично. Солдаты не имели покоя ни в будни, ни в праздники. Помимо фрунтовой выправки, Шварц с болезненной щепетильностью следил за изяществом и чистотой солдатской одежды; от частого беления, последняя терлась и рвалась, что заставляло нести особые расходы на покупку новой. Позднейшее следствие раскрыло совершенно непосильные для солдатского бюджета траты на особого образца сапоги, кивера, курасы, краги, подтяжки, рукавицы и т. д. «Мы бы и все рады искупить все то, что желал полковой командир, да денег не было, ибо нам невозможно было почти никогда ходить на вольные работы», — свидетельствовали на допросе солдаты, продававшие последние рубашки для покупки и поправки требуемой Шварцем амуниции. Если прибавить к этому, что даже по сильно уменьшенным официальным данным за пять первых месяцев командования Шварца было присуждено солдатам 14.250 ударов розгами и фухтелями, то основная работа по подтягиванию полка может не требовать дальнейших комментариев.

Приводимые ниже выдержки из записок Н. И. Лорера и из анонимной (приписываемой К. Ф. Рылееву) истории «Возмущения старого Семеновского полка» позволят читателю восстановить весь ход событий (правда, от внимания мемуаристов как будто бы ускользнула экономическая подкладка возмущения — вынужденное сокращение «вольных работ» и непосильные расходы на предметы обмундирования).

Представляется чрезвычайно характерным, что в самом генезисе своем лишенная какого бы то ни было политического содержания вспышка Семеновского полка в ночь с 17-го на 18-е октября 1820 г. — в восприятии современников немедленно превращается в подлинное революционное «действо» и является одним из могущественнейших факторов политического оформления оппозиционных настроений в войсках гвардии и населении столицы.

К материалам, приводимым ниже, об откликах семеновской истории, нельзя не добавить и любопытный эпизод, отмеченный в письме ген. Закревского к нач. главн. штаба кн. Волконскому: министр внутренних дел, возвращаясь из дворца, был у своего дома встречен толпою рабочих в сто человек, пришедших требовать удовлетворения в обиде, причиненной им хозяином. «Такого примера — возмущался генерал — не бывало еще в Петербурге, а в теперешнем положении дел сие может произвести сильное впечатление».

Как непосредственный отклик на неожиданно обрушившиеся на Семеновский полк репрессии возникает и один из замечательнейших памятников агитационной литературы 20-х годов, — прокламация, в которой протест против монархического деспотизма связывается с призывом к уничтожению дворянства как господствующего класса. По самым идеологическим предпосылкам своим, прокламация эта, разумеется, не могла выйти из недр Союза Благоденствия, с которым не раз пытались связать ее неизвестного автора. Так, В. И. Семевский в своей работе «Волнение в Семеновском полку» («Былое», 1907, № 1—3; в позднейших своих работах В. И. Семевский на этой гипотезе не настаивает) и С. Я. Штрайх в брошюре «Брожение в армии при Александре I» (Петр., 1922) указывают, как на возможного автора прокламации, на С. И. Муравьева-Апостола, автора революционного «Катехизиса» 1825 г., но доказательства, приводимые ими, ни в какой мере не являются убедительными. Несмотря на то, что Семеновский полк являлся одним из давнишних центров деятельности тайных обществ, что в его рядах были будущие организаторы Васильковской управы Южного Общества и вожди восстания Черниговского полка, — пропаганда среди солдат в программу петербургской деятельности их не входила, идея вооруженного восстания еще не оформилась, и самая вспышка солдатского протеста их застала совершенно врасплох. Призыв о поддержке семеновцев исходил скорее всего из тех солдатских или близких к ним разно-

чинских кругов, о которых говорил В. Н. Каразин с министром внутренних дел гр. Кочубеем 27-го октября 1820 г.: «Солдаты, возвратившиеся из-за границы, а наипаче служившие в корпусе, во Франции находившемся, возвращались с мыслями совсем новыми. Люди начали больше рассуждать. Судят, что трудно служить, что большие взыскания, что они мало получают жалованья, что наказывают их строго и проч.». На вопрос Кочубея, могут ли быть между солдатами такие, которые решились бы взять на себя обязанности начальников при каком-либо возмущении, Каразин отвечал: «Кто знает? Между солдатами есть люди весьма умные, знающие грамоте. Много есть соладт из бойких семинаристов за дурное поведение в военную службу отданных. Есть и из дворовых весьма острые и сведущие люди, есть управители, стряпчие и прочие из господских людей, которые за дурное поведение или за злоупотребление отданы в рекруты. Они так, как и все, читают журналы и газеты...».

Раскассированные по армейским полкам, без права на увольнение от службы, переводы и отпуска, фактически лишенные прав и на производство, бывшие солдаты и офицеры Семеновского полка, как засвидетельствовано многочисленными источниками, сыграли исключительную роль в пробуждении революционной активности войск 1-й армии, всегда являясь — по формулировке И. И. Горбачевского — «ревностными агентами Тайного Общества, возбуждая в своих товарищах ненависть и презрение к правительству».

---

1. Из «записок» Н. И. Лорера [1]).

Военное звание начало утрачивать свое обаяние, былые воспоминания не мирили нас с казарменным педантизмом дилетантов, даже удовольствия досуга и столичной жизни были отравлены, и служба всем нам стала делаться невыносимою. По целым дням по всему Петербургу шагали полки то на ученье, то с ученья, барабанный бой раздавался с раннего утра до поздней ночи. Манежи были переполнены, и начальники часто спорили между собою, кому из них первому владеть ими, так что принуждены были составить правильную очередь. Оба великие князя друг перед другом соперничали в ученьи солдат. Великий князь Николай даже по вечерам требовал к себе во дворец команды человек по 40 старых ефрейторов; там зажигались свечи, люстры, лампы, и его

[1]) «Русское Богатство» 1904, III, 60—62.

высочество изволил заниматься ружейными приемами и маршировкой по гладко натертому паркету. Не раз случалось, что великая княгиня Александра Федоровна, тогда еще в цвете лет, в угоду своему супругу, становилась на правый фланг, с боку какого-нибудь 13-вершкового усача-гренадера, и маршировала, вытягивая носки. Старые полковые командиры получили новые назначения, а с ними корпус офицеров потерял своих защитников, потому что они изредка успевали сдерживать ретивость великих князей, представляя им, как вредно для духа корпуса подобное обращение с служащим людом. Молодые полковые командиры, действуя в духе великих князей, напротив, лезли из кожи, чтобы им угодить, и, таким образом, мало-по-малу довели до того, что большое число офицеров стало переходить в армию, и, наконец, дух нетерпимости, непокорности, неповиновения явно стал проявляться в Семеновском полку. Я тогда знал этот полк очень хорошо, имея там много знакомых и друзей, и, как очевидец происшествий, расскажу, как это было. Я говорил уже, что Семеновский полк был любимым полком государя, который постоянно носил мундир полка, знал большую часть солдат по имени, и вообще баловал полк... Да позволено мне будет припомнить тут тогдашних моих приятелей. Первым батальоном командовал Вадковский; я знал С. Муравьева-Апостола, князя Щербатова и многих других. Тогда полком командовал генерал Шварц, человек без всякого образования, тип Скалозуба в «Горе от ума». До той же поры он командовал армейским полком и отличался своею строгостью, формалистикой, ни о чем больше не умел говорить, как о ремешках, пригонке амуниции, выправке и проч. Так говорили о нем все знавшие его, а по пословице: глас народа — глас божий, оно так и должно быть; впрочем, за верность сего показания не ручаюсь. Я тогда же слышал, что в месте, где он стоял с армейским полком, указывали на могилу, где погребаемы были засеченные им солдаты и рекруты, так что, будто бы, и могила сохранила за собой название «Шварцовой».

И этот-то человек, по настоянию великого князя Николая Павловича и рекомендации педанта-генерала, был назначен командовать первым полком в империи. С первого же шага, при представлении ему офицеров, они увидели, с каким человеком им приходится делить свои обязанности. В прежнее время, генерал-ад'ютанта Потемкина, были заведены кровати у нижних чинов, почти каждый из них имел по самовару, — признак довольства у солдатика. Все это очень не нравилось новому полковому командиру. Нары снова были введены в полку; обращение сделалось невыносимо, генерал часто издевался над старыми служивыми, рвал им усы и бакенбарды, плевал в лицо, часто у себя на квартире обучал по одиночке солдат, велев предварительно разуться, чтобы лучше оценить вытягивание носка... Эти и подобные обращения выводили людей из терпения, так что однажды, когда полку следовало итти в караул и разбирать ружья, гренадерская рота не тро-

нулась. Офицеры употребляли всевозможные просьбы и увещания, но тщетно. Тогда приехал в полк корпусный командир, князь Васильчиков... Вместо того, чтобы говорить с солдатами по-человечески и мерами кротости возвратить их к повиновению, он начал их ругать, назвал изменниками, бунтовщиками. Тогда весь полк ему ответил, что все готовы умереть за царя, готовы итти в огонь и воду по единому мановению его; но не желают иметь начальником г. Шварца, который, после неуспешных разговоров своих с полком, давно выскочил в окно и укрылся в доме генерал-губернатора Милорадовича. Генерал Васильчиков по старой привычке видеть в солдатах машины, а не людей, в которых есть души, чувства, приказал первой роте отправиться в Петропавловскую крепость, думая тем прекратить мятеж. Но не так случилось! Другие роты, увидев, что их разлучают с ротой его величества, крикнули: «Ребята, где голова, там и ноги», и весь полк вышел на Семеновскую площадь в фуражках, но без ружей, и там стоял толпами. Императрица Мария Федоровна в карете под'ехала к толпам и сама увещевала их покориться и исполнить волю начальства; солдаты сняли фуражки и крикнули «ура»! Великие князья также под'езжали, но солдаты никого не послушали. Офицеры полка с горестью видели дальнейшую будущность непокорных, и все предались своему жребию... Краса гвардии погибла.

2. Из «очерка», приписываемого К. Ф. Рылееву [1]).

Удивительно было видеть сей полк, прежде блестящий, однообразный, одному движению покорный, а теперь превращенный в шумную, нестройную толпу; но еще более удивления было достойно единомыслие, одушевляющее эту нестройную толпу людей, — единомыслие, которым она горела только в часы битвы, предводимая любимым начальником. Тогда почитали их героями, теперь — бунтовщиками. Тогда они забывали себя для пользы общей, — теперь хотят напомнить о своих страданиях. Благодарность тяжела, мщение легко.

Между тем Васильчиков послал повеление егерскому полку занять Семеновские казармы, где находились ружья; приказал вывести все прочие пехотные полки. Оба полка кирасирские, гвардейская артиллерия и два загородные полка были приготовлены. Все генералы вместе и по одиночке уговаривали семеновцев повиноваться итти в караул, — они всякому отвечали с почтением и покорностью, но пребыли тверды в своем намерении...

Желая солдат попугать, распустили под рукою слухи, что на них идет конница, и готовы шесть пушек. «Мы под Бородиным и не шесть видели», возразили они. После сего с радостью приняли

---

[1]) К. Ф. Рылеев. «Возмущение старого лейб-гвардии Семеновского полка», отд. изд. СПБ., 1906. Впервые опубликован в «Русской Старине» 1871 г., стр. 533—548.

их вызов итти в крепость. Хотели полк вести рядами, но они не пошли, говоря: «мы под арест идем, как не итти — лишь бы там быть».

Так спешили пользоваться минутным облегчением бесполезного и тягостного бремени. Офицеры пошли с ними. В крепости, сойдясь с государевою ротою, они сказали: «вы вчерась за нас заступались, а мы нынче — за вас».

В городе волнение и тревога не переставали. Полки ходили беспрестанно; пушки везли, снаряды готовили, ад'ютанты скакали, народ толпился, в домах было недоумение, не знали, что придумать и что предпринять, опасаясь бунта, и даже мудрено, как страх мнимой опасности не произвел настоящей...

На другой день Васильчиков, из предосторожности, положил — полк разделить на части и разослать по разным городам. Для сего снова все генералы с'ехались в крепость уговаривать солдат разделиться. Они долго не соглашались; наконец, просьба и уверения Милорадовича подействовали. Еще полагаясь на высшее правосудие, они покорились судьбе своей. 2-й батальон решили отослать в Кексгольм, 3-й — морем в Свеаборг, а 1-й, для производства над ним военного суда, оставить в крепости...

В столице, между тем, уныние и ропот были всеобщи. Гвардейские полки грозили вступиться за товарищей. Находили подброшенные прокламации. Люди, одни тронутые бедственным положением солдат, другие по одному желанию перемены, поджигали неудовольствие. Жители опасались возмущения. Полки переведены были, масса ночных раз'ездов; многих хватали по улицам и воинским судом угрожали. Полиция скакала с необыкновенною деятельностью и разгоняла толпы народные. Семеновские казармы опустели и затихли; одни жены и дети, которые останавливали толпы прохожих со слезами и спрашивали, не знают ли чего об участи отцов и мужей. Рассказывали жестокости Шварца и подробности происшествия, как будто утешаясь известностью в наказании несправедливости. Крепость, в которой томились несчастные остатки прекраснейшего полка, наводила мрачный ужас и содроганье за узников; страшились всего, что может выдумать мщение и сокрыть мрак.

Родственники отправленных офицеров, не имея о них никакого известия и почитая их погибшими, в извинительной горести обвиняли Васильчикова. Милорадович везде говорил, что в ногах у государя будет просить его выслушать, доказывал всем известную невинность семеновцев и поджигал общее несправедливое негодование на корпусного командира...

Вдруг указ императора решил неизвестность, прекратил споры и суд, наложил молчание на мнение и удивил всех скоростью и неожиданностью приговора. Сим указом повелено: всех нижних чинов в полки раскассировать, офицеров перевесть обыкновенным порядком в армейские полки, а 1-й батальон и Шварца предать военному суду.

Указ немедленно был разослан по батальонам Семеновского полка. Как громом пораженные, слушали семеновцы его чтение; некоторое время самим себе не верили, — наконец, после продолжительного окаменелого молчания, зарыдали, облились слезами, обнимали друг друга, прощались навеки, как будто шли на верную смерть, и с негодованием укора показывали на многочисленные свои раны, как будто желая сказать: того ли мы за них ожидали... И люди, которые смыкались тем теснее, чем убийственнее был огонь, от одного слова против воли рассеялись по земле.

Офицеры тотчас получили повеление развести порученные им отряды по назначенным полкам. Как будто желая усугубить мучения солдат, провели их в виду Петербурга, но зайти не позволили. В самом городе их жены и дети, которых выслали, представляли зрелище не менее горестное, но более плачевное: в стужу, в сырость их спешили гнать толпами; полунагие женщины с грудными младенцами и дети воплем и рыданием оглашали воздух. Напрасно просили несколько часов сроку, чтобы забрать свои пожитки, напрасно больные и слабые молили о помощи. Само небо, казалось, от них отступилось и предало на жертву жестокости, властолюбию и мщению.

---

3. Прокламации 1820 года.

Прокламация, найденная на дворе Преображенских казарм в конце октября 1820 г.[1]).

Божиим благоволением приношу жалобу от Семеновского полка Преображенскому полку за притеснения оных начальниками.

Господа воины Преображенского полка! Вы почитаетесь первый полк российский, потому вся российская армия должна повиноваться вам.

Смотрите на горестное наше положение! Ужасная обида начальников довела весь полк до такой степени, что все принуждены оставить орудие и отдаться на жертву злобе сих тиранов, в надежде, что всякий из воинов, увидя невинность, защитит нас от всесильных и гордых дворян. Они давно уже изнуряют Россию через общее наше слепое к ним повиновение.

Ни великого князя, ни всех вельмож не могли упросить, чтоб выдали в руки тирана — своего начальника, для отомщения за его жестокие обиды; из такового поступка наших дворян, мы, все российские войска, можем познать явно, сколь много дворяне сожалеют о воинах и сберегают тех, которые им служат; за одного

---

[1]) Впервые опубликована, с некоторыми цензурными пропусками, В. И. Семевским в журнале «Былое», 1907, II, 83—86; полностью дана в брошюре С. Штрайха «Брожение в армии при Александре I». П., 1922, стр. 40—42.

подлого тирана заступились начальники и весь полк променяли на него. Вот полная награда за наше к ним послушание! Истина: тиран тирана защищает! У многих солдат от побоев переломаны кости, а многие и померли от сего! Но за таковое мучение ни один дворянин не вступился. Скажите, что должно ожидать от царя, разве того, чтобы он нас заставил друг с друга кожу сдирать! Поймите всеобщую нашу глупость и сами себя спросите: кому вверяете себя и целое отечество, и достоин ли сей человек, чтоб вручить ему силы свои, да и какая его послуга могла доказать, что он достоин звания царя? И если рассмотрите дела своего царя, то совершенно не вытерпите, чтобы публично не наказать его!

Александр восстановлен на престол тиранами, теми, которые удавили отца его Павла. Войско, или вы, в то время были в таких же варварских руках, в каких и ныне находится. Граждан гоняли к присяге в признании государя Александра, но присяга сия невольная, а потому бог от народа оную не принимает, ибо всякий гражданин и солдат для избежания смерти обязан принять присягу! Следственно, государь не кто иной, значит, как сильный разбойник. Он не спрашивает народа, что желают ли его признать государем или не желают; а военную силу побуждает называть себя государем, — поныне берет в жертву наши головы и угнетает отечество; точно так и разбойник поступает со встретившимся путешественником. Он его грабит, и великая милость, если ограбленного оставит живого!

Неужели и вы, господа воины, должны просить государя, как разбойника, о помиловании себя тогда, когда он без вашей силы не в состоянии обидеть вас? Страшитесь, чтоб он не приказал вам самих себя пересечь кнутом. Не напрасно дворяне почитают воинов скотами, ибо воины себя не спасают от несчастья, а сами себе соделывают оное! Удивительное заблуждение наше! У государя много войска, но это вы сами и есть, а потому вы составляете силу государя, без вашего же к нему послушания он должен быть пастухом. Потому войско должно себя почитать в лице царя, ибо оно ограждает своими силами отечество, а не царь. Царь же значит приставник или сторож всеобщего имущества и спокойствия; но вы, воины, почитаете его не только полным владетелем имущества, но и жизни нашей хозяином. Жалуйтесь, что солдатская жизнь несносная; но жалуйтесь себе и на себя, ибо от самих вас бедствие происходит. Беспечность и слабость к царю навлекла на вас великое несчастье; если и еще продолжите не радеть о своем благе, то сделаетесь виною своей погибели.

Бесчестно российскому войску содержать своими силами государя-тирана. Вы, гвардейские воины, противу напольных полков имеете двойное продовольствие, но хотя бы имели весьма хорошую жизнь, то и тогда должны несчастным подать руку помощи. Нет христианской веры там, где друг другу помощи не творят. Честно истребить тирана и вместо его определить человека великодушного, который бы всю силу бедности народов мог ощущать своим

сердцем и поставлять средства к общему благу. Бедные воины! Посмотрите глазами на отечество, увидите, что люди всякого сословия подавлены дворянами. В судебных местах ни малого нет правосудия для бедняка. Законы выданы для грабежа судейского, а не для соблюдения правосудия. Чудная слепота народов!

Хлебопашцы угнетены податьми: многие дворяне своих крестьян гоняют на барщину шесть дней в неделю. Скажите, можно ли таких крестьян выключить из числа каторжных? Дети сих несчастных отцов остаются без науки, но оная всякому безотменно нужна; семейство терпит великие недостатки; а вы, будучи в такой великой силе, смотрите хладнокровно на подлого правителя и не спросите его, для какой выгоды дает волю дворянам торговать подобными нам людьми, разорять их и вас содержать в таком худом положении.

Для счастья целого отечества возвратите Семеновский полк, он разослан — вам неизвестно куда. Они бедные безвинно избиты, изнурены. Подумайте, если бы вы были на их месте и вышедши из терпения, бросия оружие, у кого бы стали искать помощи, как не у войска. Спасите от разбойников своего брата и отечество.

Не было примера, чтоб виновник сам себя винил. Дворяне указы печатают о делах с похвалою к себе и с затмением их варварских поступков. По ихнему называется возмутителем тот, который ищет спасения отечеству: ибо от сих показанных мною неоспоримых истин они все должны трепетать, чтобы их власть не учинилась безвластно.

Кровь моя должна быть пролита рукою тиранов, но я почитаю, что на поле против врага умереть не столь важно, сколь важно в отечестве за правду, которая сокрыта от народа, и за оное дни свои кончить ужаснейшими мучениями!..

Ищу помощи бедным, ищу искоренить пронырство тиранов и полагаюсь на ваше воинское правосудие и на вашу великую силу. Вы защищаете отечество от неприятеля, а когда неприятели нашлись во внутренности отечества, скрывающиеся в лице царя и дворян, то безотменно сих явных врагов вы должны взять под крепкую стражу и тем доказать любовь свою друг к другу. Вместо сих злодеев определить законоуправителя, который и должен отдавать отчет во всех делах избранным от войска депутатам, а не самовластителем быть.

Взамен государя должны заступить место законы, которые отечеством за полезное будут признаны. По таковым народ должен управляться чрез посредство начальников. Выбор начальников следует основать на беспристрастных законах. Примерно сказать: служа рядовым солдатом десять лет и не быв на сражении, не должен быть начальником роты; здесь солдат беспорочно служит двадцать лет и покрыт ранами, не попадет в чиновники. Малолетний дворянин не может понимать о солдатских трудах, но командует стариком таким, который весь военный регул выучил еще до рождения сего надутого скота. Стыдно и посрамительно

солдатам держаться такой глупости и смотреть на нестоющего стоющим!..

Не знать той важной причины, от которой жизнь людей безвременно отнимается, значит не иметь разума; вам Бог дал разум, и вы по своему разуму должны сберегать жизнь свою и отечество, и не разумом тиранов управлять собою, но следует истреблять врага и в руки им не отдаваться, а злодеев в руках у себя должны держать крепко».

Воззвание к войскам гвардии, обнаруженное в декабре 1820 г.[1]).

Воины! Дворяне из Петербурга рассылают войска, дабы тем укротить справедливый гнев воинов и избегнуть общего мщения за их великие злодеяния. Но я советую, призвав бога в помощь, учинить следующее:

1) Единодушно арестовать всех начальников, дабы тем прекратить вредную их власть.

2) Между собою выбрать по регулу надлежащий комплект начальников из своего брата солдата и поклястися умереть за спасение оных, если то нужно будет, а не выдавать своих.

3) Вновь выбранные начальники должны разослать приказы прочим полкам, чтоб поступили так же, а командированные, посланные полки возвратить в Петербург. Когда старые начальники по всем полкам будут сменены, и новые учреждены, то Россия останется по сему случаю без пролития крови. Если сего не учините и станете медлить в сем случае, то вам и всему отечеству не миновать ужасной революции!

Спешите последовать сему плану, а я к вам являюсь по зачатии сих действий.

Во славу бога отдаю себя вашему покровительству.

Любитель отечества и сострадатель несчастных

Единоземец.

---

[1]) Воззвание это, извлеченное из бумаг ген. Закревского, опубликовано В. И. Семевским в «Былом», 1907, II, 92—93.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

ОПЫТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛЕГАЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ 1817—1823 г. г.

1.

Киевская Ланкастерская Школа.

(Рапорт ген. М. Ф. Орлова ген. Закревскому от 10 октября 1817 г.)[1]).

Честь имею донести вашему превосходительству об опыте, сделанном для образования воспитанников по ланкастеровой методе.

Взято было сорок воспитанников, не умевших ни читать, ни писать. Они разделены были на пять отделений, каждое из 8 человек, и размещены за пятью столами под надзором одного старшего, более знающего ученика, имеющего по сему случаю звание смотрителя.

Сии столики сделаны были в виде не весьма покатистых пульпетов с возвышенными краями. Во внутренности насыпан песок, по которому ученики пишут пальцем литеры до тех пор, пока совершенно выучатся. У правого бока каждого столика поставлена линейка с гвоздем наверху. Впереди в малом расстоянии от первого стола поставлена черная доска с гвоздем наверху.

Смотритель классов имеет при себе литеры в большом виде, написанные просто на бумаге. Помощники его, стоящие каждый у линейки, числом пять, имеют каждый такие же литеры.

Глубочайшая тишина наблюдаема в классе. Смотритель по известному знаку вывешивает литеру. Помощники повторяют и также вывешивают каждый ту же букву у своей линейки, все

---

[1]) Рапорт этот опубликован в книге М. Гершензона «История молодой России», М. 1908, стр. 11—13.

Генерал М. Ф. Орлов, один из наиболее энергичных членов Союза Спасения и Благоденствия, уделял совершенно исключительное внимание культурно-просветительной работе. «Мы нуждаемся более, чем всякая другая страна, в либеральных учреждениях, которые распространяют просвещение, но их последствия у нас будут более, чем где-либо, чувствительны,—писал он 11 марта 1818 г. в комитет Парижского Общества начального образования.—Другие народы, быть может, имеют над нами преимущество в большем распространении цивилизации; мы же находимся сравнительно с ними в более выгодном положении в том отношении, что стремимся к просвещению, не имея нужды свергать иго старинных предрассудков, и начальные школы учредятся у нас, не возбуждая ни критики педантов, ни

воспитанники пишут оную на песке, после чего каждый помощник идет перед своим столом и поправляет написанную литеру. Тут делается по знаку помощника на каждом столе перемещение с места на место, то-есть те, которые лучше писали, берут и высшее место.

Чтение букв таким же образом преподается, равномерно учение двойным и тройным складам. Сей класс называется первым, или нижним, классом.

Успех совершенно оправдал принятые труды для сего опыта. По прошествии четырех недель из числа 40 воспитанников 24 выучили весьма твердо читать всю азбуку не только тогда, когда покажут им какую-нибудь литеру, но знают ее на память и могут довольно хорошо написать пальцем и палочкою на песке всякую литеру без вывески оной. Они также выучились складывать и выговаривать почти все односложные склады. Остальные 16 человек, переходя с одного нумера на другой, остались на двух последних столах. Половина их знает довольно твердо азбуку читать и читать по вывешенным литерам, а другая еще знает слабо.

Второй класс, или высший, учрежден из 16 воспитанников, умевших уже разбирать слова, но не знавших еще писать. К ним определено два частных и один главный смотритель из воспитанников же.

В сем классе на место пульпетов восьмерных, как в первом, следует построить для каждого ученика особенный пульпет со скамейкой. Расстоянием между каждым пульпетом определяется место, достаточное, дабы воспитанник, который за пульпетом сидит, мог бы по знаку итти вперед к черной доске, где вывешена пропись.

Смотритель класса дает сигнал и называет нумер отделения. Помощник его по означенному отделению повторяет сигнал, все ученики того отделения встают с места, имея на шее повешенные аспидные дощечки, и идут в ногу до доски, становятся в полукружие и читают повешенную пропись таким образом, что учитель называет только нумер учеников того отделения, а сии подхватывают сказанное их товарищем слово или склад, дабы повсечасно примечательность учеников была бы напряжена на предлагаемый им предмет к чтению. Окончив таким образом чтение,

---

пристрастного противодействия привилегированной касты». В 1819 г., все более и более совершенствуя методы взаимного обучения, Орлов довел число учеников в Киевской школе до 800 человек, а в 1820 г. их было уже свыше полутора тысяч, при чем обучавшиеся здесь учителя преподавали затем по «Орловской методе» в подобных же школах в Москве, Могилеве и Херсоне. Как известно, Ланкастерские школы пользовались значительной материальной поддержкой Союза Благоденствия, а в некоторых местах (напр., в Кишиневской дивизионной школе, руководимой В. Ф. Раевским) были широко использованы для политической пропаганды. С августа 1820 г. школы взаимного обучения начинают серьезно тревожить высшую военную и гражданскую власть, после Семеновской истории и «дела» Раевского вступившую на путь фактической ликвидации этих училищ.

отделение в таком же порядке возвращается на свои места, и ученики, севши, приготовляются списывать на аспидных досках ту же самую пропись, которая повешена была на доске и которую помощник смотрителя вывешивает на линейке во вверенном ему отделении. Другие отделения класса таким же образом подходят к доске и возвращаются на свои места.

Опыт доказал, что оные 16 учеников, еще не умевших совсем писать и едва ли могущих разбирать склады, в течение четырех недель выучились хорошо и правильно складывать, читать и писать задаваемые прописи и даже изрядно читают книги гражданской печати, чему они вовсе не обучались. Столь сильно влияние порядка и примечательности над умом молодых детей, еще не испорченных нескладным и вздорным учением.

2.

«Опыт теории налогов» Н. И. Тургенева.

Вскоре, по возвращении в Россию, я издал сочинение «Опыт теории налогов».

В этой книге я обозначал в общих чертах благодетельные результаты изучения политических наук и, в особенности, политической экономии. Я старался доказать, что как экономические и финансовые, так и политические теории истинны лишь постольку, поскольку они основаны на принципе свободы. При всяком удобном случае я старался говорить об Англии, об ее могуществе, ее богатствах, приписывая все эти ее преимущества учреждениям, которыми в то время из всех европейских стран обладала одна она.

Поэтому, оставаясь в пределах изложения теории налогов, я допускал много экскурсий в более широкие области политики. Подушная подать давала мне случай говорить о крепостном праве, и я не преминул воспользоваться этим случаем. Эти добавления имели в моих глазах гораздо больше значения, чем основной предмет моей работы. Клеймя ненавистное рабство, я делал это в достаточно понятных и сильных выражениях, и, по моему мнению, никогда еще на русском языке не было напечатано о крепостном праве ничего столь же ясного и определенного.

Уже самая новизна темы, совершенно незнакомой русской литературе, должна была привлечь внимание публики. Это было первое сочинение по теории финансов, написанное русским на своем родном языке; но к чтению этой книги особенно располагали те добавочные экскурсы, о которых я только что говорил. Эта книга создала мне известность в России, где, вследствие своего долгого пребывания за границей, я сохранял мало связей, и сни-

скала мне расположение всех тех, кто склонялся к усвоению новых идей; а таких людей было тогда много [1]).

Из «предисловия» к «Опыту» [2]).

В нашем отечестве сведения по части политической экономии начали распространяться с очевидным успехом. Даже иностранцы, занимающиеся сею наукою, с удовольствием замечают, что во всех российских университетах учреждены для политической экономии особенные кафедры, и что она входила в курс наук, которые были преподаваемы великим князьям российским. Должно также заметить, что успех новейших финансовых учреждений в России, который еще более обнаружится впоследствии, происходит единственно от того, что они основаны более или менее на справедливых началах государственного хозяйства,— успех, какого, в подобных обстоятельствах, тщетно искали многие другие правительства. Все сие делает излишним доказательства общей пользы, происходящей от изучения науки государственного хозяйства. Остается желать, чтобы благодетельный свет ее более и более распространялся не только в нашем отечестве, но и в государствах иностранных.

Заметим, однако, особенное влияние, более нравственное, которое сия наука может иметь на человека.

Кроме существенных выгод, которые доставляет политическая экономия, научая, например, не делать вреда, когда стремишься к пользе, она благотворна в своих действиях на нравственность политическую. Занимающийся политическою экономиею, рассматривая систему меркантилистов, невольно привыкает ненавидеть всякое насилие, самовольство и, в особенности, методы делать людей счастливыми вопреки им самим. Проходя систему физиократов, он приучается любить правоту, свободу, уважать класс земледельцев,— столь достойный уважения сограждан и особенной попечительности правительства,— и потом, видя пользу, принесенную сею, впрочем, неосновательною, системою, убеждается, что, при самых великих заблуждениях, действия людей могут быть благодетельны, когда имеют источником желание добра, чистоту намерений и благоволение к ближнему. Система физиократов и происхождением и духом своим принадлежит XVIII веку. Тогда каждая идея о свободе принималась с восхищением и быстро проникала в умы людей, особенно во Франции. К несчастию, такой энтузиазм не допускал строгого разбора, и вредное редко было различаемо от

---

[1]) Н. Тургенев. La Russie et les Russes, par N. Tourgueneff, Bruxelles, 1847; рус. перев. «Россия и Русские», М. 1915, стр. 70—71. Выдающуюся роль Н. И. Тургенева в истории общественного движения 20-х годов, равно как и корни его идеологии выясняют работы Е. И. Тарасова—«Декабрист Н. И. Тургенев», Самара, 1923 г. и А. Н. Шебунина—«Н. И. Тургенев». М., 1925 г. (см. там же указания на богатую специальную литературу вопроса).

[2]) Н. Тургенев. «Опыт теории налогов». СПБ. 1818 г., стр. II—VI.

полезного. Физиократы одним из главных правил представляли свободу совместничества в промышленности народной: система их необходимо долженствовала пленить современников, утомленных игом меркантилизма. Наконец, занимающийся политическою экономиею, проходя систему, называемою смитовою, или критическою, научается верить одним только исследованиям и соображениям рассудка, простому здравому смыслу и всему, что естественно, непринужденно. Он и здесь увидит, что все благое основывается на свободе, а злое происходит от того, что некоторые из людей, обманываясь в своем предназначении, берут на себя дерзкую обязанность за других смотреть, думать, за других действовать и прилагать о них самое мелочное и всегда тщетное попечение. Вместе с сим изыскивающему причины и свойства богатств народных представится неотрицаемый опыт времен протекших, и он удостоверится, что свобода новейших народов рождалась и укреплялась вместе с их благоденствием и основывалась на внутреннем устройстве, на финансах, и что сии финансы, служа основанием свободе, бывали также и орудием оной.

Выдержки из «Опыта» [1]).

Поголовные налоги.

Поголовные налоги собираются с каждого поровну; иногда же сообразуются с званием или чином.

В сем последнем случае неравенство очевидно: звание и чин не доказывают дохода, с которого налог должен быть взимаем; бедный человек может иметь важный чин, и напротив.

Подушные налоги, собираемые с каждого поровну, суть следы необразованности предшествовавших времен, когда нужды общественные были малозначущи и когда правительства, не зная утонченных способов разделения налогов, брали с каждого поровну.

Главное неудобство поголовных или подушных налогов состоит в том, что они не сообразуются с доходами каждого; но оно обыкновенно вознаграждается маловажностию подати. При настоящем состоянии налогов, суммы, получаемые правительствами от подушных окладов, могут быть собираемы другим образом, более справедливым и выгодным как для народа, так и для самого правительства...

Поголовный налог с негров.

Поголовная подать, налагаемая на негров в южных провинциях Северной Америки и в островах Западной Индии, есть, в собственном значении, не что иное, как налог с капитала, употребляе-

---

[1]) «Опыт теории налогов» 1819 г. (изд. второе), стр. 120—122; 123—124; 118—121; 255—256; 258—529; 276.

мого на земледелие; ибо негры в сем отношении совершенно равны скотам и орудиям, употребляемым, подобно им, для обрабатывания земли [1]).

Что касается до крепостного состояния крестьян в России, то о сем в последние времена довольно много говорили и даже иногда писали, но, к сожалению, без пользы; ибо против крепостного состояния говорили и писали по большей части такие люди в особенности, иностранцы, кои, находя, с справедливостью, самую вещь нехорошею, не имели однакоже надлежащих сведений ни о России вообще ни о состоянии русских крестьян в особенности; в пользу же крепостного состояния говорили такие люди, которые воображают, что крестьянин не может приносить дохода помещику иначе, как составляя его собственность. Противники не понимали друг друга. Первые в неведении своем сравнивали русских крестьян с африканскими невольниками; другие, напротив того, сравнивали господина, в управлении крестьян его, с отцом семейства, и власть первого с властию сего последнего.

J'ose dire pourtant, qu'ils n'ont point mérite
Ni cet excés d'honneur, ni cette indignité!!!

Беспристрастные люди могли, однакоже, чаще вразумлять и исправлять суждение первых, нежели последних. Если последним говорено было о необходимости постепенного дарования крестьянам некоторых личных прав, если говорено было о необходимости постепенного ограничения власти помещиков, которая в действиях своих часто бывает противна религии и человечеству; то они делали восклицания против царства разума во Франции, как будто

[1]) Adam Smith. B. V, p. 39. При сем Смит делает следующее замечание: поголовные подати с рабов, употребляемых при обрабатывании земли, были в старину известны во всей Европе. Такого рода подать существует теперь в России. Вероятно, вследствие сего обыкновения, поголовные налоги всякого рода были почитаемы признаком рабства. Но надлежит отличать поголовный налог, платимый свободными людьми от того, который налагается на людей, не пользующихся свободою. Первый бывает платим тем, на кого оный налагается, и означает, что платящий имеет собственность, следственно, не может быть собственностию другого; потому и налог сей нельзя почитать признаком рабства, последний же платится помещиком. «Из сих слов явствует, что подушный оклад, существующий в России, принадлежит более к первому роду сего налога, собираемому с людей свободных, нежели к последнему; ибо в России крестьяне сами платят подушный оклад, но не помещики их, кроме разве тех, кои, лишая крестьян всякой собственности, принимают на себя обязанность платежа налогов. Бывают примеры, что добрые помещики платят за крестьян своих государственные подати в случае неурожая, для облегчения их, или в случае хорошего урожая, для изъявления им признательности за работу. Случается также, что помещики, для отвращения хлопот от крестьян своих, принимают на себя взнос податей и рассчитываются потом с крестьянами; но все сие служит доказательством добродушия некоторых помещиков, более или менее пекущихся о благе подвластных им земледельцев. Итак, подушный оклад в России не есть подать с капитала, употребляемого в земледелии, но личный налог с земледельцев. Сверх того, и свободные крестьяне в России подвержены сему налогу».

права собственности и личной свободы, на коих созидается благосостояние государств, должны влещи за собой уничтожение религии и законов. Пусть сии люди взглянут в историю. Где найдут они, чтобы народ, которому правительство даровало священные права человечества и гражданства, восставал против виновников своего благополучия. Всегда и везде народ платил любовию, признательностию и повиновением за делаемые ему благодеяния. Возмущения народные всегда происходили от противного. — Но таковы люди. Введение доброго везде легче, нежели искоренение злого. В России, с тех пор как в народе показалось сильное стремление к нравственному усовершенствованию, в соразмерности с большими успехами в хорошем, мы гораздо менее отстали от дурного. Будем, однакоже, питать сладостную надежду, что Россия, имеющая много других преимуществ перед прочими государствами, станет на ряду с ними и в сем отношении. Дух времени, выгоды самих помещиков служат основанием сей надежде. — Благоустроенное государство не должно созидать своего благоденствия на несправедливости; угнетение одного класса граждан другим не может быть залогом благосостояния великого и нравственно доброго народа.

Дабы определить, велика или мала работная плата, независимо от различия действительной и нарицательной ценности оной, надлежит исследовать: сколько времени простой работник или поденщик с своим семейством может прожить вырабатываемыми деньгами в один день. Если платою работы одного дня он может прожить три, четыре и более дней, то работная плата высока и доказывает, что государство находится в успевающем состоянии. Если вырабатываемыми деньгами в один день работник может прожить только один или два дня и притом скудным образом, то государство находится в непеременяющемся состоянии. В упадающем состоянии работная плата едва только доставляет работнику хлеб насущный. В Америке поденщик работною платою одного дня живет 4, 5 дней и более. В Германии, в бедственном ее положении, работники иногда соглашались работать из одного хлеба. Мы не говорим здесь о возвышении работной платы, происходящей от неприятностей, опасностей и вреда, сопряженных с некоторыми родами работы.

Дабы судить об успевающем состоянии России по величине работной платы, надлежит принять в рассуждение, что на возвышение оной крепостное состояние части работников неоспоримо имеет важное влияние: совместничество работников, конечно, ограничивается, когда одна часть простых людей не может располагать собою по своей воле.

Часто один взгляд на работника, на земледельца может дать некоторое понятие о состоянии государства: в тех землях, где получаемая ими от их занятий прибыль велика, они лучше едят, лучше пьют, лучше одеваются, прилежнее работают, и напротив. Заметим, что они употребляют более прилежания и охоты не тогда,

когда они менее получают за свою работу, но тогда, когда они более за оную получают. Сие доказано опытом, вопреки безрассудному мнению, что налоги и недостаток побуждают к прилежанию.

Роскошь богатых.

По благосостоянию или, лучше сказать, по роскоши высших классов граждан нельзя судить о благосостоянии государства. Роскошь, будучи доведена до высокой степени, служит более доказательством упадающего, нежели успевающего состояния. В те времена, когда Римская империя быстро стремилась к падению, роскошь знатных людей была на высочайшей, почти невероятной степени. Даже и бережливые голландцы, при упадающем состоянии своего отечества, сделались роскошными и расточительными. Роскошь дворян в России часто доказывает только то, что они имеют крепостных крестьян, коих силами и способностями, а равно и капиталами, они по своему произволению располагать могут. И потому роскошь в России более печалит внимательного наблюдателя, нежели в иностранных государствах.

Окончив статью о действии налогов, заметим, что на самые налоги имеет влияние, кроме богатства народного, образ правления государства и дух народный, и сие влияние особенно показывается в охоте или готовности народа платить налоги. Сия готовность всего более видна в республиках; отвращение к налогам — в государствах деспотических. Неккер приводит в пример, что в Англии была наложена подать на кости для игры (dez). Все возможные надзирания не могли бы предупредить тайной работы и ввоза такой безделки; несмотря на то, сия подать подлинно приносит доход правительству. Но во Франции, — продолжает Неккер, — где налог есть неприятель, которого ненавидят и над которым смеются, попеременно, такая подать, вместо дохода, причинила бы одни только издержки правительству.

3.

Проект освобождения крестьян И. Д. Якушкина [1]).

В 19-м году, поехав из Москвы повидаться с своими, я заехал в смоленское свое имение. Крестьяне, собравшись, стали просить меня, что так как я не служу и ничего не делаю, то мне бы приехать пожить с ними, и уверяли, что я буду им уже тем полезен, что при мне будут менее притеснять их. Я убедился, что в словах их много правды, и переехал на житье в деревню.

Чтобы сблизиться сколько возможно скорее с моими крестьянами, я всех их и в всякий час допускал до себя и, по возможности, удовлетворял их требования; скоро отучил я их кланяться мне

---

[1]) Записки И. Д. Якушкина, изд. 3-е, СПБ. 1905 г., стр. 19; 28—32.

в ноги и стоять передо мною без шапки, когда я сам был в шляпе. За проступки они не иначе наказывались, как по приговору всех домохозяев. Почва вообще в Смоленской губернии неплодотворна; при недостатке скота мои крестьяне не могли достаточно удобрять своих полей. Обыкновенно урожаи бывали очень скудны, так что собираемого хлеба едва доставало крестьянам на продовольствие и посев. Единственные их промыслы были зимою: извоз и добывание извести; и то и другое доставляло незначительную прибыль. С этими средствами они, конечно, не ходили по-миру, но и нельзя было надеяться этими средствами улучшить их состояние, тем более, что, привыкнув терпеть нужду и не имея надежды когда-нибудь с нею расстаться, они говорили, что всей работы никогда не переробишь, и потому трудились и на себя и на барина, никогда не напрягая сил своих. Надо было придумать способ возбудить в них деятельность и поставить их в необходимость прилежно трудиться. Способ этот, по тогдашним моим понятиям, состоял в том, чтобы прежде всего поставить их в совершенно независимое положение от помещика, и я написал прошение министру внутренних дел Козодавлеву, в котором из'явил желание освободить своих крестьян и изложил условия, на которых желаю освободить их. Я предоставлял в совершенное и полное владение моим крестьянам их домы, скот, лошадей и все их имущество. Усадьбы и выгоны в том самом виде, как они находились тогда, оставались принадлежностью тех же деревень. За все за это я не требовал от крестьян моих никакого возмездия. Остальную же все землю я оставлял за собой, предполагал половину обрабатывать вольнонаемными людьми, а другую половину отдавать в наем своим крестьянам... Мне хотелось знать, оценят ли мои крестьяне выгоду для себя условий, на которых я предполагал освободить их. Я собрал их и долго с ними толковал; они слушали меня со вниманием и, наконец, спросили: «Земля, которою мы теперь владеем, будет принадлежать нам или нет?». Я им отвечал, что земля будет принадлежать мне, но что они будут властны ее нанимать у меня. — «Ну так, батюшка, оставайся все по-старому: мы ваши, а земля наша!» Напрасно я старался им об'яснить всю выгоду независимости, которую им доставит освобождение. Русский крестьянин не допускает возможности, чтоб у него не было хоть клока земли, которую он пахал бы для себя собственно.

Надеясь, что мои крестьяне со временем примирятся с условиями, на которых я предложил освободить их, в начале 20 года я отправился в Петербург [1]).

[1]) И. Д. Якушкину, как замечает в своей «Русской истории» М. Н. Покровский, принадлежит несомненная честь — предусмотреть новейшие формы эксплоатации крестьянства слишком за поколение вперед: крепостного мужика предполагалось разложить на вольного батрака, в одну сторону, и подневольного арендатора помещичьей земли — в другую. Как свидетельствует в записках своих сам И. Д. Якушкин, министр внутренних дел отнесся резко отрицательно к его проекту: «я нисколько не сомневаюсь в добросовестности ваших намерений, но если допустить спо-

Прошение И. Д. Якушкина [1]).

Его высокоблагородию Вяземскому господину уездному дворянства предводителю Матвею Петровичу Потулову.

От капитана Ивана Дмитриева сына Якушкина

ПРОШЕНИЕ.

На об'явленное мне Вами предписание Господина Смоленского Губернского Предводителя от 22 Августа сего года, сим Вам об'яснить имею, что отпущаемых мною в вольные хлебопашцы крестьян за мною состоит Вяземского уезда в деревнях Истоминой 47, Арефановой 30 и Земнице 35, да переводимых Бельского уезда из деревни Павловой в деревню Истомину 4 и в Арефанову 5, всего же с переводимыми 121 ревижских душ, коим я предоставляю всю под поселением, огородами, огуменниками и под выгоном лежащую землю, всего к каждой деревне по девяти десятин с их строением, имуществом, скотом, с наличным и посеянным на принадлежащей мне земле к 1820 году хлебом, оставляя всю прочую землю за собою, не требуя за сие и за их увольнение от них никакой платы, ни работы, и не предполагаю теперь заключать никакого рода с ними условия. Если ж сей земли для них будет и недостаточно то они могут у меня или и у других помещиков нанимать по добровольным между собою условиям, сколько им будет потребно, о чем и в письме моем к г-ну Министру Внутренних Дел относился, поясняя к тому, что на мне и имении моем долгов казенных и партикулярных не состоит, кроме взятых в 1813 году на продовольствие тех же крестьян, но и оный платеж, не обременяя крестьян моих, приемлю на себя, кои имею взносить в свое время в надлежащее место, обеспечивая платеж оных четырью стами десятин земли Вяземского уезда, в сельце Жукове имеющейся. Что об'ясняя Вашему Высокоблагородию покорнейше прошу с прописанием всего вышеписанного довести до сведения вышнего начальства.

К сему прошению Капитан Иван Дмитриев сын Якушкин руку приложил. Сентября 12 дня 1819 года.

4.

«Нечто о состоянии крепостных крестьян в России.

(Записка статского советника Николая Тургенева)» [2]).

Россия, как думают многие и как позволительно думать каждому, делает успехи в просвещении.

соб, вами предлагаемый, то другие могут воспользоваться им, чтобы избавиться от обязанности относительно своих крестьян. Потерпев неудачу в Петербурге, Якушкин «пристально занялся сельским хозяйством и часть своих полей уже обрабатывал наемными людьми. Я мог надеяться, что при улучшении состояния моих крестьян, они скоро найдут возможность платить мне оброк, часть которого ежегодно учитывалась бы на покупку той земли, какою они пользовались». Таким образом этот эксперимент, если бы он только не был прерван арестом и ссылкой И. Д. Якушкина в Сибирь, прямо предвосхищал форму ликвидации крепостного права, осуществленную реформой 19 февраля 1861 г.

[1]) Печатается впервые.

[2]) «Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собств. Е. И. В. Канцелярии», вып. IV, СПБ. 1891 г., стр. 441—450. Записка эта, написанная в конце декабря 1819 г. по поручению С.-Петербургского генерал-губернатора Милорадовича, была представлена им Александру I, но никаких последствий не имела.

Но в чем состоит истинное гражданское просвещение?

Оно состоит в знании своих прав и своих обязанностей. Продолжение сего рассуждения покажет, до какой степени просвещения, в сем смысле, мы достигли.

Права разделяются на два главные рода: права политические и права человеческие.

Дворянство, купечество, мещанство и даже крестьяне свободные, т.-е. казенные, пользуются в России правами человеческими; первые два класса даже отчасти и правами политическими.

Надобно ли желать распространения сих прав политических?

Дабы, по совести, разрешить вопрос сей, надобно вспомнить, что Россия с горестию взирает на несколько миллионов сынов своих, которые не имеют даже и прав человеческих. Всякое распространение политических прав дворянства было бы неминуемо сопряжено с пагубою для крестьян, в крепостном состоянии находящихся. В сем-то смысле власть самодержавная есть якорь спасения для отечества нашего. От нее, и от нее одной, мы можем надеяться освобождения наших братий от рабства, столь же несправедливого, как и бесполезного. Грешно помышлять о политической свободе там, где миллионы не знают даже и свободы естественной.

Нынешнее правительство в России ознаменовало себя в истории нашего отечества тем, что оно более прежних помышляло об участи крестьян. Уничтожение обыкновения награждать государственных чиновников деревнями и крестьянами, дарование законного состояния крестьянам ост-зейских губерний пойдут на ряду с славнейшими происшествиями в бытописаниях человечества.

Но будут ли сии происшествия единственным утешением душ, любящих добро и справедливость? Будут ли сии происшествия единственным возмездием за претерпенные и претерпеваемые бедствия целыми миллионами крепостных земледельцев?

Нет! Вера в благое провидение, надежда на мудрое и народолюбивое правительство не позволяют нам сомневаться, что наступит час радости для России, когда сыны ее будут принадлежать все ей одной, а не один другому.

С скрепленным сердцем обратимся от сей приятной, но, может быть, далекой будущности, к печальной действительности в настоящем.

Мы находим в России 13 миллионов крестьян, принадлежащих дворянам, разбогатевшим от продажи вина откупщикам, и фабрикантам, которые, имея фабрики, владеют приписанными к оным крестьянами на праве помещичьем.

Крестьяне, принадлежащие бывшим откупщикам, и вообще людям, в купеческом звании обогатившимся, не могут наслаждаться весьма хорошим положением по простой причине: владельцы их, привыкнув к большим барышам по прежнему их торгу, не могут довольствоваться умеренным доходом от недви-

жимой собственности, который никогда не может сравниться, при соблюдении справедливости, с доходом от торговли. Но в сем случае бывают исключения. Некоторые из таковых помещиков, владея крестьянами, не забывают бога и помышляют о их благосостоянии.

Крестьяне, приписанные к фабрикам и заводам, почти все без исключения, должны находиться в нищете и в несчастии.

Прежние, на ложных умствованиях основанные, понятия о государственном хозяйстве извиняют сей порядок вещей. Не только у нас, но и во всей Европе, правительства жертвовали прежде всем для улучшения фабрик и мануфактур. Разлившийся свет наук политических убедил Европу, что богатства народные рождаются не от фабрик, а от свободы промышленности и торговли. Российское правительство, лучше многих других, постигло всю великую истину и приводит ее в действо, но следы ложной системы остались, и крестьяне продолжают принужденно, без добровольной платы, часто и совсем без платы, работать на фабриках, которые никому, кроме самих фабрикантов, никакой прибыли не приносят.

Крестьяне помещичьи и вообще все крепостные разделяются на два различных класа: крестьяне оброчные и крестьяне пахотные.

Дабы справедливо судить о положении крестьян, надлежит всегда иметь в виду сие различие.

К чести русских помещиков и, следственно, к чести русского характера надлежит здесь принять в уважение, что большая часть крепостных крестьян находится на оброке. Обыкновенно полагают, что из 13 миллионов крепостного народа 8 миллионов находятся на оброке и только 5 миллионов на пашне.

Не нужно доказывать, что оброчные крестьяне пользуются лучшим состоянием, нежели пахотные.

Редко случается, чтобы оброк был чрезмерно велик. Редко мы также видим, чтобы помещики во взимании оброка встречали недоимки, в особенности, неоплатные недоимки.

Россия, как государство юное, в сравнении с пространством земли еще малонаселенное, представляет обширные способы для промышленности простого народа. Ни в каком другом государстве, выключая Северную Америку, простая работа не доставляет такой прибыли, как у нас. Таким образом с некоторым трудолюбием, а русский народ трудолюбив, оброчный крестьянин всегда может работою одного, двух или трех месяцев в году добыть довольно денег, чтобы заплатить оброк своему помещику. Остальное время он работает на себя.

Кроме сего, состояние оброчного крестьянина улучшается еще тем, что он в быту своем обыкновенно не чувствует над собою едва неограниченной власти господина. Оброчные деревни управляются старшинами, от самих крестьян избираемыми; крестьяне повинуются миру, а не прихотям помещика или управителя.

Дабы более убедиться в сей истине, взглянем на наше законодательство в сем отношении.

Всякое законодательство есть свидетельство нужд и потребностей народа или государства.

В нашем законодательстве мы не найдем никаких постановлений в рассуждении оброка, но, напротив того, найдем постановления относительно работы крестьян на помещиков.

Император Павел I, в душе которого таилось глубокое чувство справедливости, узаконил, что крестьяне обязаны работать на помещиков не более трех дней в неделю.

Из сего явствует, что состояние оброчных крестьян было сносно и не требовало особенных узаконений от правительства, между тем как состояние крестьян пахотных уже и прежде обращало на себя чадолюбивое внимание государей.

Здесь, может быть, сделают возражение, что если законодательство свидетельствует нужды и потребности народа или государства, то вследствие сего и самое рабство нужно и полезно, существуя не вопреки законам.

На сие следует заметить, что никогда закон не водворял рабства в России, что еще за 150 лет все крестьяне были свободны; что сначала они, для порядка, которого тогдашнее правительство не могло утвердить иными, более справедливыми, средствами, что для сего порядка крестьяне были приписаны к земле, но еще не отданы чрез то в собственность помещикам, которым принадлежала одна только земля, что впоследствии сие приписание к земле, мало-по-малу, и совсем не по законам, а по праву сильного, обратилось в настоящее рабство. Если же сия часть истории нашего отечества обработана несовершенно и не в настоящем виде, то сие происходит только от того, что историю пишут не крестьяне, а помещики.

Сказав, с сердечным удовольствием, несколько слов о состоянии крестьян оброчных, что можем мы сказать о положении крестьян пахотных? Там если мы и не находим того, чего желаем, и чего требует вечная справедливость и достоинство человека, но видим, по крайней мере, на самом деле, с одной стороны, умеренность, с другой — некоторое благосостояние и хотя тень бытия гражданского. Здесь рабство представляется нам во всем своем ужасе.

Известно, что не все помещики довольствуются тремя днями работы крестьян своих, вопреки существующему и ничем не отмененному закону. Известно, что многие помещики, сверх трех дней работы, берут с крестьян другие подати в натуре и деньгами. Известно, что некоторые заставляют крестьян своих работать не 3, а 4, 5 и даже 6 дней в неделю и в сем последнем случае дают крестьянам так называемую месячину, ибо без нее крестьяне, не имея своего хозяйства, не могли бы существовать, следственно, и работать.

Закон императора Павла I, между тем, существует. Но отчего сила сего закона остается для крестьян недействительною? Едва ли не от того же, от чего введение и укоренение рабства не обработано в нашей истории достаточным образом.

Конечно, случается, что и крестьяне пахотные наслаждаются некоторым благосостоянием, когда добрые помещики, живучи сами в деревне, с благоразумием и справедливостью распределяют работы крестьян, отделяя каждому для обрабатывания особые участки. В таком случае изменяется так называемая барщина, столь для крестьян отяготительная, и при которой количество и труда и работы столь мало соответствует количеству дохода, сим трудом и сею работою доставляемого. Случается также, что богатые помещики, имеющие обширное землепашество, требуют от крестьян своих, вместо 3 дней, 2 или даже 1 день работы в неделю. Но как первое, так в особенности последнее весьма редко.

Если обратить внимание на уголовные процессы, производимые по делам, в коих помещики, забывая обязанности нравственные и гражданские, простирают власть свою до жестокости и тиранства в отношении к крестьянам, то тогда откроется, что все такие дела возникают в деревнях пахотных. Весьма малая часть сих дел доходит до сведения правительства. Большая часть преступлений сего рода покрывается на самом месте послаблением начальства.

Кто бывал в губерниях, согласится, что в каждом уезде найдутся помещики, которых общее мнение осуждает за несправедливость и угнетение в отношении к крестьянам между тем, как поступки их никогда не обращали на себя справедливой строгости начальства. В одной губернии, как сказывают, некоторые помещики ежегодно на ярмарке продают девок приезжающим туда для сего постыдного торга азиатцам, которые увозят сих жертв беззаконности далеко от места их родины. Что же делает предводитель сей губернии? Он, как говорит, и, может быть, в то же самое время, продал всех танцовщиц своего театра другому помещику, который своими поступками и обращением с крестьянами более и более доказывает, что благородство души не всегда сопряжено с высоким званием и славным именем.

В самом деле, начальству представляются почти непреодолимые препятствия в надзоре за дурными помещиками и в защите крестьян в сем случае.

Обыкновенно начальство думает, что оно не может приступить к пресечению зла иначе, как по просьбам самих крестьян. Сколько же угнетений, сколько несправедливостей нужно для того, чтобы подвигнуть наших крестьян к формальным жалобам на помещика. К тому же и жалобы сии возможны только здесь, в столице, где присутствие правительства подает крестьянам надежду на беспристрастную защиту. В губерниях сии жалобы почти невозможны.

Сверх сего, в случае сих жалоб начальство, при всем желании оградить крестьян от притеснения, всегда имеет в виду, что таковые жалобы, будучи принимаемы и удовлетворяемы, могут подать вредный повод к беспокойству крестьян. И таким образом мысль о порядке часто заглушает мысль о справедливости.

Говоря здесь о начальстве, мы разумеем начальство, от правительства определенное. На защиту предводителей дворянства крестьяне, особенно в губерниях, мало могут иметь надежды. Предводитель избирается дворянами, дворянам не могут быть приятны жалобы на одного или нескольких членов их сословия; ложный esprit de corps скорее побудит их к несправедливости, нежели к обвинению их собрата. Таким образом зло остается ненаказанным, невинность страждет от беззащитности, правительство не имеет возможности быть равно справедливым ко всем вообще подданным, и одна коренная несправедливость — существование рабства — влечет за собою множество несправедливостей, которых устранить невозможно, не устранив самой причины. Как в естественном, так и в нравственном мире, одни и те же причины производят одни и те же действия. От добра родится добро, от зла происходит зло.

К сему присовокупить следует, что если бы закон и определял в полной мере права и обязанности каждого состояния в государстве, то сего было бы недостаточно. Закон без исполнения есть мертвое слово. А дабы закон был исполняем, надлежит, чтобы каждый, видя право свое нарушенным, мог свободно приносить жалобу, просить и получать удовлетворение.

Защитники крепостного состояния говорят, что злоупотребление власти помещичьей непозволительно, и что правительство может таких помещиков укрощать, отдавать в опеку и тому подобное. Но где же справедливость, если человек, страждущий невинно, должен терпеливо ожидать, чтобы за него вступилось правительство. И какое правительство в мире может соблюсти правила точной справедливости, там, где оно находит, с одной стороны, все права, а с другой—все обязанности. Одна только святая религия может утешать бедного крестьянина в его бедствиях. Единому и вездесущему богу может он, в тайне сердца, приносить жалобы на несправедливость людей. Защита человеческая имеет, так, как и все человеческое, свои пределы, и сии пределы не могут заключать в себе прав таких людей, которые никаких прав не имеют.

Кроме крестьян существует у нас класс людей, который еще яснее носит на себе печать рабства, а именно дворовые люди. Здесь мы узнаем в полной мере все печальные последствия крепостного состояния: ложь, обман, к которым всегда прибегает слабый против сильного, и, наконец, величайшая испорченность нравов. Дворовые люди не родятся дворовыми людьми, т.-е. не родятся дурными, но делаются таковыми по причине того положения, в котором они возрастают и стареются.

Сии, от домашнего рабства происходящие, свойства дворовых людей делают, может быть, необходимым ограничиться при улучшении их состояния некоторыми вспомогательными средствами (moyens paliatifs); действительное же улучшение сего класса людей может только распространиться на будущее поколение. Трудно привыкнуть к мысли, чтобы будущее благо могло требовать бедствий в настоящем. Один всеведущий бог знает: будут ли сии будущие поколения. Как же может человек, для блага неизвестного, жертвовать настоящим?

В таких случаях, где размышления рассудка несогласны с убеждением нашего сердца, — ибо мы не можем убедить себя в том, чтобы были такие люди, которые не созрели еще для справедливости в таких случаях, не доверяя самим себе, — мы предоставляем решение тем, кои могут смотреть на вещи с высшей точки зрения, нежели мы.

С таковою же недоверчивостию к самим себе мы приступим теперь к означению способов, которые могут служить хотя к некоторому облегчению участи людей, в крепостном состоянии находящихся. Мы твердо уверены, что души возвышенные, непричастные эгоизму, не найдут в наших суждениях ничего, кроме стремления к добру и к правде; хотя, впрочем, охотно соглашаемся в том, что большая опытность, большее знание людей вообще могут исправить и направить к цели, более полезной, собственное наше мнение.

Прежде всего следует здесь заметить, что в отношении собственно к России всякое начало (initiative) улучшения состояния крестьян должно исходить от правительства.

В ост-зейских губерниях сами помещики подали первый повод к улучшению участи своих крестьян.

В некоторых польских губерниях, как слышно, сами же помещики из'явили желание дать своим крестьянам законное существование.

Сего, собственно в России, никогда, или, по крайней мере, еще долго быть не может, не потому, что русские помещики вообще питали бы в сердцах своих менее чувств справедливости; ибо мы видим, что, при равных правах помещиков во всех губерниях России, крестьяне великороссийских губерний, к чести русского дворянства, наслаждаются лучшим состоянием, нежели крестьяне ост-зейские и польские, — но по причинам совершенно посторонним.

Сих причин надлежит искать в различии образа жизни помещиков великороссийских, ост-зейских и польских.

Почти все, особливо богатейшие, помещики ост-зейских и польских губерний живут в своих деревнях, не имея обыкновением проводить всю жизнь в службе государственной или проживать в столицах.

В губерниях великороссийских мы видим совершенно тому противное. Здесь большая часть помещиков, и особливо богатей-

щих, не живет в деревнях своих. Многие даже никогда в них не бывали. Одним из доказательств сему служит то, что, как выше замечено, оброчных крестьян более, нежели пахотных, между тем как известно, что в оброчных деревнях обыкновенно не живут сами помещики. Другое доказательство можно видеть в выборах дворянских, сравнив выбираемых дворян для различных должностей в наших губерниях с теми, которые выбираются для сих должностей в польских, а особенно в ост-зейских губерниях.

Из сего явствует, что лучшая часть российского дворянства, говоря вообще, не та, которая живет в деревнях своих, хотя, впрочем, между сими последними находятся люди, всякого уважения заслуживающие.

После сего каким же образом можно ожидать от дворянства начала или предложений (initiative) об улучшении состояния крестьян, когда большая и — говоря вообще и без обиды для всех — лучшая часть сего дворянства не живет с своими крестьянами, не может знать их подробностей, не знает даже в точности действительного их положения и еще менее средств к улучшению оного.

Можно не обинуясь сказать, что многие из помещиков русских не только что не боятся мысли о свободе крестьян своих, но, напротив того, приступили бы к святому делу охотно, если бы имели к тому повод и возможность. В сем даже и сомневаться нельзя без обиды для дворянского сословия. Да и можно ли с основательностию предполагать, чтобы люди, жертвуя собою отечеству на поприще гражданском и военном, оказались неверными тому же самому отечеству, когда бы оно, в лице высокого своего представителя, с доверенностию предложило им воздвигнуть к новой жизни их падших собратий, а его сынов, сынов той же великой и вечной России?

Итак, согласимся в том, что одно только правительство может приступить к улучшению жребия крестьян. Люди, благомыслящие и знающие всю прелесть чувства исполнения обязанности, могут и должны в сем случае содействовать благим намерениям правительства и требованиям отечества.

Не зная и не смея угадать намерения правительства на счет общего освобождения крестьян, можно, однакоже, быть уверену, что оно будет предпринимать все возможные по обстоятельствам меры к достижению сей благотворной цели. Дух справедливости, ознаменовавший наше правительство в глазах целой Европы, позволяет ожидать, что еще в настоящее царствование, столь славное многими победами, совершится славнейшая победа справедливости над несправедливостию, просвещения над варварством, света над тьмою.

Таким образом позволительно нам, частным людям, помышлять о благе наших соотечественников и об отстранении самых явных и вопиющих на небо злоупотреблений, предоставляя правительству избирать лучшие и успешнейшие к тому средства.

Главнейшие из сих злоупотреблений состоят в изнурении крестьян тяжкою работою, в продаже их по одиночке, в жестоком обращении [1]).

5.

Всеподданнейшее письмо барона Владимира Штейнгеля.

5 февраля 1823 г. Москва [2]).

«О легкой возможности уничтожить существующий в России торг людьми».

Венценосные благодетели европейских народов вступились сами за права человечества и ясно восстали против варварской торговли неграми. Россия, между тем, несет еще праведную укоризну от всей просвещенной Европы за постыдную перепродажу людей, в ней существующую. Не исчисляя всего зла, какое от сего происходит, довольно упомянуть, что таковое право продавать людей никаким законом положительно не утверждено: оно вкралось злоупотреблением и укоренилось временем. В старину, когда самые крестьяне имели свободу переходить от одного помещика к другому, дворяне могли законно продавать и в наследство отказывать одних токмо полных холопей, или рабов, происходящих от пленных, предкам их в воинскую добычу доставшихся. Напротив, прочие холопи бывали из людей вольных и служили по кабале, или по летей, т.-е. или по жизнь господина, или на условленное число лет; и ни тех, ни других господа продавать права не имели.

Цари Феодор Борисович Годунов и Василий Иоаннович Шуйский, будучи из бояр, прекратили переход крестьян и прикрепили их к земле. В царствование последнего открылось уже, что господа стали посягать на свободу холопей кабальных, по жалобе коих издан был указ, подтверждающий, чтобы рабами считать одних только пленных с их потомками; а холопьям служить на прежнем основании, только тем, кому кабалу на себя дали.

Царь Алексей Михайлович, по причине опустошения земель, причиненного предшествовавшими разорениями и мором, уничтожив дотоле существовавшую поземельную подать, учредил ее с дворов, что продолжалось до 1722 г., или до окончания первой подушной переписи, начатой в 1718 г. Сею переписью, или ревизиею,

---

[1]) Окончание записки Тургенева посвящено детальному рассмотрению каждого из видов «злоупотреблений» (стр. 450—460).

[2]) «Сборник историч. материалов, извлечен. из архива с. е. и. в. Канцелярии», вып. VII, СПБ. 1895, стр. 193—196. Записка эта осталась без последствий. Только в 1833 г. было запрещено разлучать семьи при продаже крепостных, а в 1841 г.—совершать купчие крепости на дворовых людей и безземельных крестьян и вообще приобретать их каким бы то ни было способом дворянам, не имеющим населенных имений.

все холопи без различия поверстаны были в один с крестьянами подушный оклад. Обстоятельство сие, равно как и рекрутский набор с семей, подали повод холопей превращать в крестьян и крестьян в холопей, отделять их от семей и под названием дворовых продавать по одиночке. Такое злоупотребительное попользновение, — при частых, впоследствии времени, переменах правительства, — сначала было послабляемо, терпимо по превратному толкованию прав, и, наконец, чрез долговременное употребление, став обычаем, облеклось видом коренного законного права.

Сия, законами, историею и государственным архивом подтверждаемая, истина, доказывает, что доныне существующая в России продажа людей, справедливое бесславие всей нации наносящая, никогда прямо не была дозволяема ее великими монархами и потому не может, по всей справедливости, почитаться законною. Но как никакая давность не может пред взором монарха — отца своего народа — освятить зло, удручающее одну часть его подданных и удержать скиптроносную десницу его от праведного искоренения сего зла, то никто из благомыслящих людей не может отрицать, чтоб уничтожение в России продажи людей не было делом праведным, священным и совершенно достойным благословенного ее Александра, и никто не должен сметь роптать на меры, какие к тому будут приняты. Они могут состоять в следующем:

1) Надлежит повелеть сделать новую ревизию в течение, если не двух, то, по крайней мере, полуторых лет.

2) По сей ревизии дворяне, имеющие поместья, всех дворовых своих людей должны приписать к своим поместьям, а не к домам в городах, им принадлежащим, и по тем же поместьям взносить следующие с них подати.

3) Всем беспоместным дворянам, имеющим дворовых людей, предоставить продать п р а в о с в о е на них в течение года, со дня издания манифеста, помещикам; но которые того сделать не похотят, или не успеют, и оставят дворовых людей при себе, те должны подать о них сказки в градские думы. Сии последние зачислят их в цех слуг и рабочих людей, живущих в услугах, и будут взыскивать с господ следующие за них подати.

4) В таком положении дворовые люди сии могут пробыть 10 лет, со дня же издания манифеста, а по истечении сего срока должны уже получить свободу и поступить в мещане, или остаться, по желанию, в цеховых.

5) С сим вместе постановить законом, чтобы по истечении года. предоставленного беспоместным дворянам на перепродажу дворовых людей, ни в одной уже гражданской палате, никакой подобный акт ни о продаже ни об отказе людей по одиночке, без поместий, к коим приписаны, не был совершаем и чтобы впредь в самых купчих на продаваемые поместья означаемо было, что продается недвижимое имение, состоящее из такого-то количества земли, с селом или деревнями, в коих п р и п и с н ы х по ревизии душ числится столько-то; вообще, чтобы было видно, что продается

земля, обитаемая людьми, а не люди с землею, ими возделываемою.

6) После сего никакой вывод крестьян не может уже быть допущен, кроме одного случая, в котором помещик, не имея достаточного количества земли по числу своих крестьян, приобретает в другом месте пустопорожнюю землю и на нее пожелает переселить часть своих крестьян, но и в таком случае должно быть испрашиваемо особое дозволение от правительства. Сие, однакож, не должно изменять права помещиков: давать свободу дворовым людям и крестьянам по одиночке и с семействами.

7) Самые дворовые люди при домах господских, в городах живущие, должны уже при продаже поместья, к коему приписаны, отходить к новому господину. Сие тем справедливее, что принужденный продать последнее свое поместье дворянин не может уже и содержать с пристойностию прежней при доме прислуги.

Когда все сие исполнится, тогда не будет уже в России ни одного лично крепостного человека, которого можно бы было продать, как собственность; не будет, следовательно, надобности промышлять преждевременные средства к свободе крестьян вообще, и, сверх того, еще произойдет из сего существенная польза, что пресечется легкое, и потому соблазнительное, средство к разорительному мотовству дворян. Ныне искушает некоторых мысль, что стоит только продать одного или двух человек, или одно семейство дворовых людей, и долг заплачен; таким образом неприметно от продажи по-семейно доходят до продажи всего имения; но тогда надобно уже будет вдаваться в мотовство на счет, по крайней мере, одного целого селения с принадлежащею к нему землею, что, конечно, многих остановит.

Но паче всего то, что имя человека в России избавится от конечного посрамления; позднейшее потомство будет благословлять мудрого, благодушного монарха; весь просвещенный свет совьет ему венцы, неувядаемые в самой вечности.

6.

Приказы генерала М. Ф. Орлова [1]).

Приказ по 16-й пехотной дивизии.

Дивизионная квартира. Город Кишинев.	Августа 3 дня 1820 года, № 3-й.

Вступив в командование 16 пехотною Дивизиею, я обратил первое мое внимание на пограничное расположение оной и на состояние нижних чинов. Рассматривая прежний ход дел, я уди-

---

[1]) Извлечены из дела Аудит. Департамента о майоре Раевском, 1827 г., № 42, том VII, листы 105—108. Ген. Орлов, как известно, был в 1822 г. отстранен от командования дивизией, и эти приказы инкриминировались ему как проявления опасной демагогии.

вился великому числу беглых и дезертиров. Устрашился, увидев, что начальство для прекращения побегов принуждено было приступить к введению смертной казни всей дивизии тогда как оная казнь в мирное время целой России не известна. Сие должно доказать каждому и всем, сколь велико то зло, для искоренения которого принята правительством столь строгая мера, противная столь общему обычаю отечества нашего.

Побеги в войсках могут случиться от многих разных причин, из коих главнейшая суть:

1-е. Недостаток в пище и пропитании. Я не думаю, чтоб нашелся хотя один чиновник в дивизии, которой осмелился не допустить солдату следующую ему пищу, положенную правительством; но ежели, сверх чаяния моего, таковые злоупотребления существуют где-либо в полках вверенной мне дивизии, то виновные не долго от меня скроются, и я обязуюсь пред всеми честным моим словом, что предам их военному суду, какого бы звания и чина они ни были. Все прежние их заслуги падут перед сею непростительною виною, ибо нет заслуг, которые могли бы в таком случае отвратить от преступного начальника тяжкого наказания.

2-е. Послабление военной дисциплины — сим разумею я некоторой дух беспечности и нерадения в частных начальниках, тем более предосудительный, что пример их действует быстро на самих солдат, — порождает в сих последних леность, а от лености все пороки. — Я прошу г.г. офицеров заняться крепко своим делом, быть часто с солдатами, говорить с ними, внушать им все солдатские добродетели, пещись о всех их нуждах, давать им пример деятельности и возбуждать любовь к отечеству, поручившему им свое хранение и свою безопасность. Когда солдат будет чувствовать все достоинство своего звания, тогда одним разом прекратятся многие злоупотребления и от сего первого шага будет зависеть все устройство дивизии. Большая часть солдат легко поймут таковые наставления; они увидят попечение начальства и сами почувствуют свои обязанности. Я сам почитаю себе честного солдата и другом и братом.

3-е. Слишком строгое обращение с солдатами и дисциплина, основанная на побоях. Я почитаю великим злодеем того офицера, которой, следуя внушению слепой ярости, без осмотрительности, без предварительного обличения, часто без нужды, и даже без причины употребляет вверенную ему власть на истязание солдат. Я прошу г.г. офицеров подумать о следующем: от жестокости и несправедливости в наказаниях может родиться отчаяние, от отчаяния произойти побег, а побег за границу наказывается смертию. Следовательно, начальник, которой жестокостию или несправедливостию побудит солдат к побегу, делается настоящим его убийцею; строгость и жестокость суть две вещи совсем разные: одна прилична тем людям, кои сотворены для начальства, другая свойственна тем только, коим никакого начальства поручить не должно. Сим правилом я буду руководствоваться, и г.г. офи-

церы могут быть уверены, что тот из них, которой обличится в жестокости, лишится в то же время насегда команды своей.

Из сего приказа моего легко можно усмотреть: в каком духе я буду командовать дивизиею. В следующих приказах я дам на сей предмет положительные правила, но я желаю, чтобы прежде всего г.г. начальники вникли в мое намерение и, убедившись в необходимости таковото с солдатами обращения, сделались бы мне сподвижниками в учреждении строгой, но справедливой дисциплины.

Предписываю в заключение прочитать приказ сей войскам в каждой роте самому ротному командиру, для чего буде рота рассеяна по разным квартирам, то сделать общий об'езд оным.— Ежели при об'езде полков солдаты по спросе моем скажут, что им сей приказ не извещен, то я за сие строго взыщу с ротных командиров.

Подлинной подписал генерал-майор Орлов 1-й.

Приказ по 16-й дивизии.

Дивизионная квартира. Город Кишинев. Генваря 6 дня. 1822 года, № 3-й.

Думал я до сих пор, что ежели нужно нижним чинам делать строгие приказы, то достаточно для офицеров просто об'яснить их обязанности, и что они почтут за щастие исполнять все желания и мысли своих начальников; но, к удивлению моему, вышло совсем противное. — Солдаты внемлют одному слову начальника; сказал: побеги вас бесчестят, и побеги прекратились. Офицеров, напротив того, просил неотступно укротить их обращение с солдатами, заниматься своим делом, прекратить самоправные наказания, щитать себя отцами своих подчиненных; но и по сих пор многие из них, несмотря ни на увещания мои, ни на угрозы, ни на самые строгие примеры, продолжают самоправное управление вверенными им частями, бьют солдат, а не наказывают, и не только пренебрегают исполнением моих приказов, но не уважают даже и голоса самого главнокомандующего.

В Охотском пехотном полку г.г. маиор Вержейский, капитан Гимбут и прапорщик Понаревский жестокостями своими вывели из терпения солдат. Общая жалоба нижних чинов побудила меня зделать подробное исследование, по которому открылись такие неистовства, что всех сих трех офицеров принужден представить я к военному суду. Да испытают они в солдатских крестах, какова солдатская должность. Для них и для им подобных не будет во мне ни помилования ни сострадания.

И что ж? Лучше ли был баталион от их жестокости? Ни частной выправки, ни точности в маневрах, ни даже опрятности в одеянии — я ничего не нашел; дисциплина упала, а нет солдата в баталионе, которой бы не почувствовал своими плечами, что есть у него начальник. После сего примера, кто меня уверит, что

есть польза в жестокости и что русской солдат, сей достойный сын отечества, которой в целой Европе почитаем, не может без побоев быть доведен до исправности. Мне стыдно распространяться более о сем предмете, но пора быть уверенным всем тем г.г. офицерам, кои держатся правилам и примерам Вержейского и ему подобных, что я им не товарищ, и они заблаговременно могут оставить сию дивизию, где найдут во мне строгого мстителя за их беззаконные поступки.

Обратимся к нашей военной истории: Суворов, Румянцев, Потемкин, все люди, приобревшие себе и отечеству славу, были друзьями солдат и пеклись об их благосостоянии. Все же изверги, кои одними побоями доводили их полки до наружной исправности, все погибли или погибнут — вот примеры, которые ясно говорят всем и каждому, что жестокое обращение с нижними чинами противно не только всем правилам, но и всем опытам. В заключение чего об'являю по дивизии: 1-е г. маеру Вержейскому отказать от баталиона, а на место его назначаю 32 егерского полка маиора Юмина, 2-е г. капитану Гимбуту отказываю от роты, 3-е г. прапорщику Понаревскому отказываю от всякого рода команды, 4-е всех сих офицеров представляю к военному суду и предписываю состоять на гоубвахте под арестом впредь до разрешения начальства.

Кроме сего, по делу оказалось менее виновными следующие офицеры, как-то: порутчику Васильеву во уважение того, что он молодых лет и бил тесаками нижних чинов прежде приказов г. главнокомандующего, г. корпусного командира и моего, маиорам: Карчевскому и Данилевичу, капитану Парчевскому, штабс-капитанам Станкевичу и Гнилосирову, порутчикам Калковскому и Тимченке и подпорутчику Китищину за самоправные наказания, за битие из собственных своих рук, делаю строгий выговор. Об'являю им две вещи: первую, что так как многие из них не спрошены комиссиею, то могут они, если чувствуют себя невинными, рапортом прямо на мое имя требовать суда, но тогда подвергнутся всем последствиям оного, и 2-е, что ежели еще за ними откроются таковые поступки, то подвергнутся участи Вержейского, Гимбута и Понаревского.— Предписываю приказ сей прочитать по ротам и об'явить совершенную мою благодарность нижним чинам за прекращение побегов в течение моего командования.

Подлинной подписал командир 16 пехотной дивизии
генерал-маиор Орлов 1-й.

7.

Проект судебной реформы.

(Из записки Н. И. Тургенева, представленной в ноябре 1822 г. адмиралу Н. С. Мордвинову)[1].

Для улучшения настоящего в России судопроизводства потребно ввести в оное:

1) Словесное производство дел.

2) Гласность судопроизводства.

3) Отделение и независимость части судной от правительственной.

4) Устройство судов, адвокаты и стряпчие.

В устройстве процесса уголовного вообще ныне существуют две различные системы оного. По одной из сих систем процесс производится в виде исследования, по другой процесс производится в виде обвинения. Первая система стремится к вынуждению от обвиняемого или подсудимого признания в вине, ему приписываемой; вторая стремится к уличению его. В первой занимают важное место допросы, делаемые посудимому; во второй—показания свидетельские. Первая основывается на исчислении доказательств, ведущих к осуждению; вторая, не занимаясь таковым исчислением доказательств, ищет основание приговору в уличении приговариваемого.

В России первое несовершенство следственной методы состоит в том, что следствие поручается чиновникам, не к судебному ведомству принадлежащим. Второе — священническое увещание, употребляемое для вынуждения признания от подсудимого...

Система вынуждения признания ведет у нас еще к другому пагубному обыкновению: к пристрастному допросу, которое есть не что иное, как пытка. Хотя таковой допрос законами воспрещен, но часто оный на самом деле употребляется и признается необходимым на том предрассудке, что без сего вынуждения нельзя от обвиняемого добиться признания.

Сие зло не может быть истреблено, как только с совершенным отвержением вынуждения и принятия системы уличения, с узаконением спрашивать не обвиняемого, а свидетелей, соображать обстоятельства дела, а не ответы неполные, противоречащие один другому допрашиваемого, часто глупого, часто устрашенного, всегда же пред судом в понятии и чувствах смущенного...

Петр Великий постановил законом «и самое признание подсудимого не почитать достаточным доказательством виновности». Но сей закон почти всегда на суде забыт бываем.

---

[1]) «Архив гр. Мордвиновых», т. VI, СПБ. 1902 г., стр. 299—312. Записка эта, предвосхищавшая в своих основаниях почти на полстолетия «судебные уставы» 1864 г., никаких практических последствий не имела и осталась без движения в бумагах Н. С. Мордвинова.

Оставляя нынешние наши законы в полной силе относительно доказательств, можно бы, с великою пользою, допустить на суде и решение не по точным словам закона, но по убеждению, коль скоро сим решением наказание законное уменьшается.

Нет причины мыслить, чтобы учреждение суда присяжных в России было сопряжено с непреодолимыми препятствиями. Нам оно не чуждо. Судебник представляет нам остов плода свободы диких германцев; суд целовальников издревле в России существовал.

Но возможное в лесах германских почему невозможно теперь в России? Учреждение, существовавшее во времена Иоанна Грозного, почему не может быть воскрешено и усовершенствовано во времена Александра? Все благое, все общеполезное вводить гораздо легче, нежели как обыкновенно думают. Доброе предположение всегда само по себе содержит некоторый залог хорошего исполнения...

Об отдельности и независимости части судной от правительственной.

Отдельность судебной части от правительственной состоит в отстранении всякого влияния чиновников исполнительных не только на судопроизводство, но даже и на самое следствие, которое, хотя и может иногда производимо быть чиновниками исполнительной или полицейской части, но не иначе, как по точным предписаниям и под исключительным надзором суда.

Независимость власти судной состоит в безответственности оной и в беспрекословном исполнении приговоров, произносимых ею по известным правилам и обрядам, без всякого участия власти правительственной.

Дабы на самом деле оградить и сделать действительною сию независимость, законодатели некоторых государств перенесли оную на самые лица, постановив несменяемость судей.

Сие отделение есть корень правосудия, которое, в свою очередь, есть корень гражданского благополучия людей.

Наше законодательство отделяет часть судную от правительственной; но вместе с сим освящает и смешение сих властей, предоставляя следствие чиновникам власти исполнительной, обязывая начальника правительственной части в каждой губернии пересматривать решение уголовной палаты и допуская рассмотрение дел судных в общем собрании Правительствующего Сената, в коем присутствуют и члены, для исполнительной власти определенные.

Для производства следствия должны быть учреждены особые чиновники судебной власти.

Так как и самое предание суду должно происходит не иначе, как по приговору судейскому, то всего приличнее, кажется, учредить особые следственные суды, которые решали бы о предании обвиняемого суду или о прекращении всякого над ним дела.

Об адвокатах и стряпчих.

Люди судятся и осуждаются у нас без законной защиты, ибо не имеют законных защитников. Хорошее законодательство требует, чтобы всякий подсудимый непременно имел адвоката. Суд не должен приступать к делу, пока подсудимый не представит адвоката, и, в случае нужды, сам такового назначает.

Весьма полезно было бы допустить почетных адвокатов. В сие звание могли бы вступать все люди, другим частям службы, другим занятиям себя посвятившие. Принятие звания почетного адвоката людьми, пользующимися общим уважением, возвысило, облагородствовало бы сие достоинство.

Сословие адвокатов может быть рассадником для сословия судей.

Учреждение сословия адвокатов представляется тем необходимее, если приняты будут вышеприведенные предложения о гласности, о словесном делопроизводстве и т. д.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ
ПЕРВЫЕ ТАЙНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕКАБРИСТОВ.

Союз Спасения.

(1816 — 1817.)

Союз Спасения, или, как называл его Пестель, общество истинных и верных сынов отечества, был первой конспиративной организацией, преемственно связанной с последующими тайными политическим об'единениями декабристов — Союзом Благоденствия и Обществами Южным и Северным [1]).

Как указывает в своих показаниях и записках один из учредителей Союза Спасения — кн. С. П. Трубецкой, «первое начатие» общество получило в Петербурге, 9 февраля 1816 г. Из шести его инициаторов (А. Н. и Н. М. Муравьевы, кн. С. П. Трубецкой, И. Д. Якушкин, М. И. и С. И. Муравьевы-Апостолы) четверо принадлежало к «артели», об'единявшей передовую офицерскую молодежь лейб-гвардии Семеновского полка. Одними из первых к тайному обществу присоединились П. И. Пестель, кн. Ф. П. Шаховской, И. П. Шипов, М. А. Фон-Визин, Н. М. Новиков и Ф. Н. Глинка.

Постепенно расширяя сферу своих действий, влияния и интересов, Союз Спасения вовлек в ряды своих членов и наиболее активные элементы кружка М. Ф. Орлова, пытавшегося перед тем организовать совместно с гр. Дмитриевым-Мамоновым «Орден Русских рыцарей» — тайное общество с программою аристократической конституции и лозунгами воинствующего национализма. Элементов и того, и другого не был, впрочем, чужд и Союз Спасения.

---

[1]) Первая критическая сводка материалов о Союзе Спасения дана В. И. Семевским в биографии декабриста М. А. Фонвизина в изд. «Общественные движения в первой половине XIX в.», СПБ., 1905 г., т. I, стр. 16—22; много ценных дополнительных розысканий о «Союзе Спасения» сделано В. И. Семевским в его «Политических и общественных идеях декабристов», СПБ. 1909 г., стр. 417 — 420; 669 — 671; М. В. Довнар-Запольским в книге «Тайное общество декабристов», М., 1906 г., стр. 1—26 и П. Е. Щеголевым в изд. «Декабристы», П., 1920 г., стр. 5—8.

Если Пестель в своих показаниях (от 6 апреля 1826 г.) основные задания Союза определял, как «освобождение крестьян от крепости» и «введение монархического конституционного правления», то И. Д. Якушкин «отстранение иноземцев от влияния в государстве» полагал одной из важнейших «посредственных целей».

Отчетливые организационные формы Союз Спасения получил только в январе 1817 г. — в результате работ особой «статутной» комиссии в составе С. П. Трубецкого, П. И. Пестеля, И. А. Долгорукова и Ф. П. Шаховского. Как указывал впоследствии Пестель, «статут первого общества имел много клятв и форм, потому что составлен был в духе масонских учреждений, форм и клятв». Каждая из четырех степеней, по которой распределялись члены Союза, имела свой ритуал. «Обряды приема, — говорит Никита Муравьев, — долженствовали быть торжественные. Вступающий давал клятву сохранить в тайне все, что ему скажут, если оно не будет согласно с его мнением; по вступлении он давал другую клятву. Каждая степень и даже старейшины имели свою клятву». Это влияние масонской обрядности было далеко не случайно: многие из членов Союза были ревностными членами русских и заграничных масонских лож, формы обрядности которых могли быть легко использованы и в целях лучшей конспирации.

На первых порах вожди Союза Спасения предполагали «ограничиться действием на умы и приобретением членов, пока общество усилится».

Рядовым членам общества рекомендовалось: «Подвизаться на пользу общую всеми силами, и для того принимаемые правительством меры или даже и частными людьми полезные предприятия поддерживать похвалою, а когда имеешь возможность, то и на самом деле оным содействовать; препятствовать всякому злу и для того разглашать злоупотребления чиновников по службе и должностям их, также и всякие бесчестные поступки частных людей, которые дойдут до сведения общества... Тех, на кого кто лично действовать может, отвращать от дурных дел советами своими. Обязанности были: содействовать к сей цели показанными мерами, приискивать людей способных и достойных войти в состав общества; о таковых давать заранее Обществу знать, чтобы можно было собрать о них каждому члену сведение, не удостоверяться о достоинствах и доброй нравственности их по одним слухам, но стараться изыскивать средства, испытывать их. Самим членам вести себя и поступать во всех отношениях как по службе, так и в част-

ном быту таким образом, чтоб никогда не заслужить ни малейшей укоризны».

В бумагах Ф. Н. Глинки сохранилась очень любопытная «памятка», представлявшая собою программу его деятельности как члена Тайного Общества: «Порицать: 1) Аркачеева и Долгорукова; 2) военные поселения; 3) рабство и палки; 4) леность вельмож; 5) слепую доверенность к правителям канцелярий (Геттун и Анненский); 6) жестокость и неосмотрительность уголовной палаты; 7) крайнюю небрежность полиции при первоначальных следствиях; желать открытых судов»...

Однако полагать, что требованиями морального воздействия на общество и правительство ограничивались задания Союза Спасения, нет никаких оснований. «Тайное Общество» — утверждал в одном из своих показаний Пестель, — «было революционное с самого начала своего существования и во все продолжение не переставало никогда быть таковым. Перемены, в нем происходившие, касались собственно его устройства и положительнейшего раз'яснения его цели, которая всегда пребывала революционная. О ней знали лишь немногие, а остальным говорилось глухо, что целью образования Общества есть введение нового порядка в управлении». Конечная цель Союза — как подтверждают показания и И. Д. Якушкина — «предполагалась быть известной одним только членам высшей степени, равно как и намерение в случае смерти царствующего в то время императора не прежде принести присягу наследнику, как по удостоверении, что в России единовластие будет ограничено представительством». Таким образом, еще в Союзе Спасения серьезно учитывались те возможности, которые предопределили схему действий Северного Общества в дни междуцарствия 1825 года.

Ряд дошедших до нас свидетельств о Союзе Спасения позволяет с совершенной определенностью утверждать об очень рано обозначившемся расслоении в среде его членов. Раскол обозначился, правда, не по идеологической линии, а по вопросам чисто тактического порядка; разногласия определялись не принципами, а темпераментами; спор шел не столько о способах, сколько о сроках. Если большинство деятелей Союза не склонно было выходить из усвоенных в самом начале рамок внешней лойяльности, то в рядах влиятельного меньшинства были сторонники дворцового переворота и немедленного осуществления цареубийства.

Неясности устава, основанного — по официальной формулировке Никиты Муравьева — «на клятвах, правиле слепого повино-

вения, проповеди насилия, употреблении страшных средств» и т. п. — открывали полный простор для подобного рода расхождения, что необычайно нервировало и заставляло постоянно быть настороже умеренных вождей Тайного Общества.

Поход гвардии осенью 1817 года в Москву, где на несколько месяцев об'единилось очень много членов Союза, решено было использовать для коренной его реорганизации. В соответствии с тенденциями большинства, в основу нового устава приходилось положить принципы «медленного действия на мнения». Союз Спасения был об'явлен закрытым, и, впредь до утверждения новых статутов, учреждено временное тайное общество под названием Военного, об'единившее, по характерному утверждению И. Д. Якушкина, «всех порядочных людей из молодежи, бывшей тогда в Москве». Во главе двух управ, руководивших деятельностью Военного Общества, стали Никита Михайлович Муравьев и А. А. Катенин.

Союз Благоденствия.

(1818 — 1821.)

Работа по составлению нового устава была значительно облегчена присылкой из-за границы кн. Ильей Долгоруким печатного статута прусского патриотического союза Добродетели (Tugendbund), действовавшего в 1808 — 1809 гг. и сыгравшего, как известно, довольно крупную роль в деле национального возрождения Германии. Устав этот признано было желательным «применить к состоянию России», и в результате четырехмесячной работы редакционной комиссии в составе Никиты и Михаила Муравьевых, кн. Трубецкого и Петра Колошина появились «Законоположения Союза Благоденствия», или «Зеленая Книга» (как назывался статут по цвету его переплета).

От своего немецкого образца устав этот резко отличался лишь двумя пунктами, свидетельствовавшими — с одной стороны — о бо́льшем радикализме русского тайного общества в вопросах чисто политических и — с другой стороны — об определенном консервативном уклоне его в области социально-экономической [1]).

[1]) Важнейщими исследованиями, посвященными Союзу Благоденствия, являются следующие: А. Н. Пыпин, «Общественное движение в России при Александре I», изд. 4-ое, СПБ., 1908, стр. 547—576 (не ссы-

Так, из немецкого устава при приспособлении его к русским условиям из'яты были, во-первых, все параграфы, гласящие о верности царствующему монарху и династии, и, во-вторых, статьи, требующие от членов тайного общества обязательного освобождения их крепостных крестьян.

Рассчитывая «распространением между соотечественников истинных правил нравственности и просвещения споспешествовать правительству к возведению России на степень величия и благоденствия», Союз предусматривал четыре основных сферы деятельности своих членов: 1) человеколюбие, 2) образование, 3) правосудие, 4) общественное хозяйство.

Если основываться на известных нам «Законоположениях», можно считать, что целями широкого внепартийного об'единения интеллигентных сил для культурно-просветительной деятельности, призывами к личному почину и проповедью «малых дел» — в рамках существующего политического и социального строя — исчерпывались задания новой тайной организации.

Как свидетельствует в своих воспоминаниях кн. Е. П. Оболенский, лишь «в дали туманной, недосягаемой виднелась окончательная цель — политическое преобразование общества, когда все брошенные семена созреют, и образование общее сделается доступным для массы народа». Несколько более четко говорит о том же в своих показаниях секретарь Коренного Совета Союза Благоденствия С. М. Семенов:

«Сокровенной целью, известной вначале только главным членам и которую впоследствии проникли и прочие члены, было представительное правление. Для достижения сей цели необходимыми средствами признаваемо было умножить сколько можно более число членов, усилить просвещение, распространить политические понятия и овладеть мнением общественным».

До нас дошло несколько авторитетных свидетельств о работе над «сокровенной» второй частью устава Союза, но, поскольку эта

лаемся на последнее. 5-ое издание, так как из него устранены важнейшие «приложения»); М. В. Довнар-Запольский, «Тайное общество декабристов». М., 1906, стр. 27—84; П. Е. Щеголев, «Исторические этюды». СПБ., 1913, стр. 173—198; В. И. Семевский, «Политич. и обществ. идеи декабристов». СПБ., 1909, стр. 419—446; С. Н. Чернов, «Несколько справок о Союзе Благоденствия перед Московским с'ездом 1821 г.». Саратов, 1924 и его же, «К истории политических столкновений на Московском с'езде 1821 г.», Саратов, 1925 г.

работа дальше черновых проектов не пошла, поскольку большинству членов она осталась неизвестной, мы серьезно учитывать ее значение в направлении деятельности Союза Благоденствия не можем. Наоборот, именно отказом от определенной и для всех обязательной политической платформы, открытием широкого доступа в «управы» элементам, оппозиционность которых не шла далее сочувствия филантропической проповеди «Зеленой Книги» — об'ясняется тот успех, который имела новая тайная организация в первые полтора года своих действий. К осени 1819 г. — как свидетельствуют воспоминания Н. И. Тургенева и «Записка» М. К. Грибовского — в Союзе Благоденствия было не менее 200 членов — цифра, значительность которой оттеняется справкой хотя бы о числовом составе Союза Спасения, едва ли об'единявшем даже в период своего расцвета более трех десятков работников.

На первых порах наиболее оживленно протекала работа Союза Благоденствия в Москве, но успех этот организация имела здесь не за счет старых дворянских гнезд, а столичного гвардейского офицерства. С возвращением гвардии в Петербург, туда переместился и «Коренной Совет» Союза, а оставшиеся в Москве члены (около 30) были прикреплены к двум «управам», одной из которых руководил Александр Муравьев, а другой — кн. Ф. П. Шаховской.

В Петербурге деятельность Союза развернута была гораздо шире,— кроме ячейки Коренного Совета и дружеских об'единений тех или иных членов, там работали три управы — при полках: Егерском, Измайловском и Московском, а также весьма успешно развивалась целая сеть особых «вспомогательных» обществ («Союз Русских», собиравшийся у Капнистов, Измайловский кружок, общество, основанное Ф. Н. Глинкой и Перетцом, «Зеленая Лампа»), построенных по типу совершенно автономных организаций, но всегда находившихся через кого-либо из своих учредителей в некоторой связи с «Коренным Советом» Союза. В приводимых далее воспоминаниях одного из виднейших деятелей Союза Благоденствия — кн. С. П. Трубецкого и «Записке», представленной ген. Бенкендорфу быв. членом Коренного Совета М. К. Грибовским, довольно четко охарактеризована работа по проведению в жизнь «законоположений» Зеленой Книги. Однако, далеко не во всех филиалах Союза Благоденствия устав этот пользовался признанием и авторитетом. П. И. Пестель, вождь левого крыла Союза, с самого начала протестовавший против усвоенного в Москве преж-

ними вождями Союза Спасения «умеренно либерального» курса, прямо склонен был считать «содержание Зеленой Книги не чем иным, как пустым отводом от настоящей цели на случай открытия общества и для показания вступающим». С переездом в Тульчин — главную квартиру 2-й армии — он вместе с полк. Бурцевым кладет основание новому разветвлению Союза — и вдохновляемая им управа, не довольствуясь «медленным действием на умы», — в порядок дня ставит вопрос о необходимости насильственного ниспровержения существующего политического и социального строя. Тульчинские директивы определяют позицию и мощной Бессарабской ячейки Союза (с ген. М. Ф. Орловым, В. Ф. Раевским и К. А. Охотниковым во главе) при 16-й пехотной дивизии. С конца 1819 г. с «южными» настроениями Коренному Совету приходится тем более считаться, что как раз правое крыло Союза в это время обнаруживает определенные признаки разложения.

Особенно тяжелым ударом для вождей Тайного Общества явился неожиданный развал обеих московских управ. Как устанавливает новейший исследователь этого периода С. Н. Чернов, — в Москве не оказалось ни «подходящих к строительству сильной организации дворянских элементов» ни «людей, способных вести повседневную планомерную работу такой политической организации, руководить ее внутренней жизнью, поддерживать и расширять ее связи в обществе, утверждать и углублять ее значение во враждебном ей внешнем политическом мире». От'езд из Москвы одних членов (Фон-Визин, Якушкин, М. Муравьев, С. Семенов) и трения среди других ускорили полную ликвидацию управ, а сам организатор их и вдохновитель — Александр Муравьев — даже формально порвал все связи с Союзом.

По тем же причинам, которые не позволили развернуть работы в Москве, не имели успеха и опыты заведения управ в Нижнем-Новгороде, в Тамбове, в Смоленске и в Полтаве.

Ослабленное отказом от политической деятельности А. Н. Муравьева и от'ездом за границу кн. С. П. Трубецкого консервативное крыло Союза Благоденствия было бессильно противостоять влиянию появившегося в конце 1819 г. в Петербурге Пестеля. Его деятельная пропаганда необходимости государственного переворота увлекает наиболее активных членов петербургской организации; они поддерживают Пестеля, когда он ставит на обсуждение Союза вопросы, совершенно непредусмотренные законоположениями «Зеленой Книги». Так, Пестель блестяще проводит обсу-

ждение вопроса о формах правления и добивается в январе 1820 г. признания большинством голосов желательности для России республиканского строя, а вскоре пытается из этого постановления сделать и соответствующие тактические выводы, т.-е. поднимает старый вопрос о методах скорейшей ликвидации самодержавия и порядке введения «временного правления». Добиться определенных решений в этой области Пестелю, правда, не удалось, но все в мае 1820 г. он возвращается в Тульчин, получив согласие Коренного Совета на значительное расширение прежних рамок агитации и пропаганды.

Если радикальный уклон петербургских верхов Союза Благоденствия в значительной степени определялся крепнущим курсом правительстевнной реакции, противостоять которой, пользуясь рецептами «Зеленой Книги», как доказывал Пестель, было политической наивностью, то «во глубине России» сознание необходимости перехода к более решительным действиям диктовалось тем крахом, которым неизбежно оканчивались на местах все опыты использования легальных возможностей. Чрезвычайно характерно, что работавший в Смоленской глуши, «сидящий на земле» образцовый сельский хозяин И. Д. Якушкин является к осени 1820 г. наиболее энергичным пропагандистом коренной реорганизации Союза. Выступив перед тем с проектом адреса к императору Александру I, который должен был содержать требование от имени всех членов Союза Благоденствия созыва — ввиду бедственного состояния народного хозяйства — Земской Думы, он скоро убеждается в безнадежности этой затеи и старается компенсировать ее под'емом деятельности всех тайных обществ, предварительную организацию которых должен провести Всероссийский с'езд членов Союза Благоденствия в Москве.

Предложение И. Д. Якушкина одинаково отвечало интересам и правой, и левой части Союза, расслоение в котором было ускорено и обострено событиями, связанными со вспышкой в Семеновском полку.

Стремление к более решительной и определенной политической деятельности в рядах членов Союза — с одной стороны — и беспощадная ликвидация правительством всех проявлений оппозиции — с другой — делали невозможной дальнейшую связь с тайной роганизацией для многих из оппортунистически настроенных участников старых управ. Что же касается тех деятелей Союза Благоденствия, которые склонялись к планам госу-

дарственного переворота, то для них избавление от политически и морально неустойчивых элементов диктовалось элементарными требованиями предосторожности.

С'езд, открывшийся в Москве в первых числах января 1821 г., не был тайной для высших военных властей. Вот что писал за несколько дней до реорганизации Союза командир гвардейского корпуса ген. И. В. Васильчиков начальнику главного штаба кн. П. М. Волконскому: «Известия, которые я только что получил, мне кажутся столь важными, что необходимо вам их сообщить; они касаются свидания, которое должно состояться в Москве между генералом Фон-Визиным, Михаилом Орловым, полковником Граббе, командиром гусарского полка, Николаем Тургеневым, полковником Глинкой и Муравьевыми, отцом и сыном. Уверяют, что на этом с'езде хотят положить основания ассоциации, имеющей целью освобождение крестьян и перемену правления. По имеющимся сведениям, Фон-Визин уехал отсюда в Москву, Михаил Орлов должен туда же приехать из Киева, полковник Граббе просил и получил отпуск. Тургенев только что отправился в древнюю столицу, Глинка тоже просится туда же. Вы найдете весьма естественным мое уведомление, дабы вы приняли свои меры. Я не считаю это дело очень важным; но личности, которых я вам назвал, с такими сумасбродными головами, что достойны привлечь внимание правительства своими проделками» [1]).

Эти сведения получены были от променявшего только что звание члена Коренного Совета Союза Благоденствия на пост начальника тайного военно-полицейского розыска М. К. Грибовского, представившего впоследствии ген. А. Х. Бенкендорфу точный отчет о деятельности Союза Благоденствия за все время его существования. Однако о том, что организация уже почти открыта, своевременно осведомлены были и вдохновители с'езда. При таких условиях с'езд мог стать лишь на один из двух путей. «Во-первых, он мог ускорить свое неминуемое столкновение с властью и пойти на риск быстрого государственного переворота, без стеснения в средствах пропаганды и приемах борьбы. Такое решение требовало бы готовности всего состава Общества и наличия в его руках крупной военной силы. Во-вторых, он мог на длительный срок отложить столкновение с властью; тогда он должен был бы произвести незамедлительную чистку состава Общества от всех

---

[1]) «Русск. Арх.», 1875, II, 422—444).

ненадежных элементов и спрятать в глубоком подпольи работу его очищенного ядра. Эти два пути, действительно, отчетливо и вырисовались на с'езде» [1]). Предложение стать на первый путь получило обоснование в речи ген. М. Ф. Орлова, настаивавшего, между прочим, на немедленном устройстве тайной типографии для печатания и широкого распространения нелегальной литературы и на заведении фабрики фальшивых ассигнаций для получения необходимых оперативных средств и подрыва кредита правительства. Предложение это было резко отклонено, вожди с'езда стали на второй путь и, прокламировав закрытие Союза Благоденствия, занялись строительством новых конспиративных ячеек.

1.
Условия возникновения первых тайных организаций [2]).

Я вернулся на родину в конце 1816 года. Толчок, данный умам только что происшедшими событиями, или скорее возбуждение, ими произведенное, были очевидны. Именно с момента возвращения русских армий в свою страну либеральные идеи, как говорили тогда, начали распространяться в России. Кроме регулярных войск, большие массы народного ополчения также видели заграничные страны: эти ополченцы всех рангов, переходя границу, возвращались к своим очагам и рассказывали о том, что́ они видели в Европе. Сами события говорили громче, чем любой человеческий го́лос. Это была настоящая пропаганда.

Это новое настроение умов сказывалось преимущественно в тех местах, где были сосредоточены войска, особенно же в С.-Петербурге, деловом центре, включавшем многочисленные гарнизоны из отборных войск.

В таком государстве, как Россия, где мнения не могут обнаруживаться путем печати, о мнениях публики можно осведомиться не иначе, как прислушиваясь к разговорам, вникая в то, что чаще всего говорится, и внимательно наблюдая за всем, что происходит.

В странах, подчиненных деспотизму, общественное мнение проявляется также с помощью рукописной литературы, вроде той, которая обращалась во Франции перед 1789 г. в форме сатирических стихов и песен. Эта литература, распространявшаяся контрабандой, указывала на направление и настроение умов в России. Тогда появилось довольно много произведений этого рода, замечательных как по силе сатиры, так и по высоте поэтического вдохновения. Маленькие шедевры, дотоле небывалые, показывали, что дни, когда они расцвели, были эпохой оживления, надежд и,

---

[1]) С. Н. Чернов. Несколько справок о «Союзе Благоденствия» перед Московским с'ездом 1821 г. Саратов 1924 г., стр. 32.

[2]) Н. Тургенев. «Россия и Русские», том I, 1915 г., стр. 59—63, 67—69.

надо прибавить, здравого смысла и глубокой мысли. Периодическая печать также участвовала в этом движении умов. Предметы, до тех пор остававшиеся недоступными для публичного обсуждения, разбирались в серьезных сочинениях. Пресса больше прежнего занималась тем, что происходило в других странах и особенно во Франции, где производился опыт введения новых учреждений. Имена знаменитых французских публицистов были в России так же популярны, как и у себя на родине, и русские офицеры, забывая только что павшего в борьбе великого полководца, сроднились с именами Бенжамена Констана и некоторых других ораторов и писателей, которые как будто предприняли политическое воспитание европейского континента.

Я слышал, как люди, возвращавшиеся в С.-Петербург после нескольких лет отсутствия, выражали свое изумление при виде перемены, происшедшей во всем укладе жизни, в речах и даже поступках молодежи этой столицы: она, как будто, пробудилась к новой жизни, вдохновляясь всем, что было самого благородного и чистого в нравственной и политической атмосфере. Особенно гвардейские офицеры обращали на себя внимание свободой своих суждений и смелостью, с которой они высказывали их, весьма мало заботясь о том, говорили ли они в публичном месте или в частной гостиной, слушали ли их сторонники или противники их воззрений. Никто не думал о шпионах, которые в ту эпоху были почти неизвестны.

Правительство, далекое от мысли бороться с тем направлением, которое, видимо, принимало общественное мнение, показывало своими действиями, что его симпатии были на стороне здравомыслящей и просвещенной части населения. Доказательством тому могло служить поведение императора в Польше. В речи, произнесенной при открытии сейма в Варшаве, Александр вполне определенно об'явил, что его намерение было даровать также и России представительные учреждения.

Но дело не ограничилось дарованием Польше конституции. В присутствии различных лиц и, между прочим, дам, с которыми он любил вести непринужденные разговоры, император об'явил о своем твердом решении отделить от Империи прежние польские губернии и присоединить их к только что учрежденному царству.

Как бы то ни было, именно это предполагаемое намерение императора включить в состав царства Польского старинные области Польши сделало в России непопулярными все мероприятия Александра, направленные в пользу поляков. Не будь страха перед этим, пожалование Польше конституции не возбудило бы в русских того острого раздражения и той зависти, которые охватили русское общество. Возможно даже, что если бы дарование Польше конституции предстало перед глазами русского общества отдельно от других фактов, то единственным результатом этого было бы возникновение у одних и укрепление у других желания увидеть распространение подобных же преимуществ и на свою родину.

Мы сказали, что Александр обнаружил намерение даровать также и России представительные учреждения; мы можем прибавить, что он не думал ограничиться простым обещанием. Самодержец действительно велел выработать проект конституции для своей империи... Составление проекта было возложено на Новосильцева, императорского комиссара в Польше. По мере выработки различных частей, он представлял их для одобрения императору. В главе о выборах членов народного собрания было сказано, что депутаты назначаются избирателями. Что могло быть проще и естественнее этого? Тем не менее император остановился на этом параграфе и сделал замечание, что избиратели могут назначать таким образом, кого им заблагорассудится: «Панина, например». А как раз Панин, бывший министр иностранных дел, впал в немилость у его величества. Статья была тотчас же изменена, и избирателям решили предоставить лишь право представлять трех кандидатов, из числа которых правительство избирало бы депутата. Что может быть курьезнее такого способа фабриковать конституции!

Еще в тот короткий период либерализма, о котором мы говорили выше, при отблесках этой молниеносной идейной вспышки— если так можно выразиться—некоторые молодые люди задумали дать планомерный толчок новым идеям и способствовать их практическому осуществлению.

Находясь в Германии во время военных действий, они слышали о существовании тайных обществ; они усвоили идею этих обществ и решили об'единить в союзе, организованном наподобие этих обществ, лиц, проявлявших рвение к общественному благу. Спешу с самого начала поставить на вид, что русское правительство в то время внушало вообще так мало недоверия, казалось, даже в такой мере настроенным в пользу благодетельных реформ, что среди основателей общества шла речь о том, не следует ли обратиться к правительству за поддержкой. Лишь из опасения, что их намерения будут не поняты, они решили действовать без помощи и без ведома императора. Если в этом обстоятельстве сказалась неопытность первых основателей тайных обществ в России, то этим доказывается также их искренность и безобидность их намерений.

2.

Организация Союза Спасения [1]).

Некоторые молодые люди, бывшие за отечество и царя своего на поле чести, хотели быть верной дружиной вождя своего и на поприще мира. Они дали друг другу обещание словом и делом содействовать государю своему во всех начертаниях его для блага

[1]) Записки кн. С. П. Трубецкого. СПБ. 1907 г., стр. 11—13.

своего народа. Их было мало, но они уверены были, что круг их ежедневно будет увеличиваться, что другие, им подобные, не захотят ограничиться славою военных подвигов и пожелают оказать усердие свое и любовь к отечеству не одним исполнением возложенных службою обязанностей, но посвящением всех средств и способностей своих на содействие общему благу во всех его видах.

От поступающих в это маленькое общество требовалось: 1-е, строгое исполнение обязанностей по службе; 2-е, честное, благородное и безукоризненное поведение в частной жизни; 3-е, подкрепление словом всех мер и предположений государя к общему благу; 4-е, разглашение похвальных дел и осуждение злоупотребления лиц по их должностям. Действие общества должно было основываться на том рассуждении, что многие из правительственных лиц и частных людей будут восставать против некоторых намерений императора (как, напр., было касательно свободы крестьян), и, следовательно, как бы ни был слаб голос тех, которые стали бы их оправдывать, — но беспрерывное склонение в обществе разговора на известный предмет и оправдание его убедит многих, даст силу правительству привести в исполнение свое благое намерение.

Сначала молодые люди ограничивались только разговорами между собою. Еще неизвестно было, что именно государь намерен был сделать; но в уверенности, что он искренно желает устроить благо России, решено было дать форму обществу и определить порядок действий, которыми намерены были поддерживать и подкреплять предположения государя. 9 февраля 1816 года Пестель, Никита Муравьев, Сергей Шипов и Трубецкой положили основание обществу. К ним пристали Александр Николаевич Муравьев, Николай Новиков (бывший правитель канцелярии у кн. Репнина), Илья Бибиков, князь Илья Долгорукий, Федор Николаевич Глинка, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостол, князь Павел Петрович Лопухин и Якушкин. Пестелю, Долгорукову и Трубецкому поручено было написать устав Общества. Последний занялся правилами принятия членов и порядком действий их в обществе; Долгорукий — целью общества и занятиями его для ее достижения; Пестель — формою принятия и внутренним образованием. Он имел пристрастие к формам масонским и хотел, чтобы некоторые подобные были введены для торжественности. При первом общем заседании для прочтения и утверждения устава, Пестель поселил в некоторых членах некоторую недоверчивость к себе; в прочитанном им вступлении он сказал, что Франция блаженствовала под управлением комитета общественной безопасности. Восстание против этого было всеобщее и оно оставило невыгодное для него впечатление, которое никогда не могло истребиться и которое навсегда поселило к нему недоверчивость...

Масонские формы, введенные в заседаниях и в принятии членов, затрудняли действие общества и вводили какую-то таинственность, которая была в противности с характером большей части членов.

Они хотели действия явного и открытого, хотя и положено было не разглашать намерения, в котором они соединялись, чтобы не вооружить против себя неблагонамеренных. Общих собраний не требовалось, но только частные свидания для сообщения предметов, требовавших распространения сведений о них в публике. И потому положено было, чрез непродолжительное время, изменить в этом отношении устав, как признанный неудобным в приложении.

3.

Из показаний Пестеля [1].

Настоящая цель первого общества была введение монархического конституционного правления; а одно освобождение крестьян от крепости было целью при самом первом начале и весьма короткое время, но вместе с принятием устава об устройстве общества принята и цель конституции, о которой говорилось однакоже членам не прежде, как во второй степени, а в первой при начальном принятии говорилось только глухо, о введении нового порядка.

4.

Из записки М. Ф. Орлова [2].

Общество состояло из трех степеней: друг, брат и муж. Другом почитался всякий человек, имеющий свободный образ мыслей (liberal), знающий или незнающий о существовании Общества. Следовательно: другом и внесенным на их регистр мог быть всякий, кто бы он ни был и совершенно без ведома, ни согласия. — Братом назывался тот, кто дал клятвенную обязанность на свою верность, но коему тайна общества не была открыта. Мужем наречен был тот, кто знал тайну и дал клятву.

5.

Из показаний кн. С. П. Трубецкого [3].

Бояре (так назывались первоначальные члены) обязаны были, когда число их каким-нибудь образом уменьшится, стараться о пополнении оного новыми достойными членами, дабы Общество от

---

[1]) Дело Пестеля Госарх. I. В. № 394, л. 203.
[2]) М. В. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов, стр. 4.
[3]) М. В. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов. Киев, 1906, стр. 75—76.

убыли членов разрушаться не могло[1]). Присяга была: стремиться к цели Общества, хранить обязанности, покоряться решениям верховного Собора Боляр (так называлось главное управление). Точных слов присяги вспомнить не могу. Члены должны были собираться два раза в месяц или в каждом собрании назначать день на последующее по возможности, — упомнить не могу. Для собраний обрядов не было, были только для принятий, они были написаны особо при уставе; сколько упомнить могу, взяты были с некоторых обрядов масонских, но бо́льшая часть членов обрядов сих не хотела, так они и остались в забытьи...

Для управления, когда бы число членов размножилось, полагалось сделать округи, из коих каждый управлялся бы одною главною думою под председательством уполномоченного на то от верховного собора болярина; под ведомством сих главных дум были бы еще управы, из членов 2-го и 3-го разряда; а управляющие думами боляре сносились бы с верховным собором посредством одного из его членов, избирая его по собственному произволу. — Где болярин полномочия не имел, там он, если имел постоянное пребывание, то относился к полномочному и имел заседание в главной Думе.

Вот все, что имею я сказать об Обществе, учрежденном в 1816 году. Оно в ход не пошло. Члены, составившие его с самого почти начала его учреждения, большею частью раз'ехались; оставшиеся находили, что действие было затруднительно и не значаще, оттого очень к нему охладели[2]). Преобразовать и не умели, и не могли потому, что должны были бы сие сделать по общему всех боляр согласию. Отраслей никаких завести не могли; и так оно осталось до 1818 года, когда положили истребить устав и составить что-нибудь удобнейшее к исполнению.

6.

Из «донесения» Следственной Комиссии.

Некоторые члены (в том числе Пестель) уехали из Петербурга; иные находили неопределительность в цели, неудобства в исполнении предписаний устава; другие, особенно из тех, коим было только предложено вступить в Союз, между прочим, Михайло Муравьев, брат Александра, Бурцов, Петр Колошин, Якушкин, Фон-Визин, не иначе соглашались, как с тем, чтобы Общество

[1]) И сказано было, что если б каким-нибудь образом случилось так, что из всех боляр один только остался, то он должен также стараться о восстановлении общества. Имя боляр (т.-е. название болярин) должно было быть тайною для других членов.

[2]) Особенно нашли тогда, что приобретение новых членов вовсе невозможно тем, что по уставу требовалось от предлагающего кого-либо к принятию в Общество, чтоб были представлены от вводимого им, до уведомления его еще о существовании Общества, письменные доказательства о связях, знакомстве, образе мыслей его, делаемые ответами на заданные ему вопросы.

ограничилось медленным действием на мнения, чтобы Устав оного (по словам Никиты Муравьева), основанный на клятвах, правиле слепого повиновения, и проповедывавший насилие, употребление страшных средств: кинжала, яда [1]), был отменен, и вместо оного принять другой, коего главные положения заимствованы из напечатанного в журнале «Freiwillige Blätter» устава, коим будто бы управлялся Tugendbund. Коренные члены Союза, бывшие тогда в Москве с отрядом гвардии, долго не уступали сему желанию, и замечательно, что во время сих прений, на одном собрании, где находились Александр, Никита, Сергей, Матвей Муравьевы, Якушкин, Фон-Визин, Лунин и князь Федор Шаховской, родилась, или, по крайней мере, об'явлена в первый раз ужасная мысль о цареубийстве [2]). Одного члена, Александра Муравьева, князь Трубецкой уведомлял из Петербурга, «что государь намерен возвратить Польше все завоеванные нами области и что будто, предвидя неудовольствие, даже сопротивление Русских, он думает удалиться в Варшаву со всем двором и предать отечество в жертву неустройств и смятений». Сие известие, столь нелепое, как потом признали сами члены тогдашнего Тайного Общества, произвело на них действие едва вероятное. Они вскричали, что покушение на жизнь императора есть необходимость; один (князь Федор Шаховской), как показывает Матвей Муравьев, полагал только дождаться дня, когда будет в карауле полк, в коем он служил [3]); хотели бросить жребий, и, наконец, Якушкин, который в мучениях несчастной любви давно ненавидел жизнь, распаленный в сию минуту волнением и словами товарищей, предложил себя в убийцы. Он, в исступлении страстей, как кажется, чувствовал, на что решался: рок избрал меня в жертвы, говорил он; сделавшись злодеем, я не должен, не могу жить: совершу удар и застрелюсь. Все прочие, хотя и поздно, устрашились, или образумились и остановили его; генерал-маиор Фон-Визин доказывал, что известие, их смутившее, есть, без сомнения, неосновательное; с чем после и сам князь Трубецкой,

---

[1]) «Это было мною написано в подражании уставам некоторых масонских лож», говорит Пестель.

[2]) Пестель утверждает, что еще прежде, в том же 1817 году, Лунин говорил что если при начале открытых действий общества решатся убить императора, то можно будет для сего выслать на Царскосельскую дорогу несколько человек в масках. Лунин признается, что он, между прочим, говорил это. Пестель, как показывает Матвей Муравьев, хотел набрать из молодых отчаянных людей так называемую Cohorte perdue, (обреченный на гибель отряд) и поручить начальство оного Лунину, чтоб всех изгубить, pour fair main basse sur tous. Пестель в этом не сознается.

[3]) Князь Федор Шаховской, по словам того же Матвея Муравьева, из'явял в сие время готовность на ужаснейшие преступления, и другой Муравьев, Сергей, не иначе называл его, как le tigre; впоследствии он отстал от общества и жил в отдаленной от столиц деревне.

призванный ими в Москву для об'яснений, принужден был согласиться; Сергей Муравьев-Апостол, сверх того, в письменном мнении, которое прислал обществу в следующий день, представлял, что предположенное злодейство будет бесплодно: ибо Тайное Общество их не имеет еще средств оным воспользоваться. Якушкин повиновался, но, обвиняя сочленов своих в том, что они его побудили к преступному, ими самими осуждаемому, намерению, он на-время разорвал связь с ними и Обществом, которое вскоре изменило свое образование, приняв новое имя Союза Благоденствия и предложенный новый Устав, сочиненный Александром, Михайлом Муравьевыми, князем Сергеем Трубецким и Петром Колошиным.

7.

Организация Союза Благоденствия [1]).

Общество названо по предмету своей цели Союзом Благоденствия, и эпиграф его означал твердое намерение членов посвятить всю свою жизнь исполнению этой цели. Его составляли слова спасителя: «Никто же возложа руку свою на рало и зря вспять управлен есть в царствие божие». Члены разделялись по предметам своих занятий или службы. Каждый по своей части обязан был приобресть познания, могущие сделать его полезнейшим гражданином, и сведения, потребные для содействия общества, которое само оставалось неизменно первоначальному своему назначению, — т.-е. к поддержанию всех тех мер правительства, от которых возможно ожидать хороших для благосостояний государства последствий; к осуждению всех тех, которые не соответствуют этой цели; преследование всех чиновников, от самых высших до самых низших, за злоупотребления должности и за несправедливости; исправление, по силе своей и возможности, всех несправедливостей, оказываемых лицам и защита их; разглашение благородных и полезных действий людей должностных и граждан; распространение убеждения в необходимости освобождения крестьян, приобретение и распространение политических сведений по части государственного устройства, законодательства, судопроизводства и пр., распространение чувства любви к отечеству и ненависти к несправедливости и угнетению.

Общее действие членов согласовалось с этими правилами, и, сверх того, каждый из них принимал обязанность освободить своих крестьян, когда поступят к нему во владение. Действие общества обнимало в своем предмете все сословия государства и все стороны управления и потому должно было определить каждому члену круг его действия, — для сего члены разделялись на четыре разряда по отраслям. Каждая отрасль состояла из управ, которой все

---

[1]) Записки князя С. П. Трубецкого. СПБ., 1907 г., стр. 19—21.

члены действовали по предмету своей отрасли. Управа управлялась председателем, который представлял предметы действия, члены сообщали сведения и доносили о своих действиях. Каждый член мог заводить вспомогательную управу. Цель вспомогательных управ была приготовить членов для союза. Все управы состояли под ведением Коренного Совета, который состоял из двадцати четырех членов. В Коренном Совете избирались председатель и блюститель. Последний соединял в себе общий надзор над всем действием и не дозволял ни в чем отступать от духа, цели и порядка действия, определенного по уставу Союза Благоденствия. Он же сверял все списки устава союза и скреплял их своею подписью. Ему подведомственны были блюстители управ, назначаемые в управы от Коренного Совета, из его членов. Вспомогательные управы не имели блюстителей особых, но блюститель той управы, которой член завел управу, имел над ней надзор. Сверх наблюдения за действием каждого члена и за его поведением, как члена союза, блюститель управы собирал сведения о лицах, которые предполагались к принятию в Союз. Он должен был стараться познакомиться с ними лично, чтобы короче их узнать и испытать, и только, по его представлению, мог быть принят новый член. Блюститель управы хранил список устава, он давал его прочитывать тому лицу, которое предложено было к принятию, и брал с него подписку, что он не будет никому сообщать о прочтенном; когда же прочитавший соглашался вступать в Союз, то давал другую подписку на вступление. Блюстители управ препровождали все подписки к блюстителю Коренного Совета и должны были иногда с ним видеться для сообщения ему о всех действиях и для совета с ним.

8.

Законоположение Союза Благоденствия [1].

КНИГА 1-Я.

ЦЕЛЬ СОЮЗА БЛАГОДЕНСТВИЯ.

§ 1. Убедясь, что добрая нравственность есть твердый оплот благоденствия и доблести народной, и что при всех об оном заботах правительства едва ли достигнет оное своей цели, ежели управляемые с своей стороны ему в сих благотворных намерениях содействовать не станут, Союз Благоденствия в святую себе вменяет обязанность распространением между соотечественниками истинных правил нравственности и просвещения споспешествовать

---

[1]) А. Н. Пыпин. Общественное движение в России при Александре I. Изд. 4-е, СПБ., 1908, стр. 549—550, 553—559, 564—575; печатается нами в выдержках; текст исправлен по экземпляру «Законоположения», имеющемуся в деле Следственной Комиссии. «Госарх. I. В. № 10».

правительству к возведению России на степень величия и благоденствия, к коей она самим творцом предназначена.

§ 2. Имея целью благо отечества, Союз не скрывает оной от благомыслящих сограждан, но, для избежания нареканий злобы и зависти, действия оного должны производиться в тайне.

§ 3. Союз, стараясь во всех своих действиях соблюдать в полной строгости правила справедливости и добродетели, отнюдь не обнаруживает тех ран, к исцелению коих немедленно приступить не может, ибо не тщеславие или иное какое побуждение, но стремление к общему благоденствию им руководствует.

§ 4. Союз надеется на доброжелательство Правительства, основываясь особенно на следующих изречениях Наказа в бозе почивающей государыни императрицы Екатерины Вторыя: «Если умы их недовольно приуготовлены к ним (к законам), то возьмите на себя труд их приуготовить, и вы тем уже много сделаете». И в другом месте: «Весьма дурная политика та, которая исправляет законами то, что должно исправлять нравами».

§ 5. В цель Союза входят следующие четыре главные отрасли: 1-я человеколюбие; 2-я, образование; 3-я, правосудие; 4-я, общественное хозяйство.

КНИГА 2-Я.

ОБЩИЕ ЗАКОНЫ СОЮЗА БЛАГОДЕНСТВИЯ.

Глава I.

Качества принимаемых, общие обязанности и права членов.

I. Качества принимаемых.

§ 1. Союз Благоденствия, имея целью общее благо, приглашает к себе всех, кои честною своею жизнью удостоились в обществе доброго имени и кои, чувствуя все величие цели Союза, готовы перенести все трудности, с стремлением к оной сопряженные.

§ 2. Союз не взирает на различие состояний и сословий: все те из российских граждан, дворяне, духовные, купцы, мещане и вольные люди, кои соответствуют вышеозначенному, исповедуют христианскую веру и имеют не менее 18 лет от роду, приемлются в Союз Благоденствия.

Примечание. Российскими гражданами Союз почитает тех, кои родились в России и говорят по-русски. Иноземцы же, оставившие свою родину, дабы служить чужому государству, сим самым уже заслуживают недоверчивость и потому не могут почитаться российскими гражданами. Достойным сего наименования Союз почитает только тех иноземцев, кои оказали важные услуги нашему отечеству и пламенно ему привержены.

§ 3. Женской пол в Союз не принимается. Должно, однакож, стараться нечувствительным образом склонять его к составлению человеколюбивых и вообще частных обществ, соответствующих цели Союза.

§ 4. Кто известен был за бесчестного человека и совершенно не оправдался, тот не может быть принят в Союз Благоденствия. Вообще все люди развращенные, порочные и низкими чувствами управляемые от участия в Союзе отстраняются.

II. Обязанности членов.

§ 5. Каждый член, вступив в Союз, обязан, судя по своим способностям, приписаться к которой-нибудь из отраслей, в цели означенных, и сколько возможно содействовать трудам ее.

§ 6. Каждый член обязан беспрекословно повиноваться всем законным повелениям властей Союза; ревностно исполнять все даваемые ими поручения и без досады подчиняться всем замечаниям, кои помянутыми властями за неисполнение обязанностей сделаны быть могут.

§ 7. Члены Союза не токмо не должны уклоняться от общественных обязанностей, но как истинные сыны отечества с удовольствием их принимать, с рачением исполнять и как непорочным поведением, так правосудием и благородством возвышать во мнении других занимаемое ими место.

§ 8. Во всяком звании, во всяком месте член Союза обязан помогать ближнему: оказывать уважение людям добродетельным и достойным, стараться вступить с ними в связь, извещая о том Союз; злым же и порочным противиться всеми средствами, общего спокойствия ненарушающими.

§ 9. Члены Союза должны и в общественной жизни вспомоществовать друг другу; члены дворянского состояния обязаны поддерживать членов купеческого, мещанского и земледельческого; а члены сих сословий должны также поступать между собою и относительно дворян; члены гражданской службы в разговорах вступаются за военных, а военные за гражданских; все сие, однакож, не вопреки правды и не в пользу порока или преступления. Вообще должен всякий распространять истину: что каждое сословие и служба, государству полезные, должны быть равно уважаемы истинными сынами отечества, и что презрения достойны только те люди, кои отступают от своих обязанностей и порок предпочитают добродетели.

§ 10. Всякой член под опасением взыскания обязан властям Союза доносить о всех противозаконных и постыдных деяниях своих сочленов.

§ 11. Прочие общие обязанности членов Союза естественным образом истекают из цели оного. Каждый член обязан, по мере сил своих, деятельно споспешествовать достижению сей цели — он должен личным примером и словом поощрять всякого к добродетели,

распространять сообразные с целью Союза понятия, говорить правду и безбоязненно подвизаться за оную, словом сказать, он должен стараться воздвигнуть ту нравственную стену, которая как нынешние, так и будущие поколения оградила бы от всех бедствий порока, и через то на вечных и незыблемых основаниях утвердить величие и благоденствие Российского народа.

§ 12. Всякий член обязан, вступив в Союз, вносить ежегодно в общественную казну двадцать пятую часть своего дохода. Союз в сем случае полагается совершенно на честность каждого вступающего; ибо добродетель, а не иное чувство, побуждает каждого содействовать общему благу.

III. Права членов.

§ 13. Различие гражданских состояний и званий в Союзе уничтожается и заменяется подчиненностью властям Союза. Сие, однакож, не должно препятствовать обыкновенному чиноположению: член Союза должен во всяком случае рачительнее всякого исполнять общественные обязанности.

§ 14. Всякой член не только имеет право, но обязан, по порядку, в законоположении означенному, участвовать в управлении и законодательстве Союза. Он также имеет право о всяком предмете подавать письменное свое мнение как низшему, так и высшему начальству Союза.

§ 15. Никто из членов не может быть обвиняем по одному только подозрению: он подвергается взысканию не прежде, как по пред'явлении достаточных против него доказательств.

§ 16. Всякий член имеет право учреждать или быть членом всякого рода правительством одобренных обществ, но извещать должен притом Союз о всем, в оных происходящем, и нечувствительным образом склонять их к цели Союза. Вступление же в такие общества, кои правительством не одобрены, членам Союза воспрещается; ибо он, действуя к благу России и, следовательно, к цели правления, не желает подвергнуться его подозрению.

§ 17. Никто без особенного поручения не может с посторонним говорить о занятиях и делах Союза; никто без особенного позволения не имеет права письменно излагать свои мысли ни против Союза, ни даже в пользу оного. Каждый член обязан, напротив того, избегать с нечленами всякого о Союзе спора; в случае же необходимости — защищать его и членов, с приличной благопристойностью.

§ 18. Хотя бы и не должно случаться, чтоб люди, даже несколько добродетельные, познав совершенно цель и неизменность хода Союза, от оного отступались, однакож, малодушные, влекущие жизнь почти растительную, по слабости и нерешимости, невинные ни в добрых, ни в худых своих поступках, вступив по мгновенному влечению к добродетели в Союз, а потом никем не подстрекаемые, возвратясь в природное положение совершенного

нравственного бездействия, могут терзаться мгновенною своею решимостью; и посему Союз, взирая на болезненное таковых нещастных положение, позволяет им отступить от оного, с тем, однакоже, чтобы хранить в тайне все известное.

Глава II.

Принятие членов, награждения, пени и исключения.

§ 19. Принимается в Союз Благоденствия только тот, кто имеет качества, означенные в четырех первых статьях первой главы.

§ 20. Каждый принимаемый до вступления в Союз должен пред'явить, на кого из знакомых имеет он достаточное для цели Союза влияние.

> Примечание. Достаточным для цели Союза называется то влияние, которое основывается на благорасположении или почтении и которое может обратить особенное внимание благорасположенного к желанию пользующегося сим расположением.

§ 21. Люди, всем известные по истинно хорошим качествам и неоспоримому влиянию, могут обойтись без таковото пред'явления.

§ 22. Каждый член до принятия своего подписывает следующее об'явление:

«Я, нижеподписавшийся, полагаясь на уверение, что ни в цели ни в законах Союза Благоденствия нет ничего противного вере, отечеству и общественным обязанностям, — честным моим словом обязуюсь, если мне оные по прочтении не понравятся, и я в Союз не вступлю, отнюдь не разглашать, наипаче же не порицать его».

§ 23. После сего, если, по прочтении первой части законоположений Союза, он пожелает вступить в Союз, то должен подписать следующее об'явление:

«Я, нижеподписавшийся, находя цель и законы Союза Благоденствия совершенно сходными с моими правилами, обязуюсь деятельно участвовать в управлении и занятиях его, — покоряться законам и установленным от него властям; — и, сверх того, даю честное слово, что даже по добровольном или принужденном оставлении Союза не буду порицать его, а тем менее противодействовать оному. В противном случае добровольно подвергаюсь презрению всех благомыслящих людей».

§ 24. От обязанности дать честное слово и подписку никто освобожден быть не может.

§ 25. Имена членов, оказавших рачительным исполнением своих обязанностей важные Союзу услуги, вносятся в почетную книгу, и подвиги их об'являются по всему Союзу.

§ 26. Тому из членов, который нерадит о своих обязанностях, делается сперва кроткое напоминание, а потом, если он не переменит своего поведения, то исключается из Союза.

§ 27. Тому, кто действует вопреки цели Союза, делается сперва кроткое напоминание наедине, потом при свидетелях; в третий же раз он исключается из Союза.

§ 28. Имена изгнанных из Союза членов вносятся в постыдную книгу.

КНИГА 3-Я.

ОБРАЗОВАНИЕ СОЮЗА.

Глава I.

Составление Коренного Союза.

§ 1. Соединение первых членов, согласившихся действовать по вышеизложенным постановлениям, именуется Коренным Союзом.

§ 2. От сих уже идет распространение Союза по всем частям государства.

§ 3. Коренной Союз избирает из среды своей шесть членов, коим вверяется главное управление Союза.

Совет Коренного Союза.

§ 4. Пять из сих членов именуются заседателями, а шестой блюстителем, коего должность состоит в особенном наблюдении за сохранением постановлений Союза. Пять заседателей и блюститель составляют Совет Коренного Союза.

§ 5. Под руководством блюстителя Совет Коренного Союза избирает одного из заседателей в председатели Совета на два месяца, а потом по жребию выбирают трех председателей на следдующие шесть месяцев.

§ 6. Председатель Совета именуется главою.

§ 7. Но дабы и остальные члены Коренного Союза участвовали в главном управлении, то каждые четыре месяца выходят по жребию двое заседателей из Коренного Совета и поступают в число остальных членов Коренного Союза. Блюститель выходит с последним заседателем.

§ 8. По мере выступления членов из Совета, оные заменяются другими из остальных членов Коренного Союза.

Коренная Управа.

§ 9. Сии остальные члены в соединении с Коренным Советом составляют Коренную Управу.

§ 10. Глава Совета Коренного Союза председательствует и в Коренной Управе. Заседатели также в оной находятся и первые места занимают.

§ 11. Каждый член Коренной Управы обязан составлять союзы или собрания, действующие в смысле общества и входящие в состав оного. Сии члены суть сначала единственные распространители Союза. Общества, ими учреждаемые, называются управами.

Полномочные Коренного Союза.

§ 12. Если б отсутствующие какие-либо пользовались доверенностью Коренного Союза, то оный имеет право причислить их в свой состав и сделать их своими уполномоченными для составления управ в том краю, где они находятся.

Занятия Коренного Совета.

§ 13. Коренной Совет: 1) сохраняет единство в действии Управ и содержит должную между ими связь; 2) распределяет полезные для союза работы и занятия между членами оного и составляет средоточие всех действий. Собирается, по крайней мере, раз в каждой месяц для получения донесений от основателей управ. Вообще в оном находится исполнительная власть.

Занятия Коренной Управы.

В самой же Коренной Управе состоят: законодательная власть, верховное судилище и выбор чиновников.

§ 14. Тот, кто без основательной причины откажется учредить управу, или какое-либо в смысле Союза общество, немедленно исключается из Коренного Союза.

Законодательная палата.

§ 15. Наконец, Коренной Союз назначает особую временную законодательную палату для рассмотрения, пояснения и исполнения законов Союза. Сия временная законодательная палата не может, однакож, изменить цели Союза: деятельность в общественных добродетелях и рвение ко благу всегда пребывают главными чертами всего Союза. Ежели Коренная Управа одобрит труды временной законодательной палаты, то оные законы будут иметь временную силу до окончательного утверждения их верховным правлением, имеющим установиться, лишь только союз совершенно составлен будет. Коренная Управа одобряет закон большинством голосов.

КНИГА 4-Я.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗАНЯТИЙ.

§ 1. Членам, в той или другой отрасли находящимся, поручен от Союза надзор в отечестве за всем, к их отрасли принадлежащим; они ведут все к цели учреждения оного, и о состоянии всего уведомляют Союз, дабы он мог, что требует исправления, принять

должные меры и довести до сведения правительства. Предмет каждой отрасли и способ действия определен ниже.

§ 2. Никакое злоупотребление в отечестве не доводится до сведения правительства частно от лица заметившего оное члена; но сие есть особенно действие правления Союза, которое берет для того самые благоразумные меры. Члену Союза не воспрещается однакож лично от себя обращать на злоупотребление внимание местного начальства.

§ 3. Никакое сочинение не издается от Союза без согласия правления оного; но члену не воспрещается издавать от своего имени те, которые не издаются Союзом, или те, которые он собственно от лица своего пожелает издать.

§ 4. Поручения членам даются от Союза сообразно занятиям отрасли или отдела, к которым они приписались. Однакож, член волен принять на себя и такое поручение, которое не сходствует с избранною им отраслью или отделом; ибо от воли его зависит принадлежать к одной отрасли или отделу, или к нескольким или даже и ко всем вместе.

§ 5. Как скоро основалась в каком месте управа, то члены оной, сходно с занятиями отрасли или отдела, к которому они приписались, избирают себе работу, о производстве которой сообщают совету своей управы, дабы он мог о успехах действия доставить сведения правлению Союза.

§ 6. О избрании членами отраслей или отделов, о препринятых ими работах и о успехах действия совет управы без отлагательства доставляет подробные сведения Коренному Совету.

§ 7. При распределении Коренным Советом занятий управам, если не означено имя члена, которому исполнение поручается, то совет управы распределяет оные сам, сообразуясь со способами членов и с избранными ими отраслями или отделами.

§ 8. Совет управы уведомляет Коренной Совет о поручениях, кому из членов какие розданы.

ОТРАСЛЬ ПЕРВАЯ.

ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЕ.

§ 9. Сия добродетель есть не только отличное качество истинного христианина, но даже и самых непросвещенных людей. Нет такого на свете человека, который бы совершенно был равнодушен к несчастию ближнего и в котором бы сострадание не возбудилось при виде подобного себе творения, в самых крайних потребностях нуждающегося. Когда же сея добродетели не лишены и дурных свойств люди, кольми паче должна она одушевлять Союз, целию своею поставивший трудиться к благоденствию соотечественников. Всякой при виде нещастного подаст ему помощь, нищему милостыню; но такое единовременное вспоможение может ли навсегда успокоить получающего оное; кроме того, сколько ви-

дим и таких беспутных людей, которые для удовлетворения своей лености скитаются по миру и снискивают нужное себе подаянием, тогда, когда бы они могли трудолюбием в свою очередь принести пользу отечеству и другим истинным несчастливцам; но вместо того они только тяготят отечество, возбуждают в других охоту к праздности и истребляют даже до остатков доброй нравственности. Сие-то зло искоренить и заменить его всеми противными ему благами, есть предмет сей отрасли и попечение членов, к оной приписавшихся, и для того Союз бдительным оком надзирает за всеми заведениями в отечестве, к сей отрасли относящимися, и старается о их усовершенствовании.

§ 10. Союз приглашает в сию отрасль общее уважение и состояние имеющих жителей городов, — всех тех, кои под ведением своим имеют человеколюбивые заведения, места заточения и исправления, также членов, врачебным искусством занимающихся.

§ 11. Члены сей отрасли обращают внимание помещиков на отклонение крестьян бродить по миру: и тех, у коих более таковых, подвергают суждению соотечественников, дабы тем заставить их взять меры к прекращению праздношатания.

§ 12. Вообще стараются склонять помещиков к хорошему с крестьянами обхождению, представляя: что подданные такие же люди и что никаких в мире отличных прав не существует, которые дозволяли бы властителям жестоко с подвластными обходиться.

§ 13. Уговаривают соотечественников к составлению человеколюбивых обществ и заведений, и вступают во все уже ныне существующие.

§ 14. Снабжают праздношатающихся людей работами, стараясь помещать их сообразно их способностям, и учреждая рабочие заведения, в которых бы упражняющиеся находили верное и безнужное пропитание.

§ 15. Для таких, которые уже не в силах кормиться трудами своими, устраивают пристанища. В сем числе находятся много дряхлых и изувеченных воинов, кои, употребя цветущие годы жизни своей на охранение отечества, лишены бывают всех способов провести остатки дней своих в спокойствии и большею частию вынуждены добывать пропитание подаянием. Сим благодарное отечество обязано оказать признательность за полученные от них услуги и успокоить их старость. Союз старается помещать их к казенным и частным спокойным местам и сооружать для них общими силами спокойные убежища.

§ 16. В губернских и больших городах члены Союза заводят п р и к а з ы, в которые приглашают являться всех желающих иметь места, или упражнения, свободных людей. Сии приказы доставляют им оные, смотря по их способностям, обращая строжайшее внимание на поведение представляющихся; и от тех, которые окажутся дурного поведения, требуют исправления и дают

им способы к оказанию оного; буде же они пребывают худого поведения или правил, то им отказывают. Управляющие для сих приказов избираются согласием советов управ, в городе находящихся, которым и отдают отчет в исполнении принятого поручения.

§ 17. Надзор за всеми человеколюбивыми заведениями и местами, где страждет человечество, поручен Союзом членам сей отрасли: описание находящихся таковых в местах жительства их, присылают члены правлению Союза и доводят до сведения его все недостатки и злоупотребления, какие в них замечены будут.

§ 18. Члены сей отрасли в путешествиях своих осматривают заведения, к оной принадлежащие, и о состоянии их уведомляют Союз.

§ 19. Прививание коровьей оспы, как важная предосторожность к сохранению жизни младенцов распространяется членами сей отрасли.

§ 20. Они также изыскивают способы к усовершенствованию человеколюбивых заведений в отечестве.

§ 21. Обозревают по возможности или описывают таковые в чужих краях.

§ 22. Издают повременные сочинения по сей части и распространяют, касательно оной, существующие уже сочинения.

ОТРАСЛЬ ВТОРАЯ.

ОБРАЗОВАНИЕ.

Отдел I.

Распространение правил нравственности.

§ 23. Хотя распространение правил нравственности и добродетели есть самая цель Союза и следственно обязанность каждого члена оного, однакож, поелику члены других отраслей особенно занимаются обозрением и улучшением уже существующего по части человеколюбия, правосудия и общественного хозяйства, то распространение сказанных правил особенно входит в обязанность членов отрасли образования, и важность сего достославного добровольно принятого ига с избытком может вознаградить за труды и неприятности, с оными сопряженные.

§ 24. Союз приглашает в сей отдел духовных особ и всех тех, кои, по положению своему в обществе, могут более действовать на нравственность.

§ 25. Распространение принятых Союзом правил производится: личным примером, словом и письмом.

Личный пример.

§ 26. Всякий член Союза, а особенно член второй отрасли, должен для подавания примера согражданам:

1) Отличным образом исполнять как семейные, так и общественные обязанности.

2) Во всяком месте по силе своей унижать порочных, презирать ничтожных и возводить добродетельных людей.

3) Во всех поступках оказывать благородство и высокость души, добродетельному человеку свойственные.

4) Не расточать попустому время в мнимых удовольствиях большого света, но досуги от исполнения обязанностей посвящать полезным занятиям или беседам людей благомыслящих.

5) Быть особенным образом привержену ко всему отечественному и доказывать то делами своими.

6) В управлении подвластными быть добросердечным и человеколюбивым, и примером честной жизни поощрять их самих к добродетели.

Словом: он должен как в помышлениях, так в важных и даже незначущих делах возвышаться над толпою беспечных, безумствующих и порочных людей.

§ 27. Дабы истинно хороший пример производил желаемое действие, каждый член, а особенно член второй отрасли, должен:

1) Стараться узнавать свойства знакомых своих и с добродетельнейшими усилить связь; заслужить их доверенность и наблюдать за их поступками, склонять их на путь добродетели.

2) Заводить новые связи с людьми, кои способны восчувствовать необходимость добродетели; заслужив их доверенность и уважение, утверждать их также примером своим в правилах нравственности.

3) Таким образом особенно поступать с молодыми людьми, кои, не получа совершенно основательного воспитания и вступая на поприще общественной жизни, с равной алчностью готовы принять как худые, так и хорошие впечатления.

Слово.

§ 28. Каждый член второй отрасли должен стараться во всех речах своих превозносить добродетель, унижать порок и показывать презрение к слабости.

§ 29. Он должен стараться речами своими приносить существенную пользу, а не блистать оными.

§ 30. Он должен распространять истины:

1) Что мнимые удовольствия и предметы различных человеческих страстей необходимо удаляют его от щастия.

2) Что исполнение обязанностей касательно ближнего есть вернейшее и единственное средство к достижению щастия.

3) Что из обязанностей касательно ближнего главнейшие суть в рассуждении отечества, и что стремление к общему благу есть дело каждого гражданина.

4) Что человек не иначе как с помощью веры может преодолеть свои страсти, противостоять неприязненным обстоятельствам и таким образом шествовать по пути добродетели.

5) Что вера наша состоит не в наружных только признаках, но в самых делах наших.

6) Что святые поучения ее не токмо не отстраняют нас от общественных обязанностей, но, напротив, истинный христианин есть наилучший семьянин, и вернейший сын отечества и деятельнейший слуга его.

§ 31. Он должен стараться:

1) Показать неразрывность собственного блага с общим и ничтожность так называемых личных выгод.

2) Убеждать в обманчивости и худых следствиях удовлетворения страстей.

3) Обнаруживать всю подлость лицемерия и несогласия оного с истинной верой.

4) Обращать внимание других на ужасные следствия лихоимства и необходимость противиться сему злу.

5) Доказать всем, что жестокость с подвластными есть дело бесчестное, ибо участь их без притеснений заслуживает не только сожаления, но и всевозможное старание улучшить оную.

6) Осмеивать слишком обыкновенную теперь искательность удовольствий и те предметы, в коих оного ищут.

7) Показывать всю нелепую приверженность к чужеземному и худые сего следствия, также стараться уверить, что добродетельный гражданин должен всегда предпочитать приятному полезное и чужеземному отечественное.

8) Внимание родителей обращать на воспитание детей.

9) Отвращать женский пол от суетных удовольствий и представлять ему новое поприще действий в распространении возвышенных чувствований, как-то: любви к отечеству и к истинному просвещению.

§ 32. Молодых знакомых своих должен склонять к полезным занятиям, учреждать с ними или между ними общества, занимать их различными предметами, но таким образом, чтобы всех занятий, всех действий, всех помышлений последствие было—о б щ е е б л а г о.

§ 33. Члены, владеющие поместьями, должны стараться иметь знающих и добродетельных священников, которые бы личным примером и поучениями старались навести прихожан своих на путь добродетели.

§ 34. Члены духовного звания, как избранные самим правительством для распространения правил добродетели, должны особенно стараться просвещать светских людей в смысле Союза. Они имеют также надзор за духовными особами, вне Союза состоящими, сообщают в Союз замечания свои на щет их поведения, дабы он мог споспешествовать трудам добродетельных и унижать козни порочных.

Письмо.

§ 35. Член второй отрасли обязан с дозволения Союза вступить во все правительством одобренные, о нравственности пекущиеся общества и извещать Союз о всех их действиях, дабы сей последний мог употребить надлежащие меры к соглашению оных с своею целию.

§ 36. Все сочинения, издаваемые членом сей отрасли, должны основною мыслию иметь распространение добродетели.

§ 37. Отдел распространения правил нравственности занимается общими силами: 1) Сочинением и переводом хороших нравственных книг; 2) рассмотрением уже существующих и 3) повременным изданием, в котором предлагаемы рассуждения о нравственных предметах, о добродетелях великих мужей и т. п. и осмеиваемы ныне господствующие, по виду малозначущие, но источник в пороках имеющие предрассудки.

Отдел II.

Воспитание юношества.

§ 38. Члены сего отдела должны стараться получать вернейшие сведения о учебных заведениях, в государстве существующих, доставлять их в Союз и предлагать начертания к вознаграждению замеченных недостатков. О примерно хороших, также и о худых воспитателях дают сведения правлению Союза, дабы оно могло способствовать возвышению первых и унижению последних.

§ 39. Они должны стараться получать по знакомству или службе участие в управлении учебными заведениями, дабы воспитанию юношества дать надлежащее направление и дабы учебные заведения, распространяя полезные познания, наибольшее внимание обращали на нравственное образование воспитанников.

Личный пример.

§ 40. Они по возможности обязаны сами заводить учебные заведения для воспитания молодых людей и сии заведения должны быть склоняемы к цели Союза.

§ 41. Члены, имеющие поместья, должны по возможности учреждать училища в деревнях своих и наблюдать, чтоб все шло надлежащих ходом.

§ 42. Касательно частного воспитания члены, имеющие в оном участие, т.-е. воспитывающие своих или чужих детей, должны стараться внушать им правила добродетели и веры; воспалить в них любовь к отечеству и ко всему истинно доброму и великому, снабдить их полезнейшими познаниями; словом, приуготовить их к жизни добродетельных людей, усердных и полезных граждан.

§ 43. При воспитании должны сколь возможно избегать чужестранного, дабы ни малейшее к чужому пристрастие не потемняло святого чувства любви к отечеству.

Слово.

§ 44. В разговорах о воспитании член должен стараться убеждать:

1) Сколь сильно действие воспитания на целую жизнь человека.

2) Сколь мало теперь пекутся об истинном воспитании и как бедно заменяет его наружный блеск, коим стараются прикрыть ничтожность молодых людей.

3) Что главный предмет в воспитании должен быть нравственность, и что никакое средство к возбуждению в юноше любви ко всему истинно доброму и великому не должно быть при оном отметаемо.

4) Что укрепление молодого человека в правилах веры и приверженности к оной есть сильнейшее средство к образованию его нравственности.

5) Что науки при воспитании должны ограничиваться способствованием к образованию рассудка и сердца, т.-е. к приуготовлению молодого человека не к другому какому-нибудь званию, но вообще к званию гражданина и добродетельного человека.

6) Что сии науки суть: для образования рассудка — точные науки; для образования сердца — бытописание; для приуготовления молодого человека к званию гражданина и для показания ему обязанностей его — государственные науки.

7) Сколь необходимо каждому для собственного щастия пещись о воспитании детей своих, и сколь сии родительские попечения сами по себе сладостны.

8) Что лучшее для женского пола и достойнейшее оного поприще состоит в воспитании детей сходно с правилами добродетели и веры.

Письмо.

§ 45. Члены сей отрасли должны и в сочинениях своих распространять те же самые истины.

§ 46. Отдел воспитания юношества должен заниматься: 1) описанием учебных заведений, как отечественных, так и чужеземных, с показанием их совершенств и недостатков; 2) сочинением и переводом книг о воспитании юношества и начертанием лучшего способа общественного и частного воспитания; 3) сочинением и переводом учебных книг по разным отраслям наук и 4) повременным изданием, в коем помещались бы: a) сведения о новых учреждениях, касательно воспитания в отечестве и чужих краях, b) статьи о воспитании и предметах, до него касающихся, c) разбор выходящих учебных книг.

Отдел III.

Распространение познаний.

§ 47. Союз, принимая в рассуждение, что из числа познаний, кои ум человеческой приобресть способен, те для него суть полезнейшие, кои по сердцу и по рассудку делают его способнейшим к споспешествованию общему благу, посредством сего отдела старается распространять особенно те науки, кои просвещают человека на щет его обязанностей и споспешествуют ему в исполнении оных.

Личный пример.

§ 48. Члены сего отдела, избранные из людей, приверженных к занятиям, должны предпочитать полезнейшие и званию гражданина приличнейшие.

§ 49. Члены, занимающиеся словесностью, должны на произведения свои налагать печать изящного, не теряя из виду, что истинно изящное есть все то, что возбуждает в нас высокие и к добру увлекающие чувства.

§ 50. Они должны стараться знакомых своих поощрять к полезным занятиям, способствовать им в сих трудах, имеющих дар слова обращать к истинно изящному и отвращать от низкого и посредственного.

Слово.

§ 51. В разговорах о учебных предметах:

1) Превозносить полезное и изящное, показывать презрение к ничтожному и вооружаться против злонамеренного.

2) Показывать необходимость познаний для человека, всю низость невежества и различие учености от истинного просвещения.

3) Обращать внимание на состояние и ход нынешнего просвещения.

4) Об'яснять потребность отечественной словесности, защищать хорошие произведения и показывать недостатки худых.

5) Доказывать, что истинное красноречие состоит не в пышном облечении незначущей мысли громкими словами, а в приличном выражении полезных, высоких, живо ощущаемых помышлений.

6) Убеждать, что сила и прелесть стихотворений не состоит ни в созвучии слов, ни в высокопарности мыслей, ни в непонятности изложения, но в живости писаний, в приличии выражений, а более всего в непритворном изложении чувств высоких и к добру увлекающих.

7) Что описание предмета или изложение чувства, не возбуждающего, но ослабляющего высокие помышления, как бы оно прелестно ни было, всегда недостойно дара поэзии.

Письмо.

§ 52. Те же самые истины члены сего отдела должны распространять и в сочинениях своих.

§ 53. Члены должны стараться вступать, с ведома Союза, во все ученые общества, склонять их к цели истинного просвещения.

§ 54. Отдел распространения познаний занимается:

1) Сочинением и переводом книг по следующим отраслям наук: a) по умозрительным наукам, поколику они полезны гражданину; b) по естественным наукам, особенно прилагая их к отечеству; c) по государственным наукам, извлекая из них ближайшее к отечеству; d) по словесности, обращая особенное внимание на обогащение и очищение языка. 2) Разбором известнейших книг по разным отраслям полезных наук, и 3) повременным изданием, в которое входит: a) рассуждения о разных учебных предметах; b) известия о различных открытиях; c) разбор выходящих книг и d) мелкие сочинения и стихотворения.

§ 55. Он старается изыскать средства изящным искусствам дать надлежащее направление, состоящее не в изнеживании чувств, но в укреплении, благородствовании и возвышении нравственного существа нашего.

ОТРАСЛЬ ТРЕТИЯ.

ПРАВОСУДИЕ.

§ 56. Все дела по разным частям управления в отечестве состоят под надзором членов сей отрасли.

§ 57. Они не только не отказываются и не уклоняются от должностей, особенно по выборам дворянства, но, напротив, ищут таковых мест; собственным непорочным и бескорыстным прехождением службы оные возвышают и сохраняют им всю их важность и достоинство. Строгое и ревностное исполнение возложенных по службе или государственных обязанностей есть отличная черта члена Союза Благоденствия.

§ 58. Наблюдают за чиновниками, вне Союза находящимися, и понуждают их, с помощью прочих членов Союза, к честному служению и вообще к таковому же обхождению во всех делах житейских, буде они от оного уклоняются.

§ 59. Вникают во все решаемые дела в присутственных местах, военных судах; клонят все на сторону справедливости.

§ 60. Соглашают различные племена, состояния, сословия и роды службы, в отечестве находящиеся, — представляя, что оные одинаково полезны, и всех их к одной цели направляют — к благоденствию России.

§ 61. Сия отрасль требует преимущественно пред прочими самого большого числа членов, ибо заключает более других действия,

затрудняемого притеснением и недоброжелательством многих; члены оной не оставляют ни мест своих, ни должностей в службе и тщатся не ослабевать в прехождении пути своего. Союз приглашает к сей отрасли: 1) Тех, кои за отдалением от мест, откуда просвещение в государство изливается, как-то от столиц и больших городов, тех, кои, за неимением способов по роду службы и занятий и непостоянному их жительству, не могут действительно участвовать в человеколюбии и просвещении. 2) Тех, кои живут в больших городах и столицах и имеют участие в различных отраслях правления. 3) Тех, кои состоят в какой-либо службе. 4) Тех, кои имеют общее уважение. И потому к сей отрасли приписываются большая часть военных чиновников, многие отставные люди, в уездах живущие и служащие по выборам дворянства, и вобще по другим частям.

§ 62. Члены сей отрасли:

1) Особенно нападают на дух раболепствия и властолюбия многих сограждан.

2) Обращают общее мнение против чиновников, кои, нарушив священные обязанности, истребляют то, сохранение чего поручено их попечению, и теснят и разоряют тех, которых долг повелевает им хранить и покоить.

3) Искореняют злоупотребления, в гражданскую службу вкравшиеся, особенно по выборам и в присутственных местах.

4) Выхваляют помещиков, известных своим добрым с подвластными обхождением.

5) Истребляют продажу крепостных людей в рекруты; отклоняют вообще от продажи их по одиночке, стараясь вразумить: что люди не суть товар и что только простительно одним народам, непросвещенным светом христианства, почитать подобных себе собственностию, участию коей каждый, имеющий оную, располагать может по произволению.

6) В пример другим ставят чиновников, ревностно свои обязанности выполняющих.

7) Вообще обращают свое действие на исправление всех случающихся злоупотреблений порока; на возвышение в общем мнении людей справедливых; вознаграждение невинно притесненных и угнетенных; словом, всякий член старается, по мере сил своих, воздавать каждому должное.

§ 63. Стараются склонять дворянство в уездах к определению достаточного жалования чиновникам, по выборам служащим, дабы тем самым отнять у бедных дворян обыкновенную ссылку на их малое состояние, от чего многие, не получившие надлежащего воспитания, не только преступлением не считают взятки, но даже вещью необходимою и должною, — ибо служат не для пользы сограждан, но для пропитания, а часто и для собственного обогащения. А как таковый почти повсеместный обычай есть ужаснейший

пример безнравственности и величайший производит вред отечеству, то все члены Союза, в какой бы они отрасли ни состояли, но имеющие земли и владения, должны непременно склонять сограждан, сим средством отвратить вышеозначенное зло.

§ 64. Члены (отрасли) правосудия о людях достойных и честных уведомляют Союз, который поощряет, одобряет или оказывает им пособие, буде они в них нужду имеют, и защищает их, если за правду гонение потерпят, — выставляя заслуги их на вид правительства. О бесчестных же уведомляют Союз для того, чтобы лишить их способов делать зло.

§ 65. Члены сии почитаются от Союза поставленными блюстителями справедливости. Они всегда действуют, говорят и судят право, не страшатся мнения малодушных, не считают себя нещастными, когда за истину страждут. Сильны будучи правдою, более еще укрепляются тесною взаимною своею связью и особенным покровительством Союза и правительства.

§ 66. Заводят вольные общества, имеющие все целию стремление к справедливому и подавление порока и неправды. В сих обществах необходимо собираема должна быть общественная казна для вознаграждения убытков, за правду понесенных.

§ 67. Многое можно бы еще прибавить ко всем сим занятиям, достойным обратить на себя все труды и старания членов отрасли правосудия; но мы предоставляем сие времени и успехам Союза. Лучше описывать сделанное уже для блага отечества, нежели предначертывать то, что еще делать надлежит.

ОТРАСЛЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО.

§ 68. По сей отрасли Союз занимается изысканием непреложных правил общественного богатства, о которых в течение стольких веков множество было различных прений и рассуждений,— способствует усовершенствованию всякого рода полезной промышленности,—старается водворить общественную доверенность,— противится вредному единоторжству, собирающему богатство в одни руки.

§ 69. В сию отрасль приглашаются:

1) Члены, общественным хозяйством и промышленностию занимающиеся.

2) Служащие по торговой части и по части государственного хозяйства.

§ 70. Они стараются предпочтительно ввести строгую честность в торговлю, ибо без оной всегда будет существовать недоверчивость.

§ 71. О новых и полезных открытиях извещают соотечественников посредством сочинений, или помещением их в повременных изданиях.

§ 72. Потерпевшим по несчастному стечению обстоятельств разорительные убытки стараются доставлять способы к вознаграждению их.

§ 73. Торгующие члены не преступают государственных постановлений, но, напротив того, стараются истребить злоупотребления, вкрадывающиеся в таможни, и доводят их до сведения Союза.

§ 74. Члены сей отрасли в местах их пребывания заводят по возможности страховые приказы для несчастных случаев, как-то: для вознаграждения убытков, от пожаров понесенных; для сего, определяя некоторый обеспеченный денежный вклад, предлагают жителям застраховать свои дома или другое какое строение, и, оценив дома, берут в приказ положенный рост, и определяют цену, какая выдаваема будет в случае несчастия. Начертания о таковых приказах присылаются членами правлению Союза, дабы оно могло их сообразить, избрать в каждом лучшее, и содержа связь сих приказов, тем более извлечь из них выгоды сделавшим на то вклады, и предохранить каждый из них от падения. В таковых приказах могут участвовать и не члены Союза; но правления оных зависят от него, разве только кроме тех случаев, когда они вольные.

§ 75. Члены сей отрасли заводят вольные общества для усовершенствования хлебопашества и прочих родов промышленности.

§ 76. Члены сей отрасли занимаются также описанием отечества, промышленности, торговли, состояния земледелия и проч. в местах их жительств.

§ 77. Все сии отрасли могут еще быть пополнены, и многоразличные действия их описать подробно невозможно; тем более, что они частно истекают от положения и способов членов, равно как и обстоятельств; но во всяком случае, во всяком месте и во всяком звании член Союза Благоденствия должен помнить, что он обязался рачительно и неутомимо содействовать благу отечества, и во всех действиях своих поступать сообразно сей великодушной цели. Награда его — уважение соотечественников.

Никто же возлож руку свою на рало, и зря вспять, управлен есть в царствии божии. (Еванг. от Луки.)

Конец первой части.

Союз об'являет ложным всякий список, нескрепленный печатью Союза и не подписанный блюстителем Коренного Совета.

Печать Союза: улей, окруженный пчелами с литерами С. Б.

9.

Из показаний Пестеля о Союзе Благоденствия [1]).

1.

Все члены Союза Благоденствия единодушно согласны были в намерении содействовать ко введению в России нового порядка вещей и в том, что сие иначе произведено быть бы не могло, как чрез количественное усиление членов общества и распространение тем самым Союза Благоденствия по елико возможно большим местам; но по всем прочим предметам и статьям не было общей мысли и единства в намерениях и видах. Сие разногласие относится преимущественно до средств, коими произвести перемену в России, и до порядка вещей и образа правления, коими бы заменить существовавшее правительство.

В сих двух отношениях ничего не было Обществом окончательного и решительного положено. Происходили одни только разговоры и прения без заключения; так что сказать можно, что сии два предмета в Обществе е щ е н е с о з р е л и совершенно, хотя и много о том толковано было и много сделано планов и проектов. Кончалось обыкновенно тем, что надо наперед усилить общество, а потом уже соображаться для действия с обстоятельствами и будущим положением дел Союза. Из сего должно произойти большое разнообразие в показаниях о сем предмете членов Союза, смотря на то, о каких мнениях они слыхали или каких мнений они держались сами.

Еще заметить долгом считаю, что многим членам из тех, которые в последние времена были принимаемы, об'явлено было, что планы действия и будущего предполагаемого образования государства есть дело вышних инстанций Союза, в сем отношении все уже сделавших. Сие было им сказано для того, чтобы вселить в них более доверенности к обществу и устранить умножение случаев к прениям, вводящим разногласия и холодность между членами. Часто одни и те же члены мнения свои переменяли или пополняли. Да и вообще едва ли найдется кто-либо из нас, который с самого начала все одно мнение бы имел...

Насчет времени и образа приведения в исполнение намерений Тайного Общества,... много было различных мнений и толков. Долгом считаю откровенно об'яснить, какое мнение было мое или коего я держался.

Во-первых, надлежало решить в подробности, какой новый образ правления Общество желает ввести. Я всегда об'яснял, что ежели сие не будет твердым образом постановлено и соглашено, то легко родиться могут партии и разные козни. Сего, однакоже, до сих пор постановлено в Обществе не было.

---

[1]) Показание от 7 января 1826 г., дело Пестеля, лл. 126, 127.

Во-вторых, надлежало Обществу усилить число своих членов до таковото количества, чтобы можно было посредством членов ввести образ мыслей Союза в общее мнение и намерения Союза передать, как можно более, в общее желание, дабы общее мнение предшествовало резолюции; а вместе с тем, дабы членов Союза так по всему государству распространить, чтобы через них можно было не только повсюду пресечь всякое сопротивление, но даже везде устроить содействие. Общество еще далеко было от такового положения своих дел, ибо еще было весьма слабо.

В-третьих, наконец, приступая к самому превращению, надлежало произвести оное в Петербурге, яко средоточии всех правлений и властей, а наше дело в армии и в губерниях было бы признание, поддержание и содействие Петербургу.

2 [1]).

В начале 1820 года было назначено здесь, в Петербурге, собрание Коренной Думы Союза Благоденствия. Так называлось собрание всех наличных в Петербурге коренных членов Союза. Сия Коренная Дума, по правилам Зеленой Книги, имела законодательную власть Союза. Коренными членами назывались те члены, которые присутствовали при учреждении Союза Благоденствия и первоначально в оный вступили. Председателем Союза был тогда граф Толстой, а блюстителем князь Долгоруков. Присутствовали в то время в Коренной Думе, сверх председателя и блюстителя, еще Тургенев, Лунин, Глинка, Иван Шипов, Сергей, Матвей и Никита Муравьевы и я, да еще некоторые другие, о коих не упомню.

Князь Долгоруков, по открытии заседания, которое происходило на квартире у полковника Глинки, предложил Думе просить меня изложить все выгоды и все невыгоды как монархического, так и республиканского правления, с тем, чтобы потом каждый член об'являл свои суждения и свои мнения. Сие так и было сделано. Наконец, после долгих разговоров было прение заключено и об'явлено, что голоса собираться будут таким образом, чтобы каждый член говорил, чего он желает: монарха или президента; а подробности будут со временем определены. Каждый при сем об'являл причины своего выбора, а когда дело дошло до Тургенева, тогда он сказал по-французски: Le président sans phrases, то-есть: Президент без дальних толков. В заключение приняли все единогласно республиканское правление. Во время прений, один Глинка говорил в пользу монархического правления, предлагая императрицу Елизавету Алексеевну. Сие заключение Коренной Думы было сообщено всем частным думам, а в том числе и Тульчинской. С сего времени республиканские мысли начали брать верх над монархическими.

---

[1]) Показания от 13 января 1826 г. («Былое», 1906, III, стр. 212—213)

Таким образом и после об'явления в начале 1821 года в Москве об уничтожении Союза Благоденствия, продолжало республиканское правление быть целью тех частей Союза Благоденствия, которые сказанное уничтожение не признали.

10.

Союз Благоденствия в период расцвета [1]).

Менее нежели в два года своего существования Союз Благоденствия достиг полного своего развития, и едва ли 18-й и 19-й годы не были самым цветущим его временем. Число членов значительно увеличилось; многие из принадлежавших к Военному Обществу поступили в Союз Благоденствия, в том числе оба Перовских; поступили в него также Ил. Бибиков, теперешний литовский генерал-губернатор, и Кавелин, бывший с.-петербургский военный генерал-губернатор. Во всех полках было много молодежи, принадлежащей к Тайному Обществу. Бурцев, перед от'ездом своим в Тульчин, принял Пущина, Оболенского, Нарышкина, Лорера и многих других. В это время главные члены Союза Благоденствия вполне ценили предоставленный им способ действия посредством слова истины; они верили в его силу и орудовали им успешно. Влияние их в Петербурге было очевидно. В Семеновском полку палка почти совсем уже была выведена из употребления. В других полках ротные командиры нашли возможность без нее обходиться. Про жестокости, какие бывали прежде, слышно было очень редко... Многие притеснительные постановления правительства, особенно военные поселения, явно порицались членами Союза Благоденствия, чрез это во всех кругах петербургского общества стало появляться общественное мнение; уже не довольствовались, как прежде, рассказами о выходах во дворце и разводах в манеже. Многие стали рассуждать, что вокруг их делалось.

11.

Упадок Союза Благоденствия в 1820 г.

1 [1]) [2]).

Сначала действия Союза Благоденствия пошли быстро. Управы образовались в Москве, в разных губерниях, в Петербурге между военными, гражданскими и неслужащими. Были и вспомогательные управы. В течение первого года, некоторые из лиц Коренного Совета выбыли из столицы, между ними и блюститель его Трубецкой, на место его был избран Долгорукий. Вскоре после приехал в Пе-

---

[1]) Записки И. Д. Якушкина, изд. 3-е, 1905 г., стр. 25—26.
[2]) Записки князя С. П. Трубецкого. СПБ., 1907, стр. 22.

тербург Пестель, который все был при графе Витгенштейне, тогда уже главнокомандующем 2-й армии. Он находил, что действие Союза Благоденствия медленно и вообще не в том духе, в котором, по его мнению, должно действовать. Сообщив, что не принял устава, продолжал свое действие согласно первому уставу. Многие члены возмущены были его рассуждениями, и общее действие охладело и лишилось единства. Между тем происшествия, случившиеся в лейб-гвардии Семеновском полку, и распределение всех членов в разные полки довершили расстройство Союза. Члены боялись собираться, чтобы не навести подозрения, многие испугались до того, что прекратили всякую связь с другими членами.

2 [1]).

Что касается числа членов Общества, то его никогда нельзя было точно определить. Многие из принятых в него вскоре выбывали. Когда я вступил туда (в конце 1819 г.), мне сказали, что к участию в Обществе привлечено более двухсот лиц, но что уже давно большинство их и сами основатели потеряли всякую связь с Союзом. Оставшиеся члены находились в С.-Петербурге, где их было больше всего, — в Москве, где они решительно ничего не делали, и в Тульчине, главной квартире 2-й армии. Утверждали, что в этом последнем месте Общество было более активным, но проявлений этой активности в Тульчине было не больше, чем в С.-Петербурге.

Таково было положение вещей, — Общество фактически не существовало более, — когда в С.-Петербург (в ноябре 1820 г.) прибыл один из московских членов. Он приехал заявить нам, что не следует оставаться в таком неопределенном положении; что нельзя сказать, существует Общество, или же его не существует вовсе; что члены, рассеянные по всем частям страны, были лишены всякого общения между собой и продолжали пребывать в полном бездействии; что необходимо, наконец, или распустить Общество, или же восстановить его на новых основаниях. Таково было мнение членов, живших в Москве. Нельзя было ничего возразить против этого.

12.

Подготовка с'езда членов Союза Благоденствия [2]).

Союз Благоденствия, казалось нам, дремал. По собственному своему образованию он слишком был ограничен в своих действиях. Решено было к 1 января 21-го года пригласить в Москву депутатов из Петербурга и Тульчина для того, чтобы они на общих совеща-

[1]) Николай Тургенев. «Россия и Русские», т. V, М. 1915, стр. 82—83.

[2]) Записки И. Д. Якушкина, изд. 3-е, стр. 41, 42, 43—44, 46, 52—53.

ниях рассмотрели дела Тайного Общества и приискали средства для большей его деятельности. Фон-Визин с братом должен был отправиться в Петербург, мне же пришлось ехать (в конце октября 1820 г.) в Тульчин...

В Тульчине члены Тайного Общества, не опасаясь никакого особенного над собою надзора, свободно и почти ежедневно сообщались между собой и тем самым не давали ослабевать друг другу. Впрочем, было достаточно уже одного Пестеля, чтобы беспрестанно одушевлять всех тульчинских членов, между которыми в это время было что-то похожее на две партии: умеренные, под влиянием Бурцева, и, как говорили, крайние, под руководством Пестеля... Бурцев уверял меня, что если Пестель поедет в Москву, то он своими резкими мнениями и своим упорством испортит там все дело, и просил меня никак не приглашать Пестеля в Москву. На совещании я предложил тульчинским членам послать от себя доверенных в Москву, которые там занялись бы вместе с другими определением всех нужных изменений в уставе Союза Благоденствия, а может быть, и в устройстве самого Общества. Бурцев и Комаров просились в отпуск и по собственным делам своим должны были пробыть некоторое время в Москве. Пестелю очень хотелось приехать на с'езд в Москву, но многие уверяли его, что так как два депутата их уже будут на этом с'езде, то его присутствие там не необходимо, и что, просившись в отпуск в Москву, где все знают, что у него нет ни родных и никакого особенного дела, он может навлечь подозрение тульчинского начальства, а может быть, и подозрение московской полиции. Пестель согласился не ехать в Москву. В Тульчине полковник Аврамов дал мне из дежурства подорожную по казенной надобности, и я с ней пустился в Кишинев к Орлову с письмом от Фон-Визина и поручением пригласить его на с'езд в Москву. Я никогда не видал Орлова, но многие из моих знакомых превозносили его как человека высшего разряда по своим умственным способностям и другим превосходным качествам... В Киеве Орлов устроил едва ли не первое в России училище взаимного обучения для кантонистов. В Библейском Обществе он произнес либеральную речь, которая ходила тогда у всех по рукам, и вообще приобрел себе в это время еще бо́льшую известность, нежели какой пользовался прежде. Каким-то случаем, он потерял место начальника штаба, но вскоре потом Киселев, который был с ним дружен, выпросил для него у императора дивизию во второй армии.

Командуя этой дивизией, он жил в Кишиневе, где опять завел очень полезное училище для солдат и поручил их надзору капитана Раевского, члена Тайного Общества и совершенно ему преданного. К несчастью, Раевский, в надежде на покровительство Орлова, слишком решительно действовал и впоследствии попал под суд. Сам же Орлов беспрестанно отдавал самые либеральные приказы по дивизии. Я с любопытством ожидал свидания с Орловым и встретился с ним, не доехав до Кишинева. С ним был ад'ютант его

Охотников, славный малый и совершенно преданный Тайному Обществу; я давно был знаком с ним. Прочитавши письмо Фон-Визина, Орлов обошелся со мной, как со старым знакомым... При прощании Орлов обещал мне непременно приехать в Москву.

13.

Московский с'езд 1821 г. и закрытие Союза Благоденствия [1]).

В первых числах января 21-го года Граббе, Бурцев и я жили вместе у Фон-Визиных. Скоро потом приехали в Москву из Петербурга Николай Тургенев и Федор Глинка, а потом из Киева Михайло Орлов с Охотниковым... На первом из этих совещаний были Орлов, Охотников, Н. Тургенев, Ф. Глинка, два брата Фон-Визины, Граббе, Бурцев и я.

Орлов привез писаные условия, на которых он соглашался присоединиться к Тайному Обществу; в этом сочинении, после многих фраз, он старался доказать, что Тайное Общество должно решиться на самые крутые меры и для достижения своей цели даже прибегнуть к средствам, которые даже могут казаться преступными: во-первых, он предлагал завести тайную типографию или литографию, посредством которой можно бы было печатать разные статьи против правительства и потом в большом количестве рассылать по всей России. Второе его предложение состояло в том, чтобы завести фабрику фальшивых ассигнаций, через что, по его мнению, Тайное Общество с первого раза приобрело бы огромные средства и вместе с тем подорвался бы кредит правительства. Когда он кончил чтение, все смотрели друг на друга с изумлением. Я, наконец, сказал ему, что он, вероятно, шутит, предлагая такие неистовые меры; но ему того-то и нужно было... На возражения наши он сказал, что если мы не принимаем его предложений, то он никак не может принадлежать к нашему Тайному Обществу...

На следующих совещаниях собрались те же члены, кроме Орлова. Для большего порядка выбран был председателем Н. Тургенев.

Прежде всего было признано нужным изменить не только устав Союза Благоденствия, но и самое устройство и самый состав Общества. Решено было об'явить повсеместно, во всех управах, что так как в теперешних обстоятельствах малейшею неосторожностью можно было возбудить подозрение правительства, то Союз Благоденствия прекращает свои действия навсегда. Этой мерой ненадежных членов удаляли из Общества. В новом уставе цель и средства для достижения ее должны были определиться с большею точностью, нежели они были определены в уставе Союза Благоденствия, и потому можно было надеяться, что члены, в ревностном

---

[1]) Записки И. Д. Якушкина, стр. 54—55.

содействии которых нельзя было сомневаться, соединившись вместе, составят одно целое и, действуя единодушно, придадут новые силы Тайному Обществу. Затем приступили к сочинению нового устава; он разделялся на две части: в первой для вступающих предлагались те же филантропические цели, как и в Зеленой Книге. Редакцией этой части занялся Бурцев. Вторую часть написал Н. Тургенев для членов высшего разряда. В этой второй части устава уже прямо было сказано, что цель Общества состоит в том, чтобы ограничить самодержавие в России, а чтобы приобресть для этого средства, признавалось необходимым действовать на войска и приготовить их на всякий случай. На первый раз положено было учредить 4 главные думы: одну в Петербурге под руководством Н. Тургенева; другую в Москве, которую поручали Ив. Ал. Фон-Визину; третью я должен был образовать в Смоленской губернии; четвертую брался Бурцев привести в порядок в Тульчине. Он уверял, что по приезде в Тульчин он первоначально об'явит об уничтожении Союза Благоденствия, но что вслед за тем известит всех членов, кроме приверженцев Пестеля, о существовании нового устава и что они все к нему присоединятся под его руководством. Устав был подписан всеми присутствующими членами на совещаниях и Мих. Муравьевым, который приехал в Москву уже к самому концу наших заседаний. Обе части нового устава были переписаны в 4 экземплярах: один для Тургенева, другой для И. А. Фон-Визина, третий для меня, четвертый для Бурцева. Но еще при самых первых наших совещаниях были приглашены на одно из них все члены, бывшие тогда в Москве. На этом общем совещании были князь Сергей Волконский, Комаров, Петр Колошин и многие другие. Тургенев как наш президент, об'явил всем присутствующим, что Союз Благоденствия более не существует, и изложил пред ними причины его уничтожения.

Тургенев, приехавши в Петербург, об'явил, что члены, бывшие на с'езде в Москве, нашли необходимым прекратить действия Союза благоденствия, и потом одному только Никите Муравьеву прочел новый устав Общества, после чего из предосторожности он положил его в бутылку и засыпал табаком. Из петербургских членов, деятельностью Никиты Муравьева, образовалось новое Общество.

14.

Записка о Союзе Благоденствия, представленная ген. А. Х. Бенкендорфом Александру I в мае 1821 г. [1]).

«В 1814 году, когда войска русские вступили в Париж, множество офицеров приняты были в масоны и свели связи с приверженцами разных тайных обществ. Последствием сего было, что они

[1]) Записка эта составлена членом Коренного Совета Союза Благоденствия М. К. Грибовским, взявшим на себя после Семеновской истории ор-

напитались гибельным духом партий, привыкли болтать то, чего не понимают, и, из слепого подражания, получили не наклонность, но, лучше сказать, страсть заводить подобные тайные общества у себя. Некоторые из оных не имели в виду никакой определенной цели; другие, напротив того, мечтали лишь о политике и о том, как возыметь влияние на правительство. Явная цель сих мнимых свободномыслящих (либеральных), точнее, своевольномыслящих, была введение конституции или, собственно, такого образа правления, под которым своеволие ничем не было бы удерживаемо, а пылким страстям, неограниченному честолюбию, желанию блистать предоставлена была бы полная воля. Разумеется, что вместе с тем надеялись занять высшие места в правительстве и, не опасаясь потери (потому что не имели ничего), воспользоваться выгодами переворота. С поверхностными большею частью сведениями, воспламеняемые искусно написанными речьми и мелкими сочинениями корифеев революционной партии, не понимая, что такое конституция, часто не смысля, как привести собственные дела в порядок, и состоя большею частью в низших чинах, мнили они управлять государством. Для прикрытия сколько-нибудь своего невежества бросились они к изучению политических наук и стали посещать частно преподаваемые курсы, где поверхностно ослепляли их блеском выражений и глушили громкими, но пустыми словами. Слабый желудок их, не имея предварительных оснований в вспомогательных науках, не сваривал сочинений лучших писателей, от чего и все их просвещение было мишурное.

«Стремление сие особенно заметно было в столице, где представляется более удобностей доставать правительством запрещаемые, по вредным правилам, сочинения. Может быть, споспешествовало сему близкое нахождение вместе множества офицеров, какое-то взаимное соревнование и влияние людей, кои скрытно подкрепляли сие брожение умов.

«Само собою разумеется, что необычайное воспаление не могло быть продолжительно. Лета, развлечение, занятия и переходы по службе охладили и развлекли многих; заведенные между ими разные общества рушились; сохранившееся же долее прочих, и с которым некоторые слились, было общество под названием Союза Благоденствия. Правила оного составляли особенную книгу, названную по цвету обвертки Зеленою Книгою. Она разделялась на две части, а последняя на четыре отделения. Написанная темным, мистическим слогом, она составляла смесь из правил разных тайных обществ, с весьма нескладным применением к отечественному. Краткая первая часть давалась для прочтения принимаемым по взятии от них подписки не открывать ничего; вторая часть сообщалась посвященным уже в тайны. Главные правила от-

---

ганизацию тайной военной полиции. Печатается нами полностью, по экземпляру, найденному после смерти Александра I в его кабинете («Госархив. I. В.», дело № 11) по книге Н. К. Шильдера «Александр I», т. IV, стр. 204—215 и менее исправно в «Русском Архиве», 1875 г. III, 423—430.

носились к попечению об усовершенствовании наук, художеств, всех ветвей государственного хозяйства, судопроизводства и пр. Таким образом, даже и для самих членов, менее опытных, прикрыта была тайная цель главных руководителей — возыметь влияние на все отрасли правительства, чего частные лица отнюдь присвоивать не могут. Средства к тому избраны: распускаемые слухи, рассказы в обществах, сочинения, особенно журнальные статьи, как более и скорее расходящиеся, дабы дать направление общему мнению и нечувствительно приготовить все сословия. Есть многое, до чего, как до больного места, чтоб не почувствовать, не должно прикасаться; но частые напоминания и, так сказать, беспрестанные атаки по заведенной системе на понятия о рабстве, цепях неволи, тиранстве, ненаблюдении правосудия и пр., врезываясь в памяти, давали бы дурное мнение и поселяли бы отвращение от существующего очерняемого порядка и желание перемен. Первым шагом для привлечения низшего состояния почитались: освобождение крестьян, к чему каждый член был обязываем, и распространение училищ взаимного обучения. Научивши простой народ и нижних воинских чинов одному только чтению, скорее подействовали бы приготовленными в духе и по смыслу их маленькими сочинениями, начав самыми невинными: сказками, повестями, песнями, краткими наставлениями и пр., чтоб их заохотить, чему и сделаны опыты.

«Главные члены составляли Коренную Управу и избирали из себя на каждые четыре месяца: председателя, блюстителя (то же, что прокурор) и четырех председателей отделений. Они собирались еженедельно для совещаний и, по крайней мере, однажды в месяц созывали всех наличных членов сей управы. Общество имело свою печать (улей со пчелами) и архив, кои хранились у блюстителя, а сумма (взнос членами десятой доли дохода) в ломбарде.

«Переписка производилась темным слогом, чрез нарочно посылаемых. Члены, приготовляемые мало-по-малу для управы или долженствовавшие только служить орудиями, составляли побочные управы, под председательством одного члена Коренной, назывались для прикрытия разными именами (Зеленой Лампы и пр.) и, под видом литературных вечеров или просто приятельских обществ, собирались как можно чаще. Принятие новых членов сходствовало вообще с наблюдаемыми в тайных обществах, с меньшими только обрядами. Если кто вновь предлагаем был одним членом или кого желали, то, по довольном испытании, давали ему глухое понятие об обществе и, никогда не открывая вдруг всех членов, вверяли об участии многих сильных лиц, дабы тем более привлечь и устрашить. После сего предлагаемо было в Коренной Управе, и для принятия требовалось согласие всех членов оной.

«Председатели побочных управ получали от Коренной наставление: чем занимать своих членов, какие читать и распространять сочинения, какие разглашать слухи и выдумывать каррикатуры, кого из знатных стараться чернить в общем мнении, как судить

о действиях правительства и пр. Люди, неодинаково с ними мыслившие, известны были под названием «бабушкина веку», то-есть мыслившие как было при покойной государыне Екатерине II, «раболепствующих», то же, что испанские «serviles». Для большей удобности и успеха в действиях положено было иметь не менее 8 и не более 12 членов в побочных управах; когда число их возрастало, отделялась новая управа. Каждый член обязан был доводить до сведения своей управы обо всем, что только мог узнать. Председатели представляли о том Коренной Управе. В необходимую так же обязанность постановлялось отыскивать и привлекать в свое общество всех людей с дарованиями, в особенности пользующихся доверенностью тех особ, кои занимают важные места. Таким образом надеялись знать все тайны правительства и во всяком случае быть в безопасности: ибо члены таковые тотчас бы предостерегали их. Из войск положено было набрать самое большое число приверженцев в гвардии; в армии же иметь на своей стороне только несколько полковых командиров, решительных и на все готовых, дабы побуждением их и примером гвардии слепо увлечь всю армию. Центром всех действий сначала был Петербург, после избрана Москва, для привлечения живущего там дворянства. Главу положено было избрать, когда было бы уже все готово, из вельмож, уважаемых войском и народом и недовольных правительством. Самая большая надежда возлагалась на находящихся во Флоренции и на графа Воронцова, на которого действовали Тургеневы. Общество с нетерпением ожидало, что в Пруссии последует насильственный перелом правления, после чего Польша не замедлила бы тому последовать, и таким образом надеялись подать руку с севера беспокойному югу. Они не могли скрыть глупой радости при происшествиях в Испании и Неаполе и готовы были бы на все, чтобы принудить государя возвратиться скорее и не допустить иметь близкое деятельное участие в успокоении Европы.

«Первоначальные члены Общества были почти все молодые гвардейские офицеры: Муравьевы (три главного штаба: полковник Александр, вышедший в отставку после того, когда в Москве посажен был под арест, брат его безногой, Никита, вышедший также в отставку, когда не был произведен в следующий чин, и четвертый, бывший в прежнем Семеновском полку); Пестель, бывший ад'ютант графа Витгенштейна, князь Трубецкой, бывший в Семеновском полку и теперь за границею; Бибиков, ад'ютант его императорского высочества великого князя Михаила Павловича; князь Долгорукий, 2-й гвардейской артиллерийской бригады, бывший ад'ютант графа Аракчеева; два Фон-Визина (один, бывши полковым командиром, приуготовлял офицеров своего Егерского полка); Перовский, теперь обер-квартермистр 1-го резервного кавалерийского корпуса; Шипов, настоящий полковой командир полка наследного принца прусского; Новиков, надворный советник, бывший в Саксонии при генерал-ад'ютанте Репнине и после правителем канцелярии его же, малороссийского военного губер-

натора, теперь в отставке. Из них Перовский и Шипов мало-по-малу в 1819 году отстали, о Пестеле утвердительно неизвестно.

«Действия сего Общества в 1818 году получили новую деятельность, и число членов возросло более двухсот. Мало-по-малу привлечено множество офицеров главного штаба, из полков же наиболее в Измайловском, бывшем Семеновском, Егерском, Московском, Конной гвардии и гвардейской артиллерии. Примечательнейшие по ревности: Бурцов, фон-дер-Бриген, два Колошина, Оленин, Копылов, Кутузов, Горсткин, Нарышкин, Корсаков и другие; из посторонних: Николай Тургенев, полковник Глинка и Семенов (молодой человек, служивший в канцелярии министра князя Голицына, занимавший место секретаря в Обществе и руководимый Тургеневым и Глинкою).

«По выходе полковника Муравьева в отставку и назначении Бурцева ад'ютантом к генералу Киселеву, Коренная Управа разделилась на три ветви, имевшие постоянную связь. В Петербурге приняли управление Тургенев, фон-дер-Бриген и Глинка (из них у последнего и у Колошина бывали заседания), в Москве Муравьевы, в Тульчине Бурцов. Влиянием их и Фон-Визина вступили в общество: М. Орлов, Граббе, Реад, Юшневский, Прижевский и пр. Орлов брался вовлечь Мамонова; Тургенев, фон-дер-Бриген и Глинка — молодых графов Шереметьева и Безбородку-Кушелева, для лучшего успеха над которыми полагали приставить способных наставников. То же предполагалось и с другими богатыми, особенно, молодыми помещиками. Тургенев, дававший главное направление, брался с профессором Куницыным издавать журнал по самой дешевой цене для большего расхода, полагая издержки на счет Общества, в котором бы помещать статьи, к цели Общества относящиеся. Содействовать сему обязаны были все члены; так же брались: Чаадаев (испытывавшийся еще для Общества), Кюхельбекер (молодой человек с пылкой головой, воспитанный в лицее, теперь за границею с Нарышкиным) и другие. В одной из отдаленных деревень кого-либо из членов намеревались завести типографию и как литеры, отлив на старинный шрифт, так и все нужное выписать из-за границы; Глинка и Тургенев полагали успешнейшим, чрез находящихся за границею членов, литографировать в Париже, особенно, каррикатуры и, ввозя чрез них же, распускать в народе на Толкучем рынке, рассылать в армию и по губерниям. Тургенев настаивал преобразовать Общество совершенно по системе Вейсгаупта и, сходно с тем, членам назваться между собою другими именами.

«Несмотря на все сие, ревность многих ослабевала; другие, вовлеченные не постигая всей цели, понявши оную, отставали; некоторые отделялись и заводили между собою общества. К числу последних принадлежат князь Долгорукий и Бибиков, основавшие особое общество на Охте. Неосторожность и неуместные рассказы еще более расстраивали и подали повод к опасным происшествиям.

Из них примечательнейшее — случившееся в Москве, где принятый Муравьевым секретарь Правительствующего Сената Хавский требовал денег, угрожая открыть все.

«Сие заставило ревностнейших членов составить в конце прошедшего и начале настоящего года чрезвычайное заседание в Москве. Там были из главнейших, кроме Муравьевых, Н. Тургенев, Глинка (которому Общество выдало на путевые издержки 1.000 р.), М. Орлов, два Фон-Визина, Граббе, Комаров. Собрания бывали у Фон-Визина и Тургенева. Мнения о приведении в порядок дел были несогласны. Орлов, ручаясь за свою дивизию, требовал полномочия действовать по своему усмотрению, настаивал об учреждении «Невидимых братьев», которые бы составляли центр и управляли всем; прочих разделить на языки (по народам: греческий, еврейский и пр.), которые как бы лучи сходились к центру и приносили дани, не ведая кому; о заведении типографии в лесах, даже делании там фальшивых ассигнаций для доставления Обществу потребных сумм. Несмотря на признаваемую нелепость сих требований, сделанных, может быть, Орловым для того, чтобы найти предлог отстать от Общества, ибо, по несовместности, невозможно было ожидать принятия, но, кажется, что они бы еще сладили, как Граббе об'явил, что в разговорах с бригадным генералом Васильчиковым слышал: «Генерал, говоря с Краснокутским, жалел, что нет между офицерами дружеских обществ; последний отвечал, что есть очень большое и имеющее значительных членов. Вероятно, что такой странный ответ возбудил подозрение генерала, и он расспрашивал подробнее у Граббе, не знает ли чего о сем Обществе». Известие сие потревожило собравшихся в Москве; они полагали, что генерал Васильчиков сообщит наверно о сем брату своему, командующему гвардейским корпусом, и таким образом, правительство, имея в руках своих нить, может сделать некоторые открытия. После чего сожжены все бумаги, и Общество закрыто. Н. Тургенев, возвратясь в Петербург, рассылал чрез Семенова к членам письменно о сем об'яснение, в котором, между прочим, сказано: «Общество действовало для доброй цели и употребляло одни благородные средства. Правительство, подозрительное, особенно после новейших происшествий в Европе, не разбирает средств, готово всем пожертвовать, и неудивительно, если откроет».

«Таким образом кончилось существование Союза Благоденствия. Конечно, большая часть членов оного были обольщены наружностию и вступили, не постигая цели; но некоторых из них, кажется, никогда не должно упускать из вида. Весьма вероятно, что они желают только освободиться от излишнего числа с малым разбором навербованных членов, коим неосторожно открыли все, составить скрытнейшее Общество и действовать под завесою безопаснее.

«Кажется, что наиболее должно быть обращено внимание на следующих людей:

«1) Николая Тургенева, который нимало не скрывает своих правил, гордится названием якобинца, грезит гильотиною и, не имея ничего святого, готов всем пожертвовать в надежде выиграть все при перевороте. Его-то наставлениями и побуждениями многим молодым людям вселен пагубный образ мыслей.

«2) Федора Глинку. Слабый человек сей, которому некоторые успехи в словесности и еще более лесть совершенно вскружили голову, который помешался на том, чтоб быть членом всех видимых и невидимых Обществ, втирается во все знатные домы, рыскает ко всем видным людям, заводит связи, где только можно; для придания себе важности рассказывает каждому за тайну, что узнал по должности или по слабости начальника; посещает все открываемые курсы; посылает во все журналы статьи, из коих многие не весьма внимательно рассмотрены цензурою, и как в разговорах, так и на письме, кстати и не кстати, прилепляет политику, которой вовсе не постигает, но блеском выражений и заимствованными мыслями слепит неопытных.

«3) Фон-дер-Бригена, по короткой связи с Тургеневым, приобретенной совместным учением в немецких университетах. Кажется, что связи по женитьбе долженствовали бы его несколько образумить.

«4) Всех Муравьевых, недовольных неудачею по службе и жадных возвыситься.

«5) Фон-Визины и Граббе, судя по рассказам, имеющих с ними короткие связи и, по действиям их в обществе, готовы на все.

«6) Михайло Орлов, кажется, после женитьбы своей начал отставать от того образа мыслить, которым восхищались приверженцы в его речи Библейского общества, переписке с Бутурлиным и пр.

«7) Бурцов, при добрых правилах и рассудке, более, кажется, вовлечен и под добрым надзором мог бы еще исправиться.

«При судебном исследовании трудно будет открыть теперь что-либо о сем Обществе: бумаги оного истреблены, и каждый для спасения своего станет запираться; но правительство легко может удостовериться в истине, поручивши наблюдение за сими людьми, их связями и пр., и вследствие того принять на будущее время надлежащие меры. Необходимо, однако, при сем сказать, что сего наблюдения вовсе не можно поручить настоящему господину с.-петербургскому военному генерал-губернатору, который окружен людьми, участвующими в Обществе или приверженными им.

«В заключении должно сказать, что буйные головы обманулись бы в бессмысленной надежде на всеобщее содействие. Исключая столицу, где как и во всех других, много найдется способного воспламениться при обольстительных средствах, исключая Ост-Зейские губернии, лучшее дворянство которых, получая воспитание за границею, мало имеет отечественного, — утвердительно можно сказать, что внутри России и не мыслят о конституции. Дворянство, по одной уже привязанности к личным своим выгодам, никогда не

станет поддерживать какой-либо переворот; о низших же сословиях и говорить нечего. Чернь всегда и везде была и будет чернью. Если бы нашлись, против чаяния, люди с добрыми даже правилами, кои, ослепляясь скрытным честолюбием и не постигая собственной гибели, стали споспешествовать беспокойным затейникам, то таких очень немного. Русские столько привыкли к образу настоящего правления, под которым живут спокойно и счастливо, и который соответствует местному положению, обстоятельствам и духу народа, что мыслить о переменах не допустят. Отрицать, впрочем, невозможно, что есть зародыш беспокойного духа в войсках, особенно в гвардии, прильнувший, так сказать, от иноземцев во время нахождения за границею и поддержанный стечением разных обстоятельств; но войска, сами по себе, ни на что не решатся, а могли бы разве послужить орудием для других, как пагубные новейшие примеры в других странах доказали. При бдительном надзоре и кротких, но постоянных мерах, сие может быть постепенно отвращено. Между прочим, весьма не худо бы казалось, чтобы офицеры, как люди, до поступления еще на службу совершенно приготовившиеся, перестали посещать частно-преподаваемые курсы, особенно политических наук, поверхностное изучение которых, без предварительных прочных оснований и без пособия других наук, наносит величайший вред. Сие полупознание поставляет в такое сомнительное положение, в котором воображение воспламенено, дух встревожен, а ум, блуждая во мраке без руководителя, ищет того, чего не видит и не постигает, и кончает тем, что или еще более возрастает сомнение, или приводит на скользкий путь заблуждений».

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ РАБОТА В РАЙОНЕ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ АРМИЙ В 1821—1825 Г.Г.

Южное Общество (1821 — 1825 г.г.). Общество Соединенных Славян (1823 — 1825 г.г.).

Зерном тайной организации, известной под названием Южного Общества, явилось руководимое Пестелем левое крыло Тульчинской управы «Союза Благоденствия», отказавшееся признать постановление московского с'езда о ликвидации Союза [1]).

Несмотря на то, что тульчинский делегат на с'езд полковник И. Г. Бурцов никого, по своем возвращении, не осведомил о решении инициаторов московских совещаний основать на развалинах старого Союза новую организацию, более замкнутую, работоспособную и дисциплинированную, с определенной программой социально-политического переворота, осуществляемого путем вооруженного восстания, — Южное Общество усвоило именно этот диктовавшийся трезвым учетом сложившихся к началу 1820 г. условий революционный характер.

Во главе реорганизованного Южного тайного Общества с самого начала поставлена была директория, членам которой присвоена была «полная власть для управления Обществом до того времени, когда оно дойдет до готовности к действию». Председателем директории, ее бессменным руководителем и вдохновителем явился П. И. Пестель, извлечения из показаний которого, приводимые нами ниже, вместе с другими авторитетными свидетель-

---

[1]) Истории Южного Общества ближайшим образом касаются в своих работах: Н. П. Павлов-Сильванский, «Декабрист Пестель перед верховным уголовным судом» («Былое», 1906 г., кн. I — V и отд. изд., Рост.-на-Дону, 1907 г.), «П. И. Пестель» и «Материалисты 20-х годов» (Сочинения Н. П. Павлова-Сильванского, т. II, СПБ., 1910 г.); М. В. Довнар-Запольский, «Тайное общество декабристов», М., 1906, стр. 84—134 и 299—325. В. И. Семевский, «Обществ. и полит. идеи декабристов», стр. 500—551. Идеологии вождей Южного Общества посвящена сжатая, но чрезвычайно насыщенная документальными данными характеристика М. Н. Покровского («Молодая Гвардия», 1923 г., № 5, стр. 90—106).

ствами об этом периоде работы будущих декабристов, позволяют восстановить с достаточной ясностью и полнотою основные вехи развития деятельности Южного Общества и эволюцию взглядов его вождей.

Окончательное оформление новая организация получила после январского с'езда 1822 г. в Киеве; с этого времени начинают правильно функционировать «управы», по которым распределяются члены Южного Общества (в 1823 г. к Тульчинской и Каменской организации присоединяется и Васильковская). Определяются их руководители, впервые ставятся на обсуждение тезисы «Русской Правды», наконец, устанавливается порядок ежегодных совещаний представителей управ, — приуроченных в целях лучшей конспирации ко времени контрактовой ярмарки в Киеве.

Арест в Кишиневе одного из деятельнейших работников тайной организации на юге — майора В. Ф. Раевского заставляет оборвать связь с Бессарабской группой быв. членов Союза Благоденствия, но более серьезных последствий этого провала тульчинцам удалось избежать.

С'езды 1823 и 1824 г.г. выдвигают вопрос о распространении влияния Южного Общества и на Петербург, в котором проявляются некоторые признаки оживления замершей было работы тайных обществ, а также о желательности соглашения с деятелями тайного Польского Патриотического Общества, нити которого случайно оказываются в руках директории, благодаря связям с оппозиционными польскими помещичьими кругами М. П. Бестужева-Рюмина. Начатые последним переговоры с поляками несколько затягиваются, но в 1825 г. Пестель и Волконский намечают совместно с Варшавскими делегатами совершенно конкретную схему соглашения, закрепление обязательств которого должно было произойти на контрактах 1826 г. Что касается взаимоотношений Южного Общества с осколками Союза Благоденствия на севере, то они отличались большой сложностью, а по временам и остротою. Никита Муравьев, заочно включенный Пестелем в состав директории Южного Общества еще в 1821 г., свое избрание, очевидно, аннулировал в самом начале, надежд, на него возлагавшихся, ни в какой мере не оправдал и предпочел действовать совершенно независимо от тульчинских директив.

Можно думать, что до 1823 г. Южное Общество вообще не имело серьезной информации о положении дел в столице, тем бо-

лее, что деятельность тайных организаций в Петербурге сперва была парализована походом гвардии в западные губернии, а затем налаживалась крайне медленно и неохотно. Восстановление же тайной организации на севере кем-либо из южан представлялось невозможным уже потому, что программа Пестеля и связанные с нею организационные и тактические принципы были неприемлемы для старого кадра петербургских заговорщиков, выразителем политической платформы которых в эту пору становится Никита Муравьев, — с его проектом цензовой конституции, сохранения монархического строя и широкой децентрализации всего будущего аппарата управления. Полемикой Пестеля с Никитой Муравьевым и открылись сношения южан с северянами, особенно оживившиеся после многократных поездок в Петербург сменявших друг друга делегатов Южного Общества В. Л. Давыдова, кн. Барятинского, М. И. Муравьева-Апостола, Повало-Швейковского и кн. С. Г. Волконского. Прямым результатом развитой ими в Петербурге пропаганды явилось пробуждение Северного Общества, вожди которого должны были восстановить деятельность организации отчасти и в целях самосохранения. Дело в том, что, добиваясь об'единения обоих обществ, Тульчинская директория устанавливает постоянную связь между севером и югом, не уклоняясь при случае и от самостоятельной вербовки новых членов в столице. (Так, в Южное Общество приняты были в Петербурге Ф. Вадковский, Поджио, Анненков, Свистунов, Поливанов и др.). Характерную мотивировку этих действий, целесообразность которых усваивается вскоре и реформированной Северной Думой, дает в одном из своих признаний А. В. Поджио: «Муравьев ищет все толкователей Бентама, а нам — действовать не перьями».

Последняя и, конечно, наиболее серьезная попытка об'единения всех тайных организаций на платформе «Русской Правды» и создания единого руководящего аппарата для севера и юга — связывается с пребыванием в Петербурге осенью 1824 г. самого Пестеля. Но и на этот раз ни преодолеть оппозиции Северян якобинскому уклону Южного Общества, ни рассеять предубеждения их против диктаторских замашек Пестеля не удалось. Компромиссные заключения, сводящиеся к признанию необходимости взаимной информации и обязательству не начинать решительных действий одному обществу без согласия на то другого — исчерпывали положительные результаты бурных и длительных совещаний вождей заговора.

Чрезвычайно показательно, что в то время как Пестель, опираясь на наиболее энергичных из вновь выдвинувшихся деятелей Северного Общества — кн. Оболенского и Рылеева, а также на столичных «южан», пробовал взорвать петербургскую организацию изнутри, член Северной думы, кн. С. П. Трубецкой, получив назначение в Киев, надеялся использовать свое пребывание там для того, чтобы парализовать влияние Пестеля на юге.

Ближайшая к Киеву Васильковская Управа Южного Общества, непосредственную связь с которой устанавливает С. П. Трубецкой, к концу 1824 г. уже представляет собою наиболее значительную и работоспособную ячейку тайной организации. Последовавшее по инициативе Пестеля включение С. И. Муравьева-Апостола в состав директории Южного Общества является естественным выводом из создавшегося соотношения сил, учет которых определяет вскоре и перемещение в Васильков организационного центра будущего вооруженного восстания.

Нужно сказать, что еще летом 1823 г. васильковские работники усиленно пропагандируют план захвата Александра I и всей главной квартиры в момент ожидавшегося посещения ими Бобруйской крепости, гарнизонную службу в которой должны были нести некоторые члены тайного общества. Предлагая вслед за арестом императора поднять 8-ю и 9-ю пехотн. дивизии, С. И. Муравьев-Апостол рассчитывал увлечь войска в поход на Москву, а петербургские и тульчинские заговорщики должны были бы тем временем захватить власть в столице и в ставке 2-й армии. В 1824 г. С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин выдвигают аналогичный план действий на случай смотра под Белой Церковью, и, с некоторыми вариантами (убийство Александра предполагается в Таганроге), этот же план возрождается в дни Лещинского лагерного сбора осенью 1825 г.

Планомерная постановка пропаганды в войсках и, в первую очередь, расширение кадра заговорщиков в 3-м корпусе, которому должна принадлежать инициатива вооруженного выступления, становится упорной задачей руководителей Васильковской управы.

Практическое осуществление их решений получает совершенно особый характер, благодаря вхождению осенью 1825 г. в Южное Общество независимо от него до тех пор работавшей в 8-й артилл. бригаде и в 8-й и 9-й пех. дивизиях тайной организации под названием «Общество Соединенных Славян».

Общество Соединенных Славян, об'единившее в своих рядах около 35 армейских офицеров и военных чиновников, основано было в 1823 г. артиллерийскими прапорщиками братьям А. И. и П. И. Борисовыми и бедным шляхтичом Юлианом Люблинским [1]). Это Общество, действовавшее в районе Киевской и Волынской губерний, по определению И. И. Горбачевского: «имело главной целью освобождение всех славянских племен от самовластия, уничтожение существующей между некоторыми из них национальной ненависти и соединение всех обитаемых ими земель федеративным союзом». Как поясняет другой участник этой организации, подпоручик Киреев, принципы Общества Соединенных Славян «обязывали каждого ко всегдашней ненависти к трону», «введение народного образа правления» выдвигалось во главу угла политической части программы, а избавление от «тиранства» всякого рода и «возвращение свободы, столь драгоценной роду человеческому», предусматривалось вместе с «разрушением всех предрассудков» вступительной «клятвой» и начальными «правилами» устава.

Влияние на руководителей Общества материалистической философии XVIII в. (Дидро, Гельвеций, Гольбах) обусловило еще одну характерную черту этой ярко демократической по своей программе и по своему социальному составу организации — последовательный и решительный атеизм.

Ту непосредственную связь с широкой солдатской массой, которой избегали в своей пропаганде члены Южного Общества, призваны были осуществить эти полунищие провинциальные офицеры, вовлеченные в сентябре 1825 г. в сферу деятельности Васильковской управы.

Вопрос об об'единении обоих обществ, идущих к одной и той же цели, поставлен был Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым сейчас же после того, как им через бывшего Семеновского офицера кап. Тютчева стало известно существование в 8 артиллерийской бригаде и в Пензенском пехотном полку «Славянской» организации. После нескольких информационных

---

[1]) Небольшой материал об «Обществе Соединенных славян», сгруппирован в работах: М. В. Довнар-Запольского, «Тайное общество декабристов», М., 1906, стр. 135—192 и Н. И. Коробки, «Декабристы братья Борисовы и Общество Соединенных Славян» («Современник», 1911, V, стр. 11—35). В серии изданий Центрархива печатается специальное исследование об «Обществе Соединенных Славян» М. В. Нечкиной.

совещаний и бурных прений, которыми сопровождалось предложение Бестужева-Рюмина о ликвидации Общества Соединенных Славян и вхождении всех его членов в Южное Общество, основы соглашения большинством были одобрены и приняты.

Новый кадр заговорщиков привел к коренной реорганизации пропаганды и агитации в войсках 3-го корпуса. Если прежде С. И. Муравьеву-Апостолу приходилось ограничиться подготовкой к восстанию только своих старых однополчан — семеновских солдат, рассеянных по полкам 8-й и 9-й пехотных дивизий, то теперь можно было рассчитывать на вовлечение в заговор всех надежных нижних чинов тех рот и батарей, в которых служили и работали бывшие «славяне».

Вооруженное восстание, план которого заново и детально был проработан С. И. Муравьевым-Апостолом после лещинских маневров, окончательно приурочивается к лету 1826 г. Не встретив возражений со стороны Пестеля, план этот горячо рекомендуется и кн. С. П. Трубецким, обещающим «употребить все свое старание для привлечения северных членов к единодушному соединению», т.-е. к поддержке восставших одновременным выступлением в Петербурге.

Неожиданная смерть Александра I и упорные слухи об открытии правительством следов тайного общества спутывают на юге все карты. Признается необходимым ускорить восстание; сигналом к нему намечается арест главной квартиры 2-й армии в момент занятия в Тульчине караулов находящимся под командою Пестеля Вятским пехотным полком. К прежнему муравьевскому плану прибавляются два новых пункта: возмущение военных поселян и освобождение из крепости В. Ф. Раевского. Однако в самый разгар этих приготовлений в Тульчине появляется генерал Чернышев и, на основании материалов, полученных правительством от разновременно принятых в Южное Общество правительственного агента А. К. Бошняка, провокатора Шервуда и предателя Майбороды, начинает розыск и аресты. В числе первых жертв оказывается 13 декабря и П. И. Пестель. Предотвратить совершенно неизбежный после разгрома тульчинского центра «провал» всей организации может только отчаянная попытка немедленного вооруженного отпора. Все внимание заговорщиков сосредоточивается с середины декабря на командуемой кн. С. Г. Волконским 19-й пехотной дивизии, но от возмущения своих полков руководи-

тель Каменской управы Южного Общества категорически отказывается и тем самым лишает агонизирующие ячейки тайного общества во 2-й Армии последней надежды на спасение.

1.

Автобиография Пестеля.

(Собственноручные ответы на вопросы Комитета для Следственных Изысканий о Злоумышленных Обществах[1]).

Имя и отчество мои суть: Павел Иванов сын Пестель. Имею от роду 32 года, скоро минет 33.

Я принадлежу к лютеранскому исповеданию...

До 12 лет возраста воспитывался я в доме у родителей, а в 1805 году отправился с моим братом, что ныне полковник Кавалергардского полка, в Гамбург, а оттуда в Дрезден, из коего в 1809 году возвратились в родительский дом. В сие время отсутствия из отечества управлял нашим воспитанием некто Зейдель, который, вступя в Российскую службу, находился в 1820 году при генерале графе Милорадовиче. В 1810 году был я определен в Пажеский корпус, откуда выпущен в конце 1811 года прапорщиком в лейб-гвардии Литовский, что ныне лейб-гвардии Московский полк.

О политических науках не имел я ни малейшего понятия до самого того времени, когда стал готовиться ко вступлению в Пажеский корпус, в коем их знание требовалось для поступления в верхний класс. Я им тогда учился у профессора и академика Германа, преподававшего в то время сии науки в Пажеском корпусе.

По выходе из Пажеского корпуса занимался я наиболее военными и политическими науками и особенную имел склонность к политическим, а потом к военным.

Зимою с 1816 на 1817 год слушал я курс политических наук у профессора и академика Германа в его квартире на Васильевском острове. Но мало у него тогда почерпнул новых познаний, потому что он почти то же читал в лекциях своих, что прежде я от него слышал в Пажеском корпусе. Форма преподавания была другая, но существо предметов то же самое...

Я вступил в службу в 1811 году, в ноябре месяце, из Пажеского корпуса в лейб-гвардии Литовский, что ныне лейб-гвардии Московский полк. По открытии кампании 1812 года находился я во фронте при полку и был с полком в сражении при селе Бородине, где под самый уже вечер 26 августа ранен был жестоко ру-

---

[1]) «Былое», 1906, II, 134—139. Печатается нами не полностью.

жейною пулею в ногу с раздроблением костей и повреждением жил, за что и получил золотую шпагу с надписью за храбрость. От сей раны пролежал я до мая месяца 1813 года и, не будучи еще вылечен, но имея рану открытою, из коей через весь 1813 год косточки выходили, отправился я к армии графа Витгенштейна, к коему назначен был в ад'ютанты. При нем находился я всю кампанию 1813 и 1814 годов, и во всех был сражениях, где он сам находился. За лейпцигское сражение получил я орден святого Владимира четвертой степени с бантом, а за все предшествовавшие дела 1813 года, в коих находился после перемирия, был произведен за отличие в поручики. За кампанию 1814 года получил орден святыя Анны 2-го класса. По окончании войны в 1814 году был я переведен в Кавалергардский полк, с оставлением при прежней должности, в коей пребывал до 1821 года, быв переведен в начале 1820 года в Мариупольский гусарский полк подполковником. В 1821 году, когда открывался поход в Италию, тогда был я переведен в Смоленский драгунский полк, не оставаясь уже более ад'ютантом. В полку, однакоже, я не был налицо, потому что сказанный поход в Италию был отменен, а я, между тем, употреблен был в главной квартире 2-й армии по делам о возмущении греков, и по сим же делам был трикратно посылан в Бессарабию, представив тогда начальству две большие записки о делах греков и турок, которые и были отосланы к министру иностранных дел. В ноябре 1821 года был я по старшинству произведен в полковники и в том же месяце назначен командиром Вятского пехотного полка, коим и продолжал командовать до 13 декабря 1825 года. Я никогда не бывал перед сим ни под судом, ниже в каких-либо штрафах и даже в продолжение всей моей службы ни единого разу не был арестован и выговора не получал; а неоднократно имел даже важные поручения, за исполнение коих так был счастлив, что всегда от начальства одобрение получал.

С которого времени и откуда заимствовали первые вольнодумческие и либеральные мысли, т.-е. от внушений других или от чтения книг, и каким образом мнения сего рода в уме вашем укоренялись?

Я никакого лица не могу назвать, кому бы я мог именно приписать внушение мне первых вольнодумных и либеральных мыслей и точного времени мне определить нельзя, когда они начали во мне возникать: ибо сие не вдруг сделалось, а мало-по-малу и сначала самым для самого себя неприметным образом. Но следующим образом честь имею комитету о том доложить с самою чистосердечнейшею и полнейшею откровенностью. Когда я получил довольно основательные понятия о политических науках, тогда я пристрастился к ним. Я имел пламенное рвение и добра желал от всей души. Я видел, что благоденствие и злополучие царств и народов зависит по большей части от правительств, и сия уверенность придала мне еще более склонности к тем наукам, которые о сих предметах рассуждают и путь к оным показывают. Но я сначала

занимался как сими науками, так и вообще чтением политических книг со всею кротостью и без всякого вольнодумства, с одним желанием быть когда-нибудь в свое время и в своем месте полезным слугою государю и отечеству. Продолжая, таким образом, заниматься, начал я потом уже рассуждать о том: соблюдены ли в устройстве Российского правления правила политических наук, не касаясь, однакоже, еще верховной власти, но размышляя о министерствах, местных правительствах, частных начальствах и тому подобных предметах. Я при сем находил тогда много несообразностей по моим понятиям с правилами политических наук и начал разные предметы обдумывать: какими постановлениями они могли бы быть заменены, пополнены или усовершенствованы. Обратил также мысли и внимание на положение народа, при чем рабство крестьян всегда сильно на меня действовало, а равно и большие преимущества аристократии, которую я считал, так сказать, стеною, между монархом и народом стоящею, и от монарха ради собственных выгод скрывающею истинное положение народа. К сему стали в мыслях моих в протечении времени присоединяться разные другие предметы и толки, как-то: преимущества разных присоединенных областей, слышанное о военных поселениях, упадок торговли, промышленности и общего богатства, несправедливость и подкупливость судов и других начальств, тягость военной службы для солдат и многие другие тому подобные статьи, долженствовавшие по моим понятиям составлять предмет частных неудовольствий, и через коих всех совокупление воедино представлялась моему уму и воображению целая картина народного неблагоденствия. Тогда начал во мне возникать внутренний ропот противу правительства. Возвращение бурбонского дома на французский престол и соображения мои впоследствии о сем происшествии, могу я назвать эпохою в моих политических мнениях, понятиях и образе мыслей: ибо начал рассуждать, что большая часть коренных постановлений, введенных революциею, были при ресторации монархии сохранены и за благие вещи признаны, между тем, как все восставали против революции, и я сам всегда против нее восставал. От сего суждения породилась мысль, что революция, видно, не так дурна, как говорят, и что может даже быть весьма полезна, в каковой мысли я укреплялся тем другим еще суждением, что те государства, в коих не было революции, продолжали быть лишенными подобных преимуществ и учреждений. Тогда начали сии причины присовокупляться к выше уже приведенным; и начали во мне рождаться, почти совокупно, как конституционные, так и революционные мысли. Конституционные были совершенно монархические, а революционные были очень слабы и темны. Мало-по-малу стали первые определительнее и яснее, а вторые сильнее. Чтение политических книг подкрепляло и развивало во мне все сии мнения, мысли и понятия. Ужасные происшествия, бывшие во Франции во время революции, заставляли меня искать средство к избежанию подобных, и сие то произвело во мне впоследствии мысль о Вре-

менном Правлении и его необходимости, и всегдашние мои толки о всевозможном предупреждении всякого междоусобия. От монархического конституционного образа мыслей был я переведен, в республиканской, главнейше, следующими предметами и соображениями: сочинение Детю де-Траси на французском языке очень сильно подействовало на меня. Он доказывает, что всякое правление, где главою государства есть одно лицо, особенно, ежели сей сан наследствен, неминуемо кончится деспотизмом. Все газеты и политические сочинения так сильно прославляли возрастание благоденствия в Северных Американских Соединенных Штатах, приписывая сие государственному их устройству, что сие мне казалось ясным доказательством в превосходстве республиканского правления. Новиков говорил мне о своей республиканской конституции для России, но я еще спорил тогда в пользу монархической, а потом стал его суждения себе припоминать и с ними соглашаться. Я воспоминал блаженные времена Греции, когда она состояла из республик, и жалостное ее положение потом. Я сравнивал величественную славу Рима во дни республики с плачевным ее уделом под правлением императоров. История Великого Новгорода меня также утверждала в республиканском образе мыслей. Я находил, что во Франции и Англии конституции суть одни только покрывала, никак не воспрещающие министерству в Англии и королю во Франции делать все, что они пожелают, и в сем отношении я предпочитал самодержавие таковой конституции, ибо в самодержавном правительстве, рассуждал я, неограниченность власти открыто всем видна, между тем, как в конституционных монархических тоже существует неограниченность, хотя и медлительнее действует, но зато и не может так скоро худое исправить. Что же касается до обеих палат, то они существуют для одного только покрывала. Мне казалось, что главное стремление нынешнего века состоит в борьбе между массами народными и аристократиями всякого рода, как на богатстве, так и на правах наследственных основанными. Я судил, что сии аристократии сделаются, наконец, сильнее самого монарха, как то в Англии, и что они суть главная препона государственному благоденствию, и притом могут быть устранены одним республиканским образованием государства. Происшествия в Неаполе, Гишпании и Португалии имели тогда большое на меня влияние. Я в них находил по моим понятиям неоспоримые доказательства в непрочности монархических конституций и полные достаточные причины к недоверчивости к истинному согласию монархов на конституции, ими принимаемые. Сии последние соображения укрепили меня весьма сильно в республиканском и революционном образе мыслей.

Из сего изволит комитет усмотреть, что я в сем образе мыслей укреплен был как чтением книг, так и толками о разных событиях; а также и разделением со мною сего образа мыслей многими сочленами общества. Все сие произвело, что я сделался в душе

республиканец, и ни в чем не видел большего благоденствия и высшего блаженства для России, как в республиканском правлении. Когда с прочими членами, разделяющими мой образ мыслей, рассуждал я о сем предмете, то представляя себе живую картину всего счастия, коим бы Россия по нашим понятиям тогда пользовалась, входили мы в такое восхищение и, сказать можно, восторг, что я и прочие готовы были не только согласиться, но и предложить все то, что содействовать бы могло к полному введению и совершенному укреплению и утверждению сего порядка вещей, обращая при том же большое внимание на устранение и предупреждение всякого безначалия, беспорядка и междоусобия, коих я всегда показывал себя самым ревностнейшим врагом. Об'явив, таким образом, в самом откровенном и признательном изложении весь ход либеральных и вольнодумных моих мыслей, справедливым будет прибавить к сему, что в течение всего 1825 года стал сей образ мыслей во мне уже ослабевать, и я предметы начал видеть несколько иначе, но поздно уже было совершить благополучно обратный путь. Русская правда не писалась уже так ловко, как прежде. От меня часто требовали ею поспешить и я за нее принимался, но работа уже не шла, и я ничего не написал в течение целого года, а только прежде написанное кое-где переправлял. Я начинал сильно опасаться междоусобий и внутренних раздоров и сей предмет сильно меня к цели нашей охладевал. В разговорах иногда, однакоже, воспламенялся я еще, но не надолго, и все уже не то было, что прежде. Наконец, опасение, что общество наше открыто правительством, привело меня опять несколько в движение, но и тут ничего положительного не делал и даже по полку оставался на сей счет в совершенном бездействии до самого времени моего арестования.

Каким образом революционные мысли и правила постепенно возрастали и укоренялись в умах, и кто, где начал и продолжал внушать и распространять оные в государстве?

На сей вопрос весьма трудно отвечать, ибо ответ мой должен будет уже выходить собственно из круга суждений о тайном обществе; не менее того, во исполнение приказания комитета, постараюсь об'яснить, как могу.

Политические книги у всех в руках; политические науки везде преподаются, политические известия повсюду распространяются. Сие научает всех судить о действиях и поступках правительства: хвалить одно, хулить другое. Происшествия 1812, 13, 14 и 15 годов, равно как предшествовавших и последовавших времен, показали столько престолов низверженных, столько других постановленных, столько царств уничтоженных, столько новых учрежденных, столько царей изгнанных, столько возвратившихся или призванных, и столько опять изгнанных, столько революций совершенных, столько переворотов произведенных, что все сии происшествия ознакомили умы с революциями, с возможностями и удобностями оные производить. К тому же имеет каждый век свою

отличительную черту. Нынешний ознаменовывается революционными мыслями. От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же, от Португалии до России, не исключая ни единого государства, даже Англии и Турции, сих двух противоположностей. То же самое зрелище представляет и вся Америка. Дух переобразования заставляет, так сказать, везде умы клокотать (fait bouillir les esprits). Вот причины, полагаю я, которые породили революционные мысли и правила и укоренили оные в умах. Что же касается до распространения духа преобразования по государству, то нельзя приписать сие нашему обществу, ибо оно слишком еще было малочисленно, дабы какое-нибудь иметь на сей счет общее влияние, но приписать должно, полагаю я, ежели мысли сии точно распространились, общим причинам, вышеизложенным и действовавшим на прочие умы точно так же, как и на умы членов общества. Может быть, что к тому содействовал также и дух неудовольствия совершенно независимо от тайного общества. (Показания 13 января 1826 года, пункт 6.)

2.

Записка о Пестеле.

(По данным Комитета для Следственных Изысканий о тайных обществах 1826 г.)[1].

О полковнике Вятского пехотного полка Пестеле.

Полковник Пестель на вопросы, данные ему в Тульчине, отвечал отрицательно; но в продолжение исследования в С.-Петербурге сознался, что он был в числе основателей тайного общества, составившегося здесь в 1816 году, и написал для оного устав.

В 1818 году общество сие вошло в состав Союза Благоденствия, или Зеленой Книги, в котором он был коренным членом (так назывались присутствовавшие при учреждении общества).

Пестель, отправившись по службе в Тульчин, начал там действовать для распространения общества, и в 1819 году в совокупности с полковником Бурцевым завел управу.

Вместе с учреждением общества появились мысли конституционные, но весьма неопределенные; почему в 1820 году в Коренной Думе, имевшей законодательную власть и собравшейся в С.-Петербурге, Пестель изложил все выгоды и невыгоды монар-

---

[1]) Печатается полностью, по тексту книги Н. К. Шильдера «Николай I», т. I, стр. 658—663.

хического и республиканского правления. После долгого рассуждения и многих споров все единогласно приняли республику.

Потом при рассуждении в одном частном собрании членов о цареубийстве, по замечанию некоторых, что сие повлечет за собою безначалие и беспорядки, старался успокоить тем, что отвратит оные учреждением временного правления, которое должно быть составлено из членов общества.

В марте 1821 года, когда Комаров и Бурцев, возвратившись из Москвы с бывшего там общего с'езда членов, об'явили об уничтожении Союза Благоденствия и сами удалились, Пестель первый восстал против сего, доказывая, что московские члены не имели права уничтожать союза, который он решается продолжать. Вспомоществуемый Юшневским и Аврамовым, он без труда согласил на то прочих членов. При сем случае предложил вопрос: изменяет ли общество прежнюю республиканскую цель? Все единодушно и без противоречия подтвердили поддерживать ее, при чем сам Пестель говорил в ее пользу и до того воспламенил умы, что успел исторгнуть согласие на упразднение престола с изведением тех лиц, кои представят в себе непреодолимые препоны к достижению предположенной цели. В том же собрании Пестель с Юшневским избраны председателями с полною властию над членами.

Здесь для деятельности Пестеля открылось обширное поприще; он завел сношения с другими обществами, поощрял членов к действию, составлял и одобрял различные планы.

Показания Сергея Муравьева-Апостола и князя Сергея Волконского.

... Таким образом в Киеве на контрактах 1822 года склонил присоединившихся к республике и об'яснял главные черты составляемой им «Русской Правды».

Показания Сергея и Матвея Муравьевых-Апостолов, князя Волконского, Давыдова и Никиты Муравьева.

В продолжение 1823 года члены Южного Общества собирались в Киеве на контракты и в селении Давыдова, в Каменке. Пестель снова об'яснял свою «Русскую Правду», и притом предлагал введение республиканского правления посредством революции с истреблением государя и всей императорской фамилии; для убеждения членов в необходимости сих ужасных мер Пестель представлял, что если останутся великие князья, то произойдет междуусобная война, ибо не только в войсках, но и в народе нашлись бы люди, которые, составя партии, воспрепятствовали бы введению республики. Рассуждая о способе исполнения столь пре-

ступнейшего предложения, он считал нужным составить отряд решительных.

Тогда же с согласия Пестеля Бестужев-Рюмин открыл сношения с Польским обществом, которые впоследствии продолжал лично сам Пестель. Условия были следующие:

1) Независимость Польши с уступкою провинций, от нее к России присоединенных.

2) Взаимное содействие на случай внешней войны.

3) Одинаковый образ правления.

4) Полякам поступить с цесаревичем так, как русские поступят с великими князьями.

5) Поляки должны уведомлять о всех сношениях с чужеземными обществами и никаких с ними условий без предварительного согласия Южного Общества не заключать.

Пестель в мае 1823 года поручил князю Барятинскому, а потом Волконскому, Давыдову и Матвею Муравьеву-Апостолу, отправлявшимся в С.-Петербург, войти в сношение с Северным Обществом, сообщить оному о цели, принятой южными управами, и способе достижения; потребовать решительного ответа о силе Северного Общества и готовности его к начатию возмутительных действий, и вообще стараться соединить Северное Общество с Южным. Видя худые успехи, Пестель полагал, что личное присутствие его более подействует, поехал сам в 1824 году в С.-Петербург и употребил все усилия, чтобы достигнуть сей цели.

Здесь Пестель предлагал свою Русскую Правду, старался водворить преступные свои мнения, но, замечая нерешимость северных членов, ударил по столу рукою и сказал: «Так будет же республика». Опасаясь, однако, совершенного разрыва, Пестель предложил, чтобы Северное Общество продолжало сношения с Южным чрез Матвея Муравьева, которому, между тем, поручил составить в Петербурге общество, отдельное от Северного, и сам успел принять нескольких офицеров Кавалергардского полка, коих склонил разделить преступную цель Южного Общества.

Показания Никиты Муравьева, подполковника Поджио и Матвея Муравьева-Апостола.

В то же время, как показывает Никита Муравьев, говорил ему Пестель: что конституционные начала, оставаясь тайною управляющих обществом, не должны быть об'явлены для избежания прений; что правление общества должно сперва убить членов императорской фамилии, заставить святейший синод и сенат об'явить оное временным правительством, которое должно быть облечено неограниченною властью; что временное правительство сие, приняв присягу от синода, сената и всей России, раздав министерства, армии, корпуса и прочие начальства членам общества, мало-по-малу в продолжение нескольких лет будет по-

степенно вводить новое образование; что, между тем, общество будет продолжаться, принимать членов, и что никто, не поступив предварительно в оное, не должен быть облечен никакою гражданскою или военною властью.

На сие он, Муравьев, заметил, что люди, обагренные кровью, будут посрамлены в общем мнении, которое не даст им после того пользоваться похищенною ими властью. Но Пестель возразил ему, что избранные на сие должны находиться вне общества, которое после удачи своей пожертвует ими и об'явит, что оно мстит за императорскую фамилию.

Напротив того, Пестель, сознаваясь, что истребление императорской фамилии предполагал он исполнить посредством заговора, составленного из членов вне общества, и что по совершении сего должно было, по мнению его, заставить синод и сенат издать два манифеста: первый от синода всему народу русскому о присяге временному правлению, а второй от сената, долженствовавший дать понятие народу, что временное правление обязывалось вводить un cadre en grand de la constitution, основанием коему предполагал он «Русскую Правду», — присовокупляет, что насчет назначения директоров членами временного правления положительного мнения он не имел и точного предположения не делал, а готов был, с своей стороны, согласиться на то, что прочие пожелают; делая же различные предположения, мог и оное говорить; равным образом, как подтвердил и на очной ставке с Никитою Муравьевым, пожертвовать людьми, употребленными на истребление императорской фамилии, дабы очистить общество в глазах народа, он никогда не полагал.

По возвращении на юг Пестель побудил Бестужева-Рюмина писать к полякам об истреблении цесаревича и совещался с ним о покушениях на жизнь государя во время смотра войск при Белой Церкви. Для совершения сего предприятия в 1824 или 1825 г. приготовил он несколько свитских офицеров, которым приказывал запастись армейскими мундирами, и которые при действии должны стать во фронт, а полковые командиры, в заговоре участвовавшие, отдать накануне в приказах о переводе сих офицеров в их полки.

В сентябре 1824 года, при разговоре с подполковником Поджио об истреблении императорской фамилии, Пестель считал по пальцам число жертв. В сей ужаснейший счет входили и все высочайшие особы женского пола.

По показанию Поджио, который подтвердил сие и на очной ставке, Пестель говорил ему при сем, что для исполнения сего злодейства поручил он князю Барятинскому набрать 12-ть отважнейших человек однако ни Пестель ни Барятинский в том не сознались.

Пестель в 1824 году после маневров говорил капитану Майбороде и штабс-капитану Фохту, что при начатии действий надобно будет арестовать главную квартиру, для чего должно стараться снискать привязанность солдат.

С согласия Пестеля возложено на князя Трубецкого в октябре 1825 года уведомить Северное Общество о решительном намерении Южного начать возмущение в 1826 году, а чрез Бестужева-Рюмина писал к Трубецкому, что надеется на содействие его в С.-Петербурге; сам же он непременно откроет действия в следующем году. Вскоре потом условился он с Сергеем Муравьевым начать действия при первом удобном случае, не отлагая до 1826 года, о чем в декабре 1825 года говорил князю Волконскому, которого просил передать сие Ентальцову, чтобы он был готов с своею ротою, когда предварительно извещен будет. Свитским офицерам, принадлежащим к обществу, Пестель поручил перед начатием возмущения, о котором будут предварены, не отлучаться из Тульчина и не выпускать оттуда главнокомандующего и начальника штаба, сам же имел намерение арестовать главную квартиру 1 генваря, когда Вятский полк должен был вступить в караул.

Сверх собственных действий Пестель знал о намерениях и покушениях членов общества, принимал участие в оных и, смотря по обстоятельствам, одобрял или отвергал.

Лунин в 1817 году, рассуждая о насильственных мерах, к коим крайность могла бы принудить в случае неудачного открытия явных действий общества, говорил о средстве нескольким человекам в масках покуситься на жизнь императора на Царскосельской дороге.

О вызове Якушкина в 1817 году на совещании, происходившем в Москве, покуситься на жизнь государя императора сообщено было и Пестелю, находившемуся тогда в С.-Петербурге, но он сего не одобрял.

Равным образом не одобрял он плана овладеть особою государя в Бобруйске в 1823 году, доказав, что одно арестование государя для видов общества недостаточно.

Показание Матвея Муравьева-Апостола.

Напротив того, в С.-Петербурге (в 1824 г.) одобрил намерение Матвея Муравьева, который, не получая писем от брата своего Сергея, и опасаясь, не взят ли он, и не открыто ли общество, решился посягнуть на жизнь императора.

Пестель знал о совещаниях, происходивших 1825 года в лагере при Лещине, и о порывах Сергея Муравьева произвесть там бунт и разделял непременное намерение начать открытые действия в мае 1826 года при соединении и смотре 3-го и 4-го корпусов.

Наконец, Пестелю известно было о вызове Артамона Муравьева итти в Таганрог для покушения на жизнь государя.

Показания Юшневского, Сергея и Матвея Муравьевых-Апостолов, князя Волконского, Бестужева-Рюмина, подполковника Поджио, шт.-кап. Басаргина и др.

Из показаний Пестеля и его сообщников открывается, что он беспрерывно и ревностно действовал в видах Общества с самого вступления, по самое его арестование. Он не только самовластно управлял Южным Обществом, но имел решительное влияние и на дела Северного. Он господствовал над сочленами своими, обворожал их обширными познаниями и увлекал силою слова к преступным намерениям его разрушить существующий образ правления, ниспровергнуть престол и лишить жизни августейших особ императорского дома, — словом, он был главою общества и первейшею пружиною всех его действий.

3.

«Русская Правда».

«Русская Правда», над которой в течение нескольких лет напряженно работал Пестель, мыслилась им, как обоснование и характеристика тех форм социального и политического строя, которые должны быть созданы в Российском государстве после переворота.

«Первая глава — как восстанавливал Пестель на следствии план своего трактата — рассуждала о границах государства и разделении земельного пространства оного на области, областей на округи или губернии, округов на уезды, уездов на волости и определяла значение и состав волостей. Вторая глава рассуждала о жителях России, разделяя оные на коренной народ русский и на племена подвластные и присоединенные, и указывая на средства, коими можно слить все различные оттенки в один общий состав таким образом, чтобы все жители России через некоторое время составляли истинно только один народ. Третья глава рассуждала о всех различных сословиях, в государстве обретающихся, указывая на права, преимущества и недостатки каждого из оных и представляя меры и действия, которые бы надлежало в каждом из оных предпринять, дабы слить все сословия в одно общее сословие гражданское. Глава четвертая рассуждала о политическом или общественном состоянии народа, о правах гражданства, о равенстве всех перед законом, и об образе, коим устраи-

вался представительный порядок в избирательных собраниях. Глава пятая рассуждала о гражданском и частном состоянии народа, т.-е. о главнейших правилах и постановлениях так называемого гражданского частного права в отношении лиц, имуществ и взаимных между граждан отношений. Глава шестая долженствовала рассуждать о верховной власти. Глава седьмая долженствовала рассуждать об образовании правительственных мест и начальств в волостях, уездах, округах и областях, а равно и представить общее учреждение министров, доказывая, что оных должно быть десять, не более и не менее. Глава осьмая долженствовала рассуждать о частях правления, устраивающих государственную безопасность как внешнюю, так и внутреннюю: т.-е. об юстиции, полиции, внешних сношениях, военных силах и морских силах, говоря при том особенно о каждой из главных отраслей, каждой из сих частей правления. Глава девятая долженствовала рассуждать о частях правления, заведывающих общественным благосостоянием, т.-е. о финансах, народном хозяйстве или внутренних делах, просвещении и учебной системе, духовных делах и общем делосводе, говоря подобным же образом о каждой из главных отраслей каждой из сих частей правления. Глава десятая, наконец, долженствовала содержать род наказа для составления общего государственного свода законов или уложения и представить главнейшие правила или, так сказать, оглавления сего полного и общего государственного уложения» [1]).

Пестель полагал, что выработанный им и утвержденный Думой общества проект немедленно после переворота становится законом, и им должно будет руководствоваться временное правительство, облеченное диктаторской властью на более или менее длительный срок (10 лет) до установления прочного нормального порядка.

«Русская Правда», очевидно, не была дописана, и, вместе с тем, до нас не сохранилось, повидимому, и всего того, что было написано. Пестель, когда был арестован, больше всего беспокоился о необходимости уничтожения «Русской Правды». Он говорил Волконскому: «Одно только необходимо сделать, это уничтожить «Русскую Правду», одна она может нас погубить». Были ли уничтожены некоторые части «Русской Правды», сказать нельзя. Известная нам часть ее была зарыта членами Тайного Общества.

---

1) «Русская Правда», изд. под ред. П. Е. Щеголева. СПБ., 1906, стр. VIII—IX.

в землю. На следствии один из них, Заикин, указал место, где была зарыта «Правда». «Правду» вырыли и доставили в Петербург. В сохранившемся тексте находим лишь пять глав и записку о государственном правлении, т.-е. об организации приказов или министерств и, в частности, чрезвычайно любопытные планы организации военного управления и армии. Приведем здесь название сохранившихся глав «Русской Правды»: Введение. Основные понятия. Глава I — о земельном пространстве государства. Глава II — о племенах, Россию населяющих. Глава III — о сословиях, в России обретающихся. Глава IV — о народе в политическом отношении. Глава V — о народе в гражданском отношении.

Из сопоставления изложенного выше плана, по которому была задумана «Русская Правда», с названиями сохранившихся глав, мы замечаем, что главы о верховной власти как раз не сохранилось, и мы были бы поставлены в необходимость судить о взглядах Пестеля на основные вопросы политического устройства лишь по показаниям и мемуарам его и других декабристов, если бы не сохранилось (правда, в очень неисправном списке) другое сочинение Пестеля — «Государственный Завет», — где коротко изложены основные мысли «Русской Правды», как она долженствовала быть в целом.

Как из приведенных выше показаний Пестеля, так и из текста «Русской Правды», видно, что он был принципиальным противником всякого цензового начала и связанных с ним форм социально-политического неравенства [1]). Уделяя в «Русской Правде» исключительное внимание интересам крестьянства, мелких земельных собственников, городского мещанства, ремесленников, Пестель явился первым в русской политической истории выразителем интересов поднимающейся буржуазной демократии.

---

[1]) Ср. Б. И. Сыромятников, «Политическая доктрина *Наказа* Пестеля» («Сбор. статей, посвященных В. О. Ключевскому», М., 1909 г.) и К. А. Пажитнов, «Развитие социалист. идей в России», т. I, П., 1924 г., стр. 26—38.

«Русская Правда,

или Заповедная Государственная грамота великого народа российского, служащая заветом для усовершенствования государственного устройства России и содержащая верный наказ как для народа, так и для Временного Верховного Правления».

ВВЕДЕНИЕ.

Основные понятия.

§ 1.

Всякое общество имеет свою цель и избирает средства для достижения оной.

Всякое соединение нескольких человек для достижения какой-либо цели называется обществом. Побуждением к сему соединению или целью оного бывает удовлетворение общим нуждам, которые, происходя от общих и одинаковых свойств природы человека, бывают для всех людей одинаковы. Из сего следует, что члены всякого общества могут единодушно согласиться в цели. Но когда они обратятся к действию или средствам, коими цель должна быть достигнута, тогда должны возродиться между ими сильные споры и бесконечные несогласия, потому что избрание средств не столько зависит от общих свойств природы человеческой, сколько от особенного нрава и личных качеств каждого человека в особенности. Нрав и личные качества людей бывают столь различны, что, ежели каждый пребудет непреклонен в своем мнении, не внимая мнению других, то никакой не будет возможности избрать средства для достижения предназначенной цели, а тем еще менее устроить оные и к действию приступить. В таком случае ничего не останется делать, как разрушить общество прежде всякого действия. А ежели члены не хотят общества уничтожить, то каждый из них должен уступить часть своего мнения и собственных мыслей, дабы составить только одно мнение, по которому могли бы средства для сего действия быть избраны.

§ 2.

Разделение членов общества на повелевающих и повинующихся. Но кто представит такое окончательное мнение, кто изберет средства, кто определит способы, кто расположит действие? Все сии затруднения разрешаются

двояким образом. В первом случае нравственное превосходство одного или нескольких членов соглашает все сии различные затруднения и увлекает за собою прочих силою сего превосходства, коему содействуют иногда и другие посторонние обстоятельства. Во втором случае возлагают члены общества на одного или на нескольких из них обязанность избирать средства, предоставляя им право распоряжаться общим действием. В том и другом случае разделяются члены общества на повелевающих и повинующихся. Сие разделение неизбежно потому, что происходит от природы человеческой, а следовательно, везде существует и существовать должно. На естественном сем разделении основано различие в обязанностях и правах тех и других.

§ 3.

Разделение государства на правительство и народ. Все здесь сказанное об обществах вообще относится равным образом и до гражданских обществ, которые, будучи устроены и в порядок приведены, получают название государства. Гражданское общество, как и всякое другое, имеет свою цель и должно избирать средства для достижения оной. Цель состоит в благоденствии всего общества вообще и каждого из членов оного в особенности. В сей цели все согласны. Для достижения оной нужны средства или действия. Действия сии разделяются на общие и частные. Общим действием называется то, которое касается всего общества, а следовательно и производится от лица всего общества. Частным — то, которое составляет занятие и упражнение каждого члена в особенности. Избрание средств для достижения сказанной цели и действие, сообразное с сим избранием, ведет к разделению членов гражданского общества на повелевающих и повинующихся. Действие от лица всего общества составляет обязанность первых; действие от лица частных членов предоставляется вторым. Когда гражданское общество получает название государства, тогда повелевающие получают название правительства, а повинующиеся — название народа. Из сего явствует, что главные или первоначальные составные части каждого государства суть: правительство и народ.

§ 4.

Взаимные отношения правительства и народа. Правительство имеет обязанность распоряжать общим действием и избирать лучшие средства для доставления в государстве благоденствия всем и каждому. А посему имеет оно право требовать от народа, чтобы оный ему повиновался. Народ же имеет обязанность правительству повиноваться; но зато имеет право требовать от правительства, чтобы оно непременно стремилось

к общественному и частному благоденствию и только бы то повелевало, что истинно к сей цели ведет, и без чего не могла бы оная быть достигнута. На сем единственно равновесии взаимных обязанностей и взаимных прав может существование какого бы то ни было государства быть основано, а посему и переходит государство, при потере сего равновесия, из природного и здорового своего положения в состояние насильственное и болезненное. Установление сего равновесия на твердых основах есть главная цель сея «Русской Правды» и коренная обязанность каждого законодателя.

§ 5.

Каждое право основано быть должно на предшествующей обязанности. Об обязанностях было упомянуто здесь прежде, нежели о правах потому, что право есть одно только последствие обязанности и существовать иначе не может, как основываясь на обязанности, ему предшествовавшей. Первоначальная обязанность человека, которая всем прочим обязанностям служит источником и порождением, состоит в сохранении своего бытия. Кроме естественного разума, сие доказывается и словами евангельскими, заключающими весь закон христианский: люби бога и люби ближнего, как самого себя, — словами, вмещающими и любовь к самому себе, как необходимое условие природы человеческой, закон естественный, следственно обязанность нашу. От сей обязанности происходит право пользоваться для пищи плодами и прочими произведениями природы. Человек имеет сие последнее право только потому, что он обязан сохранять свое бытие. Точно так и во всяком случае может право, какое бы оно ни было, только тогда существовать и признаваемо быть действительным, когда оно бывает необходимо для выполнения той обязанности, которая оному праву предшествует, и на которой оно опирается или основывается. Право же без предварительной обязанности есть ничто, не значит ничего и признаваемо быть должно одним только насилием или зловластием.

§ 6.

Основные понятия о государственном благоденствии и сопряженных с ним обязанностях. Главное дело в государстве есть посему понятие об обязанностях, из коих каждая имеет соответствующее ей право. Обязанности в государстве истекают из цели государства. Цель же государственного устройства должна быть — возможное благоденствие всех и каждого. А посему все, ведущее к благоденствию, есть обязанность. Но поелику понятия о благоденствии бывают весьма различны и разнообразны, то и нужно сему положить некоторые основные или коренные правила. Обязанности, на человека от бога посредством веры наложенные, суть первейшие

и непременнейшие. Они связывают духовный мир с естественным, жизнь бренную с жизнию вечною, и потому все постановления государственные должны быть в связи и согласии с обязанностями человека в отношении к вере и всевышнему создателю миров. Сей первый род обязанностей касается мира духовного. Они нам известны из священного писания. Второй род обязанностей касается мира естественного. Они нам известны из законов природы и нужд естественных. Бог, творец вселенныя, есть и творец законов природы, нужд естественных. Сии законы глубоко впечатлены в сердцах наших. Каждый человек им подвластен, никто не в силах их низвергнуть, и потому постановления государственные должны быть в таком же согласии с неизменными законами природы, как и со святыми законами веры. Наконец, третий род обязанностей порождается составлением гражданских обществ или государств. Первое правило в сем деле состоит в том, что всякое стремление в государстве к доставлению оному благоденствия должно быть согласно с законами духовными и законами естественными. Второе правило: что все государственные постановления должны стремиться единственно к благоденствию гражданского общества, при чем всякое действие, сему благоденствию противное или ему вредящее, признаваемо быть должно преступлением. Третье правило: что благоденствие общественное должно считаться важнее благоденствия частного, и, ежели оные находятся в противуборстве, то первое должно получать перевес. Четвертое правило: что благоденствием общественным признаваемо быть должно благоденствие совокупности народа, из чего следует, что истинная цель государственного устройства должна непременно быть — возможно большее благоденствие многочисленнейшего числа людей в государстве, почему и должны всегда выгоды части или одного нераздельного уступать выгодам целого, признавая целым совокупность или массу народа. Пятое, наконец, правило состоит в том, что частный человек, делая усилия к доставлению себе благоденствия, не должен выступать из круга своего действия и входить в круг действия другого, т.-е. что благоденствие одного человека не должно наносить вреда, а тем еще менее гибели другому. Коль скоро все деяния как правительства, так и частных людей на сих правилах основаны будут, то государство несомненно пользоваться будет возможным благоденствием. Все же законы и постановления государственные должны непременно с сими правилами в полной мере совершенно согласоваться.

§ 7.

Основное понятие о народе и его значении. Выше пояснено, что государство состоит из правительства и народа. Народ есть совокупность всех тех людей, которые, принадлежа к одному и тому же государству, составляют гражданское общество, имеющее целью своего существования возможное благо-

денствие всех и каждого. Непреложный закон гражданских обществ заключается в том, что каждое государство состоит из народа и правительства, следовательно, народ не есть правительство, и каждое из оных имеет свои особенные обязанности и права; однако же правительство существует для блага народа и не имеет другого основания своему бытию и образованию, как только благо народное, между тем как народ существует для собственного своего блага и для выполнения воли всевышнего, призвавшего людей на сей земле прославлять его имя, быть добродетельными и счастливыми. Сей закон божий поставлен для всех людей в ровной мере, и, следовательно, все имеют право на его исполнение. А посему народ российский не есть принадлежность или собственность какого-либо лица или семейства. Напротив того, правительство есть принадлежность народа, и оно учреждено для блага народного, а не народ существует для блага правительства.

§ 8.

Основное понятие о правительстве и разделение оного на верховную власть и государственное правление. Правительство есть совокупность всех лиц, занимающихся отправлением дел общественных. Оно поставлено в обязанность доставлять народу благоденствие и потому имеет право государством управлять для достижения сей предназначенной цели. Обладая сим правом, оно должно иметь и соразмерную власть, дабы обязанность могла быть выполнена, и право было бы действительным. Сия власть, посредством которой правительство исполняет свою обязанность, употребляет свое право и достигает предназначенной цели, есть верховная власть. Из общего предмета или состава благоденствия государства истекают особенные предметы сей общей цели и, как общей цели благоденствия соответствует верховная власть, так должно соответствовать каждому особенному предмету: особенная обязанность, особенное право и особенная власть. Сии особенные власти истекают из верховной, которая об'емлет всю цель учреждения правительства; почему и должны особенные власти совершенно зависеть от верховной и действовать по направлению, от нее исходящему. Совокупность всех сих особенных или частных властей составляет государственное правление, которое также названо быть может чиноначальством. Из сего явствует, что правительство не может выполнить своей обязанности и государству доставить благоденствие, если не будет иметь власти, соразмерной важности и обширности цели гражданского общества, и что сия власть распространяет свое действие по всем предметам на целое государство, имея притом много подчиненных властей, кои уже действуют на отдельные только предметы или на отдельные только части оного. Общая власть именуется верховною властью, а совокупность частных — государственным правлением или чино-

начальством. Посему и разделяется всякое правительство на верховную власть и на государственное правление или чиноначальство.

§ 10.

Необходимость Россию переобразовать и новые законы издать. Таковы коренные, начальные понятия, на которых основаны быть должны существование, жизнь и образование всякого благоустроенного государства; дабы оное находилось под властью и управлением законов общественных, а не прихотей личных властителей, и доставляло бы возможное благоденствие всем и каждому, а не зловластвовало над всеми для выгоды единого или нескольких. — Все, что от сих правил удаляется, а тем паче оным противоречит, есть зловластие, испровержение прав и уничижение, нарекание наносящее и гибель совершающее. Применяя сии неизменные и непреложные коренные правила к России, ясно видеть можно, что самые сии коренные правила непременно требуют изменения существующего ныне государственного порядка в России и введения на место его такого устройства, которое было бы основано на одних только точных и справедливых законах и постановлениях, не предоставляло бы ничего личному самовластию и в совершенной точности удостоверяло бы народ российский в том, что он составляет устроенное гражданское общество, а не есть и никогда быть не может чьей-либо собственностью, или принадлежностью. Из сего явствуют две главные для России необходимости: первая состоит в совершенном переобразовании государственного порядка и устройства, а вторая — в издании полного нового уложения или свода законов, сохраняя притом все полезное и уничтожая все вредное.

§ 11.

О необходимости Русской Правды и временного Верховного правления. Сия двойная цель не может иначе с успехом быть достигнута, как посредством учреждения временного Верховного правления и обнародования Русской Правды ко всеобщему сведению. Причины тому суть следующие: предполагаемый новый порядок, по обширности государства и многочисленности статей и предметов, переобразованию подлежащих, не может быть введен вдруг одним разом. Для сего нужно множество мер приуготовительных или переводных, которые должны постепенно в ход и действие быть приводимы, дабы государство не подвергалось беспорядкам, волнениям и превращениям, которые вместо улучшения могли бы только ввергнуть оное в гибель. Все происшествия в Европе, в последнем полустолетии случившиеся, доказывают, что народы, возмечтавшие о возможности внезапных действий и отвергнувшие постепен-

ность в ходе государственного переобразования, впали в ужаснейшие бедствия и вновь покорены игу самовластия и беззакония. Сие доказывает необходимость приступить к переобразованию государства постепенными мероприятиями. Кому может быть поручено исполнение сего важного дела, как не временному верховному правлению: прежняя верховная власть довольно уже доказала враждебные свои чувства противу народа русского, а представительный собор не может быть созван, ибо начала представительного верховного порядка в России еще не существуют. Но поелику Россия должна иметь залог в том, что временное верховное правление точно будет действовать для одного только блага России и для всевозможного усовершенствования положения и состояния ее по всем предметам и статьям, то необходимым оказывается издание Русской Правды в виде наказа Верховному правлению. С другой стороны, составление уложения или полного свода законов есть дело обширное, многотрудное, требующее много времени и больших соображений, дабы все статьи оного в совершенном между собою находились согласии и соответствии. А по сему и не может оное быть вдруг ныне издано. К тому же государственное уложение должно содержать одни только точные и положительные законы и постановления, утверждающие будущий порядок в государстве, а следовательно и не должно оно содержать:

1) ни воспоминания о ныне существующем порядке, ибо оный прекратит свое существование;

2) ниже изложения переводных и приуготовительных мероприятий или средств, коими нынешний порядок заменен будет предполагаемым новым, ибо приуготовительные и переводные меры суть действия проходящие;

3) ниже, наконец, пояснения основных умозрительных соображений и правил, на коих государственное здание имеет быть сооружено, ибо умозрения не могут входить в состав положительных законов или уложения. Но поелику сии три предмета преимущественно важны, и России непременно известны быть должны при самом начале ее возрождения и переобразования, то тем еще более оказывается необходимость в Русской Правде, которая, излагая коренные начала и основания сего переобразования, содержала бы указания на целое государство и на все оного части, члены и отрасли.

§ 12.

Определение, цель и действие Русской Правды. Русская Правда есть по сему верховная Всероссийская грамота, определяющая все перемены, в государстве последовать имеющие, все предметы и статьи, уничтожению и ниспровержению подлежащие и наконец, коренные правила и начальные основы, долженствующие служить неизменным руководством при сооружении нового государственного порядка и составлении нового государственного уложения. Она содержит определение некоторых

важнейших положительных законов и постановлений будущего порядка вещей, исчисление главных предполагаемых переводных мероприятий и вместе с тем пояснение коренных соображений, начальных причин и основных доводов, утверждающих предполагаемое для России государственное устройство. И так, Русская Правда есть наказ или наставление временному Верховному правлению для его действий, а вместе с тем и об'явление народу, от чего он освобожден будет и чего вновь ожидать может. Она содержит обязанности, на временное Верховное правление возлагаемые и служит для России ручательством, что временное Верховное правление единственно ко благу отечества действовать будет. Недостаток в таковой грамоте ввергнул многие государства в ужаснейшие бедствия и междоусобия, потому что в оных правительство действовать всегда могло по своему произволу, по личным страстям и частным видам, не имея перед собою ясного и полного наставления, коим бы обязано было руководствоваться, и что народ между тем никогда не знал, что для него предпринимают, никогда не видел ясным образом, к какой цели стремятся действия правительства и, волнуемый разными страхами, а потом и разными страстями, часто предпринимал беспокойные действия и, наконец, междоусобия производил. Русская Правда отвращает своим существованием все сие зло и приводит государственное переобразование в положительные ход и действие тем, что все определяет и на все предметы коренные правила издает. Посему обязаны с нею в полной мере сообразоваться как временное Верховное правление со всеми частями, отраслями и степенями правительства, так равно и весь народ со всеми оного членами или гражданами. Временное Верховное правление обязано новый государственный порядок, Русскою Правдою определенный, постепенными меропринятиями ввести и устроить, а народ обязан сему введению не только не противиться, но напротив того временному Верховному правлению усердно всеми силами содействовать и неуместным нетерпением не вредить преуспеванию народного возрождения и государственного преобразования.

Глава первая.

О земельном пространстве Государства.

§ 1.

Право народности и право благоудобства. Определение границ государству, столь пространному и великому, какова Россия, есть дело важное. Многочисленно количество племен различных от востока до запада, от юга до севера, великому народу российскому подвластных и к его государству присоединенных. Не число их нужно умножать, не о распространении пределов помышлять, но единственно стараться о водворении бла-

годенствия в сих обширных владениях. Не менее того, поелику от хороших границ много зависит безопасность государства, а следовательно, и благоденствие оного, то и надлежит пределы обстоятельно рассмотреть и с точностью постановить.

Если бы каждое государство из одного только племени или народа состояло, то границы его сами собою определялись бы пространством, на котором бы тот народ был поселен; но так как все почти большие государства, а тем паче Россия содержат в своем составе много различных племен, то и определение границ соделывается труднейшим. От двух противоположных желаний происходит затруднительность. Народы, подвластные большому государству и происходящие не от господствующего в оном, но от других племен, желают всегда для себя независимости и отдельного политического существования: утверждаясь на праве составлять особые государства и называя оное правом народности. С другой же стороны стремится всякое большое государство к установлению границ, крепких местным положением и сильных естественными оплотами, а вместе с тем стремится и к тому, чтобы силы маленьких народов, его окружающих, умножали силы собственные его, а не силы какого-либо другого, соседственного большого государства, основывая сие стремление и старание на праве безопасности и называя оное правом благоудобства.

Сии два противоположные желания, основанные: одно на праве народности племен подвластных, а другое на праве благоудобства для народа господствующего, в сущности своей оба естественны, но имеют, однакоже, оба свои ограничения и во взаимных отношениях своих имеют случаи, в коих одно другому уступать должно. Сей перевес на сторону права народности или на сторону права благоудобства должен определяться третьим правилом или третьим соображением, состоящим в том, что право народности существует истинно для тех только народов, которые, пользуясь оным, имеют возможность оное сохранить, и что право благоудобства принимается в соображение для утверждения безопасности, а не для какого-либо тщеславного распространения пределов государства. Таким образом племена, подвластные большому государству, не могущие по слабости своей пользоваться самостоятельною политическою независимостью и долженствующие, следовательно, непременно состоять под властью или покровительством которого-либо из больших соседственных государств, не могут ограждаться правом народности, ибо оно есть для них мнимое и несуществующее. К тому же маленькие народы, между большими находящиеся, служат всегдашним поприщем военным действиям, разорениям и гибельным бедствиям всякого рода. А посему лучше и полезнее будет для них самих, когда они соединятся духом и обществом с большим государством и совершенно сольют свою народность с народностью господствующего народа, составляя с ним только один народ и переставая бесполезно мечтать о деле невозможном и несбыточном. Сильное же государство,

опирающееся на народ великий, должно всегда помнить, что могущество ему дано от провидения не для утеснения соседей, но для действий праведных и согласных с чистой справедливостью, и что, хотя имеет оно, конечно, неоспоримое право устанавливать для себя границы крепкие, присоединять к себе по благоудобству племена, немогущие пользоваться действительною народностью, и все то предпринимать и устраивать, что для истинной его безопасности необходимо, однакоже имеет вместе с тем и обязанность не распространять своих пределов для пресыщения одного только тщеславия, охотно принимать в свою народность племена, присоединенные, дабы они составляли в государстве не только худоприлепленные к нему части, но сливались бы совершенно в общий состав, забывали бы свою прежнюю бессильную народность и вступали бы с удовольствием в новую величественнейшую народность, и, наконец, не должно противиться враждебными чувствами и действиями правильному отдельному существованию народов, могущих пользоваться полною политическою независимостью.

Из всего здесь сказанного явствует, что для правильного положительного установления границ надлежит непременно руководствоваться тем соображением, что право народности должно брать верх для тех народов, которые могут самостоятельною политическою независимостью пользоваться; а что право благоудобства должно брать верх над теми народами, которые сею самостоятельною политическою независимостью пользоваться не могут и непременно должны состоять под властью какого-либо сильнейшего государства.

§ 2.

Распределение иноплеменных народов на подлежащих правилу благоудобства и на подлежащих правилу народности. Обращая теперь коренные сии общие правила и соображения на Государство Российское, можно ясное и несомненное вывести заключение, какие должны быть приняты меры в отношении ко всем народам и землям, к России присоединенным, ее Государству подвластным и с ее пределами смежным, и что должно последовать с каждым из оных.

Финляндия, Эстляндия, Лифляндия, Курляндия, Белоруссия, Малороссия, Новороссия, Бессарабия, Крым, Грузия, весь Кавказ, земли Киргизов, все народы Сибирские и разные другие племена, внутри государства обитающие, никогда не пользовались и никогда пользоваться не могут самостоятельною независимостью и всегда принадлежали или самой России или же по временам, если не России, то Швеции, Дании, Пруссии, Польше, Турции, Персии и вообще какому-нибудь сильному государству. Да и на будущие времена, по слабости своей, никогда не могут составлять особых государств, а посему и подлежат все они праву благоудобства, долженствуя притом на веки отречься от права отдельной народности. Вследствие сего подводятся все вышеназванные страны

со всеми племенами, в них обитающими, под право благоудобства для России и об'являются, в удовлетворение оному и на основании оного, на вечные времена оставаться имеющими в составе Российского государства.

Что же до Польши касается, то пользовалась она в течение многих веков совершенною политическою независимостью и составляла большое самостоятельное государство. Она могла бы и ныне сильное получить существование, если бы соединила опять в общий государственный состав все свои части, разобранные могущественными соседями. Из сего явствует, что в отношении к Польше право народности, по чистой справедливости, должно брать верх над правом благоудобства. Да и подлинно великодушию славного российского народа прилично и свойственно даровать самостоятельность низверженному народу в то самое время, когда Россия и для себя стяжает новую жизнь. Итак: по правилу народности должна Россия даровать Польше независимое существование. Но окончательное определение границ между Россией и Польшей должно быть предоставлено правилу благоудобства для России и должно сие самостоятельное восстановление Польши устроено быть на таковых началах и условиях, которые бы в полной мере обеспечивали Россию на будущие времена насчет всяких действий, могущих быть противными твердой ее безопасности или совершенному ее спокойствию. Вследствие сего разрешается временное верховное правление даровать Польше независимое самостоятельное политическое существование в виде отдельного государства с тем только:

1) Чтобы границы между Россиею и Польшею определены были между Российским правительством по правилу благоудобства для России, и Польша бы сему определению границ ни в каком отношении не прекословила и приняла бы оное за неизменный закон коренной.

2) Чтобы восстановление Польского государства последовало не чрез собственное отторжение Польши от России, но чрез правильную сдачу Российским временным правлением губерний, предназначенных к отделению в состав Польского государства, новому Польскому правительству, оставляя все в теперешнем положении до воспоследствия сей сдачи, которая по утверждению всех условий немедленно исполнена быть имеет.

3) Чтобы между Россией и Польшей заключен был тесный союз на мирное и военное время, вследствие коего бы Польша обязалась все войско свое присоединить на случай войны к российской армии, дабы тем в полной мере доказать, что благодеяние, Россией Польше оказываемое, сия последняя с должной признательностью принимает и чувства искренней дружбы и преданности к России питает и всегда питать будет. Зато берет Россия Польшу под свое покровительство и служить будет ей ручательством в неприкосновенности ее пределов, а тем паче ее существования. Наконец —

4) Так как сношения между государствами производятся чрез посредство их правительств и потому твердость и дух сих сно-

шений преимущественно зависит от образования правительств, то, чтобы вследствие сего само устройство Польского государства служило России залогом и обеспечением, а потому и постановляются главными условиями сего устройства, без коих не должна Россия даровать Польше независимости, следующие три:

А. Верховная власть должна быть устроена в Польше одинаковым образом, как и в России, на основании 6-й главы «Русской Правды».

Б. Назначение и выбор всех лиц и чиновников во все правительственные и присутственные места должны происходить по тем же точно правилам в Польше, как и в России, на основании 4 и 9 глав «Русской Правды» и

В. Всякая аристократия, хоть на богатствах и имуществах, хоть на привилегиях и правах родовых основанная, должна совершенно навсегда быть отвергнута, и весь народ Польский — одно только сословие составлять, на основании 4 главы «Русской Правды».

На сих единственно условиях и началах может восстановление Польского государства последовать.

Кроме инородных земель, долженствующих оставаться в составе Российского государства, и кроме земли польской, могущей отойти от России, надлежит еще обратить внимание на некоторые земли, с Россией ныне смежные, коих необходимо надобно к России присоединить для твердого установления государственной безопасности. Сии земли суть: 1) Молдавия. 2) Те земли горских кавказских народов, России не подвластных, которые лежат к северу от границ с Персией и Турцией, а в том числе и западную приморскую часть Кавказа, Турции ныне принадлежащую. 3) Земли Киргиз-Кайскакских орд, кочующих к северу от хребта гор, идущего от Бухтарнинской крепости прямо к Аральскому морю и 4) часть Монголии так, чтобы все течение Амура, начиная от озера Далая, принадлежало России. Сии приобретения необходимы: 1) Касательно Молдавии, потому что народ молдавский и бессарабский одно племя составляют, между тем как двум различным государствам принадлежат и по произведениям природы имеют большую необходимость во взаимных вспоможениях, между тем как от постановления границы государства всякого свободного сообщения лишены, а также и потому, что Прут составляет довольно длинную и весьма худую границу; что Карпатские горы на запад от Молдавии образовали бы отличную государственную межу; что расстояние от Дуная до Карпатских гор, через Фокшаны, будучи весьма короткое, удобно бы означало границу, и наконец, что турки, собрав войско в Молдавии, могут через Хотин, миновав Бессарабию, вдруг очутиться за Днепром, в недрах России. 2) Касательно кавказских земель, потому что все опыты, сделанные для превращения горских народов в мирные и спокойные соседи, ясно и неоспоримо уже доказали невозможность достигнуть сию цель. Сии народы не пропускают ни

малейшего случая для нанесения России всевозможного вреда, и одно только то остается средство для их усмирения, чтобы совершенно их покорить; покуда же не будет сие в полной мере исполнено, нельзя ожидать ни тишины ни безопасности, и будет в тех странах вечная существовать война. Насчет же приморской части, Турции принадлежащей, надлежит в особенности заметить, что никакой нет возможности окончательно усмирить хищные горские народы кавказские, пока будут они иметь средство через Анапу и всю вообще приморскую часть, Порте принадлежащую, получать от турок военные припасы и все средства к беспрестанной войне. 3) Касательно киргизских земель, потому что сии прекрасные места, изобилуя всеми произрастениями, могли бы обратиться в отличную страну, которая бы обогащала Россию многими произведениями природы и многими способами для самой выгоднейшей и деятельнейшей торговли, между тем как ныне сие все совершенно теряется от необузданности и невежества киргизов. К тому же находятся сии народы под покровительством России, и, следовательно, не имеет на них права никакая другая держава; они же сами не могут иметь самостоятельную независимость. Сверх сего, составление из сего края особенного удела, наподобие Донского, как то ниже об'яснено будет, доставит России большие преимущества и твердую с сей стороны безопасность. 4) Касательно Монголии, потому что сии места находятся под мнимым владением Китая, ибо обитаемы кочующими, никому не покоряющимися народами, а следовательно, для Китая бесполезны, между тем как большие бы доставили России выгоды и преимущества для ее торговли, а равно и для устроения флота на Восточном океане. Вообще можно сказать, что неисчислимы все выгодные для России последствия от приобретения вышеназванных частей Кавказских, Киргизских и монгольских степей, произойти могущих чрез удобность сношений, которые сии приобретения доставят России со всеми почти народами Азии. Присоединяя все сии причины к тому обстоятельству, что названные четыре страны никогда отдельных государств образовать не могут и что они, следовательно, подлежат совершенно и единственно праву благоудобства, разрешается временное верховное правление присоединить к России на вечные времена Молдавию и все вышеописанные части Кавказских, Киргизских и Монгольских земель. Далее же отнюдь пределов не распространять.

§ 4.

Россия есть государство единое и неразделимое. Государства бывают или неразделимые или федеративные...

Главная разница... между неразделимыми и федеративными государствами состоит в том, что право издавать законы, образовать общественные учреждения и распоряжать государственными делами находится в неразделимом государстве в одной только вер-

ховной власти, а в федеративном государстве разделяется между общею верховной властью и частными областными властями. С первого взгляда может федеративное устройство государства показаться удобным и приятным: ибо каждой области возможность дает действовать по своему усмотрению и своей воле; но при внимательнейшем рассмотрении легко убедиться можно в решительном преимуществе неразделимого образования государства над федеративным, особенно применяя оное к России при обширном ее пространстве и большом количестве различных племен и народов, ее населяющих.

Общие невыгоды федеративного образования государства суть между многими прочими следующие четыре: 1) верховная власть, по существу дела, в федеративном государстве не законы дает, но только советы: ибо не может иначе привести свои законы в исполнение, как посредством областных властей, не имея особенных других принудительных средств.

Ежели же область не захочет повиноваться, то, дабы к повиновению ее принудить, надобно междуусобную войну завести; из чего явствует, что в самом коренном устройстве находится уже семя к разрушению. 2) Особые законы, особый образ правления и особые от того происходящие понятия и образ мыслей еще более ослабят связь между разными областями. На верховную же власть будут области смотреть, как на вещь нудную и неприятную, и каждое областное правительство будет рассуждать, что оно бы гораздо лучше устроило государственные дела в отношении к своей области без участия верховной власти. Вот новое семя к разрушению. 3) Каждая область, составляя в федеративном государстве, так сказать, маленькое отдельное государство, слабо к целому привязана будет и даже во время войны может действовать без усердия к общему составу государства, особенно, если лукавый неприятель будет уметь прельстить ее обещаниями о каких-нибудь особенных для нее выгодах и преимуществах. Частное благо области, хотя и временное, однакоже все-таки сильнее действовать будет на воображение ее правительства и народа, нежели общее благо всего государства, не приносящее, может быть, в то время очевидной пользы самой области. 4) Слово государство при таком образовании будет слово пустое, ибо никто нигде не будет видеть государства, но всякий везде только свою частную область; и потому любовь к отечеству будет ограничиваться любовью к одной своей области. Много есть еще других отменно важных причин, но для краткости умалчивается о них: ибо довольно уже и сих четырех для решения предложенного вопроса.

Что же в особенности касается до России, то, дабы в полной мере удостовериться, до какой степени федеративное образование государства было бы для нее пагубно, стоит только вспомнить, из каких разнородных частей сие огромное государство составлено. Области его не только различными учреждениями управляются, не только различными гражданскими законами судятся, но со-

всем различные языки говорят, совсем различные веры исповедуют; жители оных различны происхождения имеют, к различным державам некогда принадлежали, и потому ежели сию разнородность еще более усилить чрез федеративное образование государства, то легко предвидеть можно, что сии разнородные области скоро от коренной России тогда отложатся, и она скоро потеряет тогда не только свое могущество, величие и силу, но даже может быть и бытие свое между большими или главными государствами. Она тогда снова испытает все бедствия и весь неиз'яснимый вред, нанесенные древней России удельною системою, которая также не что иное была, как род федеративного устройства государства; и потому, если какое-нибудь другое государство может еще сомневаться во вреде федеративного устройства, то Россия уже никак сего сомнения разделять не может; она горькими опытами и долголетними бедствиями жестоко заплатила за сию ошибку в прежнем ее государственном образовании. А посему, соединяя все сии обстоятельства в общее соображение, постановляется коренным законом Российского государства, что всякая мысль о федеративном для него устройстве отвергается совершенно, яко пагубнейший вред и величайшее зло. Избегать надлежит всего того, что посредственно или непосредственно, прямо или косвенно, открыто или потаенно к таковому устройству государства вести бы могло.

Вследствие всего здесь сказанного об'является Российское государство, в пределах, выше обозначенных, единым и неразделимым, отвергающим притом совершенно всякое федеративное образование, устройство и существование государства.

Глава третья.

О сословиях, в России обретающихся.

§ 3.

Аристократия богатств. Распределение народа на сословия, занимающиеся исключительно земледелием, изделиями или торговлею, совершенно отвергнуто политическою экономиею, доказавшею неоспоримым образом, что каждый человек должен иметь полную и совершенную свободу заниматься тою отраслью промышленности, от которой наиболее ожидает для себя выгоды и прибыли, лишь бы честен был и к законам исполнителен. Правительство должно, конечно, способствовать всеми мерами к усовершенствованию народного богатства, но споспешествование сие должно состоять в разных законодательных и вспомогательных мероприятиях относительно промышленности, а не в распределении народа по отраслям промышленности, которое, напротив того, мешает повсеместному преуспеванию народного богатства. Сверх того, надлежит еще при сем заметить, что все сословия, составляющиеся чрез распределение частных лиц по отраслям промыш-

ленности, самые суть безрассудные и зловредные, потому что, имея основанием своего бытия богатство, они все желания и помышления обращают единственно на деньги; другого отличия между людьми не знают, как одни деньги; богатство ставят первейшим достоинством, превышающим все прочие, и, соделывая народ ужасно падким к корыстолюбию, производят неминуемую порчу в нравах. Известно, что исключительная любовь к деньгам граничит к скупости, а сей порок более всякого другого соделывает человека жестокосердным, почему и по всей справедливости сказать, можно, что таковые сословия суть самые бесчеловечные, до чрезвычайности умножают число бедных и нищих и основывают свое влияние на народ не на общем мнении, но на золоте и серебре, посредством коих подавляют общее мнение, как хотят, и приводят народ в совершенную от себя зависимость. Отличительная черта нынешнего столетия ознаменовывается явною борьбою между народами и феодальною аристократией, во время коей начинает возникать аристократия богатств, гораздо вреднейшая аристократии феодальной, ибо сия последняя общим мнением всегда потрясена быть может и, следовательно, некоторым образом от общего мнения зависит, между тем как аристократия богатств, владея богатствами, находит в них орудия для своих видов, противу коих общее мнение совершенно бессильно, и посредством коих она приводит весь народ, как уже сказано, в совершенную от себя зависимость. А потому обязано всякое благомыслящее правительство не только такового распределения народа не допускать, но даже и все меры принимать, дабы таковые сословия отдельным от массы народной составлением сами собою бы не устанавливались и не образовывались; а тем более обязано их уничтожать, ежели они где-либо существуют.

§ 4.

Все должны быть перед законом равны. Все вышеупомянутые сословия составились в разные времена и при разных обстоятельствах и, разделив народ на разные классы, произвели большие различия и разнородности в гражданском положении людей, принадлежащих к одному и тому же государству. Различия сии целью имеют не лучшее устроение государственного порядка, коего нельзя посредством их достигнуть, и не удобнейшее доставление общественного блага всему народу, но единственно дарование некоторым людям больших преимуществ против массы народной и подавление сей последней в пользу и в корысть малейшего числа. Гражданские общества, а следовательно, и государства, составлены для возможно большего благоденствия всех и каждого, а не для блага некоторых за устранением большинства людей. Все люди в государстве имеют одинаковое право на все выгоды, государством доставляемые, и все имеют равные обязанности нести все тягости, нераздельные с государственным устроением. Из сего явствует, что все люди в государстве должны непременно быть перед

законом совершенно равны и что всякое постановление, нарушающее сие равенство всех перед законом, есть нестерпимое зловластие, долженствующее непременно быть уничтоженным. Сверх того, нарушают сии различия добрую между гражданами связь, разделяя их на несколько отделений, имеющих совсем различные виды и выгоды, и следовательно, и образ мыслей. Сколь же добрая связь между гражданами важна для благоденствия государства, ясно доказано было в предыдущей главе, и точно так же нарушается различием сословий, как и разнородством племен. Сословия тем еще пагубнее, что они только одним пристрастием дышат, что некоторым членам народа выгоды дают, в коих другим отказывают без всякой причины и без всякой для государства пользы, что для пресыщения корысти нескольких людей жестокую оказывают несправедливость против наибольшей части народа, и что противны цели государственного существования, состоящей не в пристрастии к малому числу, но в елико возможно большем благоденствии многочисленнейшего числа людей в государстве. А из всего вышесказанного следует, что учреждение сословий непременно должно быть уничтожено, что все люди в государстве должны составлять только одно сословие, могущее называться гражданским, и что все граждане в государстве должны иметь одни и те же права и быть перед законом все равны.

Изложив, таким образом, коренные соображения о сословиях вообще, приступить теперь можно к изложению мероприятий, коим каждое из них в особенности подвергнуться имеет.

§ 6.

Дворянство есть то отдельное от массы народной сословие, которое свои особенные имеет преимущества, состоящие в следующих пяти предметах: 1) дворянство обладает другими людьми, как собственностью своею, называя их своими крепостными, и право имеет составлять маиораты с разрешения правительства; 2) дворянство никакой подати не платит и никаких вкладов в пользу общую не вносит; 3) дворянство не подлежит телесным по суду наказаниям подобно прочим россиянам, ниже за самые ужаснейшие преступления; 4) дворянство не подлежит рекрутскому набору и всякие звания и должностные места в государстве замещает за исключением прочих россиян, и 5) дворянство называется сословием благородным, имеет гербы и присоединяет к сему различные титла. Сии пять преимуществ составляют дворянство, в отношении к коему здесь употреблено слово преимущество, а не слово право, потому что упомянутые выгоды, коими пользуется дворянство, ни на какой предшествующей обязанности не основаны, ниже для исполнения какой-либо обязанности нужными не бывают, почему и не могут правами быть признаны на основании § 5 предисловия; тем более, что сии выгоды не только не основаны на предшествующих обязанностях, но даже, напротив того, от обязанностей избавляют и по-

тому должны быть признаны преимуществами, а не правами. Рассмотрим теперь, должны ли таковые преимущества в благоустроенном государстве отдельному сословию быть дарованы.

Первое. Обладать другими людьми, как собственностью своею, продавать, закладывать, дарить и наследовать людей наподобие вещей, употреблять их по собственному своему произволу без предварительного с ними соглашения и единственно для собственной своей прибыли, выгоды, а иногда и прихоти, есть дело постыдное, противное человечеству, противное законам естественным, противное святой вере христианской, противное, наконец, заповедной воле всевышнего, гласящего в священном писании, что люди перед ним все равны, и что одни деяния их и добродетели разницу между ними поставляют. И потому не может долее в России существовать позволение одному человеку иметь и называть другого своим крепостным. Рабство должно быть решительно уничтожено, и дворянство должно непременно отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми. Нельзя ожидать, чтобы нашелся один злосовестный дворянин, чтобы не содействовать всеми силами к уничтожению рабства и крепостного состояния в России. Но ежели бы, паче всякого чаяния, нашелся изверг, который бы словом или делом вздумал сему действию противиться или оное осуждать, то временное верховное правление обязывается всякого таковаго злодея безыз'ятно немедленно взять под стражу и подвергнуть его строжайшему наказанию, яко врага отечества и изменника противу первоначального коренного права гражданского. Сие уничтожение рабства и крепостного состояния возлагается на временное верховное правление, яко священнейшая и непременнейшая его обязанность. Позывается оно к престолу всевышнего на вечное посрамление, если не устремится всеми силами на исполнение сего веления в скорейшем времени решительнейшими и действительнейшими мероприятиями. Что же касается до маиоратов, то должны теперешние немедленно быть уничтожены и составление новых на будущее время совершенно запрещено: ибо дети должны быть все наделены разными участками от родительского наследства и установление маиоратов есть столь же гнусная, как и явная несправедливость. Уничтожение теперешних маиоратов предоставляется распоряжению временного верховного правления.

Второе. Гражданское общество составлено для возможного благоденствия всех и каждого. Сие благоденствие достигается разными средствами и действиями, в числе коих находится необходимость и подати собирать. А поелику все члены имеют равное право на благоденствие, то все члены имеют точно так же равную обязанность содействовать водворению оного. Сверх того, одно только зловластие может все тягости возлагать на одних, а других всеми выгодами осыпать. Честный человек без угрызения совести не может пользоваться трудами и пожертвованиями ближних без всякого с своей стороны возмездия или соучастия. А потому и не может дворянство от податей быть освобождаемо. Оно должно со всеми

прочими россиянами разделять не только все государственные выгоды, но равным образом и все государственные тягости. Временное верховное правление обязывается при введении новой государственной финансовой системы подвергнуть дворянство податям наравне с прочими россиянами.

Третье. Род наказания должен соответствовать роду преступления, а не сословию преступника, ибо преступление есть произведение злых качеств человека, а не причисление его к тому или другому сословию, и хотя утверждают, что одинаковое наказание для человека образованного и человека без воспитания будет большее сострадание для первого, нежели для второго, но одинаковое преступление, соделанное человеком без воспитания, заставляет предполагать более разврата и более унижения в первом, нежели во втором, а следовательно, и должен первый быть наказан сильнее второго, чем равновесие и восстановится. К тому же цель наказаний не есть страдание преступника, но есть исправление его, а еще более удержание других посредством примера от подобных деяний. Посему и должно быть наказание соображено с действием на посторонних людей. Из чего и явствует необходимость, чтобы за одинаковые преступления налагаемы были одинаковые наказания, тем более, что нет возможности сообразить наказание со степенью чувствительности наказываемого, и что люди одного и того же сословия столь же различны в отношении к сей чувствительности, сколько и люди различных сословий. А посему и должно дворянство, наравне со всеми прочими россиянами, за одинаковые преступления одинаковым подлежать наказаниям, и ежели телесные наказания будут признаны необходимыми, то должны оным быть подвергнуты дворяне так точно, как и все прочие люди. Временное верховное правление обязывается распорядить приведение сего в исполнение безупустительно с самого начала вступления своего в должность.

Четвертое. Набор ратников в войско есть учреждение, необходимое для государственной безопасности, а следовательно, и для государственного бытия, и потому должно оно неминуемо существовать. Но поелику польза, от военной силы происходящая, на всех членов гражданского общества распростаняется одинаковым образом, то и должны все сословия одинаковым образом в составлении сей силы участвовать, руководствуясь очередью и жребием, как то об'яснено будет в главе осьмой, т.-е. одинаковыми для всех правилами на сей счет. А посему и не может дворянство от сей личной повинности быть освобождаемо и должно сие преимущество его быть уничтожено. Главнейшее средство к избежанию рекрутства будет состоять в выдержке положенного экзамена, по которому право приобретаться будет вступать в службу не рядовым, но уже офицером. Сие право распространено быть имеет на все сословия и на всех вообще россиян одинаковым образом. О сем будет пространнее упомянуто в главе осьмой. Само собою разумеется, что имеющий ныне какой бы то ни было офицерский чин, по какому бы то ни было ведомству, уже более рекрутству

подлежать не может и не будет. Что же касается до исключительного права дворян замещать все должностные места, то сие право распространяется на всех россиян вообще и перестает быть исключительным преимуществом одного дворянства. Кто по своим познаниям, способностям и достоинствам окажется заслуживающим право на должностные места, тот и будет сим правом пользоваться на основании общих правил, без всякого внимания на его происхождение или сословие. Временное верховное правление обязывается привести всю статью в полное и совершенное исполнение без всякого послабления.

Пятое. Люди все рождены во благо: ибо они суть все творение всевышнего, и потому несправедливо называть благородным одно только сословие дворян. Вследствие сего должно быть уничтожено преимущество дворянства именоваться сословием благородным. Титла князь, герцог, граф, барон и т. п. происходят от тех времен, когда сии титла означали разные должности или степени владычества; но так как они ныне ни того, ни другого уже более не означают, то и суть они только пустые звуки, удовлетворяющие одному только надутому тщеславию и гордому самолюбию. А посему и не могут таковые титла существовать в государстве, коего устройство и образование основаны быть имеют на истинной справедливости, чистой нравственности, здравом смысле и рассудке. К тому же, если к сим титлам присоединяются особые какие-нибудь преимущества, то они вредны и пагубны, ибо препятствуют необходимому и непременному равенству всех перед законом .Если же они ни с какими особыми преимуществами не сопряжены, то составляют одно только ребяческое пустословие и, следовательно, во всех случаях должны решительно быть уничтожены. Временное верховное правление обязывается все сии звания и титла совершенно уничтожить, без малейшего внимания на какие бы то ни было побочные соображения. Что же касается до гербов, то могут они подлежать двум различным заключениям: или быть совершенно уничтожены и навсегда запрещены или всем гражданам без из'ятия быть дозволены. В сем последнем случае не должны гербы ничего означать иного, как только простой произвольный рисунок, который гражданин имеет право составлять, употреблять и изменять, как ему угодно, и на который правительство ни малейшего не обращает внимание, не давая оному совершенно никакого значения. Временному верховному правлению дозволяется выбрать по своему усмотрению одно из сих средств.

Из всего, до сих пор сказанного, явствует, что все пять родов преимуществ, коими дворянское сословие поныне пользовалось, должны непременно решительнейшим образом быть уничтожены. А так как дворянское достоинство не что иное, как итог сих пяти родов преимуществ, то и следует из сего, что и само звание дворянства должно быть уничтожено: члены оного поступают в общий состав российского гражданства на основании общих правил, ниже сего изложенных, и долженствуют подобно всем прочим рос-

сиянам по волостям быть расписаны. Хотя, может быть, некоторые люди и будут полагать, что, при уничтожении первых четырех родов дворянских преимуществ, пятый род может быть сохранен в предположении, что, льстя одному только пустому самолюбию, не будет оный производить существенного вреда. Но мысль сия совершенно несправедлива: ибо всякое существование отдельного от общей массы народной сословия есть вещь пагубная по той причине, что таковое сословие недолго будет удовлетворяться одним наслаждением самолюбия. Оно верно будет скоро искать существеннейших выгод и, отделившись раз от общей массы народной, будет всегда жертвовать благом общим для пресыщения своей корысти и для овладения существеннейших преимуществ, нарушающих равенство всех перед законом, — сие первейшее, главнейшее и прочнейшее основание государственного благоденствия. Чего не делали древние козни дворянские?

А посему верховное правление обязывается все вышеоб'ясненные мероприятия привести в непременное, полное и совершенное исполнение, имея всегда в виду и во внимании, что сии мероприятия принадлежат к числу самых важнейших и необходимейших действий для утверждения благоденствия России: ибо не существует без оных равенства перед законом, а следовательно, и не существует главнейшего основания правильного государственного установления. Законы без сих мероприятий всегда пребудут орудием одного только зловластия некоторых человек над массою народною для общей пагубы целого государства. Довольно долго существовала возможность для некоторых угнетать всех прочих; пора теперь положить решительный конец сему гнусному и неистовому распорядку вещей. Добрые дворяне, истинные сыны отечества, с удовольствием и радостью примут сие постановление в том убеждении, что не нужно им вышеупомянутых отдельных преимуществ, дабы общею пользоваться любовью и доверенностью, дабы посредством оных занимать разные государственные должностные места, участвовать в разных частях и отраслях правления, продолжать иметь случай и возможность оказывать отечеству услуги, личными достоинствами приобретать признательность и уважение соотчичей, и, наконец, самим пользоваться всеми выгодами и частными благами, приобретаемыми средствами, праведными и никому необидными. Они будут чувствовать, что выгоды, доставляемые дворянству наравне с прочими россиянами новым государственным порядком, сею «Русской Правдою» определяемым, несравненно обширнее и значительнее тех преимуществ, коих дворянство сим лишается, и что они, следовательно, меняют малое на большое, не говоря уже о том, что теряют постыдное, а приобретают похвальное и достойное. Что же касается дворян, закосневших в своих враждебных противу массы народной предрассудках и мыслящих, что вся Россия для них одних существует, то крепкую питать можно надежду, что таковых дворян окажется весьма мало. Однакоже, ежели, паче чаяния, най-

дутся таковые недостойные сыны отечества, то противу них надлежит принять меры решительные, дабы в полной мере укротить свирепый их нрав и поставить в невозможность отечеству вредить, хотя бы к тому и нужными были действия скорой и непреклонной строгости.

§ 7.

Купечество. В нынешних постановлениях о купечестве, считающемся отдельным сословием, обретаются большие несправедливости, противоречия и злоупотребления, много различными препонами и затруднениями гибель торговле наносящие. Известно, что лучший способ для доставления народному богатству возможности процветать состоит в даровании свободы, обращая внимание правительства на промышленность народную, с тою только целью, чтобы распространять познания и сведения, необходимые для промышленности, и вообще просвещение, и чтобы устранять препятствия, частные способы превышающие. Из сего явствует, что свобода есть главная необходимость для народной промышленности.

Свобода же сия состоит в трех главных предметах: 1) чтобы каждый гражданин имел право и позволение заниматься тою или теми отраслями промышленности, которые он заблагорассудит избрать, лишь бы честен был и к законам исполнителен; 2) чтобы каждому дозволено было любой заниматься промышленностью не только в одних городах и назначенных местах, но равным образом и в селениях всякого рода и вообще везде, где только пожелает, и 3) чтобы сама промышленность была освобождена, елико возможно более, от всяких затруднений и препятствий, производимых иногда не только худо обдуманными постановлениями, но и посторонними действиями и причинами, так, чтобы она находила в распоряжениях правительства не препоны своему преуспеванию, но, напротив того — защиту и содействие. Для окончательного соображения надлежит еще присоединить ко всему здесь сказанному содержание третьего параграфа сей главы, в коем об'яснен весь вред, произойти долженствующий от составления особых сословий по отраслям промышленности.

Вследствие сего обязывается временное верховное правление в отношении к купечеству: 1) об'явить, что купечество не будет более считаться отдельным сословием народа, а посему уничтожить гильдии и распределить всех членов по волостям, дабы они поступили в общий состав российского гражданства; 2) так как земледелие и торговля, столь многоразличные имеют связи и соотношения, что точное отделение одной отрасли промышленности от другой, образуя для каждой особенное сословие, столь же вредно, сколь и невозможно, то и распространить на всех россиян без из'ятия одинаковым образом все права торговли, дозволяя во всяком месте торг и лавки заводить; 3) все старания приложить к устранению тех многочисленных препятствий и неудобств, которые ныне столь сильно торговлю затрудняют и торговцев угнетают,

а вместе с тем и перебрать все тарифы, дабы они как можно более торговлю облегчили, к лучшему ее ходу способствовали и притом остальным отраслям промышленности не вредили и 4) устранить взимание податей с торгующих на общих правилах государственной финансовой системы, оставляя, однакоже, по необходимости нынешний порядок до введения нового, о котором надлежит без промедления времени озаботиться. Соображения подробностей и приведение всего сего в надлежащий ход и действие предоставляется усмотрению и распоряжению временного верховного правления.

§ 8.

Мещанство. Мещане составляют ныне, подобно купечеству, особое сословие с собственными своими преимуществами и ограничениями. О них следующее надлежит заметить: 1) мещане распределены по цехам; 2) мещане приписаны все к городам; 3) мещане мало могут заниматься замледелием, потому что мало земель имеют и 4) для мещан торговля затруднительна. На сии четыре предмета надлежит заметить: 1) Распределение граждан по цехам и принуждение их заниматься каким-нибудь одним только ремеслом есть столь же бесполезная, сколь и несправедливая препона свободному ходу и действию промышленности. Изыскивай каждый себе пропитание, в чем удобнее найти оное может, будь только честен и к законам исполнителен. К тому же не исполняется в точности сие постановление, ибо часто бывает, что мещане занимаются совсем другим промыслом, нежели тем мастерством, к которому приписаны. Да и сами цехи, кроме вреда, ничего не приносят, как то ясно и неоспоримо доказано политическою экономиею. 2) Никакой нет пользы принуждать мещан быть непременно приписанными к какому-нибудь городу и не позволять им к селениям приписываться. Сделано сие постановление с целью покровительствовать городам, но поелику чем в большем количестве различных мест всякая промышленность будет ход и пребывание свое иметь в большем количестве, будет народ удобностью к благосостоянию пользоваться, а посему и должен каждый гражданин право иметь, на основании общих правил, приписываться по собственному своему желанию в том месте, где он родился или где наиболее для себя выгод приобрести надеется. Городам же покровительствовать более, чем селениям, никакой нет ни надобности, ни причины. 3) Мещане мало могут земледелием заниматься, потому что число земель, принадлежащих к каждому городу, в несоразмерности находится с числом мещан: земель мало, а мещан много. Сие происходит от того, что все мещане состоят приписанными к городам. Сверх того, рождается от сего и распространяется между людьми мысль, что земледелие есть последний из всех промыслов, и что все прочие почетнее его, между тем как земледелие, будучи самое необходимейшее, должно бы гораздо более быть в уважении и почтении, особенно в России,

коей главнейшее богатство именно в земледелии состоит. 4) Торговля, дозволяемая мещанам, стеснена чрезвычайным образом для них как тем обстоятельством, что все предметы выгодной торговли предоставлены одним только купцам, так и тем, что крестьяне, допускаемые до той же торговли, как и мещане, сим последним большой делают подрыв. От сего происходит, что мещане удалены от выгодной торговли, стеснены крестьянами в мелочной и, сверх того, еще за сию, даже мелочную, платят подати совершенно не в соразмерности с купцами, которые, в сравнении с своими правами, гораздо менее мещан в казну взносят.

Из всего здесь об'ясненного явствует, что прежнее правительство не только не обращало благодетельного внимания на сословие мещан, но даже, напротив того, как будто с намерением выдумывало все постановления, могущие сие сословие угнетать и превращать всех мещан в поденщики, которые бы с трудом могли доставлять себе дневное пропитание и то без надежды на дни старости и болезни. Для отвращения сего зла постановляются следующие главные правила, кои временное верховное правление обязывается привести в полное и надлежащее исполнение: 1) об'явить, что мещанство не будет более считаться отдельным сословием народа, и что мещане, поступая в общий состав российского гражданства, должны быть приписаны к волостям и могут приписываться к любой волости на основании общих правил, не имея обязанности непременно состоять к городу приписанными; 2) уничтожить цехи и дозволить мещанам заниматься тою или теми отраслями промышленности, какие заблагорассудят для себя избрать, и совокуплять и переменять оные, как им угодно; 3) распространить на мещан все права, даруемые новым порядком вещей всякому российскому гражданину, а вместе с тем и взимание податей с них устроить на основании общей государственной системы, для всех россиян приуготовляемой, и 4) непременно уничтожить вышедшее в конце 1824 г. постановление, известное под названием гильдейского и заключающее в себе все то, что зловластие выдумать только могло для вреда народной промышленности, покровительствования всем злоумышлениям и совершенного угнетения беднейших классов людей.

§ 9.

Военные поселяне. Одна мысль о военных поселениях, прежним правительством заводимых, наполняет каждую благомыслящую душу терзанием и ужасом. Сколько пало невинных жертв для пресыщения того неслыханного зловластия, которое с яростью мучило несчастные селения, для сего заведения отданные! Сколько денежных сумм, на сей предмет расточенных, все силы государства нарочито соединяют для гибели государства. И все сие для удовлетворения неистовому упрямству одного человека! Какие же предвещали государству выгоды от учреждения военных поселений? — Три главные: 1) что не будет более рекрутства существовать; 2) что

воины получат оседлость, и 3) что продовольствие армии провиантом и фуражем ничего казне стоить не будет. При рассмотрении сих обещанных выгод, легко удостовериться можно, что сии выгоды суть или мнимые, или, даже напротив того, истинный вред, или величайшее зло. 1) Военные поселения могут от рекрутства народ освобождать единственно в мирное время, а в военное время предполагается по самым постановлениям военного поселения наполнять армию рекрутами со всего государства. Да иначе сие и быть не может, ибо, в противном случае, полк, потеряв много людей на войне и комплектующийся из одного своего поселения, расстроил бы оное совершенно и даже бы мог уничтожить. Но вместе с тем и освобождение народа от рекрутства через посредство военных поселений делается лишним, тем более, что в то самое время от сей повинности не освобождает, когда она бывает самая тягостнейшая. 2) Ничто не может быть для войска вреднее, как оседлость или беспрестанное нахождение каждого воина в кругу своего семейства, ибо таковое состояние неминуемо изнежит оное и лишит воинского духа, приобретаемого единственно в сообществе начальников и товарищей, из коих составляется, так сказать, новое воинское семейство. Родителям сохранение сына всегда важнее и милее казаться будет, чем все его подвиги, и потому при об'явлении войны будет поселенное войско всегда с плачем и скорбью в поход выступать и разве только надеждою на добычу утешаться. Сие тем справедливее, что, при теперешнем устройстве государственного порядка и при теперешней величине государства, внешние его сношения так многосложными сделались, что войско не может в подробности знать всех обстоятельств, соделывающих войну неизбежною; следовательно, и не может в самых причинах о войне черпать пламенную к оной охоту, которую по сему найти может единственно в желании отличиться и славу приобрести. — Сии же чувства подавляются оседлостию войска. 3) Хотя продовольствие армии, может статься, и могло быть через военные поселения устроено без особенных на то издержек со стороны казны, но, однакоже, сие не значит, чтобы оно тогда ничего не стоило, ибо, при возложении на военные поселения обязанности армию продовольствовать, избавляются они от всякого платежа каких бы то ни было податей. Если же сравнить выигрыш казны от продовольствия армии через военные поселения с убытком казны от избавления военных поселений от всякого платежа податей, то и полное получится удостоверение, что сия выгода есть совершенно мнимая. Из сего явствует, что из трех представленных доводов в пользу военных поселений один заключает истинный вред, а два совершенно мнимую пользу. Обращая теперь взоры на несправедливость, неудобства и худые последствия, с поселением войска сопряженные, нельзя довольно надивиться, как могла таковая мысль когда-либо притти в ум, не лишенный совершенно всякого здравого рассудка. Не будем о сих соображениях здесь распространяться, ибо они так многочисленны, что целые стопы бумаг

исписать бы должно было, дабы их исчислить; упомянем вкратце только о двух, из коих одно относится к войску поселенному, а другое — к народу и государству. 1) Никакое правительство не может никогда право иметь отделить от общей массы народа часть оного с тем, чтобы на сию часть возложить, за исключением остальных, самую тягостнейшую и жесточайшую повинность, какова есть военная. Как можно до такой степени все чувства совести и справедливости отвергнуть, чтобы на-веки некоторые семейства назначить для войны со всеми их детьми, внуками и вообще потомством, на сии семейства возложить исключительно повинность военной службы и пролитие крови за народ, коего они знают только потому, что за него всегда готовыми быть должны терять всех своих детей, сих драгоценнейших предметов любви и нежности! Разве военные поселяне не такие же чувства имеют, разве они не такие же граждане нашего отечества, разве они не те же права имеют на благоденствие, как и прочие россияне, разве прочие россияне не те же имеют обязанности к отечеству, как и они, и разве защита отечества не есть священная обязанность для всех и каждого? И потому ясным образом из сего можно вывести заключение, что военные поселения суть самая жесточайшая несправедливость, какую только раз'яренное зловластие выдумать могло.

2) Как военные поселения жестоки для подлежащих оным, так равно пагубны они для самого государства: образуя в оном другое, совсем особое, государство, которое имеет совсем отдельные и различные выгоды, не сохранило никакой связи с остальными частями и никакого не оставило в оных залога в своей верности, имея при себе все, что ему мило и дорого, и чувствует, сверх того, что вся сила у него находится в руках, ибо оно вооружено, между тем как остальное государство против него безо всякой находится защиты. Легко можно предвидеть, что если бы вся армия была поселена, и сей порядок был бы уже совершенно введен так, чтобы поселенные войска к оному привыкли, и из памяти их бы изгладилось всякое воспоминание о прежней связи войска с гражданами, то скоро бы поселения захотели управляться собственными своими начальствами и чиновниками, выбранными из их среды, чего никакая дисциплина удержать бы не могла, и потом в скорости, взглянули на государство, как ближнюю добычу, и, зная свою силу, овладели бы оным совершенно и разделили бы между собою, как варвары делили завоеванные земли. Они снова бы представили нашествие татар и притом гораздо опаснейшее, ибо сильнее и умнее бы их были и менее или и даже никакого противоборства найти бы не могли от беззаботных и безоруженных граждан. Тогда подверглось бы государство ужаснейшим бедствиям и превращениям, которые бы кончились введением феодального зловластия и всеобщим порабощением и несчастием. Сии неизбежные от военных поселений последствия достаточно доказывают, что одна из первейших обязанностей временного верховного правления состоит

в уничтожении военных поселений и в освобождении от ужасного сего ига всех селений, ныне к оным принадлежащих. На основании всего здесь сказанного обязывается временное верховное правление: 1) в военных поселениях отделить войско от поселян, причислить войско к общему составу армии на общих правилах и разместить войско по разным местам сообразно общему расквартированию армии; 2) привести военные поселения в общее земледельческое состояние, составить из оного волости на основании общих правил, военных поселян признать гражданами наравне со всеми прочими россиянами, даровать им совершенно те же права и устроить в прекращающихся военных поселениях тот же образ управления, как и в прочих местах России, и 3) все меры принять, какие только нужными и возможными окажутся для доставления военным поселянам нужных льгот и необходимых средств для поправления разоренных их имуществ. А вместе с тем и возвратить к семействам всех несчастных, находящихся ныне по разным местам в ссылке и заточении. Подробности и частности сего мероприятия предоставляются распоряжениям и соображениям временного верховного правления, обязывающегося сим предметом заняться с любовью и старанием.

§ 11.

Вольные земледельцы. Вольных земледельцев имеется в России несколько родов: вольные крестьяне, малороссийские казаки, панцырные дворяне, однодворцы, колонисты и разные другие. Они все подлежат одинаковым заключениям и мероприятиям, и потому все, что здесь сказано будет о вольных земледельцах, относится вообще до них всех без исключения.

Вольные земледельцы пользуются ныне различными правами, их сословиям предоставленными, при чем разные роды сих земледельцев между собою еще разнствуют в отношении к сим правам, так что малороссийские казаки имеют свои особенные права, панцырные бояре свои особенные, и так далее однодворцы, колонисты и все прочие. Нет надобности здесь входить в подробность всех сих различий и разнообразий, ибо все они подвергнуты быть имеют одинаковым изменениям, и все вольные земледельцы имеют поступить в общий состав российского гражданства на основании общих правил. Все права мещанства и купечества должны быть на них распространены, равно как и все прочие права, каждому российскому гражданину имеющие быть присвоенными; и вместе с тем имеют быть прекращены все те их частные права, которые окажутся несоответствующими новому порядку государственного устройства или устраненными от общего состава прав российского гражданства.

Главнейшее основание предполагаемого для России гражданского бытия состоит в образовании волостей и в распределении всех россиян по волостям. Сему распорядку имеют подлежать все

вольные земледельцы, почему и обязывается временное верховное правление составить по общим правилам волости из селений, обитаемых вольными земледельцами, или включить сии селения в состав других волостей, смотря на удобность и на обстоятельства, и потом самих вольных земледельцев расписать по волостям на основании общих правил, подвергая их тому же образу правления и тем же законам и постановлениям, как и всех прочих россиян.

Земли, принадлежащие вольным земледельцам, могут на два рода быть разделены: одни составляют собственность целого общества или селения, другие составляют собственность частных лиц. В главе о политическом состоянии народа будет подробно из'яснено, почему, для чего и каким образом имеют все земли вообще разделены быть в каждой волости на две равные части, из коих будет одна составлять: общественную собственность, а другая — частные собственности. Таковому распорядку имеют быть подвергнуты равным образом и земли вольных земледельцев. А посему и обязывается временное верховное правление разделить земли каждой волости на две половины, из коих одной быть собственностью общественною, а другой — собственностью частною. Земля общественная имеет принадлежать всему волостному обществу вообще, а земля частная имеет составлять отдельную собственность частных лиц. В сем отношении нужным почитается следующие сделать определения: 1) Земли, коими ныне владеют вольные земледельцы, не везде состоят за ними записанными по купчим или другим письменным актам и во многих местах владеют они сими землями по преданиям, старым обычаям или правам давности. Посему, ежели бы ограничиться одними письменными актами и документами при признавании права обладания вольных земледельцев на земли, коими они владеют, то большая из них часть лишилась бы совершенно всякой собственности. Принимая в соображение, что таковое действие совершенное бы было зловластие, поставляется в обязанность временному верховному правлению признавать право обладания не по одним письменным актам и документам, но равным образом и по праву давности, признавая действительность оного по повальным обыскам. Учинив таким образом распределение всех земель, снабдить владельцев письменными актами и потом уже на будущие времена повальных обысков в решение более не принимать, обратя при сем последнем учинении повальных обысков особенное внимание и особенное старание на справедливое исполнение оных и совершенное устранение злоупотреблений, столь часто и столь сильно при сих случаях действующих. 2) Во многих селениях и волостях, населенных вольными земледельцами, принадлежит ныне вся земля или большая часть оной всему обществу, а поелику общественная земля имеет по новому предположению составлять только половинную часть всей земли волости, то в таковых волостях, где общественная земля больше половины всей земли составлять будет, обязывается временное верховное правление отделить от общественной соб-

ственности ту часть земли, которая половину всей земли волости превышать будет, и сию отделенную часть раздать по ровным участкам в вечное потомственное владение членам того общества вольных земледельцев, коему вся земля принадлежит. 3) Ежели где-нибудь необходимым окажется включить в состав общественной собственности частную землю какого-нибудь вольного земледельца, то сей вольный земледелец имеет быть в полной мере за сию землю вознагражден или денежною платою или выдачею ему в собственность из казенных земель такого участка, который бы в ценности своей равнялся участку земли, у него отнятому. Все же земли, принадлежащие ныне в частную собственность вольных земледельцев, коих ненужным окажется включить в общественную волостную собственность, имеют оставаться в вечном потомственном владении нынешних своих владельцев на основании общих правил.

Все подробности сего распорядка имеет верховное временное правление устроить законодательными и исполнительными действиями по внимательному соображению временных обстоятельств, частных случаев и местных положений, руководствуясь неизменно и планомерно правилами, здесь изложенными.

§

Дворянские крестьяне. Весьма различно положение, в котором находятся различные дворянские крестьяне. У самых добрых господ они совершенным благоденствием пользуются; у самых злых—они в совершенном злополучии обретаются. Между сими двумя крайностями существует многочисленное количество разнообразных степеней злополучия и благосостояния. Различие сие происходит от того, что участь крепостных людей в полной мере зависит единственно от мысли и воли их господ, и что никакого не существует определительного постановления, взаимные их отношения, обязанности и права устанавливающего и положение крестьянского состояния ясно определяющего. Сие доказывает необходимость такового постановления, дабы дурные помещики принуждены были следовать примеру добрых помещиков, и дабы положение крестьян, елико возможно, было улучшено и на твердых началах и правилах положительным образом основано.

Для составления такового постановления имеет верховное правление возложить на вышеупомянутые грамотные дворянские собрания обязанность представить ему проекты об оном и потом из всех сих проектов выбор сделать, целое составить и оное в ход и действие привести. Все же предварительные меры, нужные для составления и введения сказанного постановления, обязывается верховное правление, по своему усмотрению неукоснительно и решительно принять, не останавливаясь никакими побочными соображениями.

Успехи общего просвещения, повсюду более и более распространяющиеся, лучшие понятия о взаимных отношениях всех

членов и частей государства, дух времени, стремящийся к свободе, на законах основанной, — все сие заставляет желать, чтобы рабство было совершенно в России уничтожено, и чтобы полезное сословие крестьян не было забыто, особливо в то время, когда Россия стремится к установлению прочного законного порядка и всем прочим своим сословиям и частям улучшение положения и состояния их приобретает.

Сверх того, надобно также и о том в совести своей помыслить, что право обладать другими людьми, как собственностью своею, продавать, закладывать, дарить и наследовать людей наподобие вещей, употреблять их по своему произволу, без предварительного с ними соглашения и единственно для своей прибыли, выгоды и прихоти, есть дело постыдное, противное человечеству, законам естественным, святой вере христианской и заповедной воле всевышнего творца, гласящего в священном писании, что все люди пред ним равны, и что одни деяния их и добродетели разницу полагают. Но поелику таковое важное предприятие требует зрелого обдумания и весьма большую в государстве произведет перемену, то и не может оное иначе к успешному окончания приведено быть, как введением постепенным. О сем предмете должно верховное правление потребовать проекты от грамотных дворянских собраний и по оным мероприятия распорядить, руководствуясь следующими тремя главными правилами: 1) освобождение крестьян от рабства не должно лишить дворян дохода, ими от поместий своих получаемого; 2) освобождение сие не должно произвести волнений и беспорядков в государстве, для чего и обязывается верховное правление беспощадную строгость употреблять против всяких нарушителей общего спокойствия; 3) освобождение сие должно крестьянам доставить лучшее положение противу теперешнего, а не мнимую свободу им даровать.

§

Дворовые люди. Дворовые люди самое жалкое состояние в целом пространстве Российского государства. Солдат, прослуживши 25 лет, получает, по крайней мере, по истечении сего срока свободу и избирает потом себе любые занятия. Дворовый же человек всю жизнь свою служит своему господину и ни на какую надежду права не имеет: одна воля барина всю его участь составляет до конца его жизни. Таковой порядок долее продлиться не должен, и все то, что в предыдущей статье сказано о крестьянах, относится также и до дворовых людей. Верховное правление потребует также и на сей счет проекты от грамотных дворянских собраний, извлекая из оных средства к постепенному освобождению от рабства дворовых людей.

Здесь могут с удобностью два средства быть употреблены. — Первое состоит в назначении числа годов, кои господину своему прослуживши, дворовый человек делается вольным. — Второе состоит в назначении суммы денег, коих своему господину заплатив,

дворовый человек также делается вольным. Сии два способа могут различными распоряжениями быть соединены и в подкрепление одно другому поставлены. Назначение откупных сумм должно быть сделано по соображению местных обстоятельств и по вниманию на разные ремесла, коим господа людей своих обучали. За сими распоряжениями будут все-таки еще дворовые люди крепостными оставаться и для сих последних в особенности нужны вышеупомянутые проекты грамотных дворянских собраний.

§

Заводские крестьяне. Заводские крестьяне суть или дворянские, или казенные. Дворянские суть люди крепостные, и потому суждение об улучшении их состояния и о постепенном даровании им вольности принадлежит к статье о дворянских крестьянах, где действие свое иметь будут грамотные дворянские собрания с окончательным утверждением и решением верховного правления. Касательно же казенных заводских крестьян, обязывается верховное правление следующие мероприятия распорядить, соображая по своему усмотрению все частные случаи и местные обстоятельства: 1) всех крестьян, на заводах работающих, заменить людьми вольнонаемными или, что еще лучше, преступниками разного рода, распределяя их по соображению важности преступления или тягости работы; 2) всех заводских крестьян обратить в первобытное земледельческое состояние, устраивая для сего, в случае надобности, переселения и составляя из них волости на тех же основаниях, как выше сказано в статье о казенных крестьянах, к коим и их причислить. — Из политической экономии известно, что те только изделия полезны, которые заводимы быть могут без всяких насильственных или принудительных мероприятий и которые, следовательно, собственным своим избытком себя поддерживать могут. По сей причине одни вольнонаемные работники должны бы при всяких заводах быть употребляемы. Но поелику в числе заводов находятся такие, которые необходимы для блага государства, а другие, кои безрассудно бы было бросить после всех издержек, для них сделанных, то и дозволяется преступников на заводах употреблять, тем более, что никакого не может быть лучшего дано предназначения людям, преступлениями потерявшим право на свободу, как занятия, к пользе государственной служащие.

Глава четвертая.

О народе в политическом отношении.

§ 6.

Порядок должен в государстве существовать и не может быть иначе введен, как разделением государственного пространства на части, почему и имеет вся Россия быть разделена на области. Каждая область на несколько губерний, каждая губерния на не-

сколько уездов, каждый уезд, наконец, на несколько волостей. Дальнейшее же разделение каждой волости на частные имущества или поместья не есть уже разделение политическое или общественное, но есть разделение гражданское или частное. — Из сего явствует, что при разделении земельного пространства государства на части волость должна быть признана политическою единицею. Сему разделению ответствует образование провинции и установление степеней чиноначальства. Вверху над всеми оными находится верховная власть, а внизу под оными—весь народ. Верховная власть управляет целым пространством государства, а народ весьма естественным образом распределяется по волостям, т.-е. по политическим единицам государственного пространства. Политическое благоустройство состоит в полной соразмерности и совершенном соответствии между образом существования политического частных лиц, народ составляющих, и образом устроения правительства со всеми различными отраслями государственного правления. Сия двойная цель совершенно достигается земским сим распределением. Посему и должен быть народ российский распределен по волостям таким образом, чтобы каждый россиянин был приписан к которой-либо волости и считался бы членом той волости. Все члены одной и той же волости составляют вместе, так сказать, одно политическое семейство под названием волостного общества. Сие распределение народа по волостям имеет заменить ныне существующее распределение по сословиям и отраслям промышленности. Промышленность предоставится всем россиянам одинаковым образом, а сословия сольются в одно общее сословие гражданское. Каждый россиянин будет гражданином Российского государства и, в особенности, гражданином такой-то волости. Для удобнейшего введения сего порядка должна каждая волость два списка своим членам или гражданам содержать: один гражданский, а другой скарбовый. Первый означает членов волости по лицу, а второй по имуществу. Первый содержит имена всех граждан, к той волости приписанных и в составе волостного общества считающихся; второй содержит имена всех граждан, имеющих какое-нибудь имение в той волости. Из сего явствует, что один и тот же россиянин может состоять в одно и то же время в скарбовых списках нескольких волостей, ибо в разных волостях имения может иметь и, следовательно, с каждого имения на общих правилах подать платить обязан, между тем, как в гражданском списке только одной волости состоять может, ибо гражданский список означает лицо, а каждый гражданин есть только одно лицо, и каждое лицо только один голос в государстве иметь может.

§ 9.

. . . .

О сем гражданском разделении земель много было рассуждаемо, при чем все сии рассуждения разделялись на два главные мнения.

Первое мнение об'ясняется таким образом: человек находится на земле, только на земле может он жить, только от земли может он пропитание получать. Всевышний сотворил человеческий род на земле и землю отдал ему в достояние, дабы она его питала. Природа производит сама все то, что к пище человека служить может. Следовательно, земля есть общая собственность всего рода человеческого, а не частных лиц, и посему не может она быть разделена между несколькими только людьми, за исключением прочих. Коль скоро существует хоть один человек, который никаким обладанием землею не пользуется, то воля всевышнего и закон природы совершенно нарушены, и права естественные и природные человека устранены насилием и зловластием. На сем соображении был основан известный поземельный закон римский, который устанавливал частое разделение земель между всеми гражданами. Второе мнение, напротив того, об'ясняет, что труды и работы суть источники собственности, и что тот, который землю удобрял и оную способной сделал к произведению разных произрастаний, исключительное должен на ту землю иметь право обладания. К сему суждению прибавляется еще и то соображение, что дабы хлебопашество могло процветать, нужно много издержек, которые тот только сделать согласится, который в полной своей собственности землю иметь будет; что неуверенность в сей собственности, сопряженная с частым переходом земли из рук в руки, никогда не допустит земледелия к усовершенствованию. Посему и должна вся земля быть собственностью нескольких людей, хотя бы сим правилом и было большинство людей от обладания землею исключено. Сии два мнения совершенно друг другу противоречат, между тем из них как каждое много истинного и справедливого содержит. Сие происходит от того, что оба сии мнения заключения свои до крайности доводят. А дабы ясно усмотреть можно было в каком отношении каждое из сих мнений справедливо и в каком каждое ложно, надлежит следующими правилами руководствоваться: 1) человек может только на земле жить и только от земли пропитание получать; следовательно, земля есть собственность всего рода человеческого, и никто не должен быть от сего обладания ни прямым, ни косвенным образом исключен; 2) с учреждением гражданских обществ сделались сношения между людьми многообразнее, и возникло понятие о собственности. Охранение сего права собственности есть главная цель гражданского быта и священная обязанность правительства; 3) законы политические должны утверждать и обеспечивать законы духовные и естественные, а не нарушать оных. Сии последние законы должны всегда иметь перевес перед первыми, ибо они поставлены от бога и природы и суть неизменны; между тем как политические поставлены от людей и часто переменяются; 4) наперед надобно помышлять о доставлении всем людям необходимого для жития, а потом уже о приобретении изобилия. На первое каждый человек имеет неоспоримое право, потому что он—человек, на вто-

рое имеет право только тот, который сам оное приобрести успеет; 5) установив возможность для каждого человека пользоваться необходимым для его житья, не подвергая его, для приобретения оного, зависимости от других, надлежит только дать обеспечение и совершенную свободу приобретению и сохранению изобилия. Соображая сии коренные правила с вышеиз'ясненными двумя мнениями, можно легко приступить к изысканию средств для соглашения обоюдных их выгод и преимуществ и устранения обоюдных несправедливостей.

§ 10.

Сии средства состоят в разделении земель каждой волости на две половины по угодиям, как то в предыдущей главе об'яснено было в статье о казенных крестьянах. Одна половина получит наименование земли общественной, другая — земли частной. Земля общественная будет всему волостному обществу совокупно принадлежать и неприкосновенную его собственность составлять; она ни продана, ни заложена быть не может. Она будет предназначена для доставления необходимого всем гражданам без из'ятия и будет подлежать обладанию всех и каждого. Земли частные будут принадлежать казне или частным лицам, обладающим оными с полною свободою и право имеющим делать из оной, что им угодно. Сии земли, будучи предназначены для образования частной собственности, служить будут к доставлению изобилия. Земля общественная будет удовлетворять справедливым заключениям первого вышеоб'ясненного мнения, а земли частные—второго мнения. Сим средством будут оба мнения совершенно соглашены, все пять коренные вышеописанные правила в полной мере соблюдены, каждый в необходимом обеспечен, и полная свобода к приобретению изобилия дана тем, которые в состоянии найдутся оным пользоваться. Ежели при первом взгляде покажется введение такового порядка сопряженным с большими трудностями, то надлежит только вспомнить, 1) что сие постановление может большие затруднения встретить во всяком другом государстве, но не в России, где понятия народные весьма к оному склонны и где с давних времен уже приобыкли к подобному разделению земель на две части; 2) что в предыдущей главе, в статье о казенных крестьянах, об'яснено, каким образом сие постановление имеет быть введено не вдруг, но постепенно, в продолжение 15-летнего срока, в течение какового времени все подробности и частности с удобностью и полною основательностью усмотрены и устранены быть могут и 3) что цель сего постановления, состоя в даровании государству тех основных начал государственного и гражданского бытия, которые одни ему доставить могут утверждение истинного благоденствия всех и каждого, должна быть выполнена непременно, сколько бы то ни стоило трудов и занятий.

§ 11.

Главные начала, могущие основанием служить для постановлений касательно общественных земель, суть следующие: общественная земля должна в каждой волости разделена быть на участки. Каждый участок должен так быть велик, что необходимое для житья одного тягла доставлять мог. Тяглом разумеется муж с женою и тремя детьми. Земские сии участки должны раздаваться членам волостного общества. Они сии участки получают не в полную собственность, но для того, чтобы их обрабатывать и пользоваться их произрастаниями. Каждый участок отдается в обработку на один год, по истечении коего переходит оный в другие руки или опять за тем же хозяином утверждается. Земледельческий год — не с 1-го генваря по 1-е генваря считается, но с окончания жатвы до окончания оной в следующем году.

Волость имеет список своим участкам и ежегодно назначает особое время для раздачи оных; проект о сей раздаче волостное правление подносит наместному собранию. Волостное наместное собрание (о коем ниже говорено будет) утверждает окончательно раздачу сих участков. Каждый член волостного общества имеет право столько требовать участков, сколько пожелает; принужден же к тому никто быть не может. Сие право распространяется равным образом на граждан, имеющих собственные свои частные земли и на неимеющих таковых, ибо они суть все члены волостного общества. Когда требуется менее участок, нежели сколько их имеется, тогда получает каждый требователь желаемое число, а остальные участки могут отдаваться в откуп посторонним лицам. — Когда требуется более участок, нежели их имеется, тогда остаются без удовлетворения требования тех граждан, которые наибольшее число участок требуют, так что в сем случае всегда большие требования сравниваются с меньшими. При невозможности удовлетворить равным требованиям предпочитаются неимеющие частных земель в своей собственности тем, которые таковыми землями обладают; пропитывающиеся от одного земледелия — тем, которые занимаются еще и другой какой-нибудь промышленностью — одним словом, предпочитается тот, кто беднее. — Участки переходят из рук в руки в трех только случаях: 1) когда сам кто не пожелает далее держать участка или оный переменить захочет на свободный участок — собственная воля; 2) когда не может продолжать числом участок пользоваться, которое доныне имел, по причине умножившихся требований — умножение требований и 3) когда приговором суда за преступление или приговором волости за гласный и доказанный разврат сего права лишен будет — собственная вина.

Так как общественная земля устанавливается для доставления каждому необходимого для жития, то и должен каждый заниматься своим участком с усердием и прилежанием, а посему во-

лостное общество и сохраняет власть за гласный и доказанный разврат лишать права на общественные земские участки. Употребление же и действие сей власти должны ясным и положительным образом определены быть для устранения всякой несправедливости, всякого пристрастия и злоупотребления.

В каждой волости должен быть волостной банк учрежден, из коего бы каждый гражданин той волости мог вспомоществование получить, и к сему банку полезно присоединить страховое учреждение. Из сего банка получать будут граждане нужное число денег на первоначальное обзаведение своего хозяйства, когда в земледельческое состояние поступать будут.

Определение подробностей и частностей сего порядка предоставляются совершенно благоусмотрению верховного правления.

§ 12.

Когда порядок сей в полной мере введен будет и окончательное возымеет установление и действие, тогда от него для России следующие окажутся неоцененные выгоды и последствия: 1) каждый россиянин будет совершенно в необходимом обеспечен и уверен, что в своей волости всегда клочок земли найти может, который ему пропитание доставит и в коем он пропитание сие получать будет не от милосердия ближних и не оставаясь в их зависимости, но от трудов, коих приложит для обрабатывания земли, ему самому принадлежащей, яко члену волостного общества наравне с прочими гражданами. Где бы ни странствовал, где бы счастия ни искал, но всегда в виду иметь будет, что ежели успехи стараниям изменят, то в волости своей, в сем политическом своем семействе всегда пристанище и хлеб насущный найти может; 2) какое сильное и благодетельное влияние таковая уверенность и таковой порядок должны иметь на нравственность народа, легко усмотреть можно. — Что более всего к преступлениям людей склоняет, как не нищета и совершенный недостаток? Устраняя ужасные сии поводы ко злу и разврату, постановление сие укрепит нравственность и добродетель. Оно большую часть случаев к подлости и подобострастию решительно отвратит и тем самым возвысит дух народный и вселит в граждан ту благородную самостоятельность, которая признана быть должна сильнейшею подпорою государства; 3) сие постановление ни в чем не препятствует стремлению к изобилию и улучшению земледелия, ибо земли, для последней сей цели предоставленные, составляют половину всех земель вообще и в полной мере для того достаточны.— Оно не только не препятствует, но даже, напротив того, еще более к тому способствует, вселяя во всех уверенность, что в необходимом никто никогда нуждаться не будет; от необходимого исходят и начинаются все занятия к достижению изобилия.— Все несчастия ни к чему худшему привести не могут, как опять к необходимому. Решительнее, безопаснее, веселее будет частное

действие каждого гражданина. Народная промышленность получит быстрейший ход и сильнейшие обороты потому, что всегда опираться будет на уверенности в необходимом, и, следовательно, само изобилие твердейшее возымеет основание; 4) разнообразность земель в отношении к плодородию и климату производит различные степени народонаселения, которые производят в свою очередь, необходимость в переселениях из стран многонаселенных, в страны мало или менее населенные. Переселения сии ныне исполняются самыми беднейшими людьми, не находящими в своей земле более средств к пропитанию, отчего происходит, что большое из них число дорогою пропадает, а кто до места достигнет, тот способов не имеет ни себя порядком водворить, ни новой своей земле пользу принести, ибо для сего нужны капиталы, коих он не имеет. Все сии пагубные неудобства совершенно отвращаются установлением общественных земель, ибо при оных переселяться будет единственно тот, которому нельзя получить столько общественных участок в своей волости, сколько бы он того желал. Желающий же иметь несколько участков не есть человек бедный и потому может переселиться с удобностью и с выгодою как для себя, так и новой своей волости. Таковые переселения будут делаться мало-по-малу без всяких издержек и усилий со стороны правительства, приобретение земель в частную собственность будет поощрено, народонаселение будет само собою уравниваться, бедные будут оставаться на своих местах, и переселения будут производиться людьми имущими, т.-е. людьми, могущими с удобностью сие исполнить, и правило полной свободы будет совершенно сохранено не на одних словах, но на истинном деле; 5) умножение народонаселения увеличит невозможность отдавать в одни руки много участок из общественной земли и тем самым получит приобретение земель в частную собственность сильное поощрение. — От того вздорожают земли, а возвышение цены оных послужит поощрением к направлению капиталов на устройство мануфактур, фабрик, заводов и всякого рода изделий, на предприятие разных коммерческих оборотов и торговых действий. — Из сего явствует, что установление общественных земель дает возможность промышленности иметь естественное свое течение и устраивать переходы и направление капиталов с полною свободою, соображаясь единственно с выгодою и пользою. Свобода сия бывает нарушаема не одними худо обдуманными постановлениями правительства, но также и разными другими обстоятельствами, порождающимися совершенно от правительства независимо. Из числа сих обстоятельств может правительство малое число отвратить мерами защитительными; все же остальные отвращаются в полной мере установлением общественных земель, которые, обеспечивая каждого в необходимом для его житья, освобождают его от зависимости и необходимости заниматься тем, чем бы он заниматься не хотел, и тем самым водворяют свободу промышленности на истинных и точных ее началах; 6) каждый россиянин будет

посредством сего постановления обладателям земли. Он будет или обладатель частный, имея землю в частной своей собственности, или обладатель общественный, имея право, яко член волостного общества, пользоваться общественною землею, не платя за оную найма. Вся Россия будет, следовательно, состоять из одних обладателей земли, и не будет у нее ни одного гражданина, который бы не был обладателем земли. Ежели который гражданин заниматься станет изделиями какими-нибудь или пойдет в услужение, или на какую-нибудь работу наймется, то делать сие будет только потому, что в том более удовольствия или выгоды найти надеется, нежели в обработке земли. Право же свое на общественную землю будет он при всем том сохранять неизменно, и каждый россиянин тем самым будет истинным членом Российского государства всегда пребывать. Какую осанку должно таковое положение вещей российскому народу приобщить и какое почтение вселить к нему во всех других державах и государствах; 7) каждая волость будет составлять в полном смысле политическое семейство, в котором каждый гражданин найдет не только безопасность, но и верное пристанище, не только охранение своей собственности, но и дарование необходимого для житья. Таким образом состоять будет политическое устройство не только в согласии с духовными и естественными законами, но даже будет укреплять и на твердых началах утверждать. От такового порядка родится связь между членами одной и той же волости. — Посредством политического своего семейства будет каждый гражданин сильнее к целому составу государства привержен, и, так сказать, прикован. Каждый будет видеть, что он в государстве находится для своего блага, что государство о благоденствии каждого помышляет, каждый будет чувствовать, что он подати платит и повинности несет для цели ему близкой и для собственного своего блага. На таковом образе мыслей будет основана любовь к отечеству, сей источник всех государственных добродетелей и сия сильнейшая подпора существования и благоденствия царств; 8) посредством общественных земель возродится сильная связь между членами одной и той же волости. Получая необходимое для своего пропитания от одного и того же источника (общественных земель) и полагая свои надежды в случае несчастия и обеднелости на тот же самый предмет (общественные земли), сделаются они близки друг к другу и в полной мере одно политическое семейство составлять будут. Связь же сия между членами волости будет то благодетельное иметь последствие, что во всех сношениях с правительством никогда не будет частный человек от ближних покинут, всякому зловластию предоставлен, оставаться один без всякой помощи в противоборстве с властью. — Вся волость за каждого вступаться будет, и дела уже тогда решаться будут вышними властями по зрелому рассмотрению всех обстоятельств. — Для правительства же то будет неоцененная выгода, что оно не будет затрудняться с каждым частным человеком ведаться

особо. Оно будет знать только волость и волостное правление, от сего последнего требовать честное исполнение всех правительственных действий и распоряжений и с него взыскивать за всякие упущения, в личный же разбор входить только тогда, когда волостное правление содействия просить будет. Сим порядком облегчится и ускорится действие правительства и установится правильное и законное противоборство частному деспотизму, которое, повидимому, хотя на мелочи только обращается, но, однакоже, чрезвычайно тягостно для граждан.

Имея в виду все сии благодетельные последствия с установлением волостных обществ и общественных земель сопряженные, обязывается верховное правление непременно сие постановление ввести и перед затруднениями, с сим введением нераздельными нимало не останавливаться. Опасаться сих затруднений значило бы выказывать непонятливость или, что еще хуже, злобность нрава, противящуюся установлению истинной в государстве свободы.

Что же касается дворянских крестьян, то об оных сказано в предыдущей главе, что дворянские грамотные собрания представят свои проекты и верховное правление оные в соображение примет при переводе сих крестьян из нынешнего их положения в общее состояние российского гражданства.

§ 13.

Когда государства так еще были малы, что все граждане на одном месте или небольшом поле собираться могли для общих совещаниях о важнейших государственных делах, тогда каждый гражданин имел голос на вече и участвовал во всех совещаниях народных. Демократия существовала тогда. Сей порядок должен был измениться с увеличением государств, когда уже нельзя было всем гражданам собираться на одном месте. Демократия тогда была уничтожена. — Многоразличные государственные превращения совокупились с сею причиною и произвели, наконец, то, что одни только богатые или военные начали с'езжаться для участия в государственных делах. Тогда возникла аристократия, а потом и вся феодальная система со всеми ее ужасами и злодеяниями. Много других причин содействовали к введению и укреплению феодального порядка вещей, но главная оного опора всегда состояла в невозможности всему народу собираться на одном месте и совокупным действием в государственных делах участвовать. Таким образом аристократия и вся вообще феодальная система много веков свирепствовала над несчастною Европою, заставляя народы переходить все степени злополучия и угнетения. Время, которое всегда, наконец, памятники неправды и злочестия пожирает, привело равным образом в упадок и сей порядок или, лучше сказать, беспорядок вещей. Великая мысль о представительном правлении возвратила гражданам право на участие в важных государственных делах. Пользоваться же стал народ сим правом не так, как прежде

оным пользовался непосредственным образом, поелику не могли все граждане на одном месте быть собраны, но посредством своих представителей, коих из своей среды назначал на определенное время. — Из сего явствует, что представительное правление решило великую задачу государственного правления и согласило невозможность собираться всем гражданам на одно место с неоспоримым правом каждого участвовать в государственных делах. — Неудивительно посему, что все народы с таким пламенным желанием стремятся к установлению представительного порядка и к избавлению себя от нестерпимого ига аристократов и богатых.— Действие народов, в сем случае, есть действие оборонительное, ибо они не налагают ига на аристократов и богатых, но только себя от их ига избавить хотят. Таким образом решено, что представительный порядок непременно существовать должен, и что народные представители, образуя особое правительствующее место, в состав верховной власти входить должны.

§ 14.

Сей вопрос будучи решен, возник новый вопрос, каким образом должны народные представители быть выбираемы и назначаемы? Народ не мог собираться на одно место для непосредственного участия в государственных делах, а следовательно, точно так же не может он собираться весь на одно место и для выбора своих представителей. Надобно разделить его на частные общества или на собрания избирательные, дабы каждое избирательное собрание одного, двух или более представителей народных назначало, смотря на количество своих сочленов. Ежели разделить большое государство, какова, напр., Россия, на столько избирательных собраний, сколько бы нужно было, дабы все граждане без из'ятия в собрании представителей участвовали, то надобно разделить государство на такое количество избирательных собраний, что когда каждое из сих собраний своего или своих представителей назначит, то число всех народных представителей, от всех избирательных собраний назначенных, так будет велико, что не будет возможности им всем собраться в одном месте, а тем еще менее заниматься совещанием о государственных делах; из чего и выведено весьма справедливое заключение, что все граждане без из'ятия не могут участвовать в избрании и назначении народных представителей; оказывается, следовательно, здесь то же самое затруднение в отношении к непосредственному назначению представителей всеми гражданами, каковое в предыдущих параграфах описано в отношении к непосредственному участию всех граждан в самых совещаниях о делах государственных. Весьма бы естественно было одинаковые затруднения одинаковыми средствами отвращать, и как одно отвращено посредством представительного порядка, так точно и другое посредством того же представительного порядка отвратить; но не так-то было. Порабощаю-

щая сила аристократов и богатых вмешалась в сие дело и превратное представила толкование, вследствие коего во многих представительных государствах предоставлено участие в избрании представителей одним только богатейшим людям, за исключением большинства граждан. Таким образом заменяет в тех государствах аристократия богатств аристократию феодализма, и народы не только ничего не выиграли, но даже, напротив того, в некотором отношении еще в худшее приведены политическое положение, ибо в насильственную поставлены зависимость от богатых. Все не могут быть богатыми, малейшая часть граждан изобилием пользоваться может, а с тем вместе при таковом устройстве представительства породится в государстве отдельное от массы народной сословие богатых, о котором в сей же главе доказано, что оно есть самое пагубное и зловредное. Богатые всегда будут существовать, и это очень хорошо, но не надобно присоединять к богатству еще другие политические права и преимущества за исключением бедных. А посему и возлагается непременная обязанность на верховное правление описанное в сем параграфе затруднение разрешить посредством представительного порядка и в полной мере всякую даже тень аристократического порядка, хоть феодального, хоть на богатстве основанного, совершенно устранить и навсегда удалить, дабы граждане ничем не были стесняемы в своих выборах и не были принуждаемы взирать ни на сословие ни на имущество, а единственно на одни способности и достоинства и руководствоваться одним только доверием своим к избираемым ими гражданам.

Глава пятая.

О народе в гражданском отношении.

§ 7.

Право собственности или обладания есть право священное и неприкосновенное, долженствующее на самых твердых положительных и неприкосновенных основах быть утверждено и укреплено, дабы каждый гражданин в полной мере уверен был в том, что ни какое самовластие не может лишить его ниже малейшей части его имущества. В сем духе определяются следующие два правила: 1) ежели кто собственности своей лишен быть должен для блага общего, то надлежит к тому приступить не иначе как, когда полномерное существует убеждение в том, что благо общее неминуемо того требует и не может иначе быть достигнуто; но и в сем случае должно всегда последовать наперед предварительное полное возмездие; 2) конфискация имуществ в пользу казны никогда существовать не должна. Имущество частного человека может быть отнято у него для заплаты его долгов и для взноса законных пеней, но, однакоже, не полным количеством, а единственно необходимым количеством для выручения нужной на ска-

занные предметы суммы. При наложении же судом политической смерти на гражданина, его имение никогда не должно быть конфисковано, но должно быть отдано его наследникам, взирая на него, как на умершего. При сем надлежит в отношении к праву собственности или обладания следующие правила постановить: 1) давность владения утверждает право собственности, дабы сим способом можно было поставить конец делам, долгое время сомнению подлежащим; но поелику давность владения бывает иногда многими обстоятельствами сопровождаема, то и должны законы с большею осторожностью и подробностью все оттенки сего права определить, стремясь к полномерному соглашению необходимости делам конец поставить с должным беспристрастием к участвующим в том деле сторонам; 2) право повинности, возникающее из естественного положения имения, не подлежит никакому разногласию и потому во всей силе утверждено быть должно. Право же повинности, постановляемое частными людьми, по добровольному между ими согласию, хотя и бывает весьма разнообразно, но, однакоже, никогда не должно быть противно ни общественному порядку ни существующим законам и постановлениям; 3) обладание служит основанием праву собственности, а посему и должно оно служить равным образом основанием и праву повинности. Вследствие сего должны права на частные повинности даруемы быть гражданами другим гражданам только на время жизни или обладания первых или, по крайней мере, на известное определенное время; но никогда не быть постановляемы на всегдашнее время и притом связаны быть с имением, кто бы ни владел оным. Сие бы значило нарушать для будущих обладателей неприкосновенность и полноту права собственности; 4) заложение, или право закладное, обеспечивает заимодавца посредством залога в отчужденной им на-время собственности своей. Кто иначе в займы отдавать не будет, как на основании сего права, тот никогда не может отчужденной на-время собственности своей лишиться. Но поелику действия сии к частым и многообразным спорам и тяжбам случай подают, то и должны законы с большою положительностью все подробности сего права определить, дабы полное было сохранено беспристрастие к обеим сторонам и они бы обе в полной мере были обеспечены; 5) неоплатные должники должны быть разделены на невольные, неосторожные и злостные. Имение должника во всяком случае должно поступать сполна на уплату его долгов. Лицо же его не должно за его долг отвечать и свободы не должен он быть лишен до тех пор, пока долга своего не заплатит. Здесь место имеет следующее соображение: ежели должник есть невольный, неоплатный должник, то вовсе не должен свободы быть лишен. Ежели же он признан будет неосторожным или злостным должником, то по мере вины должен быть подвергнут уголовному наказанию. Ежели должник после об'явления о неоплатности своей приобретет какое-нибудь имущество, то должен прежние долги непременно сполна выплатить.

§ 12.

Денежные повинности разделяются на косвенные и прямые. Главная выгода косвенных состоит в том, что их платит кто хочет и когда кто хочет. Главная же выгода прямых состоит в том, что они уравнительнее, ибо с имуществом каждого соображаются, и что они верны, ибо неизбежны. Главные правила в отношении к денежным повинностям состоят в следующем: 1) они должны быть взимаемы с имущества граждан, а не с лиц их, почему и надлежит заменить подушные другими налогами; 2) они должны быть взимаемы с имущества граждан уравнительным образом, так чтобы каждое имущество от своих прибытков бы уделяло десятую, двадцатую или какую часть определено будет, одним словом, по равным долям; 3) налоги не должны падать на капиталы, но только на чистую прибыль, от сего капитала получаемую; 4) косвенные налоги должны как можно менее тяготить те предметы, которые для житья необходимы, почему и должна непременно цена соли самым сильным и значительным образом быть уменьшена; 5) косвенные налоги, взимаемые обыкновенно с изделий и торговли, должны быть соображаемы более с ходом промышленности, нежели с желанием умножить казенные доходы; 6) прямые налоги должны быть по волостям распределяемы по соображению сравнительного богатства волостей, уездов, губерний и областей; частное же взимание с граждан по волостям быть предоставлено распоряжению волостных правлений или наместных собраний; 7) возможность должна быть дана гражданам платить подати в удобное для них время и различными количествами, а не все вдруг. В косвенных налогах сие само собой делается, в прямых же будет сие достигнуто тем, что волостное правление оные собирает и, следовательно, в случайности и обстоятельства каждого входить может, да и подати от каждого в разные времена разными количествами получать...

§ 13.

Правила, относящиеся до государственной службы, различают три предмета: 1) чиноначальство, 2) повиновение законам и 3) рекрутство. В отношении к чиноначальству постановляются следующие коренные правила: 1) каждый гражданин имеет право на занятие всех мест и должностей по государственной службе. Одни дарования, способности, познания и услуги служат поводом и причиною к прохождению службы; 2) законы определяют по каждой отрасли государственного правления, каким образом чиновники службу свою продолжать обязаны и что от них требуется как при вступлении в службу так и во время прохождения оной. Сему порядку подлежат все граждане одинаковым образом; 3) законы определяют награждения за услуги чиновников и взыскания за их упущения по службе. Все служащие граждане имеют равные права на все награждения по мере их услуг и подлежат равным взыска-

ниям по мере их упущений или преступлений; 4) законы определяют круг действия каждого чиноначальства или правительственного места, а граждане обязаны все без всякого из'ятия каждому чиноначальству в круге его действия одинаковым образом в полной мере повиноваться и оное с должным почтением уважать.

4.

Конституция — Государственный Завет [1]).

1) Границы Российского государства суть . . . . При сем случае действуют два правила: правила благоприличия для России и правила народности племен или народов смежных и подвластных. Когда дело идет о народе, могущем пользоваться независимостью и самостоятельностью, тогда правило народности берет перевес. Когда же дело идет о народе, не могущем оными пользоваться и долженствующем быть под покровительством и зависимостью у другой славнейшей державы, тогда правило благоприличия для России берет перевес. Польша — правило народности об'являет независимость и самостоятельность народа, но правило благоприличия определяет в сем случае частности границе положения.

2) Российское государство разделяется в отношении закона или своего пространства на 10 областей и 3 удела. Уделы суть столичный, в коем пребывает и сосредоточивается государственное правление—Нижний Новгород или Москва, Донской и Киргизской. Каждая область состоит из 5 губерний или округов. Губерния состоит из уездов, уезд состоит из волостей. Волости бывают цельные и приписные — 1.000 обывателей мужск. пола.

3) Государство состоит из народа и правительства.

4) Весь российский народ составляет одно сословие — гражданское, все нынешние сословия уничтожаются и сливаются в одно сословие — гражданское. Все различные племена, составляющие Российское государство, признаются русскими и, слагая различные свои названия, составляют один народ русский. Все россияне расписаны по волостям. Каждый российский гражданин есть член которой-либо волости. Сие заменяет теперешнее распределение россиян по сословиям. Волость имеет для своих членов два списка — Гражданский и Скарбовой. В Скарбовой список вносятся граждане, имеющие в волости какую-нибудь собственность. Подать берется с собственности, посему может один и тот же человек в Скарбовых списках многих волостей быть записан, но

[1]) Печатается по списку (к сожалению, не очень исправному), сохранившемуся в деле члена Общ. Соединен. Славян Шимкова. (Быв. Гос. Архив. I. В. № 445, лл. 8—9). Стараясь употреблять как можно менее иностранных выражений, Пестель заменял их или старыми русскими словами или очень неудачными новообразованиями.

в гражданском списке может каждый быть записан только по одной волости, ибо гражданский список означает политическое состояние, а политическим правом пользуется каждый русский в той только волости, в которой состоит в гражданском списке.

5) Вся земля, к каждой волости принадлежащая, разделяется на две части: волостную и частная. Первая принадлежит всему обществу, вторая — частным лицам. Первая составляет собственность общественную, вторая — собственность частную. Волостная земля есть неприкосновенна, она разделяется на участки, участки раздаются по требованиям членов волости. Остальная земля отдается в наем посторонним людям не иначе как на один год, Если требуется более участок нежели сколько таковых имеется, тогда не удовлетворяется требование тех, которые наибольшее число участок взять желают; участки сии переходят из рук в руки в тех только случаях, когда являются новые требователи. Сии требователи суть или такие, кои прежде никакого участка не брали или желают ныне взять более. У кого участок отбирается, тот сам назначает, какой участок он отдает. Правила Совокупной Стоятельности (Principe de la soliderètè). Перед правительством является всегда волость, а не люди порознь. Россияне составляли народ; состоящий из одних обывателей земли все россияне суть помещики или частные, или общественные.

6) Переход из нынешнего положения в порядок, здесь предлагаемый, есть постепенный. У нынешних помещиков земля откупается оброком или работою летнею. Наперед заводится сие в казенных имениях и волостях, а потом уже в частных. Оброчные селения и пахотные селения, дворовые люди, заводские крестьяне продолжают нынешние занятия положенное время, те же сами откупаются, а дворовые в волости поступают.

7) Правительство разделяется на верховную власть и государственное правление.

8) Насчет устроения верховной власти отвергается правило равновесия властей, но принимается правило определительности круга действия. Верховная власть разделяется на законодательную и верховно исполнительную. — Первая поручается народному вечу, вторая — державной думе. Сверх того, нужна еще власть блюстительная, дабы те две не выходили из своих пределов. Власть блюстительная поручается верховному собору.

9) Народная веча[1]) состоит из народных представителей, выбранных народом на 5 лет. Каждый год пятая часть нисходит и заменяется новыми выборами. Тот же самый может опять быть выбран. Устройство внутреннего порядка вечи принадлежит сему самому. Председатель выбирается ежегодно из членов, последний год заседающих. Народная веча есть одно целое и

[1]) Слово «вече» употребляется в списке «Государственного Завета» то среднем, то в женском роде.

на камеры не разделяется. Вся законодательная власть в ней обретается. Она об'являет войну и заключает мир.

Различие в составлении законов заветных и всех прочих законов. Первые обнародываются и на суждение всей России предлагаются.

Народная веча имеет свое время, когда не заседает; тогда оставляется временная комисоия. Никто не может распустить народной вечи. Она представляет волю в государстве, думу народа.

10) Д е р ж а в н а я Д у м а состоит из 5 членов, народом выбранных на 5 лет. Ежегодно один из Думы выходит и заменяется другим выбором. Председатель есть член, заседающий последний или пятый год. Ежегодно предлагает каждая губерния кандидата. Из числа сих кандидатов выбирает н а р о д н а я в е ч а окончательно. Державная Дума имеет всю верховно исполнительную власть, ведет войну и производит переговоры, но не об'являет войны и не заключает мира. Все министерства и все вообще правительствующие места состоят под ведомством и начальством Д е р ж а в н о й Д у м ы, действуя, но с разрешением, и исполняя с приказанием [?]. Она имеет собственную свою канцелярию.

11) Верховный собор состоит из 120 членов, именуемых б о я р а м и. Бояры назначаются на всю жизнь и не могут участвовать ни в законодательном, ни в исполнительном порядке. Губернии назначают кандидатов, а н а р о д н а я в е ч а замещает упразднившееся число бояр. Председатель выбирается на год самим собором. Собор имеет верховно-блюстительную власть. Н а р о д н а я в е ч а препровождает к нему на утверждение свои законы. Собор не рассуждает о сущности предметов, но смотрит на одни формы, дабы по всем соблюдено законное; после сего утверждения получает закон свою действительную силу. Сам же собор не действует. Собор назначает из своих членов по одному генерал-прокурору в каждое министерство и по одному генерал-губернатору в каждую область (приказный блюститель, областный посадник). Генерал-прокурор рассматривает журналы палат министерства и утверждает их определение, взирая на одну законность и соблюдение предлагаемого порядка, но не входя в суждение о сущности самого содержания, без их утверждения не может исполнение последовать, они утверждают за свои действия. Державная Дума решает, а Верховный Собор может чиновника отдать под суд. Отданный под суд судится судебным порядком. Генерал-губернатор имеет таковые же обязанности в отношении областных правлений. Из сего явствует, что собор удерживает в пределах законности н а р о д н о м у в е ч у и Державную Думу. Сам же не имеет никакого действия положительного. Главнокомандующие действующих армий назначаются Верховным Собором. Он принимает начальство над армией, когда выступает за пределы государства, и слагает, когда в пределы вступает губернии на военном положении.

5.

Организация Южного общества.

(Из показаний П. И. Пестеля)[1].

По возвращении Бурцова и Комарова из Москвы, узнали мы все происшедшее от Комарова прежде, нежели Бурцов по поручению о том в Думе об'явил. Посему прежде собрания Думы был у нас о том разговор с Юшневским. Из неудовольствия всех членов нашей Думы о московском происшествии видно уже было, что большая часть склонна не признать об'явленного уничтожения Союза. По сему обстоятельству говорил мне Юшневский прежде собрания Думы, что он намерен в оной представить о всех опасностях и трудностях предприятия, дабы испытать членов и удалить всех слабосердых, говоря, что лучше их теперь от Союза при сем удобном случае удалить, нежели потом с ними возиться. Когда Дума была собрана, и Бурцов об'явил о московском уничтожении Союза, а потом вышел и за ним Комаров, тогда Юшневский проговорил свою речь, которая не только никого не удалила от Союза, но, напротив того, самолюбие каждого подстрекнула, и полковник Аврамов первый сказал, что ежели все члены оставят Союз, то он будет его считать сохраненным в себе одном. После его все члены об'явили намерение оставаться в Союзе, и тут было замечено, что Московская чрезвычайная Дума имела поручение преобразовать Союз и потому преступила границы своей власти, об'являя Союз уничтоженным. А потому Тульчинская Дума признает Союз существующим с прежнею целью и в прежнем значении. То и другое было подтверждено, и притом сделаны некоторые перемены в образовании союза. Все тогда присутствовавшие члены приняли название Бояр Союза и выбрали в председатели Юшневского, меня и Никиту Муравьева — предполагая, что он подобно нам не признает уничтожения Союза, ибо он не был в Москве. Вот самое вернейшее и подробнейшее повествование всего сего происшествия. Вскоре после того получили мы известие от Никиты Муравьева, что многие члены в Петербурге точно так же поступили, как Тульчинская Дума. Вот начало северного и южного округов того же самого Союза Благоденствия, продолженного и притом исправленного. Членами Тульчинской Управы были тогда Юшневский, Аврамов, Вольф, Ивашев, ад'ютанты Крюков I, князь Барятинский и Басаргин, свитской Крюков II, князь Волконский, Василий Давыдов и я. Князь Волконский и Давыдов, хотя и не присутствовали при сем случае, но, узнав о происшедшем, об'явили, что они во всем с Думою согласны и остаются членами Общества.

---

[1]) Ответ на вопросные пункты от 13 янв. 1826 г. Дело Пестеля лл. 130, 131.

На контрактах 1822 года присоединился Сергей Муравьев к южному округу, а чрез него в 1823 году на контрактах же был принят Бестужев-Рюмин. На обоих контрактах находились Юшневский, Давыдов, князь Волконский, Сергей Муравьев и я. В 1823 году разделился южный округ на три управы: Тульчинская осталась в прежнем составе, Сергей Муравьев и Бестужев-Рюмин с их членами составили Васильковскую Управу, которая называлась левою, а Давыдов и князь Волконский составили Каменскую Управу, которая называлась правою. Все три находились под ведением Тульчинской директории.

6.

Дело майора В. Ф. Раевского [1]).

(Из всеподданнейшего доклада начальника главн. штаба в 1827 г.)

Обстоятельства сего дела суть следующие:

Подсудимый Раевский, будучи капитаном и имея в команде своей 9-ю егерскую роту, обращался с нижними чинами весьма снисходительно и внушал им действия противузаконные, клоня-

[1]) В. Ф. Раевский (род. в 1795 г., сконч. в Сибири в 1872 г.), один из энергичнейших работников Союза Благоденствия и Южного Общества, был арестован и предан суду почти за четыре года до провала всей организации декабристов. Ему принадлежит почин в деле постановки революционной агитации и пропаганды среди широких солдатских масс. Полагаясь на поддержку своего дивизионного командира ген. Орлова и вообще пренебрегая мерами необходимой предосторожности, В. Ф. Раевский не учел обострения после Семеновской истории реакционного курса и очень легко стал жертвою предательства ненавидевшего его офицерства и подкупленных агентурой ген. Сабанеева юнкеров. С величайшим мастерством отражая совершенно неоспоримые улики своей «преступной» деятельности, В. Ф. Раевский своей системой запирательства крайне осложнил и затянул следствие, пять лет прожил в ожидании смертного приговора по разным крепостям, прошел перед пятью военно-судными комиссиями — и только в 1827 г. оказался в Сибири на поселении, при чем даже в окончательный приговор вкралось навязанное самим же Раевским ложное заключение о том, что после закрытия Союза Благоденствия он связей с Тульчинской организацией Южного общества не имел и действовал в порядке индивидуальном. Легенду эту, поддерживаемую старой историографией, решительно опровергает и переписка Раевского за 1821 — 1822 г., и мемуарные свидетельства некоторых видных «южан» и даже последний план Пестеля в декабре 1825 г. начать восстание освобождением из крепости именно Раевского. Печатаемый нами (с незначительными сокращениями) всеподданнейший доклад по делу Раевского, был утвержден Николаем 15 октября 1827 г. Из этого «доклада» исчезли, к сожалению, характернейшие детали революционной работы Раевского среди солдат (напр. свидетельствующие об атеизме пропагандиста), сохранившиеся в еще неизданном первом докладе по его делу. Лучшая печатная работа о В. Ф. Раевском принадлежит перу П. Е. Щеголева (наиболее полно—в книге «Исторические этюды» СПБ., 1913. стр. 159—252).

щиеся единственно к нарушению подчиненности и воинской дисциплины. Потом в апреле 1821 г., по производстве Раевского в маиоры, быв начальником в г. Аккермане воинской команды, допустил нижних чинов к своевольству, не имея должного попечения к отвращению происшедших в том городе во время случившегося пожара беспорядков; а когда поручено было ему, Раевскому, от бывшего дивизионного командира генерал маиора Орлова I управление дивизионною юнкерскою и ланкастерскою школами, то Раевский таковыми же внушениями ясно обнаружил перед юнкерами и солдатами, к чему клонилось намерение его, как видно из нижеследующего:

1. Для обучения солдат и юнкеров вместо данных от начальства печатных литографических прописей и разных учебных книг, Раевский приготовил свои рукописные прописи, поместив в оных слова: свобода, равенство, конституция, Квирога, Вашингтон, Мирабо; при слушании юнкерами уроков говорил: «Квирога, будучи полковником, сделал в Мадриде революцию и когда в'езжал в город, то самые значительные дамы и весь народ вышли к нему навстречу и бросали цветы к ногам его; и Мирабо был тоже участником во французской революции и писал много против государя; и что конституционное правление лучше всех правлений, а особливо нашего монархического, которое хоть и называется монархическим, но управляется деспотизмом».

Раевский по ответам своим сделал в том отрицание, не отвергая, впрочем, употребления в школах рукописных прописей, якобы по недостатку печатных, но, кроме удостоверения под присягою большой части бывших в юнкерской школе портупей-прапорщиков и юнкеров о вышеописанных внушениях Раевского и употребления рукописных прописей, доказывается сие еще тем, что в отысканной у юнкеров книжке о правописании между прочими именами помещены Квирога и Мирабо; что в географических тетрадках юнкерской школы, под заглавием о постановлениях, названо правление конституционное самым лучшим, новейшим; и что в отобранных у Раевского бумагах найдена одна черновая, в коей написано, что блаженной памяти государь император медлит дать конституцию народу русскому и миллионы скрывают свое отчаяние до первой искры.

Сверх того, Раевский во время командования 9-ю ротою толковал офицерам и нижним чинам о равенстве и конституции, говоря: «что между солдатами и офицерами не должно быть различия, а должно быть равенство, и что природа создала всех одинаковыми».

2. Раевский, будучи 15-го января 1821 года в квартире поручика Гомановского, предлагал ему сделать подписку на дружеские между офицерами связи и подтвердить присягою, чтобы не выдавать одному другого в обиду и взаимно вспомоществовать, обещая дать кольцы, по примеру тому, как имел он, Раевский, с прия-

телями своими в Каменце-Подольском, и что цель таковой подписки хотел об'явить после.

По исследованию и по собственному признанию Раевского открылось, что в 1816 году в Каменце-Подольском точно имел он дружескую связь с находившимся при генерале от инфантерии князе Горчакове порутчиком, ныне в отставке капитаном. Приклонским, так же с доктором Диммером, подполковником Кисловским и штабс-капитаном Губиным, и что для утверждения якобы сей связи носили они тогда же железные кольцы, без всякого девиза; а в 32-м Егерском полку был составлен в 1818 году между офицерами дружеский лист, чтобы жить им в согласии и прекращать всякие ссоры, и что недостойных служить с ними должны сами они изгнать.— Сей лист находился у бывшего в том полку капитаном, что ныне майор Крыжова, но по переводе его в 38-й Егерский полк, будто бы им уничтожен.

3. Когда узнал Раевский о случившемся лейб-гвардии в Семеновском полку происшествии, то при офицерах и нижних чинах 32-го Егерского полка, равно и дивизионной юнкерской школе, одобряя буйственный поступок солдат Семеновского полка, называл их молодцами; о чем при исследовании утверждали как штаб- и обер-офицеры, так и нижние чины 32-го Егерского полка; из них же подпорутчик Клименков дополнил, что Раевский при собрании роты, об'являя нижним чинам о происшествии Семеновского полка, говорил: «Придет время, в которое должно будет, ребята, и вам опомниться».

4. Подсудимый Раевский во время командования 9-ю Егерскою ротою и управления школами, потворствовал нижним чинам, обращаясь с ними фамильярно и по-дружески; целовал их и себя заставлял целовать, нюхал с ними табак и сам их оным потчивал, советовал прочим офицерам обходиться с ними подобным образом и, толкуя о тиранстве и варварстве, говорил при офицерах: «что палки противны законам и природе, и кто нижних чинов наказывает, тот злодей». Между тем, а) оставил без наказания рядового Иванова за оказанную им юнкеру Левецкому грубость, когда вывел он на учение сего рядового с прочими; б) не признавал виною того случая, если рядовой побьет за что-либо унтер-офицера; с) рассказывал юнкерам и нижним чинам, что в каком-то полку солдаты подняли полковника на штыки; д) об'являл роте, что он, Раевский, позволяет расстрелять полкового ад'ютанта за напрасный привод ее для содержания караулов в Аккермане; е) так же рассказывал юнкерам в школе, что 32-го Егерского полка 3-я карабинерная рота не позволяла ротному командиру наказать своего фельдфебеля, и что якобы 12 человек рядовых с ефрейтором из учебной команды, переправясь за Дунай [1]), ознаменовали свободу свою ружейными выстрелами; ф) находясь он, Раевский, в Аккермане начальником воинской команды, допустил

---

[1]) Т.-е. дезертировав за границу. *Ред.*

нижних чинов до своевольства: ибо они дрались с жителями и беспрестанно били своих хозяев; а во время случившегося там в июне месяце 1821 года пожара, когда нижние чины, быв пойманы с краденными вещами, оказали грубость инвалидной команды штабс-капитану Константинову, о чем тогда же доведено было до сведения Раевского; но он, не сделав Константинову никакого удовлетворения, сказал только барабанному старосте Матвееву, который был пойман с краденым ружьем: «Пойди и попроси наших ребят, чтобы разошлись с пожара».

Сверх того, сам Раевский на очных с офицерами и нижними чинами ставках сознался в том, что говорил: беспрестанное ученье солдат есть тиранство, что об ад'ютанте сказал он в шутках не перед ротою, а на фланге, что следовало его расстрелять за напрасный привод роты, не думая, чтобы сие сочтено было важным; что, может быть, говорил: палки противны законам природы, и кто употребляет во зло власть, — тот злодей; но о равенстве солдат с офицерами не утверждал; и что были слухи, якобы солдаты подняли на штыки какого-то полковника, однако не думает, чтобы сие рассказал он, Раевский, фельдфебелю или кому другому.

5. Раевский, квартируя с 9 ротою в Бессарабии, приглашал нижних чинов за Днестр [2]); сие подтверждается показаниями большей части нижних чинов.

6. Отпускаемые нижним чинам в 32 Егерский полк на мясную и винную порцию деньги велено употреблять единственно на улучшение им пищи, для чего и назначено выдавать сколько нужно артельщикам. Напротив того, Раевский в бывшей под командою его роте выдал нижним чинам на руки порционные деньги за три месяца; а когда послан он бывшим полковым командиром, полковником Непениным, во 2 батальон для подробного исследования причин о необыкновенных побегах нижних чинов, то, не имея никакого поручения от оного полковника насчет раздачи порционных денег, приказывал командирам 4 и 5 рот роздать оные нижним чинам на руки, несмотря ни на какие приказы.

7. При здаче Раевским 9 Егерской роты не оказалось у него налицо принадлежавших нижним чинам в жалованье 93 руб. 36 к. и порционных денег 158 руб. $72^1/_3$ коп.

Перед судом Раевский сознался, что он выдавал порционные деньги тем, кои нуждались, и что не донял порционные деньги те, которые не просили, или просили в то время, когда у него денег не было, а жалованьем не удовольствованы одни только находившиеся в отлучке, почему он и остался должным роте.

При исследовании удостоверили:

Полковник Непенин,—что некоторые нижние чины при сдаче Раевским роты об'явили на него претензию в неполучении ими порционных денег, почему он, Непенин, и приказал удовлетворить

---

[1]) Как видно из следственного делопроизводства, речь шла о поднятии восстания военных поселян. *Ред.*

их из жалованья Раевского. Фельдфебель Иванов,—что Раевский не отдал им тех денег по причине, что оные им издержаны.

Унтер-офицеры Железнов и Карелин под присягою,— что по сдаче роты Раевский, придя на гоубвахту, говорил им в слезах, якобы по наущению их показали люди претензию в неполучении ими порционных денег, об'являя притом сии слова: «Вы рады, что я оставляю роту, чтобы иметь случай без меня тиранить солдат, однако я через месяц или два явлюсь опять перед ротою и ежели узнаю, что кто-нибудь толкнет солдата, то велю того на штыки поднять».

8. Раевский говорил юнкерам Чернолуцкому, Мандре и Перхалову о генерале Сабанееве, что он, Раевский, не боится его; рядовому же Кузьмину говорил. что генерал маиор Орлов двух унтер-офицеров Охотского пехотного полка перевел в другую бригаду, а генерал Сабанеев отдал их под суд. Каковой разговор доказывает фамилиарное его с нижними чинами обращение.

9. Из писем Раевского, писанных к капитану Охотникову [1], который, будучи в отставке маиором, умер, видно, что Раевский, кроме многих непонятных мистических изречений, входил в рассуждение о неаполитанских происшествиях, присовокупляя, что Охотников найдет в письме его, Раевского, ту простоту и откровенность, которая свойственна им, оживотворенным одною благородною целью, тем же стремлением к пользе общей, тою же надеждою к достижению; — что терпение и скромность должны быть девизом и что при начальстве вандалов служба становится хуже всего, при чем он, Раевский, упоминал и о какой-то новой администрации.

Раевский и Охотников по об'яснениям своим не открыли истинного значения вышеупомянутых слов и других помещенных в тех же письмах непонятных выражений; однако нельзя не подозревать обоих их в такой тайной между собою связи, которую не смели они и обнаружить единственно из опасения подвергнуть себя ответственности. Кроме того, Раевский в тех письмах резко порицал сделанные начальством распоряжения как нащет устройства при полках учебных команд, так и относительно наказания солдат, об'ясняя: «что Вахтен при смотре разрешил унтер-офицерам и ефрейторам бить солдат палками до 20 ударов и благородный порядок обратить в порядок палочный, и что Сабанеев вдруг все учреждения Орлова нащет побоев солдат и Охотского полка перевернул вверх дном». А в отысканном у Раевского рассуждении под заглавием о солдате, написал: «что участь благородного солдата всегда почти вверяется жалким офицерам, не имеющим познаний, ни ума и лишенным даже пристойной наружности, и что сия участь была бы сносною, если бы вкравшиеся злоупотребления, основанные на лихоимстве и бесчеловечии, не вырвались из пределов своих и не обременили солдата кандалами беззаконного

---

[1]) Товарищ Раевского по Тайному Обществу. *Ред.*

насилия и не принудили бы его видеть в начальниках тиранов, которых он боится и ненавидит».

10. Из дела видно: 1) что якобы Раевский говорил перед 9 ротою; если кто вас, ребята, осмелится тронуть, выдите 10 человек вперед и, уничтожив одного, спасите двести; 2) что Раевский говорил солдатам, чтобы приняли на штыки полкового и батальонного командиров, первого за напрасный привод 9 роты в Аккерман, а последнего, если будет он их наказывать,—и 3) что Раевский будто бы говорил песенникам 3 карабинерной роты: «пойдемте со мною за Днестр, там все перед нами трепетать будет». На что один из них отвечал: «как можно итти, если мы государю присягали». После сего Раевский якобы отозвался «что сам государь нарушил присягу, обещался с народом обращаться хорошо, а теперь нас мучит».—Но на все сие нет достаточных доказательств.

Прикосновенные по сему делу по обстоятельствам оного оказались виновными:

а) Бывший командир 32 Егерского полка полковник Непенин— в слабом смотрении как за поведением Раевского по бытности его в том полку ротным командиром, так и за всеми офицерами сего полка: ибо Раевский, действуя противно установленному порядку, явно внушал вредные и возмутительные мысли и старался ослабить дисциплину, а офицеры составили без ведома его, Непенина, дружественный лист, чтобы жить им в согласии, а недостойных служить с ними самим им изгнать; в допущении ротных командиров иметь в распоряжении своем принадлежавшие нижним чинам деньги и в нехранении оных, как следовало, в казенном ящике; в оставлении без денежного исследования полученного им, Непениным, в январе 1821 г. от батальонного командира маиора Барсукова рапорта, что от нижних чинов, по внушению Раевского, если они не будут удовлетворены порционными деньгами за то время, как Раевский отдал бывшей в команде его роте, могут произойти неприятные последствия; в даче предписания Барсукову, вследствие того рапорта, о раздаче нижним чинам порционных денег за два месяца, что сделано в противность приказов корпусного командира; в неисследованной об'явленной Раевскому от нижних чинов 3 карабинерной роты жалобе о жестоком с ними обращении унтер-офицеров, ибо он, Непенин, препроводил поданный Раевским о сем рапорт для изыскания тому батальонному командиру, в ведении коего состояли просители; в отдаче по полку 20-го декабря 1820 года приказа о совершенном уничтожении палочного нижним чинам наказания; в освобождении от суда и наказания барабанщика Матвеева и рядового Шупляка, пойманных на краже с пожара в Аккермане ружья, признавая преступление сие маловажным; в выпуске из них первого в отставку, а последнего на службу в Гродненский гарнизонный батальон; в согласии его, Непенина, на вступление в Союз Благоденствия, — где требовалась отдача 25 части своих доходов якобы бедным; в полу-

чении о правилах сего Союза от умершего генерал-гевальдигера 2 армии полковника Бистрома книги; в даче ему подписки о согласии на тот союз и в праглашении к оному маиора Юмина.

б) Бывший в 32 Егерьском полку капитан, а ныне Днепровского пехотного полка маиор Бучевский,—в уничтожении и непредставлении начальству полученной им от поручтчика Погоржельского записки, писанной фельдфебелем Ивановым к унтер-офицеру Колесникову, коею якобы уведомлен Колесников, о чем его, Иванова, спрашивал по сему делу генерал-майор Черемисинов: ибо уничтожением сей записки осталась в неизвестности вина Иванова; в подговоре якобы нижних чинов к согласному с ним показанию о преступлениях Раевского.

с) Бывший гевальдигер 16 пехотной дивизии, ныне 10 Егерьского полка порутчик Таушев, который, получа от начальства предписание о принятии в ведение свое после ареста Раевского всех находившихся в школе таблиц, книг и разных вещей, взял только одни печатные таблицы Греча, а книги и письменные прописи, признавая ненужными, приказал взять служителю капитана Охотникова.

Комиссия военного суда приговорила Раевского за возмутительные и законопротивные разговоры и внушения, сделанные им как офицерам и посторонним лицам, так и особенно нижним чинам, по силе законов, лишить жизни.

Командир 6 пехотного корпуса генерал от инфантерии Сабанеев мнением полагал: Раевского, как вредного для общества человека, удалить от оного и заключить в Ставропигиальный Соловецкий монастырь или другое какое-либо место, где бы вредное распространение его образа мыслей не могло бы быть поводом к нарушению спокойствия. Если же приводимые против Раевского свидетельства признаны будут к обвинению его недостаточными, в таком случае его, как чиновника, впадшего в подозрение столь важное, удалить от службы и иметь его под строгим полицейским надзором.

Полевой аудиториат 2 армии нашел, что значущиеся в сем деле поступки Раевского означают разглашения возмутительные, клонящиеся ко вреду государственного покоя и к разрушению воинской дисциплины, из коих в некоторых предметах Раевский хотя и не сделал прямого признания, а изворачиваясь говорит, что рассказы его были не в том смысле, как показывают другие, некоторое же якобы говорил шутя, но таковая шутка и еще со внушениями нижним чинам противузаконного, едва ли не означает какого-либо умысла, ему известного; почему и подлежал бы Раевский лишению чинов, орденов, дворянского достоинства и к удалению от общества, дабы не имел способов рассевать вредный свой образ мыслей, но поелику сие дело не во всех частях исследовано генералом Сабанеевым и жалоба Раевского на неправильное и пристрастное производство оного относится более к нему же, Сабанееву, коему по высочайшей воле поручено

было иметь особый надзор за течением сего дела, то полевой аудиториат, признавая несовместным требовать от него, Сабанеева, пополнений и не делая решительного приговора над подсудимым, передавал все сие и выписку о поступках прикосновенных лиц на рассмотрение главнокомандующего 2 армиею.

Главнокомандующий армиею, при предложении своем от 25-го ноября 1823 года, возвратив в полевой аудиториат представленный оным по сему делу доклад, предложил ему вникнуть, точно ли требующие доследования по мнению его пункты суть особенной важности, и можно ли надеяться через исследование оных достигнуть открытия; в противном же случае приговор подсудимого и представление о прочих исполнить по тем статьям, которые аудиториатом признаны будут доказанными и не подлежащими доследованию.

Но полевой аудиториат, не приступя во второй раз к подробному рассмотрению сего дела и прописав в представлении своем главнокомандующему неприличные к существу оного дела законы, сделал возражение, из'ясняя нащет генерала Сабанеева, что якобы отступления и упущения на все части дела распространились так, что поступков подсудимого отдельно совершенно доказанных от подающих одно только подозрение об'яснить невозможно.

Главнокомандующий 2 армиею, признавая, что преследование, допросы, очные ставки, улики и истолкования могут причинить более вреда, нежели способствовать дальнейшему раскрытию поступков и разговоров маиора Раевского, кои не имели никаких последствий и уже забыты, находит, что сии поступки и разговоры Раевского, исследованием обнаруженные, из коих во многом он сам сознался, хотя и старается прикрыть иное видом шутки, другому же давать смысл менее значущий, показывают в нем человека вредного службе и нетерпимого в обществе, а потому он, главнокомандующий, соглашаясь с мнением генерала Сабанеева, полагает удалить его, Раевского, в такое место, где бы он, не имея с другими сообщения, не мог распространять вредных его внушений. Бывшего командира 32 Егерьского полка полковника Непенина, оказавшегося по сему делу виновным в слабом смотрении за поведением Раевского, равно как и за всеми офицерами того полка, через что последовали в оном полку разные беспорядки, так как полк у него, Непенина, уже отнят, то за беспорядки и слабое командование, отставить его от службы и впредь ни в какую должность не определять. Поступок маиора Бучевского, который изорвал записку, писанную фельдфебелем к нижним чинам о том, что они должны были показать при допросе генерал-маиора Черемисинова, равно как и поступок порутчика Таушева, который по арестовании Раевского, получа предписание принять все бывшие в ланкастерской школе таблицы, книги и прочие вещи и иметь их в должном надзоре, оставил только в своем виде печатные таблицы Греча, письменные же прописи и книги приказал

взять служителю капитана Охотникова, заслуживают быть наказаны; что главнокомандующий и предавал на высочайшее усмотрение. В рассуждении же прочих прикосновенных лиц главнокомандующий находит, что они деятельного участия в противузаконных действиях не имели.

Аудиториатский департамент, по выведенным в деле сем обстоятельствам, признавая майора Раевского в вышеписанных преступлениях виновным, полагал, лишив его, Раевского, всех чинов, дворянского достоинства и знаков отличия, и потом, согласно с мнением генерала Сабанеева, отослать в Соловецкой монастырь или другое какое место, дабы он, находясь там под строгим надзором, не мог иметь никаких ни с кем сношений, опасных для общественного спокойствия. Полковника Непенина, как уже отрешенного от командования полком, отставить от службы, впредь ни в какую должность не определять и не дозволять ему выезжать из того места, где изберет себе жительство, имея притом за ним надзор со стороны полиции. Майора Бучевского за невнимательность к важности дела содержать под арестом на гоубтвахте один месяц. Порутчика Таушева за неисполнение в точности данного ему от начальства предписания и через отдачу служителю Охотникова письменных прописей, подавшего на себя подозрение в сокрытии оных, содержать под арестом на гоубтвахте шесть месяцев.

Вследствие представленного от майора Раевского оправдания по сему делу, ваше императорское величество высочайше повелеть соизволили: означенное дело препроводить к его императорскому высочеству цесаревичу для наряда в войсках Литовского корпуса военного суда, которому, приняв от Раевского оправдания, рассмотреть вновь сие дело и могущие открыться новые по оному обстоятельства.

По сделанному после сего от его императорского высочества цесаревича представлению, что учрежденная над майором Раевским военно-судная комиссия, рассмотрев сие дело и находя многие упущения, сделанные при производстве первоначального изыскания, заключила, что хотя некоторые преступления подсудимого довольно ясно обнаружены, и в некоторых сам он признался, но произнесть окончательного приговора нет возможности, ибо поступков подсудимого майора Раевского, совершенно доказанных от подающих одно подозрение, отделить и об'яснить не можно, ваше императорское величество, согласно с мнением его императорского высочества цесаревича, высочайше повелеть соизволили: для окончательного рассмотрения сего дела и решительного заключения как о подсудимом маиоре Раевском, так и о прикосновенных лицах по той степени доказательств, кои в деле сем заключаются, учредить особую комиссию под председательством генерал-ад'ютанта Левашева, с назначением в оную членами: генерал-ад'ютанта Головина, корпуса жандармов генерал-маиора Бала-

бина и полковников: флигель ад'ютанта Реада и ад'ютанта его высочества великого князя Михаила Павловича Вишнякова. Комиссия сия обязана войти в суждение всех без из'ятия предметов, не стесняясь последовавшими уже по сему делу в высших инстанциях приговорами, и заключение свое представила бы его императорскому высочеству командующему гвардейским корпусом для доведения к докладу вашему императорскому величеству.

Высочайше учрежденная комиссия по рассмотрении сего дела, взяв в соображение об'ясненные оною в 21 пункте преступления маиора Раевского, по коим по причине недоследования или сделанных в суде упущений остался он в подозрении и, наконец, список, который имел он членам под названием Союза Благоденствия, должно бы видеть в нем важного преступника, но как маиор Раевский, хотя и принадлежал к Союзу Благоденствия, но до разрушения сего Союза прекратил все по оному сношения с членами и к составленному после 1821 года злонамеренному обществу не принадлежал; почему по высочайшему повелению дальнейшее об нем исследование по комитету о государственных преступниках прекращено. Затем комиссия признает майора Раевского виновным в том, что он разными противузаконными внушениями юнкерам желал развратить нравственность сих молодых людей. Растолковывая и об'ясняя им удачные действия разных революционеров, он, кажется, имел целью приготовить их быть подражателями сих же преступных примеров. Предпочитая лучшим конституционное правление и разумея о нашем монархическом правлении, как о управляемом деспотизмом, ясно обнаружил готовность содействовать к опровержению оного; вообще, имея либеральный образ мыслей, пользовался к распространению оного в умах подчиненных и окружающих его всяким удобным случаем; действия начальства старался представлять в виде превратном и даже насмешливом; обращаясь с нижними чинами совершенно фамильярно, отняв самопроизвольно у унтер-офицеров и даже офицеров власть наказывать нижних чинов и внуша сим последним как о сем, равно и том, что между солдатом и начальником нет различия, но должно быть равенство, — ослабил совершенно дисциплину, имел в виду сими и другими способами привлечь привязанность их к одному себе; разглашая же и выхваляя буйственный поступок бывшего состава лейб-гвардии Семеновского полка и другие подобные, до слуха его, Раевского, доходившие поступки, также приглашая командуемую им роту итти с ним за Днестр, он приготовлял нижних чинов содействовать ему во всем том, что бы ни предпринимал, при перемене обстоятельств, коих, как кажется, ожидал. Сверх того, Раевский виновен в противузаконной раздаче в командуемой им роте по рукам порционных денег, и, в особенности, во внушении того нижним чинам 2 батальона, через что произвел ропот, который мог иметь весьма худые последствия; в издержании на свои надобности части

жалованья и порционных денег, нижним чинам принадлежавших, кои удовлетворены уже вычетом из его, Раевского, жалованья; и, наконец, в разных ложных пред судом показаниях, клонившихся к несправедливому поступков своих оправданию и к обнесению чести прочих лиц; за все сие хотя и подлежал он, Раевский, по основанию существующих узаконений, к лишению чинов, заслуженных им знаков отличия и дворянства, но, применяясь к милосердию вашего императорского величества, облегчившего жребий даже и государственным заговорщикам противу приговора верховного суда, комиссия полагает: как все преступления, в которых обличен майор Раевский, никаких важных последствий не имели, то, вменив ему, Раевскому в наказание нахождение его под судом и арестом слишком пять лет, отставить его от службы с тем, чтобы и впредь ни к каким делам не определять и как вредному в обществе человеку, могущему по образу либеральных своих мыслей распространять превратные понятия, не дозволять ему выезжать из того места, которое изберет себе жительством; за будущими же поступками его иметь строгий полицейский надзор.—Бывшего командира 32 Егерьского полка полковника Непенина как поступки его обследованы комитетом о злоумышленниках, и он отставлен от службы, то за сим комиссия не находит уже его подлежащим большой ответственности. Бывший в том же полку капитан Бучевский, оказавшийся виновным в уничтожении и непредставлении начальству полученной им записки, писанной фельдфебелем Ивановым к унтер-офицеру Колесникову; а бывший гевальдигер 16 пехотной дивизии поручик Таушев в неисполнении в точности данного ему предписания — подвергают себя оштрафованию; но как все сие ими учинено до состояния всемилостивейшего манифеста 22-го августа 1826 г., то по сие оного комиссия полагает оставить их без взыскания.

За сим комиссия предает на рассмотрение вышнего начальства действие по сему же предмету полевого аудиториата 2 армии, генерала Сабанеева и аудиториатского департамента.

Полевой генерал-аудиториат 2 армии, невзирая на важность обвинений, падающих на маиора Раевского, уклонился от положительного об нем приговора даже и тогда, когда главнокомандующий 2 армиею, обратив дело сие, требовал решительного его заключения.

Генерал от инфантерии Сабанеев, по распоряжению которого производимо было следствие о поступках майора Раевского, и коему потом по воле покойного государя императора велено за производством суда над Раевским иметь надзор, сделал следующие отступления:

а) После поданной им начальнику штаба 2-й армии обвинительной записки о майоре Раевском, в коей показан он был как вольнодумец, имеющий какие-то сокровенные виды, надлежало бы в то же время генералу Сабанееву арестовать его и опечатать все бумаги его и капитана Охотникова, стоявшего с Раевским

на одной квартире и бывшего с ним в тесной связи, тогда уповательно можно бы было найти у них важные бумаги, ибо они оба принадлежали к Союзу Благоденствия, а последний, по показанию Раевского, был даже деятельный член общества, но генерал Сабанеев исполнил сие уже 6 февраля 1822 года; Раевский же 1 февраля писал уже к полковому командиру полковнику Непенину, прося его, в случае нужды, дать ответ об нем, Раевском, благородной и подкрепить его свидетельством офицеров; следовательно, знав о предстоявшей ему опасности, мог в продолжение пяти дней приготовиться к обыску вещей и истребить все, чрез что бы только возможно было открыть его преступные замыслы.

b) Имея в виду показания юнкеров о содержании употребляемых в школе рукописных прописей, должен был генерал Сабанеев приказать взять сии прописи при самом аресте майора Раевского; учинено же сие спустя три уже месяца по уничтожении школы; следовательно, не только переменить, но даже можно было и уничтожить, что наводило сомнение.

c) Показание штабс-капитана Тулубьева, утверждающее таковое же показание капитана Надежного, что Раевский восхищался итальянскими происшествиями и желал завести такие же и в России, удержав генерал Сабанеев у себя, отметил противу показания Надежного, что одного его свидетельства к обвинению Раевского недостаточно, тогда как имел у себя вышеупомянутое второе.

d) Генерал Сабанеев, имея у себя показание поручика Михайловского, заключавшее в себе оскорбление е г о в е л и ч е с т в а, состоявшее в том, что якобы при отрицании песенников 3-й Карабинерной роты итти по приглашению Раевского за Днестр потому, что государю присягали служить верою и правдою, будто бы отвечал Раевский: «государь и сам присягал с народом хорошо обращаться; видите как он нас мучит, то он изменил свою присягу, следовательно, и мы могли бы изменить». — Не препроводил показания сего к следствию генерал-майором Вахтеном производимому; в военный же суд прислал оное, об'яснив, что сия важная статья показаний была им пропущена по ошибке, тогда уже, когда сам Михайловский показал, что о приглашении за Днестр показал уже прежде, и военный суд не спросил даже об'яснений Раевского по сей статье и не дал очной ставки Михайловскому с песенниками; отчего и осталась сия важная статья не разысканною.

e) Генерал Сабанеев не препроводил в судную комиссию черновых бумаг, у Раевского отобранных, но, оставив все у себя, равно как и найденный список сообщникам, дал комиссии повеление, что по письмам он, генерал Сабанеев, сам будет давать запросы кому нужно, чего не исполнил.

f) Открывши двух членов, полковника Непенина и майора Юмина, видевши из их ответов, что они имели книгу и что сии члены служили вместе в 32-м Егерьском полку с майором Раевским, генерал Сабанеев не спросил Раевского не принадлежал ли он

к какому-либо обществу и не читал ли книги; ныне, по показанию Раевского, значится, что таковую читал у Комарова, и оная подписана Тургеневым, и подобная находилась некоторое время у Охотникова; его же, Охотникова, бумаги были также опечатаны; но что в них оказалось и где ныне находятся, по делу неизвестно.

g) Из производства аудиториата видно, что сам генерал Сабанеев своеручно писал: 1-е что Раевский прихаживал в церковь в шлафроке, в туфлях с трубкою в г. Аккермане и нередко заглушал обедню криком песенников, собранных у его квартиры; но сие столь важное обстоятельство оставил без дальнейшего исследования.

i) 2-е что майор Юмин показал, когда войска назначены были в Италию, то распущены были слухи, что они идут для усмирения пруссаков, которые требуют конституции для блага народного; что наши войска, почувствовав справедливость требуемого ими, не будут с ними драться, но скажут—и мы того желаем. Имевши таковое сведение, надлежало бы строжайшим образом открыть от кого таковые слухи произошли; но генерал Сабанеев никакого такого исследования не сделал, да оставил сие показание у себя, не представляя ни в следственную, ни в судную комиссию.

к) Многие упущения военного суда, означенные подробно в выписке военного суда при войсках Литовского корпуса учрежденной, падают также на ответственность генерала Сабанеева потому, что суд сей производился, даже самая выписка из дела составлялась под личным его, генерала Сабанеева, надзором. — Он при начале суда дал собственную инструкцию суду, что должно делать, кого о чем и как спрашивать, оставив все оригинальные бумаги у себя, препроводил только выписку из оных, предоставив самому себе по черновым бумагам, у Раевского отобранным, делать надлежащие розыскания; каковым действием и ограничил власть суда в назначенных им самим пределах...

Командующий гвардейским корпусом его императорское высочество великий князь Михаил Павлович, рассмотрев означенные заключения комиссии и находя оные в отношении к обвинению подсудимых и сопричастных к тому лиц, равно к оправданию некоторых из сих последних, по неприкосновенности их к поступкам майора Раевского достаточными для определения по ним меры наказания виновным, присовокупляет с своей стороны:

1) что майор Раевский, хотя по удостоверению комиссии и не принадлежал к составленному после 1821 года злонамеренному обществу, почему и дальнейшее об нем исследование по комитету о государственных преступниках прекращено было; но за всем тем собственное его поведение, образ мыслей и поступки, из'ясненные в рапорте комиссии столь важны, что он по всем существующим постановлениям подлежал бы лишению жизни, и потому насчет его, находя приговор комиссии не соответствующим обнаруженным преступлениям, его высочество полагал бы

оного майора Раевского, лиша чинов, заслуженных им: ордена св. Анны 4-го класса, золотой шпаги с надписью за храбрость, медали в память 1812 года и дворянского достоинства, удалить, как вредного в обществе человека, в Сибирь на поселение и

2) что бывший гевальдигером 16-й пехотной дивизии поручик Таушев, получа от начальства предписание о принятии в ведение свое после ареста Раевского всех находившихся в школе таблиц, книг и разных вещей, взял только одни печатные таблицы Греча, а книги и письменные прописи, под предлогом ненужных, отдал служителю капитана Охотникова, который жил на одной квартире с майором Раевским и находится с ним в тесной связи; каковое действие поручика Таушева очевидно заключает в себе умысел к сокрытию вредного намерения Раевского, за что и подлежал бы он строгому наказанию; но как в сем умысле он, Таушев, не изобличен, а остается только в подозрении, то, согласно заключению комиссии, освобождая его от дальнейшего наказания, его высочество признает однакож нужным иметь за поведением его строгое наблюдение.

7.

Взаимоотношения Северного и Южного обществ [1].

Южная и Северная думы приняли два различных направления: первая положила себе целью демократический переворот; вторая — монархически-конституционный. Несмотря на это разногласие целей и средств, обе думы, не действующие совокупно, не прекращали сношений между собою. Двигателем по Южной думе был Пестель; по Северной — Никита Муравьев. Ежегодно я и Василий Львович Давыдов ездили в Петербург для совещаний, соображений и свода успехов по каждому отделу.

Дела Южного общества, замышляющего радикальный переворот, быстрыми шагами подвигались вперед; вербовка членов шла успешно, при чем самоотвержение от аристократических начал придавало какую-то восторженность частным убеждениям и поэтому и самому общему ходу дела.

Действия же Северного общества, как по существу своему, так и по принятым им началам, были не так живительны и более относились к приготовлению разных проектов конституции, между которыми труд Никиты Муравьева более всех других был Северной думой одобряем, как мысль; но в затеянном перевороте ставить все в мысленную рамку (впрочем, это только мое убеждение) преждевременно.

Для успешного переворота надо простор, увлечение, а по перевороте — надо сильную волю, чтоб избегнуть анархии, и к этой

[1]) Записки С. Г. Волконского, изд. 2-е, СПБ, 1902 г., стр. 419—420.

цели клонилось постановление Южного общества, чтоб при удаче вслед за переворотом учредить временное правительство на три года, а впоследствии отобрать от народа или через назначенных от него доверителей, чего и что хочет Россия.

8.

Пестель в Петербурге.

Показания Н. М. Муравьева[1]).

В 1824 году Пестель приехал в Петербург. По причине болезни жены моей, я не мог его видеть более недели. Между тем происходило собрание главнейших членов, в котором были: члены думы кн. Трубецкой и кн. Оболенский и члены: Н. Тургенев, Рылеев, Матвей Муравьев-Апостол и Семенов, кажется. Пестель жаловался на недеятельность Северного общества, на недостаток единства в действиях, на различие устройств на Севере и Юге и на недостаток положительных начал. На юге были бояре, у нас их не было. И потому он предлагал соединить оба общества в одно, признать боярами главных Северных членов, признать в обоих обществах одних и тех же начальников, — дела решать большинством голосов бояр и обязать бояр и прочих членов слепо исполнять решение большинства голосов. Сие предложение было принято, и Пестель посетил меня. Не сходясь с ним в сих правилах, я предложил другое собрание, в котором изложил невозможность слить в одно два общества, отделенные таким большим пространством и притом разделенных мнением. В Северном обществе всякий имел свое мнение, в Южном, сколько мне было известно по приезжающим из оного, не было никакого противуречия мнениям Пестеля: итак, большинство голосов всегда бы было выражением одной его воли. Притом он не определял, сколько именно он мог иметь бояр, и предоставил себе право вместе с своими боярами принимать новых. К тому же я об'явил, что никогда не соглашусь слепо повиноваться большинству голосов, когда решение их будет противно моей совести, и предоставляю себе право выйти из общества во всяком случае. Причины сии подействовали, и Пестель согласился на следующее определение: оставить оба общества в их настоящем положении, сколько помню до 1826 года, а тогда собрать уполномоченных от обоих обществ, которые бы уже согласились в началах и избрали бы вместе общих правителей для всего общества. С тех пор сношения Северного общества с Пестелем изменились, и он в пребывание свое не оказывал уже никакой доверенности главным оного членам. Обещал прислать

---

[1]) Записка Н. М. Муравьева «Историческое обозрение хода общества» изд. Центрархива «Восстание декабристов», т. I, стр. 308—309.

свою конституцию и не прислал и вообще не входил ни в какие подробности насчет устройства Южного общества и его действий. Князь Волконский, который приезжал уже после него, не имел никаких поручений от него, а только приветствовал членов Думы и хвалил согласие обоих обществ.

Дополнительные показания Никиты Муравьева[1]).

По прибытии Пестеля в Петербург в 1824 году, происходило собрание, о котором я ничего положительного сказать не могу, поелику на оном не находился, что комитету уже известно из прежних моих показаний. Мне об'явил кн. Трубецкой, если не ошибаюсь, что на оном положено было слитие в одно обоих обществ, что мне весьма не понравилось с первого даже раза. Через несколько дней Пестель пришел ко мне. У нас началось сперва прение о конституции. Я об'явил ему, что, кончив работу эту, я намерен распущать ее повсюду как бы произведение неизвестного и принимать всех тех, которые будут соглашаться на оную. Что желательно даже, чтобы она обращалась и вне Общества, поелику мы можем достигнуть нашей цели, посредством одного только общего мнения.

Пестель возражал на сие, что начала конституционные должны оставаться тайною управляющих обществом и не должны быть об'явлены, для избежания прений, что правление общества должно сперва убить членов императорской фамилии, заставить святейший синод и сенат об'явить оное временным правительством, которое должно быть облечено неограниченною властью. Что временное правительство сие, приняв присягу от синода, сената и всей России, раздав министерства, армии, корпуса и прочие начальства членам Общества, мало-по-малу, в продолжении нескольких лет, будет постепенно вводить новое образование. Что между тем общество будет продолжаться, принимать членов и что никто, не поступив предварительно в оное, не должен быть облечен никакою гражданскою или военною властью.

Весь план показался мне столь несбыточным и невозможным, сколько варварским и противным нравственности. Желая поколебать его мнение, я заметил ему только, что люди, обагренные кровью, будут посрамлены в общем мнении, которое не даст им после того пользоваться похищенною ими властью. На сие Пестель возразил мне, что избранные на сие должны находиться вне общества, которое после удачи своей пожертвует ими и об'явит, что мстит за императорскую фамилию. — Я признаюсь, что ничего не мог отвечать на это, прервал разговор и решился склонить Думу к уничтожению своего постановления о соединении обоих обществ.

---

[1]) Показания Н. М. Муравьева от 27 апреля 1826 г., op. cit, стр. 323—324.

Я сообщил разговор сей кн. Трубецкому и кн. Оболенскому и в следующем собрании соединение обоих обществ было отсрочено на два года, сколько помню, как то мною уже изложено в изображении историческом хода всего общества. В этом собрании, на котором находился и Пестель, я об'явил, что не могу согласиться, чтобы оба общества имели одно управление, когда цель оных не одинакова.

9.

Борьба «северян» с Пестелем на Юге [1]).

Пестель уехал недовольный, однакоже обещал сообщить Трубецкому о своих действиях и не предпринимать ничего решительного без согласия Северного общества. Доверенность к Пестелю была сильно поколеблена, и петербургские члены видели необходимость бдительным оком следить за действиями его и Южного общества, которого члены были в совершенном у него повиновении. О бывших прениях и несогласии Петербургского общества с Южным было сообщено Сергеем Муравьевым на юге, и ему поручено наблюдение и противодействие. Вскоре открылась возможность усилить это наблюдение и подкрепить противодействие распространением основных правил Союза Благоденствия в тех местах, где проповедывались другие.

Князь Щербатов, назначенный командиром 4-го корпуса, предложил Трубецкому место дежурного штаб-офицера. Приехав в Киев, Трубецкой нашел, что Южное общество во всем отклонилось от правил союза. Некоторые только старые члены оставались ему верными, но лишены были способа действовать. Внимание Трубецкого обращено было на то, чтобы воспрепятствовать распространению правил Южного общества в полках 4-го корпуса, соединить старых членов и дать им средства к действию по прежде принятым началам и отвратить членов Южного общества от мнений Пестеля.

10.

Методы пропаганды Пестеля.

(Из показаний А. В. Поджио) [2]).

Вот три предмета, кои были им употреблены для испытания моего. Начал от Немрода, подробно, медленно переходил через все изменения правлений, понятий народов о них; коснулся к временам свободы Греции, Рима, говоря сколь мало она понятна была,

[1]) Записки кн. С. П. Трубецкого, СПБ., 1907 г., стр. 23—24.

[2]) Покаянное письмо А. В. Поджио из крепости от 12 марта 1826 г.; дело Поджио, лл. 43—46.

не имея представительства своего; пронесся быстро мимо варварских веков средних времен, поглотивших свободу и просвещение, приостановился на революции французской, не упуская из виду нерешимость оной цели, непрочность в достижении ее и основании и, наконец, пал на Россию. Тут он направил на нее все свои ядовитые стрелы, стал говорить о монархическом правлении, сколь оно несогласно с представительным, как сила одного разрушает силу другого, сколь они в существе своем разнородны и несовместны, сколь при таком роде правления невозможно установление прочной системы равновесия властей, противоборство одних с другими, сколь наследствие престола по первородству противно цели всякого благоустроенного государства: как предполагать тех нужных свойств в первородце для управления государства; коснулся к избирательному на царствие правлению, не упустив всех пагубных последствий его в возрождении междоусобий и внутренних раздоров и, наконец, ввел меня в свою республику, им предположенную и основанную на народном представительстве. На все сие спрашивал мое мнение.

Я ему отвечал убеждением моим и промолвил, что сие вы почерпнули у Тестю де Траси, и его разбор о духе законов Монтескье, весьма искусно превратили в систему, математически изложенную, добавив, что я во всем согласен, что нахожу, что предшественники наши в преобразовании государств были не что, как ученики еще, что наука сия была в детстве и наконец примет свои положительные и неизменные правила». На сем кончилось испытание мое в сведениях моих политических и согласия моего на введение сего рода правления в России...

На другой день, приехав к нему, нужно было сделать испытание над склонностями моими в преступлении, ибо без сего нельзя было приступить к действию, как последний предмет. Здесь начался разговор, скажу — между двумя ужаснейшими в умышлениях человеками, стремящимися к одной цели, но каждой, движимой побуждениями разными, один свирепел в пользе всех и своей, другой кипел единственно для пользы всех и даже гибелью своей! Так я мыслил. Приступили к заговору о совершении невероятного покушения даже и в исполнении [1]).

— Давайте, — мне говорит, — считать жертвы, и руку свою сжал, чтоб производить счет ужасной сей по пальцам.

Видя Пестеля перед собой, я стал называть, а он считать; дойдя до женского пола, он остановил меня, говоря:

— Знаете ли, что это дело ужасное?

— Я не менее вас в том уверен...

Сейчас же после сего опять та же рука стала предо мной, и ужасное число было тринадцать! Наконец остановившись, он, видя мое молчание, говорит так:

---

[1]) Речь шла о необходимости ликвидации всех членов императорской фамилии. *Ред.*

— Но етому и конца не будет; ибо также должно будет покуситься и на особ фамилии, в иностранных краях находящихся.

— Да, — я говорю, — тогда точно уже конца ужасу сему не будет, ибо у всех великих княгинь есть и дети, говоря, что для сего провозгласить достаточно отрешения от всякого наследствия, добавив впрочем: кто захочет столь окровавленного престола!

Вслед за сим он мне говорит:

— Я препоручил уже Барятинскому приготовить мне двенадцать человек, решительных для сего!

Довольно мне было сего, чтоб видеть, что до меня сие было уже принято; сообразив число сие и изведение цесаревича Константина Павловича Польским обществом, не усомнился, что число уже было жертв щитано...

— Хотелось бы мне, — говорит [Пестель], — узнать от вас мнение о лицах, долженствующих вступить в управление нового порядка. Вы знаете, что должно быть установлено временное правление, кого вы полагаете способным к сему?

Я говорю: «Бессомненно вы, который сооружали, должны и основать сие», — зная приверженность всех к нему, зная весьма, что превосходство его над всеми всегда проложит ему сию стезю к управлению. Говорит однако мне: «Я не хочу быть уличен в личных видах, к тому же у меня имя не русское; все ето не ладно». (Пестель говорит о влиянии имени.) Я ему говорю, что знаю очень, что упрекают вас в честолюбивых видах; «впрочем вам предстоит слава Вашингтона, вы можете, как он, сейчас же удалиться к числу частных граждан после водворения законного правления, — ведь я полагаю, что временное правление не продлится более года, а много-много два». На сие он мне возразил: «О нет, не менее десяти лет, — разделение земель одно возьмет много времени». Тогда я ему сказал, что коль скоро так, то бессомненно многие устрашатся сего продолжительного времени господства. — На ето мне сказал:

— Что ж делать! А впрочем, между тем, можно будет обратить внимание общее на внешнюю какую-нибудь меру, как-то: об'явить войну Порте и восстановить Восточную республику в пользу греков; таким образом, явимся на поприще политическое с самыми благонадежнейшими видами для прочих народов Европы. Здесь я усмотрел, сколько слава оружия даже входила в его мысли, и говорю ему:

— Я совсем противного тому мнения и как ни желаю освобождения греков и прочих народов, однакож не забываю и Россию, и в такое время нельзя ее уподобить Римской республике, где народ заключался в одном граде, и что в случаях несгоды и раздоров отклоняли его от внутреннего влияния к внешнему, об'являя войну; — говорили, что мы уклонимся от цели нашей; что, напротив, должны всячески обращать внимание народа на новое устройство внутреннее, дабы тем самым доверенность его получить к новому преобразованию. На сем сие и кончилось. Я предложил

Орлова и Митькова. Он говорил о первом, что он слаб и не столь решителен, сколько человек должен быть, возведенный на сие место. Говорили о министерствах. Здесь довольно щедро дарил клевретов своих местами, однакож многих и не принадлежащих обществу называл.

— Что касается до вас, то вы в случае действия присоединитесь к Волконскому и Давыдову, которой будет вами начальствовать. Сам же я поеду в Петербург, взяв Барятинского с собой.

Стал мне говорить, что все что-то ему не благоприятствует; что Матвей Муравьев приехал из Петербурга, живет у себя в деревне, и, по словам Лорера, замечает в нем к нему холодность, — что думает, что ето все дело Сергея Муравьева, который хочет вовсе отклониться, враждуя на него, Давыдова, и прочих его друзей. Я ему говорил, что сие не может быть, что Матвей Муравьев ему предан, что когда вас в Петербурге укоряли в честолюбии, он сказал: «такому честолюбию я всегда буду ступенью первой». А я говорил, что после такого примера трудно покушаться на власть и что если бы я заметил сие в ком-нибудь, то первый того предал мести».

— Конечно, — мне говорит, — впрочем естьли я один останавливаю все дело, то я удалюсь.

— Сего, — я ему говорю, — вы не должны и думать, естьли точно и имеете, в чем себя упрекать нащет сего обвинения.

— Впрочем я поеду в Петербург и все увижу своими глазами.

Я тут советовал ему сменить Муравьева Никиту. Тогда ж мне говорил, что может быть цесаревич Константин Павлович будет изведен и что естьли двор императорской переселится в Москву, то сие там совершится действие. Просил меня, сколько могу travailler Майбороду, Лорера и Старосельского. Майборода казался ему весьма преданным. Я обещался в пути моем через Орел узнать, нет ли негодований и естьли можно основать что, — он говорит: «ето будет Восточная управа, и вы будете ею управлять». Общество тайное не должно было уничтожиться и, как я говорил, усиливаться еще более донельзя и навсегда.

11.

Васильковская управа.

(Из показаний Пестеля)[1].

Васильковская управа была гораздо деятельнее прочих двух и действовала гораздо независимее от директории, хотя и сообщала к сведению то, что у нее происходило; но сношения директории с сею управою были реже и затруднительнее

[1] Дело Пестеля, л. 131.

Сею управою были приняты полковники Швейковский, Тизенгаузен, Артамон Муравьев, Враницкой, обер-квартирмейстер 3-го корпуса Фролов, капитан Норов, что ныне в отставке подполковником, гусарского принца Оранского, ротмистр Жуков, Пыхачев, да еще несколько других, о коих припомнить не могу, ибо их имена не более, как по одному разу слыхал. Сия управа приобщила к своему составу открытые ею члены общества соединенных славян человек до 15, как мне Бестужев говорил. Сия управа, узнавши образ мыслей Семеновских солдат, имела на них надежду. Она первоначально открыла сношения с поляками. Князь Сергей Трубецкой, по прибытии в Киев, действовал с сею управою. К ней также принадлежал Матвей Муравьев. Вот что относится до Васильковской управы. В прошедшем году в ноябре месяце предложил я Юшневскому приобщить Сергея Муравьева к директории: ибо смешно, говорил я, что он в числе председателей, когда его управа гораздо значительнее и сильнее обеих других вместе, да и ради нашей ответственности перед союзом; ибо Васильковская управа гораздо независимее прочих двух действует, надо, чтобы Сергей Муравьев принадлежал к директории. Юшневский согласился на то, и тогда был Сергей Муравьев к директории приобщен.

12.

Сношения Южного общества с Польским патриотическим обществом.

Показания М. П. Бестужева-Рюмина [1].

На киевских контрактах в 1824 году узнал я от Ходкевича, что в Польше существует общество, которое, узнав, что у нас такое же составилось, желает с оным вступить в сношения. Я о сем донес директории, которая дала мне порученность заключить договор. Вот в чем он состоял:

С нашей стороны:

1) Россия, предпочитая иметь благодарных союзников на место тайных врагов, по окончании своего преобразования отдает независимость Польше.

2) Будет сделано новое начертание границ, и области, не довольно обрусевшие, чтобы душевно быть привязанными к пользе России, возвратятся Польше.

3) При сем кроме народности будут наблюдать также и местные выгоды, кои останутся на стороне России, дабы она имела хорошую военную границу.

---

[1]) Дело Бестужева-Рюмина, лл. 47—49.

4) Поляки могут, однакоже, надеяться получить губернию Гродненскую, часть Виленской, Минской и Волынской.

5) С утверждения договора сего, Русское общество будет оказывать покровительство полякам, имеющим дела в России, буде оные справедливы.

6) Общество Русское всеми мерами будет стараться искоренять ненависть, существующую между обоими народами, представляя, что в просвещенном веке, в котором мы живем, польза всех народов одинакова, а закоренелая ненависть есть принадлежность времен варварства.

7) Для дальнейших сношений с обеих сторон назначатся депутаты, порученности коих будут состоять в том: 1) чтобы передавать своим директориям все, что будет дано знать одним обществом другому или что одним у другого потребуется; 2) депутаты польские будут уведомлять Русское общество о том, что происходит в Европе; 3) строго запрещается депутатам называть или требовать, чтоб назвали кого-либо из членов обоих обществ; 4) в случае, что русский депутат познакомится с членами общества Польского, или депутат польский с членами Русского общества, то отнюдь не открывать, что обои общества вступили в сношения; 5) да происходит все между директориями посредством депутатов; 6) депутаты ни на что согласиться, и ничего [не могут] обещать, без соизволения на то своих директорий.

Со стороны поляков:

1) Поляки обязываются все меры употребить, какого бы то рода ни было, дабы великий князь Константин Павлович не мог возвратиться в Россию.

2) Восстать в одно время с нами.

3) Итти против Литовского корпуса, буде он об'явит себя против нас.

4) Подавать нам все помощи, в их возможности состоящие.

5) Устроить сношения между нами и прочими политическими обществами, существующими в Европе.

6) Уведомлять нас о всех важных вещах, как скоро они дойдут до их сведения.

7) Действовать в продолжение революции таким образом, как им предпишется нашим обществом, коему они признают себя подвластными.

8) Принять правление республиканское.

По утверждению договора были назначены депутатами с нашей стороны Сергей Муравьев (который ни во что не входил) и я.

Со стороны поляков—Гродецкий и Чарносский (сей последний также в делах участия не брал).

Переговоры Пестеля и Волконского с делегатами Польского патриотического общества в 1825 г.[1]

Бестужев-Рюмин, познакомившись в Киеве с Гродецким, графом Олизаром и графом Хоткевичем, первый открыл сообщение Русского общества с Польским. Он уведомил о сем открытии своем директорию южного округа и получил от нее разрешение продолжать сии сообщения и войти в сношение с Польским обществом, совещаясь обо всем с Сергеем Муравьевым. На 1825 же год положено было, что я вместе с князем Волконским буду продолжать сношения с теми депутатами Польского общества, которые от их директории назначены будут для сей цели во время киевских контрактов 1825 года. Так и было исполнено. Польские депутаты были князь Яблоновский и Гродецкий. Сии сношения происходили личными переговорами, при чем никакой переписки не было.

Цель сношений с Польским обществом состояла в том, чтобы знать, что у поляков делается, и дружескими сношениями предупредить вред, который они России сделать бы могли в роковое время. Происходили разговоры и переговоры; но условий никаких еще заключено не было, ибо на то нужно было предварительное мнение и согласие всего Союза.

Переговоры же только что начались, и мало оных происходило. Заключение условий не мог я принять на свою ответственность, ибо без предварительного согласия всего Союза не мог удостоверить о принятии Союзом и при случае об исполнении условий. Я только бы себя компрометировал. По окончании переговоров представил бы оное союзу на решение и утверждение условий. Весь разговор мой с польскими депутатами продолжался не более одного часу и был только один разговор. Предметы разговоров были: 1) независимость Польши: глухо сказано, но о губерниях Литовских, Белостокской, Подольской и Волынской не было даже ни единым словом упомянуто; 2) взаимное содействие на случай внешней войны; 3) одинаковый образ правления; 4) поступить полякам с цесаревичем, как нами поступлено будет с прочими великими князьями; 5) уведомлять им нас о всех своих сношениях с другими обществами в Европе, а равно и с Англиею, и никаких не заключать им обязательств ни с кем без предварительного нашего согласия.

---

[1]) Показания Пестеля от 13/I 1826 г., дело Пестеля, л. 139.

13.

Общество Соединенных Славян.

(Из записок И. И. Горбачевского[1]).

Общество имело главною целью освобождение всех славянских племен от самовластия; уничтожение существующей между некоторыми из них национальной ненависти и соединение всех обитаемых ими земель федеративным союзом. Предполагалось с точностию определить границы каждого государства, ввести у всех народов форму демократического представительного правления, составить конгресс для управления делами Союза и для изменения, в случае надобности, общих коренных законов, предоставляя каждому государству заняться внутренним устройством и быть независимым в составлении частных своих узаконений. Вникая в основания благоденствия частного человека, мы убеждаемся, что они бывают физические, нравственные и умственные; посему гражданское общество, как целое, составленное из единиц, необходимо зиждется на тех же началах и для достижения возможного благосостояния требует промышленности, отвращающей бедность и нищету, нравственности, исправляющей бурные наклонности, смягчающей страсти и внушающей человеколюбие, и наконец — просвещения, вернейшего сподвижника в борьбе противу зол, неразлучных с существованием, которое делает умнее и искуснее во всех предприятиях. Развертывать, распространять сии три основные начала общественного блага, поставлялось в первую и неизменную обязанность Славянина. Он должен был, по возможности, истреблять предрассудки и порочные наклонности, изглаживать различие сословий и искоренять нетерпимость верований, собственным примером побуждать к воздержанию и трудолюбию, стремиться к умственному и нравственному усовершенствованию и поощрять к сему делу других, всеми способами помогать бедным, но не быть расточительным; не делать людей богатыми, но научать их, каким образом, посредством труда и бережливости, без вреда для себя и других, пользоваться оными. Убеждение в сих правилах заставляло Славян выводить следующие заключения: никакой переворот не может быть успешен без согласия и содействия целой нации: посему прежде всего должно приготовить народ к новому образу гражданского существования и потом уже дать ему оный; народ не иначе может быть свободным, как сделавшись нравственным, просвещенным и промышленным. Хотя военные революции быстрее достигают цели, но следствия оных опасны: они бывают не колыбелью, а гробом свободы, именем которой совершаются. Славяне, убежденные в том, что надежды их не могут так скоро исполниться, как они того желали,

---

[1]) Записки И. И. Горбачевского, изд. под ред. Б. Е. Сыроечковского М., 1916 г., стр. 17—21.

не хотели терять времени в пустых и невозможных усилиях, но вознамерились делать все, что зависит от них и ведет хоть медленно к предпринятой цели. В исполнение сего намерения они положили определить некоторую часть общественной суммы на выкуп крепостных людей, стараться заводить или споспешествовать заведению небольших сельских и деревенских училищ; внушать крестьянам и солдатам необходимость познания правды и любовь к исполнению обязанностей гражданина и таким образом — возбудить в них желание изменить унизительное состояние рабства и пр.

Не взирая однакож на сии постепенные и кроткие меры, Славянский Союз носил на себе отпечаток какой-то воинственности. Страшная клятва, обязывающая членов оного посвящать все мысли, все действия благу и свободе своих единоплеменников и жертвовать всей жизнью для достижения сей цели, произносилась на оружии; от одних своих друзей, от одного оружия Славяне ожидали исполнения своих желаний; мысль, что свобода покупается не слезами, не золотом, но кровью, была вкоренена в их сердцах, и слова знаменитого республиканца, сказавшего: «обнаживши меч против своего государя, должно отбросить ножны сколь возможно далее», долженствовали служить руководством их будущего поведения.

Сей слабый очерк достаточно показывает, что дух Славянского общества во многом отличался от духа Южного общества и что даже, в некоторых отношениях, они были друг другу совершенно противоположны. Но к соединению двух обществ не столько содействовало сходство их характеров, сколько нетерпение и желание скорейшего достижения цели. Мы обязаны сказать, не упрекая никого, что большинство Славян еще худо понимало правила и средства своего союза и порывом своим увекло тех немногих, которые были вполне проникнуты оными. Сии последние видели невозможность бороться с представителями сильного русского общества, обещавшего немедленно освобождение России, и с прискорбием приняли на себя труд оного. Боязнь повредить благу отечества, показать себя малодушными или себялюбивыми заставила их утешаться надеждою, что после переворота мысль Славянского Союза воспрянет и с новою силою заставит трудиться для освобождения всех славянских народов.

14.

«Правила Общества Соединенных Славян» [1]).

1. Не надейся ни на кого, кроме твоих друзей и своего оружия. Друзья тебе помогут, оружие тебя защитит.

2. Не желай иметь раба, когда сам рабом быть не хочешь.

---

[1]) Дело Борисова 2-го, лл. 3, 4.

3. Каждый почтет тебя великим, когда гордости и избытку ты искать не будешь.

4. Простота, трезвость и скромность, сии блюстительницы, сохранят твое спокойствие.

5. Не желай более того, что имеешь, и будешь независимым.

6. Богиня просвещения пусть будет пенатом твоим, и удовольствия с любовию водворятся в доме твоем.

7. Почитай науки, художества и ремесла. Возвысь даже к ним любовь до энтузиазма и будешь иметь истинное уважение от друзей твоих.

8. Невежество с детьми своими гордостию, суетностью и фанатизмом да будет твоим злым духом Вельзевулом.

9. Будешь терпеть все вероисповедания и обычаи других народов, пользоваться же только истинно хорошими обязан.

10. Будешь стараться разрушать все предрассудки, а наиболее до разности состояний касающиеся, и в то время станешь человеком, когда станешь узнавать в другом человека.

11. Будешь добродетельным, и добродетель целой жизни сплетет венец спокойствия для твоей совести.

12. Употребишь даже свое оружие, если того нужда будет требовать на защиту невинности, и от несправедливости и мщения не погибнешь, ибо друзья твои защищать тебя будут.

13. Будешь помогать своим рассудком и своим оружием друзьям твоим, ибо и они также помогать тебе будут.

14. Будешь таким, и гордость тирании с своею суетностью падет перед тобою на колена.

15. Ты еси Славянин и на земле твоей при берегах морей, ее окружающих, построишь четыре флота — Черный, Белый, Далмацкий и Ледовитый, а в средине оных воздвигнешь город и в нем богиню просвещения и своим могуществом на троне посадишь. Оттуда будешь получать для себя правосудие и ему повиноваться обязан, ибо оное с дороги тобою начертанной совращаться не будет.

16. В портах твоих, Славянин, будут цвести торговля и морская сила, а в городе посреди земли твоей справедливость для тебя обитать станет.

17. Желаешь иметь сия, соединись с твоими братьями, от которых невежество твоих предков отдалило тебя. Желаешь все то иметь, будешь жертвовать 10-ою частью твоих доходов годовых и будешь обитать в сердцах друзей твоих.

Дух рабства показывается обыкновенно надменным, подобно, как дух вольности — бодрым, а дух истинной великости — простым.

Вот что вы должны наблюдать.

15.

«Клятва» при вступлении в Общество Соединенных Славян [1]).

Вступая в число Соединенных Славян для избавления себя от тиранства и для возвращения свободы, столь драгоценной роду человеческому, я торжественно присягаю на сем оружии на взаимную любовь, что для меня есть божеством и от чего я ожидаю исполнения всех моих желаний. Клянусь быть всегда добродетельным, вечно быть верным нашей цели и соблюдать глубочайшее молчание. Самый ад со всеми своими ужасами не вынудит у меня указать тиранам моих друзей и их намерения. Клянусь, что уста мои тогда только откроют название сего союза пред человеком, когда он докажет несомненное желание быть участником оного; клянусь до последней капли крови, до последнего вздоха вспомоществовать вам, друзья мои, от этой святой для меня минуты. Особенная деятельность будет первою моею добродетелью, а взаимная любовь и пособие — святым моим долгом. Клянусь, что ничто в мире тронуть меня не будет в состоянии. С мечом в руках достигну цели, нами назначенной. Пройду тысячи смертей, тысячи препятствий, — пройду и посвящу последний вздох свободе и братскому союзу благородных славян. Если же нарушу сию клятву, то пусть угрызения совести будут первою местью гнусного клятвопреступления, пусть сие оружие обратится острием в сердце моем и наполнит оное адскими мучениями, пусть минута жизни моей, вредная для моих друзей, будет последняя, пусть от сей гибельной минуты, когда я забуду свои обещания, существование мое превратится в цепь неслыханных бед [2]). Пусть увижу все любезное моему сердцу издыхающим от сего оружия в ужасных мучениях, и оружие сие, достигая меня, преступного, пусть покроет меня ранами и бесславием, собрав на главу мою целое бремя физического и морального зла, выдавит на челе печать юродливого сына сей природы.

---

[1]) Печатается по тексту, опубликованному В. И. Семевским в «Минувших годах», 1908, III, стр. 160 — 161. «Клятва» во многих своих деталях совпадает со вступительной присягой карбонариев Неаполитанской организации «Свободных Пифагорейцев».

[2]) Отсюда до конца клятвы в тексте ее, находящемся в деле члена общества Соединенных Славян Выгодовского, иначе: «Пусть увижу все близкое к моему сердцу от сего оружия посреди страшных мучений издыхающим, а сей меч, достигая виновного, пускай покроет его ранами и бесславием и, собравши на главу того все тяготи физических и нравственных зол, напечатлеют на сем челе печать отвержения от целой природы».

16.

Реорганизация Общества Соединенных Славян в марте 1825 г. [1])

В конце 1824 года тайное общество под названием Славянского Союза, или Соединенных Славян, состояло из малого числа членов, рассеянных по разным местам южной России. Усилия Славян укоренить свои мнения и распространить общество оставались без желаемого успеха. Многие из них убеждались даже, что время ни мало не сближает их с целью; но сие убеждение, не ослабляя желаний, еще более других воспламеняло. 6 декабря 1824 года Борисов 2-й и Горбачевский после долгого совещания признали, что для единства в действиях к скорейшему достижению предназначенной цели, необходимо ускорить ход общества, дать новое образование оному, учредить порядок в делах и подвергнуть членов ответственности за их действия. В исполнение сей мысли первый из них написал проект окончательного образования общества.

Сим проектом управление общества поручалось президенту и секретарю, выбранным на один год и подлежащим ответственности пред обществом; первой назначал время и место обыкновенных и чрезвычайных собраний, давал направление действиям общества и старался привести в исполнение все намерения и планы, служащие к распространению оного. Последний способствовал взаимным сношениям между членами, равно сношениям их с президентом; кроме того, ему вверялась общественная сумма, из коей по согласию президента выдавались деньги, назначаемые для всякого предприятия, признанного полезным обществу.

В марте месяце 1825 года многие из Славян собрались в местечке Черникове (в 25 верстах от Житомира) и, рассмотрев помянутое предложение, приняли его единогласно: каждый чувствовал необходимость лучшего и правильнейшего устройства. По общему желанию Борисов принял должность президента на время с тем, чтобы, сделав полное собрание членов в лагере под Лещиным и приняв еще некоторые улучшения в предположенном образовании общества, избрать там нового президента. Иванов, находившийся по должности в корпусной квартире и имевший средства вступить в постоянные сношения со всеми членами, был назначен временным секретарем.

Составление общественной суммы должно было начаться с 1 сентября; сумма сия должна была беспрерывно увеличиваться взносами членов; кроме сего секретарю дозволялось употреблять наличный капитал в торговых оборотах для приращения оного. Но непредвиденный случай разрушил все сии планы, прежде нежели они были приведены в исполнение.

---

[1]) Записки И. И. Горбачевского, М., 1916 г., стр. 3—5.

17.

Слияние Общества Соединенных Славян с Южным обществом [1]).

3 или 4 сентября [1825 г.] большая часть членов Славянского общества собрались в назначенном месте и, в ожидании приезда членов Южного общества, рассуждали снова о предложении соединить два общества; но мысль безусловного соединения уже начинала преобладать над умами Славян, которых желание действовать обращалось в непреодолимую страсть.

Появление Бестужева прекратило сии прения. «Важные дела,— сказал он после обыкновенных приветствий, — помешали Муравьеву сдержать данное им обещание, но он поручил мне кончить наши общие дела. Я должен об'явить вам о намерениях и цели Южного общества и предложить присоединение к оному Славянского». Потом начал говорить он о силе своего общества, об управлении оного Верховною Думою, о готовности Москвы и Петербурга начать переворот, об участии в сих намерениях 2-й армии, гвардейского корпуса и многих полков 3-го и 4-го корпусов. Из его слов видно было, что конституция, заключающая в сёбе формы республиканского правления для России и получившая одобрение многих знаменитых публицистов, английских, французских и германских, принята была единодушно членами Южного общества. Бестужев обещал немедленно доставить им копию с конституции, об'яснить цель, меры и управление оного общества и, при окончательном соединении, дать наименование главных членов; но об'явил, что правила общества запрещают ему открыть место пребывания Верховной Думы и членов, составляющих оную. Сии неудовлетворительные ответы поколебали большую часть Славян; сомнение вкралось в сердца многих; требовали доказательств, делали возражения, — одним словом, с обеих сторон ожидали взаимной доверенности, но никто первый не хотел быть откровенным. Бестужев отложил дальнейшие об'яснения до другого времени, надеясь, что время не охладит порыва, но еще более усилит его, и в этом он не ошибся. На другой день, поутру, он дал Пестову извлечение из «Русской Правды» и просил его сообщить оное всем Славянам. В тот же день было сделано несколько списков с упомянутого извлечения, и ввечеру уже всем Славянам была известна будущая форма русского правления. Ввечеру того же дня Горбачевский и Борисов 2-й виделись с Муравьевым, который, подтверждая все сказанное Бестужевым, просил их снова собраться и кончить скорее дело соединением двух обществ.

По прошествии двух или трех дней после первого совещания, все Славяне, исключая офицеров Черниговского полка, собрались

---

[1]) Записки И. И. Горбачевского, стр. 9—16.

на квартире подпоручика Андреевича, в деревне Млинищах. Сие собрание было многочисленное. Бестужев приехал вместе с Тютчевым и начал разговор требованием доверенности к Верховной Думе; во имя любви к отечеству просил Славян соединиться с Южным обществом без дальнейших с его стороны об'яснений. Громкий ропот и из'явление негодования служили ему ответом. «Нам нужны доказательства, мы требуем полного об'яснения», — выкрикнуло несколько членов. Бестужев начал об'яснять чертежом управление Южного общества, говорил о различных управах (ventes), существующих в разных местах России, об образе их сношения с Верховною Думою, о силе своего общества, наименовал членов оного: кн. Волконского, кн. Трубецкого, ген. Раевского, генерала Орлова, генерала Киселева, Юшневского, Пестеля, Давыдова, Тизенгаузена, Повало-Швейковского, Александра и Артамона Муравьевых, Фролова, Пыхачева, Враницкого, Габбе, Набокова и многих других штаб- и обер-офицеров разных корпусов, и дивизий, и полков. «Все сии благородные люди, — сказал он в заключение, — забывая почести и богатство, поклялись освободить Россию от постыдного рабства и готовы умереть за благо своего отечества».

Видя, что его слова произвели сильное действие на умы Славян, он присовокупил, что многочисленное польское общество, коего члены рассеяны не только в Царстве Польском и присоединенных к России губерниях, но в Галиции и воеводстве Познанском, готово разделить с русскими опасность переворота и содействовать оному всеми своими силами и способами: что оно уже соединилось с Южным обществом, и что для сношения сих двух обществ назначены с польской стороны князь Яблоновский, граф Мошинский и полковник Крыжановский, а с русской — Сергей Муравьев и он, Бестужев-Рюмин. Тут же он об'явил, что открыты следы существования тайного общества между офицерами Литовского корпуса, и что Повало-Швейковскому поручено войти в сношения с членами оного и в особенности действовать на сей корпус.

Отровенность Бестужева обворожила Славян; немногие могли противиться всеобщему влечению; согласие соединиться с обществом благонамеренных людей, поклявшихся умереть за благо своего отечества, выражалось в их взорах, в их телодвижениях; каждый требовал скорейшего окончания дела. Только Борисов 2-й и некоторые из присутствующих на сем совещании Славян почитали невозможным безусловное соединение двух обществ. По мнению Борисова 2-го, Славяне, обязавшись клятвою посвятить всю свою жизнь освобождению славянских племен, искоренению существующей между некоторыми из них вражды и водворению свободы, равенства и братской любви, не вправе нарушить сих обязательств. Нарушение это влечет за собою всеобщее порицание и упреки совести. «Тем более, подчинив себя безусловно Верховной Думе Южного общества, — продолжал он, — будем ли

мы в состоянии исполнить в точности принятые нами обязанности? Наша подчиненность не подвергнет ли нас произволу сей таинственной думы, которая, может быть, высокую цель Славянского Союза найдет маловажною и, для настоящих выгод жертвуя будущими, запретит нам иметь сношения с другими иноплеменными народами?». Бестужев-Рюмин всеми силами старался опровергнуть сие возражение; он доказывал, что преобразование России необходимо откроет всем славянским племенам путь к свободе и благоденствию; что соединенные общества удобнее могут произвести сие преобразование; что Россия, освобожденная от тиранства, будет открыто споспешествовать цели Славянского Союза: освободить Польшу, Богемию, Моравию и другие славянские земли, учредить в них свободные правления и соединить всех федеральным союзом. «Таким образом, — сказал он, — наше соединение не только не удалит вас от цели, но, напротив того, приблизит к оной».

Энтузиазм Бестужева-Рюмина походил на вдохновение; уверенность в успех предприятия вдыхала в сердце каждого несомненную надежду счастливой будущности. Он восторжествовал над холодным скептицизмом Борисова 2-го, ожидавшего успеха от одних усилий ума и приписывавшего все постоянной воле людей. Мысль о силе Южного общества, надежда видеть при своей жизни освобождение отечества и других славянских народов увлекла совершенно Славян; в общем пылу благородных страстей своих, они согласились немедленно соединиться с Южным обществом, разделять с ним труды и опасности для блага своей родины и от сей минуты цель, правила и меры, принятые сим обществом, почитать своими собственными. Таким образом окончательно соединились два общества: судьба Славян была решена. С сего времени Славянский Союз существовал только в мыслях и сердцах немногих, которые не могли забыть возвышенной и великой, хотя, может быть, по мнению некоторых, мечтательной идеи федеративного союза славянских народов.

Получив от Славян согласие на соединение с Южным обществом, Бестужев-Рюмин предложил им избрать из среды своей посредника и составить особенную управу. «Избранный посредник, — сказал он, — должен заведывать делами управы и относиться во всем ко мне или к С. Муравьеву; мы обязываемся, с своей стороны, доставлять ему предписания от Верховной Думы и уведомлять его о всех делах общества; Славяне могут принимать новых членов не иначе, как с дозволения посредника, который должен будет, хотя один раз в год, отдавать отчет Верховной Думе о распространении и делах Славянской управы». Бестужев-Рюмин продолжал: «Южное общество уже так сильно, что не нуждается даже в приобретении новых членов. Посему гораздо лучше Славянам заняться постепенным, осторожным и медленным приготовлением солдат. Они могут принимать также в общество офицеров, если найдут таких, которые заслуживают

сию честь». — Относительно гражданских чиновников он был вовсе противного мнения: в его глазах эти люди были не только бесполезны, но даже вредны; преобразование России должно было быть следствием чисто военной революции.

18.

Речь М. П. Бестужева-Рюмина на заседании Общества Соединенных Славян [1]).

Век славы военной кончился с Наполеоном. Теперь настало время освобождения народов от угнетающего их рабства, и неужели русские, ознаменовавшие себя столь блистательными подвигами в войне истинно отечественной, — русские, исторгшие Европу из-под ига Наполеона, не свергнут собственного ярма и не отличат себя благородной ревностью, когда дело пойдет о спасении отечества, счастливое преобразование коего зависит от любви нашей к свободе? Взгляните на народ, как он угнетен. Торговля упала; промышленности почти нет, бедность до того доходит, что нечем платить не только подати, но даже недоимки. Войско все ропщет. При сих обстоятельствах не трудно было нашему Обществу распространиться и притти в состояние грозное и могущественное. Почти все люди с просвещением или к оному принадлежат или цель его одобряют. Многие из тех, коих правительство считает вернейшими оплотами самовластия — сего источника всех зол, уже давно ревностно нам содействуют. Самая осторожность ныне заставляет вступить в Общество, ибо все люди, благородно мыслящие, ненавистны правительству: они подозреваемы и находятся в беспрестанной опасности. Общество, по своей многочисленности и могуществу, — вернейшее для них убежище. Скоро оно восприемлет свои действия, освободит Россию и, быть может, целую Европу. Порывы всех народов удерживает русская армия. Коль скоро она провозгласит свободу, все народы восторжествуют. Великое дело совершится, и нас провозгласят героями века.

---

[1]) М. В. Довнар-Запольский, «Тайное Общество Декабристов», М., 1906 г., стр. 179 — 180. Печатаемый нами текст речи, произнесенной на втором собрании Соедин. Славян в м. Лещине, восстановлен самим Бестужевым-Рюминым по предложению следственной комиссии.

19.

Вопросы вооруженного восстания и государственного переворота в Южном обществе.

(Из показаний Пестеля)[1].

На счет времени и образа приведения в исполнение намерений тайного общества много было различных мнений и толков. Главнейшее мнение состояло в следующем: во-первых, надлежало решить в подробности, какой новый образ правления общество желает, ибо ежели не будет сие твердым образом постановлено, то легко родиться могут партии и разные козни: сего однако же до сих пор сделано в обществе не было. Во-вторых, надлежало обществу усилить число своих членов до такового количества, чтобы можно было посредством членов ввести образ мыслей Союза в общее мнение, и намерения Союза как можно более передать в общее желание, дабы общее мнение революции предшествовало; а вместе с тем, дабы членов Союза так по всему государству распространить, чтобы чрез них можно было не только повсюду пресечь всякое сопротивление, но даже везде устроить содействие, когда бы революция началась. Общество еще далеко было от такового положения своих дел, ибо еще было весьма слабо. В-третьих, наконец, приступая к самой революции, надлежало произвести оную в Петербурге, яко средоточии всех властей и правлений, а наше дело в армии и губерниях было бы признание, поддержание и содействие Петербургу. В Петербурге же могло бы оное произойти восстанием гвардии, а также и флота, отправлением особ императорской фамилии в чужие края, исключая покойного государя, созванием сената, дабы чрез него обнародовать новый порядок вещей, поручением временному правлению оный ввести, или созванием чрез сенат же народных депутатов утвердить конституцию. Ежели же бы монархическое правление было выбрано, то временное правление составляло бы регентство, а Александр Николаевич был бы признан императором.

Из об'яснений сего плана видно, что оный требовал еще много времени; и потому соединялось с оным предположение, что удобно будет революцию начать после естественной кончины государя императора Александра Павловича, но его смерти никто так скоро не ожидал. Впрочем время начатия долженствовало определиться преимущественно обстоятельствами и силою общества, в каковом случае и насильственная смерть покойного государя могла оказаться надобною; но сие только в крайнем случае, ибо охотнее дождались бы собственной его смерти, разве опасности общества при силе оного и обстоятельства не позволили бы медлить. Вот образ действия, о котором более всего говорено было и с которым

---

[1]) «Былое», 1906 г., III, стр. 214—216.

все члены общества как в южном, так и в северном округе были согласны. Ежели о чем еще спорили, то единственно об образе введения нового порядка: чрез временное ли правление, чрез собор ли депутатов, и тому подобное; но все говорили, что революция не может начаться при жизни государя императора Александра Павловича и что надобно или смерть его обождать, или решиться оную ускорить, коль скоро сила и обстоятельства общества того требовать будут. В сем точно поистине были все согласны.

Другое предположение было следующее: начать революцию во время ожиданного высочайшего смотра войск 3-го корпуса, в 1826 году. Первое действие долженствовало состоять в насильственной смерти государя императора Александра Павловича. Потом издание двух прокламаций: одну войску, другую народу. Затем следование 3-го корпуса на Киев и Москву с надеждою, что к нему присоединятся прочие, на пути его расположенные, войска без предварительных даже с ними сношений, полагаясь на общий дух неудовольствия. В Москве требовать от сената преобразования государства. Между всеми сими действиями 3-го корпуса надлежало всем остальным членам Союза содействовать революции. Остальной части южного округа занять Киев и в оном оставаться, северному округу поднять гвардию и флот, препроводить в чужие края всех особ императорской фамилии и то же сделать требование сенату, как и 3-й корпус. Потом ожидать от обстоятельств, что окажется нужным к дальнейшим действиям. 3-й корпус не требовал от остальной части южного округа никакого содействия в первоначальном действии, но чтобы потом одинаковые с ним об'явить чувства и намерения и завладеть войском.

Соображая сие предположение с силою южного округа, ясно видеть можно, что сие предположение никак не могло быть приведено в исполнение, ибо ни в каком отношении не обещало ни малейшего успеха. Оно доказывало некоторую нетерпимость, которая при сближении времени к исполнению назначенного необходимо уступила бы рассудку.

Сие предложение было еще сделано в 3-м корпусе в 1824 году. Я, Юшневский, Давыдов, князь Волконский и князь Барятинской сильно тогда спорили противу оного во время Киевских контрактов 1825 года и совершенно оное тогда опровергнули. Во второй половине 1825 года было оно опять возобновлено. А дабы лучше убедить в невозможности оное исполнить, уже и потому, что северный округ не будет в состоянии действовать таким образом, как сие предположение от него ожидало, дал я совет прежде всего обождать верных сведений о Петербурге. Князь Трубецкой ехал из Киева в Петербург и долженствовал привезти сии сведения; но прежде получения таковых был Союз открыт.

20.

План восстания 3-го корпуса в 1826 г. и схема действий Пестеля [1]).

Из вопросных пунктов.

В лагере 1825 года при Лещине происходило несколько совещаний, в которых предполагалось начать возмутительные действия арестованием генералов Толя и Рота, а потом покуситься на жизнь блаженной памяти государя императора в Таганроге и, наконец, решительно начать возмущение в мае 1826 при смотре корпусов, не откладывая оного ни под каким видом, в чем и дали друг другу клятву.

Из показаний же Сергея Муравьева, Бестужева и князя Барятинского видно, что вам известно было о сих совещаниях, и, как говорит из них последний, вы решились с Муравьевым непременно открыть действия общества в мае 1826 года.

Поясните: какие именно предполагались меры к начатию возмущения по взаимному соглашению вашему с Муравьевым?

Ответы Пестеля.

По окончании лагеря 3-го корпуса при Лещине, приезжал ко мне Бестужев-Рюмин и сообщил мне план Васильковской управы о начатии возмущения во время смотра 1826 года. Сей план был *ими* сделан и мне *сообщен*, а не по предварительному совещанию со мною изготовлен. Сему служит доказательством, что они друг другу дали слово не откладывать оного ни под каким видом, прежде нежели я имел сведение о сих намерениях и о происшедшем в лагере при Лещине, и что когда они перед лагерем имели намерение сие, то было оное на контрактах мною и прочими отвергнуто. Сие обстоятельство может также служить доказательством и тому, что мое влияние не так было сильно и неограниченно, как членами показывается. К тому же должен я прибавить, что о сем данном слове — не откладывать действия ни под каким видом — я теперь в первый раз слышу.

Сие намерение действовать в мае 1826 года — есть то самое Белоцерковское, неоднократно мною упоминаемое предположение, о котором я еще показывал в одном из первых пунктов ответов моих на вопросы 13 января, говоря, что Белоцерковское предположение, отвергнутое на контрактах 1825 года, во второй половине того же года возобновлено было, и описывая план оного. Главные его черты были: изведение государя императора во время смотра и шествие на Москву. Сие принимал 3-й корпус на себя. Потом совместно и современно: революция в Петербурге чрез

---

[1]) «Былое», 1906 г., IV, стр. 262—266.

Северное общество, коему предоставлялось назначение временного правления и, наконец, составление лагеря при Киеве чрез остальную часть Южного общества.

Из сего плана изволит комитет усмотреть, что главное начальное революционное действие Васильковская управа представляла себе чрез третий корпус, к которому долженствовали присоединиться все те прочие войска 1-й армии, которые к революции пристанут; что действие, по революционному значению второе, а по устройству временного правления — важнейшее, предоставлялось Петербургскому округу, а всем прочим членам и управам с директориею Южного края предоставлялось действие по 2 армии и Херсонским поселениям для составления при Киеве одного, так сказать, обсервационного пограничного и притом бездействующего корпуса...

Когда Бестужев-Рюмин сообщил о сем плане, то я ему ответствовал то, что всегда говорил, т.-е., что без Северного округа действовать нам нельзя; и потому надобно прежде окончательного решения знать положение Северного округа. Ежели они могут произвести революцию с успехом, то можно будет уже тогда приступить к окончательному приуготовлению средств к действию, и мы, по 2-й армии, усилив тогда всевозможно приобретение членов и умножение общества, будем содействовать сколько возможно. Но ежели в Петербурге они еще не довольно сильны для произведения революции, то и нам начинать нельзя.

Об'явление Бестужева в их уверенности в Семеновских солдатах, находящихся во всех почти полках 3 корпуса, представляло силы и надежды Васильковской управы в более положительном виде, нежели в прежних случаях бывало, но все-таки нельзя было действовать без Северного округа (показания 6 апреля, п. 30).

Из вопросных пунктов.

Комитету известно, что Южное общество, как и выше сказано, предполагавшее начать открытые свои действия в 1826 году, по получении известия о кончине блаженной памяти государя императора вдруг переменило план свой, а именно, оно вознамерилось арестовать главную квартиру 2-й армии, как скоро вступит туда в караул Вятский полк.

Вероятность сего предприятия подтверждается тем: а) после маневров 1824 года при Лорере и Поджио вы говорили Фохту и Майбороде: «Когда надобно будет арестовать главную квартиру, то уже вы, господа, с своими ротами должны действовать потому, что более других стоите». Майборода отвечал: «Постараемся»; а Фохт возразил, что солдаты не пойдут против своих начальников. Тогда вы продолжали: «Вы это лучше должны знать, как привязать к себе солдат; вы имеете все к тому способности».

б) Давыдов и князь Волконский свидетельствуют, что при неоднократных рассуждениях с вами о начатии возмущения

всегда признаваемо было необходимым арестование главной квартиры, а удобнейшим для того случаем признавалось то время, когда вступит туда в караул Вятский полк.

в) По словам тех же Волконского и Давыдова, вы, видевшись с ними в начале декабря 1825 года, говорили: первому, что может быть какое-нибудь смятение, по случаю наследия престола происшедшее, даст вам возможность начать действие по вступлении Вятского полка в караул с 1 января 1826 г., а последнему, что если Сергей Муравьев начнет (возмущение) с успехом, то и вы решитесь овладеть главной квартирой, для чего и просили его, Давыдова, сказать Янтальцеву, чтобы он, с ротою своею, присоединился там, куда от вас назначено будет.

г) Квартирмейстерской части подпоручику Заикину, приезжавшему к вам с известием о болезни покойного государя, вы сказывали, что действия начнутся может быть весною, или когда Вятский полк вступит в караул, а может быть и далее, смотря по обстоятельствам.

Об'ясните чистосердечно: какие именно сделаны были распоряжения к исполнению означенного предприятия и кто по оным должен был действовать кроме Янтальцева?

Ответы Пестеля.

Намерение арестовать главную квартиру не возникло в виде перемены плана действия по получении известия о кончине государя императора, но всегда входило, яко подробность, в общее предначертание революции, где бы оная ни началась, в Петербурге ли, или в другом ли каком-нибудь месте. Удобнейшим случаем не могло в общих суждениях признаваемо быть то именно время, когда Вятский полк вступит в караул: ибо никто не мог наперед знать, какой полк будет в карауле находиться в то время, когда надлежать будет действие начать, и назначение времени к начатию действия никогда не подчинялось и не могло никогда подчиняться тому соображению, какой полк будет в карауле находиться.

Об арестовании главной квартиры рассуждал я в 1824 году с Фохтом и прочими, при чем Фохт сказал, что надеется, что его рота за ним пойдет против всякого начальника, исключая кн. Волконского, к которому он старается при всяком случае роте своей привязанность вселить. При сем еще говорил я, что не надо роты решительно приготовлять к тому, прежде как не задолго до самого действия; ибо неосторожно бы было поступать иначе, а до того времени достаточно привязывать солдат лично к себе.

В начале декабря, когда виделся я с кн. Волконским и Давыдовым, тогда имели мы две причины рассуждать о могущей последовать необходимости к скорому начатию действия; во-первых, по случаю какого-нибудь смятения, а во-вторых, для собственной

обороны, ежели действительно общество откровенно будет и где-нибудь действие начнется; ибо мы продолжали опасаться открытия, особенно по словам Бошняка, который сообщил слышанное им от графа Витта, что правительству известно Белоцерковское предположение. Рассуждали мы также притом и о том, что ежели обстоятельства нас не вынудят начать действия, то мы будем продолжать истинно удобного времени дожидаться, дабы не иначе начинать, как вместе с Петербургом и при об'явлении чрез сенат нового правления. На сей конец и сказал я им, что надо спестись с Сергеем Муравьевым, дабы по случаю тогдашних обстоятельств он не начал бы неосторожно.

О действии же Вятского полка было говорено не потому, что подчиняли начатие действия прибытию полка, но потому, что ожидали в январе развязки критических тогдашних наших сомнений и недоумений и что Вятскому полку был назначен караул в Тульчине в сем же месяце; ибо ежели бы обстоятельства нас вынудили начать действия и мы бы успели начать, то надобно бы было уже действовать теми способами, коими бы овладеть могли. На сей конец долженствовал Янтальцев быть о том извещен, кн. Волконский — двинуться с теми войсками, которые он бы успел поднять, Давыдов — пристать к кн. Волконскому или, ежели Бошняк не обманывал, броситься в поселения, а Тульчинские члены — пристать к Вятскому полку. Сергей же Муравьев писал ко мне чрез Крюкова, что ежели общество открыто, то дал бы я ему знать о том, и они сейчас действия начнут.

Вот в каком смысле было рассуждаемо об арестовании главной квартиры и в каком я о том же говорил и Заикину. Леман и прочие члены действовали бы каждый в своем кругу и по своей возможности. Приехав назад в Линцы от кн. Волконского, не стал я однакоже никаких мер принимать по полку для помянутой цели, а чрез два дня и получили мы повеление присягать цесаревичу.

21.

Южное общество и провокация гр. Витта [1]).

В половине 1824 года [начальник южных военных поселений и командир 3-го кавалер. корпуса] граф Витт чрез избранного им агента-помещика, живущего близ Елизаветграда, Херсонской губернии, Бошняка, человека умного и ловкого и принявшего вид передового лица по политическим мнениям, взошел в сношения с тайным обществом. Витт, как хитрый человек, догадывался во многом о существовании этого общества, но открытием тайного общества, в видах предательства, хотел выслужиться пред государем и тем восстановить доверие государя к себе, колеблющееся, вследствие происков Аракчеева, который имел данные

[1]) Записки С. Г. Волконского, изд. 2-е, СПБ., 1902 г., стр. 423—424.

о его денежных злоупотреблениях в расходах по южному военному поселению, которого он был начальником. По внушениям Витта, Бошняк сблизился с офицером генерального штаба Лихаревым, молодым человеком пылким и неосторожным. Зная его постоянную и даже родственную связь с Василием Львовичем Давыдовым, он по чутью полагал или, лучше сказать, несомненно заключил, что он также принадлежит к тайному обществу. Лихарев попался в ловушку и, обвороженный принятой Бошняком личиной человека передовых убеждений, принял его в члены общества и представил его, как присообщенного к обществу, Давыдову, который также попался в эту ловушку. По прошествии малого времени, Бошняк об'явил Лихареву, что граф Витт разделяет наши убеждения и готов примкнуть к нашему обществу, присовокупив, что приобретение этого лица, начальствующего такой огромной силой военной, было бы весьма значительно для пользы тайного общества, но что он, как лицо, стоящее на первых ступенях служебных, не может гласно, даже между членами общества, быть известен таковым, а потому он, Бошняк, будет проводником сношений Витта с Южной думой. Как само собою разумеется, весть эта передана была в Южную думу Тульчинскую, и действия Лихарева были опорочены и Пестелем, и Юшневским, председателями оной, но положено было ими, что недоверие к Витту не надо явно выказывать, а как говорит французская пословица, и Бошняка, и Витта tenir le bec dans l'eau[2]); что же касается до принятия Витта в общество, то стараться отклонять его, не оказывая недоверия, но высказать, что к положительному, открытому действию не настало еще время, а когда оно решено будет, то, ценя в полной мере предложение Витта, его примут с неограниченною признательностью. Конечно, ни Витт, ни Бошняк не приняли этого ответа, переданного последнему Лихаревым, за чистые деньги, но как ловкие и хитрые люди, не показали недоверия, и Бошняк продолжал выведывать, что хотел и мог, от Лихарева.

22.

Провокация Шервуда и предательство кап. Майбороды.

(Донесение барона Дибича на высочайшее имя от 4 декабря 1825 года)[1]).

В прошедшее лето 3-го Бугского уланского полка унтер-офицер Шервуд в письме, на высочайшее имя и в собственные руки писанное, об'явил, что он имеет открыть важный секрет. Будучи

---

[1]) Держать на пустых обещаниях.

[2]) Печатается полностью, по тексту книги Н. К. Шильдера, «Император Александр I», т. IV, стр. 408—418. (То же в изд. «Николай I», т. I, стр. 236—280).

по высочайшему повелению, по распоряжению генерала графа Аракчеева, привезен в С.-Петербург в конце июля сего года, показал, что он узнал случайно, что в некоторых полках первой и второй армий существует секретное общество, которое от времени до времени увеличивается, и что оно имеет особенные связи в четвертом резервном кавалерийском корпусе, и что он уверен, что служащий в конно-егерском полку прапорщик Вадковский (выписанный за дерзкий разговор из кавалергардского полка) есть один из главнейших членов. По знакомству его с принадлежащими, по мнению его, к тому же обществу, живущими в Харькове, графами Яковом и Андреем Булгари, он надеялся быть введенным в сие общество и открыть секреты и членов оного.

Положено было дать ему отпуск на год, будто за то, что он привезен был в С.-Петербург по подозрению по делу поручика Сивиниса, в которое замешан был также граф Булгари, и что он себе выпросил в вознаграждение годовой отпуск, когда сие подозрение найдено было неосновательным. Он обещался уведомить графа Аракчеева, коль скоро найдет возможность к большему открытию, с тем, чтобы тогда был прислан надежный чиновник с полномочием для пособия ему.

От 20 сентября писал он письмо к графу Аракчееву из Карачева, в коем об'ясняет, что по приезде в Харьков был у графа Якова Булгари, у коего застал и племянника его графа Андрея, что он им об'явил о взятии его по подозрению по делу Сивиниса, что граф Яков Булгари жаловался, что он по тому делу не имеет ответа на три просьбы, на высочайшее имя поданные, но что на вопрос его, Шервуда, об обществе отозвался граф Булгари незнанием; напротив того, когда сей вышел из комнаты, то племянник граф Андрей Булгари спрашивал его, как идут дела сего общества, об'явил ему, что он знает чрез графа Николая Булгари, служащего в лейб-кирасирском ее величества полку поручиком, что прапорщик Вадковский в сем обществе.

Шервуд поехал прямо к Вадковскому в Курск. 9 сентября, в полночь, нашел его спящим на своей квартире, но, разбудив, об'явил о случившемся с ним, и что он выпросил себе годовой отпуск единственно, чтобы действовать в пользу известного ему общества. Вадковский вскочил с постели, обнимал его и спросил, сколько он имеет членов; на сие об'явил ему Шервуд: два генерала и 47 штаб- и обер-офицеров. Вадковский обрадовался сей лжи, просил при вторичном приезде в Курск привезти список, каких именно они полков и сколько именно принято по поселению, считая сие весьма важным, хвастал, что предприятие их идет сверх чаяния хорошо, что из корпуса генерал-ад'ютанта Бороздина есть две значительные особы и довольное число прочих, принадлежащих их обществу, и что он почитает только труднейшим в их предприятии истребить вдруг всю августейшую царскую фамилию, что, впрочем, надеется также в сем на содействие поляков столько же хорошо, как собственно на своих.

Шервуд, после всех сих ужасных об'яснений Вадковского, человека, которого он прежде вовсе не знал, обещался ему доставить список, который Вадковский обще с своим хотел в половине ноября доставить чрез поручика графа Николая Булгари в С.-Петербург. Посему просил Шервуд, в вышеупомянутом письме к графу Аракчееву, послать к нему в половине ноября надежного чиновника в Харьков, который, по об'яснению с ним, мог бы перехватить Булгари с бумагами. Его величество, вручив мне сие письмо по дороге в Новочеркасск, изволили выбрать для сего назначения лейб-гвардии казачьего полка полковника Николаева с тем, чтобы ни ему, ни кому другому не об'явить до возвращения из Крыма.

Между тем приехал, по высочайшему соизволению, в Таганрог 18 октября генерал-лейтенант Витт и об'явил равномерно, что существует таковое общество, которое значительно увеличилось в обеих армиях и старалось, но тщетно, помощью генерал-майора Михаила Орлова и сыновей генерала Раевского, заразить и Черноморской флот, что бывают часто подобные собрания фамилии Давыдовых, кои все заражены сим духом, и что из числа деятельнейших членов об'явлены ему гвардейского генерального штаба капитан Муравьев, гвардейский офицер Бестужев, служивший прежде во флоте, некто Рылеев (вероятно, секундант покойного поручика Чернова на дуэли с флитель-ад'ютантом Новосильцовым), что 18-я пехотная дивизия в особенности заражена сим духом, и что в оной играет главную роль командир Вятского пехотного полка полковник Пестель, что ад'ютант графа Витгенштейна Крюков и генерал-лейтенанта Рудзевича Шишков — также члены, и что наконец один из главных членов — подпоручик квартирмейстерской части Лихарев, который недавно женился на дочери сенатора Бороздина. Все сии известия даны графу Витту одним членом, и по недовольной еще основательности оных надеялся он получить вернейшие на киевских контрактах, ибо давал им надежду склониться на их сторону по неприятностям, имевшимся между им, Виттом, и графом Аракчеевым. Граф Витт при сем прибавил, что он надеется, что можно получить также сведение от гвардейского генерального штаба штабс-капитана Корниловича, принадлежавшего сему обществу, но раскаявшегося, увидя бездну ужасную, в которую оно может ввести; равномерно доставил граф Витт письмо от неизвестного, который, об'являя об обществе и огромности оного, остерегает его о личной его опасности тем, что заговорщики хотели его сделать одною из первейших жертв замыслов своих.

Его императорское величество приказал графу Витту продолжать открытия свои и изволил отправиться в Крым; радостный прием всех чинов 20-й пехотной дивизии, совершенно по духу, издревле свойственному российскому воинству, и уверения генерал-лейтенанта Рудзевича в таковом же духе вверенных ему войск, хотя и успокоили его величество на счет общего распространения подобного зла, но не менее того изволил приказать мне еще 10 ноября отправить полковника Николаева по прежнему пред-

положению в Харьков, дабы он, по указанию унтер-офицера Шервуда, схватил вышеупомянутые бумаги, посланные прапорщиком Вадковским чрез поручика графа Николая Булгари в С.-Петербург, принимая притом в соображение советы и об'яснения Шервуда с должною осторожностью.

18 ноября полковник Николаев увидел в предназначенном в письме Шервуда трактире сего унтер-офицера и, призвав его к себе, получил от него об'яснение, которое Шервуд повторил письменно ко мне, и главное содержание коего следующее: после некоторого пребывания Шервуда в Орле и окружности до 26-го октября (он не об'ясняет с какого числа) и во время которого хотя и был два раза у генерал-ад'ютанта Бороздина, но, как он говорит, по краткости времени, ничего касающегося до общества открыть не мог, поехал он, Шервуд, в Курск, где застал прапорщика Вадковского, возвратившегося от поездки к ротмистру кавалергардского полка графу Захару Чернышеву, в 80-ти верстах от Курска.

Вадковский принял его с восхищением, рассказал ему об успехе их дела, что он получил из С.-Петербурга известие, что 10 офицеров гвардии приняты в их общество. Он жаловался на ветренность поручика графа Николая Булгари, который с графами Спиро и Андреем Булгари поехали в Одессу, и через то промедлит доставлением списка в С.-Петербург и особливо требованием от главных членов общества заведения секретной типографии для напечатания сочинений в их духе и присылки трех экземпляров их конституции, из коих один хотел дать Шервуду.

Шервуд предлагал себя для посылки в С.-Петербург, но Вадковский отклонил сие, сказав, что поручик граф Булгари уже на сие определен и имеет для сего подорожную во всю империю. Шервуд ему дал список мнимых членов, завербованных им будто в поселении, и разные замечания о способности их. Вадковский спрятал оный в скрипичный футляр, где еще хранятся другие бумаги, с тем, что человек Вадковского может их сжечь, когда предстоит в том надобность.

Дивизионный начальник 1-й конно-егерской дивизии, генерал-майор Засс, оставил Вадковского в Курске в караульных эскадронах еще на другую очередь. Шервуд был у него в гостях в карауле, куда приходил Северского конно-егерского полка майор Гофман, от которого Шервуд услышал весьма неприличные разговоры на счет правительства. Вадковский сказал ему после: вот уже приготовлен, при первом свидании будет принят в общество. Шервуд писал из Курска к графу Андрею Булгари, чтобы поручик граф Николай Булгари воротился скорее. Сие письмо повезет в Одессу ротмистр кавалергардский граф Чернышев, который ожидает из главной квартиры 1-й армии отпуск, будучи предварительно отпущен в Курск.

Вадковский рассказывал Шервуду следующее.

В обществе состоят: кавалергардского полка ротмистр граф Захар Чернышев, действующее лицо в С.-Петербурге, того же пол-

ка Свистунов (вероятно, корнет, выпущенный из камер-пажей), лейб-гвардии Конного полка офицер Бураков, недавно женившийся на фрейлине Ушаковой, принят в общество Вадковским, равно как юнкер Скарятин, приехавший из Киева (неизвестно которого полка), который об'явил, что он недавно к сему приуготовлен был своим учителем. Граф Бобринский (Шервуду неизвестно который) пожертвовал 10000 рублей на заведение секретной типографии. Полковник Павел Пестель, бывший ад'ютант графа Витгенштейна (командир Вятского пехотного полка), ни Вадковскому, ни Шервуду неизвестно, где он квартирует и каким именно полком командует, почему Вадковский просил Шервуда узнать вернее о сем, и Шервуд просил о том уведомления от знакомого ему ад'ютанта генерал-лейтенанта Рудзевича, капитана Шишкова, и состоящего по особым поручениям у генерал-ад'ютанта Киселева маиора Пущина. Наконец, считает в числе членов генерал-интенданта второй армии Юшневского.

Шервуд получил все сии известия от Вадковского, обещав заехать к нему, когда поедет в Москву и С.-Петербург, в начале декабря.

В доказательство связей своих представил два собственноручных письма Вадковского, которые по двусмысленности своей довольно ясно доказывают непозволительные их связи. Шервуд полагал во время вторичного своего свидания с Вадковским, в начале декабря, уговорить его препоручить ему отвезть список членов, если не приедет Булгари.

По получении сих известий, по важности скорейшего открытия столь ужасного зла, в особенности в нынешних обстоятельствах, коим, вероятно, зломышлящие желают воспользоваться для распространения оного, приказал я полковнику Николаеву, если он в том надеется иметь успех, отправиться с Шервудом или вслед за оным в Курск, под видом отпуска, и, притворясь, вступить чрез Шервуда в их общество, стараться выманить секреты Вадковского и лично удостовериться в оных. Буде же успеет в сем, смотря по обстоятельствам, или арестовать Вадковского и бумаги его и сообщников, буде есть таковые, или же меня заранее уведомить для принятия должных мер.

Я получил рапорт полковника Николаева, что он отправился 26 ноября в Курск для исполнения сего.

В ожидании дальнейших последствий, получил я 1 декабря с прибывшим сюда, в Таганрог, ад'ютантом генерал-лейтенанта Рота, поручиком гусарского принца Оранского полка графом Штейнбоком, от сего генерала рапорт и письмо, писанное рукою начальника корпусного штаба генерал-майора князя Горчакова, и при них письмо Вятского пехотного полка капитана Майбороды на высочайшее имя.

Капитан Майборода говорит в письме сем, что, подозревая давно полкового своего командира, полковника Пестеля, в незаконных связях к нарушению общего спокойствия, дабы лучше

о том узнать, поддавался притворно и тем открыл, что в России существует уже более 10 лет и более и более увеличивается общество либералов, корень которого в России и в некоторых прилежащих местах ему, Майбороде, известны. Сие общество даже знало предварительно, когда в начале сего года послан был в Харьков генерал-майор Шеншин для захвачения бумаг графа Булгари. Он просит послать доверенную особу в квартиру роты его, липовецкого повета, в село Балабановку, которой откроет он, где сохраняются бумаги сего общества и приготовленные уже какие-то законы под именем Русской Правды, сочинением коих занимаются генерал-интендант Юшневский, полковник Пестель и в С.-Петербурге гвардейского генерального штаба (капитан) Никита Муравьев. (Я при сем должен прибавить, что граф Витт мне сказал, что он имеет подозрение на генерал-интенданта первой армии Пирогова. Шервуд же и Майборода говорят про генерал-интенданта второй армии Юшневского и не упоминают о Пирогове.)

В том же письме просит Майборода представиться лично государю императору с тем, чтобы препоручено было доверенной особе привезть его сюда. Он считает жизнь свою в опасности и посему, не решаясь открыться своему высшему начальству, и просит перевода из второй армии, куда угодно будет. В случае же, что теперь увидит себе опасность, намерен спастись к генерал-лейтенанту Роту.

Генерал Рот в письме своем ко мне прибавляет, что Майборода, явясь к нему в Житомир, об'явил ему еще лично при просьбе о доставлении открытого упомянутого письма, что общество, о котором он говорит, было составлено под именем общества просвещения, что впоследствии многие от него отклонились, между прочим, командиры полков Украинского пехотного полка Бурцов и Казанского полковник Аврамов, также квартирмейстерской части полковник Комаров, и что они верно не отказались бы в открытии дальнейших сведений, особливо Комаров (который находится ныне при 5-м пехотном корпусе и в временном отпуску). Сверх сего об'явил Майборода, что денщик полковника Пестеля Савенко, ему совершенно преданный, знает много подробностей и где важнейшие бумаги, кои хранятся частью в двух зеленых портфелях. Майборода уехал обратно в свой полк и надеется, что скроет поездку свою в Житомир.

По важности сих показаний и согласности их с трех разных мест и в разные времена, казалось необходимым приступить к решительным мерам по отсутствию вашего императорского величества, я полагаю, буде не получу другого приказания завтрашний день, в который ожидаю фельд'егеря из С.-Петербурга, отправить генерал-ад'ютанта Чернышева прямо в Тульчин, где он, откроясь одному главнокомандующему, приступит к должным мерам для арестования полковника Пестеля и показанных бумаг. Я уведомляю равно главнокомандующего первой армии о принятых против прапорщика Вадковского мерах, и что они казались тем необ-

ходимыми, что, по получении известия, сие зло распространено не только по второй армии, но и по первой, особливо по 4-му резервному кавалерийскому корпусу.

Что же касается до чинов гвардейского корпуса, замешанных по показаниям, в сем докладе об'ясненным, то обстоятельство сие передаю на благоусмотрение вашего императорского величества.

23.

Тульчинская организация накануне разгрома [1]).

Вечером приехали два офицера генерального штаба из Тульчина:. Крюков и Черкасский с известием, что туда приехал Чернышев... [2]). Накануне у нас евреи рассказывали, что государь будто-бы скончался в Таганроге. Никто этому не верил, но чувствовал всякий, что должно что-нибудь происходить необыкновенное, ибо не проходило дня, чтобы три-четыре фельд'егеря не проскакали в Варшаву и обратно... Пестель через одного офицера успел, однако, чуть ли не от шестого курьера узнать о действительно последовавшей кончине государя... К тому же нечаянный приезд Чернышева, грустное, озабоченное лицо Киселева и вся тайна, которой мы были окружены, озабочивала нас не мало. После долгого вечернего совещания, что предпринять, на что решиться в случае открытия общества, положили Русскую Правду припрятать подальше, закопав в землю, а для сего уложили ее в крепкий ящик, запечатали, забили гвоздями и отдали на руки Крюкову и Черкасскому, чтобы при первом удобном случае исполнить над ней эти похороны на Тульчинском кладбище. Всю ночь мы жгли письма и бумаги Пестеля. Возвратившись к себе, я занялся и у себя тем же, и для верности сжег все, что у меня было писанного. Хранители «Русской Правды» уехали, а мы стали ждать развязки...

Пришло повеление 2-й армии присягнуть на верность службы цесаревичу Константину Павловичу, что и было исполнено по команде. Как теперь вижу Пестеля, мрачного, серьезного, со сложенными перстами поднятой руки... В этот день все после присяги обедали у Пестеля, и обед прошел грустно, молчаливо... Да и было отчего... На нас тяготела страшная неизвестность... Вечером, по обыкновению, мы остались одни и сидели в кабинете, в зале не было огня... Вдруг вовсе неожиданно на пороге темной комнаты обрисовалась фигура военного штаб-офицера, который подал Пестелю небольшую записочку, карандашом написанную: «La sociètè esf dècou-

---

[1]) Записки Н. И. Лорера, «Рус. Богат.», 1904 г., III, стр. 79—80.

[2]) Дежурный генерал главного штаба, отправленный 5 декабря из Таганрога в Тульчин для производства дознания и арестов по доносам Шервуда и Майбороды. *Ред.*

verte! Si un seul membre sera pris, je commence l'affaire! *) С. Муравьев-Апостол. Стало быть, дело наше начинало разыгрываться. Легко себе представить, как мы провели эту ночь.

24.

Последние планы вооруженного выступления [1]).

1. Замысел Пестеля.

Поручик Крюков 2-й показывает:

1) Что по кончине блаженной памяти государя императора вы известили Тульчинскую управу, что возмутительные действия начнутся со вступлением Вятского полка в главную квартиру 1 января 1826 года, и что прежде еще сего чрез Заикина вы известили управу, что при начатии возмутительных действий не выпускать из главной квартиры главнокомандующего и начальника штаба, во что бы то ни стало.

2) Что он, Крюков, привез вам из Василькова от Муравьевых три письма и две бумаги, из коих в одной извещалось о принятии новых членов и духе солдат, а в другой советовалось подать начальнику мнение об исправлении артиллерийских снарядов; письмо, коих часть прочли вы тогда вслух при нем и при майоре Лорере, заключали в себе почти все то же, что он пересказал изустно.

3) Из мест. Линец возвратился он в Тульчин с духовым ружьем, полученным от вас, которое намеревался употребить, в случае нужды, при открытии возмутительных действий.

Ответы Пестеля от 20 апреля 1826 г.

Показание Крюкова 2-го о начатии возмутительных действий в 1826 году, по получении известия о кончине блаженной памяти государя императора, есть тот самый предмет, о котором я имел честь комитету доносить в ответах на вопросы от 1 апреля, касательно предположения арестовать главную квартиру. Опасение, что общество наше правительством открыто, и возможность, что по случаю кончины государя императора окажутся где-нибудь смятения, заставляли рассуждать о могущей встретиться необходимости для нас начать также с своей стороны возмутительные действия. В сем смысле говорил я в Умани с князем Волконским и Давыдовым, а в Линцах с Крюковым 2-м и с Заикиным. Об арестовании же главнокомандующего и начальника главного штаба, дабы они не собрали противного войска, или о невыпуске их из Тульчина

---

[1]) «Общество открыто. Если хоть один член будет взят, я начинаю дело!»

[2]) «Былое», 1906 г., кн. IV, стр. 272—275.

для той же цели действительно я говорил тому и другому, как Крюков показывает, но прибавлю к сему, что сие намерение было не решительное предположение непременно действие начать, но было предложение условное: ежели обстоятельства, как выше сказано, нас к начатию возмущения вынудят. Сверх сего, на таковой случай не было сделано мною никаких распоряжений, кроме того, что сказано в ответах на вопросах от 1 апреля о свидании моем с князем Волконским и Давыдовым. По полку же не было мною никаких мер предпринято, и в скорости получили приказание присягать цесаревичу.

О письмах, привезенных Крюковым 2-м из Василькова, и о двух при них бумагах имел я честь комитету донести, также в ответах на вопросы от 1 апреля. Одно письмо было от Бестужева-Рюмина, другое от Сергея Муравьева, а третье от Матвея Муравьева. Они все трое писали ответ на сообщенное чрез Крюкова опасение об открытии общества и из'ясняли, что готовы действия начать, если общество открыто. Бестужев, сверх того, писал, что будет ко мне перед контрактами. Сергей Муравьев писал, что им только две недели нужны, дабы значительные силы собрать. Матвей Муравьев в том же смысле отзывался Крюков говорил, что ежели судить по словам Бестужева и Муравьевых, то они должны быть очень сильны. То, что я вслух не читал, содержало одни обыкновенные приветствия и из'яснения в дружбе. Обе приложенные бумаги были доставлены к Бестужеву двумя артиллерийскими офицерами из числа Соединенных Славян, коих имена я поистине не знаю. О них в сказанных, прежних ответах также мною об'яснено.

Духовое ружье было мною дано Крюкову по его желанию, для употребления оного по обстоятельствам, а сверх того и насчет следующего случая. Ежели бы действительно мы нашлись в готовности и в необходимости начать возмутительные действия, то я полагал нужным освободить из-под ареста майора Раевского, находившегося тогда в Тирасполе, в корпусной квартире генерала Сабанеева. Сие освобождение зависело бы от обстоятельств на счет приведения оного в действие и в случае какой-нибудь надобности скрыть оружие, предполагалось оно к употреблению, точного же и определительного предназначения ему не делалось. Мне сие духовое ружье привез, по моему желанию, Майборода из Тулы.

К сему прошу позволение прибавить, что когда от разговора с другими членами, — как то и в сем случае с Крюковым, особенно после возвращения его из Василькова, — мне живо представлялась опасность наша и необходимость действовать, тогда, воспламенясь, и оказывал я готовность при необходимости обстоятельств начать возмущение и в сем смысле говорил. Но после того, обдумывая хладнокровнее, решался я лучше собою жертвовать, нежели междоусобие начать, как то и сделал, когда в главную квартиру вызван был. А посему и не предпринимал никаких действий к приготовлению по полку. Сие есть совершеннейшая истина.

2. Проект А. В. Поджио [1]).

21-го числа декабря приехал я к генералу Давыдову на званой обед. Здесь находились Давыдов, Лихарев и Янтальцев. Давыдов первый об'явил мне о приезде Волконского с известием об арестовании Пестеля, Юшневского, Крюкова и сослании кн. Барятинского под арестом к генералу от инфантерии Сабанееву. Час спустя прибыл туда и Янтальцев, которого Волконский застал в Болтышке. Сей подтвердил выше сказанное Давыдовым, с добавлением, что Общество все открыто с именованием 80-ти членов оного; сказал также, что Волконскому не велено было ни с кем сноситься, а особенно с Давыдовым, и что при свидании его с Пестелем у генерала Байкова, он ему сказал: «узнай, где «Русская Правда», и не теряйте духу». Кн. Волконский с'ездил к Юшневскому, который об'явил ему, что Русская Правда сожжена свитскими офицерами. Кн. Волконской предостерегал нас не хранить бумаг, до общества касающихся, говоря, что при арестовании членов разыскивают также и бумаги их. Вместе с сим беспокоясь о Муравьеве, Янтальцев и Давыдов предложили, в особенности первый, мне ехать к нему и предупредить его во всем, что я им и обещал. Здесь все разговоры клонились о неизбежной нашей гибели и сожалении нашем о Пестеле. Янтальцев особенно жалел Юшневского.

После обеда сейчас все раз'ехались всякий к себе для сожжения бумаг иных; важных ни у кого не было, сие я знаю. Приехав домой и вспомнив обещание мое ехать к Муравьеву, я хотел иметь достоверенное решение о намерении Южной управы. В сем намерении писал я письмо к кн. Волконскому, где, говоря ему, что гибель наша неизбежна при открытии Общества, посягнувши на такую цель, что казни ожидают всех, и что милосердия не ожидать, когда в такое время гонения начались. Убеждал его, с средствами им имеющими, спасти Пестеля, говоря ему сии слова: «c'est à vous à nous rassembler et marquer à chacun de nous les devoirs à remplir anvers leurs amis, faites le vôtre, je ferai le mien». Вот именно слова, коими я кончал письмо, и я более ему ничего не обещал.

22-го числа прочел я сие письмо брату моему, который убеждал меня оставить это, но я с письмом отправился к Янтальцеву. Здесь я ему говорил, что, дав обещание ехать к Муравьеву, я должен знать по крайней мере, на чем решатся здешние члены, и для того кн. Волконский должен мне на сие дать верный ответ: «Ответ известный, — сказал мне Янтальцев, — как вы к князю сие пишете, вы знаете его, он действовать не будет!». На сие я ему сказал: «уверен более вас в том, но хочу иметь верный ответ, чтобы Муравьев не покусился на какое-нибудь восстание в надежде на Волконского содействие и прочих». Я Янтальцеву прочел письмо, также и записку особенную, в которой заключил предприятие в случае действия Южной управы, мне Пестелем об'явлен-

[1]) Довнар-Запольский, «Мемуары декабристов», стр. 215—217.

ное еще в 24-м году в бытность мою у него, то-есть, двинуться с успевшими к тому склонить полками 19-й пехотной дивизии, полагая присутствие кн. Волконского, мое и капитана Фохта достаточным к склонению полков 1-й бригады и что за ней последуют и другие — соединить с стоящим смежно Вятским полком и, сделав нападение на Тульчин, арестовать главные лица главной квартиры 2-й армии. Я говорил Янтальцеву, чтобы он сие напомнил князю, которому верно Пестель сие сообщил, и добавил, чтобы именно Фохт соединился с Майбородой и шли бы к Тульчину, и что для сего нужен был кн. Барятинский, которому и препоручить дело избавления Пестеля, хотя его там не было, хотя и Майборода, как говорил Пестель Давыдову, уже не обещал содействия никакого, ибо полагал его ему изменившим; но я, по несчастию общему для всех, в предприятиях наших всегда отвергал препятствия, самые неодолимые.

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ.

СЕВЕРНОЕ ОБЩЕСТВО (1821—1825 г.г.).

Северное общество.

После закрытия Союза Благоденствия в 1821 году на с'езде в Москве, Н. И. Тургенев, возвратившись в Петербург, об'явил решение с'езда, но в то же время обратился к некоторым членам Союза с предложением возобновить его деятельность. Попытка эта не увенчалась удачей, так как гвардия, по приказанию Александра I, выступила в поход в западные губернии. Связь между членами тайного общества нарушилась, и деятельность его поневоле на некоторое время прекратилась. Но отдельные члены общества не оставляли работ в его духе. Н. Муравьев, именно во время похода, начал писать свою конституцию.

Неприемлемость вдохновлявших «южан» принципов «Русской Правды» даже для передового слоя среднего дворянства обозначилась в самом начале деятельности тайных организаций, сменивших «Союз Благоденствия», и проект конституции Никиты Муравьева был наиболее определенным выражением классовой сущности оппозиции Пестелю на севере. Не останавливаясь более подробно на деятельности Северного общества — приводимые ниже материалы дают достаточно данных для ее освещения [1]) — мы лишь отметим, что Муравьевская схема будущего социального и политического строя в общем отвечала реальным потребностям помещичьего хозяйства и одинаково импонировала и среднему землевладельцу и городскому буржуа отсутствием разрыва с мо-

---

[1]) О Северном обществе см.: М. В. Довнар-Запольский, «Тайное общество декабристов», М., 1906, стр. 193—298; К. Н. Левин и М. Н. Покровский, «История России в XIX в.. Изд. Т-ва бр. А. и И. Гранат, 1907 г. стр. 98—119; В. И. Семевский, «Политич. и обществ. идеи декабристов», П., 1909, стр. 447—499; М. Н. Покровский, «Русская история», М., 1914, т. IV, стр. 297—304; Н. А. Рожков, «Русская история в срав. истор. освещ.», т. X, П., 1924, стр. 137—147; М. Н. Покровский, «Декабристы» («Зап. Коммун. унив. им. Свердлова», т. I. М., 1922).

нархической традицией, цензовой системой и, наконец, самым решением крестьянского вопроса.

Отменяя крепостное право, как юридический институт, и провозглашая равенство всех граждан перед законом, проект Муравьева в своей начальной редакции ограничивался предоставлением освобожденному крестьянину лишь двора и усадьбы, а в окончательной — предоставлял ему еще «по две десятины земли на каждый двор для оседлости». Батрак с ничтожным наделом — вот аграрный идеал руководителей Северного общества. Их программа полупролетаризации крестьянства, как доказывает М. Н. Покровский, вполне укладывалась в плоскость политических построений промышленного капитала. Члены Северного общества несомненно стремились установить связи с буржуазными кругами обеих столиц и должны были находить в этих кругах определенный сочувственный отклик. Уже летом 1821 года донесения агентов тайной полиции отмечают рост оппозиционных настроений в петербургском купечестве. «Громкий ропот доносится с биржи, с Гостиного Двора, — свидетельствует рапорт на имя министра внутренних дел В. П. Кочубея, — все, кто занимается торговлей, исключая некоторых барышников, находящихся под покровительством, негодуют на таможенные законы и, еще более, на способ проведения их. Никогда еще не было таких стеснений в торговле». Как передает гостинодворские толки другой агент, там утверждают: «на что нужен государь, который совершенно не любит своего народа, который только путешествует и тратит огромные суммы. Когда же он дома, то постоянно тешит себя парадами. Все знают, что уже давно в судах совершаются вопиющие несправедливости, дела выигрывают те, кто больше заплатит, а государь не обращает на это внимания. Нужно, чтобы он лучше оплачивал труд состоящих на государственной службе и поменее раз'езжал. Только конституция может исправить все это, и нужно надеяться, что бог скоро дарует нам ее...». Через Штейнгеля, имевшего связи с московскими и сибирскими купцами, Рылеев надеялся вовлечь в тайное общество некоторых из московских буржуа. В Петербурге связи членов тайного общества с буржуазией были очевидно более осязательны. Связующим звеном здесь прежде всего был сам Рылеев, служивший секретарем в Российско-Американской Компании, и Г. С. Батенков, выражавший даже желание сделаться купцом, чтобы стать градским главою и возвысить это звание в достоинство «лорд-майора». Известия о радикальных настроениях,

царивших на банкетах, устроенных один — 12 декабря 1825 г. директором Российско-Американской Компании Прокофьевым, другой — 13 декабря купцом Сапожниковым, не оставляют сомнений в активном сочувствии петербургской буржуазии делу Северного тайного общества.

1.

Первоначальная организация Северного общества.

1. Из донесения Следственной Комиссии [1]).

... Титулярный советник Семенов показывает, что Николай Тургенев, возвратясь из Москвы в 1821 году, начинал из некоторых членов уничтоженного Союза составлять новое Тайное Общество; в оное приглашал прежних, князя Оболенского, полковника Нарышкина, и его, Семенова, да принял полковника Митькова, Якова Толстого и Миклашевского. Вскоре потом гвардия выступила в поход, и действия общества прекратились, Семенов не знает, имело ли оно устав; он прибавляет, что ни Тургенев, ни другие члены сего общества не обнаруживали при нем злодейственных намерений против императорской фамилии.

2. Из показаний Никиты Муравьева [2]).

Я доносил уже, что не полагал *окончательным* постановление, сделанное на квартире полковника Глинки [3]) поелику вслед за оным Союз Благоденствия разрушился и до конца 1822 года Общество в Петербурге находилось без правления и в совершенном бездействии; в конце сего года кн. Трубецкой, кн. Оболенский и я составили Думу. Первые два ничего не знали об оном, а я в продолжение 1821 и 1822 года удостоверился в выгодах монархического представительного правления и в том, что введение оного обещает обществу наиболее надежд к успеху. Новая дума, будучи единодушна в сем мнении, не могла быть связана решением уничтожившегося правления, и голоса выбывших членов, кн. Долгорукова, гр. Толстого и Глинки, не имели уже никакого значения. Я сообщил моим сочленам в думе, что у Пестеля принята всеми республика, что я видел осенью 1820 года в Тульчине. Я говорил им, что явное противоречие Пестелю произведет отторжение от нас Южного общества, но что нам должно успокоить Пестеля уверением, что представительные понятия

---

[1]) «Донесение Следственной Комиссии» в изд. «Государственные преступления в России в XIX в.». Сборник сост. под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). СПБ., 1906, стр. 22.

[2]) «Восстание декабристов». Материалы, т. I. Изд. Центрархива. М., 1925, стр. 323.

[3]) Речь идет о принятии Союзом Благоденствия республики. *Ред.*

служат нам одною завесою. Что по окончании конституции должно оную распространять как можно более и даже давать читать посторонним, дабы посредством усилившегося в ее пользу мнения увлечь и Южное общество.

Истину сего показания подтвердят, без сомнения, кн. Трубецкой и кн. Оболенский. Вследствие сего, видя согласие моих сочленов на мое предложение, я сжег «*Правду Русскую*» Пестеля, лишь только я получил оную, яко несообразную с нашими целями.

2.

Проект конституции Никиты Муравьева.

До нас дошли две редакции этого проекта и, кроме того, изложение его, сделанное Н. М. Муравьевым в Петропавловской крепости по предложению следственной комиссии. Первоначальная редакция, найденная при обыске в бумагах князя С. П. Трубецкого, не законченная, заключает 93 статьи и ряд заметок о продолжении проекта. На полях этой рукописи много замечаний и возражений, сделанных, вероятно, Трубецким. Вообще из показаний и мемуаров декабристов видно, что проект Муравьева обсуждался не только в среде членов Северного Общества, но и Южного. Позже проект Н. М. Муравьевым был переработан, и в этой новой редакции сохранился в бумагах Пущина. Он заключает в себе уже 134 статьи. Но и эта редакция не является еще очевидно окончательной. В нашем тексте, который мы даем именно во второй редакции, мы не можем привести проект конституции Н. М. Муравьева полностью. Чтобы дать понятие об его содержании в целом, перечисляем здесь названия глав: 1) о народе русском и правлении, 2) о гражданах, 3) о состояниях, личных правах и обязанностях русских, 4) о России, 5) о внутреннем устройстве, уездном или поветовом, 6) о народном вече, 7) о палате представителей, о числе и выборе представителей, 8) о Думе Верховной, 9) о власти и преимуществах народного вече и о составлении законов, 10) о верховной исполнительной власти, 11) о внутренних властях и правительствах держав, 12) о правительствующей власти держав и 13) об исполнительной власти держав. Основным источником Н. М. Муравьеву послужила конституция Северо-Американских Соединенных Штатов; оттуда было им заимствовано и предположение о федеративном устройстве России.

Проект конституции Никиты Муравьева [1]).

Вступление.

Опыт всех народов и всех времен доказал, что власть самодержавная равно гибельна для правителей и для обществ: что она не согласна ни с правилами святой веры нашей, ни с началами здравого рассудка. Нельзя допустить основанием правительства — произвол одного человека — невозможно согласиться, чтобы все права находились на одной стороне, а все обязанности на другой. Слепое повиновение может быть основано только на страхе и не достойно ни разумного повелителя, ни разумных исполнителей. Ставя себя выше законов, государи забыли, что они в таком случае вне законов, — вне человечества! — Что невозможно им ссылаться на законы, когда дело идет о других; и не признавать их бытие, когда дело идет о них самих. Одно из двух: или они справедливы — тогда к чему же не хотят и сами подчиняться оным: или они несправедливы — тогда зачем хотят они подчинять им других. Все народы европейские достигают законов и свободы. Более всех их народ русской заслуживает то и другое.

Но какой образ правления ему приличен? Народы малочисленные бывают обыкновенно добычею соседей — и не пользуются независимостию. Народы многочисленные пользуются внешнею независимостию — но обыкновенно страждут от внутреннего утеснения и бывают в руках деспота орудием притеснения и гибели соседних народов. Обширность земель, многочисленное войско, препятствуют одним быть свободным; те, которые не имеют сих неудобств — страждут от своего бессилия. Федеральное или Союзное Правление одно разрешило сию задачу, удовлетворило всем условиям и согласило величие народа и свободу граждан.

Под надзором государя одно законодательное собрание находится в столице, и делает все распоряжения общие, для всего государства — частные распоряжения, касающиеся до областей — предоставлены областным законодательным собраниям, образованным наподобие столичного, и таким образом доставляется благосостояние целого и частей.

Глава I.

О народе Русском и Правлении.

1. Русский народ, свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства.

---

[1]) В. Е. Якушкин, «Государственная власть и проекты государственной реформы в России», СПБ., 1906 г., стр. 131 — 160. «Вступление», отсутствующее во второй редакции, дается нами по изд. Центрархива, «Восстание декабристов». Материалы, т. I., стр. 109. М., 1925 г.

2. Источник верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать основные постановления для самого себя.

Глава II.

О гражданах.

3. Гражданство есть право, в определенном в сем уставе порядке, участвовать в общественном управлении: посредственно, т.-е. выбором чиновников или избирателей, непосредственно, т.-е. быть самому избираемым в какое-либо общественное звание по законодательной, исполнительной или судебной власти.

4. Граждане суть те жители Российской империи, которые пользуются правами выше определенными.

5. Чтобы быть гражданином, необходимы следующие условия:

1) Не менее 21 года возраста.
2) Известное и постоянное местожительство.
3) Здравие ума.
4) Личная независимость.
5) Исправность платежа общественных повинностей.
6) Непорочность перед лицом закона.

6. Иностранец, не родившийся в России, но жительствующий 7 лет сряду в оной, имеет право просить себе гражданства Российского у судебной власти, отказавшись наперед клятвенно от правительства, под властью которого прежде находился.

7. Иностранец, не получивши гражданства, не может исполнять никакой общественной или военной должности в России, не имеет права служить рядовым в войске Российском и не может приобрести земель.

8. Через 20 лет по приведении в исполнение сего устава Российской империи никто не обучившийся русской грамоте не может быть признан гражданином.

9. Права гражданства теряются —

на время:

1) Судебным об'явлением о расслаблении ума.
2) Нахождением под судом.
3) Судебным определением о временном лишении прав.
4) Об'явленным банкротством.
5) Общественною недоимкою.
6) Нахождением в услужении при ком-либо.
7) Неизвестностью местопребывания, занятий и средств к пропитанию.

Навсегда:

1) вступлением в подданство иностранного государства.
2) Принятием службы или должности в чужой земле без согласия своего правительства.
3) Приговором суда бесчестному наказанию, влекущему за собой лишение гражданских прав.

4) Если гражданин без согласия веча примет подарок, пенсию, знак отличия, титло или звание почетное, или приносящее прибыль от иностранного правления, государя или народа.

Глава III.

О состоянии, личных правах и обязанностях Русских.

10. Все Русские равны перед законом.

11. Русскими почитаются все коренные жители России и дети иностранцев, родившихся в России, достигшие совершеннолетия, доколе они не об'явят, что не хотят пользоваться сим преимуществом.

12. Каждый обязан носить общественные повинности, повиноваться законам и властям отечества и явиться на защиту Родины, когда потребует того закон.

13. Крепостное состояние и рабство отменяются. Раб, прикоснувшийся земле Русской, становится свободным. Разделение между благородными и простолюдинами не принимается, поелику противно Вере, по которой все люди — братья, все рождены благо по воле Божьей, все рождены для блага и все просто люди: ибо все слабы и несовершенны.

14. Всякий имеет право излагать свои мысли и чувства невозбранно и сообщать оные посредством печати своим соотечественникам. Книги, подобно всем прочим действиям, подвержены обвинению граждан перед судом и подлежат присяжным.

15. Существующие ныне гильдии и цехи в купечестве, ремеслах уничтожаются.

16. Всякий имет право заниматься тем промыслом, который ему покажется выгоднейшим: земледелием, скотоводством, охотою, рыбною ловлею, рукоделиями, заводами, торговлею и так далее.

17. Всякая тяжба, в которой дело идет о ценности, превышающей фунт чистого серебра (25 р. с.), поступает на суд присяжных.

18. Всякое уголовное дело производится с присяжными.

19. Подозреваемый в злоумышлении может быть взят под стражу постановленными Уставом властями и учрежденным порядком, но в 24 часа, под ответственностью тех, которые его задержали, должно ему об'явить письменно о причине его задержания,— в противном случае он немедленно освобождается.

20. Заключенный, если он не обвинен по уголовному делу, немедленно освобождается, если найдется за него порука.

21. Никто не может быть наказан, как в силу закона, обнародованного до преступления и правильно, законным образом приведенного в исполнение.

22. Устав сей определит, каким чиновникам и в каких обстоятельствах предоставляется право давать письменные приказания задержать кого-либо из граждан, сделать домовый обыск, забрать

его бумаги и распечатать письма его. Равным образом определит оный ответственность за таковые поступки.

23. Право собственности, заключающее в себе одни вещи, священно и неприкосновенно.

24. Земли помещиков остаются за ними. Дома поселян с огородами оных признаются их собственностью со всеми земледельческими орудиями и скотом, им принадлежащими.

25. Крестьяне экономические и удельные будут называться общими владельцами, равно как и ныне называющиеся вольными хлебопашцами, поелику земля, на которой они живут, представляется им в Общественное Владение и признается их собственностью. Удельное правление уничтожается.

26. Последующие законы определят, каким образом сии земли поступят из общественного в частное владение каждого из поселян, и на каких правилах будет основан сей раздел общественной земли между ими.

27. Поселяне, живущие в арендных имениях, равно делаются вольными, но земли остаются за теми, кому они были даны, и по то время, по которое были даны.

28. Военные поселения немедленно уничтожаются. Поселенные батальоны и эскадроны с родственниками рядовых вступают в звание общих владельцев.

29. Разделение людей на 14 классов отменяется. Гражданские чины, заимствованные у немцев и ничем не отличающиеся между собой, уничтожаются сходственно с древними постановлениями народа Русского.

Названия и сословия однодворцев, мещан, дворян, именитых граждан заменяются все названием гражданина же Русского.

30. Жалование священнослужителям будет производиться и впредь. Равным образом они освобождаются от постоя и подвод.

31. Кочующие племена не имеют прав гражданства. Право участвовать в выборе волостного старшины предоставляется однако же и оным.

32. Граждане имеют право составить всякого рода общества и товарищества, не испрашивая о том ни у кого позволения, ни утверждения: лишь только бы действия оных не были противузаконными.

33. Каждое такое общество имеет право делать себе постановления, лишь бы оные не были противны сему Уставу и законам общественным.

34. Никакое иностранное общество не может иметь в России подведомственных себе обществ или сотовариществ.

35. Никакое нарушение закона не может быть оправдано повелением начальства. Сперва наказывается нарушитель закона, потом подписавшие противузаконное повеление.

36. Граждане имеют право обращаться со своими жалобами и желаниями к народному Вечу, к Императору и к правительствующим сословиям Держав.

37. Подземелья и казематы крепостные, вообще все так называемые Государственные темницы уничтожаются; никто не может быть заключен иначе, как в назначенных на сей предмет общественных темницах.

38. Обвиняемые не должны быть заключены в одних местах с осужденными, заключенные за долги или за легкие проступки с преступниками и злодеями.

39. Тюремное начальство должно быть избираемо гражданами из людей добросовестных, и которые были бы в состоянии ответствовать за всякий противузаконный и бесчеловечный поступок с заключенными.

40. Нынешние полицейские чиновники отрешаются и заменяются по выборам жителей.

41. Всякий гражданин, который бы насилием или подкупами нарушил свободный выбор народных представителей, предается суду.

42. Никто не может быть беспокоиваем в отправлении своего богослужения по совести и чувствам своим, лишь бы только не нарушил законов природы и нравственности.

Глава IV.

О России.

43. В законодательном и исполнительном отношении вся Россия делится на 13 Держав, 2 области и 568 уездов или поветов.

Все население полагается в 22.630.000 жителей мужского пола, и по сему предположению разочтено представительство оной:

Жители муж. пола:		Державы:	Столицы:
450000	I	Ботническая	Гельсингфорс
1685000	II	Волховская	Г. Св. Петра.
750000	III	Балтийская	Рига.
2125000	IV	Западная	Вильно.
2600000	V	Днепровская	Смоленск.
3465000	VI	Черноморская	Киев.
750000	VII	Кавказская	Тифлис.
3500000	VIII	Украинская	Харьков.
2450000	IX	Заволжская	Ярославль.
2000000	X	Камская	Казань.
1425000	XI	Низовая	Саратов.
490000	XII	Обийская	Тобольск.
250000	XIII	Ленская	Иркутск.
		Московская область	Москва.
		Донская »	Черкасск.

Державы делятся на уезды, узеды на волости от 500 до 1600 жителей мужского пола.

В судебном отношении державы делятся на округи, равные нынешним губерниям.

Глава VI.

О Народном Вече.

59. Народное Вече, состоящее из Верховной Думы и палаты народных представителей, облечено всей законодательной властью.

Глава VII.

О палате представителей, о числе и выборе представителей.

60. Палата представителей составлена из членов, выбранных на два года гражданами Держав.

61. Во время своего избрания представитель должен жительствовать в избравшей его Державе.

62. Лица, принявшие на себя подряды и поставки на общественные требы, не могут до совершенного окончания оных быть представителями.

63. Кроме означенных в § 5 условий, чтобы быть представителем, требуется только *Доверие* большого числа избирателей уезда или повета с следующими однако ограничениями:

1) Иностранец, получивши права русского гражданства, может быть избран в представители только через 7 лет после его гражданствования.

64. Число представителей определяется соразмерно населению следующим образом: Каждые 50 000 обывателей мужского пола посылают в палату представителей одного представителя. В числе сих 50 000 должно только полагать жителей, имеющих оседлость, постоянное жилище, не принимая в счет кочующих племен.

65. Подробное исчисление всех жителей должно быть сделано три года после приведения сего Устава в исполнение, а потом через каждые 10 лет должна происходить новая перепись таким образом, как определит особый на то закон.

66. До тех пор назначается число представителей 450.

Каждые два года последний вторник сентября месяца имеют быть сходки для выбора народных представителей под председательством уездных или поветовых и тысяцких и их помощников. Первые выборы должны воспоследовать немедленно по обнародовании сего Устава.

67. Писарь, назначенный тысяцким, записывает имена всех присутствующих избирателей и сколько кто получил голосов. Четыре дня полагаются окончательным сроком для выбора.

68. Список сей утверждается подписью всех присутствующих чиновников и писарей, запечатывается и немедленно отправляется к Державному Дьяку, к которому оный должен быть доставлен в продолжение двух недель непременно.

69. Державы дают представителей:

I.	Ботническая	9
II.	Волховская	33
III.	Балтийская	14
IV.	Западная	42
V.	Днепровская	52
VI.	Черноморская	69
VII.	Кавказская	15
VIII.	Украинская	70
IX.	Заволжская	49
X.	Камская	40
XI.	Низовая	28
XII.	Обийская	10
XIII.	Ленская	5
1)	Московская область	10
2)	Донская »	3
	Всего	450 представителей

70. Правительственной власти каждой Державы предоставляется распределить число представителей на уезды или поветы и означить, сколько представителей избирает один уезд или повет, или в малочисленных краях, сколько уездов или поветов участвуют в выборе одного представителя.

71. Ежели в представительстве какой-либо Державы откроются места, то исполнительная власть той Державы немедленно созывает избирателей, чтобы оное наполнить.

72. Палата представителей сама избирает своего председателя. она одна пользуется правом предавать суду Сановников Империи.

Глава VIII.

О Думе Верховной.

73. Верховная Дума состоит из трех граждан каждой Державы, двух граждан Московской области и одного гражданина Донской области. Всего 42 члена. Члены Верховной Думы избираются правительственными сословиями Держав и областей, т.-е. обеими соединенными в одно место палатами выборных и Державными Думами.

74. Немедленно по прибытии в столицу членов Верховной Думы они разделяются на три разряда, по возможности равных. Члены первого разряда выходят из Думы по истечении 2-х лет. Члены второго разряда — по истечении 4, члены третьего разряда — по истечении 6 лет, так что треть всей Думы возобновляется каждые два года новым избранием. Если же в продолжение двух годов между выходами откроются места, смертью членов или увольнением оных, то исполнительная власть сих Держав сделает временное назначение (если это случилось в такое время, когда правительственное собрание Держав распущено), — пока правительственное собрание не заменит оного.

75. Условия, необходимые, чтобы быть членом Верховной Думы, суть: 30 лет возраста, 9 лет гражданства в России для иностранца и жительство во время избрания в той Державе, которая его избирает, недвижимого имения ценою на 1500 фунтов чистого серебра или движимого на 3000 фунтов чистого серебра.

76. Дума избирает сама своего председателя, наместника председателя и прочих своих чиновников. Председатель наблюдает за порядком рассуждений, но не имеет права голоса. Наместник занимает его место, когда он в отсутствии.

77. Верховной Думе принадлежит суд над министрами, верховными судьями и всеми прочими Сановниками Империи, обвиненными народными представителями. Никто не может быть об'явлен виновным, как только $^2/_3$ голосов всех присутствующих членов. Дума не имеет права назначить другого наказания, как только об'явить подсудимого виновным и лишить его занимаемого им места и звания.

Дальнейшее суждение над виновным продолжается в присутственных местах обыкновенным порядком судебным с присяжными, по письменному обвинению Верховного Блюстителя (генерал-прокурора, который лично ответствует суду, когда обвинение докажется несправедливым). Изобличенный судом государственный сановник подвергается казни, определенной законами. Дума участвует вместе с императором в заключении мира, в назначении судей верховных судебных мест, главнокомандующих сухопутных и морских сил, корпусных командиров, начальников эскадр и Верховного Блюстителя. Для сего потребно большинство $^2/_3$ членов Думы.

Глава IX.

О власти, преимуществах Народного Веча и составлении законов.

78. Народное Вече собирается по крайней мере раз в год. Открытие его заседаний назначается в первый вторник декабря месяца, доколе законом не будет определено другого срока.

79. Каждая палата сама судит о правах и выборе своих членов. В обеих большинство достаточно, чтобы судить о делах, но четвертая часть оных имеет право отсрочивать заседания от дня на день, до с'езда остальных членов и уполномоченных принудить отсутствующих членов прибыть к заседаниям таковыми пенями, каковы будут по сему предмету установлены обеими палатами.

80. Каждая палата имеет право сделать свое постановление наказывать членов своих за непристойное поведение и в случае преступления, но отнюдь не мнений, исключить члена определением $^1/_2$ голосов.

81. Заседания обеих палат публичные. Обе палаты однако же по предложению императора рассуждают с замкнутыми дверями, выслав наперед всех посторонних. Сие происходит равным образом в палате представителей, когда 50 членов оной востребуют тай-

ного совещания, и в Верховной Думе по востребованию 5 членов. Женщины и несовершеннолетние до 17-летнего возраста не допускаются на заседание обеих палат.

82. Каждая палата ведет дневные записки своих рассуждений и печатает оные от времени до времени, кроме того, что они определят оставить тайным. Мнения членов каждой палаты в пользу или против какого-либо предложения должны быть записаны в журнал по востребованию $^1/_5$ числа присутствующих членов.

83. Члены Верховной Думы и представители получают из общественной казны вознаграждение за свое служение за каждый день в котором они присутствовали на заседаниях, равное 21 золотнику чистого серебра (5 рублей серебром). За каждые сто верст, которые им нужно проезжать от своего местопребывания до столицы и обратно к себе, получают они также вознаграждение равное сорока трем (43) золотникам чистого серебра (10 рублей серебром). Ни в каком случае, кроме измены, преступления и нарушения общественного порядка, нельзя брать под стражу членов Народного Веча, ни во время заседаний, ни на пути их в столицу, ни во время возвращения их.

84. Нигде нельзя их тревожить за то, что они говорили каждый в своей палате, и никто не в праве требовать от них об'яснения речей их, там произнесенных. Член палаты, уличенный в преступлении до приговора судебного, исключается палатою своею.

85. Никакой должностной человек, в службе общественной находящийся, не может быть членом ни той, ни другой палаты, пока он будет сохранять свою должность.

86. Никакой член Думы, ни представитель в продолжение того времени, на которое он избран в сие звание, не может быть назначен ни в какую гражданскую должность, которая была бы учреждена, или которой бы выгоды были в то время увеличены или умножены.

87. О всяком предложении налогов или набора ратников должно быть наперед рассуждаемо в палате представителей, но Дума может делать оным изменения, как и во всяком предложении. Изменения сии в предложении о налогах тогда только становятся действительными, когда палата представителей оные допустит.

88. Всякий проект закона прочитается три раза в каждой палате. Между всяким чтением должно пройти 3 дня по крайней мере; после каждого чтения происходят рассуждения. После первого чтения проект закона печатается и раздается всем присутствующим членам.

89. Всякое предложение, получившее согласие Думы и палаты представителей, должно еще быть представлено императору, чтобы получить силу закона. Если император одобряет предложение, то подписывает оное, ежели не одобряет, то отсылает со своими замечаниями в ту палату, в которую оно сначало поступило. Палата записывает в свой журнал все замечания импе-

ратора против сего предложения и вновь открывает об этом рассуждения. Если после сего второго суждения о предложении $^2/_3$ членов остаются в пользу предложения, то оное поступает со всеми замечаниями императора в другую палату, которая начнет также разбирать оное вновь, и там, если таковых большинство одобряет оное, оно становится уже от того законом. В подобных сему случаях члены палаты должны подавать свои голоса через одно выражение да или нет, и в журнале каждой палаты записываются имена всех членов, подававших голоса в пользу или против сего предложения.

90. Ежели император по прошествии 10 дней (исключая воскресного) не возвратит представленного ему проекта, то оный получает силу закона. Если же Народное Вече отсрочит между тем свои заседания, то предложение не становится законом. Всякое приказание, решение, или прокламация и манифест, требующие содействия обеих палат (исключая рассуждения об отсрочке заседаний), должно быть представлены императору и утверждено им, чтобы быть приведенным в исполнение. Если же он отвергнет оное, то оно должно быть снова принято $^2/_3$ обеих палат, сходно с правилами, выше означенными.

91. Проект, отвергнутый одной из палат, может быть вновь представлен только в следующий с'езд Народного Веча.

92. Народное Вече имеет власть постановлять и отменять законы судные и исполнительные, то-есть:

1) Издать для России Уложение Гражданское, Уголовное, Торговое и Военное, уставить Учреждения по благочинию и правила судопроизводства и внутреннего управления присутственных мест.

2) Об'являть законом в случае нашествия или возмущения, что такая область находится на военном положении и под военными законами.

3) Обнародовать закон о Всепрощении.

4) Распускать правительственные собрания Держав в случае, если бы оные преступали пределы своей власти, и повелеть избирателям приступить к новым выборам.

5) Об'являть войну.

6) Устройство, содержание, управление, расположение и движение войск сухопутных и морских, система укрепления пределов, берегов, пристаней, набор, пополнение войск и внутренняя стража зависят от узаконений Народного Веча.

7) Налоги, займы, поверки расходов, пенсии, жалования, все сборы и издержки, одним словом, все финансовые меры. Но оно не может утвердить никакой бюджет более, чем на два года.

8) Все меры правительства о промышленности, о богатстве народном, учреждения ямов, почт, содержание сообщений сухопутных и водяных, заведение новых, учреждение банков.

9) Покровительствует наукам и полезным искусствам, дает сочинителям и изобретателям исключительное право пользоваться

определенное число лет их сочинениями и изобретениями, имеет право предлагать Держ. Прав. собраниям повсеместное преподавание закона божия, языка Российского, общественного устава и военных наук, но отнюдь не может ограничивать в сем смысле свободы оных и частного преподавания.

10) Постановления правил награждения для гражданских чиновников, устройство порядка службы во всех отраслях управления и статистические отчеты всех частей правительства.

11) Получа донесение министра, в случае болезни телесной или нравственной императора, кончины или отречения, об'являет регентство или провозглашает наследника императором.

12) Избирает правителей Держав.

93. Народное Вече не имеет власти учреждать новых конституционных законов ни отменять существующих, одним словом, не имеет права издавать постановлений ни о каком предмете, не помещенном в сем исчислении прав его.

94. Народное Вече, составленное из людей избранных народа русского и представляя его собою, приемлет наименование Его Величества.

95. Народное Вече определяет общие налоги и издержки, предоставляя частные распоряжениям правительственных собраний Держав. Существующие долги признаются Народным Вечем, которое ручается в платеже оных.

96. До будущих установлений Народного Веча, подати остаются те же, за исключением только того:

1) Что люди, известные ныне под названием мещан, освобождаются от платежа излишней против экономических и других пошлин подушной подати и сравниваются в платеже с ними.

2) Что невзрослые до 17 лет и достигшие 60-летнего возраста равно освобождаются от подушного оклада.

3) Что подать сия распространяется на всех остальных граждан, поелику все равны перед законом и обязаны нести одни и те же повинности.

97. Народное Вече от времени до времени издает в общенародное сведение подробный отчет всякого общественного прихода и расхода. Казначейство Российское не отпускает никакой суммы, как вследствие утвержденного Народным Вечем закона.

1) Право изменить Устав или избрать другое поколение на царство принадлежит Народному и Державным соборам, а не Народному Вечу.

98. Народное Вече не имеет власти ни постановлять, ни запрещать какое-либо вероисповедание или раскол. Вера, совесть и мнение граждан, пока оные не обнаруживаются противузаконными действиями, не подлежат власти Народного Веча. Но раскол, основанный на разврате или на действиях противуестественных, преследуется присутственными местами на основании общих постановлений. Народное Вече не имеет власти нарушать свободы речей и книгопечатания.

99. Народное Вече не рассуждает во присутствии императора и в то же время не собирают голосов. На речь императора Председатели обеих палат должны отвечать, что Народное Вече займется предлагаемыми ему предметами.

100. Народное Вече имеет право взять частную собственность в общественное употребление за справедливое вознаграждение, но для сего должно быть предварительно выдан закон обыкновенным порядком, т.-е. оный должен пройти через обе палаты и быть утвержден императором. В сем законе должны быть из'яснены подробно:

1) Количество и настоящая цена имения (частного лица или частных лиц), которого приобретение необходимо для общественного употребления.

2) Условия или суммы, предлагаемые частными лицами в вознаграждение за принуждённую продажу. К тому же должны быть приложены достоверные свидетельства, что показанная цена имения есть настоящая.

3) Власти, которые Устав сей не поручает никакому из означенных в оном собраний или сановников, предоставляется всему Народу Русскому.

Глава X.

О верховной исполнительной власти.

101. Император есть: Верховный Чиновник Российского Правительства. Его права и преимущества суть:

1) Власть его наследственная по прямой линии от отца к сыну, но от тестя она не переходит к зятю.

2) Он соединяет в особе своей всю исполнительную власть.

3) Он имеет право останавливать действие законодательной власти и принуждать ее ко вторичному рассмотрению закона.

4) Он верховный начальник сухопутной и морской силы.

5) Он верховный начальник всякого отделения земских войск, поступающего в действительную службу империи.

6) Он может требовать письменного мнения главного чиновника каждого исполнительного департамента о всяком предмете, с его обязанностью сопряженном.

7) Ведет переговоры с иностранными державами и заключает мирные трактаты с совета и согласия Верховной Думы, лишь только две трети присутствующих Думы на то согласились. Трактат, таковым образом заключенный, поступает в число Верховных законов.

8) Он назначает посланников, министров и консулов и представляет Россию во всех ее отношениях с иностранными державами. Он назначает всех чиновников, о которых не говорено в сем Уставе.

9) Не может однакоже помещать в трактатах статей, нарушающих права и состояние граждан внутри отечества. Равным образом не может включать в оные без согласия Веча Народного

условий напасть на какую-либо землю, не может уступить никакого участка земель, принадлежащих России.

. . . .

12) Он означает и постановляет по каждой отрасли дел или в каждом приказе главу, как-то:

1) Главу казначейского приказа (М. фин.).
2) Главу приказа сухопутных сил (Мин. воен.).
3) Главу приказа морских сил (Морск. М.).
4) Главу приказа внешних сношений.

13) Он обязан при каждом с'езде обеих палат доставлять Народному Вечу сведения о состоянии России и представлять его суждению принятие мер, которые ему покажутся необходимыми или приличными.

. . . .

15) Не может употреблять войска во внутренности России в случае возмущения, не сделав о том предложения Народному Вечу, которое немедленно обязано удостовериться посредством следствия в необходимости военного положения

. . . .

17) Если бы палаты не согласились между собой на время отсрочки их заседаний, то он может отсрочить оные, но не более, как на три месяца.

. . . .

19) Наблюдает за строгим исполнением общественных законов.

20) Дает грамоты назначения всем чиновникам империи.

21) Ему дается титул Его Императорского Величества — никакой другой не допускается. Выражения: Именное повеление, Высочайшее соизволение, соизволение быть по сему и т. п. уничтожаются, яко неприличные и не имеющие никакого значения в земле благоустроенной.

. . . .

23) Император при вступлении своем в правление произносит следующую присягу посреди Народного Веча:

«Я клянусь торжественно, что буду верно исполнять обязанности императора Российского и употреблю все мои силы на сохранение и защиту сего конституционного Устава России».

102. Кабинет уничтожается, ясак Сибирских народов и все так называемые регалии поступают в общественное казначейство, но император получает на содержание свое и своего семейства ежегодно из общественного казначейства сумму, равную цене 102000 фунтов чистого серебра (2000000 рублями серебрянными), в которых он никому не обязан давать отчета.

103. Особы, составляющие семейство императора, не отличаются от частных лиц, подчинены тем же учреждениям и тому же влиянию правительства, как и все прочие, и не пользуются никакими особыми правами и преимуществами.

. . . .

105. Правитель империи не может удалиться из оной без важных неудобств:

1) Ход дел в Правлении замедляется.

2) Равновесие властей расстраивается.

3) Неприлично, чтобы первослужитель народа находился не среди оного.

4) Народ может потерпеть важные оскорбления в лице его от иностранцев.

5) Такое путешествие повлечет за собой издержки, возбраненные сим Уставом.

6) Сверх того, в отдалении от отечества император может скорее следовать внушениям иностранных завистников и сделаться орудием их злоумышлений, а потому император ни в коем случае не имеет права выехать из пределов отечества, даже в заморские владения отечества.

. . . .

114. Всякий чиновник исполнительной власти отвечает за каждое свое действие; никто не может оправдаться полученным приказанием, ибо в гражданском быту слепое повиновение не может быть допущено, и всякий исполнитель противузаконного веления будет наказан так, как и подписавший веление. Император не подлежит суждению, если же сам император лично учинит какое-либо преступление, за которое никто другой не подлежит ответственности, то сие приписывается нравственному недугу Народным Вечем, которым в таком случае учреждается Регентство, посредством особого закона.

3.

«Любопытный Разговор» [1]).

Вопрос: Что есть Свобода?

Ответ: Жизнь по Воле.

В. Откуда проистекает Свобода?

О. Всякое благо от бога. — Создав человека по подобию своему и определив добрым делать вечные награды, а злым вечные муки — он даровал человеку Свободу! — Иначе несправедливо было бы награждать за доброе по принуждению зделанное, или наказывать за невольное зло.

---

[1]) «Восстание декабристов», изд. Центрархива, т. I, стр. 321—322. Автором этого любопытнейшего памятника агитационной литературы является Н. М. Муравьев, указавший на следствии, что «опыт» этот им окончен не был, широкого распространения не получил и еще в 1822 г. передан был им С. И. Муравьеву-Апостолу. В бумагах последнего «опыт» этот и был обнаружен после разгрома восставшего Черниговского полка. Форма «Любопытного Разговора» чрезвычайно близка «Катехизису» Муравьева-Апостола, но идеологически оба документа совершенно один с другим не связаны и в программных заключениях своих особенно четко выявляют пропасть, отделяющую «северян» от «южан».

В. Все ли я свободен делать?

О. Ты свободен делать все то, что не вредно другому. Это твое право.

В. А если кто будет меня притеснять?

О. Это будет тебе насилие, противу коего ты имеешь право сопротивляться.

В. Стало быть, все люди должны быть свободными?

О. Без сомнения.

В. А все ли люди свободны?

О. Нет. Малое число людей поработило большее.

В. По чему же малое число поработило большее?

О. Одним пришла несправедливая мысль господствовать, а другим подлая мысль отказаться от природных прав человеческих, дарованных самим богом.

В. Надобно ли добывать свободы?

О. Надобно.

В. Каким образом?

О. Надлежит утвердить постоянные правила или Законы, как бывало в старину на Руси.

В. Как же бывало в старину.

О. Не было самодержавных государей!

В. Что значит Государь самодержавный?

Ответ. Государь Самодержавный или Самовластный тот, который Сам по себе держит землю, не признает власти рассудка, законов божиих и человеческих; сам от себя, то-есть без причины по прихоти своей властвует.

В. Кто же установил Государей Самовластных?

О. Ни кто. Отцы наши говорили: поищем себе князя, который бы рядил по праву, а не самовластью своевольству и прихотям. Но Государи мало по малу всяким обманом присвоили себе власть беспредельную, подражая Ханам татарским и Султану турецкому.

В. Не сам ли бог учредил самодержавие?

О. Бог во власти своей никогда не учреждал Зла.

В. Отчего же говорят: несть бо власть аще не от бога?

О. Злая власть не может быть от бога. Всякое древо доброе, добры плоды творит... всякое же древо неприносящее плодов добрых будет посечено и ввергнуто в огнь. Хищным волкам в одеждах овчьих, пророчествующим во имя господне, мы напомним слова спасителя: Николи же знах вас: от'идите от меня делающие беззакония.

В. Есть ли Государи Самодержавные в Других Землях?

О. Нет. Везде Самодержавие считают Безумием, Беззаконием, везде постановлены непременные правила или Законы.

В. Не могут ли быть постоянные законы при Самодержавии?

О. Самодержавие или самовластие их не терпит; для него нужен Беспорядок и всегдашние перемены.

В. Почему же самовластие не терпит Законов?

О. Потому, что Государь властен делать все, что захочет. Сегодня Ему вздумается одно, завтра другое, а до пользы нашей Ему дела мало, оттого и пословица: Близь царя, близь смерьти.

В. Какое было на Руси управление без Самодержавия?

О. Всегда были народные вечи.

В. Что значит вечи?

О. Собрание Народа. В каждом Городе, при звуке вечевого Колокола собирался народ или выборные, они совещали об общих всем делах; предлагали требования, постановляли Законы, назначали сколько где брать Ратников, установляли сами с общего согласия налоги; требовали на суд свой наместников, когда сии грабили, или притесняли жителей. Таковые вечи были в Киеве на Подоле, в Новегороде, во Пскове, Владимире, Суздале и в Москве.

В. Почему же сии вечи прекратились, и когда?

О. Причиною тому было нашествие татар, выучивших наших предков безусловно покорствовать тиранской их власти.

В. Что было причиною побед и торжества татар?

О. Размножение Князей дома Рюрикова, их честолюбие и распри, пагубные для отечества.

В. Почему же зло сие не кончилось с владычеством Татар?

О. Предания рабства и понятия восточные покорили их оружию и причинили еще более зла России. Народ, сносивший терпеливо иго Батыя и Сортана, сносил таким же образом и власть Князей Московских, подражавших во всем сим тиранам.

4.

Структура Северного общества.

1. Из донесения Следственной Комиссии [1]).

«Только в исходе 1822 года сие Петербургское или Северное общество снова образовалось. Его разделяли на Убежденных и Соединенных или Согласных [2]). Союз Убежденных, или Верхний круг, составлялся из основателей [3]); принимали в оный и других из Союза Соединенных, но не иначе как по согласию всех находящихся в Петербурге Убежденных. Сие согласие нужно было и для принятия какой-либо решительной меры. Сверх того Верхний круг имел следующие правила: он имел членов Думы или Совета упра-

---

[1]) «Государственные преступления в России в XIX в.», т. I.

[2]) Показания князя Евгения Оболенского.

[3]) Главными из сих основателей или возобновителей общества, по словам Никиты Муравьева, были он сам, князь Оболенский и Николай Тургенев, который однако не участвовал в приеме новых членов.

влявшего обществом, дозволял принятие нововступающих, требовал отчетов от Думы. Не находящийся в оном член мог принять не более двух, и согласия на то спрашивал через члена, коим сам был принят; сей последний также, если не был в числе Убежденных; сие согласие через такую цепь доходило от Думы до принимающего новых членов. Сих сначала испытывали, готовили, потом открывали им мало-по-малу цель Тайного общества, но о средствах для достижения оной и о времени начатия действий должен был иметь сведение один Верхний круг. Многим, коих назначали слепыми орудиями, говорили только, что их дело рубиться; нововступившие и вообще все непричисленные к Убежденным, знали одного принявшего их члена. Но сие правило и все прочие весьма не строго соблюдались [1]). Возобновив тайное общество, начальником оного несколько времени признавали одного Никиту Муравьева, потом, в конце 1823 года, присоединили к нему князя Сергея Трубецкого, лишь возвратившегося из-за границы, и князя Евгения Оболенского [2]). Чрез год после того первый отправился в Киев... На место князя Трубецкого сделан членом Директории, или Думы, Рылеев, который настоял, чтобы впредь сии Директоры, или правители, были не бессменными, а избирались только на один год...».

2. Из показаний А. Бестужева [3]).

Первый круг состоит из основателей общества и членов, ими избранных. Он составляет Думу (или Верхнюю Думу). Число их неопределенно, смотря по надобности общества и способности годных к тому людей.

Круг сей каждые два года избирает из среды своей двоих распорядителей, ежегодно переменяя по одному. На них лежат сношения с отсутствующими членами, сбор и расход денежный и все текущие дела общества. Они сзывают Думу и тогда голос их на-ряду с прочими; их дела также — ободрять ленивых и искать новых членов.

Каждый член имеет право выбрать только двух адептов и никогда не сводить их вместе, так далее последовательно.

Кто принял, советуется с своим приемником и с своими принятыми поодиночке. След., кроме Верхней Думы, дум других нет. Члены из первого круга могут выбирать более двух.

Для приема, заметив человека, член передает его имя принявшему, тот выше, и наконец в Думе решают, стоит или нет такой-то приема, и тогда решение идёт вниз, и член принимает другого.

---

[1]) Показание Александра Бестужева.

[2]) Место правителя предлагали Николаю Тургеневу, он отказался за нездоровьем, множеством иных занятий и худым успехом его председательства в Москве.

[3]) «Восстание декабристов». Материалы, т. I, стр. 439—442.

Принять в члены значило показать ему механизм общества и позволить избирать самому. О цели и мерах говорили не вдруг и не все и не всем одинаково, смотря по степени его характера и образованности и образа мыслей — принявший должен был обрабатывать тех, которые не готовы.

Условия: честное слово не открывать, что будет ему сказано, не любопытствовать о тех, кто еще члены, хотя бы и подозревал кого; и наконец повиновение безусловное к принявшему.

В случае от'езда на долгое время — уезжающий член передает свою ветвь принявшему его и тут впервые знакомит своего приемыша со своим приемником.

Для расходов общества, как-то для посылок и других непредвиденных случаев каждый член, если может, вносил посильно сколько-нибудь денег. Члены ничего не должны писать о делах общества друг другу по почте и быть весьма осторожны в словах.

Общество не носит никакого имени, не имеет между членами никаких знаков для опознания и запрещает все наружные, как-то: кольца, булавки и прочее. Также запрещает списки и все письменное, могущее обличить какое-либо намерение. Правила для приема были следующие. Во-первых, исследовать жизнь того, на кого метят. Все люди, преданные игре, вину и женщинам, исключались без вопроса. Член должен был быть не запятнан ни одним подлым поступком, дознанного бескорыстия, твердого характера, если можно, храбр (на войне или на поединке) и даже крепкого здоровья, чтобы мог служить обществу, не струсив и не изменив, когда попадётся. Чтобы узнать образ мыслей, — начинать противоречить, и когда тот разгорячится, то и видеть образ его мыслей. Рассудительных брать со стороны доказательства, а пылких — блестящими картинами будущего. Впрочем, хотя и выбирать людей чистых и первым условием предвигать самоотвержение, чтобы он все нёс в жертву отечеству, но как люди — люди, то честолюбивым оставлять надежду, как они будут славны, а людям, требующих руководителей уже с именем, не обманывая, — намекать, что тут есть люди... впрочем вести постепенно и смотря по усердию открывать полную цель и намерения общества. Впрочем, о времени и решительных мерах никто не должен был знать кроме Думы, во избежание измены.

Некоторых принимали в члены только для того, чтобы они служили орудиями, когда будет нужно. Тем говорили только, что их дело рубиться. Некоторых неосторожных болтунов и головорезов (crânes) оставляли на примете до случаю, чтобы они своим поведением не ввели бы в бесславие или в опасность общество.

5.

Северное общество в 1823—1824 г.г.

Из показаний Поджио [1]).

В мае месяце 1823 года прибыл сюда кн. Барятинской. Он вручил мне письмо от Давыдова, по коему я увидел, что податель оного член и потому должен был открыться ему. Он спросил меня о делах здешнего общества, я ему сказал на сие, что я был принят, строго не имел права сообщаться, ни принимать и что сношения мои с одним Никитой Муравьевым, с которым, однако, мы редко видимся и о сем сносимся. «Я его видел, — мне говорит Барятинской, — с'езди, пожалуйста, к нему и узнай, что он думает о письме Пестеля и на что хочет решиться»... Муравьев мне стал читать письмо, заключающее убедительные самые допросы об успехе общества, о числе членов и силе войска, к цели склонного; может ли отвечать за преданность членов и силы их — одним словом, чтоб пояснил, когда он думает быть достаточно сильным, чтобы быть готовым к восстанию по первому требованию его, говоря: «Les demi-mesures ne valent rien, ici nous vovlons avoir maison nette». На это мне Муравьев говорит: «Ведь они бог весть что затеяли, они всех хотят». После сего мы имели свидание в Летнем саду, где кн. Барятинской говорит Муравьеву, что он прислан для того, чтобы иметь решительный ответ, на что он решится. Муравьев ему говорит, что молодые люди не к тому склонны: «Впрочем, nous commencerons absolument par la propagande». Не знаю, что писал Муравьев Пестелю, я же отвечал Давыдову, обещая ему все возможное мое содействие, после сего Барятинской принял Вадковского, говоря: «c'est un bon bras et c'est ce qu'il nous faut». А я говорил: «Муравьев ищет все толкователей Бентама, а нам действовать не перьями!». Так Барятинской и уехал.

Спустя несколько времени, мы выступили в лагерь; там я имел частые свидания на бумажной фабрике с Муравьевым, толку было много, а дела к счастию мало: ни он, ни я никого не принимали. Однажды он мне вручил лист литографированный — то было изложение общее правил Союза Благоденствия. Просил меня извлечь удобнейшее и присовокупить новые определения нами на счет приемов членов. В иных изменениях было и то, что член не может принять кого-либо без уведомления в том управы и соизволения ее на то. Была назначена одна главная управа и семь посторонних — цель глухо изложена, введение представительного правления, и что при восстании (как сие было сказано все следующее в листе) все должны соединиться под зна-

---

[1]) М. В. Довнар-Запольский, «Мемуары декабристов», стр. 200—202.

мена свободы; и что предатель отдается на месть всего союза и внесется имя его в черную книгу и прочее, но вкратце.

В октябре месяце я получил записку от Муравьева, где он меня приглашает приехать к Пущину в 10 часов вечера, куда я прибыл. Здесь были: Матвей Муравьев, Тургенев, Брыгин, Нарышкин, Оболенский, Пущин, Митьков. Я читал им правила, мной извлеченные (сие я показал прежде), на что Тургенев сказал: «это почти то ж, что и Благоденствие». Тут приступили к избранию. Пало на Тургенева, он отказался, говоря, что занятия его ему сие не позволяют, что уж столь был неудачен в правлении, что не хочет более того, но что от общества не отклоняется. Избраны были Никита Муравьев, Оболенский и кн. Трубецкой, здесь не находившийся. Всякой наименовал членов к принятию. Я назвал Валерьяна Голицына, Пущин — Рылеева, говоря, что с ним присоединится какое-то морское общество, коего Рылеев член; все это одобрили. Суждений о цели Общества не было. Должны были заняться работами. Тургенев взялся писать о суде присяжном.

После сего я был до от'езда моего в беспрерывных сношениях с Матвеем Муравьевым и Оболенским. Матвей Муравьев был здесь именно для водворения республиканского правления, изложенного Пестелем, здесь он мне говорил, как страшатся тут Пестеля, как желающего будто присвоить власть к себе, но что он уверен в нем и не полагает таковым; тут он мне изложил подробно план весь Пестеля, и, говоря однажды о совершении умышленного преступления, Пестель хотел составить из отважных людей une garde perdue, la confier à'Loemis et faire moins basse surtout; говроя о сем, c'est bien là un honneur â le faire — но его нет, и сношения наши с ним как-то прервались. «Мое же мнение,— говорил мне, — сие произвести заговорами, отдельными от общества, чтобы отвратить сие преступление от него». Преступление было — покушение на всех особ царской фамилии.

6.

Пестель в Петербурге.

1. Из показаний С. П. Трубецкого [1]).

... Пестель уведомил Муравьева, что он сам будет сюда, тогда Муравьев, увидавшись с прежде бывшими членами общества, положили, что необходимо надобно для узнания мыслей и состояния общества Пестеля показать ему что-нибудь здесь образованное, и составили здесь управу, назначив для переговоров с Пестелем меня, Никиту Муравьева и кн. Оболенского. Другие ж члены были

---

[1]) «Восстание декабристов». Материалы, т. I, стр. 14—15.

здесь тогда Финляндского полка полковник Митьков, Нарышкин, что ныне полковником в Тарутинском или Бородинском полку, Николай Иванович Тургенев, Пущин, который тогда принял Рылеева и потом, сколько могу упомнить кажется более никого. Пестель более знаком был со мной и Никитой Муравьевым. Он приехал ко мне на другой день по приезде своем в С.-Петербург, жаловался, что здесь ничего нет, что никто ничего не хочет делать, что Муравьев ничего к нему не отвечал ни по письмам, ни по словесным поручениям, от него к Муравьеву бывшим. Выхвалял свое общество, как оно хорошо идет. Говорил, что и здесь должно устроить в таком же порядке, что для сего надобно непременных управляющих членов, и совершенное беспрекословное от прочих к ним повиновение; что надобно слить оба общества вместе и чтоб управление у них было одно и то же, то-есть одни управляющие члены. Сказывал, что он занимается сочинением или уже и написал конституцию, что правление должно быть республиканское, что для перехода из нынешнего в республиканское нужна постепенность, что сия постепенность должна быть введена временным правлением, которое должно состоять из пяти директоров, облеченных во всю верховную власть на неопределительное время, которое может продолжиться многие годы. — Выслушав таковой вздор, я уведомил наших членов, что Пестель бредит, между тем и он с некоторыми поодиночке виделся, и наконец положили собрание в котором был Тургенев, Муравьев, Оболенский и я, и в котором уже Пестель своей Конституции не защищал, но подал вид, что он от нее отступается, что он убежден нами, что в России конституционное правление не иначе может быть как монархическое, и что конституцию устрорить может только Собрание Народное; и что впрочем это еще весьма отдаленное дело. Настаивал токмо на том, что нужно слить оба общества вместе, что нужно одно для обоих управление и беспрекословное повиновение членов. В этом также ему отказано, и насчет последнего замечено, что как общество не имеет никакой материальной власти, следовательно, не может и принудить к повиновению, почему оно и может быть основано единственно на доброй воле членов. Соглашались только подумать о сношении обоих обществ, но чтоб каждое оставалось под своим собственным управлением. — По сему случаю Пестель был еще у меня и доказывал мне, что очень легко можно соединить оба общества под одно управление; говоря, что здесь вероятно выберут меня в третьи члены Главного Правления, из коих два у них на юге, один он, другой Юшневский, провиантмейстер 2-й армии, что Юшневский только одно имя носит члена Главного их Правления, но что он просил оставить его в покое и от дел общества удалился, почему было бы нас действующих только двое, что каждый из нас дает другому клятву, что он согласен на все, что товарищ его будет делать, следовательно ни один связан другим не будет. Я отвечал ему, что я на это никак согласиться

не могу, и в бывшее опять после того собрание, где находился Пестель, остались мы друг другом недовольны, и он вышел, сказав, что стыдно будет кто не доверяет другому и предполагает в другом личные какие виды, что последствие окажет, что таковых видов нет. По отбытии к полку Пестель, однакож, писал ко мне в Петербург простое письмо, на которое я ему не отвечал, поручив ему после того сказать не упомню чрез кого, что я не отвечал потому, что получил письмо распечатанное.— Около того же времени сюда приезжал полковник Швейковский, с которым я тогда виделся однажды и в первый раз, и которому я дал письмо к Сергею Муравьеву (подполковнику Черниговского полка), где описывал, как бредил Пестель и как я не понимаю, если он с ним в связи, то как может оставаться, если он все знает...

2. Из показаний П. И. Пестеля [1]).

В бытность мою в Петербурге виделся я преимущественно с тремя директорами. Никита Муравьев мне тут говорил, как и прежде писал, доставляя начало своей конституции, что монархические формы им ей даны ради вновь вступающих членов; причем отзывался с сильным негодованием о лицах императорской фамилии, но вместе с тем оспаривал разные статьи моего конституционного предположения. Оболенского, имевшего прежде еще сношения с Матвеем Муравьевым, нашел я более всех на республику согласным. Трубецкой решительного образа мыслей не показывал: то был согласен на республику, то опять оспаривал ее. Нарышкина видел я только один раз у кн. Оболенского, и он так мало говорил, что настоящий его образ мыслей остался мне неизвестным. С Рылеевым виделся я только один раз и говорили про одно только разделение земель. С Тургеневым имел я также только одно свидание и предмет разговора был разделение земель, против которого он спорил, но впрочем был в республиканском образе мыслей. С Краснокутским виделся я раза два, и мы все время рассуждали о республике и об об'явлении нового порядка вещей через сенат.

Вадковский, Поливанов, Свистунов, Анненков (все четверо кавалергардские офицеры) и артиллерийский Кривцов были со мной ознакомлены через Матвея Муравьева и находились в полном революционном и республиканском духе.

За всеми сими разногласиями и по опыту частой переменчивости членов, должен был я заключить, что ни цель, ни средства в их мнениях не имеют единства, а следовательно, что сии два предмета, как я прежде говорил, не дошли еще до созрелости. Условие о единственном действии было заключено со всеми тремя директорами, причем замечались некоторые оттенки: единодуш-

[1]) Н. П. Сильванский, «Пестель перед Верховным Судом», «Былое», 1906 г., № 3, стр. 228—230.

нее всех с кн. Оболенским, а менее всех с Никитой Муравьевым. С Трубецким говорили между прочим, что ежели не республика будет принята, то избрать Александра Николаевича в императоры при регентстве. Со всеми же тремя положено было, что ежели они найдутся в необходимости действие начать, то мы их должны поддержать и обратно они нас! Если же необходимости не встретится, то перед приступом к действию долженствовало предшествовать взаимное соглашение, по которому и решится тогда, где, как и что делать. При сем было говорено и об об'явлении через сенат нового порядка вещей. О сообщении ими сего заключения прочим членам остался я в безвестности, но сказывали они, что оное будет сделано.

Прежде еще приезда моего был Никита Муравьев принужден сжечь свою конституцию, и он же спорил наиболее против моей, особенно против избирательной системы и разделения земель. Трубецкой спорил преимущественно против Временного правления. «Русская Правда» не была тогда еще начата, и я тут вознамерился ее написать, к чему особенно меня приглашал кн. Оболенский и Матвей Муравьев. Тогда же и начал я краткие ее начертания. Что же касается до того, кто не соглашался на покушение против жизни государыни императрицы Елизаветы Алексеевны, то сколько бы ни желал припомнить, но никак не могу придумать, не только кто этот был, но даже и чтобы о том была речь. И потому не смешивает ли член, сие показывающий, это обстоятельство с тем случаем, что Глинка в 1820 году предлагал государыню императрицу Елизавету Алексеевну, а не республику.

У Оболенского на квартире с'ехались к нему Трубецкой, Никита и Матвей Муравьевы, Нарышкин и я. Главным предметом разговора было Временное правление, против которого говорили наиболее Трубецкой, а также Никита Муравьев. Они много горячились, а я все время был хладнокровен до самого конца, как ударил рукою по столу и встал, но не произнося сказанных слов, ибо в то время происходило разногласие о Временном правлении. Говорили и о прочих предметах, но ничего не положили на меру; и потому доносил я комитету, что разговаривали и раз'ехались.

3. Из показаний К. Ф. Рылеева [1].

По приезде сюда Пестеля мне об'явили, что он прислан сюда с поручением соединить Южное общество с Северным, о чем и было раз у меня совещание, на котором находились Николай Тургенев, Митьков, Трубецкой, Муравьев, Оболенский, и, кажется, еще Пущин. В сем совещании полагали, что соединение и полезно и необходимо, и поручили членам Думы произвести окончательные переговоры по сему с Пестелем. Главным препятствием соеди-

---

[1]) «Восстание декабристов». Материалы, т. I, стр. 174.

нению обществ Трубецкой предполагает конституцию Никиты Муравьева, которая не нравилась Пестелю, потому что она в духе своем была совершенно противуположна образу мыслей и конституции, составленной самим Пестелем. При чем я сказал, что в этом находить препятствие есть знак самолюбия, что, по моему мнению, мы в праве только разрушить то правление, которое почитаем неудобным для своего отечества, и потом тот государственный устав, который будет одобрен большинством членов обоих обществ, представить на рассмотрение Великого Собора, как проект. Насильное же введение оного я почитал нарушением прав народа. С сим мнением были тогда все согласны...

Во время совещания, бывшего у меня о соединении обществ, Трубецкой говорил также, что Пестель требует настоятельно, дабы введение нового порядка вещей произвесть через Временное правление, и чтобы в оное назначить директоров общества. Это и прежний разговор мой с Пестелем заставили меня об'явить свое на него подозрение. При чем сказал я, что Пестель—человек опасный для России и для видов общества, и что и поэтому даже соединение обществ необходимо, дабы не выпускать его из виду и знать все его движения. С этим также были согласны все. Несмотря на то, соединение обществ не последовало, потому что члены Думы стали подозревать Пестеля в честолюбивых замыслах, а также почитали необходимым до соединения осведомляться обстоятельнее о силах и настоящей цели Южного общества. Так, по крайней мере, мне было сказано прежде Оболенским, когда я упрекал его в неисполнении порученности общества, а потом и Трубецким...

Я был всегда того мнения, что Россия еще не созрела для республиканского правления, и потому в то время всегда защищал я ограниченную монархию, хотя душевно и предпочитал ей образ правления Северо-Американских Соединенных Штатов, предполагая, что образ правления сей республики есть самый удобный для России по обширности ее, разноплеменности населяющих ее народов. О чем говорил я разным членам и, между прочим, Никите Муравьеву, склоняя его сделать в написанной им конституции некоторые изменения, придерживаясь устава Соединенных Штатов, оставив однако ж формы монархии. Вообще о преобразовании правления в России, как на совещаниях, так и в частных беседах с разными членами, с самого вступления моего в общество по 14 декабря, я говорил одно, что никакое общество не имеет права вводить насильно в своем отечестве нового образа правления, сколь бы оный ни казался превосходным, что это должно предоставить выбранным от народа представителям, решению коих повиноваться беспрекословно есть обязанность каждого. Высочайше учрежденный Комитет из действий моих может усмотреть, что сим правилом я постоянно руководствовался. При разговоре о созвании Великого Собора рассуждали и о Временном правлении. Это было, кажется, у Митькова. М. Муравьев-Апо-

стол, предлагал назначить директоров общества: Пестеля, еще одного из Южной дирекции и Н. Тургенева или Трубецкого, на что сей последний возразил, что во Временное правление надобны люди, уже известные всей России, и предлагал к тому Мордвинова и Сперанского, на что все согласились. Я также был с ним согласен, и с того времени по 14 декабря мысль сия в Северном обществе оставалась неизменною.

7.

Северное общество в 1825 г.

1. Из показаний А. А. Бестужева [1].

По мере того, как открывалось мне общество, в котором принят я был членом, я разделю известие о нем на две части. Первая существование общества, сколько мне было известно, при жизни покойного государя императора, и потом действия его, после смерти; ибо последнее было случайным делом общества, и произведено обстоятельствами, а не предвиденным ращетом.

С 19 лет стал я читать либеральные книги, и это вскружило мне голову. Впрочем, не имея никакого положительного понятия, — я, как и все молодые люди, кричал на ветер без всякого намерения; в 22-м году, когда был назначен я ад'ютантом к генералу Бетанкуру, свел знакомство с К. Рылеевым, и как мы иногда возвращались вместе из общества Соревнователей Просвещ. и Благотв., то и мечтали вместе, и он пылким своим воображением увлекал меня еще более. Так грезы эти оставались грезами до 1824 года, в который он сказал мне, что есть тайное общество, в которое он уже принят и принимает меня. Первым условием было честное слово не открывать, что поверено будет, вторым не любопытствовать узнать, кто члены, в-третьих, повиноваться безусловно принявшему. Цель сего общества была распространять понятие о правах людей, и со временем восстановить их в России. Кончина императора Александра Павловича назначена была знаком к началу действия, если позволят силы; но это говорено было только вначале; потом, когда сочлен привыкал уже к этой мысли, ему открывали: что если общество будет довольно сильно, то надобно действовать и при жизни его — поднять народ, войски, и если это удастся, то принудить императора подписать конституцию. Так написана была она Никитою Муравьевым (как узнал я после) в монархическо-умеренном духе. Я года полтора никого не знал, кроме кн. Оболенского, моего брата Николая (которого принял, кажется, Рылеев) и не любопытствовал узнать

---

[1] «Восстание декабристов». Материалы, т. I, стр. 433—435.

других по правилам. Наконец представился вопрос, что если государь не захочет согласиться на конституцию, — и притом как Испания доказала, что вынужденное согласие не прочно, то и сказал мне Рылеев, что Южные отвергают монархию и мнение их принято здесь, и что Южные берутся извести государя при случае. Между тем, становясь поопытнее, я стал охладевать к этому обществу. Невозможность что-либо сделать и недоверие к людям, которых я увидел покороче, меня убедили в сумасбродстве такого предприятия. С ними однакож я был попрежнему, ибо не хотел нести их упреков, тем безопаснее, чем дальше казалось дело. Наконец в апреле, кажется, месяце, Рылеев сказал мне, что меня выбрали в Верхнюю думу. Я принял это очень равнодушно и до сентября месяца ни разу не был с членами ее, покуда в один вечер не позвали меня к Оболенскому слушать часть конституции Ник. Муравьева о Земской управе. Вот только однажды, когда был я, собственно, в так называемой думе — и тут-то уже убедился, что общество это ничтожно; решился тянуть с ними знакомство, как игрушку, а между тем как у меня и прежде было желание ехать на зиму в Москву, там найти себе выгодную партию, и тогда с сим предлогом устраниться от общества и уехать года на два путешествовать. Но судьба судила иначе. При поездке моей в конце апреля в Москву, для провожания е. в. принца Оранского, я встретился там с прежним своим приятелем Якубовичем. Он по всему замечательное лицо — и мы сошлись в приязнь... Либеральничали вместе — но друг другу совсем еще не открылись. Рассеянная жизнь, балы и театр не оставляли мне в 3 недели моего пребывания в Москве время на другое. Я только раз говорил с Пущиным о действии — и согласились, что начинать теперь что-нибудь было бы сумасшествие. В этих мыслях возвратился я назад и следом за мной приехал и Якубович. Между тем я, наскучив упреками Рылеева о моем совершенном бездействии, сказал о существовании общества К. Одоевскому, которого принял Рылеев, и принял меньшого своего брата Петра. Вот только моих адептов, и то последнему я, кажется, не сказал многого.—Мы трое (Од., Ры.) стали знакомиться короче с Якубовичем, сказали ему об обществе, а он признался нам, что приехал с твердым намерением убить государя из личной мести. «Я не хочу принадлежать никакому обществу, говорил он, чтоб не плясать по чужой дудке — я сделаю свое, а вы пользуйтесь этим, как хотите. Коли удастся после этого увлечь солдат — то я разовью знамя свободы, а не то истреблюсь: мне наскучила жизнь. Такое неожиданное приключение поразило нас, напрасно представляли ему, что у нас нет сил, что это будет бесполезное и вредное для всех убийство — он настаивал, боясь, что его вышлют из столицы и более не удастся видеть государя. Наконец. Рылеев сказал ему, что он станет на коленях просить его отложить это, хоть на месяц или на два, — а если он не согласится, то или сам убьет его, или на него донесет. Якубович уступил — и

стал лечить свою рану как говорил для нас. Сперва мы отвели это до маневр — потом далее и далее, и, наконец, как Петербургская жизнь стала ему нравиться, то и до мая месяца. И я совершенно убежден, что этая катастрофа не случилась бы никогда, ибо силы наши не возросли нисколько, а уговорить Якубовича, вероятно, можно б было до того, что его послали куда-нибудь. Я, как лучший и старый приятель его, успел в первый раз уговорить его отложить свое намерение.

Таково было положение дел общества, которое как я уже сказал в Пунктах, составилось, как я слышал, из остатков прежде рассеянного, и которого прежние члены дожны были молчать, ибо хоть списки их и были сожжены, но для страха им говорено было, что они существуют. Некоторые ревностные члены, стараясь умножить число другими, иные занимаясь составлением конституции, но все общество в бездействии, не имея ни средств, ни предлога что-либо предпринять. И хотя Рылеев и проговаривал, что надобно начинать в мае или летом, но как это были слова без основания, я говорил: конечно надобно, и строил свои частные планы в полной уверенности, что в обществе ничего быть не может. Между тем с полгода или немного более, когда точно не упомню, Оболенский и Рылеев сказали вследствие, кажется, южных инстигаций, что надобно уничтожить всю фамилию — не знаю, какие были их виды, кажется, те, чтоб не оставить точки опоры приверженцам — и я пристал к этому же мнению, ибо знал, что одного убийцу найти можно, но многих никогда. Равальяки родятся веками, — но, к щастию человечества, не дюжинами. И как я был уверен, что сыскать таких людей невозможно — (я же и Якубович настаивали, чтобы не менее 10 их было), то этим массивным назначением отклонялся удар от священной главы. Одним словом я был крикун, но не злодей... я говорил даже (винюсь богу и государю), что пожалуй меня употребите на это. Но Рылеев (как я знал это) всегда говорил, что я должен буду действовать на солдат, — а все, кто действовать назначались, должны были быть чисты. Так было все до смерти блаженной памяти государя императора, я ничего не видел вблизи, и только мечтал о том, как, не изменив честному слову, уклониться от содействия обществу, куда завлекло меня воображение, язык — и от намерений, которые взошли в шатком уме, и которых чуждалось мое сердце. — Совершенное мое недоверие к средствам общества, когда я увидел Верхнюю думу, было причиною беззаботности моей на щет ее подробностей и моего неведения о многих вещах, о которых меня спрашивали. Мне все уже казалось нестоющим внимания, и Рылеев и Оболенский не раз ссорились со мной, что я шутил и делал каламбуры, как они говорили из важных вещей. Они называли меня фанфароном и не раз говорили, что за флигель-ад'ютантский эксельбант я готов отдать был все конституции. Я же говорил им, что они мечтатели — а я солдат и гожусь не рассуждать, а действовать. Еще нередко

бранились мы за споры — я нарочно спорил и Pour и Contre, чтоб заставить их разбиться в мнениях и тем замедлить их предположения. — Еще замечу, что с братьями моими не видался я по месяцам и никогда почти о том не говорил. Старший мой брат был всегда из самых умеренных, и когда Рылеев говорил, что если бы в случае восстания поднять Кронштадт — он и Торсон были всегда против этого. Последний нисколько в деле 14 числа не участвовал и едва ли не против воли держался в обществе и никогда ни в каких совещаниях не был, также как и полковник Финлянд. полка Моллер, который хоть когда то и был принят в общество — но тут решительно отказался.

2. Из показаний Никиты Муравьева [1]).

В мае месяце прошлого года (1825) Рылеев принял Якубовича, который по вступлении своем об'явил ему, что он намерен покуситься на жизнь императора во время маневров! Узнав о том от кн. Оболенского — мы вместе с ним и Рылеевым положили во что бы то ни стало не допускать его до исполнения сего намерения. Вскоре узнал я от Оболенского, что Рылеев уговорил Якубовича, как то ему поручено было; что Якубович дал ему слово не предпринимать сего, но, что откладывал сие не более, как на год. В таковых обстоятельствах Дума решилась требовать совета главнейших членов всего общества. Приехав в Москву, я посетил Пущина, Нарышкина, Семенова и Митькова, который только что возвратился из чужих краев и подал в отставку по причине болезни. Павел Колошин и Горсткин, как я узнал от Пущина, Семенова и Нарышкина, совершенно отстранились от дел общества и потому не участвовали в совещании. Я пригласил также Г. Фонвизина, который жил в своей деревне под Клином, приехать в Москву. Я представил им все дело и назвал Якубовича. Все сии члены полагали не допускать его до исполнения сего намерения. Г. Фонвизин сказал, что хотя он уверен в душе своей, что Якубович не исполнит сего, но что долг наш ему в том воспрепятствовать. Сверх того, прибавил он, общество по моему мнению может сделать одну только хорошую вещь — разойтись и посоветовать своим членам заняться исполнением своих семейных обязанностей. Полковник Нарышкин, который был отпущен на 28 дней в свое имение в Крым, обещался проездом заехать в Южную Думу и уведомить ее также о сем, дабы испросить ее советов, каким образом предупредить сие, не подвергая опасности существования общества.

Я заезжал также к Г. Орлову, который с первых слов, видя, что я говорю с ним как с сочленом, отвечал мне: вы знаете ли, что я не принадлежу уже более вам и не знаю даже, из кого со-

---

[1]) «Восстание декабристов». Материалы, т. I, стр. 309.

стоит теперь общество ваше? я отвечал ему: несмотря на то, Северная Дума желает иметь ваше мнение, — и рассказал ему все обстоятельство, не называя, однакож, никого. Г. Орлов был также мнения, что не должно его допускать никаким образом до исполнения сего намерения.

Я начинал писать катехизис в вопросах и ответах, который, к счастию, мною никогда не был кончен, кроме Думы и двух или трех членов никому не известен и брошен по той причине, что я занялся единственно окончанием моего проекта конституции. По этой причине он и не был распущен. Сергею Муравьеву я, кажется, доставил его, но сомневаюсь, чтобы этот был тот же самый, если он доказывает, что существование царей противно богу и естественному праву. Катехизис, писанный мною, имел только целью доказать необходимость ограничения властей и пользу представительных собраний. Он приводил в доказательство Веча, существовавшие в Киеве, Владимире и Москве при великих князьях российских и под их председательством.

8.

Междуцарствие

(19 ноября — 14 декабря 1825 г.).

1. События во дворце.

(Беседа С.-Петербургского генерал-губернатора гр. Милорадовича с кн. Шаховским о событиях во дворце после получения известия о смерти Александра I. Запись Р. М. Зотова) [1].

«По причине отречения от престола Константина Павловича,—сказал гр. Милорадович, — государь передал наследие великому князю Николаю Павловичу. Об этом манифесты хранились в государственном совете, в сенате и у московского архиерея. Говорят, что некоторые из придворных и министров знали это. Разумеется, великий князь и императрица Мария Федоровна тоже знали это; но народу, войску и должностным лицам это было неизвестно. Я первый не знал этого. Мог ли же я допустить, чтоб произнесена была какая-нибудь присяга, кроме той, которая следовала? Мой первый долг был требовать этого, и я почитаю себя счастливым, что великий князь тотчас же согласился на это».

— «Признаюсь, граф, — возразил князь Шаховской, — я бы на вашем месте прочел сперва волю покойного императора».

---

[1]) Н. К. Шильдер, «Николай I», т. I, стр. 207.

— «Извините, — ответил ему граф Милорадович, — корона для нас священна, и мы прежде всего должны исполнить свой долг. Прочесть бумаги всегда успеем, а присяга в верности нужнее прежде всего. Так решил и великий князь. — У кого 60.000 штыков в кармане, тот может смело говорить. (Quand on a soixante mille bayonettes dans sa poche, on peut parler courageusement), — заключил Милорадович, ударив себя по карману. — Разные члены совета пробовали мне говорить и то и другое; но сам великий князь согласился на мое предложение, и присяга была произнесена; тотчас же разосланы были и бланки подорожных, на имя императора Константина. Теперь от его воли будет зависеть вновь отречься, и тогда мы присягнем вместе с ним императору Николаю Павловичу».

2. Северное общество в дни междуцарствия.

(Из показаний К. Ф. Рылеева) [1].

О болезни покойного государя узнал я накануне присяги государю цесаревичу в доме графини Лавель от Трубецкого. Он прибавил при сем: «говорят, опасен; нам надобно с'ехаться где-нибудь». Я предложил—у Оболенского, и мы уговорились на другой день быть там, но сего сделать не успели, и, как выше показано мною, Якубович с известием о смерти покойного государя застал меня в постели больного, а вскоре последовала и присяга, и никаких мер не только невозможно было принять, но даже и сделать о том совещания. Вскоре приехал Трубецкой и говорил мне, с какою готовностью присягнули все полки цесаревичу; что, впрочем, это не беда, что надобно приготовиться, сколько возможно, дабы содействовать южным членам, если они подымутся, что очень может случиться, ибо они готовы воспользоваться каждым случаем; что теперь обстоятельства чрезвычайные и для видов наших решительные. Вследствие сего разговора и предложено было мною некоторым членам, в то же утро ко мне приехавшим, избрать Трубецкого в диктаторы. Все из'явили на то свое согласие, и с того времени начались у нас решительные и каждодневные совещания...

С известием о слухе, что государь цесаревич отрекается от престола, первый приехал ко мне Трубецкой, — и положено было воспользоваться им непременно; если ж слух сей несправедлив, то выжидать, что предпримут на юге. Впоследствии решительно положили, в случае принятия короны государем цесаревичем, об'явить общество уничтоженным и действовать сколь можно осторожнее, стараясь года в два или в три занять значительней-

---

[1]) «Восстание декабристов». Материалы, т. I, стр. 183.

шие места в гвардейских полках. Это было мнение Трубецкого, при чем я сказал, что в таком случае полезно будет обязать членов не выходить в отставку и не переходить в армию. Это также было одобрено как Трубецким, так и Оболенским.

Квартира моя с того самого времени действительно сделалась местом совещаний, сборища заговорщикам, откуда исходили все приготовления и распоряжения к возмущению; но это произошло случайно, по причине моей болезни, которая не дозволяла мне выезжать. В противном случае, я конечно б не допустил у себя сих собраний, как для безопасности собственной, так и общества. Трубецкой может говорить, что упомянутые приготовления и распоряжения будто бы делались только от его имени, и непосредственно были мои, но это несправедливо. Некоторые из оных действительно были приняты по моему предложению, но много предложено было самим Трубецким, другие Оболенским, иные Якубовичем и проч. Настоящие совещания всегда назначались им, и без него не делались. Он каждый день по два и по три раза приезжал ко мне с разными известиями или советами, и когда я уведомлял его о каком-нибудь успехе по делам общества, он жал мне руку, хвалил ревность мою и говорил, что он только и надеется на мою отрасль; словом, он готовностью своею на переворот совершенно равнялся мне, но превосходил меня осторожностью, не всем себя открывая.

При совещании о средствах к возмущению солдат, я полагал полезным распустить слух, будто в сенате хранится духовное завещание покойного государя, в коем срок службы нижним чинам уменьшен десятью годами. Мнение сие как Трубецким, так и всеми другими членами единогласно было принято, и положено было поручить офицерам разных полков, принадлежащих к обществу, привести оное в исполнение. Не я и Оболенский только находили достаточным шести полков для достижения цели общества, но почти все, исключая Щепина-Ростовского. Когда еще надеялись только на полки Гренадерский, Московский и Гвардейский Экипаж, Трубецкой действительно однажды в разговоре со мною усумнился в успехе, ибо, говорил он, невероятно, чтобы все роты увлеклись примером нескольких. Я напротив думал, что в каждом полку достаточно одного решительного капитана для возмущения всех нижних чинов, по причине негодования их противу взыскательного начальства, и когда я спросил Трубецкого, какую силу полагает он достаточною для совершения наших намерений, он отвечал: «довольно одного полка». На это я сказал ему: «так нечего и хлопотать; можно ручаться за три и за два наверное». Впоследствии же, когда сверх означенных стали надеяться и на полки Измайловский, Финляндский и Егерский, то все без исключения решительно говорили, что сами обстоятельства призывают общество к начатию действий, и что не воспользоваться оными со столь значительною силою было бы непростительное малодушие и даже преступление.

Убийств и грабежа я никогда не защищал, а напротив доказывал и гнусность и бесполезность оных. Трубецкой никогда не жаловался мне на бунтующий дух членов, а сказал только раз о Якубовиче, что против него надобно будет принять меры осторожности по достижении намерений общества. Занятие дворца было положено в плане действий самим Трубецким. На полки— Гренадерский, Московский и Гвардейский Экипаж, надеялись мы, имея в оных весьма решительных членов своих, каковы Арбузов, Щепин-Ростовский, М. Бестужев и Сутгоф. На Егерский полк полагались по уверениям Арбузова, на Измайловский по словам некоторых офицеров оного, и по той же причине и на Финляндский.

Противу ныне царствующего государя императора никто особенно не восставал; Трубецкой потребовал, дабы его принести на жертву, и не предлагал оставить великого князя Александра Николаевича. А я и Оболенский никогда не утверждали, что надобно уничтожить всю царствующую фамилию. Если б положено было уничтожить августейшую фамилию или кого-либо из оной, то общество верно бы приняло предложение Якубовича: кинуть жребий, кому на сие покуситься, а я об'явил бы о предложении Каховского, которое он сделал при Н. Бестужеве. Напротив я о том никому не сказал, а предложение Якубовича было отвергнуто единодушно, несмотря на то, что Арбузов заверял, что нет ничего легче, как убить императора во дворце на выходе.

В решительном совещании никогда не полагали истребить императорскую фамилию и провозгласить республику, равно и того, что если на нашей стороне будет только перевес, то чтоб депутацию к государю цесаревичу с просьбою царствовать с некоторыми ограничениями. Положено же было захватить императорскую фамилию и задержать оную до с'езда Великого Собора, который долженствовал решить, кому царствовать и на каких условиях. Вследствии чего Трубецкой и поручал мне написать к народу от имени сената манифест, в котором должно было изложить, что государь цесаревич и ныне царствующий государь император отказались от престола, что после такого поступка их, сенат почел необходимым задержать императорскую фамилию и созвать на Великий Собор народных представителей из всех сословий народа, которые должны будут решить судьбу государства. К сему следовало присовокупить увещание, чтобы народ остался в покое, что имущества, как государственные, так и частные остаются неприкосновенными, что для сохранения общественного устройства сенат передал исполнительную власть Временному правлению, в которое назначал адмирала Мордвинова и тайного советника Сперанского и проч. Сего содержания манифест был написан бароном Штейнгелем, которому я передал сие поручение, почитая его способнейшим себя для написания акта подобного рода.

13 декабря к вечеру я действительно предлагал Каховскому убить ныне царствующего государя и говорил, что это можно исполнить на площади, но кто при том был, не помню. По утру дня, долго обдумывая план нашего предприятия, я находил множество неудобств к счастливому окончанию оного. Более всего спрашивал я, если ныне царствующий император не будет схвачен нами, думая, что в таком случае непременно последует междоусобная война. Тут пришло мне на ум, что для избежания междоусобия должно его принести на жертву, и эта мысль была причиною моего злодейского предложения.

Кроме вышеприведенных мнений разных членов, Якубович говорил, что надобно разбить кабаки, позволить солдатам и черни грабеж, потом вынести из какой-нибудь церкви хоругви и итти ко дворцу. Все это говорено им было в самых сильных выражениях и с чрезвычайным жаром, но сие предложение единодушно было отвергнуто. Других особенных мнений не помню. Повторяю, что об истреблении всей императорской фамилии и об оглашении республики я никогда не говорил. Дворец занять брался Якубович с Арбузовым, на что и из'явил свое согласие Трубецкой. Занятие же крепости и других мест должно было последовать по плану Трубецкого после задержания императорской фамилии. Других военных распоряжений я не знаю. На одном из совещаний Трубецкой назначил к себе в начальники штаба Оболенского; может быть, сей последний получил от него какие-либо поручения. Еще известно мне, что в случае неудачи положено было ретироваться на поселения. Кто это предложил, не знаю точно. О манифесте, написанном бароном Штейнгелем, я упомянул выше. О другом же, приготовленном Н. Бестужевым, я никогда не слыхал, и, сколько мне известно, ему того и не поручали...

В заключение, дабы совершенно успокоить себя, я должен сознаться, что после того, как я узнал о намерениях Якубовича и Каховского, мне самому часто приходило на ум, что для прочного введения нового порядка вещей необходимо истребление всей царствующей фамилии. Я полагал, что убиение одного императора не только не произведет никакой пользы, но напротив может быть пагубно для самой цели общества; что оно разделит умы, составит партии, взволнует приверженцев августейшей фамилии, и что все это совокупно неминуемо породит междоусобие и все ужасы народной революции. С истреблением же всей императорской фамилии я думал, что поневоле все партии будут соединяться, или по крайней мере их можно будет успокоить. Но сего преступного мнения, сколько могу припомнить, я никому не открывал, да и сам наконец обратился к прежней мысли своей, что участь царствующего дома, а равно и то, какой образ правления ввести в России, вправе только решить Великий Собор, что постоянно и старался внушать всем известным мне членам.

9.

План восстания и его подготовка.

(Из показаний кн. Трубецкого) [1]).

... Вот какой был план мой. Я полагал, что если полки откажутся от присяги, то собрать их где-нибудь в одном месте, и ожидать какие будут меры от правительства; я надеялся, что если их будет достаточное число, то силою не вздумают их принуждать к повиновению; и для того, чтоб убедиться в собственной силе, должно было тот полк, в котором откажутся люди от присяги, стараться вывести к другому ближнему полку, что побудит и тот полк выйти, если он также отказывался дать присягу, или также отказаться от оной. По рассказам Рылеева и Оболенского, от коих одних я сначала имел все сведения, я полагал, что не присягнут полки: Измайловский, Финляндский, Егерский, Лейб-Гренадерский Московский и Морской Экипаж. Таковую силу полагал достаточною.

Думал, что если в первый день не вступят с ними в переговоры, то увидев, что они не расходятся и проночевали первую ночь на биваках, непременно на другой день вступят с ними в переговоры, или об'явят, что послали в Варшаву к государю цесаревичу. Между тем нельзя будет сим полкам отказать в продовольствии; и тогда, если действительно послано будет в Варшаву, ожидать решения от обстоятельств и, если его высочество цесаревич изволит приехать, тогда покориться обстоятельствам. Если же государь цесаревич не приедет или, что, я полагал, вернее вступят с полками в переговоры, то сказать солдатам, что есть завещание блаженной памяти государя императора, по которому завещано им убавить срок службы, что надобно вытребовать исполнение сего завещания, но просто на одно обещание положиться нельзя, а надобно сделать крепко, и для того убедить их не расходиться, и что если не разойдутся, то будет все сделано. Тогда требовать всего того, что написано в известной записке, состоящей при деле [2]), и чтоб все сие было об'явлено манифестом от сената. Для полков вытребовать удобное для стоянки место до окончания всего. Я не сомневался, что в сие время многие бы и другие полки к сим не присоединились, и даже многие лица во всех местах не поддержали требований. Сие основано было на том мнении, что вероятно есть много людей, желающих конституционной монархии, но которые не являют своего мнения, не видя возможности до оной достигнуть, но когда возможность

---

[1]) «Восстание декабристов». Материалы, т. I, стр. 36—38, 64—67, 102—105.

[2]) Впрочем, записка сия не полагалась определительно принятою, из оной возможным полагалось многое уступить, исключая, однакож, Собрания депутатов из губерний по сословиям. (Прим. Трубецкого.)

и при том, что восставшие войска никакого буйства не делают, то обратятся на их сторону. Я не опасался, чтоб другие полки можно было заставить действовать против сих, но опасался одной артиллерии, почему и полагал необходимым зайти за нею и взять ее с собою. — Обстоятельства должны были решить, где удобнее будет расположить полки, но я предпочитал расположить их за городом; ибо тогда в городе сохранится тишина, да и самые полки можно будет лучше удержать от разброда. Полков же армейских, как я сказывал, мы не боялись, ибо не верили, чтоб можно было подвергнуть полки на полки. — Другое предположение было, чтоб собрать все полки на Сенатской площади, и как скоро вступят с ними в переговоры, то требовать в сенате завещания, по которому убавлен срок службы солдатам (как выше сказано), а между тем требовать рассылки известного манифеста, и тогда уже обстоятельства должны определить, где полкам быть на сборном месте, чтоб не расходиться до окончания. — Впрочем, было мнение некоторых, что еслиб все сие так не удалось, то итти к военным поселениям, присоединить их и ожидать окончания. Уверенность вообще была, что окончание будет по желанию.

Когда я сам стал собирать сведения от офицеров (коих я прежде показал) о состоянии умов в полках, и осведомился о числе членов самого общества, то я увидел, что расположение умов не подает надежды в успехе исполнения, и что общество состоит из самых незначущих лиц. Но вместе с тем я видел, что много есть людей, которые начинают весьма горячиться, один раз Рылеев сказал мне, что требуют начать до предположенного времени; между тем я знал, что были некоторые хотевшие возмутить полки еще в день присяги, данной государю цесаревичу. Я пришел в большое замешательство. Слышал, что некоторые говорили, что и с одной горстью солдат можно все сделать, говорили о грабеже и убийствах; говорили, что можно и во дворец забраться, но на сие бывший тут Батеньков возразил, что дворец должен быть священное место, что если солдат до него прикоснется, то уже ни чорт его ни от чего не удержит. Я уверен, что сие его возражение от многого впоследствии бедствия удержало. — Я жаловался Рылееву, что такой бунтующий дух между членами, он уверял меня, что оный успокоится. — Я не рожден убийцей; я желал отойти, видя себя между людьми, готовыми на убийства; но между тем полагал, что я же или, по крайней мере, имя мое служило к возбуждению их на такие дела; и надеялся еще, что, оставаясь с ними в сношении и как бы в виде начальника, я успею отвратить зло, и если необходимо должно быть чему-нибудь, то убедить их не делать беспорядков и сохранить хотя некоторый вид законности. Но внезапу узнали мы, что курьер приехал из Варшавы ранее, нежели я ожидал его по своим расчетам, я увидел, что горячность многих опять возгорелась; некоторые говорили, что отступать уже нельзя, ибо

все может быть уже открыто, следовательно. все равно умирать. Я еще все думал сколько-нибудь помочь, уговаривая, чтоб офицеры начинали просто вопросами, почему хотят их приводить к присяге, и только тогда, если увидят, что поддерживают их солдаты, выводили их; и увидя, что на это поддаются бывшие тут ротные командиры кроме Арбузова, который с уверенностью говорил, что он выведет, некоторая надежда в сердце моем вселилась, что не будет ничего от других полков, кроме разве из Морского Экипажа. (Я надеялся, что в Московском полку не начнется потому, что бывший тут оного полка Бестужев говорил, что за ним рота не последует, ибо он только два месяца ею командует.) Я вышел, однакож, от Рылеева в отчаянии; я ясно видел, что принятием на себя вида начальства (хотя все распоряжения были деланы Рылеевым, но от моего имени) и согласием данным быть с бунтующими полками, я делаюсь виновником всего того, что последовать может; что рассуждениями моими с сими офицерами о средствах каким образом все устроить я подал им уверенность, что я от них не отстану, и тем может быть еще более их подвернул, если они были готовы, или возбудил их, если они к тому не готовились. Укорял себя в том, что не представил им всего безумства такого намерения; терзаем совестию, мучим страхом грозящих бедствий, я видел, что во всяком случае и я погиб неизбежно; но решился, по крайней мере, не иметь еще того на совести, чтоб быть в рядах бунтовщиков. — Присяги ожидали в 6 часов по утру. Рылеев сказал мне, что он рано уйдет в Морской Экипаж, тоска души моей не дала мне сна, я в 7 часов пошел осведомиться, где Рылеев, и нашел его дома; сердце мое отошло несколько; я надеялся, что все пройдет тихо, но не имел духа спросить его о Морском Экипаже. В 9 часов я узнал, что уже конная гвардия присягнула, и послал еще к Рылееву просить его к себе, желая убедиться, что он дома, и в самом деле он приехал; тогда вновь отрада вошла в сердце мое, однакож я не спросил об экипаже, сказал только, что кажется все тихо пройдет. Он был с Пущиным; сей, выходя от меня, говорит: «однакож вы будете на площади, если будет что-нибудь». Я не имел духу сказать ни да, ни нет, отвечал: «да чтож, если две какие-нибудь роты будут, чтож может быть. Кажется все тихо пройдет, уж многие полки присягнули». Я боялся, что если, сверх моего чаяния, и будет какое-нибудь возмущение, то за мной придут, почему и ушел из дому...

...а)...Чрез несколько дней после того, как дана была присяга государю цесаревичу, и когда еще не говорили, что отречется его высочество от данной ему присяги, я говорил Рылееву, что существование общества в царствование государя цесаревича будет опасно, с чем и Рылеев был согласен, и мы положили с ним, что надобно непременно общество уничтожить. После того, когда начали говорить в городе, что может быть государь цесаревич отречется, то вместе с тем начали говорить, что отречение

сопряжено с трудностями, что отречение вещь необычайнейшая, и у нас небывалая, что наш народ не поймет оного и тому подобное. В это время (именно какого числа, к сожалению, не помню) пришел ко мне Рылеев и сказал мне, что может быть представится возможность воспользоваться ими для введения конституции. Что должно полагать, что солдаты не поверят отречению, особенно, если государь цесаревич не приедет для об'явления о том, а только пришлет оное из Варшавы; что общество здесь довольно сильно, чтоб воспользоваться таковыми средствами; что есть полки, за которые отвечать можно; что члены общества собрались на квартире у князя Оболенского, и избрали меня на сие время диктатором. Чтоб я подумал, каким образом можно будет произвести в действо намерение общества; что между тем члены будут собирать сведения; что мне нужно будет с некоторыми из них познакомиться, и что он меня уведомит, когда будет назначен день, чтоб они собрались у него по одному человеку с полка.

После сего при свиданиях моих с Рылеевым и князем Оболенским узнал я от них, что они надеятся на полки: Измайловский, о котором говорили, будто его хотят раскассировать, потому будто бы в нем солдаты явно говорят, что они не присягнули другому императору, присягнувши раз одному, и что будто бы для того сей полк выведут за город и разделят поротно по дороге до Луги якобы для встречи тела покойного императора; на Егерский, в котором будто бы солдаты говорили, что если государь цесаревич не приедет, то они за его высочеством пойдут; на Финляндский, в котором два баталионные командира принадлежали к обществу; на части Московского и Лейб-Гренадерского полка, и на Морской Гвардейский Экипаж. О последних трех сказывал мне Рылеев, о Измайловском князь Оболенский, о Финляндском оба они, а о Егерском не помню кто из них, кажется, будто тоже князь Оболенский.

Впоследствии слышал я у Рылеева (к которому все известия членами общества приносились), что будто всю гвардию вывести для присяги за город.

Я с своей стороны сообщил Рылееву и князю Оболенскому, какие я средства вижу к приведению к исполнению намерения общества; оные состояли в следующем: «полк, который откажется от присяги, надобно стараться вывести из того места, где он будет собран для присяги, и вести его к ближнему полку, на который надеются, и когда тот пристанет, то итти к следующему и так далее. Что лучше будет, если можно сначала вывести Измайловский полк, как один из коренных гвардейских, и можно скорее надеяться, что к оному пристанут другие полки. Что таким образом можно полагать, что присягнут и из тех полков, на которых не считают. — Когда полки пехотные почти всей или большей части гвардии будут таким образом собраны вместе, тогда, вероятно, важнейшие из начальствующих лиц будут при-

сланы их уговаривать; в таком случае должно настаивать только на одном,—требовать прибытия государя цесаревича, и если будет об'явлено, что будет послано государю цесаревичу, тогда вытребовать место для квартирования полков до того времени, как его высочество прибудет. Сим образом будет соблюден весь вид законности, и упорство полков будет сочтено верностью; но цель общества введения конституции будет уже потеряна.—Если же не будет об'явлено, что пошлется известие в Варшаву к государю цесаревичу, но об'явят, что его высочество не изволил принять присяги и станут уговаривать полки, тогда их вести к Сенату и требовать общего собрания, и когда оное сберется, то потребовать, чтобы сенат издал манифест, коим бы всенародно об'явил, что государь цесаревич не принял присяги, и как такой пример есть в нашем государстве первый, какому подобных еще не было, то для разрешения, что в сем случае делать, просить ли его высочество от всего государства о принятии престола, или поднести присягу государю императору Николаю Павловичу, назначается общее собрание депутатов из всех губерний, из каждого сословия по одному (или двум), коим и собраться в столицу в самоскорейшем времени; в том же манифесте должно бы было об'явить, что оное депутатское собрание поставит законоположение для управления государством на будущее время; сим же манифестом об'явить, что даются равные гражданские права всем сословиям (не произнося, однако, слова вольности для крестьян, чтоб тем не сделать возмущений), что срок службы солдатам убавляется; и наконец, что для управления государством до решения, какое последует от депутатского собрания, назначается правление из двух или трех лиц из известнейших особ Государственного Совета, а сенат до того ж решения депутатского собрания закрывается, буде нужно, департамент для судных только дел; но всякая законодательная власть должна прекратиться до сбора депутатов. Касательно Царства Польского я также думал, что нужно пригласить члена в Временное правление, или депутатов для определения мер для сохранения единства Державы. — Манифест сей должен был бы быть разослан в тот же день, и по рассылке только его полка отвести на место, которое будет избрано для стояния им до собрания депутатов».

Рылеев не хотел, чтобы полки шли один к другому, говоря что это долго слишком будет; но я в том настаивал, как в необходимой мере, без которой ничего нельзя будет сделать. В последний вечер 13 числа, когда он при мне говорил Арбузову, что он рано к нему придет, то он прибавил: «мы уж прямо на площадь», и я на сии слова уже не возражал. Может быть я в вышепрописанном случае, но не 13 числа, говорил Рылееву, что сначала, когда полки будут итти один к другому, то нам не надобно быть с ними, или, по крайней мере, при первых; напротив сего Батеньков говорил, что надобно и в барабан приударить, потому что это сберет народ.

Впоследствии было также предложение занять крепость, и сколько помню (хотя достоверно утвердить не могу), также Батенькова; и Рылеев, кажется, находил (хотя также за подлинно не отвечаю, что не ошибаюсь, называя его), что в крепость может прямо пройти Лейб-Гренадерский полк. Но я находил, что сие слишком разделит силы, и не находил нужды в занятии крепости.

Как я прежде показал, то я от Батенькова принял мысль, что полки надобно будет поставить вне города, и потому полагал нужным иметь солдатам с собой патроны; но когда я рассуждал о сем с ротными командирами, то нашли они в том неудобство, ибо патроны лежат в ротных цейхгаузах, и не могло быть никакого благовидного предлога раздавать их по рукам пред присягою, почему 13 числа и было положено выходить без патронов; на это решение, кто-то из слышавших оное (кажется Бестужев ад'ютант) сказал, «а как по вас залп дадут? Артиллерия взяла по три зарядных ящика на орудие (или роту)»— точного не помню слова; на что Арбузов отвечал: «мы и холодными ружьями с ней справимся» [1]).

Известные мне совещания, на которых я был, все происходили у Рылеева; я должен полагать, что были и в разных других местах частные совещания; ибо положено было между мной и Рылеевым [2]) чтобы я увиделся у него с теми, коих он называл депутатами от полков, по одному офицеру с полка. От Измайловского полка, в котором были члены общества, ни разу я никого не видал и когда я спрашивал об оном полку, то Рылеев мне отвечал, что Оболенский с ними, но где они сбирались не знаю, полагаю, что у Оболенского.

Сначала я ни с кем не виделся, кроме Рылеева и К. Оболенского; и если кто бывал у Рылеева, то мы при нем не разговаривали о намерениях общества, хотя бы то был и кто из членов. Потом я виделся в назначенный для того день, как я выше сказал, с теми лицами, с коими Рылеев хотел, чтоб я виделся, и кои были Московского полка князь Щепин, Лейб-Гренадерского Сутгоф и Морского Экипажа Арбузов. И потом был я на совещаниях в последние дни недели, предшествовавшей 14 числу декабря. Были ли какие совещания и где без меня, о том я сведения не имел. — Дня, в который у меня было первое назначенное с вышепомянутыми членами свидание, я вовсе припомнить не могу.

b) На первом совещании были, как пред сим я сказал: К. Щепин, Сутгоф и Арбузов, кроме их кн. Оболенский, Рылеев и я, после того К. Щепин был еще один раз, Сутгоф более, но не во всех, Арбузов каждый раз, князь Оболенский на всех и именно не был 13 числа, и я жалел, что не видал его оного числа, ибо

---

[1]) Почему я не мало удивился 14 числа, когда услышал, что бунтовщики стреляли.

[2]) Как я выше сказал.

чрез него только мог иметь вернейшее сведение о Измайловском полку. Кроме означенных лиц еще на совещаниях были Финляндского полка Репин два раза, Бестужев Московского полка один раз 13 числа, Батеньков один раз, которого числа не упомню и случайно или по приглашению не знаю[1]). Пущин (статский) не каждый раз; другой Пущин командир Л. Г. Пионерного эскадрона в последние два дня 12 и 13 декабря[2]), Бестужев ад'ютант и Штейнгель, жившие в том же доме, приходили и уходили, иногда вмешивались в разговор, но они были несовещательные лица. Якубович пришел во время одного совещания, в какой именно день не помню, а остался во все время, пока я был и после меня; когда он пришел, Рылеев сказал мне: «вот Якубович который желает с вами познакомиться»; я его тут видел в первый и надеюсь в последний раз в моей жизни. — Во время совещаний, когда кто-либо заходил из посторонних к оным лиц, то их останавливали в другой комнате или выводили, если они входили в ту, где я был. — 12 декабря во время совещания приходил Карнилович и кажется остался по отходе моем.

В тот же день, когда был Якубович, рассуждаемо было о том, сколько можно было надеяться на полки, и оказывалось, что надежды гораздо менее, чем полагали; и Якубович услыша, что находили затруднения в исполнении предприятия, вдруг начал говорить, рассказывать очень горячо о себе и о известном его намерении против особы покойного государя и заключил речь свою сими словами: «ну, вот, если нет других средств, нас здесь пять человек, метнемте жребий, кому достанется, тот должен убить его (под словом его, я понял особу государя императора) в назначенный срок» (кажется прибавил «или самого его убьют», но за подлинно не утверждаю). Увидев, что все молчат, Якубович продолжал: «впрочем, господа, я вам признаюсь, что я этого взять на себя не в состоянии; я сделать этого не могу, потому что я имею доброе сердце. Я хотел сделать это против кого я дышал мщением, но я не могу быть хладнокровным[3]) убийцею, потому что я имею доброе сердце». На сию выходку не было ответа, совещание не продолжалось и я ушел. — В сей вечер были кроме меня и Рылеева: Арбузов, сколько помню то Оболенский

[1]) Впрочем первое только свидание мое с вышеозначенными офицерами было по назначению, а прочие назначаемы не были; я, приходя к Рылееву, не знал найду ли кого и кого найду.

[2]) Был однажды Булатов, командир кажется какого-то Егерского полка 6-й дивизии. Рылеев познакомил меня с ним и сказал: «вот полковник Булатов, который служил в Л.-Гренадерском полку и за которым весь полк пойдет, только он покажется; его так в оном полку любят». И обращаясь к Булатову, сказал: «так вы примете команду полка и поведете его?» Булатов отвечал, что он согласен, если полк выйдет. Прежде я видел раз Булатова у Рылеева же, но тогда Булатову ничего не было известно, я тогда уходил от Рылеева, а он пришел. Участия в совещании Булатов не брал. Мой разговор тем с ним прекратился, но я полагаю, что Рылеев с ним говорил, хотя и не рассказывал мне что.

[3]) За слово хладнокровным я точно отвечать не могу.

и К. Щепин. Может быть кто и еще был, но сколько припомнить могу, то не во время произнесенных слов Якубовичем.

Однажды, когда говорили во время совещания, где стать полкам за городом, то Рылеев спросил меня, в том предложении если послано будет к государю цесаревичу, и буде он приедет, то не остановить ли его? На это я ему отвечал, что нельзя будет. Это Рылеев говорил не громко, и я не знаю слышал ли кто из других.

Об аресте государя императора говорили, и кажется мне Пущин (статский), но утвердительно сказать не могу точно ли он.

c) За непременное было определено мною, чтоб войска после издания манифеста от сената, вышли из города и стали близ оного лагерем; и таким образом ожидать собрания губернских депутатов, не касаясь нимало высочайшей особы государя императора и августейшей фамилии. — Если мне почитать себя диктатором, как мне то было об'явлено, то я должен полагать, что во всех отношениях должна была исполниться моя воля. Если же другие члены между собою положили что-либо к исполнению, то я не диктатор. — В первом случае, то-есть, если я был диктатором, то я не обязан был заранее и представлять воли моей на соображение членов, и если какую из'явит, то должен оную признавать как положенную за непременное, если впоследствии не изменил оную из'явлением иной по тому же предмету воли. И по сему согласно с показанным на меня обвинением в § 4 под литерою с) допросного пункта, должен почитать положенным за непременное то мнение против особы государя императора, о котором сказано в оном (л. 90 об.) параграфе, что я его из'явил и требовал исполнения оного. — Если же я не был диктатор, тогда я не знаю, мнение которого из членов могу полагать положенным за непременное. — Какие же известные мне были предлагаемы, я пояснил выше. Если были сверх того предложены другие какие мнения, мною не показанные, то я о них сведения не имею. Я не был безотлучно с членами; в совещаниях я говорил только с означенными мною ротными командирами, которых обыкновенно расспрашивал: о духе солдат в их полках, о числе людей, на коих они надеются, и о средствах, какими они надеются вывести полки. Сии же офицеры о дальнейших моих предположениях меня не расспрашивали, а когда кто из других поименованных мною выше членов, бывших мне давно знакомых, делали мне вопросы о предположениях моих и о действии, особенно же на совещаниях, то я (л. 91) обыкновенно отвечал, что обстоятельства покажут, что делать в том или другом случае. Сим словом: «обстоятельства покажут» — я избегал и дальнейших мне вопросов, и предложения мне мнений. Быть может, что я таковым ответом много сделал вреда и себе и другим.

d) Увлечь войско и открыть действие предположено было показанием недоверчивости об отречении государя цесаревича; и если солдаты окажут, что они не верят отречению и откажутся

присягать, то вывести полк к другому полку, сказав просто: «пойдемте к такому-то полку, посмотрим, что они делают», а если бы сие оказалось недостаточным, то сказать, что есть духовное завещание покойного государя. После же обнародования манифеста от сената надеялись удержать их в сборе до собрания депутатов, об'явлением уменьшения срока службы и содержанием самого манифеста (л. 91 об.).

e) Поручения о занятии дворца, сената, крепости или каких других мест я никому не делал; и мне о сем никаких предложений ни от кого делано не было, исключая приведенного выше, что Лейб-Гренадерский полк мог бы[1]) прямо пройти в крепость. — Если насчет занятия означенных мест было что-нибудь положено между кем из членов, то без ведома моего, и я о том уведомлен не был.

f) Кто вызывался, и кто назначен был нанести удар государю императору, я совершенно не знаю; мне и при мне никто на сие не вызывался; я никого не назначал, и предложения о таковом назначении мне никто не делал; и если что по сему было положено без меня, то до сведения моего не доходило и не было мне ни кем сообщено. — Тот или те, кои показали, что я требовал, чтобы государь император был принесен на жертву, должны знать, если я кого на сие ужасное дело и назначил, если я оного требовал, то, вероятно, и назначил кого-нибудь для исполнения. А как я выше показал, что я совершенно не полагал иметь сего преступления на совести моей, то не могу и помнить, чтобы я назначал кого. В обоих случаях я должен был быть в совершенном беспамятстве и потому только должен верить, что я был столь несчастлив, что произнес таковое требование, что не могу никак предполагать, чтоб кто решился меня оклеветать или умышленно неверно показать на меня.

Касательно распорядка, сделанного о действиях 14 декабря, я в прежнем моем предположении ничего не переменял; то-есть: чтоб Морской Экипаж шел к Измайловскому полку, сей к Московскому, но Лейб-Гренадерский и Финляндский должны были итти прямо на Сенатскую площадь, куда бы и прочие пришли. На Московский полк я мало полагался, потому что в оном надеялись только на двух ротных командиров: князя Щепина и Бестужева, из коих последний не полагал, чтоб рота имела к нему доверенность, потому что он только два месяца ею командовал: о Измайловском полке Рылеев мне говорил, что кн. Оболенский за него отвечает.

В сей вечер, то есть 13-го числа, когда я пришел к Рылееву, я нашел уже несколько человек. Репин оказывал неуверенность, чтоб можно было вывести Финляндский полк, если даже солдаты и откажутся от присяги (на последнее он надеялся); Бестужев (Московский) также говорил, что он не может вывести роту,

---

[1]) И которого я не принял.

когда другие роты не тронутся, и оба они спрашивали, что делать в таком случае. Я отвечал, чтоб старались поддержать солдат в отказе от присяги до тех пор, как слышал что какой другой полк вышел или что прочие присягнули; в последнем случае делать нечего, а в первом, услышавши, что другой полк вышел, то и их полк верно выйдет. Рылеев на это вскричал: «нет уже теперь так оставить нельзя, мы слишком далеко зашли, может быть, нам уже и изменили». Я отвечал: «так других что ли губить для спасения себя?» Бестужев (ад'ютант) возразил: «да, для истории» (кажется прибавил «страницы напишут»), я отвечал: «так вы за этим-то гонитесь?». И тогда, взяв Арбузова, Репина, Бестужева (Московского) и Пущина (Конно-Пионерного) я вывел их в другую комнату и говорил им, чтоб они сами не начинали отказываться от присяги решительно, если не будут надеяться, что солдаты их поддержат, и на вопрос Бестужева (Московского), как же сделать? я говорил, чтобы оказывали сомнение, что государь цесаревич отказался и спрашивали почему это известно. Говорили бы, что они ему уже присягали; и если их солдаты будут поддерживать, то можно надеяться, что и выведут; а если нет, то делать нечего, надобно присягать. Пущин (К. П.) отвечал, что его эскадрон сделает то, что Измайловский полк, потому что вероятно будет с оным приводиться к присяге; если же будет особо, то не присягнет, но что ему нельзя будет его вывести, потому что предлога к тому дать нельзя никакого и что очень мало людей в эскадроне, то даже и бесполезно будет; и потому он будет дожидаться, чтоб вышел Измайловский полк. Арбузов ничего не говорил, но, казалось мне, что смотрел на меня с усмешкою. — Между тем много приезжало, и всех проводили в другую комнату; Рылеев из той комнаты приходил к нам и опять туда уходил; я спросил его, что так много наезжает? Он сказал, что услышали о курьере, то приезжают сказывать и осведомляться. — Я перестал говорить с означенными ротными командирами и уехал. Что после меня происходило у Рылеева, о том я никакого сведения не имел. На другой день, т.-е. 14 декабря по утру я (как в прежних об'яснениях показывал) ходил к Рылееву часов в 7 по утру и нашел, что он еще в постели. Я был рад, ибо боялся по сказанным им словам Арбузову прошедшим вечером, чтоб он не ушел к нему и чтоб не возбудили в Экипаже; мне не хотелось, чтоб он, т.-е. Экипаж выходил первый, потому что он всех слабее, и его примеру не надеялся, чтоб другие полки последовали. Пока я был у него, сошел к нему Штенгель (живший наверху в том же доме). Разговора о предшествовавшем вечере не было, ни о предположениях на сей день: я не в таком духе был, чтоб расспрашивать, Рылеев тоже, видно, не хотел говорить; я рассказал только что сбирается сенат, а Штенгель сказал: «пойду дописывать манифест, который, кажется, останется в кармане, он у меня в голове почти совсем кончен». С сим словом он пошел, и я также встал. Тут я узнал, что Штенгель пишет манифест; сам ли от себя,

или по определению других он сие делал — неизвестно. Когда я встал, чтоб идти, приехал Репин сказать Рылееву, что в Финляндском полку офицеров потребовали к полковому командиру и что они присягают особо от солдат.

Рылеев показывал, что совещания были беспрерывные после принятия присяги государю цесаревичу. — С ним действительно у меня были почти ежедневные, а после и ежедневные, когда я каждый день с ним виделся; но я под именем совещаний полагал единственно те, которые были у меня с членами, коих называл в прежнем показании моем. — Занятие дворца, крепости и других мест не было определено мною, потому что я держался все моего плана, чтоб первый вышедший полк шел подымать другие полки; ибо, действуя иным образом, я полагал, что успеха не будет. А когда полки таким образом поднялись, то я думал, что, усмотрев какою силою распоряжать можем, определю я и дальнейшее действие по обстоятельствам. Сверх того не хотел я, чтоб члены заранее могли рассуждать о моих предположениях, чтоб тем не унизить звание диктатора, которое они мне дали, и чтоб после не было прекословия или ослушания, если я переменю мысли согласно с обстоятельствами; потому я часто говорил, когда меня спрашивали о том, что я предполагаю, или когда что мне предлагали, что: «обстоятельства покажут, что надобно будет делать». — Манифеста изготовить я не поручал, потому что почитал это собственною моею принадлежностию, и не полагал, чтоб до времени издания его, можно было определительно его написать; достаточным казалось мне содержание оного, как я написал в известной записке, и согласиться по обстоятельствам на редакцию его в сенате я предоставлял только себе. Кн. Оболенского, сколько могу припомнить, то не назначал к себе в начальники Штаба, потому что в уме моем не решил еще и собственного звания; а если кого назначил, то, вероятно, его, потому что по должности, им занимаемой, он более знает в чем состоит должность начальника Штаба; и притом я с ним короче был знаком и надеяться мог, что он точнее будет выполнять приказания мои.

1826 года, мая 6-го дня в присутствии высочайше учрежденного комитета, по разноречию в показаниях дана очная ставка отставному подпоручику Рылееву с полковником князем Трубецким в том, что Рылеев утвердительно показывает: 1) Что князь Трубецкой по приезде своем из Киева, сказывал ему, что корпуса князя Щербатова и генерала Рота совершенно готовы. 2) Что впоследствии кн. Трубецкой спрашивал у него, Рылеева: что может сделать Северное Общество для содействия Южному? — Он отвечал, что совершенно ничего, если прочие члены Думы будут действовать по-прежнему; что, пожалуй, он готов с своей отраслью подняться; но что они будут верные и бесполезные жертвы. — «А что Якубович?» — спросил князь Трубецкой. — «Якубовича можно с цепи спустить, — отвечал Рылеев, — да что будет проку? Общество сим с самого начала вооружит против себя все, ибо

никто не поверит, чтобы он действовал сам собою». Кн. Трубецкой замолчал. 3) Что он, Рылеев, сильно восставал против сделанного директорами Южного общества положения; признать независимость Польши и возвратить ей от России завоеванные провинции: Литву, Подолию и Волынь, — утверждая, что никакое общество не вправе сделать подобного условия и что подобные дела должны быть решены на Великом Соборе. 4) Что о покушении на жизнь покойного государя императора, он, Рылеев, слышал от кн. Трубецкого и Матвея Муравьева. 5) Что кн. Трубецкой также рассказывал ему, что в 1825 году открыто на юге Сергеем Муравьевым целое общество, имевшее целью истребить государя, которое и присоединено к Южному обществу. 6) Что вскоре после присяги государю цесаревичу кн. Трубецкой, приехав к нему, Рылееву, говорил с какою готовностию все полки присягнули; что, впрочем, это не беда, что надобно приготовиться сколько возможно, дабы содействовать южным членам, если они подымутся. 7) Что настоящие совещания членов общества всегда назначались кн. Трубецким и без него не делались. 8) Что, когда он, Рылеев, уведомлял кн. Трубецкого о каком-нибудь успехе по делам общества, то сей последний хвалил ревность его и говорил, что он только и надеется на его отрасль. 9) Что кн. Трубецкой никогда не жаловался ему, Рылееву, на бунтующий дух членов, а сказал только раз о Якубовиче, что против него надобно будет принять меры осторожности по достижении намерений общества. Занятие дворца было положено в плане действий самим кн. Трубецким. Якубович брался с Арбузовым сие исполнить, — на что кн. Трубецкой и из'явил свое согласие. Занятие же крепости и других мест должно было последовать, по его же плану, после задержания императорской фамилии. 10) Что кн. Трубецкой поручил ему, Рылееву, написать к народу от имени сената манифест, в котором должно было изложить, что государь цесаревич и ныне царствующий государь император отказались от престола, что после таковогo поступка их сенат почел необходимым задержать императорскую фамилию и созвать на Великий Собор народных представителей изо всех сословий народа, которые должны будут решить судьбу государства. К сему следовало присовокупить увещание, чтоб народ остался в покое, что имущества как государственное, так и частное остаются неприкосновенными, что для сохранения общественного устройства сенат передал исполнительную власть Временному правлению, в которое назначил адмирала Мордвинова и Сперанского, и 11) что на одном из совещаний кн. Трубецкой назначил к себе за начальника штаба князя Оболенского.

10.

Программа манифеста, найденная 14 декабря в бумагах «диктатора» кн. С. П. Трубецкого [1]).

В Манифесте Сената об'является:

1) Уничтожение бывшего правления.

2) Учреждение временного, до установления постоянного, выборными.

3) Свободное тиснение, а потому уничтожение цензуры.

4) Свободное отправление богослужения всем верам.

5) Уничтожение права собственности, распространяющейся на людей.

6) Равенство всех сословий перед законом и потому уничтожение военных судов и всякого рода судных комиссий, из коих все дела судные поступают в ведомства ближайших судов гражданских.

7) Об'явление права всякому гражданину заниматься чем он хочет и потому — дворянин, купец, мещанин, крестьянин, все равно имеют право вступать в воинскую и гражданскую службу и в духовное звание, торговать оптом и врозницу, платя установленные повинности для торгов; приобретать всякого рода собственность, как-то: земли, дома в деревнях и городах; заключать всякого рода условия между собой, тягаться друг с другом перед судом.

8) Сложение подушных податей и недоимок по оным.

9) Уничтожение монополий, как-то: на соль, на продажу горячего вина и проч. и потому учреждение свободного винокурения и добывания соли с уплатой за промышленность с количества добывания соли и водки.

10) Уничтожение рекрутства и военных поселений.

11) Убавление срока службы военной для нижних чинов, распределение оною последует по уравнении воинской повинности между всеми сословиями.

12) Отставка всех без из'ятия нижних чинов, прослуживших 15 лет.

13) Учреждение волостных, уездных, губернских и областных правлений, кои должны заменить всех чиновников, доселе от гражданского правительства назначенных.

14) Гласность судов.

15) Введение присяжных в суды уголовные и гражданские.

Учреждает правление из 2-х или 3-х лиц, которому подчиняет все части высшего управления, т.-е. все министерства, Совет, Комитет Министров, армии, флот. Словом, — всю верховную, исполнительную власть, но отнюдь не законодательную и не суд-

---

[1]) «Восстание декабристов». Материалы, т. I, стр. 107—108.

ную. Для сей последней остается министерство, подчиненное Временному правлению, но для суждения дел, не решенных в нижних инстанциях, остается департамент Сената уголовный и учреждается гражданский, кои решают окончательно и члены коих останутся до учреждения постоянного правления.

Временному правлению поручается приведение в исполнение:

1) Уравнение прав всех сословий.

2) Образование местных, волостных, уездных, губернских и областных правлений.

3) Образование внутренней народной стражи.

4) Образование судной части с присяжными.

5) Уравнение рекрутской повинности между сословиями.

6) Уничтожение постоянной армии.

7) Учреждение порядка избрания выборных в Палату представителей народных, кои долженствуют утвердить на будущее время имеющий существовать порядок Правления и Государственное законоположение.

ОТДЕЛ ШЕСТОЙ.

14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА.

«14 декабря 1825 года».

Вооруженное восстание декабристы намечали на лето 1826 г., когда, во время маневров на юге, предположено было убить Александра, а затем двинуть революционные войска на Москву. Неожиданная смерть Александра сорвала этот план. В Петербурге Северное общество оказалось перед необходимостью немедленного выступления или ликвидации самого общества. В первый момент, когда войска, по приказу С.-Петербургского генерал-губернатора Милорадовича, отказавшегося поддержать претензии Николая Павловича на престол, присягнули Константину, члены Тайного общества остановились на втором пути. Но когда дворцовые отношения сложились в пользу Николая и последний получил возможность стать царем, — декабристы решили выступить и начали подготовку переворота. По плану, намеченному «диктатором» Трубецким (мы приводим его в изложении М. Н. Покровского в «Очерках по истории революционного движения»), «они предполагали, заметив в солдатах известную наклонность не присягать Николаю Павловичу и остаться верными уже данной ими присяге Константину Павловичу, об отречении которого никто не знал, собрать известное количество не присягнувших полков, вывести их на площадь или в какое-нибудь другое место и, так сказать, с ружьем у ноги ждать, как на это будет реагировать, с одной стороны, правительство, а с другой стороны — общество. Расчет Трубецкого, как он рассказал подробно, был таков: увидев солдат вооруженных и держащихся дружно, правительство, по всей вероятности, пойдет на уступки и согласится удовлетворить минимальные требования северных декабристов, заключавшиеся в том, чтобы созвать в Петербурге собрание от всех губерний по сословиям... Оно должно было выработать конституцию, на основе которой должна была впоследствии управляться Россия... Трубецкой говорит, что они готовы были пойти на какие угодно уступки,

за исключением собрания выборных по сословиям. Это была их программа-минимум, на которой они стояли. С другой стороны, — рассказывал Трубецкой, — увидевши, что собранные солдаты не производят никакого беспорядка (это непроизведение беспорядка было одним из кардинальных условий для Трубецкого и его общества), те люди, которые сочувствуют конституции, начнут понемногу приставать к ним. Таким образом, с одной стороны, правительство, увидя эту вооруженную массу и не решаясь в нее стрелять, пойдет на уступки, а с другой стороны и общество, увидев, что солдаты действуют благонамеренно, слушаются своего начальства, не грабят, не бесчинствуют, а смирно дожидаются собрания по сословиям, где будут преобладать помещики и буржуа, тоже проникнется сочувствием к этому движению и пристанет к нему. Вот какая картина рисовалась Трубецкому. Самым опасным при этом, с точки зрения Трубецкого, было бы, если бы началась пальба». Ее он ни в коем случае не желал допустить и когда еще накануне пришел к убеждению, что стрельбы вряд ли возможно будет избежать, он, уже намеченный, как диктатор, решил не являться на сборный пункт к войскам, действительно не явился — и тем самым расстроил все дело.

Таким образом вожди Северного общества с самого начала отказались от мысли вооруженным путем захватить власть, и выступление их вылилось в форму лишь вооруженной демонстрации.

В течение долгих часов обе стороны, — восставшие войска и части, присягнувшие Николаю, — держатся сравнительно пассивно, как будто чего-то ожидая и, по меткому выражению декабриста Завалишина, как бы играя «в поддавки», то-есть, подставляя себя под решительные действия противной стороны. В тот момент, когда на Сенатской площади выступили друг против друга декабристы и царь, когда зашаталась судьба Романовской династии, народные массы, скопившиеся на площади, готовы были поддержать восставших и уже, в сущности, начали восстание, открыв энергичную «поленную бомбардировку» по Николаю и его свите. Вооружив эту массу, декабристы имели все основания рассчитывать на успех. Однако боязнью народного восстания, «русского бунта», определилась вся тактика Северного Тайного общества перед его трагическим концом. Восставшие не могли выбрать решение: с народом против царя или подчинение последнему — и были раздавлены.

Восстание 14 декабря на Сенатской площади, близ памятника Петра I, несмотря на конечную неудачу, произвело сильнейшее впечатление на современников и отразилось в очень большом числе таких исторических памятников, как воспоминания, записки, дневники, письма, рассказы. Не говоря о мемуарах самих участников выступления, множество участников его подавления и непосредственных очевидцев событий, а также других современников оставило нам рассказы, более или менее подробные, о том, что они сами видели и наблюдали в этот день и что слышали от других. Общее количество таких свидетельств — правда, не равноценного значения — более сотни [1]; в большинстве свидетельства эти повторяют одни и те же подробности того, что произошло 14 декабря — с утра и до вечера, т.-е. в течение полусуток, в которые судьба престола Романовых колебалась.

Весь названный нами громадный исторический материал естественно можно разделить на пять отделов. Во-первых, — рассказы самих непосредственных деятелей восстания; эти рассказы, конечно, для нас наиболее интересны и в историческом отношении наиболее важны. Во-вторых, — то, что сообщают участники подавления движения: сам Николай I [2]), его брат — великий князь Михаил Павлович [3]), их двоюродный брат — принц Евгений Виртембергский [4]) и многочисленные агенты военной и гражданской власти; материал этот представляет собою одностороннее и не всегда искреннее и правдивое повествование о том, как шло дело: напуганные деятели подавления часто выставляют себя героями, преувеличивая (иногда — из личных целей) размеры восстания и грозившую им лично опасность. В-третьих, — рассказы многочисленных непосредственных очевидцев происшествий дня 14 декабря, — рассказы людей различного состояния и общественного положения: чиновников и офицеров, писателей и ученых, музыкантов и художников, актеров, духовных лиц, простых городских обывателей... В-четвертых, — сообщения лиц, непосред-

---

¹) Перечень материалов о дне 14 декабря сделан Е. В. Сказиным «К библиографии восстания 14 декабря 1825 г.» — в «Вестн. Коммунистич. Академии», кн. 10, 1925.

²) См. у П. Е. Щеголева, «Николай I и декабристы», Пгр. 1919, стр. 44—62.

³) См. ж. «Минувшие Годы» 1908 г., № 10.

⁴) См. в ж. «Литер. Библиотека» 1867 г., № 22, стр. 171—196 и отд изд. СПБ 1867 г. «Русск. Арх.» 1878 г.; книга I, а также в книге Ф. Шимана: «Материалы» стр. 123—147.

ственно событий не наблюдавших, а лишь слышавших о них и записавших о том, что они слышали. Наконец, в пятую группу мы отнесем современные событию официальные документы, трактующие о происшествии: газетные статьи, правительственные сообщения, изложение «Донесения Верховной Следственной Комиссии», запись «Камер-фурьерского журнала», выписку из послужного (так называемого «формулярного») списка Николая I.

Мы приводим здесь, главным образом, извлечения из материалов, составляющих отделы первый и третий, т.-е., из записок участников восстания и непосредственных его очевидцев; из четвертого и пятого отделов даем лишь очень немногое, почти совершенно опуская сообщения участников подавления восстания (отдел второй), из коих берем лишь свидетельства самого Николая и выписку из дневника флигель-ад'ютанта Дурново, как современную и притом верную запись очевидца.

Из показаний самих декабристов мы даем важнейшее из того, что дошло до нас, — а именно рассказы С. П. Трубецкого (и показание его), В. И. Штейнгеля, А. Е. Розена, Е. П. Оболенского, М. А. Бестужева, Н. А. Бестужева, А. П. Беляева; повествование первых пяти мы начинаем с дней, предшествующих дню восстания, так как это помогает более ясному пониманию событий 14-го числа; рассказы всех перечисленных участников выступления взаимно дополняют один другой различными, более или менее ценными подробностями; к ним присоединяем мы еще выдержки из показаний на суде унтер-офицера А. Н. Луцкого и рядового Н. Поветкина [1]). Специальный рассказ о 14 декабря, впервые опубликованный Герценом во 2 и 3 выпуске «Записок декабристов» под именем И. И. Пущина, но написанный не им, а декабристом И. Д. Якушкиным (не принимавшим участия в восстании), ввиду протестов, которые вызвало его опубликование со стороны участников восстания и малой авторитетности, — нами не перепечатывается [2]).

В отделе рассказов непосредственных очевидцев событий мы приводим сообщения лиц различного служебного и обще-

---

[1]) Они взяты из выходящей под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса книги «Алфавит декабристов».

[2]) См. статью декабриста П. Н. Свистунова в «Русском Архиве» 1870 г., ст. 1664; декабрист М. А. Бестужев высказывает предположение, что текст, попавший к Герцену, местами искажен поправками какого-то «верноподданного». («Воспом. братьев Бестужевых», изд. 1917 г., стр. 100.

ственного положения: художника Ф. П. Толстого, историка Н. С. Голицына, актера П. П. Каратыгина, актера И. П. Пустошкина-Борецкого, статс-секретаря В. Р. Марченко и историка Н. М. Карамзина; рассказы трех последних ценны сообщением обстановки того, что происходило в течение дня 14 декабря, так сказать, «за кулисами» театра военных действий, т.-е. во внутренних помещениях Зимнего дворца, куда придворные лица собрались для присутствования на торжественном богослужении по случаю «благополучного» вступления на престол Николая, назначенном на 11 часов утра, но состоявшемся, из-за непредвиденных осложнений, лишь в седьмом часу вечера...

Наконец, из последнего отдела мы приводим лишь статью о «бунте», появившуюся в «С.-Петербургских Ведомостях» уже на другой день, 15 декабря; она написана Д. Н. Блудовым, вскоре назначенным делопроизводителем Верховной Следственной Комиссии по делу декабристов и составившим затем известное «Донесение» этой Комисии; статья важна тем, что, будучи перепечатана в других газетах, разнесла первую весть о восстании по всем уголкам России, представив его в желательном для власти освещении, — т.-е. как бунт кучки пьяных солдат и горсти пьяной же черни.

Все означенные материалы мы заключаем выдержкою из статьи чиновника III Отделения М. М. Попова: «Конец и последствия бунта 14 декабря 1925 г.». Попов по своей службе был прекрасно осведомлен о всех подробностях происшествия, хотя и не был его очевидцем; в его рассказе особенно ценны подробности о том, какие меры принимались к охранению Зимнего дворца по ночам в первое время после восстания; очевидно, у вновь воцарившегося монарха долго не было уверенности в прочности своего положения.

Собранные нами рассказы, в общем и целом, дают довольно яркую и отчетливую картину того, чему был свидетелем Петербург в понедельник 14 декабря 1825 года, от раннего утра до позднего вечера, когда, после грома пушечных выстрелов, восстание было сразу ликвидировано, участники его частию уже арестованы, а жертвы, стараниями полиции и военных властей, спущены под Невский лед. Некоторые частные промахи и противоречия, заключающиеся в этих рассказах и нами отмечаемые под строкою, не опорочивают в наших глазах этих документов: человеческая память несовершенна, и подобные частные ошибки,

можно сказать, неизбежны, как бы автор ни старался их избегнуть.

Число упомянутых выше жертв расправы в точности не выяснено, да и не может быть выяснено, и показания источников по этому вопросу расходятся [1]); надо думать, что жертв этих была не одна сотня, если принять во внимание стрельбу картечью в густые толпы на близком расстоянии и указание М. М. Попова, что «народу легло так много, что Нева, набережные и улицы были покрыты трупами».

1.

Рассказ и показания С. П. Трубецкого [2]).

...Члены собирались у Рылеева и у других сообщников, и Рылеев пришел об'явить Трубецкому, что его избрали диктатором. Трубецкой, найдя в Петербурге очень немногих из членов, ему знакомых, хотел прежде узнать, кто поступил в члены со времени его отсутствия и какими средствами может общество располагать. Для этого собирались по вечерам у Рылеева, и оказалось, что прибавилось только из молодежи, имевшей мало веса, а те из старших членов, которые могли иметь влияние на части войск, им подчиненные, отказались действовать. Таким образом, единственное средство действовать было — воспользоваться упорством солдат, если, как утверждали офицеры разных полков, они его окажут. В случае приезда Константина, старшие члены положили между собою просить его о принятии короны и потом стараться приобресть его доверенность и воспользоваться ею для ограничения власти будущего наследника. Скоро, однакоже, убедились, что приезд Константина сомнителен, и должно было подумать о том, как дело привести в исполнение другим образом. Трубецкой предложил, чтоб первый полк, который откажется от присяги, был выведен из казарм и шел с барабанным боем к казармам ближнего полка, поднявши который, оба вместе продолжают шествие далее к другим соседним полкам. Таким обра-

---

[1]) Ср. заметку «О числе жертв 14 декабря 1825 г.»—«Былое» 1907 г., № 3, стр. 192—199.

[2]) См. «Записки С. П. Трубецкого», издание его дочерей, СПБ., 1907 г., стр. 92—94, книгу М. В. Довнар-Запольского, «Мемуары декабристов», Киев, 1906 г., стр. 326—329; и издание Центрархива: «Восстание декабристов». Материалы, т. I. М. 1925, стр. 71—72.—Сергей Петрович Трубецкой (род. в 1790 г., умер в 1860 г.), полковник, дежурный штаб-офицер 4-го пехотного корпуса в Киеве; декабрист I разряда, приговорен в вечную каторжную работу. В день 14 декабря должен был взять на себя главное командование восставшими войсками, но на место восстания не явился и личного участия в нем не принял,—по причинам, которые об'ясняет в своих записках и в показании.

зом он надеялся, что один полк будет увлечен другим и почти все соберутся в одну значительную массу, к которой примкнут и баталионы полков, находившиеся вне города. Чтоб Лейб-Гренадерский полк завладел арсеналом, а Финляндский — Петропавловской крепостью. Предложение Трубецкого не отвергнули, но многие из горячих членов положили, что надобно итти на Сенатскую площадь с тем, чтобы заставить сенаторов издать манифест. Над войсками, которые соберутся на площади, принять начальство полковнику Булатову. Рылеев, может быть, думал, что Трубецкой обидится выбором, когда он пришел ему это об'явить, прибавив: «Вас гвардия не знает, а Булатова знают солдаты всех полков, и он очень любим».

Утром 14-го числа, когда все полки выведены были для прочтения нового манифеста и принесения новой присяги, солдаты почти всех полков из'явили недоверчивость, как то было предвидено не одними членами общества, но и непосредственным начальством, которое старалось узнать дух солдат. Но они, большею частию, настаивали на отрицательном упорстве, только Московский, Гренадерский и Морской Экипаж последовали за некоторыми из своих офицеров. Предположение общества не было выполнено и вышедшие полки прямо сошлись, каждый сам по себе, пред Сенатом. В других полках не было офицеров, которые достаточно пользовались бы доверенностью солдат, и люди, хотя уперлись в неповиновении трбованиям высших властей, но полки простояли смирно, во фронте и не пристали к действовавшим, хотя после и признались, что очень желали присоединиться. Всегда и везде, в подобных случаях, нужно, чтобы кто-нибудь дал толчок и тем вывел из бездействия.

Граф Милорадович хотел уговорить возмутившихся покориться, но один из членов Общества, из неслужащих, Каховский, выстрелил в него из пистолета и ранил смертельно. Два митрополита присланы были увещевать войско, но их просили удалиться. Атаки Конной гвардии остались безуспешны. Наконец, несколько выстрелов картечью рассеяли непокорных. Артиллеристы не хотели палить, и один из их офицеров сам должен был приложить фитиль к первому орудию.

Рассеянное войско разбрелось по дворам домов в окружности Сената, и утром 15-го числа все было захвачено и препровождено в Петропавловскую крепость...

(Из показаний 15 февраля 1826 г.)

...14 декабря, по утру, я... ходил к Рылееву часов в 7 поутру и нашел, что он еще в постели. Я был рад, ибо боялся по сказанным им словам Арбузову прошедшим вечером, чтоб он не ушел к нему и чтоб не возбудили в Экипаже. Мне не хотелось, чтоб он, т.-е. Экипаж, выходил первый, потому что он всех слабее, и

его примеру не надеялся, чтоб другие полки последовали. Пока я был у него, сошел к нему Штенгель (живший наверху в том же доме). Разговора о предшествовавшем вечере не было, ни о предположениях на сей день. Я не в таком духе был, чтоб расспрашивать, Рылеев тоже, видно, не хотел говорить; я рассказал только, что собирается Сенат, а Штенгель сказал: «Пойду дописывать манифест, который, кажется, останется в кармане, он у меня в голове почти совсем кончан». С сим словом он пошел, и я также встал. Тут я узнал, что Штенгель пишет манифест; сам ли от себя, или по определению других он сие делал, мне неизвестно. Когда я встал, чтоб итти, приехал Репин сказать Рылееву, что в Финляндском полку офицеров потребовали к полковому командиру и что они присягают особо от солдат.

14-го числа в 10-м часу был у меня Рылеев с Пущиным (статским) [1]... я им дал прочесть манифест, за которым я посылал в Сенат и после того они уехали; выходя, Пущин мне сказал: «Однакож, если что будет, то к нам придете?». Я признаюсь, что не имел духу просто сказать н е т и сказал: «Ничего не может быть, что ж может быть, если выйдет какая рота или две?». Он отвечал: «Мы на вас надеемся!». Рылеев не слыхал сего разговора: он уже вышел в сени. После сих слов Пущина я стал более бояться, что будет еще что-нибудь, и боялся, что если они придут на Сенатскую площадь, то придут за мной, почему я и ушел из дому; взял извозчика и поехал в Канцелярию Дежурного Генерала Главного Штаба его величества, чтоб там спросить, где мне присягать, и если можно, то хотел тотчас присягнуть, надеясь, что если что будет или что откроется, то мне поспешность моя к принятию присяги во что-нибудь вменится. Мне сказали (кажется, старший ад'ютант Яковлев), что присягать надобно притти на завтрашний день в 11 часов в зал Главного Штаба; потом дали мне манифест с приложениями, которых я еще не читал, потому что я имел манифест еще без приложений, кои не были еще отпечатаны, когда я посылал в Сенат. Я стал читать приложения; между тем старшие ад'ютанты приходили, здоровались со мной, спрашивали о здоровье, рассуждений же я никаких не помню. Оттуда я пошел к сестре моей в дом Потемкина в Большой Миллионной; она просила меня прочесть манифест и прочие бумаги. От нее я пошел к флигель-ад'ютанту полковнику Бибикову, которого не застал дома, но застал его жену и брата; посидев с ними и увидя, что уже первый час, я ободрился надеждою, что все уже кончено, что полки все присягнули и что все прошло тихо; тогда я поехал домой с намерением одеться и ехать во дворец.

Выезжая на площадь с Невского проспекта, я увидел, что много народу на Дворцовой площади и волнение; я остановился,

[1]) Говорили, что знамена возвращаются из полков и что, вероятно, ничего не будет.

увидев Скалона, который служит в Главном Штабе и находится при библиотеке оного, подошел к нему спросить, что такое. Он мне сказал, что Московский полк [1]) кричит ура государю цесаревичу и идет к Сенату, что вывели караул дворцовой и поставили у ворот дворца, что выведен 1-й баталион Преображенской, и зарядили ружья. Я вошел в двор Главного Штаба и опять пошел в Канцелярию Дежурного Генерала, не зная, куда деваться; правитель Канцелярии Ноинский спросил меня, не слыхал ли я чего, и отвел в сторону. Я сказал ему слышанное от Скалона; пришел старший ад'ютант (кажется, Борщов), он повторил то же; Ноинский сказал: «Господа, подите туда, вы в мундирах, вам надобно там быть». И тогда мы вышли. Я не хотел итти на площадь и прошел двором Главного Штаба в Миллионную, не зная сам, куда итти, и у ворот Канцелярии г-на Начальника Главного Штаба встретил входящего в них полковника Юренева, чиновника Гунаропуло и еще одного человека, мне незнакомого; они имели вид испуганной и зазвали меня с собою; я взошел на лестницу и вошел с Гунаропуло в Канцелярию г. Начальника Штаба, где никого не было. Он с весьма испуганным видом говорил мне: «Беда! Какая беда! Московской баталион и множество народа прошли по Морской к Сенату, я с ними встретился, бежал от них, они кричат «ура» императору Константину; говорят убили Фридерикса». — Последнее слово меня сразило; я почти упал на стул, едва мог говорить. Гунаропуло вставал, садился, говорил все: «Ах! какая беда!». После предложил итти на площадь; мы вышли, но я, идучи, сказал ему, что я чувствую себя очень нездоровым и зашел опять в Канцелярию г. Дежурного Генерала, где также говорил Ноинскому, что я очень нездоров.

Пришел Случевской, старший ад'ютант, которой звал меня итти на площадь к Исакию и говорил, что надобно оставить шинели, потому что там государь император, но я ему тоже сказал, что я очень нездоров, и зашел в курьерскую, где сидел один в большом унынии и страхе; из оной вошел опять в Канцелярию, спросил, где Ноинский, мне сказали, что в зале квартиры Дежурного Генерала; я вошел туда, где нашел его с полковником Ребиндером, которой пришел с площади и которой рассказывал, что̀ там происходит. Я спросил, можно ли пройти на Аглинскую набережную не мимо бунтовщиков, что я в большом беспокойстве о жене; он мне отвечал, что «ничего, можно очень пройти и мимо их даже, они всех пропускают, ездят даже, они только кричат «ура» Константину Павловичу и стоят от одного угла Сената до другого». Тогда я надеялся, что жена моя выехала и что она может быть у сестры моей, куда я и поехал, взяв извозчика...

---

[1]) Или баталион он сказал — не помню.

2.

Рассказ В. И. Штейнгейля [1]).

...В воскресенье [читай: в субботу] 12-го числа у Директора Российско-Американской Компании был обед, на котором присутствовали многие литераторы, в том числе Греч, Булгарин, Марлинский, сенатор граф Д. И. Хвостов. Шумный разговор оживлял общество, особенно к концу стола, когда все (присутствующие) поразгорячились от клико «V. S. P. под звездочкой», которое тогда считалось лучшим. Греч и Булгарин ораторствовали более прочих; остроты сыпались со всех сторон и в самом либеральном духе. Даже граф Хвостов, заметив, что указывают на него, из предосторожности кричал: «Не опасайтесь! Не опасайтесь, я либерал, я либерал сам». Хотя большая часть знали уже о предстоящей перемене владык, но говорили гадательно, придерживаясь за «может быть». И когда кто-то сказал: «А что, если император [2]) вдруг явится?»—Булгарин вскричал: «Как ему явиться, тень мадам Араужо [3]) остановит его на заставе». Из всего, что тут было говорено, просвечивала ясно общая мысль, общее чувство — нехотения оставаться под тем же деспотизмом. В тот же вечер у Рылеева, который уже знал о заготовлении манифеста, было собрание многих членов, которые беспрестанно приходили и уходили, чтобы узнать, на что решились директоры. Всем об'явлено, что сборное место — площадь перед Сенатом и что явится диктатор в лице князя Трубецкого, для распоряжения. На другой день, 13-го числа, повторилось почти то же. Беспрестанно приходили из полков с известиями и уверениями о готовности восстать за свободу; но тут же узнали, что на Финляндский полк и артиллерию надежда сомнительна. В этот же вечер был поздний ужин у богатого купца Сапожникова, зятя Ростовцева. Хозяин, угащивая шампанским, не обинуясь говорил: «Выпьем! неизвестно, будем ли завтра живы!». Так были уже уверены, что не обойдется без восстания.

Наконец настало роковое 14 декабря — число замечательное: оно вычеканено на медалях, с какими распущены депутаты народного собрания для составления законов в 1776 году при Екатерине II. Это было сумрачное декабрьское Петербургское утро, с 8° мороза. До девяти часов весь Правительствующий Сенат был уже во дворце. Тут и во всех полках гвардии производилась

---

[1]) См. «Записки барона В. И. Штейнгейля» в издании «Общественные движения в России в первую половину XIX века», т. I, СПБ., 1905 г., стр. 439—447.—Владимир Иванович Штейнгейль (род. в 1783 г., ум. в 1862 г.) отставной подполковник, декабрист III разряда, приговорен к каторжным работам на 20 лет.

[2]) Константин Павлович. Ред

[3]) Жена французского негоцианта, в трагической смерти которой молва, не без оснований, винила Константина. Ред.

присяга. Беспрестанно скакали гонцы во дворец с донесениями, где как шло дело. Казалось все тихо. Некоторые таинственные лица показывались на Сенатской площади, в приметном беспокойствии. Одному, знавшему о распоряжении общества и проходившему через площадь, против Сената, встретился издатель «Сына Отечества» и «Северной Пчелы» г. Греч. К вопросу: «Что ж, будет ли что?» он присовокупил фразу от'явленного карбонария. Обстоятельство не важное, но оно характеризует застольных демагогов: он и Булгарин сделались усердными поносителями погибших, за то, что их не компрометировали. Вскоре после этой встречи, часов в 10, на Гороховом проспекте вдруг раздался барабанный бой и часто повторяемое «ура». Колонна Московского полка с знаменем, предводимая штабс-капитаном князем Щепиным-Ростовским и двумя Бестужевыми, вышла на Адмиралтейскую площадь и повернула к Сенату, где построилась в каре. Вскоре к ней быстро примкнул Гвардейский Экипаж, увлеченный Арбузовым, и потом баталион лейб-гренадеров, приведенный ад'ютантом Пановым [1]) и поручиком Сутгофом. Сбежалось много простого народа и тотчас разобрали поленницу дров, которая стояла у заплота, окружающего постройки Исаакиевского собора. Адмиралтейский бульвар наполнился зрителями. Тотчас уже стало известно, что этот выход на площадь ознаменовался кровопролитием. Князь Щепин-Ростовский, любимый в Московском полку, хотя и не принадлежавший явно к обществу, но недовольный и знавший, что готовится восстание против великого князя Николая, успел внушить солдатам, что их обманывают, что они обязаны защищать присягу, принесенную Константину, и потому должны итти к Сенату. Генералы Шеншин и Фредерикс и полковник Хвощинский хотели их переуверить и остановить. Он зарубил первых и ранил саблею последнего, равно как одного унтер-офицера и одного гренадера, хотевшего не дать знамя и тем увлечь солдат. По счастию они остались живы.

Первою жертвою пал вскоре граф Милорадович, невредимый в столь многих боях. Едва успели инсургенты построиться в каре, как показался скачущим из дворца в парных санях, стоя, в одном мундире и в голубой ленте. Слышно было с бульвара, как он, держась левою рукою за плечо кучера и показывая правою, приказывал ему: «Об'езжай церковь — и направо к казармам». Не прошло трех минут, как он вернулся верхом перед каре [2]) и стал убеждать солдат повиноваться и присягнуть новому императору. Вдруг раздался выстрел, граф замотался, шляпа слетела с него, он припал к луке и в таком положении лошадь донесла его до

---

[1]) Панов убедил лейб-гренадеров, после уже присяги, следовать за ним, сказав им, что «наши» не присягают и заняли дворец. Он действительно повел их ко дворцу, но, увидя, что на дворе уже лейб-егеря, примкнул к московцам. *В. Ш.*

[2]) Он взял первую лошадь, которая стояла у квартиры одного из конногвардейских офицеров оседланною. *В. Ш.*

квартиры того офицера, которому принадлежала. Увещая солдат с самонадеянностию старого отца-командира, граф говорил, что сам охотно желал, чтобы Константин был императором [1]), но что же делать, если он отказался; уверял их, что он сам видел новое отречение, и уговаривал поверить ему. Один из членов Тайного общества, князь Оболенский, видя, что такая речь может подействовать, выйдя из каре, убеждал графа от'ехать прочь, иначе угрожал опасностию. Заметя, что граф не обращает на это внимания, он нанес ему штыком легкую рану в бок. В это время граф сделал вольтфас, а Каховский пустил в него из пистолета роковую пулю, накануне вылитую [2]). Когда у казармы сняли его с лошади и внесли в упомянутую квартиру офицера, он имел последнее утешение прочитать собственноручную записку нового своего государя, с из'явлением сожаления, и в 4-м часу дня его уже не существовало.

Тут выразилась вполне важность восстания, которою ноги инсургентов, так сказать, приковались к занимаемому ими месту. Не имея сил иттй вперед, они увидели, что нет уже спасения назади. Жребий был брошен. Диктатор к ним не являлся. В каре было разногласие. Оставалось одно — стоять, обороняться и ждать развязки от судьбы. Они это сделали.

Между тем, по повелениям нового императора, мгновенно собрались колонны верных войск к дворцу. Государь, не взирая на убеждения императрицы, ни на представления усердных предостерегателей, вышел сам, держа на руках 7-летнего наследника престола и вверил его охранению Преображенцев. Эта сцена произвела полный эфект — восторг в войсках, и приятное, многообещающее изумление в столице. Государь сел потом на белого коня и выехал перед первый взвод, подвинул колонны от экзерцир-гауза бульвара. Его величавое, хотя несколько мрачное, спокойствие обратило тогда же всеобщее внимание. В это время инсургенты минутно были польщены приближением Финляндского полка, симпатии которого еще доверяли. Полк этот шел по Исаакиевскому мосту. Его вели к прочим присягнувшим, но командир 1-го взвода барон Розен, придя за половину моста, скомандовал «стой!». Полк весь остановился, и ничто уже до конца драмы сдвинуть его не могло. Та только часть, что не взошла на мост, перешла по льду на Английскую набережную и тут примкнула к войскам, обошедшим инсургентов со стороны Крюкова канала.

---

[1]) Можно было верить, что граф говорил искренно. Он был чрезмерно расточителен и всегда в долгу, несмотря на частые денежные награды от государя; а щедрость Константина была всем известна. Граф мог ожидать, что при нем заживет еще расточительнее. *В. Ш.*

[2]) Известна была всей армии поговорка графа: «Бог мой! на меня пуля не вылита!», которую он всегда повторял, когда предостерегали его от опасности в сражениях или удивлялись в салонах, что не был ни разу ранен. *В. Ш.*

Вскоре после того, как государь выехал на Адмиралтейскую площадь, к нему подошел с военным респектом статный драгунский офицер, которого чело было под шляпою повязано черным платком [1]), и после нескольких слов пошел в каре; но скоро возвратился ни с чем. Он вызвался уговорить бунтовщиков и получил один оскорбительный упрек. Тут же, по повелению государя, был арестован и понес общую участь осужденных. После его под'езжал к инсургентам генерал Воинов, в которого Вильгельм Кюхельбекер, поэт, издатель журнала «Мнемозина», бывший тогда в каре, сделал выстрел из пистолета и тем заставил его удалиться. К Лейб-Гренадерам явился полк. Стюрлер, и тот же Каховский ранил его из пистолета. — Наконец под'езжал сам вел. кн. Михаил — и тоже без успеха: ему отвечали, что хотят, наконец. царствования законов. И с этим поднятый на него пистолет рукою того же Кюхельбекера заставил его удалиться. Пистолет был уже и заряжен.

После этой неудачи, из временно устроенной в Адмиралтейских зданиях Исаакиевской церкви вышел Серафим — митрополит в полном облачении, со крестом в преднесении хоругвей. Подошед к каре, он начал увещание. К нему вышел другой Кюхельбекер, брат того, который заставил удалиться вел. кн. Михаила Павловича. Моряк и лютеранин, он не знал высоких титлов нашего православного смирения и потому сказал просто, но с убеждением: «Отойдите, батюшка, не ваше дело вмешиваться в это дело!». Митрополит обратил свое шествие к Адмиралтейству. Сперанский, смотревший на это из дворца, сказал с ним стоявшему обер-прокурору Краснокутскому: «И эта штука не удалась!». Краснокутский сам был членом Тайного общества и после умер в изгнании. Обстоятельство это сколь ни мало значущее, раскрывает, однакож, тогдашнее расположение духа Сперанского. Оно и не могло быть инакого: с одной стороны — воспоминание претерпенного невинно, с другой—недоверие к будущему.

Когда, таким образом, совершился весь процесс укрощения мирными средствами, приступили к действию оружия. Генерал Орлов с полною неустрашимостию дважды пускался со своими конно-гвардейцами в атаку; но пелотонный огонь опрокидывал нападение. Не победя каре, он однакож завоевал этим целое фиктивное графство. Государь, передвигая медленно свои колонны, находился уже ближе середины Адмиралтейства. На северо-восточном углу Адмиралтейского бульвара появилась ultima ratio — орудия гвардейской артиллерии. Командующий ими, генер. Сухозанет, под'ехал к каре и кричал, чтобы положили ружья,

---

[1]) Это был Якубович, приехавший с Кавказа, имевший дар слова и рассказами о геройских своих подвигах умевший заинтересовать Петербургские салоны. Он не скрывал между либералами своего неудовольствия и ненависти личной к покойному государю, и в 17-дневный период члены Тайного общества убеждены были, что при возможности «он себя покажет».
В. Ш.

иначе будет стрелять картечью. В него самого прицелились ружьем, но из каре послышался презрительно повелительный голос [1]): «Не троньте этого... он не стоит пули». Это естественно оскорбило его до чрезвычайности. Отскакав к батарее, он приказал сделать залп холостыми зарядами: но не подействовало! Тогда засвистали картечи; тут все дрогнуло и рассыпалось в разные стороны, кроме павших. Можно было этим уже и ограничиться; но Сухозанет сделал еще несколько выстрелов, вдоль узкого Галерного переулка и поперек Невы, к Академии Художеств, куда бежали более из толпы любопытных!

Так обагрилось кровью и это восшествие на престол. В окраение (sic) царствования Александра стали вечными терминами: ненаказанность допущенного гнусного злодеяния и беспощадная кара вынужденного, благородного восстания, — явного и с полным самоотвержением.

Войска были распущены. Исаакиевская и Петровская площади обставлены ведетами. Разложены были многие огни, при свете которых всю ночь убирали раненых и убитых и обмывали с площади пролитую кровь. Но со страниц неумолимой истории пятна этого рода невыводимы. Все делалось втайне, и подлинное число лишившихся жизни и раненых осталось неизвестным. Молва, как обыкновенно, присвояла право на преувеличение. Тела бросали в проруби: утверждали, что многие утоплены полуживыми.

В этот же вечер произведены арестования многих. Из первых взяты: Рылеев, кн. Оболенский и двое Бестужевых. Все они посажены в крепость. Большая часть в последующие дни арестованных приводимы были во дворец, иные даже с связанными руками, и лично представлены императору, что и подало повод Николаю Бестужеву [2]) сказать впоследствии одному из дежурных генерал-ад'ютантов, что из дворца сделали с'езжую...

3.

Рассказ А. Е. Розена [3]).

...12 декабря, вечером, был я приглашен на совещание к Рылееву и князю Оболенскому; там застал я главных участников 14 декабря. Постановлено было в день, назначенный для новой при-

[1]) Эти слова были показаны после при допросах, в Комитете, с членами которого Сухозанет разделял уже честь носить генерал-ад'ютантский аксельбант. — Этого мало, — он был после главным директором кадетских корпусов и президентом Военной Академии. Впрочем, надо отдать справедливость: он лишился ноги в польскую компанию. *В. Ш.*

[2]) Ему удалось сначала скрыться и убежать в Кронштадт... *В. Ш.*

[3]) См. «Записки барона А. Е. Розена», СПБ., 1907 г., стр. 63 — 69. Андрей Евгеньевич Розен (род. в 1799 г., ум. в 1884 г.), поручик л.-гв. Финляндского полка, декабрист V разряда; был приговорен к каторжным работам на 10 лет.

сяги, собраться на Сенатской площади, вести туда сколько возможно будет войска под предлогом поддержания прав Константина, вверить начальство над войском князю Трубецкому, если к тому времени не прибудет из Москвы М. Ф. Орлов. Если главная сила будет на нашей стороне, то об'явить престол упраздненным и ввести немедленно Временное правление из пяти человек, по выбору членов Государственного Совета и Сената. В числе пяти называли заранее Н. С. Мордвинова, М. М. Сперанского и П. И. Пестеля. Временному правлению надлежало управлять всеми делами государственными с помощью Совета и Сената до того времени, пока выборные люди всея земли Русской успеют собраться и положить основание новому правлению. Наверно никто не знал, сколькими баталионами или ротами, из каких полков можно будет располагать. В случае достаточного числа войска положено было занять дворец, главные правительственные места, банки и почтамт для избежания всяких беспорядков. В случае малочисленности военной силы и неудачи, надлежало отступить к Новгородским военным поселениям. Принятые меры к восстанию были неточны и неопределительны, почему на некоторые мои возражения и замечания князь Оболенский и Булатов сказали с усмешкою: «Ведь нельзя же делать репетиции!». Все из присутствовавших были готовы действовать, все были восторженны, все надеялись на успех, и только один из всех поразил меня совершенным самоотвержением; он спросил меня наедине: можно ли положиться наверно на содействие 1-го и 2-го баталионов нашего полка; и когда я представил ему все препятствия, затруднения, почти невозможность, то он с особенным выражением в лице и в голосе сказал мне: «Да, мало видов на успех, но все-таки надо, все-таки надо начать; начало и пример принесут плоды». Еще теперь слышу звуки, интонацию —«все-таки надо»,— то сказал мне Кондратий Федорович Рылеев.

13 декабря, в воскресенье, навестили меня несколько офицеров полка. На вопрос их, как следует поступить тому, кто в день восстания будет в карауле, ответил я положительно и кратко, — что тот для общей безопасности и порядка должен держаться на занимаемом посту. Если этот случай спас и наградил офицера, занимавшего караул 14 декабря в Сенате, Якова Насакина, то я искренно тому радовался. К вечеру получил я частное уведомление о назначении следующего дня к принятию присяги. Ночью вестовой принес приказ полковой, по коему всем офицерам велено было собраться в квартире полкового командира в 7 часов утра. Сон прошел; с женою рассуждали об обязанностях христианина, гражданина, о предстоящих опасностях, о коих в эти последние дни мы беспрестанно беседовали; я мог ей совершенно открыться, — ее ум и сердце всё понимали. Наконец с молитвою предались воле божией. Наступил час разлуки.

14-го декабря, до рассвета, собрались все офицеры у полкового командира генерала Воропанова, который, поздравив нас с новым императором, прочел письмо и завещание Александра, отречение

Константина и манифест Николая. В присутствии всех офицеров я выступил вперед и об'явил генералу, что если все им читанные письма и бумаги верны с подлинниками, в чем не имею никакой причины сомневаться, то почему 27 ноября не дали нам прямо присягнуть Николаю? — Генерал в замешательстве ответил мне: «Вы не так рассуждаете, — о том думали и рассуждали люди поопытнее и постарше нас; извольте, господа, идти по своим баталионам для присяги».

2-й наш баталион полковника А. Ф. Моллера занял в этот день караулы в Зимнем дворце и по 1-му отделению. 1-й баталион наш присягнул в казармах, кроме моего стрелкового взвода, который накануне занял караул в Галерной гавани и еще не успел смениться. Из казарм поехали во дворец к разводу нашего 2-го баталиона; развод был без парада. На Сенатской площади еще не было ни одного солдата. Воротившись домой, получил записку Рылеева, по коей меня ожидали в казармах Московского полка. Было 10 часов утра, лошади мои стояли запряженные. Вз'ехав на Исаакиевский мост, увидел густую толпу народа на другом конце моста, а на Сенатской площади — каре Московского полка. Я пробился сквозь толпу, пошел прямо к каре, стоявшему по ту сторону памятника, и был встречен громким «ура!!». В каре стояли князь Д. А. Щепин-Ростовский, опершись на татарской сабле, утомившись и измучившись от борьбы во дворе казарм, где он с величайшим трудом боролся: переранил бригадного командира В. Н. Шеншина, полкового — Фридрихса, баталионного полковника Хвощинского, двух унтер-офицеров, и наконец вывел свою роту; за ней следовала и рота М. А. Бестужева 3-го и еще по несколько десятков солдат из других рот. Князь Щепин-Ростовский и М. А. Бестужев 3-й ждали и просили помощи, пеняли на караульного офицера Якова Насакина, отчего он не присоединялся к ним с караулом своим? На это я подтвердил им данную мною инструкцию накануне. Всех бодрее в каре стоял И. И. Пущин, хотя он, как отставной, был не в военной одежде; но солдаты охотно слушали его команду, видя его спокойствие и бодрость. На вопрос мой Пущину, где мне отыскать князя Трубецкого, он мне ответил: «Пропал или спрятался, — если можно, то достань еще помощи, в противном случае и без тебя тут довольно жертв».

Народ со всех сторон хлынул на площадь; полиция молчала. Войска еще не было никакого с противной стороны. Поспешно поехал в Финляндские казармы, где оставался только наш 1-й баталион, куда только что успел воротиться мой стрелковый взвод по смене из караула в Галерной гавани. 2-й наш баталион в этот день занял караулы по 1-му отделению во дворце и в городе, 3-й баталион по очереди зимовал за городом по деревням. Прошел по всем ротам, приказал солдатам проворно одеться, вложить кремни, взять патроны и выстроиться на улице, говоря, что должно итти на помощь нашим братьям. В полчаса выстроился баталион, подоспели офицеры; никто не знал, по чьему приказанию выведен был бата-

лион. Ад'ютанты скакали беспрестанно, один из них прямо к бригадному командиру Е. А. Головину, с приказанием от корпусного Воинова вести баталион. Мы тронулись ротными колоннами; у Морского Кадетского Корпуса встретил нас генерал-ад'ютант граф Комаровский верхом, который государем послан был за нашим баталионом. Нас остановили на середине Исаакиевского моста подле будки; там приказали зарядить ружья; большая часть солдат при этом перекрестилась. Быв уверен в повиновении моих стрелков, вознамерился сначала пробиться сквозь карабинерный взвод, стоявший впереди меня, и сквозь роту Преображенского полка капитана Титова, занявшую всю ширину моста со стороны Сенатской площади.

Но, как только я лично убедился, что восстание не имело начальника, следовательно не могло быть единства в предприятии, и не желая напрасно жертвовать людьми, а также не будучи в состоянии оставаться в рядах противной стороны, — я решился остановить взвод мой в ту минуту, когда граф Комаровский и мой бригадный командир скомандовали всему баталиону: «Вперед!» — взвод мой единогласно и громко повторил: «стой!», так что впереди стоявший карабинерный взвод дрогнул, заколебался, тронулся не весь, и только личным усилием капитана А. С. Вяткина, не щадившего ни ругательств знаменитых, ни мощных кулаков своих, удалось подвинуть этот первый взвод. Баталионный командир наш, полковник А. Н. Тулубьев, исчез, быв отозван в казармы, где квартировало его семейство. — Дважды возвращался ко мне бригадный командир, чтобы сдвинуть мой взвод, но напрасны были его убеждения и угрозы. — Между тем я остановил не один мой стрелковый взвод, за моим взводом стояли еще три роты, шесть взводов; но эти роты не слушались своих командиров, говоря, что впереди командир стрелков знает, что он делает. Был уж второй час пополудни; по мере увеличения числа войск, для оцепления возмутителей, полиция стала смелее и разогнала народ с площади, много народу потянулось на Васильевский Остров вдоль боковых перил Исаакиевского моста. Люди, рабочие и разночинцы, шедшие с площади, просили меня держаться еще часок и уверяли, что все пойдет ладно. В это время вместе с отступающим народом, командиру нашей 3-й егерской роты, капитану Д. Н. Белевцеву, удалось отвести свою роту назад и перейти с нею через Неву от Академии Художеств к Английской набережной, к углу Сенатской площади; за этот открытый и мужественный поступок Беленцев награжден был Владимирским крестом с бантом; остальные две роты оставались за моим взводом. Слишком два часа стоял я неподвижно, в самой мучительной внутренней борьбе, выжидая атаки на площади, чтобы поддержать ее тремя с половиною ротами или восемью стами солдат, готовых следовать за мною повсюду.

Между тем на Сенатской площади около восьми сот человек л.-г. Московского полка составили каре: рота М. А. Бестужева 3-го стояла лицом к Адмиралтейскому бульвару; он по необходимости

должен был наблюдать за тремя фасами, а четвертым, обращенным к Исаакиевскому собору, командовал утомившийся князь Щепин-Ростовский. Это обстоятельство дало возможность М. А. Бестужеву спасти два эскадрона конногвардейцев, обскакавших каре и построившихся на полуружейный выстрел от него. Весь фас каре, обращенный к Сенату, приложился, чтобы дать залп, но был остановлен М. А. Бестужевым, который, выбежав вперед фаса, скомандовал: «Отставь!». — Несколько пуль прожужжало мимо его ушей, и несколько конногвардейцев свалилось с лошадей.

После Московцев прибыл на площадь Сенатскую по Галерной улице баталион Гвардейского Экипажа. Когда баталион этот собран был во дворе казарм для принятия присяги, и несколько офицеров, сопротивлявшихся присяге, были арестованы бригадным командиром генералом Шиповым, то в воротах казарм показался Н. А. Бестужев 1-й, в то самое мгновение, когда с площади послышались выстрелы ружейные против атаки конногвардейцев, и закричал солдатам: — «Наших бьют! Ребята, за мной!» — и все ринулись за ним на площадь. Второпях забыли прикатить за собою несколько орудий, стоявших в арсенале баталионном; впрочем, все надеялись на содействие гвардейской конной артиллерии. Баталион этот, выстроившись в колонну к атаке, стал за каре л.-гв. Московского полка, за фасом, обращенным к Исаакиевскому собору.

Потом присоединились три роты л.-гв. Гренадерского полка, приведенные поручиком А. Н. Сутгофом, баталионным ад'ютантом Н. А. Пановым и подпоручиком Кожевниковым. Перебежав через Неву, они вошли во внутренний двор Зимнего дворца, где уже стоял полковник Геруа с баталионом гвардейских сапер. Комендант Башуцкий похвалил усердие гренадер на защиту престола, но люди, заметив свою ошибку, закричали: «Не наши!» и, повернув полукружием около двора, вышли из дворца, прошли мимо государя, спросившего их: — «Куда вы? если за меня, так направо, если нет, так налево!». Кто-то ответил: «Налево!», и все побежали на Сенатскую площадь врассыпную и были помещены внутри каре Московского полка, чтобы там рассчитать и построить их поротно, чего еще не успели, как артиллерия начала действовать. Должно, однако, заметить, что Сутгоф вывел свою роту в полной походной аммуниции, с небольшим запасом хлеба, предварив ее о предстоящих действиях.

Всего было на Сенатской площади в рядах восстания больше 2.000 солдат. Эта сила в руках одного начальника, ввиду собравшегося тысячами вокруг народа, готового содействовать, могла бы все решить, и тем легче, что при наступательном действии много баталионов пристали бы к возмутившимся, которые при 10-градусном морозе, выпадавшем снеге с восточным резким ветром, в одних мундирах, ограничивались страдательным положением и грелись только неумолкаемыми возгласами: «ура». Не видать было диктатора, да и помощники его не были на месте. Предложили Булатову: он отказался; предложили Н. А. Бестужеву 1-му: он, как

моряк, отказался; навязали, наконец, начальство князю Е. П. Оболенскому, не как тактику, а как офицеру, известному и любимому солдатами. Было в полном смысле безначалие: без всяких распоряжений, — все командовали, все чего-то ожидали и в ожидании дружно отбивали атаки, упорно отказывались сдаться и гордо отвергли обещанное помилование.

Постепенно, смотря по расстоянию казарм от дворца, собрались войска противной стороны: л.-гв. Конный полк приблизился к площади со стороны Английской набержной, баталионы Измайловского и Егерского полков по Вознесенской улице к Синему мосту, л.-гв. Семеновский по Гороховой. Близ Адмиралтейского бульвара стояло каре л.-гв. Преображенского полка, — там присутствовал новый император на коне, с многочисленною свитою; в каре находился цесаревич, отрок семилетний, с воспитателем своим. Впереди каре поставлены были орудия бригады полковника Нестеровского, под прикрытием взвода кавалергардов, под командою поручика И. А. Анненкова. Позади каре баталион л.-гв. Павловского полка; саперы стерегли дворец. Преданность войск к престолу была не безусловная: она колебалась в эту минуту. Когда 2-му баталиону л.-гв. Егерского, ныне Гатчинского полка приказано было двинуться вперед от Синего моста, и он уже тронулся, то по команде Якубовича: — «Налево, кругом!» — весь баталион обратился назад, несмотря на совершенную преданность престолу баталионного командира полковника В. И. Буссе, который за этот случай не получил звание флигель-ад'ютанта, — отличия, коего удостоились получить все баталионные командиры, кроме еще моего баталионного командира А. Н. Тулубьева за то, что один взвод задержал три роты. Измайловский полк в тот день был также весьма ненадежен. Зато Конно-гвардейский полк под начальством А. Ф. Орлова молодецки пять раз атаковал каре Московцев и пять раз был отбит штыками и залпами; два эскадрона их были спасены от истребления М. А. Бестужевым 3-м. Я уже сказал, что у солдат было не больше пяти патронов в суме; пулею ранен был в руку ротмистр Велио, а поручик Галахов — камнем, брошенным из толпы народа.

Когда войско было расставлено так, что возмутители со всех сторон были окружены густыми колоннами, то народу уже немного оставалось на площади, и полиция уже смелее начала разгонять его с Адмиралтейской площади и Дворцовой, где сам император, на коне, приказывал народу и упрашивал его разойтись по домам, чтобы не мешать движению войск. Все средства были употреблены государем, чтобы прекратить возмущение без боя, без кровопролития.

Первый из тех, которые желали и старались уговорить возмутителей к возвращению в казармы, был корпусный командир Воинов; но все его убеждения были напрасны, угрозы также, и кончилось тем, что из толпы народа кто-то пустил в него поленом так сильно в спину, что у старика свалилась шляпа, и он прину-

жден был удалиться. Генерал Бистром удерживал остальные роты л.-гв. Московского полка от присоединения их к восставшим товарищам и уговаривал их содержать караулы в тот же вечер. Генерал И. О. Сухозанет примчался к каре, как бешеный, просил солдат разойтись, прежде чем станут стрелять из пушек; его спровадили и сказали: «Стреляйте!». Великий князь Михаил Павлович, в этот день только что возвратившийся из Неннала, с самоотвержением под'ехал к каре, стал уговаривать солдат и едва не сделался жертвой своей смелости: В. К. Кюхельбекер, видя, что великому князю может удасться отклонить солдат, уже прицелил в него пистолетом; Петр Бестужев отвел его руку, пистолет дал осечку; князь должен был удалиться. Граф М. А. Милорадович, любимый вождь всех воинов, спокойно в'ехал в каре и старался уговорить солдат; ручался им честью, что государь простит им ослушание, если они тотчас вернутся в свои казармы. Все просили графа скорее удалиться; князь Е. П. Оболенский взял под узду его коня, чтобы увести и спасти всадника, который противился; наконец, Оболенский штыком солдатского ружья колол коня его в бок, чтобы вывести героя из каре. В эту минуту пули Каховского и еще двух солдат смертельно ранили смелого воина, который в бесчисленных сражениях и стычках участвовал со славою и оставался невредимым: ему суждено было пасть от русской пули. Командир л.-гв. Гренадерского полка, полковник Стюрлер, старался отвести своих гренадер, отделившихся от полка, и уговаривал их возвратиться с ним к полку и к долгу своему: пули Каховского и нескольких солдат ранили его смертельно. Наконец, по приказанию государя, употреблено было еще последнее средство к усмирению: на извозчичьих санях под'ехал митрополит Серафим в сопровождении Киевского митрополита Евгения и нескольких священников, с животворящим крестом, умолял братьев христианскою любовью возвратиться в свои казармы. Серафим, равно как прежде него великий князь Михаил и граф Милорадович, обещал именем государя совершенное прощение всем возмутившимся, кроме зачинщиков. Его выслушали; воины осенили себя знаменем креста, но мольбы его остались также тщетными; ему сказали: «Поди, батюшка, домой! помолись за нас за всех, — здесь тебе нечего делать!».

День декабрьский скоро кончается: в исходе третьего часа начинает смеркаться; без сомнения, в сумерки нахлынул бы народ, разогнанный полицией; наверно, пристала бы часть войска. Император долго не решался на ultima ratio rerum, но видел, что медлить было нечего, и был вынужден прибегнуть к этому средству, когда граф Ф. К. Толь, прибывший в Петербург в тот же день после великаго князя Михаила, сказал ему: «Sire, faites balayer la place par la mitraille ou renoncez au trône». Государь никогда не мог простить ему этой выходки, хотя не пренебрегал его полезною службою и доказанными его знаниями и способностями полководца.

Первый выстрел пушки, заряженной холостым зарядом, прогремел, — в ответ послышалось: «ура!» — второй и третий посы-

лали ядра, одно засело в стене Сената, другое навесно полетело по направлению от угла Сената к Академии Художеств. Восстание опять ответило громким и звонким: «ура!». Зарядили картечью; полковник Нестеровский наводил пушки, сам государь скомандовал: «Первая!», но фейерверкер с фитилем начал креститься; опять послышался тот же голос: «Первая»; тогда поручик Илья Бакунин приложил фитиль; в секунду картечь из орудий посыпалась градом в густое каре. Восстание разбежалось по Галерной улице и по Неве к Академии. Пушки двинулись вперед и дали другой залп картечью, одни по Галерной, другие — поперек Невы. От вторичного, совершенно напрасного залпа картечью учетверилось число убитых, виновных и невиновных, солдат и народа, — особенно по узкому дефиле или ущелью Галерной улицы. Три фаса Московского каре бросились с М. А. Бестужевым 3-м к набережной, картечь их провожала; на Неве он хотел построить людей по отделениям, но ядра, пущенные с угла Исаакиевского моста, подломили лед, и много потонуло людей; без этого обстоятельства, может быть, удалось бы Бестужеву занять Петропавловскую крепость. Лейб-гренадеры, гвардейский экипаж и четвертый фас Московского каре бросились по Галерной, куда подвезли пушки, и повалили солдат продольными выстрелами. По этому случаю л.-гв. Павловский полк не мог быть помещен в Галерной улице во время дела, как повествует о том граф Комаровский в своих Записках; но этот полк был поставлен там поздно вечером, после решения дела, и едва не арестовал Бестужева, когда тот, уже переодетый в партикулярное платье, пробирался к К. П. Торсону.

Почти покажется невероятным, что из моих товарищей никто не был ни убит, ни ранен; у многих шинели и шубы были пробиты картечными пулями. Из залпа, сделанного против третьей атаки Конной гвардии, одна пуля сорвала у меня левую кисточку от киверного кутаса и заставила ряд стрелков наклонить головы в бок; шутник это заметил и сказал: «Что это вы кланяетесь головами не прямо, а в сторону?». Особенно в баталионе Гвардейского Экипажа легли целые ряды солдат; офицеры остались невредимы. Все бросились с площади по двум означенным направлениям, — один только остановился, подошел к генералу Мартынову, чтобы через него передать свою саблю великому князю Михаилу, — то был Гвардейского Экипажа лейтенант М. К. Кюхельбекер. В это самое время наскочил на него полковник пионерного эскадрона Засс с поднятою саблею, что заставило генерала Мартынова остановить его порыв и сказать ему: «Ай да храбрый полковник Засс! Вы видели, что он вручил мне свою полусаблю!». Когда площадь очистилась от возмутителей, то Конная гвардия повернула к Исаакиевскому мосту на Васильевский Остров. Я скомандовал налево кругом и остановил взвод возле манежа 1-го Кадетского Корпуса. По прибытии полкового командира из дворца, приказано мне было вести мой взвод во двор директора всех корпусов, в 1-й Линии, против Большого проспекта. Приехал полковой священник; мне приказано

было отойти от моих людей. Я видел, что солдаты сомкнулись в круг, священник стал их расспрашивать и готовить к присяге; тогда я быстро ворвался в круг и громко, во всеуслышание об'явил священнику, что солдаты мои ни в чем не виноваты, они слушались своего начальника. Взвод мой присягнул. Звезды горели на небе, а на земле бивачные огни в разных направлениях; меня со взводом моим назначили занять Андреевский рынок и караулить тамошний небольшой гостиный двор. Патрули ходили беспрестанно, и конные, и пешие; послали за шинелями в казармы. С 10-ти часов утра до 10-ти часов вечера щеголял я с солдатами в одних тонких мундирах. Взводу принесли хлеба из казарм; негоциант Герман Кнооп, мой Нарвский знакомец, велел им дать пищу и по чарке водки, а для меня принес бутылку отличнейшего вина. В течение ночи очищали Сенатскую площадь, Галерную улицу и дорогу чрез Неву; раненых отвезли в госпитали, близ прорубей находили различные одежды. На другой день увиделся с женою на два часа, чтобы расстаться надолго...

4.

Рассказ Е. П. Оболенского [1]).

...Накануне присяги все наличные члены общества собрались у Рылеева. Все единогласно решили, что ни противиться восшествию на престол, ни предпринять что-либо решительное в столь короткое время было невозможно. Сверх того положено было, вместе с появлением нового императора, действия общества на время прекратить. Грустно мы разошлись по своим домам, чувствуя, что на долго, а может быть и навсегда отдалилось осуществление лучшей мечты нашей жизни! На другой же день весть пришла о возможном отречении от престола нового императора. Тогда же сделалось известным и завещание покойного и вероятное вступление на престол великого князя Николая Павловича. Тут все пришло в движение, — и вновь надежда на успех блеснула во всех сердцах. Не стану рассказывать о ежедневных наших совещаниях, о деятельности Рылеева, который, вопреки болезненному состоянию (у него открылась в это время жаба), употреблял всю силу духа на исполнение предначертанного намерения — воспользоваться переменою царствования для государственного переворота...

Настал день 14 декабря. Рано утром я был у Рылеева; он давно уже бодрствовал. Условившись в действиях дальнейших, я

---

[1]) См. «Воспоминания князя Е. П. Оболенского» в изд. «Общественные движения в России в первую половину XIX века». СПБ., 1905 г., стр. 248—250. Евгений Петрович Оболенский (род. в 1796 г., ум. в 1865 г.), поручик л.-гв. Финляндского полка, старший ад'ютант командующего гвардейской пехотой, декабрист I разряда, приговорен был к вечным каторжным работам.

отправился к себе домой, по обязанностям службы. Прибыв на площадь вместе с приходом Московского полка, я нашел Рылеева там. Он надел солдатскую суму и перевязь и готовился стать в ряды солдатские. Но вскоре нужно было ему отправиться в Лейб-Гренадерский полк для ускорения его прихода. Он отправился по назначению, исполнил поручение; но с тех пор я уже его не видал. Много перечувствовалось в этот знаменательный день; многое осталось запечатленным в сердечной памяти чертами неизгладимыми. Я и многие со мною из'являли мнение против мер, принятых в этот день обществом, но необинуемость близкая, неотвратимая заставила отказаться от нравственного убеждения в пользу действия, к которому готовилось общество в продолжение стольких лет. Не стану говорить о возможности успеха; едва ли кто из нас мог быть в этом убежден! Каждый надеялся на случай благоприятный, на неожиданную помощь, на то, что называется счастливою звездою; но, при всей невероятности успеха, каждый чувствовал, что обязан обществу исполнить данное слово, — обязан исполнить свое назначение, и с этими чувствами, этими убеждениями в неотразимой необходимости действовать, каждый стал в ряды...

5.

Рассказ М. А. Бестужева [1]).

...Шумно и бурливо было совещание накануне 14-го в квартире Рылеева. Многочисленное собрание было в каком-то лихорадочно-высоконастроенном состоянии. Тут слышались отчаянные фразы, неудобно-исполнимые предложения и распоряжения, слова без дел, за которые многие дорого поплатились, не будучи виноваты ни в чем ни перед кем. Чаще других слышались хвастливые возгласы Якубовича и Щепина-Ростовского. Первый был храбрый офицер, но хвастун и сам трубил о своих подвигах на Кавказе. Но недаром сказано: «Кто про свои дела твердит всем без умолку—в том мало очень толку», и это он доказал 14 декабря на Сенатской площади... Щепина-Ростовского, хотя он не был членом Общества, я нарочно привел на это совещание, чтобы посмотреть, не попятится ли он. Будучи наэлектризован мною, быть может, через меру и чувствуя непреодолимую силу, влекущую его в водоворот, — бил руками и ногами и старался как бы заглушить рассудок всплеском воды и брызгами.

---

[1]) См. «Воспоминания братьев Бестужевых», изд. «Огней», Пгр. 1917 г., стр. 99—122.—Михаил Александрович Бестужев (род. в 1800 г., ум. в 1871 г.), штабс-капитан л.-гв. Московского полка, декабрист II разряда: приговорен был к вечным каторжным работам. В своем рассказе он ссылается на статью о 14 декабря И. И. Пущина,— т.-е. на рассказ И. Д. Якушкина, напечатанный Герценом ошибочно с именем Пущина.

За то, как прекрасен был в этот вечер Рылеев! Он был нехорош собой, говорил просто, но не гладко; но когда он попадал на свою любимую тему — на любовь к родине — физиономия его оживлялась, черные, как смоль, глаза озарялись неземным светом, речь текла плавно, как огненная лава, и тогда, бывало, не устанешь любоваться им» [1]).

Так и в этот роковой вечер, решивший туманный вопрос: to be, or not to be [2]), его лик, как луна бледный, но озаренный каким-то сверх'естественным светом, то появлялся, то исчезал в бурных волнах этого моря, кипящего различными страстями и побуждениями. Я любовался им, сидя в стороне, подле Сутгофа, с которым мы беседовали, поверяя друг другу свои заветные мысли...

Было близко полуночи, когда мы его оставили, и я спешил домой, чтобы быть готову к роковому завтрашнему дню и подкрепить ослабшие от напряженной деятельности силы хоть несколькими часами сна. Но вышло не так. Вечно без толку кипятящаяся натура Щепина вдруг окунулась в сферу ей неведомую, бурливое волнение которой еще более ее вскипятило. Не понимая, что дело шло не о том, чтобы иметь царем Константина или Николая — он за Константина выкрикивал самые отчаянные фразы и Следственною Комиссиею был помещен в число самых отчаянных членов нашего общества, тогда как даже о существовании общества он ничего не знал. Видя его восторженное состояние, я раскаялся, что напустил чересчур много пару в эту машину, и, страшась, чтобы не лопнул паровик, решился провести ночь у него, наблюдая, и по временам открывать предохранительные клапаны. Не стану описывать эту ночь, его беснования и мои усилия укротить их. — Наконец, наступил рассвет, и нас потребовали к полковому командиру генералу Фридриксу...

Пришедши к себе на квартиру, я нашел там брата Александра, с нетерпением дожидавшегося меня.

— Где же Якубович? — спросил я.

— Якубович остался на своей квартире — обдумывать, как бы похрабрее изменить нам. На все мои убеждения ехать к артиллеристам и измайловцам, он упорно повторял:

— Вы затеяли дело несбыточное — вы не знаете русского солдата, как знаю я.

---

[1]) И этого-то человека сумели загрязнить трусостью?! В «Записках декабристов» помещено описание 14 декабря И. И. Пущина. Этот небольшой отрывочек, вероятно, прошел через руки какого-нибудь верноподданного, прежде нежели он был напечатан Герценом, и, вероятно, эта фраза вставная (стр. 148). То же можно сказать и об отзыве про брата Александра и про Сутгофа и Панова (стр. 155). Точно так же показания ложны о Трубецком, будто бы находившемся на площади в свите императора (стр. 159). Точно так же ложны показания—промахи ли они или умышленные вставки—не знаю. Опровергать их я не намерен, но они будут опровергнуты моим правдивым описанием.

[2]) Т.-е. «Быть или не быть». Ред.

— Итак, надежда на артиллеристов и прочие полки исчезла, — сказал я чуть не со слезами на глазах. — Ну, видно, богу так угодно. — Медлить нечего, пойдем в полк — я поведу его на площадь.

— Погодим, — сказал брат. — Вчера Рылеев крепко сомневался в хвастливых выходках Якубовича и обещал мне поехать к артиллеристам, измайловцам, семеновцам и егерям и привести их сюда.

— Нет, брат — промедление погубит дело. Пойдем и уведем полк до присяги.

Брат послушался меня — мы пошли. Брат говорил солдатам, что он ад'ютант императора Константина, что его задержали на дороге в Петербург и хотят заставить гвардию присягнуть Николаю и пр. и пр. Солдаты отвечали в один голос:

— Не хотим Николая, — ура Константин!!!

Брат пошел в другие роты, а я, раздав боевые патроны, выстроил свою роту на дворе и, разослав своих надежных агентов в другие роты, чтобы брали с собою боевые патроны, выходили и присоединялись к нам с барабанным боем, вышел на главный двор, куда выносили уже аналой для присяги. Знамена уже были принесены, и знаменные ряды солдат ожидали нашего появления на большом дворе, чтобы со знаменами примкнуть к идущим на площадь ротам. Щепин выстроил свою роту позади моей; позади нас образовалась нестройная толпа солдат, выбегающих из своих рот. Не было никакой возможности построить их даже в густую колонну, — к тому же мы боялись терять время, и я двинулся вперед со своею ротою. Когда мы подходили к своду ворот, где находился выход из учебной залы, куда принесены были знамена, — они показались в сопровождении знаменных рядов. Знамя моего баталиона примкнуло к голове моей роты, а другое пронесли далее, чтобы примкнуть к ротам, принадлежащим их баталиону; это обстоятельство было причиною беспорядочной свалки, которая остановила движение полка и чуть вовсе не испортила дело, так хорошо начавшееся. Нестройная толпа солдат прочих рот, полагая, что знамя несли к аналою, около которого строились уже московцы, не согласившиеся итти с нами, бросилась на знаменный ряд с намерением отнять у них знамя. Началась борьба, беспутная свалка разрасталась от недоумения; каждая сторона думала видеть в другой врага, тогда как обе стороны были наши.

Вышедши из казарм, я уже переходил по мосту Фонтанку, как ко мне подбежал унтер-офицер роты Щепина.

— Ваше высокоблагородие, — говорил он, задыхаясь от изнеможения, — ради бога воротитесь, уймите, уймите свалку!

— Да где же ваша рота? где князь? — спрашивал я, остановя своих солдат.

— Где, ваше высокоблагородие? — вестимо там, на дворе.

— Да что ж они там делают?

— Да, бестолковые, дерутся за знамя.

— А князь-то ваш, что ж он не уймет их?

— Да что князь... рубит направо и налево чужих и своих. Ефрейтора Федорова, своей роты, — поранил в руку.

— Правое плечо вперед, — скомандовал я, — марш! — Пойдемте, ребята, помирим их!

Мы вошли на двор другими воротами, немного позади волнующейся толпы, занявшей почти весь двор. Знамя — то исчезало, то снова всплывало над колеблющимися султанами и штыками солдат. Казалось, не было никакой возможности, окунувшись в это ярящееся море, добраться до знамени, до причины раздора. Но так или иначе, а действовать было надо.

— Ребята, сомкни ряды, — закричал я своим, — держись плотно один к другому.

Слитые как бы в одну массу, мои солдаты врезались в середину толпы и подвигались безостановочно вперед, разбрызгивая по сторонам отдельно волнующиеся массы солдат.

— Смирно!—скомандовал я, достигши знамени. Разгоряченные солдаты затихли, опустив ружья к ноге. Я подошел к Щепину, который взял знамя из рук знаменосца.

— Князь — вот ваше знамя, ведите солдат на площадь.

— Ребята, за мной! — завопил неистово Щепин, и вся эта за минуту бурливая масса, готовая резать друг друга, как один человек двинулась за ворота казарм и затопила Гороховую улицу во всю ширину.

При нашем выходе из казарм, мы увидели брата Александра. Он стоял подле генерала Фридрикса и убеждал его удалиться. Видя, что его убеждения тщетны, он распахнул шинель и показал ему пистолет. Фридрикс отскочил влево и наткнулся на Щепина, который так ловко рубнул его своею острою саблею, что он упал на землю. Подходя к своду выхода, Щепин подбежал к генералу бригадному Шеншину, уговаривавшему отдельную кучку непокорных, и обработал его подобно Фридриксу. Под сводами выхода полковник Хвощинский стоял с поднятыми руками, крича солдатам воротиться. Щепин замахнулся на него саблею, Хвощинский побежал прочь, согнувшись в дугу от страха, и Щепин имел только возможность вытянуть ему вдоль спины сильный удар саблею плашмя. Хвощинский отчаянным голосом кричал, убегая:

— Умираю! Умираю!!

Солдаты помирали со смеху.

Проходя по Гороховой улице, мимо квартиры, занимаемой Якубовичем, мы увидели его сбегающим торопливо по лестнице на улицу к нам.

— Что бы это значило?—проговорил брат Александр.—Впрочем, надо испытать его...

Якубович, с саблею наголо, на острие которой красовалась его шляпа с белым пером, пошел впереди нас, с восторженными криками:

— Ура! — Константин!!!

— По праву храброго кавказца, прими начальство над войсками.

— Да для чего эти церемонии, — сказал он в смущении. Потом, подумавши немного, прибавил:

— Ну, хорошо, я согласен.

Вышедши на площадь к Сенату, мы ее нашли совершенно пустою.

— Что? имею ли я теперь право повторить тебе, что вы затеяли дело неудобоисполнимое. Видишь, не один я так думал, — говорил Якубович.

— Ты бы не мог сказать этого, если бы сдержал данное тобою слово и привел сюда прежде нас или артиллерию, или измайловцев, — возразил брат.

Мы со Щепиным поспешили рассчитать солдат и построить их в каре. Моя рота с рядовыми из прочих заняла 2 фаса: один, обращенный к Сенату, другой — к монументу Петра I. Рота Щепина, с рядовыми из других рот, заняла фасы, обращенные к Исаакию и к Адмиралтейству.

Было уже около 9 часов,—мы стояли более 2-х часов, а против нас не показывалось никакое войско. Первые, кого мы увидели — были конногвардейцы, которые справа по три тихо приближались, держась близко к Адмиралтейскому бульвару, и, повернув направо, выстроились тылом к Адмиралтейству и правым флангом к Неве. Потом показались Преображенцы, подвигавшиеся от Дворцовой площади, с артиллериею впереди, для которой позабыли или не успели взять зарядов, и за ними было послано. Заряды привезли уже к вечеру. Первый баталион Преображенцев прошел позади конногвардейцев, замкнул выезд с Исаакиевского моста; конно-пионеры, прошедши тем же путем, замкнули выход к Английской набережной, Павловский полк стал тылом к дому Лобанова-Ростовского, Семеновцы — вдоль Конногвардейского манежа, Измайловский был остановлен на улице, образовавшейся после постройки дома Лобанова. Прочие полки были размещены по главным улицам, идущим к площадям — Дворцовой, Исаакиевской и Петровской. Прибытие и размещение войск не было одновременно, но сопровождалось большими паузами и суматохою. Так, Измайловцев, отказавшихся решительно от присяги Николаю, избивших Ростовцева, вздумавшего их уговаривать, вывели против войск, с которыми ожидали с минуты на минуту удобного случая, чтобы соединиться. Новый император, будучи шефом этого полка, на троекратное приветствие: «Здорово, ребята», не получил даже казенного ответа и удалился в смущении. И этот полк оставили стоять до вечера против нас. Преображенцев, поставленных против нас у Исаакиевского моста, — оставили тоже до вечера, хотя они, по убеждению Чевкина, решительно отказались присягнуть Николаю. Конногвардейцев, посылаемых трижды в атаку против нас и только в третий раз успевших проскакать до Сената и выстроиться тылом к нему, — тоже оставили там до вечера, а этот

полк настолько был приготовлен находившимися в нем членами нашего общества, что при движении нашего полка они, наверное, соединились бы с нами. Они, равно как и Преображенцы, через народ, окружающий каре, передавали нам свое намерение.

Окончив трудную работу — постройку каре из обрывков разных рот, около которого собрались уже многие из наших членов, и не видя Якубовича, я спросил о причине его отсутствия.

— Он сказал мне, — отвечал брат, — что, по причине страшной головной боли, он удаляется с площади. — Но посмотри на него, — продолжал он, указывая на свиту государя, — вероятно атмосфера нового царя живительно подействовала на его чувствительные нервы.

И брат не ошибся в своих предположениях: Якубович в избытке своих верноподданнических чувств подошел к государю и просил позволения обратить нас на путь законности. Государь согласился. Он, привязав белый платок на свою саблю, быстро приблизился к каре и, сказав вполголоса Кюхельбекеру (Михайле):

— Держитесь, вас крепко боятся, — удалился.

Вскоре эскадрон конногвардейцев отделился от строя и помчался к нам. Его встретил народ градом каменьев из мостовой и дров, находившихся за забором подле Исаакиевской церкви. Всадники, неохотно и вяло нападавшие, в беспорядке воротились за свой фронт. Вторую и третью атаку Московское каре уже без содействия народа выдержало с хладнокровною стойкостью. После отражения третьей атаки конногвардейцы проскакали к Сенату и когда начали выстраиваться во фронт, солдаты моего фаса, полагая, что они хотят атаковать с этой стороны, мгновенно прицелились и хотели дать залп, которым, вероятно, положили бы всех без исключения. Я, забывая опасность, выбежал перед фас и скомандовал:

— Отставь!

Солдаты опустили ружья, но несколько пуль просвистело мимо моих ушей — и несколько конногвардейцев упали с коней. Коннопионеры, немного спустя, помчались, бог весть по чьему приказанию, мимо моего фаса и конногвардейцев. Мои солдаты пустили по ним беглый огонь и заставили воротиться назад. Я был на другом фасе и не мог предупредить или остановить. Как ни прискорбны эти два случая, но они породили счастливые для нас результаты: выстрелы были услышаны в гвардейских казармах, и к нам поспешили на помощь...

Нам готовилась вовсе неожиданная помощь. Я проходил фас своего каре, обращенный к Неве, и вижу приближающихся кадет Морского и 1-го Кадетского Корпуса.

— Мы присланы депутатами от наших Корпусов, для того, чтобы испросить позволения притти на площадь и сражаться в рядах ваших, — говорил, запыхавшись, один из них. Я невольно улыбнулся, и на мгновение мысль: дать им позволение — промелькнула в уме. Присутствие этих юных птенцов на площади, стоящих рядом с усатыми гренадерами, поистине, оригинально окрасило бы наше

восстание. Участие детей в бунте — единственный, небывалый факт в летописях истории. Но я удержался от искушения при мысли — подвергать опасности жизнь и будущность этих ребят-героев.

— Благодарите своих товарищей за благородное намерение и поберегите себя для будущих подвигов, — ответил я им серьезно и они удалились [1]).

Пропуская все другие подробности происшествий 14 декабря, я упомяну только об оплеухе, которою наградил Оболенский Ростовцева, встретившись с ним на обратном пути от конно-артиллеристов на площадь, а Ростовцев — из Измайловского полка, где его порядочно помяли солдаты, когда он вздумал ораторствовать за Николая, — во дворец.

День был сумрачный — ветер дул холодный. Солдаты, затянутые в парадную форму с 5 часов утра, стояли на площади уже более 7 часов. Со всех сторон мы были окружены войсками — без главного начальства (потому что диктатор Трубецкой не являлся), без артиллерии [2]), без кавалерии, — словом, лишенные всех моральных и физических опор для поддержания храбрости солдат. Они с необычайною энергиею оставались непоколебимы и, дрожа от холода, стояли в рядах, как на параде...

Кюхельбекер и Пущин уговаривали народ очистить площадь, потому что готовились стрелять в нас. Я присоединился к ним, но на все мои убеждения был один ответ: «Умрем вместе с вами». К нам подошел Сухозанет и передал последнюю волю царя, чтобы мы положили оружие, или в нас будут стрелять.

— Оправляйтесь назад, — вскрикнули мы, а Пущин прибавил:

— И пришлите кого-нибудь почище вас.

На возвратном скоку к батарее он вынул из шляпы султан, что было условлено, как сигнал к пальбе, и выстрел грянул. — Картечь была направлена выше голов. Толпа народа не шелохнулась. Другой выстрел — в самую середину массы. Повалилось много безвинных, остальные распрыснулись во все стороны. Я побежал к своему фасу к Неве. Последовал третий выстрел. Много солдат моей роты упало и стонало, катаясь по земле в предсмертном мучении. Прочие побежали к Неве. Любимов [3]) очутился подле меня.

— Всяко может быть, ваше высокородие, я не покину вас, — говорил он с братским участием и вдруг упал к моим ногам, пораженный картечью в грудь. Кровь брызгала из глубокой раны. Я дал

---

[1]) При первом посещении государем этих двух Корпусов кадеты I-го Корпуса на его приветствие: «Здорово, дети», отвечали глубоким молчанием, а моряки поставили в коридоре, через который он проходил, миниатюрную виселицу с пятью повешенными мышами.

[2]) Пешая гвардейская артиллерия не соединилась с нами потому, что князь Алекс. Голицын и прочие члены общества по малодушию позволили полковнику Сумарокову себя арестовать. Гвардейские конно-артиллеристы тоже были арестованы полковником Пистолем-Корсом. Они ушли из-под ареста и явились на площадь.— «Что нам в вас без пушек?» — сказали мы им. Они возвратились в казармы и на этот раз были арестованы покрепче.

[3]) Ефрейтор. Ред.

ему свой платок. Он прижал его к груди, а меня увлекла толпа бегущих солдат. Я забежал вперед.

— За мной, ребята! — крикнул я московцам и спустился на реку. Посредине я остановил солдат и с помощью моих славных унтер-офицеров начал строить густую колонну, с намерением итти по льду Невы до самой Петропавловской крепости и занять ее. Если бы это удалось, мы бы имели прекрасное point d'appui [1]), куда бы могли собраться все наши, и откуда мы бы могли с Николаем начать переговоры при пушках, обращенных на дворец. Я уже успел выстроить три взвода, как завизжало ядро, ударившись в лед и прыгая рикошетом вдоль реки. Я оборотился назад, чтобы посмотреть, откуда палят, и по дыму из орудий увидел батарею, поставленную около середины Исаакиевского моста. Я продолжал строить колонну, хотя ядра вырывали из нее то ряд справа, то слева. Солдаты не унывали, и даже старики подсмеивались над молодыми, говоря им, когда они наклонялись при визге ядер:

— Что раскланиваешься? Аль оно тебе знакомо?

Уж достраивался хвост колонны, как вдруг раздался крик:

— Тонем!

Я увидел огромную полынью, в которой барахтались и тонули солдаты. Лед, под тяжестью собравшихся людей и разбиваемый ядрами, не выдержал и провалился. Солдаты бросились к берегу Невы, к самой Академии Художеств.

— Куда же мы теперь? — спрашивал знаменосец. Я заглянул в отворенные ворота Академии и увидел круглый двор, столь для меня памятный. Вспомнил залы античных статуй, живописи и проч., окружающие двор, и — мгновенная мысль, что, заняв их, мы можем долго защищаться, — вскричал: «Сюда, ребята». Передовая кучка солдат пробежала в ворота мимо оторопевшего швейцара, который, впрочем, оправившись от страха, спустил гири ворот и они захлопнулись перед нашим носом. Я приказал взять бревно из днища барки, разломанной на реке, чтоб им сбить с петель ворота. Молодцы дружно принялись за дело: ворота уже потрескивали под их ударами, но мы увидели эскадрон кавалергардов, во весь карьер мчавшихся к нам. У солдат опустились руки. Можно ли было думать о сопротивлении при такой суматохе, когда все столпились в одну нестройную кучу?

— Спасайтесь, ребята, кто как может! — и солдаты разбежались в разные стороны. Я подошел к знаменосцу, обнял его, промолвив:

— Скажи своим товарищам, Московцам, что я, в лице твоем, прощаюсь навсегда с ними. Ты же отнеси и вручи знамя вот этому офицеру, который скачет впереди; этим ты оградишь себя от наказания.

Я еще постоял некоторое время, видел, как на половине площади Румянцова знаменщик подошел к офицеру, отдавая знамя, и

---

[1]) Точку опоры. Ред.

как тот рубнул его с плеча. Знаменщик упал, и у меня чуть слезы не брызнули. Я забыл фамилию этого презренного героя, но помнится, что она начиналась с частички фон-, и что он, повергая к ногам императора отбитое им с боя знамя, получил Владимира с бантом за храбрость!!!

Медленно пробираясь по переулкам к мирному жилищу сестер, я чувствовал, как лихорадочное волнение постепенно утихало во мне, и от души отлегала какая-то тягость, давившая меня. Мне как-то легко дышалось, совесть была спокойна. Я знал, что исполнил свой долг безупречно, и даже находил удовольствие выдумывать себе самые страшные и самые унизительные казни. Здоровый организм вступал в свои права: проведши 3 дня почти без сна и пищи, я почувствовал голод и желание уснуть. Сестры встретили меня со слезами и расспросами.

— Теперь не время, mes soeurs, вздыхать, плакать, болтать, время дорого. Дайте мне чего-нибудь закусить и отдохнуть немного, и я, на вечную разлуку с вами, постараюсь удовлетворить ваше любопытство.

Наскоро закусив, я поспешил уснуть, попросив сестер приготовить матушку, когда она проснется. Долго ли я спал, не знаю, но когда проснулся, было совершенно темно. Пока никто не мешает, надо было подумать о будущем, бежать или без хлопот самому явиться под арест. Попробуем сперва первое, а при неудаче употребим второй способ. Я нарядился в старый флотский виц-мундир брата Николая, надел его енотовую шубу и в таком маскарадном костюме явился к матушке и, став на колени, просил ее благословения.

— Да благословит тебя бог, — сказала она, перекрестив меня, — и да вооружит он тебя терпением для перенесения всех страданий, тебя ожидающих.

Я обнял сестер, выбежал за ворота и бросился на первого извозчика, приказав ехать ему на Исаакиевскую площадь, чтобы пробраться, ежели возможно, к Торсону.

— Да пустят ли нас, барин, к Исаакию? Там идет мытье да катанье, кругом стоят пушки да солдаты.

— О каком ты мытье говоришь? — спросил я.

— Вестимо дело, замывают кровь, посыпают новым снегом и укатывают.

— А что, разве много было крови? — спросил я его.

— Ну, на порядке, значит, много было, то-есть убитых. — Вот смотри, — прибавил он, указывая на воз, прикрытый рогожами, — ведь это все покойники, — дай бог им царствие небесное. Ведь все они, то-есть настоящие праведники — стоят за правое дело, а теперь их пихают под лед без христианского погребения...

— Да что же тут приключилось, расскажи, пожалуйста.

— Вишь, расскажи — одним словом, страх...

Нас остановил жандарм. Я заплатил извозчику и начал с другого конца Исаакиевской площади зигзагами и обходами проби-

раться к Галерной улице, где жил Торсон. Странно оживленную картину представляла площадь эта. Она была местами освещена пылающими кострами, у которых грелись артиллеристы и солдаты. Сквозь дым и мерцание пламени то показывались, то скрывались блестящие жерла пушек, поставленных на всех выходах главных улиц на площадь. Фитили мерцающими звездочками курились при каждом орудии. Внутри этого заветного круга, где за несколько часов решалась участь царя и России, рабочий люд деятельно хлопотал смыть и уничтожить все следы беззаконной попытки неразумных людей, мечтавших хоть немного облегчить тяжесть их горькой судьбины. — Одни скоблили красный снег, другие посыпали вымытые и выскобленные места белым снегом, остальные убирали тела убитых и свозили их на реку. С большим трудом, почти прокравшись, я достиг до Галерной улицы и почти бегом достиг до средины, где остановлен был пикетом Павловского полка, и мне приказано было ждать, пока офицер выйдет и опросит меня. «Вот и попался», — подумал я. Я назвал себя шкипером 8-го экипажа, а ежели офицер знает меня, — я инстинктивно прислонился к фонарному столбу, чтобы свет не падал мне на лицо. По другую сторону столба стояла небольшая кучка лейб-гренадер, московцев и матросов гвардейского экипажа. Их разыскивали по домам, окаймляющим Галерную улицу, и приводили к пикету, чтобы препроводить в сборное место. Измайловцы привели новых арестантов.

— Что, опять наловили мышей, — сказал один из павловцев, шутник и балагур, занимавший всю честную компанию пресмешными выходками.

— А, чай тебе трудно было сгибаться под каждой дыркой, да норкой? Вишь, какой вырос — как этот фонарный столб!

— Послали бы тебя, и ты то же бы делал, что мы, — возразил измайловец.

— Нет, брат, погоди, ты чистую чушь несешь. Первое, нас бы и не послали — мы не кобенясь присягнули. Вашему шефу наши ребята сказали: «кто ни поп тот батька, и кто бы ни выдергал усы, как вам выдергивали, — все равно: тот или другой». А вы? смотри-ка, не хотим изменять присяге! Приколотили Ростовцева, не хотели здороваться с новым царем, посылали сказать Московцам, что готовы итти с ними, а теперь ловите их, чтобы предать распятию. — Нет, брат, говорил он, выступив вперед, подбоченясь и выставя ногу вперед, — у меня хоть медный налобник, но лоб-то не медный. Еслиб я сказал: пойду — так и пошел бы...

— И мы бы пошли, — прервал его измайловец.

— А что же вы не шли к нам? — вставил вопрос один из московцев.

— А что же вы стояли на одном месте, как будто примерзли к мостовой?

— Мы...— Появление офицера прервало эту интересную сцену. Он подошел ко мне.

— Кто вы? и куда идете?

Мой ответ был:

— Я шкипер 8-го флотского экипажа. По обязанностям службы я был в Галерной гавани и теперь возвращаюсь к семейству.

— Хорошо, мы это узнаем, я велю вас проводить к семейству. Эй!..

— Ваше благородие! — выпятившись рапортовал старший унтер-офицер пикета, — привели пять новых арестантов.

— Да когда же этому будет конец, — запальчиво закричал офицер.—Ну, отправить их на сборное место. Да назначь кого-нибудь проводить до дому этого господина.

— Помилуйте, ваше благородие, кого я назначу? Конвой прежней партии не вернулся еще назад, а для этой толпы мало будет остальных пикетных.

— Ну, чорт с ним, пусть идет куда хочет, а ты отправляй арестантов. — Меня пропустили — и я, хотя в сообществе с чортом, несказанно был рад, вырвавшись из когтей этого блаженного...

6.

Рассказ Н. А. Бестужева [1]).

...Сабля моя давно была вложена.

Я стоял в интервале между Московским каре и колонною Гвардейского Экипажа, нахлобуча шляпу и поджав руки, повторяя себе слова Рылеева, что мы дышем свободою: я с горестью видел, что это дыхание стеснялось! Наша свобода и крики солдат походили более на стенания, на крик умирающего. В самом деле: мы были окружены со всех сторон; бездействие поразило оцепенением умы; дух упал, ибо тот, кто в начатом поприще раз остановился, уже побежден вполовину. Сверх того, пронзительный ветер леденил кровь в жилах солдат и офицеров, стоявших так долго на открытом месте. Атака на нас прекратилась: «ура» солдат становилось реже и слабее. День смеркался. Вдруг мы увидели, что полки, стоявшие против нас, расступились на две стороны и батарея артиллерии стала между ними с разверстыми зевами, тускло освещаемыми серым мерцанием сумерек.

Митрополит, посланный для нашего увещания, возвратился без успеха; Сухозанету, который, под'ехав, показал нам артиллерию, громогласно прокричали: «Подлец!» — и это были последние порывы, последние усилия нашей независимости.

---

[1]) Отрывок. См. «Воспоминания братьев Бестужевых», Пгр. 1917 г., стр. 44 — 46. — Николай Александрович Бестужев (род. в 1791 г., ум. в 1855 г.), капитан-лейтенат 8-го флотского экипажа, декабрист II разряда; был осужден на вечную каторжную работу.

Первая пушка грянула — картечь рассыпалась; одни пули ударили в мостовую и подняли рикошетами снег и пыль столбами, другие вырвали несколько рядов из фронта, третьи с визгом пронеслись над головами и нашли своих жертв в народе, лепившемся между колонною Сенатского дома и на крышах соседних домов. С первого выстрела семь человек, ошеломленные, упали: я не слышал ни одного вздоха, не приметил ни одного судорожного движения — столь жестоко разила картечь на этом расстоянии. Совершенная тишина царствовала между живыми и мертвыми. Другой и третий выстрелы повалили кучу солдат и черни, которая толпами собралась около нашего места; разбитые оконницы зазвенели, падая на землю, но люди, слетевшие вслед за ними, растянулись безмолвно и недвижимо, как будто одеревенели. Я стал там в том положении, смотрел в глаза смерти и ждал рокового удара; в эту минуту существование было так горько, что гибель казалась мне благополучием. Однако судьбе угодно было иначе... С пятым или шестым выстрелом колонна дрогнула. Почуяв это, я очнулся; между мною и бегущими была уже целая площадь и сотни скошенных картечью жертв свободы. Я должен был следовать общему движению и с каким-то мертвым чувством в душе пробирался между убитыми; тут не было ни движения, ни крика, ни стенания, только в промежутках между выстрелами можно было слышать, как кипятилась кровь струями по мостовой, растопляя снег, — потом сама, алея, замерзала.

За нами двинули эскадрон Конной гвардии, и, когда при входе в узкую Галерную улицу бегущие столпились, я достиг до лейб-гренадеров, следовавших сзади, и сошелся с братом Александром; здесь мы остановили несколько десятков человек, чтобы, в случае натиска, сделать отпор и защитить отступление, но император предпочел продолжать стрельбу по длинной улице.

Картечь догоняла лучше, нежели лошади, и составленный нами взвод рассеялся. Мертвые тела солдат и народа валились и валились на каждом шагу; солдаты забегали в дома, стучались в ворота, старались спрятаться между выступами цоколей, но картечь прыгала от стен в стены и не щадила ни одного закоулка. Таким образом, толпы достигли первого перекрестка и здесь были встречены новою частью Павловского гренадерского полка. Не видев, куда исчез брат мой, я поворотил в полуотворенные ворота направо и сошелся с самим хозяином дома; двое порядочно одетых людей бросились также в ворота, и в ту минуту, как первый пригласил нас войти, картечь поразила одного из последних, и он упал, загородив нам дорогу...

7.

Рассказ А. П. Беляева [1]).

...Присяга Николаю без манифеста со стороны Константина, его упорное отсутствие—порождали в самых даже тихих и не свободомыслящих недоумение, смущение, и каждый, действительно, считал новую присягу противною совести. Даже нижние чины тяготились этою присягой и без особых подготовлений и как один человек отказались присягать вслед за офицерами, которые вышли к генералу Шипову, присланному для приведения к присяге Экипажа, и отказались присягнуть Николаю. Помню, как теперь, слова лейтенанта Вишневского (который не имел понятия ни об обществе, ни о заговорах). Когда Вишневский сказал, что мы не видим отречения императора и потому считаем своим долгом сохранить свою присягу Константину, то Шипов, отвечая, сказал:

— Нельзя же, господа, государю каждому полку, — Ингерманландскому или какому-нибудь, стоящему где-нибудь в захолустье, — давать знать о своем отречении!

Вишневский возразил:

— Вы, генерал, забываете, что мы его гвардия, т.-е. его телохранители, а потому имеем право ожидать разрешения данной ему присяги только от него самого!

То же повторили и все офицеры. Шипов, видя, что не может убедить офицеров, пошел в казармы и в канцелярию, позвал ротных командиров. Мы, младшие, остались с баталионом, возбужденные в высшей степени началом действия. В эту минуту нам, не думая даже о перевороте, казалось крайне обидным и унизительным такое бесцеремонное обращение с нашим долгом, с нашею совестью и такое пренебрежение к нашей самостоятельности. Вдруг раздались выстрелы; Бестужев вскричал: «Ребята, это наших бьют, т.-е. неизменяющих присяге!». Ротные командиры были в канцелярии, как бы под арестом. Экипаж заволновался, начал звать ротных командиров, и мы с братом Михаилом, Бодиско с Миллером и еще не помню с кем бросились в казармы и освободили ротных командиров. Только что они сошли к баталиону, как весь баталион ринулся в ворота. Баталионный командир, капитан 1-го ранга Качалов, развел руки, чтобы остановить нас, но мы его обошли и стройно пошли к площади, где сказано было собираться. В это утро, еще прежде присяги, приезжали в казармы: Якубович, с повязкой на голове, Рылеев, Каховский с тем, чтобы узнать настроение общества офицеров. Они уже знали об аресте артиллеристов и если б заметили колебание офицеров, то, может быть, этого 14 декабря не было бы. Но когда должно что-либо совершиться, что написано

---

[1]) См. «Воспоминания А. П. Беляева», СПБ., изд. А. С. Суворина, стр. 167—175.—Александр Петрович Беляев (род. в 1803 г., ум. в 1885 г.), мичман гвардейского экипажа, декабрист IV разряда; был приговорен к каторжным работам на 12 лет.

в путях божественного проведения, которое попускает самое зло для каких-нибудь непостижимых, но всегда благих целей, то слепота не исчезает, и человек, однажды решившийся на какое-нибудь действие, считая его нравственным долгом, не останавливается. Когда Каховский, испытывая решимость офицеров, между прочим сказал: «Можно и отложить восстание до более благоприятного времени», — то в безумном энтузиазме я сказал ему:

— Нет, лучше не откладывать, если имеются люди, могущие вести Временное правление; другого такого случая, может быть, не будет.

— В таком случае, отвечал он, станем действовать.

Таким образом, решено было действовать. Если же я сказал бы: «Да, конечно, лучше отложить действие» и предложил бы это другим, то, кто знает, может быть, оно и не случилось бы, и не было бы пролито столько крови! Впрочем, действие началось не у нас, а в Московском полку и у лейб-гренадер; в моей же безумной решительности была какая-то роковая сила, которая влекла меня в эту пучину...

Возмущение началось с некоторых рот Московского полка, увлеченных некоторыми ротными командирами, как-то: Щепиным-Ростовским и Михаилом Александровичем Бестужевым, из которых первый нанес раны генералам, приводившим их к присяге: кровопролитие бесполезное и глупое, потому что одно лицо генерала никак не могло остановить решившихся не присягать или действовать за свободу, что̀ мы видим ясно на нашем Экипаже; при этом энергический капитан Ливен остановил свою роту, хотевшую последовать за баталионом. У нас, впрочем, не было таких ярых офицеров, как Щепин. Повторяю, что кроме нас, молодых офицеров, заразившихся идеей свободы до фанатизма, все прочие исполняли долг присяги, хотя и ожидали, что правление наше будет изменено на лучшее.

Придя на площадь, мы заняли место на правом фланге перед самым Сенатом, у загороди строившегося Лобанова дома; за нами стояли Московцы и далее гренадеры, которых увлек баталионный ад'ютант Панов, после того, как еще прежде отказалась присягать и вышла на площадь гренадерская рота за своим любимым ротным командиром Сутгофом, бывшим членом общества. Поэтому Панов поднял только оставшиеся два баталиона. С этими баталионами он пришел во дворец и мог бы, конечно, обезоружить караул и овладеть дворцом и всеми, там бывшими министрами; но божественное провидение бодрствовало над Россией, — и когда он подошел с дворцовой набережной ко входу, его встретил комендант Башуцкий и прехладнокровно сказал ему: «Вы не сюда, ваши стоят на площади»; с этими словами Панов вышел из дворца на площадь.

Когда мы пришли, уже принесены были жертвы нашему идолу молоху, называемому свободой. Милорадович, этот баярд, краса русской армии, и полковник Стюрлер уже были отнесены раненые тем самым Каховским, который еще утром у нас в казармах коле-

бался и решимость которого, как и их смерть и его казнь лежат тяжелым камнем на моем сердце, потому что, не вырази я своей фанатической решимости утром, он, может быть, не совершил бы всех этих кровавых действий. Решено было стрелять только в тех, которые своим славным именем могли поколебать восставших.

На площади мы нашли полную безурядицу. Не было никого из тех, которых назначали вождями в этом восстании. Трубецкой уже был арестован, как говорили, сам отдав свою шпагу; Якубович явился государю, сказав ему: «Государь, я был должен быть там, но вот я здесь». Тогда государь отвечал: «Пойди же скажи им, что если они разойдутся; я даю слово в том, что никого не хочу знать из возмутившихся и всех прощаю». Он же сказал: «Держитесь» и ушел. Затем приехал Сухозанет с предложением положить оружие; этого осмеяли, так как он пользовался дурной репутацией; потом Конная гвардия выехала в атаку; мы, офицеры, хотя и приказали стрелять, но только по ногам лошадей, чтобы не убить или не ранить кого-нибудь из людей; затем к Экипажу подошел митрополит с духовенством и стал уговаривать покориться новому императору; с ним обошлись с большим уважением, но лейтенант Кюхельбекер, подойдя к нему, просил удалиться, ввиду безуспешности его убеждений. С тылу к нашему баталиону под'ехал великий князь Михаил Павлович. Когда все бывшие тут офицеры подошли к нему, он стал уверять, что сам был у Константина Павловича и что тот действительно отрекся от престола. С ним вступили в разговор некоторые офицеры, в том числе Михаил Бодиско, которые, представляя ему, что мы не можем изменить своей присяге, не имея указа от самого императора, просили его от'ехать, не подвергая себя бесполезной опасности. В это самое время, когда мы все были в таком мирном настроении, в ожидании скорого присоединения к нам всей гвардии, журналист Кюхельбекер несколько раз наводил на великого князя Михаила Павловича пистолет; один раз его отбил один унтер-офицер, в другой он спустил курок, но выстрела не последовало. Кюхельбекер в эту ночь ночевал у князя Одоевского, конно-гвардейского офицера, который, как член Общества, не быв в состоянии возмутить свой полк, считал своим долгом лично выйти на площадь. Зная фанатический пыл Кюхельбекера, он насыпал песку в его пистолеты, с которыми он и действовал. На площадь к нам явились: А. О. Корнилович, капитан Гвардейского Генерального Штаба; Пущин, Иван Иванович, надворный Московский судья; юноша Глебов; князь Оболенский, старший ад'ютант гвардейской пехоты; какой-то с плюмажем на шляпе Горский (Рылеев приезжал и опять уехал); Александр Бестужев, известный под именем Марлинского, старший брат которого, Николай Бестужев, увлек Экипаж, вскричав, услышав выстрелы: «Ребята, это наших бьют!».

Толпа зевак была огромная. Все наши офицеры постоянно внушали солдатам, что они не бунтовщики, а люди, честно исполняющие долг присяги, и потому чтобы никаких беспорядков они не допускали ни своим, ни чужим, но толпа кричала, хотя никаких

неистовств не делала. Во время нашего стояния на площади из некоторых полков приходили посланные солдаты и просили нас держаться до вечера, когда все обещали присоединиться к нам. Это были посланные от рядовых, которые без офицеров не решались возмутиться против начальников днем, хотя присяга и их тяготила.

При этих происшествиях я вспомнил факт, показывающий, до какой степени была велика дисциплина. Когда утром разнесся слух о новой присяге, то ротный командир 1-й роты поставил во фронт роту и об'явил, что их посылают за знаменем во дворец. Солдаты решительно отказались итти, сказав, что они уже присягали и другой присяги принимать не хотят. Когда баталионный узнал об этом, то пришел в казармы, ни слова не говоря, поставил во фронт роту и скомандовал: «Направо, марш!» — и рота тронулась и принесла знамя.

Перед вечером мы увидели, что против нас появились орудия. Корнилович сказал: «Вот теперь надо итти и взять орудия»; но как никого из вождей на площади не было, то никто и не решился взять на себя двинуть баталионы на пушки и, может быть, начать смертоносную борьбу, что и решило участь этого несчастного покушения. Когда раздался первый выстрел, баталионы стояли; затем второй, — и картечь повалила многих из людей и заставила Московский полк тронуться с площади первым, за ним отступил наш Экипаж и отошел в полном составе своего баталиона в казармы, но напором толпы, которая бросилась во все стороны и производила расстройство в рядах, некоторые были увлечены в различные на пути ворота частных домов, где уже сострадательные хозяева перевязывали некоторых из раненых.

Думаю, что довольно бы было этого успеха для людей, стоявших тогда во главе правительства, и можно бы было остановить бесполезное кровопролитие, продолжая стрелять в бегущих и в несчастную толпу любопытных. Как только оказалось, что никто из назначенных вождей не явился, т.-е. ни Трубецкой, ни Якубович, можно было сказать с самого начала, что это восстание было не опасно. Экипаж наш возвратился в казармы, где люди были приведены к присяге уже силою, а для офицеров присяжный лист был разложен в одной из казарм, для желающих подписаться, и помнится, что я также был из числа тех малодушных, которые не выдержали характера и подписали этот присяжный лист, в чем и сознаюсь к стыду своего геройства. Многие, однакож, как я узнал впоследствии, не подписали.

Само собою разумеется, что ночь была проведена не совсем покойно; Петербург представлял город после шторма. Всю ночь были разложены костры. Войска были размещены по всем частям; конные патрули целыми отрядами раз'езжали по улицам, конечно, пустынным, потому что никто не выходил из дому...

8.

Показания А. Н. Луцкого и Н. Поветкина [1]).

Показания А. Н. Луцкого. «Первоначально, при следствии по поимке его того 14 декабря, — он показал, что не присягал, а быв того числа выведен с баталионом, отправился на Исаакиевскую площадь; что кроме бывших офицеров лейб-гвардии в Московском полку Щепина и Бестужева находились многие посторонние, из коих заметил он бывшего ад'ютанта Бестужева и высокого роста с надвязанною головою, который, всех поощряя и говоря, чтоб не сдавались, имел в руках пистолет; что по утру того 14 декабря бывший ад'ютант Бестужев ходил поротно уговаривать, чтобы скорее умереть, чем повиноваться, а Щепин ему в сем случае помогал; что во время состояния в колонне было много во фраках вооруженных кинжалами и пистолетами, между коими находился один высокого росту, немолодых лет, в крестах, с плюмажем на шляпе [2]). А потом в Военном Суде, — что в день происшествия 14 декабря 1825 года, не хотел он, Луцкий, принимать его императорскому величеству присяги потому, что ходившие по ротам Щепин-Ростовский и бывший ад'ютант Бестужев, приехавший якобы из Варшавы, уверяли, что делается измена и хотят заставить насильно присягать; что то самое подтверждал и пришедший вместе с ними командовавший ротою поручик Броке. По сему уверению их, что делается обман, нижние чины, выбежав из рот на большой двор, кричали — ура! Он, Луцкий, в сие время оставался еще в казарме искать своего ружья и к ним присоединился тогда, когда генерал-маиор барон Фридерикс был Щепиным-Ростовским ранен саблею и лежал на земле; видя сие, он, Луцкий, и оставаясь более уверенным в справедливости слышанных слов обмана, действительно, почитал изменниками как сего генерала, так равно и всех офицеров, удерживавших тогда смятение и, будучи в азарте, никому не повиновался; но людей ничем не возбуждал, а выбежав вместе с ними на улицу, следовал со Щепиным-Ростовским на Петровскую площадь и по дороге кричал, что «у нас государь Константин!». По приходе на Петровскую площадь, он, Луцкий, был из колонны мятежников отряжен Александром Бестужевым для содержания цепи, с строгим от него и Щепина-Ростовского приказанием, чтобы не впу-

---

[1]) Приводим эти показания, как образчик рассказов, хотя и официальных, двух нижних чинов л.-гв Московского полка: унтер-офицера Александра Николаевича Луцкого (род. в 1803 г.) и рядового Николая (отчество нам неизвестно) Поветкина (род. в 1795 г.); оба они, по приговору, конфирмованному Николаем I 6 мая 1827 г., были сосланы в каторжную работу в Сибирь; Луцкий проживал здесь еще в 1860 г. О нем см. в «Алфавите декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса; там же находятся сведения и о Поветкине, умершем в 1855 г.

[2]) Грабе-Горский. *Ред.*

скать никого, а противу упорствующих стрелять, что в самом деле было исполняемо, но не самим им, Луцким, потому что ружье его было с деревянным кремнем, а содержавшими цепь нижними чинами; собственно зависящие от него, Луцкого, действия были те, что исполнял он приказание упомянутых лиц, а когда подошел к нему генерал граф Милорадович и сказал: «Что ты, мальчишка, делаешь?», то он, Луцкий, назвав графа Милорадовича изменником, спросил его: «Куда девали шефа нашего полка?»; после сего противу под'ехавшего жандармского солдата, для разогнания народа, действовал он ружьем, ранив лошадь его штыком и кричал при том «Измена!». Сими словами возбуждал народ и солдат. По приходе войск на площадь, он, Луцкий, увидя под'ехавшим его императорское высочество великого князя Михаила Павловича к каре мятежников, хотя признавал себя обманутым, но не желал пристать к справедливой стороне войск, полагая, что он не будет узнан в числе прочих; при первом пушечном выстреле, когда мятежники обратились в бегство, зашел он, Луцкий, в дом Лаваля, спрятался в чулане, а по выходе из оного, в 11-м часу ночи, на улице взят патрулем и отведен на Главную Гауптвахту, а из оной в Петропавловскую крепость».

Рассказ рядового Поветкина. «14 декабря 1825 г. на верность службы не хотел принимать он присяги, по уверению бывших ротного командира его Щепина-Ростовского, штабс-капитана Бестужева и брата его Александра Бестужева, что делается измена и хотят заставить насильно присягать; что после сего уверения, когда ушли они с толпою людей на Петровскую площадь, он, Поветкин, остался на полковом дворе в отдельной кучке с нижними чинами и подходившему к ним баталионному командиру полковнику Нилову, с приказанием примкнуть к выстроившимся ротам для принятия присяги, не поверил, почитая все это за обман, а потому и не хотел слушать об'являемого им манифеста о восшествии на престол его императорского величества; что по прибытии на полковой двор генерала Воинова, он сперва поздоровался с нижними чинами выстроившихся рот, а потом, под'ехав к отдельной кучке людей, скомандовал на плечо; однако, некоторые сие исполнили, а другие держали ружья у ног, и когда генерал Воинов приказывал примкнуть им к тем ротам для присяги, то он, Поветкин, будучи впереди всех и держа ружье у ноги, первый отвечал ему, что «мы уже присягали», что «более принимать оной не хочем, потому, что присягая ежедневно, должны будем присягать и всякому приезжему принцу». За каковой ответ генерал Воинов ударил его, Поветкина, саблей по шее; некоторые нижние чины около его, Поветкина, стоявшие, взяв ружья на руки, подвинулись вперед с криком «ура!». После чего генерал Воинов, не говоря ни слова, от'ехал прочь. Спустя малое время, генерал-лейтенант Бистром также уговаривал их быть послушными и пристроиться к ротам, что и было исполнено за исключением некоторых, не хотевших сему повиноваться, в том числе и его,

Поветкина; а разойдясь по одиночке в казарму, даже и в то время, когда его высочество великий князь Михаил Павлович приводил к присяге на полковом дворе оставшихся людей, он, Поветкин, не присоединился, но тогда уже вышел на двор, когда его высочеством роты уведены были на Петровскую площадь, и, не желая догонять оных, опять остался в казарме; к присяге был он, Поветкин, приведен в полковой церкви, вместе с возвратившимися из мятежной толпы с Петровской площади нижними чинами, с которыми потом был он отведен и на означенную площадь...

9.

Из записок Николая I [1]).

...Наконец наступил роковой для меня день. По обыкновению обедали мы вдвоем с женой, как приехал Белоусов [2]). Вскрыв письмо брата, удостоверился я с первых строк, что участь моя решена, но что единому богу известно, как воля Константина Павловича исполнится, ибо вопреки всем нашим убеждениям решительно отказывал в новом акте, опираясь на то, что не признавал себя императором, отвергая присягу, ему данную, как такую, которая неправильно ему принесена была, не считает себя в праве и не хочет другого изречения непреклонной своей воли, как обнародования духовной императора Александра и приложен[ного] к оному акта отречения своего от престола. Я предчувствовал, что, повинуясь воле братней, иду на гибель, но нельзя было иначе, и долго повелевал сообразить единственно, как исполнить с меньшей опасностью недоразумений и ложных наветов.

Я пошел к матушке и нашел ее в том же убеждении, но довольною, что наступил конец нерешимости. Изготовив в скорости проект манифеста, призвал к себе М. М. Сперанского и ему поручил написать таковой, придерживаясь моих мыслей; положено было притом опубликовать духовную имп. Александра, письмо к нему Конст. Павл. с отречением и два его же письма к матушке и ко мне, как императору.

В сих занятиях прошел вечер 12 декабря. Послано было к Михаилу Павловичу, дабы его воротить, и надежда оставалась, что он успеет воротиться на другой день, т.-е. в воскресенье, 13 числа. Между тем весть о приехавшем фельд'егере распространилась по городу, и всякий убедился в том, что подозрения обратились в истину. Гвардией командовал генерал Воинов, человек почтенный и храбрый, но ограниченных способностей и не успевший приобрести никакого весу в своем корпусе. Призвав его

---

[1]) Записки Николая I о 14 декабря 1825 г. «АОР», бумаги быв. «Библиотеки Зимн. Дворца», № 1394.

[2]) Фельд'егерь.

к себе, поставил его в известность воли Константина Павловича и условился, что на другой же день, т.-е. в понедельник, соберет ко мне всех генералов и полков[ых] командиров гвардии, дабы лично мне им об'яснить весь ход происходившего в нашей семье и поручить им растолковать сие ясным образом своим подчиненным, дабы не было предлога к беспорядку. Требован был также ко мне митрополит Серафим для нужного предварения и, наконец, кн. Лопухин, с которым условлено было собрать Совет к 8 часам вечера, куда я намерен был явиться вместе с братом М. П., как личным свидетелем и вестником братней воли. Но богу угодно было повелеть иначе.

Мы ждали М[ихаила] П[авловича] до ½ 11 ночи, и его не было. Между тем весь город знал, что государственный совет собран, и всякий подозревал, что настала решительная минута, где томительная неизвестность должна кончиться. Нечего было делать, и я должен был следовать один. Тогда государственный совет сбирался в большом покое, который ныне служит гостиной младшим моим дочерям. Пройдя к столу, я сел на первое место, сказав: «я выполняю волю брата Константина Павловича», и вслед затем начал читать манифест о моем восшествии на престол. Все встали и я также; все слушали в глубоком молчании и по окончании чтения глубоко мне поклонились, при чем отличился Н. С. Мордвинов, против меня бывший, всех первый вскочивший и ниже прочих отвесивший поклон, так что оно мне странным показалось. За сим должен был я прочесть отношение К[онстантина] П[авловича] к Лопухину, в котором он самым сильным образом выговаривал ему, что ослушался будто воли покойного императора Александра, отослав к нему духовную и акт отречения, и принес ему присягу, тогда как на сие права никто не имел.

Кончив чтение, возвратился я в занимаемые мной комнаты, где ожидали меня матушка и жена; был 1 час и понедельник, что многие считали дурным началом; мы проводили матушку на ее половину, и хотя не было еще об'явлено о моем вступлении, комнатные люди матушки с ее разрешения нас поздравляли.

Во внутреннем кон[но]-гвард[ейском] карауле стоял в то время кн. Одоевский, самый бешеный заговорщик, но никто сего не знал; после только вспомнили, что оно беспрепятственно расспрашивал придворных служителей о происходящем. Мы легли спать и спали спокойно, ибо у каждого совесть была чиста, и мы от глубины души предались богу.

Наконец наступило 14 декабря, роковой день. Я встал рано и, одевшись, принял г. Воинова; потом вышел в залу нынешних покоев Александра Николаевича, где собраны были все генералы и полковые командиры гвардии; об'яснив им словесно, каким образом по непременной воле Константина Павловича, которому незадолго вместе с ними я присягал, нахожусь ныне вынужденным покориться его воле и принять престол, к которому за его отре-

чением нахожусь ближайшим в роде; за сим прочитал им духовную покойного императора Александра и акт отречения Константина Павловича. За сим получил от каждого уверение в преданности и готовности жертвовать собой, приказал ехать по своим командам и привесть к присяге. От двора повелено было всем имеющим право на приезд собраться во дворец к 11 часам.

В то же время синод и сенат собирались в своем месте для присяги. Вскоре за сим прибыл ко мне гр. Милорадович с новыми уверениями совершенного спокойствия. За сим был я у матушки, где его снова видел, и воротился к себе; приехал г[енерал] Орлов, командовавший конной гвардией, с известием, что полк принял присягу; поговорив с ним довольно долго, я его отпустил. Вскоре за ним явился ко мне командов. гвард. арт. ген. м. Сухозанет с известием, что артиллерия присягнула, но что в гв. конн. арт. офицеры оказали сомнение в справедливости присяги, желая сперва слышать удостоверение сего от М[ихаила] П[авловича], которого считали удаленным из Петербурга, как будто из несогласия его на мое вступление. Многие из сих офицеров до того вышли из повиновения, что г. Сухозанет должен был их всех арестовать.

Но почти в сие же время прибыл, наконец, М[ихаил] П[авлович], которого я просил сейчас отправиться в артилл. для приведения заблудших в порядок; спустя несколько минут после сего явился ко мне ген. м. Нейдгарт, начальник штаба гвар. корпуса и, взойдя ко мне совершенно в расстройстве, сказал: Sire, le régiment de Moscou est en pleine insurrection, Chenchin et Frederiks (тогдашний бригадный и полковой командиры) sont grièvement blessés et les mutins marchent vers le Sénat; j'ai à peine pu les devancer pour vous le dire, ordonez de grâce au 1-r b. de Prèobragienski et à la garde-à-cheval de marcher contre»[1]).

Меня весть сия поразила как громом, ибо с первой минуты я не видел в сем первом ослушании действие одного сомнения, которого всегда опасается, но зная существование заговора, узнал в сем первое его доказательство. Разрешив 1-у бат. Преображенцев выходить, дозволил кон. гвард. седлать, но не выезжать; и к сим отправил г. Нейдгардта, послав в то же время г.-м. Стрекалова, дежурного при мне, в Преображ. бат. для скорейшего исполнения. Оставшись один, я спросил себя, что мне делать, — и, перекрестясь, отдался в руки божии, решил сам итти туда, где опасность угрожала.

Но должно было от всех скрыть настоящее положение наше и в особенности от матушки, — и зайдя к жене, сказал: «il y a du bruit au rég. de Moscou, je veux y aller»[2]). С сим пошел я на Салтыковскую лестницу; в передней найдя командира

---

[1]) Ваше Величество, в Московском полку полное восстание, Шеншин и Фредерикс серьезно ранены, а мятежники идут к Сенату; я едва мог опередить их, чтобы Вам об этом сказать, прикажите пожалуйста первому батальону Преображенского полка и конной гвардии итти навстречу.

[2]) В Московском полку шумят, я иду туда.

кавалергард. полка фл. ад. гр. Апраксина, велел ему ехать в полк и сейчас его вести ко мне. На лестнице встретил я Воинова в совершенном расстройстве. Я строго напомнил ему, что место его не здесь, а там, где войска, ему вверенные, вышли из повиновения. За мной шел ген.-ад. Кутузов; с ним пришел я на дворцовую главную гауптвахту, в которую только что вступила 9-я егерская рота л.-гв. Финлянд. полка под командой кап. Прибыткова; полк сей был в моей дивизии. Вызвав караул под ружье и приказав мне отдать честь, прошел по фронту и, спросив людей, присягали ли мне и знают ли, отчего сие было и что по точной воле сие брата К[онстантина] П[авловича], получил в ответ, что знают и присягнули. За сим сказал я им: «ребята, Московские шалят, не перенимать у них и свое дело делать молодцами», — велел зарядить ружья; и сам скомандовал: «дивиз. вперед, скорым шагом, марш», повел караул левым плечом вперед к главн. воротам дворца. В сие время разводили еще часовых и налицо была только остальная часть людей.

С'езд ко дворцу уже начинался, и вся площадь усеяна была народом и перекрещивающимися экипажами. Многие из любопытства заглядывали на двор, и увидя меня вошли и кланялись мне в ноги. Поставя караул поперек ворот, обратился я к народу, который, меня увидя, начал сбегаться ко мне и кричать «ура». Махнув рукой, я просил, чтоб мне дали говорить. В то же время пришел ко мне гр. Милорадович и сказал: «cela va mal, lis marchent eu Sénat, mais je vais leur parler» [1]), ушел, и я более его не видал, как отдавая ему последний долг.

Надо было мне выигрывать время, дабы дать войскам собраться; нужно было отвлечь внимание народа чем-нибудь необыкновенным: все эти мысли пришли мне как бы вдохновением, и я начал говорить народу, спрашивая, читали ли мой манифест; все говорили, что нет, пришло мне на мысль самому его читать. У кого-то в толпе нашелся экземпляр; я взял его и начал читать тихо и протяжно, толкуя каждое слово. Но сердце замирало, признаюсь, и единый бог меня поддержал.

Наконец Стрекалов повестил меня, что Преображенск. 1-й б. готов; приказав коменданту г.-л. Башуцкому остаться при гауптвахте, и не трогаться с места без моего приказания, сам пошел сквозь толпу прямо к бат., ставшему линией спиной к комендант. под'езду, левым флангом к экзерциргаузу. Батал. командовал п. Микулин, а полк. команд. полковник Исленьев был при бат. Бат. мне отдал честь; я прошел по фронту и, спросив, готовы ли итти за мной, куда велю, получил в ответ громкое, молодецкое «рады стараться». Минуты единственные в моей жизни; никакая кисть не изобразит геройскую, почтенную и спокойную наружность сего истинно 1-го б. в свете, в столь критическую минуту. Скомандовав, по-тогдашнему, к атаке в колонну первый и осьмой

[1]) Дело плохо, они идут к сенату, но я поговорю с ними.

взводы в пол-оборота налево и направо, повел я бат. левым плечом вперед мимо заборов тогда достраивавшегося дома министерства финансов и иностр. дел к углу Адмиралт. бульвара. Тут узнав, что ружья не заряжены, велел бат. остановиться и зарядить ружья. Тогда же привели мне лошадь, но все прочие были пеши; в то же время заметил я [у] угла дома главн. штаба полк. кн. Трубецкого, ниже увидим, какую он тогда играл ролю. Зарядив ружья, пошли мы вперед; тогда со мной были г.-а. Кутузов, Стрекалов, ф[лиг.] Дурново, и ад'ютант мой Перовский и Адлерберг, ад'ютанта моего Кавелина послал я к себе в Аничкин дом перевести детей в Зимний дворец. Перовского послал я в кон. гвард. с приказанием выезжать ко мне на площадь. В сие самое время улышали мы выстрелы, и вслед за сим прибежал ко мне ф[лиг.] а[д'ют.] князь Голицын генерального штаба, с известием, что г. Милорадович смертельно ранен. Народ прибавлялся со всех сторон; я вызвал стрелков на фланги бат. и дошел, таким образом, до угла Вознесенской; не видя еще кон. гвард., я остановился и послал за нею одного бывшего при мне конным старого рейткнехта из конн. гвардии Лондыря с тем, чтоб полк скорее шел. Тогда же слышали мы ясно: «ура! Константин!» на площади против сената и видна была стрелковая цепь, которая никого не подпускала.

В сие время заметил я слева против себя офицера Нижегородского драгунского полка, которого черным обвязанная голова, огромные черные глаза и усы, и вся наружность имела что-то особенно отвратительное; подозвав его к себе, узнал, что он Якубович; но не знав, с какою целью он тут был, спросил его, чего он желает. На сие он мне дерзко сказал: «я был с ними, но услышав, что они за Константина, бросил и явился к вам». Я взял его за руку и сказал: «спасибо, вы ваш долг знаете».

От него узнали мы, что Московский полк почти весь участвует в бунте и что с ними следовал он по Гороховой, где от них отстал. Но после уже узнато было, что настоящее намерение его было под сей личиной узнавать, что среди нас делалось, и действовать по удобности. В это время г.-а. Орлов привел конн. гвард., обогнув Исакиевский собор и выехав на площадь между оным и зданием военн. мин., что тогда было домом кн. Лобанова; полк шел в галоп и строился спиной к сему дому.

Сейчас я поехал к нему и, поздоровавшись с людьми, сказал им, что ежели искренно мне присягнули, то настало время сие мне доказать на деле. Г. Орлову велел я с полком итти на Сенатскую площадь и выстроиться так, чтобы пересечь, елико возможно, мятежникам сообщение с тех сторон, где их окружить было можно. Площадь тогда была весьма стеснена заборами от стороны собора, простиравшимися до угла нынешнего синодского здания; угол, образуемый бульваром и берегом Невы, служил складом выгружаемых камней для собора, и оставалось между сими материалами и монументом Петра Великого не более, как

шагов 50. На сем тесном пространстве, идя по шести, полк выстроился в две линии правым флангом к монументу, левым достигая почти заборов. Мятежники выстроены были в густой неправильной колонне спиной к старому сенату. Тогда был еще один Московский полк. В сие самое время раздалось несколько выстрелов; стреляли по г. Воинове, но не успели ранить тогда, когда он под'ехав, хотел уговаривать людей. Ф.-ад. Бибиков, директор канцелярии главного штаба, был ими схвачен и жестоко избитый от них вырвался и пришел ко мне; от него узнали мы, что Оболенский предводительствует толпой. Тогда отрядил я роту Е. В. Преображенского полка, с п[олк.] Исленьевым младшим, полковником Титовым и под командой капитана Игнатьева, через бульвар занять Исаакиевский мост, дабы отрезать сообщение с той стороны с Васильевским островом и прикрыть фронт к. гвардии. Сам же с прибывшим ко мне г.-а. Бенкендорфом выехал на площадь, чтобы рассмотреть положение мятежников; меня встретили выстрелами. В то же время послал я приказание всем войскам собираться ко мне на Адмиралтейскую площадь и, воротясь на оную, нашел уже остальную малую часть Московского полка с большею частью офицеров, которых ко мне привел М[ихаил] П[авлович].

Офицеры бросились мне целовать руки и ноги. В доказательство моей к ним доверенности поставил я их на самом углу у забора против мятежников. Кавалергардский полк, 2-й б. Преображенского полка стояли уже на площади, сей бат. послал я вместе с первыми рядами направо примкнуть к конн. гвардии. Кавалергарды оставлены были мной в резерве у дома Лобанова. Семеновскому полку велено было итти прямо вокруг Исакиевского собора к манежу конн. гвардии и занять мост. Я вручил команду с сей стороны М[ихаил]у П[авлович]у. Павловского полка воротившиеся люди из караула, составлявшие малый б., посланы были по Почтовой улице и мимо конн. гвард. казарм на мост у Крюкова канала и в Галерную улицу. В сие время узнал я, что в Измайловском полку происходил беспорядок и нерешительность при присяге. Сколь мне сие не больно было, но я решительно не полагал сего справедливым, а относил сие к тем же замыслам, и потому велел г.-а. Левашеву, ко мне явившемуся, ехать в полк, и буде есть какая-либо возможность, двинуть его хотя бы против меня, непременно его вывесть из казарм. Между тем, видя, что дело становится весьма важным, и не предвидя еще, чем кончится, послал я Адлерберга с приказанием шталмейстеру кн. Долгорукому приготовить загородные экипажи для матушки и жены и намерен был, в крайности, выпроводить их с детьми под прикрытием кавалергардов в Царское Село. Сам же, послав за артиллерией, поехал на Дворцовую площадь, дабы обеспечить дворец, куда велено было следовать прямо обоим саперным бат., гвард. и учебн. Не доехав еще до дома глав. штаба, увидел в совершенном беспорядке, со знаменами без офицеров л.-г.

Гренадерский полк, идущий толпой. Под'ехав к ним, ничего не подозревая, я хотел остановить людей и выстроить; но на мое «стой!» отвечали мне: «Мы за Константина». Я указал им на Сенатскую площадь и сказал: «когда так, то вот вам дорога!», и вся сия толпа прошла мимо меня, сквозь все войска, и присоединилась без препятствий к своим одинако заблужденным товарищам.

К счастию, что сие так было, ибо иначе бы началось кровопролитие под окнами дворца, и участь бы наша была более, чем сомнительна, — но подобные рассуждения делаются после; тогда же один бог меня наставил на сию мысль. Милосердие божие оказалось еще разительнее при сем же случае, когда толпа л.-гренадер, предводимая офицером Пановым, шла с намерением овладеть дворцом и, в случае сопротивления, истребить все наше семейство. Они дошли до главных ворот дворца в некотором устройстве, так что комендант почел их за присланный мной отряд для занятия дворца. Но вдруг Панов, шедший в голове, заметил л.-г. Саперн. бат., только что успевший прибежать и выстроившийся в колонне на дворе, и закричав: «да это не наши», начал ворочать входящие отделения кругом, и бросился бежать с ними обратно на площадь. Ежели бы Саперн. бат. опоздал только несколькими минутами, дворец и все наше семейство были бы в руках мятежников, тогда как занятый происходившим на Сенатской площади и вовсе без'известный об угрожавшей с тылу оной важнейшей опасности, я лишен был всякой возможности к сему воспрепятствовать. Из сего видно самым разительным образом, что ни я, ни кто не могли бы сего дела благополучно кончить, ежели бы самому милосердию божию не угодно было всем править к лучшему.....

Погода из довольно сырой становилась холоднее, снегу было весьма мало и оттого весьма скользко; начинало смеркаться, ибо было уже 3 ч. пополудни. Шум и крик делались настойчивее; и частые ружейные выстрелы многих в конн. гвардии и перелетали через войска; большая часть солдат на стороне мятежников стреляли вверх. Выехав на площадь, желал я осмотреть, не будет ли возможности, окружив толпу, принудить к сдаче без кровопролития. В это время сделали по мне залп, пули просвистали мне через голову и, к счастью, никого из нас не ранило; рабочие Исаакиевского собора из-за заборов начали кидать в нас поленами; надо было решиться положить сему скорый конец, иначе бунт мог сообщиться черни; и тогда окруженные ею войска были б в самом трудном положении. Я согласился испробовать атаковать кавалерию; конн. гв. первая атаковала поэскадронно, но ничего не могла произвести и по тесноте и от гололедицы, но в особенности не имея отпущенных палашей; противники в сомкнутой колонне имели всю выгоду на своей стороне и многих тяжело ранили, в том числе ротм. Велио лишился руки. Кавалергардский полк равномерно ходил в атаку, но без большого успеха.

Тогда г[ен.]-а[д'ют.] Васильчиков, обратившись ко мне, сказал: «Sire, il n'y a pas un moment à perdre, l'on n,y peut rien maintenant, il faut de la mitraille» [1]). Я предчувствовал сию необходимость, но признаюсь, когда настало время, не мог решиться на подобную меру; и меня ужас об'ял: «Vous voulez que je verse le sang de mes sujets le premier jour de mon régne» [2]), отвечал я Васильчикову. «Pour sauver votre Empire» [3]), сказал он мне. Эти слова меня снова привели в себя; опомнившись, я видел, что или должно мне взять на себя пролить кровь некоторых, и спасти почти наверно, все; или пощадив себя, жертвовать решительно государством. Послав одно орудие 1-й легк. пеш. бат. к М. П. с тем, чтоб усилить сию сторону, как единственное отступление мятежникам, взял другие три орудия и поставил их перед Преображенским полком, велев зарядить картечью; орудиями командовал ш[табс]-к[апитан] Бакунин. Вся во мне надежда была, что мятежники устрашатся таких приуготовлений и сдадутся, не видя себе иного спасения. Но они оставались тверды; крик продолжался еще упорнее. Наконец послал я г[енерал]-м[айора] Сухозанета, об'явить им, что ежели сейчас не положат оружие, велю стрелять; «ура» и прежние восклицания были ответом, и вслед за тем залп.

Тогда, не видя иного способа, скомандовал пали. Первый выстрел ударил высоко в сенатское здание, и мятежники ответили неистовым криком и беглым огнем; второй и третий выстрел от нас и с другой стороны, из орудия у Семеновского полка, ударили в самую середину толпы, и мгновенно все рассыпалось, спасаясь Английской набережной, на Неву, по Галерной и даже навстречу выстрелов из орудия при Семенов. полку, дабы достичь берега Крюкова канала. Велев артиллерии взяться на передки, мы двинули Преображенский и Измайловский полки через площадь, тогда как гв. конн. пион. эскадрон и часть конн. гвард. преследовали бегущих по Английской набережной. Одна толпа начала было выстраиваться на Неве, но два выстрела картечью их рассеяли, и осталось сбирать спрятанных и разбежавшихся, что возложено было на г[ен.]-а[д'ют.] Бенкендорфа с 4 эскадронами конной гвардии и гв. конно-пионерным эскадроном под ком. г[ен.]-а[д'ют.] Орлова на Васильевском острову и 2 эскадронами и к. гвардии на сей стороне Невы...

---

[1]) Ваше величество, нельзя терять ни одной минуты, ничего не поделаешь, нужна артиллерия.

[2]) Вы хотите, чтобы я пролил кровь моих подданных в первый день моего царствования.

[3]) Чтобы спасти ваше государство.

10.

Рассказ Ф. П. Толстого [1]).

...1825 года 14 декабря собраны были а академической церкви: Правление Академии, Совет и все профессора, академики, ученики, чиновники конторы и все служившие при Академии, для принесения присяги восшедшему на Всероссийский престол императору Николаю Павловичу; по окончании присяги разнесся слух, что перед сенатом на Исакиевской площади стоит баталион Московского полка, требуют Константина Павловича и кричат о конституции. Гул этого крика был слышен и у нас. Любопытствуя узнать, в чем состоит это явное возмущение, поспешил я на Исаакиевскую площадь (тогда я носил еще военный мундир); самым скорым шагом перешел я Неву, на которой стояло любопытствующих, наверное, до тысячи разного звания мужчин и женщин. Я вышел на Исакиевскую площадь у сената. Гауптвахта стояла во фронте с ружьями на плече; между ними и монументом Петра Великого стояли солдаты Московского полка, не более баталиона, составя правильное каре, — кричавших в один голос — кто имя Константина Павловича, кто конституцию, и еще какие-то слова, которых в этой массе слившихся голосов расслышать было невозможно. За монументом, проходя к забору строившейся Исаакиевской церкви, где было меньше народа, я увидел стоящего на Адмиралтейском бульваре, лицом к сенату, молодого, только что вступившего на трон императора, окруженного Главным штабом, генерал- и флигель-адьютантами, а возле него Карамзина. Государь был бледен.

Дошед до забора, я избрал себе место, откуда мог видеть и государя, и каре солдат. Влево от сената, у манежа, виден был эскадрон или взвод конной гвардии.

Мимо меня проскакала конная батарея, — я не мог заметить, из скольких пушек состоявшая, и пронеслась к Сенату; это дало мне понять, что участь несчастного баталиона решена; ясно было, что без стрельбы не обойдется, и, разумеется, солдаты разбегутся, большая часть побежит через Неву на Остров... Так как в то время я жил в низком, одноэтажном доме Академии по 3-й линии, то, опасаясь, чтобы беглецы с отчаяния не наделали каких-нибудь проказ и не перепугали моих домашних, я поспешил к себе. От дома Лаваля скоро перебежал Неву, прямо к зданию Академии и, пришед домой, приказал запирать ставни. Никто из сторожей не решался итти запирать их, и я сам был принужден это сделать, после чего тотчас раздалось

[1]) См. «Русск. Стар.», 1878 г. № 2, стр. 226 — 230. Граф Федор Петрович Толстой (род. в 1783 г., ум. в 1873 г.) отставной флота лейтенант, в 1825 г. учился медальерному искусству в Академии Художеств. Был видным членом Союза Благоденствия, но отошел от него и к Северному Тайному обществу не принадлежал.

несколько выстрелов из пушек. Две картечи попали к нам в ворота и забор. Дома я нашел всех спокойными и рассказал обо всем, что видел, слышал, и о событии перед Сенатом. Едва мы сели обедать, как меня вызвали в кухню, куда два солдата привели третьего, как бы раненого, и просили меня оставить их у себя. Когда по осмотре оказалось, что никто из них не ранен, то я и отправил их за ворота. Тотчас после обеда, как стало уже смеркаться, пришли в сени нашей кухни два унтер-офицера, один еще молодой, приведший другого, уже в летах, с тремя нашивками на рукаве, раненого картечью в ляшку, облитого кровью; я велел отвести его в смежную с кухней комнату, где мы, положив на стулья доски с постланным на них тюфяком, положили раненого. Я послал за нашим академическим лекарем, которого не нашли; тогда я послал к частному приставу, чтобы он немедленно прислал к нам частного лекаря, а между тем велел раздеть больного, чтобы осмотреть рану; частный лекарь скоро пришел, но до того пьяный, что я принужден был его прогнать, и велел к ране несчастного прикладывать мокрые салфеточные компрессы.

На предложение мое раненому и его товарищу — не хотят ли они закусить или выпить горячего чаю, они отказались. Весьма печальную картину представляли эти два существа, — одно пожилое, с полупоседевшею головою на службе отечеству, страждущее от тяжелой раны; другой — здоровый, сильный и в лучших годах, чтобы жить для пользы отечества. Он стоял неподвижно, как статуя, у изголовья больного товарища, облокотясь на свое ружье, погруженный, углубленный в думу об ожидающей их горестной участи. Когда я сидел у больного, он со слезами на глазах сказал мне:

— В пятнадцати сражениях был я против неприятелей, в разных войнах, нигде не был ранен, а теперь, может, от картечи своих придется умереть. Бог судья офицерам, которые нас до этого довели.

Часу в шестом пришли мне сказать, что граф Бенкендорф с частью войска и пушками расположился на Румянцовской площади, между памятником и Кадетским Корпусом; я тотчас написал ему, что у меня находится тяжело раненый унтер-офицер Московского полка.

Не более как через полчаса приехал ко мне ад'ютант Бенкендорфа. Он осмотрел больного и сказал, что сейчас пришлют сани, чтобы отвезти его в лазарет Финляндского полка. К чаю пришел к нам брат моей жены, офицер волонтерного корпуса, и рассказал, что из стоявших на Неве, против Исаакиевской площади, разного звания и возраста людей, привлеченных любопытством, которых было, как полагали, не менее семисот, очень много убитых и раненых.

Сухозанет, начальник гвардейской артиллерии, отдал приказ пустить из орудий картечью по Неве по нескольким десяткам возмутившихся солдат, бросившихся бежать прямо на Васильевский

Остров, и пустить рикошетом ядро в длину Галерной улицы, наполненной не одною сотней разного звания и пола зрителей, между тем, как преступников побежало туда не более десятка, и пущенное Сухозанетом ядро, не задев ни одного из преступных, было виною смерти не одного невинного, и многие пострадали от ран.

Часу в восьмом пришли мне сказать, что у нас на дворе собралось около четырнадцати человек солдат; мы с братом моей жены пошли к ним, чтобы принудить их оставить наш двор. Когда мы пришли к ним, они стали просить меня оставить их у себя, что они ничего не сделают, а если выйдут отсюда, то на улице их всех перебьют; говоря это, они отдавали мне свои ружья и сумки с патронами; я их не взял, а сказал, что так как я живу в наемном доме, то и не могу их оставить, а ежели они не уйдут сейчас же, то принужден буду дать знать графу Бенкендорфу, который стоит со своим отрядом на Румянцовской площади, и их придут немедленно взять; этот довод подействовал, и они решились оставить наш двор. Из предосторожности мы с Дудиным вывинтили кремни из всех их ружей. Я советовал им итти прямо к графу Бенкендорфу: может быть, это послужит к облегчению их наказания. Мы пропускали каждого через калитку, в которую они, поочередно, крестясь, проходили, но ни один не пошел направо к площади, а все поворотили налево. Приказав запереть калитку запором, я вернулся в комнату, а Дудин отправился к себе.

Часу в 11-м утра за нашим раненым страдальцем и его спутником пришел офицер с несколькими солдатами и ломовым извощиком с его санями, без всякой постилки, как они возят дрова и всякую тяжесть; даже клочка сена на них не было; господин офицер распорядился положить раненого на эти голые сани и так везти его почти с версту, до лазарета. За кого такие начальники принимают своих солдат? Если бы это было в какой-нибудь глуши, после сражения, могло бы быть допущено по невозможности добыть удобнейшего экипажа, но в столице, среди города, прислать за раненым человеком дровни без всего, на которых возят только кули с мукой, бочки, дрова и подобные тяжести!

Я приказал своим людям положить на эти голые дровни два тюфяка, один на другой, и подушку, чему г. офицер не препятствовал. Как этот несчастный ни просил меня с горькими слезами оставить его у себя и как ни жалко было мне этого заслуженного унтер-офицера, — положив его на тюфяки, окутав тулупом и одеялом и от души пожелав ему выздоровления, я с ним простился, и его увезли...

11.

Рассказ Н. С. Голицына [1]).

...14 декабря, в 12 часу дня (когда все уже с'езжались в Зимний дворец к выходу), я и брат мой Александр находились у жены старшего брата нашего Василия, в доме графини Строгановой, у Полицейского моста, как вдруг мы узнали, что гвардия бунтует, не хочет присягать Николаю Павловичу и собирается на Сенатской площади. Услыхав это, брат мой, я и приятель наш, колонновожатый Рочфорт (мать которого была воспитательницей дочерей графини Строгановой, а старший брат — полковником квартирмейстерской части), подстрекаемые любопытством посмотреть на «бунт гвардии», не долго думавши, накинули на себя шинели и марш на Адмиралтейскую площадь. Но на углу Невского проспекта мы разлучились: брат и Рочфорт пошли на Адмиралтейский бульвар и на верхнюю галлерею Адмиралтейского шпица смотреть оттуда на происходившее на всех трех площадях, а я, увидав множество народа у главных ворот Зимнего дворца, пошел туда. Я прибыл в то самое время, когда император Николай Павлович, верхом на лошади, об'являл народу об отречении в его пользу великого князя Константина Павловича от престола и о вступлении своем на престол. Стоя в задних рядах, народной толпы, неистово кричавшей: «ура!» и бросавшей шапки вверх, я не мог расслушать слов государя, а между тем, сзади нас из Большой Миллионной вышел 1-й батальон л.-гв. Преображенского полка и построился в колонну фронтом к Сенатской площади, а правым флангом к Зимнему дворцу, на том самом месте, где теперь Александровская колонна. Государь, сопровождаемый народом (а за народом и я), направился в голове колонны Преображенского батальона, говорил ему — что? — я не мог расслушать, и приказал зарядить ружья. В это самое время (как я узнал уже после) к государю подошел С.-Петербургский военный генерал-губернатор граф Милорадович, в полной парадной форме, в андреевской ленте, прямо с Сенатской площади, где тщетно старался образумить бунтовщиков, но они (не солдаты, а заговорщики) силой принудили его удалиться, грозя, что иначе в него будут стрелять. Подойдя к государю, Милорадович, в сильном волнении, сказал ему по-французски (он очень любил говорить на этом языке, хотя говорил с ошибками): «Sire! quand on a traité de la sorte un homme comme moi, il ne reste» [2])... Государь не дал ему договорить и

[1]) См. Записки князя Н. С. Голицына — «Русск. Стар.», 1880 г., № 11, стр. 603 — 612. — Николай Сергеевич Голицын (род. в 1809, ум. в 1892 г.), тогда только что окончивший курс в Пансионе Царскосельского Лицея и вскоре произведенный в прапорщики Генерального Штаба, с 1834 по 1848 г. профессор военной истории и статистики в Военной Академии, а затем Директор Училища Правоведения.

[2]) Т.-е.: «Государь, когда так обошлись с человеком, подобным мне, — ничего не остается, как...».

строгим тоном сказал: «Граф! вы — военный генерал-губернатор столицы и сами должны знать, что вам следует делать; идите туда (указывая на Сенатскую площадь), возьмите Конную гвардию и распорядитесь, как следует». Милорадович почтительно поклонился, приложив руку к шляпе, и пошел к конно-гвардейскому манежу, сопровождаемый только одним ад'ютантом своим А. П. Башуцким (сыном С.-Петербургского коменданта). От этого последнего я и узнал впоследствии как эти подробности, так и последующие, касавшиеся Милорадовича, до самой его смерти, и расскажу их в своем месте ниже.

Государь же отправился к углу Невского проспекта, сопровождаемый народом (а за народом и я) и Преображенским батальоном. Тут я увидал, что на углу Невского проспекта к государю подошел неизвестный мне, высокого роста, с воинственной осанкой, длинными черными усами и черною повязкою поперек лба, офицер в мундире с малиновым воротником (после я узнал, что то был Нижегородского драгунского полка капитан Якубович, раненый в голову на Кавказе и принадлежавший к числу главных заговорщиков). Что говорил ему государь, я не мог слышать, но видел, что вслед затем этот офицер пошел на Сенатскую площадь (после я узнал, что государь поручил ему, по собственному его вызову, образумить мятежников, но Якубович, вместо того, будто бы сказал им: «Держись — трусят»).

После того государь, сопровождаемый народом, поехал к левому углу Адмиралтейского бульвара. Между этим углом и забором строившегося Исаакиевского собора, выдвинутым далеко вперед на одну линию с бульваром, был небольшой премежуток, в несколько саженей. Прямо против этого промежутка, фронтом к нему, примерно в 100—150 шагах, стоял передний фас-каре мятежников (солдат л.-гв. Московского и Гренадерского полков, Гвардейского экипажа и др.), правый фланг которого приходился, таким образом, против здания Сената, возле гауптвахты, левый — возле памятника Петра Великого, а задний — против угла Сената и набережной. В это время, с Вознесенского проспекта, Гороховой улицы и Невского проспекта уже вступали на Адмиралтейскую площадь полки гвардии, приходившие из-за Мойки и Фонтанки; 1-й батальон л.-г. Преображенского полка перешел с Дворцовой площади также на Адмиралтейскую, л.-гв. Конный полк собирался у своего манежа, а на Исаакиевский мост двигались заречные полки, — л.-гв. Финляндский в голове. Таким образом, вся гвардия постепенно занимала все улицы, примыкавшие к Сенатской площади, окружая и стесняя более и более мятежников на этой последней. Государь, уже окруженный большою военною свитою, верхом на лошадях, остановился близ левого угла Адмиралтейского бульвара; сопровождавший же его народ (а за ним и я) двинулся по бульвару до угла и потом направо к набережной и на Сенатскую площадь к каре мятежников. Нужно сказать, что на половину длины левого фаса бульвара был нагро-

можден гранитный и булыжный материал для Исаакиевского собора, с небольшими промежутками, и только от угла бульвара было свободное пространство, не занятое этим материалом. Из этого видно, что Сенатская площадь была крайне стеснена, — с одной стороны — забором, а с другой — каменным материалом, и стесненное ими и окружаемое войсками каре мятежников находилось почти в безвыходной западне. Но в то время все эти мысли не приходили мне в голову: я ничего не знал, ничего не понимал и только, увлекаемый любопытством, шел за народом к каре мятежников и наконец успел подойти к левому углу его. Но еще прежде того, двигаясь за народом по бульвару, я видел, как вдоль его по Адмиралтейской площади ехал из Зимнего дворца Петербургский митрополит Серафим, в полном облачении, с крестом в руках, в дышловых санях, на паре лошадей, с иподьяконом, в облачении же, на запятках, — на Сенатскую площадь, уговаривать мятежников (в чем однако не имел успеха и тем же порядком воротился назад). Когда я подошел к левому углу каре, то увидал следующую картину: солдаты переднего и левого фасов, в мундирах, белых панталонах, крагах, киверах с высокими волосяными султанами, грелись (день был морозный и пасмурный), переминаясь с ноги на ногу, подпрыгивая и колотя рука об руку, словно в ожидании смотра или парада. Вдоль переднего фаса ходил какой-то неизвестный мне ад'ютант, в мундире и шляпе (едва ли не Александр Бестужев?) и что-то говорил солдатам, а внутри каре было множество людей в военных, и в гражданских мундирах и всякого рода одеждах, шинелях, шубах и т. п., с оживлением говоривших между собою и с солдатами (то были главные заговорщики). Между тем, квартальные и полицейские солдаты, стоявшие впереди народной толпы, беспрестанно отодвигали ее назад, стращая, что «будут стрелять», но толпа отодвинется и снова надвинется, а с нею и я, пока, наконец, полицейские решительно заставили нас уйти назад на бульвар, по которому я за народом и двинулся обратно. Не доходя до угла бульвара, я увидел, что от угла вдоль бульвара и тылом к нему уже стояло два эскадрона л.-гв. Конного полка (то был 1-й дивизион полковника барона Вельо). Завернув за угол бульвара и продолжая двигаться по нем налево, вдруг я услыхал позади трескотню беглого ружейного огня — и над нашими головами просвистали пули... То была атака Конной гвардии на передний фас каре, встретившего ее беглым ружейным огнем на таком близком расстоянии, что, как говорится, коням в морду (при этом случае полковник барон Вельо был ранен в руку, которую ему и отняли; впоследствии он долго был комендантом в Царском Селе). Сколько было при этом раненых, — не знаю, но полагаю, что немного, ибо, как об'ясню в своем месте ниже, мятежники стреляли, кажется, большею частью вверх, чтобы не стрелять в своих. Свист пуль над нашими головами, кажется, подтверждает это; тем не менее, он заставил меня образумиться и из-за ребяческого любопытства

не рисковать напрасно жизнью или целостию. Я прибавил шагу, сколько позволяла густая толпа народа, и продолжал итти по бульвару вдоль Адмиралтейской площади. Тут я увидел, что навстречу, возле наружного тротуара, ехали на больших рысях 4 орудия гвардейской пешей артиллерии (л.-гв. 1-й артиллерийской бригады), а впереди беглым шагом бежал офицер этих орудий...

...К этому рассказу о том, что я сам видел в этот день, прибавлю то, что слышал от других: во-первых, от брата моего и Рочфорта, которые, глядя на все, происходившее на площадях, с галлереи Адмиралтейского шпица, также слышали на их высоте свист пуль: это подтверждает сказанное мною выше, что мятежники большею частью стреляли вверх; — во-вторых, что когда встреченные мною 4 орудия были поставлены в указанном выше промежутке между углом бульвара и забором, и когда, наконец, решено было прибегнуть к картечи, то государь скомандовал — «первая», а Бакунин, командовавший двумя первыми орудиями, подхватил команду: «пли!», но, увидав, что после команды: «первая, пли!», № с пальником замялся и не наложил пальника на трубку, подскочил к нему с энергическим словом: «Что ты?..» — «Ваше благородие! свои!» — тихо отвечал № с пальником... — «Да если бы я сам стал перед пушкой и скомандовал «пли!» ты должен был бы стрелять!» и с этим словом, выхватив у него пальник, сам нанес его на трубку и произвел 1-й выстрел, который, однако, направлен был поверх каре, и почти вся картечь попала в здание Сената. Но три следующие выстрела были уже направлены прямо в каре, а потом вслед за бежавшими пущено было ядро вдоль Галерной и картечь по Неве...

Но самое любопытное из слышанного мною потом был рассказ приятеля моего (ныне умершего) А. П. Башуцкого, тогда ад'ютанта графа Милорадовича, о всем, что произошло с этим последним с той минуты, когда государь послал его на Сенатскую площадь, до самой смерти его 15 декабря рано утром.

Когда Милорадович, сопровождаемый только одним Башуцким, пришел к Конногвардейскому манежу, то увидал, что л.-гв. Конный полк только что начал собираться! Солдаты, один за другим, выводили оседланных лошадей из казарм, но офицеров и командира полка, генерал-майора А. Ф. Орлова еще не было (удивительное дело! — а Кавалергардский полк, позже, прискакал из своих казарм у Таврического сада во весь опор, имея в голове полкового командира своего, полковника графа С. Ф. Апраксина!). Милорадович изумился этой медленности [1]), послал Башуцкого торопить полк, а сам стал нетерпеливо шагать взад и вперед вдоль стены манежа. Нетерпение его возрастало, и, наконец, он, в негодовании, сказал Башуцкому по-французски: «Je ne veux de son... régiment» (т.-е. Орлова) «donnez moi un

---

[1]) О причине ее см. «Русск. Стар.» 1881 г., 1, стр. 205—210 и № 2 стр. 449—452, — об'яснения князя А. А. Суворова и князя Н. С. Голицына.

cheval, j'irai seul!» [1]). Ему подали приготовленную тут лошадь Бахметьева, ад'ютанта Орлова, и он, сев на нее, поехал на Сенатскую площадь, а Башуцкий пошел рядом с ним, с правой стороны. Став перед передним фасом каре, он вынул свою шпагу и, показывая клинок ее солдатам, сказал им с необыкновенным одушевлением: «Эту шпагу подарил мне великий князь Константин Павлович после похода Суворова в Италию и Швейцарию, в знак своей дружбы ко мне и с надписью о том вот на этом клинке: «Другу моему Милорадовичу». С тех пор я никогда не разлучался с этой шпагой, и она была при мне во всех походах и сражениях. И я ли, после этого, стал бы действовать против моего друга и благодетеля и обманывать вас, друзья, многие из которых были со мною в походах и сражениях?» и т. д. Башуцкий уверял меня, что, стоя рядом с Милорадовичем, внимательно слушая каждое слово его и не спуская глаз с солдат, он не мог без умиления и даже слез слышать необыкновенно одушевленной, хотя простой и понятной солдатам речи Милорадовича, видел, какое сильное влияние она производила на солдат, и уже ожидал минуты, что они сложат оружие...

Вдруг, — продолжал Башуцкий, мне послышалось, будто по другую, левую, сторону Милорадовича что-то щелкнуло [2]) — и в ту же минуту Милорадович повалился с лошади направо... Я принял его на свое левое плечо, лошадь из под него убежала, а ноги его упали на землю. Видя, что никто из окружающей нас толпы не трогался с места, чтобы пособить мне нести графа, я крикнул какому-то близ стоявшему человеку в фризовой шинели, чтобы он подобрал ноги раненого, между тем, как туловищем граф лежал на моем левом плече, перевесив правую руку свою за мою спину. Так понесли мы его мимо Конногвардейских манежа и полка, уже собравшегося, но не садившегося еще на лошадей. Офицеры были тут, но Орлова еще не было — и никто не тронулся с места пособить нам!..

12.

Рассказ П. А. Каратыгина [3]).

...Приближалось грозное 14 декабря... В народе распространялись тревожные слухи, что общественное мнение сильно раз-

---

[1]) Т.-е.: «Я не хочу его (т.-е. Орлова) ... полка, дайте мне лошадь, — я поеду один». Ред.

[2]) То был Каховский, подошедший слева к Милорадовичу и выстреливший в нижнюю часть левого бока его, в упор из карманного пистолета пулей малого калибра, которая разорвала все внутренности. Кн. *Н. Г.*

[3]) См. Записки П. А. Каратыгина, СПБ. 1880 г., стр. 140 — 144. — Петр Андреевич Каратыгин (род. в 1805 г, ум. в 1879 г.) — известный актер Петербургского Александринского театра, плодовитый автор остроумных водевилей.

делено относительно преемника престола. На рынках и в мелочных лавках, куда стекаются из низших слоев народонаселения разные городские сплетни и нелепые толки, много было зловещих рассказов. Так и наша прислуга слышала где-то 13 декабря, что завтра-де назначена войскам присяга и что некоторые полки не хотят присягать новому императору Николаю Павловичу. Разумеется, мы этому ничему не верили и запретили прислуге повторять такие нелепости.

Наступило утро рокового дня; казалось, что все шло обычным своим порядком: на улицах ничего особенного не было заметно. В этот день был именинник наш директор, Аполлон Александрович Майков, который хотел справлять свои именины у дочерей своих Азаревичевых, живших с матерью на казенной квартире в доме Голлидея, во 2-м этаже (в том самом доме, где и мы жили). Над ними была тогда квартира танцовщицы Катерины Телешовой, которую генерал-губернатор, гр. Милорадович, довольно часто посещал. Часов в 10 с половиной графская карета, четверней, под'ехала к крыльцу со двора, и граф, в полной парадной форме, в голубой ленте, вышел из нее и пошел, по обыкновению, прежде на верх к Телешовой, а потом обещал зайти на пирог к имениннику. Видя генерал-губернатора в то утро совершенно спокойным, мы тоже начали успокаиваться и были почти уверены, что нелепые вчерашние слухи не имели никакого основания, — иначе как бы мог, в такой важный день и час, губернатор столицы быть в гостях у частного лица? Неужели бы эти зловещие городские слухи не дошли до него? Но не прошло и четверти часа по приезде графа, как во двор наш прискакал во весь карьер казак; соскочив с лошади, он побежал на верх, в квартиру Телешовой, и через несколько минут карета под'ехала к под'езду, и граф быстро сбежал с лестницы, бросился в карету, дверцы которой едва успел захлопнуть его лакей, — и карета стремглав помчалась за ворота. Мы побежали смотреть в окна, выходившие на Офицарскую улицу, и тут увидели батальон Гвардейского экипажа, который шел в беспорядке, скорым шагом, с барабанным боем и распущенным знаменем; батальоном предводительствовал знакомый нам капитан Балкашин [1]). Уличные мальчишки окружали солдат и кричали: «ура!».

Быстрый от'езд графа и эта последняя картина мало доброго обещали. Мы с братом начали собираться со двора, чтобы узнать, в чем дело; но матушка наша взяла с нас слово, чтобы мы далеко не ходили, чтобы не совались в толпу и были осторожнее. Мы пошли по Большой Морской и тут встретили Сосницкого [2]), который

---

[1]) В Гвардейском экипаже, действительно, был в это время лейтенант Павел Дмитриевич Балкашин, но он участия в восстании не принимал; Каратыгин называет его имя по ошибке, — вероятно, вместо Николая Бестужева, капитан-лейтенанта 8-го флотского экипажа. (См. выше его рассказ.) Ред.

[2]) Актера. Ред.

отправился вместе с нами; мимоходом втроем завернули мы к Якубовичу, чтоб от него, как от военного человека, что-нибудь узнать обо всей этой сумятице. У него был приготовлен на столе завтрак, но он был видимо что-то не в себе, в каком-то тревожном состоянии. Якубович поздоровался с нами и сказал:

— Закусите, господа, да пойдемте вместе на Сенатскую площадь; сегодня присяга, посмотрим, что там делается...

Но нам не шел кусок в горло, и мы отказались от завтрака. Он велел подать себе шинель, и мы все вышли на улицу. С Гороховой шла значительная часть Московского полка, также с барабанным боем и распущенными знаменами; густая толпа разного сброду и особенно пропасть мальчишек окружали солдат и горланили: «ура!». Якубович пожал руку моему брату и побежал вперед; вскоре мы потеряли его из виду; поворотя за угол на Морскую, мы увидели Якубовича уже без шинели, с обнаженной саблей, впереди полка; он сильно кричал и махал своею саблею. Мы взялись с братом за руки, чтоб толпа не оттерла нас друг от друга, и пришли на Дворцовую площадь — и там увидели нового императора, в полной парадной форме, перед баталионом Преображенского полка. Он был бледен, но на лице его не было заметно ни малейшей робости; он торопливо отдавал какие-то приказания своим ад'ютантам и окружавшим его генералам.

Все виденное нами до сих пор, была только шумная увертюра перед той кровавой драмой, которая через час должна была раз'играться на Сенатской площади. Со всех улиц густые толпы людей — всякого звания и возраста — стекались ко дворцу и к сенату. Там скакала кавалерия; тут бежала пехота; дальше сверкали артиллерийские орудия. Вся эта обстановка предвещала близкую грозу, и потому мы с братом решили лучше по добру да по здорову убраться во-свояси...

На обратном пути мы увидели карету гр. Милорадовича, без кучера и форейтора; посторонние люди вели лошадей под уздцы. Тут нам сказали, что в кучера и форейтора народ бросал на площади поленьями и избил их, бог знает за что.

Мы воротились домой часа в два и рассказали отцу и матери все, что видели. День был пасмурный, перепадал легкий снег, и к трем часам значительно стемнело. Мы все сидели у окошек и видели беспрерывную суетню на улице: то проскачет казак, то жандарм, то фельд'егерь промчится во всю прыть. Часу в четвертом, с той стороны, где Сенатская площадь, что-то сверкнуло, и через несколько секунд раздался пушечный выстрел, потом — другой, третий — и в наших сердцах болезненно отозвались эти зловещие выстрелы. Матушка наша перекрестилась и заплакала. Тут кто-то из наших знакомых прибежал к нам прямо с площади и сказал, что гр. Милорадович смертельно ранен и что в бунтовщиков стреляли картечью. Матушка наша никого из домашних не отпускала от себя. Обеденный стол давно был накрыт, но ни-

кому из нас и в голову не приходило пойти в столовую, и мы целый вечер провели в мучительном беспокойстве и неизвестности. Едва только смерклось, как начали показываться казацкие патрули по всем улицам и переулкам. Казакам было приказано разгонять народ, если он будет собираться кучками или толпой.

Ночью на Сенатской и Дворцовой площадях зажжены были костры, и некоторые части войска оставались там до утра; около дворца ночевала артиллерия с заряженными пушками; по другим улицам расставлены были пикеты.

На другой день, очень рано, я с братом пошел на Сенатскую площадь и мы увидели кровавые следы вчерашней драмы. В Сенате оконочные стекла и рамы второго этажа были разбиты вдребезги; говорили, что покойный великий князь Михаил Павлович, желая избегнуть пролития крови, приказал артиллеристам сделать первый выстрел по верху; но тут было несколько невинных жертв неуместного любопытства: иные зеваки, которые забрались на балкон, чтобы оттуда взглянуть, что̀ делалось посреди площади, поплатились своими головами. Мы с братом в то утро сами видели кровавые пятна на стене и на некоторых колоннах. Около Сената, во многих местах, снег был смешан с кровью; остатки ночных костров чернелись повсюду, конногвардейские отряды раз'езжали по главным улицам...

13.

Рассказ И. П. Пустошкина [1]).

...Поутру я собрался в театр на репетицию, увидел на улице кучки народа, оживленные каким-то жарким говором. Я спросил у дворника о причине этого сходбища, и он мне поведал, что народ со всех концов города спешит на Сенатскую площадь, что туда пришли солдаты с криками: «Ура, Константин», а великий князь Николай Павлович вывел против них остальную гвардию и хочет их всех истребить. Разумеется, братец ты мой, что я о репетиции забыл, вмешался в толпу и прибежал на площадь. Боже ты мой, господи, что там происходило... Народ как есть вплотную запрудил всю площадь и волновался, как бурное море. В волнах этого моря виднелся небольшой островок — это было ваше каре. В противоположность урагану, крутящемуся около него, оно стояло недвижимо, спокойно, безмолвно. Только ветер

---

[1]) См. Воспоминания братьев Бестужевых, изд. «Огней», Пгр. 1917 г., стр. 127—130, где рассказ этот приведен в передаче Михаила Александровича Бестужева.—Иван Петрович Пустошкин (род. в 1795 г., ум. в 1842 г.), по сцене Борецкий, был актером Александринской труппы (1818—1838 г.г.); 15 декабря 1825 г. он был арестован по подозрению в участии в Тайном обществе, но после допроса отпущен.

колыхал иногда высокие султаны их киверов, и временные проблески света на небе прыскали искры на окружавшую его толпу, отражаясь на гранях штыков их. Да, братец ты мой! — Это была поразительно прелестная картина... Я видел царя, окруженного своим штабом и уговаривающего народ разойтись по домам, слышал, как беснующаяся толпа кричала ему в ответ: «Вишь, какой мяконький стал! Не пойдем! Умрем с ними вместе»; видел, как полки, словно грозные тучи, облегали ваш маленький островок; видел, как понеслась на вас кавалерия, как плавно склонились штыки, как опрокидывались кони со всадниками, наткнувшись на эту стальную щетину, и с каким диким остервенением толпы народа отразили второй натиск поленьями дров; признаюсь, и я, грешный человек, метнул одно полено в бок кавалеристу: бедняга, склонясь на луку, повернул лошадь и исчез. Видел я, братец ты мой, и тебя, как ты при третьей атаке появился перед фасом каре, стал против солдат, готовых дать залп, от которого вся эта кавалерия, обскакавшая каре, легла былоском, — как ты скомандовал «отставь»; одним словом, я смотрел на быстро сменяющиеся картины, я видел непрерывный ряд сцен, присутствуя на площади, как зритель и как актер. Я находился в каком-то чаду, в каком-то моральном опьянении, поочередно увлекая толпу и увлекаясь ею. Я находил какое-то безотчетное удовольствие отдаваться на произвол этой сумятице, которая бросала меня от одного конца площади на другой, от одного полка окружавших вас гвардейцев к другому; повсюду я замечал на мрачных лицах солдат общее недовольство, везде слышалось громкое сетование на ваше бездействие: «Пусть они двинутся, — говорили они, — и мы пойдем вместе с ними». Я видел, как пришли к вам матросы Гвардейского экипажа, потом лейб-гренадеры; видел смерть их полкового командира, видел торжественное шествие митрополита во всем облачении, великого князя Михаила, уговаривавшего Московцев положить оружие. видел, как смертельно раненый Милорадович, шатаясь на седле, поскакал прочь от непокорных солдат и, наконец, — услышал роковой выстрел из пушки, положивший конец этой страшной фантасмагории. Толпа вздрогнула, смолкла, но не двинулась с места. Второй выстрел повалил множество из передовых. Народ прыснул во все стороны. Третий выстрел был направлен на открытое каре. Повалило много, но оно не покидало своего места. При четвертом, пятом выстреле каре дрогнуло, — и солдаты побежали по Галерной улице, а Московцы к Неве...

14.

Записка В. Р. Марченко [1]).

...Надобно было прекратить недоумения и толки, день ото дня возраставшие, и Николай Павлович решился воссесть на престол. 13 декабря ночью собран был Совет [2]), в котором его высочество пред'явил всю переписку свою с братом и проект манифеста, писанного, как тогда говорили, Карамзиным. Проект одобрен и тут же в самую полночь подписан новым императором. 14-е число было понедельник, обыкновенный день общего собрания Совета, и положено в ночном заседании собраться поутру в 9 часов для присяги. По приезде в Совет, нашел я дворцовую повестку, что в 2 часа назначено поздравление императора, и поэтому отпустил карету домой до 4 часа. По с'езде членов, пошли мы в придворную церковь, присягнули, подписали имена свои на листе и в 10 часов явились по дороге из церкви с поздравлением к императору, принявшему нас в комнатах великокняжеских (в корридоре окнами к Адмиралтейству), а от него через комнату налево к вдовствующей императрице Марии Федоровне. По возвращении в Совет, помещавшийся тогда в комнатах бывшего обер-гофмаршала Толстого (в корридоре окнами во двор), открыто было заседание; но как некоторые старики члены стали жаловаться на усталость и что в 2 часа надобно опять быть на ногах, то доклад дел отменен, и все раз'ехались; я же поневоле остался во дворце, отпустивши карету домой, и располагая походить с час времени в Эрмитаже, вышел в корридор. Едва отворил дверь, навстречу мне граф Милорадович, щегольски одетый и всегда веселый: «Я сейчас был с рапортом у нового императора (сказал он) о благополучном состоянии столицы; все места присягнули уже, да и весь город можно сказать, потому что с утра пробиться нельзя в церквах». На вопрос же мой о войске, отвечал, что и оно присягнуло, только в конной артиллерии под Смольным что-то случилось, но это вздор, и там теперь великий князь Михаил Павлович. Вместе с сим предлагал ехать с ним в Театральную школу на пирог к директору театров г. Майкову, который в тот день был именинник; но я, бывши в мундире, не принял его приглашения, сколько он ни настаивал. Оно, однако, родило мысль во мне выпить рюмку мадеры и с'есть кренделек для того, что ранее 4 часа нельзя было отделаться из дворца, и я воротился в Совет. Ожидая, пока камер-

---

[1]) См. «Автобиографические записки статс-секретара Марченко»—«Русск. Стар.» 1896 г., № 5, стр. 309—314.—Василий Романович Марченко (род. в 1782 г., ум. в 1841 г.) в 1825 г. был статс-секретарем Департамента государственной экономии Государственного Совета; с 1827 г. Государственный секретарь.

[2]) Государственный Совет в то время помещался в здании Зимнего дворца. Ред.

лакей подаст мадеры, подхожу к окну и удивляюсь, что император в парадной форме учит егерей или финляндцев, стоявших тогда в карауле. Надобно знать, что, будучи великим князем, когда развод был его полков, император всегда сам вводил людей в сошки на дворцовом дворе, делая маневр этот два, а иногда и три раза, и потом своими руками свертывал знамя и завязывал знаменный чехол. В сие время входит помощник статс-секретаря Свиньин (теперешний сенатор) и говорит, что он не мог проехать: везде войско, народ валит на площадь, и он воротился, чтобы переждать. Слышавши от графа Милорадовича, что гвардия присягнула уже, следовательно каждая часть в своем полку, я подумал, что сбором ее пред дворцом начнется поздравление императора, вспомнил, как Александр I в 1801 году явился на балконе, покрытом малиновым бархатом, народу и гвардии, состоявшей тогда не более как из 7 тысяч человек и присягнувшей на площади, — и указал Свиньину на государя, занимающегося гауптвахтою; но каково было удивление мое, когда я увидел, что по команде его, как на ученье, начали солдаты заряжать ружья и насыпать порох на полки. После этого император повел людей в ворота на площадь, а с гауптвахты бежали за ним караульные офицеры, обнажая на дворе уже свои шпаги. Хотелось выйти на площадь, но неуклюжий губернский мундир мешал; я послал домой курьера за фраком, а между тем, поручил придворному лакею пройти по комендантской лестнице к экзерциргаузу и узнать, что делается. Он воротился с ответом, что государь стоит с командою, снятою с гауптвахты, между дворцовых ворот и фонариком; около него толпа народу. Он читал им манифест и после сказал: «Вы видите, что я не отнимаю престол у брата». Весть сия не обещала доброго, и я пошел в фонарик. Здесь увидел следующую картину: Конная гвардия с командиром своим Орловым (Алексеем Федоровичем) на рысях скакала из казарм своих к штабу, и с появлением ее государь изволил перейти на середину площади (где теперь колонна), сопровождаемый дворцовым караулом и Преображенским батальоном, прибежавшим с Миллионной в шинелях и фуражках, заряжая на марше ружья. Из-под арки бежали и примыкали к ним саперы. С Гороховой улицы шел Московский полк к Сенату. Когда же показались Семеновский и Егерский, то саперы пошли на дворцовый двор и тотчас заняли все выходы, а государь с отрядом, предшествуемый Конною гвардиею, отправился к Сенату.

Нашедши в комнатах Совета фрак свой уже привезенным, вышел я по Салтыковскому под'езду (против Адмиралтейства) на бульвар и, пробиваясь между чернию и разного состояния людьми, старался разведать: что такое делается? Одни отвечали:

«Не знаем и сами добиваемся толку» — другие — «Говорят, что бунт, боже сохрани!» и с такими ответами дошел я до Исаакиевской церкви. Здесь увидел государя на лошади лицом

к Адмиралтейству и гвардию, расположенную от дома Крюковской (угольный на площади в Гороховую улицу) до Исаакиевского моста; артиллерия стояла у мосту, на Английской набережной, позади Конногвардейского манежа и на углу Адмиралтейства ко дворцу. Около Сената же гауптвахта обыкновенная и впереди ее какие-то сборные команды гвардейских полков, но по воротникам большею частию Московского; площадь около самого монумента Петра I была свободна, и по ней беспрепятственно переходили с бульвара к Сенату и обратно не только люди всякого звания, но и солдаты из фронта. Здесь увидел я идущего от Сената статского советника Грабе-Горского и, узнавши от него более, нежели ожидал (о чем скажу после), отправился обратно во дворец, надел мундир и пустился в осмотр.

От фонарика на площади пусто было, войска густыми колоннами стали около Исаакиевской церкви, лестницы во дворце набиты были солдатами с ружьями, а на дворе дворцовом устроилось каре распоряжением коменданта Башуцкого, странным до того, что, глядя сверху, понять нельзя было о прямом его намерении: поминутно солдаты теснились и растягивались, выходили на крыльца и в ворота и возвращались. Как теперь смотрю, что в этой суматохе Башуцкий переводит с правой стороны один какой-то баталион в шинелях на левую, где стоящий баталион не может осадить потому, что приперт к самой платформе гауптвахты; это место очищал Башуцкий лейб-гренадерскому баталиону, предводимому одним мальчиком-офицером, за которым бежал флейтщик, и еще хвост не устроился, как мальчик тот повел обратно баталион со двора на площадь, а Башуцкий опять принялся за распоряжение, как занять оставленную пустоту. После известно сделалось, что баталион этот, под командою поручика или капитана Панова, приходил занять крепость, но, найдя ворота запертыми, бросился во дворец, где, также найдя принятые меры, отправился на площадь и, в глазах государя и гвардии, прошел мимо их около бульвара прямо к Сенату и соединился с бунтовщиками-солдатами Московского полка.

Между тем время близилось к 2-м часам, и дворец наполнился приехавшими по повестке для поздравления. Дамы все были разряжены, но мужское одеяние представляло пестроту, ибо многие, быв оповещены на службе, чтобы не опоздать, прямо проехали во дворец в черных панталонах. Военные все уходили на площадь, и в зале оставались только двое: князь Лобанов, по старости и непринадлежности к армии, и граф Аракчеев, по трусости, как говорило тогда, может быть, злословие; но на него жаль было смотреть: ни одна душа не останавливалась промолвить с ним слово, и он рад был, усевшись на диванчик с приехавшим во дворец князем Лопухиным. Видя меня, разговаривавшего с А. Ф. Орловым, который неоднократно присылан был с площади к императрицам, — граф Аракчеев подошел ко мне сначала с просьбою: не могу ли я по старой приязни подарить ему экземпляр мани-

феста[1]), а потом: «Что, батюшка, есть ли утешительные вести?» Я ему сказал, что число строптивых увеличивается переходящими из полков солдатами к шайке, у Сената стоящей, и что государь, не решаясь на крайнюю меру, надеется убеждениями образумить заблуждающихся, заботясь более о бедном графе Милорадовиче, за жизнь которого не ручаются доктора. Аракчеев с ужасом отошел от меня, услыхав в первый раз о ране, нанесенной Милорадовичу, хотя это несчастное приключение часа два уже всем известно было. Сделалось темно, зажгли свечи, и полковник Чихачев пробежал чрез залу, вскоре возвратился, и за ним шел митрополит Серафим в полном облачении, с поддиаконами. Государь вытребовал его из церкви на площадь, но слова митрополита заглушены были криком и угрозами мятежников, и он чрез полчаса воротился во дворец. Вслед за сим услышали мы пушечные выстрелы, после которых не более как чрез ¼ часа изволил и государь пройти чрез залу, не останавливаясь, к императрицам. Тут узнал я, что после двух или трех выстрелов картечью мятежники рассыпались по Галерной улице, Английской набережной и Васильевскому Острову, что они бросают ружья и что их захватывают кавалергарды и конная гвардия и приводят в сенатское здание, где сидят для допроса генерал-ад'ютанты: Васильчиков и Кутузов, из коих последнему велено исправлять должность военного генерал-губернатора...

15.

Письмо Н. М. Карамзина [2]).

...Мы здоровы после здешней тревоги 14 декабря. Я был во дворце с дочерьми, выходил и на Исакиевскую площадь, видел ужасные лица, слышал ужасные слова, и камней пять-шесть упало к моим ногам. Новый император оказал неустрашимость и твердость. Первые два выстрела рассеяли безумцев с «Полярною Звездою» — Бестужевым, Рылеевым и достойными их клевретами. Милая жена моя нездоровая прискакала к нам во дворец около семи часов вечера. Я, мирный историограф, алкал пушечного грома, будучи уверен, что не было иного способа прекратить мятежа. Ни крест, ни митрополит не действовали. Как скоро грянула первая пушка, императрица Александра Федоровна упала на колени

---

[1]) Я послал своего курьера с полтинником в Сенатскую Типографию и чрез полчаса вручил Аракчееву просимый экземпляр. Он чувствительно благодарил и пожал мне руку....

[2]) См. письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, СПБ. 1866 г., стр. 411—412. — Николай Михайлович Карамзин (род. в 1766 г., ум. в 1826 г.) — известный писатель, автор «Истории Государства Российского»; Пушкин в эпиграмме своей выразился, что «В его Истории изящность, простота Доказывают нам без всякого пристрастья Необходимость самовластья И прелести кнута».

и подняла руки к небу. Она несколько раз от души говорила: «Для чего я женщина в эту минуту!» Добродетельная императрица Мария повторяла: «Что скажет Европа!» Я случился подле них: чувствовал живо, сильно, но сам дивился спокойствию моей души странной: опасность под носом уже для меня не опасность, а рок, и не смущает сердца,— смотришь ей прямо в глаза с какою-то тишиною. В большой зале дворца толпа знати час от часу редела; однакож все было тихо и пристойно. Молодые женщины не из'являли трусости. В общем движении, к стороне, неподвижно сидели три магната: князь Лопухин, граф Аракчеев и князь А. Б. Куракин, как три монумента! В седьмом часу пели молебен; в осьмом стали все раз'езжаться. Войско ночевало, среди огней, вокруг дворца. В полночь я с тремя сыновьями ходил уже по тихим улицами, но в 11 часов утра, 15 декабря, видел еще толпы черни на Невском проспекте...

16.

Дневник Н. Д. Дурново [1]).

14 декабря. Ранее семи часов утра я был уже во дворце. В скором времени прибыл император. Его величество начал с чтения письма великого князя Константина, написанного в Варшаве на следующий же день по получении там известия о кончине императора Александра.

Его величество, выражая свое глубокое горе в тяжкой потере брата, заявляет о своем бесповоротном решении отказаться от трона в пользу великого князя Николая, который, согласно высочайшего рескрипта, последовавшего вслед за его, Константина, письмом, и с согласия императрицы-матери, уже со 2-го февраля 1822 года об'явлен престолонаследником, а потому просит теперь императора Николая принять от него первым его верноподданническую присягу.

После этого Николаю ничего не оставалось, как об'явить себя самодержцем всероссийским, что он и сделал, издав весьма красноречивый манифест, к которому в копиях были приложены пять писем Константина и письма императора Александра I и императрицы-матери, как служащие документами добровольного отречения великого князя Константина от трона. С умилением выслушав слова своего нового повелителя, все генералы были приведены к присяге в библиотеке главного штаба; все это произошло

---

[1]) См. «Дневник Н. Д. Дурного»— в «Вестнике Общества ревнителей истории», вып. I, 1914 г., стр. 51—53 — Николай Дмитриевич Дурново (род. в 1792 г., ум. в 1828 г.) с 1815 г. был флигель-ад'ютантом Александра I; в 1828 г. был убит под крепостью Варной, в Турции. Приводимый нами рассказ взят из подробного «Дневника» Дурново; последний, между прочим, был послан для арестования Рылеева.

в строжайшей тишине и порядке. Все генералы гвардии отбыли к своим частям.

Не желая долго ожидать во дворце высочайшего выхода, я отправился к своему другу; не знаю, какое предчувствие заставило меня покинуть его часом раньше времени, назначенного для выхода. На улице я встретил каретника Шленгауера, который с большим волнением мне передал, что взбунтовался Московский полк, что генералы Шеншин и Фредерикс тяжело ранены и что бунтовщики достигли уже Сенатской площади. Я сейчас же отправился туда, но вместо целого полка, застал не более трех взводов; они неистово кричали, что признают законным императором лишь одного Константина; между бунтовщиками я заметил князя Оболенского, ад'ютанта генерала Бистрома. Рассудив бесполезность своего пребывания среди этой сволочи, я отправился на мою службу к государю. Его величество я застал на Дворцовой площади, держащим речь первому баталиону Преображенского полка; эти храбрецы, все до одного, поклялись умереть за их законного самодержца. Послали за другими полками. Охрана дворца была поручена саперам. По мере того, как со всех сторон прибывали войска, мы направились к Сенатской площади. Драгунский капитан Якубович подошел к государю и доложил, что он первоначально был с бунтовщиками заодно, но, убедившись в их неправоте, он перешел на нашу сторону. Его величество милостиво принял его раскаяние и отправил его переговорщиком к бунтовщикам, приказав обещать им полное помилование, если немедленно будет восстановлен полный порядок. Якубович, размахивая белым платком, направился к бунтовавшим взводам. Не знаю, что он им говорил, но в скором времени он вернулся и доложил, что они никого не признают, кроме императора Константина. Государь император вторично послал Якубовича, приказав раз'яснить как офицерам, так и нижним чинам, что великий князь Константин категорически не желает вступать на трон, от которого он добровольно отказался несколько лет тому назад. Якубович ответил, что приказание будет исполнено, но что назад он более не вернется, будучи уверен, что его растерзают; тогда государь его задержал и вместо него отправил меня. Перекрестясь, я направился к бунтовщикам; я остановился в четырех шагах и только успел открыть рот для начала переговоров, как один из начальствующих над ними во все горло крикнул мне, чтобы я удалился, угрожая меня застрелить; он даже приказал двум солдатам меня заколоть; но оказалось, что я был проворнее их и, несмотря на их погоню, мне удалось вернуться к своим. Мой товарищ, полковник Бибиков, был менее меня счастлив и, получив два сильных удара, потерял сознание и был вырван из рук раз'яренной толпы солдатами морского баталиона, присоединившегося к бунтовщикам.

Митрополит Серафим, в полном облачении, с крестом в руках и в сопровождении многочисленного духовенства, направился усовещевать бунтующих, но миссия его потерпела также неудачу.

Прибыла наша артиллерия, но без снарядов; пришлось за снарядами отправить в лабораторию; время бесполезно проходило. К бунтовщикам в полном беспорядке примкнул л.-гв. Гренадерский полк; через несколько минут принесли полковника Стюрлера, смертельно раненого.

Наконец, к 4 часам прибыли снаряды; нам удалось убедить императора приказать открыть огонь; я выбрал себе удобное место для наблюдения за действиями снарядов. Первый выстрел заставил дрогнуть гренадер; после второго получился общий беспорядок, а после третьего — бунтовщики в паническом страхе пустились в бегство. На Галерной улице они были встречены беглым огнем Павловского полка; большая часть из них бросилась вплавь через реку [?!] на Васильевский Остров, где они были преследуемы конной гвардией. К шести часам бунт был подавлен. Государь, расположив войска вокруг дворца, а также на Сенатской площади и на Васильевском Острове, и нарядив по всему городу патрули, вернулся во дворец, где с большим беспокойством его ожидали обе императрицы. По сборе всех чинов двора, все отправились в придворную церковь на богослужение по случаю восшествия на престол. В продолжение целого дня мы были заняты передачей приказаний его величества; положительно не было ни минуты отдыха; только в 9 ч. вечера мне удалось с'есть кусок хлеба. Без конца приводят арестованных; между ними находится князь Щепин-Ростовский, тот самый, который ранил Шеншина и Фредерикса; он — капитан Московского полка. Большинство заговорщиков еще не найдены, но вне всякого сомнения, что они не скроются. Все четыре брата Бестужевы играли видную роль в заговоре, который клонился к правительственному перевороту, убиению всей царствующей династии и провозглашению конституции. Слава богу, что все эти гнусные планы раскрыты и должная кара не заставит себя долго ждать...

17.

Правительственное сообщение о 14 декабря 1825 года [1]).

Внутренние происшествия.

С.-Петербург, 15 декабря.

Вчерашний день будет, без сомнения, эпохою в истории России. В оный жители столицы узнали с чувством радости и на-

[1] Составлено Д. Н. Блудовым (см. «Русск. Арх.» 1905 г., кн. I, стр. 425) и напечатано в виде прибавления к «С.-Петербургским Ведомостям» 1825 г., от 15 декабря, № 100; перепечатано в «Русском Инвалиде» от 19 декабря 1825 г., № 300 и др. изданиях; в 1881 г. перепечатано в «Русск. Арх.» кн. II, стр. 337—340.

дежды, что государь император Николай Павлович воспринимает венец своих предков, принадлежащий ему и вследствие торжественного, совершенно произвольного отречения государя цесаревича Константина Павловича, и по назначению в бозе почивающего императора Александра, и в силу коренных законов империи о наследии престола. Но провидению было угодно сей столь вожделенный день ознаменовать для нас и печальным происшествием, которое внезапно, но лишь на несколько часов, возмутило спокойствие в некоторых частях города. Вскоре после издания высочайшего манифеста о вступлении его императорского величества на престол, Государственный Совет, Правительствующий Сенат и святейший Синод присягали в верности монарху; в течение утра должны были дать присягу все полки лейб-гвардии. В половине двенадцатого часа командующий гвардейским корпусом и начальник гвардейского штаба донесли его величеству, что присяга учинена полками Конно-гвардейским, Кавалергардским, Преображенским, Семеновским, Павловским, Гренадерским, Гвардейским Егерским, Финляндским и Саперным батальоном. О прочих полках не было еще известия; но сему причиною полагали отдаленность их казарм от дворца. В двенадцать часов узнали, что четыре офицера гвардейской конной артиллерии, оказавшие сопротивление, взяты под стражу, но что прочие, как офицеры, так и нижние чины гвардейского артиллерийского корпуса, присягали с отменным и единодушным усердием. Уже в исходе первого часа дошло до сведения его величества, что часть Московского полка (как сказывали от 3 до 4-х сот человек), выступив из своих казарм с распущенными знаменами и провозглашая императором великого князя Константина Павловича, идет на Сенатскую площадь. Толпы народа сбегались к сей площади и перед дворцом. Государь император вышел из дворца без свиты, явился один народу и был встречен из'явлениями благоговения и любви: отовсюду раздавались усердные восклицания. Между тем, две возмутившиеся роты Московского полка не смирялись. Они построились в баталион-каре перед Сенатом; ими начальствовали семь или восемь обер-офицеров, к коим присоединились несколько человек гнусного вида во фраках. Небольшие толпы черни окружали их и кричали: «ура!». Необходимость противопоставить им достаточное число верных войск была очевидна. Государь император дал повеление вывести один баталион Преображенского полка и, предводительствуя оным, приблизился к месту, где были собраны бунтующие, но с твердым намерением не употреблять силы, пока будет хотя малейшая вероятность кротостию и увещанием образумить ослепленных мятежников. К ним под'ехал С.-Петербургский военный генерал-губернатор граф Милорадович, в надежде, что его слова возвратят их к чувству обязанности, но в ту самую минуту стоявший возле него человек во фраке выстрелил по нем из пистолета и смертельно ранил сего верного и столь отличного военачальника. Он умер нынешнюю ночь.

Сие злодеяние ни в чем не изменило намерений его императорского величества. Твердость и милость равномерно оказывались в сделанных несколько раз по его повелению увещаниях возмутившимся. Государь призывал их к долгу и смирению, но не внимая никаким условиям, не скрывая от них, что и за самою скорою покорностию долженствует необходимо и во всяком случае последовать примерное наказание зачинщиков мятежа.

Между тем, его величество дал приказание бывший в карауле у дворца полк Финляндский егерский усилить Саперным баталионом, а полкам Кавалергардскому, Конногвардейскому, Павловскому, Гренадерскому и лейб-гвардии артиллерийской первой бригаде явиться к нему. Все сии войска ревностно просили дозволения одним ударом уничтожить бунт и мятежников. К сим последним присоединилось несколько человек из Лейб-гренадерского полка и Гвардейского морского экипажа; но, с другой стороны, великий князь Михаил Павлович, который в ту лишь минуту возвратился в С.-Петербург, узнав, что часть принадлежащего к его дивизии Московского полка обесславила себя восстанием на законную власть, немедля отправился к казармам и там, даже не употребляя никаких строгих мер, привел к присяге шесть рот сего полка, кои при начале возмущения хотя отказывались присягать, однакож не хотели и следовать примеру вышедших на Сенатскую площадь. Его высочество, обязав сии роты клятвенным обещанием верности к государю императору Николаю Павловичу, привел их к августейшему брату своему; они пылали равным с другими войсками нетерпением положить конец мятежу.

Но государь император еще щадил безумцев, и лишь при наступлении ночи, когда уже были вотще истощены все средства убеждения и самое воззвание преосвященного митрополита Серафима пренебрежено мятежниками, его величество, наконец, решился, вопреки желанию сердца своего, употребить силу. Вывезены пушки, — и немногие выстрелы в несколько минут очистили площадь. Конница ударила на слабые остатки бунтовавших, преследуя и хватая их. Потом разосланы по всем улицам сильные дозоры, и в шесть часов вечера из всей толпы возмутившихся не было уже и двух человек вместе; они бросали оружие или сдавались в плен. В десять часов взято было дозорами более пятисот, кои скитались рассеянные; виновнейшие из офицеров пойманы и отведены в крепость.

В шесть часов вечера государь возвратился во дворец, и молебствие по случаю восшествия его императорского величества на престол совершено в присутствии их величеств, всего двора и при великом стечении знатных особ. В городе уже было восстановлено повсеместное спокойствие.

Таковы были происшествия вчерашнего дня; будучи очевидцами оных, мы описали все обстоятельства с величайшею подробностию и точностию. Они, без сомнения, горестны для всех русских и должны были оставить скорбное чувство в душе государя импе-

ратора. Но всяк, кто был свидетелем поступков нашего монарха в сей памятный день, его великодушного мужества, разительного, ничем неизменяемого хладнокровия, коему с восторгом дивятся все войска и опытнейшие вожди их; всяк, кто видел, с какою блистательною отважностию и успехом действовал августейший брат его, великий князь Михаил Павлович; наконец, всяк, кто размыслит, что мятежники, пробыв четыре часа на площади, в большую часть сего времени со всех сторон открытой, не нашли себе других пособников, кроме немногих пьяных солдат и немногих же людей из черни, также пьяных, и что изо всех гвардейских полков ни один в целом составе, а лишь несколько рот двух полков и Морского экипажа могли быть обольщены или увлечены пагубным примером буйства, — тот, конечно, с благодарностию к промыслу признает, что в сем случае много и утешительного, что оный есть не иное что, как минутное испытание, которое будет служить лишь к ознаменованию истинного характера нации, непоколебимой верности величайшей без всякого сравнения части войск и общей преданности русских к августейшему их законному монарху. Признания уже допрошенных важнейших преступников и добровольная явка главнейших зачинщиков, скорость, с коею бунтующие рассеялись при самых первых выстрелах, из'явления искреннего раскаяния солдат, кои сами возвращаются в казармы оплакивать свое минутное заблуждение, — всё доказывает, что они были слепым орудием, что провозглашение имени цесаревича Константина Павловича и мнимая верность присяге, от коей его императорское высочество сам произвольным и непременным отречением своим разрешил всех, служили только покровом настоящему, явному намерению замысливших сей бунт навлечь на Россию все бедствия безначалия.

Праведный суд вскоре совершится над преступными участниками беспорядков. Помощию неба, твердостию правительства они прекращены совершенно: ничто не нарушает спокойствия столицы, — и войска, кои из предосторожности провели минувшую ночь на бивуаках близ дворца, возвратились в казармы.

Ныне поутру государь император об'езжал все находившиеся при нем полки и узнав, что рядовые гвардейского экипажа из'являют живейшее раскаяние, утверждают, что они были вовлечены в мятеж обманом и уже в присутствии великого князя Михаила Павловича дали присягу в верности, дозволил сему баталиону предстать пред него, даровал им великодушное прощение и возвратил знамя, коего по воле его императорского величества они были лишены вчера. Они со слезамя славят милосердие монарха.

18.

Эпилог 14-го декабря.

Рассказ М. М. Попова [1]).

Во весь день 14 декабря 1825 г., кроме войск, толпились множество народу на Адмиралтейской и Сенатской площади, в концах ближайших к ней улиц, на Исаакиевском мосту и набережных обеих сторон Невы. Из народа почти никто не участвовал в бунте, большею частью были только зрители...

К вечеру, часа в четыре, начали стрелять из пушек, поставленных против всех пунктов, где находились толпы: в Галерную улицу, вдоль по Исаакиевскому мосту, по набережным, через гранитные перила на Васильевский Остров. Пальба продолжалась с час. Тут не могло быть и не было никакого разбора: не столько участники мятежа, сколько простые зрители ложились рядами. В толпах от испуга и давки, от неловкости или слабости люди давили друг друга и гибли, догоняемые ядрами и картечью. Как далеко долетали заряды, видно из того, что одно ядро ударило в третий этаж Академии Художеств, в квартиру учителя Калашникова, прошибло стену и ранило кормилицу этого учителя, которая держала на руках его ребенка. Во всех домах ворота и двери были заперты и не отпирались ни на какой вопль: всякий боялся отвечать за мятежника. Народу было так много, что Нева, набережная и улицы были покрыты трупами.

Тотчас по прекращении стрельбы, новый государь приказал обер-полицеймейстеру Шульгину, чтобы трупы были убраны к утру. Шульгин распорядился бесчеловечно. В ночь по Неве от Исаакиевского моста до Академии Художеств и дальше, к стороне Васильевского Острова, сделано было множество прорубей, величиною, как только можно опустить человека, и в эти проруби к утру опустили не только все трупы, но (ужасное дело) и раненых, которые не могли уйти от этой кровавой ловли. Другие ушедшие раненые таили свои раны, боясь открыться медикам и правительству, и умирали, не получив помощи. От этого-то в Петербурге почти не осталось в живых из тех, которые были ранены 14 декабря.

Государь был очень недоволен Шульгиным и сменил этого господина. Безрассудность его распоряжения открылась еще больше всего, когда по Неве начали добывать лед, — то многие льдины вытаскивали с примерзшими к ним рукой, ногой или це-

[1]) См. статью М. М. Попова: «Конец и последствия бунта 14 декабря 1825 г.» в ж. «Былое», 1907 г. № 3, стр. 192 и след. и сборник «О минувшем», 1909 г., стр. 110—112. — Михаил Максимович Попов (род. в 1800 г., ум. в 1871 г.) в 1820-х г.г. учитель Белинского по Пензенской Гимназии, в 1830-х г.г. служил в III Отделении, где между прочим заведывал делами о декабристах и на основании их составил статью, из которой мы приводим выдержку собственно о дне 14 декабря.

лым человеческим трупом. Правительство должно было запретить рубку льда у берега Васильевского Острова и назначило для этого другие места на Неве. Со вскрытием реки трупы погибших унесены в море.

Не меньше неприятно то, что полиция и помощники ее в ночь с 14 на 15 декабря пустились в грабеж. Не говоря уже, что с мертвых и раненых, которых опускали в проруби, снимали платье и обирали у них вещи, — даже убегающих ловили и грабили.

Во всю эту ночь верные полки расположены были биваками по площадям около адмиралтейства, по улицам Адмиралтейских частей и Васильевскому Острову. Везде горели бивачные огни и ездили густые патрули. Зимний дворец обведен был непрерывною цепью пушек, артиллеристами, пионерами и кавалергардами. Дня два или три после этого патрули продолжались день и ночь, не давая собираться толпам и не пропуская людей сомнительных. Во дворце же недели две были в опасениях. Каждую ночь, как только засыпал город, безмолвно шли по Миллионной несколько рот Преображенцев и везли пушки. Преображенцы помещались во дворе, а пушки ставили в воротах дворца. Утром, перед тем, как просыпаться городу, Преображенцы и пушки с тою же тишиною удалялись из дворца.

ОТДЕЛ СЕДЬМОЙ.

АГИТАЦИЯ И ПРОПАГАНДА ЮЖНОГО ОБЩЕСТВА В ВОЙСКАХ 3-го КОРПУСА И ВОССТАНИЕ ЧЕРНИГОВСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА.

Подготовка вооруженного восстания войск 3-го корпуса, планомерно проводимая после сентябрьских совещаний в Лещине Васильковской Управой Южного Общества, к середине декабря 1825 г. еще не могла дать тех результатов, на которые вожди заговора имели все основания рассчитывать лишь к лету следующего года.

Подобно тому, как это случилось в Петербурге и в Тульчине, ячейки тайных организаций 1-й Армии оказались захваченными совершенно врасплох событиями междуцарствия и должны были либо немедленно пойти на риск ускоренного выступления, либо в бездействии ожидать неизбежного разгрома. Однако, до самого провала Тульчинской организации и первых известий о событиях 14-го декабря, будущие руководители восстания еще не совсем точно уясняли себе, что в распоряжении их были уже даже не недели, а только дни.

И, если последние рассчеты Пестеля связывались с появлением в Тульчине в январе 1826 г. Вятского пехотного полка, то приблизительно в то же время революционная ячейка 8-й Артиллерийской бригады располагала следующей информацией из Василькова: «Нам представляется случай ранее, нежели мы думали, умереть со славою за свободу отечества, — писал М. П. Бестужев-Рюмин, вызывая на 15 января в Киев И. И. Горбачевского и Борисова 2-го. — Может быть, в феврале или в марте месяце, голос родины соберет нас вокруг хоругви свободы».

Напряженная работа по организации восстания в Житомирском районе, где агитация и пропаганда Южного Общества проходила в самую толщу солдатской массы, опираясь, с одной стороны, на квалифицированную прослойку (фейерверкеры, бомбардиры, слушатели полковых школ и т. п.) нижних чинов в артиллерии и, с другой — на старых Семеновских солдат, рассыпанных по полкам 8-й пехотной дивизии, — несколько не отвечала медленному темпу подготовительных действий по вовлечению в заговор воинских частей, места расквартирования которых непосред-

ственно примыкали к стоянкам Черниговского пехотного полка в Киевской губернии.

Нет, однако, никаких оснований рассматривать отказ от массовой работы в полках 9-й пехотной дивизии как серьезную политическую ошибку или случайный организационный промах вождей заговора. Сосредоточив все свое внимание на усилении и подготовке ударных частей, которым должна была принадлежать если и не инициатива, то, во всяком случае, главная роль в предстоящем выступлении, руководители тайного общества, по соображениям конспиративно-тактическим, должны были отказаться от углубления революционной работы на второстепенных участках фронта, к числу которых принадлежал и Васильковский район.

Трезво учитывая тягостное положение армейских низов, глубокую социально-экономическую подоплеку их недовольства и кровную заинтересованность в введении «нового порядка вещей», С. И. Муравьев-Апостол надеялся в любой момент поднять во имя «вольности» полк, в котором служил сам, а присоединение к повстанцам соседних воинских частей гарантировалось, на его взгляд, не только освободительными лозунгами переворота, но и преданностью делу тайного общества таких популярных в солдатской массе командиров, как Артамон Муравьев (Ахтырский гусарский полк), Повало-Швейковский и В. К. Тизенгаузен (Алексопольский и Полтавский пехотные полки). В тех воинских частях, где крепких корней тайное общество не имело, казалось, что можно рассчитывать во всяком случае на благожелательный нейтралитет высшего командного состава (напр., в Александрийском гусарском и Кременчугском пехотном полках), или на воодушевление солдат в нужную минуту участвовавшими в заговоре младшими офицерами (напр., полки 17-й Егерский и Гусарский принца Оранского). Все эти общие предпосылки и суммарные расчеты так и не облеклись, однако, в формы четкого операционного плана, ибо до самого конца декабря оставался открытым вопрос об обеспечении тыла революционных частей, оказывавшихся даже при условии успеха начальных своих действий под ударом войск Царства Польского и Литовского корпуса. Обстоятельство это и определяло для вождей заговора проблему соглашения с тайным Польским Патриотическим Обществом, как задачу первоочередную и существеннейшую. Необходимостью добиться скорейшей реализации намеченных на Киевских контрактах 1825 г. условий соглашения русских и польских заговорщиков можно об'яснить и появление в Жито-

мире 25-го декабря братьев С. И. и М. И. Муравьевых-Апостолов (официальным предлогом посещения первым из них корпусной квартиры явились хлопоты о предоставлении отпуска на север, по домашним делам, Бестужеву-Рюмину).

В Житомире С. И. Муравьева застала весть о событиях 14-го декабря,— и первым откликом вождя Васильковской управы на эту, крайне еще, впрочем, неопределенную информацию, было решение «вовлечь поляков в такой поступок, после коего им оставалось бы только возмутиться». Вместо прежнего туманного пункта о «задержании» цесаревича Константина в Варшаве, С. И. Муравьев от имени директории Южного Общества об'являет представителю польского тайного общества в Житомире графу Мошинскому, что «хотя общество польское и обещало, в случае возмущения в России, не выпускать великого князя из Варшавы, но обществу нашему вернее кажется лишить его жизни».

Рассчитывая, очевидно, еще успеть получить определенные гарантии из Варшавы до начала предрешенного восстания, братья Муравьевы на обратном пути из Житомира в Васильков посетили м. Троянов и Любар, расположенными в которых кавалерийскими полками командовали Александр и Артамон Муравьевы. В м. Троянове путешественники из случайного частного письма осведомились о подробностях разгрома мятежников на Сенатской площади и о положении дел в столице, а в м. Любаре братьев Муравьевых нагнал М. П. Бестужев-Рюмин с неожиданным известием о получении приказа об их аресте. На карту ставилась, таким образом, судьба последней еще уцелевшей от разгрома и разложения тайной организации «декабристов».

Короткий период растерянности и колебаний, обостренный малодушным отказом А. З. Муравьева поднять немедленно же свой полк и итти на соединение с распропагандированными частями 8-й артил. бригады, Пензенского и Саратовского пехотных полков, сменился твердым решением продолжать борьбу до конца, добраться возможно скорее до стоянок Черниговского полка и, подняв его, пробиваться к Житомиру, присоединяя к себе стоящие на пути роты и батареи.

В русских условиях получала, казалось, ближайшее применение известная схема действий Риего в дни памятного еще всем январского пронунциаменто 1820 г.,—и не даром С. И. Муравьев ободрял впоследствии черниговских офицеров прямыми

ссылками на успех испанского революционера, который еще так недавно победоносно «проходил земли [всего] с 300-ми человек и восстановил конституцию»... Для выигрыша времени хотя бы в два-три дня, в которые можно было бы предупредить все окрестные ячейки тайного общества о начинающемся выступлении, будущим вождям восстания пришлось укрыться в глухом селе по старой Киевской дороге — Трилесах, в котором расквартирована была рота одного из энергичнейших деятелей заговора — поручика Кузьмина. Из этой импровизированной штаб-квартиры, куда заговорщики добрались к утру 28 декабря, М. П. Бестужев-Рюмин отправлен был в Брусилов и Новоград-Волынск для извещения о восстании и согласования действий артиллерийских и пехотных частей. Вечером того же дня послан был нарочный в Васильков с вызовом в Трилесы некоторых из ротных командиров — участников заговора в Черниговском пехотном полку. Приезд последних предупредило, однако, появление ночью в Трилесах подполковника Гебеля и жандармов из штаба. Встреча оказалась неожиданной для обеих сторон и кончилась об'явлением Муравьевым об их аресте. «В сем положении, — отмечал в позднейших своих показаниях С. И. Муравьев,— пробыли мы до света, когда вдруг наехал поручик Кузьмин с поручиком Сухиновым и в след за ними шт.-капитан Соловьев и поручик Щепилла. Кузьмин, подошед к брату, спросил его, что делать; на что брат отвечал ему: н и ч е г о, а я на таковой же вопрос Кузьмина отвечал: и з б а в и т ь н а с. Вскоре после краткого сего разговора услышал я шум в передней комнате и первое мое движение было выбить окно и выскочить на улицу, чтобы скрыться. Часовой, стоявший у окна сего, преклонив на меня штык, хотел было воспрепятствовать мне в том, но я закричал на него и вырвал у него ружье из рук. В это время налево от квартиры увидел я Гебеля, борящегося с Кузьминым и Щепиллою и подбежав туда, после первой минуты их изумления, произведенного сим зрелищем, вскричал я: п о л н о ж е, г о с п о д а, и тут подполковник Гебель освободившись, и нашед на дороге сани, сел в оные, чтобы уехать, и мы побежали было, чтобы воротить его, дабы он заблаговременно не дал знать о сем происшествии, что Сухинов, сев верхом, и исполнил. Происшествие сие решило все мои сомнения. Видев ответственность, к коей подвергли себя за меня четыре сии офицера, я положил, не отлагая времени, начать возмущение и, отдав поручику Кузьмину приказание собрать 5-ю роту и итти на Ковалевку, сам поехал туда

вперед для сбора 2-й гренадерской роты. Соловьеву же и Щепилле приказал из Ковалевки ехать в свои роты и привести их в Васильков; к вечеру 5-я рота пришла в Ковалевку и я решился переночевать в оной, по причине дурной погоды и метелицы, и дабы дать во-время собраться и 2-й гренадерской роте.—На другой день, рано по утру, выступил я с ротами 2-й гренадерской и 5-й мушкетер., пришел с оными к Мытнице на большой дороге в 8-и верстах от Василькова, велел людям зарядить ружья и подвинулся к городу».

В Мытнице повстанцев ожидал Бестужев-Рюмин, попытка которого пробраться к Новоград-Волынску не увенчалась успехом — он сам едва избежал ареста, не сумел связаться со стоящими на его пути частями (Кременчугский и Алексопольский полки) и поспешил возвратиться. Неудача миссии Бестужева-Рюмина обусловила первые серьезные отступления от ранее намеченного плана действий. Правда, Васильков был занят без всякого сопротивления, квартирующие в нем 3-я и 4-я роты, почти со всеми своими офицерами, восторженно присоединились к мятежникам, в распоряжении которых оказались запасы оружия, вещевые и продовольственные склады, полковая казна, — но на немедленное выступление к Житомиру вожди заговора уже не решались. Не обеспеченная предупредительными мероприятиями Бестужева - Рюмина, операция эта представлялась — по крайней мере до дальнейшего накопления сил— несколько рискованною.

Дневка в Василькове, подробности которой запечатлены с наибольшею обстоятельностию в приводимых ниже страницах из записок И. И. Горбачевского, — ознаменована была торжественным провозглашением на городской площади написанного С. И. Муравьевым революционного «катехизиса», в котором цитатами из священного писания (своеобразный агитационный прием) подкреплялся призыв к войскам «для освобождения страждущих семейств своих и родины... ополчиться всем вместе против тиранства и восстановить веру и свободу в России».

О том, что конечные цели восстания не представлялись даже солдатской массе чем-то утопическим и мало понятным — свидетельствует хотя бы следующий отрывок из показаний участвовавшего в мятеже Игнатия Ракузы:

«Когда Муравьев, по прибытии из Трилес, собрал полк Черниговский, тогда говорил нижним чинам: «Мы, братцы, идем доброе дело делать». Упоминал, что о сем уже известны многие полки не только 3-го, но и 4-го корпусов. Когда некоторые из нижних чи-

нов возразили: «Куда же мы идем и зачем?», то Муравьев и сообщники его, офицеры, повторяли: «Избавить народ из рабства, вам службу убавить», и некоторые другие обещания благодетельности, приговаривая солдатам, что «все это от вас зависит, все это в ваших руках». На сие нижние чины отвечали, что ежели все полки согласны, то и они, лишь бы не было обмана».

Вопрос о плане дальнейших действий не получил в Василькове окончательного разрешения. Из трех путей, которые открывались перед мятежниками — на Житомир, на Киев, на Белую Церковь, — самым рациональным являлся, разумеется, первый, но неудача поездки Бестужева и вести из Киева (главным образом,— информация, полученная от подпоручика Андреевича) вдохновляли вождей заговора надеждой на возможность восстания в самом городе при подходе к нему муравьевских рот и на легкость захвата при создавшихся условиях административного и стратегического центра всего юго-западного края.

В целях разведки и установления связи с местными заговорщиками в Киев отправлен был прапорщик А. Е. Мозалевский с одним унтер-офицером и тремя рядовыми, в задачи которых входило и распространение на городских окраинах Муравьевского «катехизиса» [1]). Следует отметить, что одновременно с работою С. И. Муравьева над текстом «катехизиса», Бестужев-Рюмин набросал проект воззвания к народу. Воззвание это (не получившее, впрочем, распространения) заключало в себе, однако, призыв не к деятельной поддержке восстания, а лишь к сохранению «спокойствия»: «Российское воинство грядет восстановить правление народное, основанное на святом законе. Никаких злодейств учинено не будет. И так, да благочестивый народ наш пребудет в мире и спокойствии и умоляет всевышнего о скорейшем свершении святого дела нашего». Таким образом, боязнь разбудить стихийные силы гражданской войны, определенное недоверие к «черни» и стремление во что бы то ни стало избежать ее непосредственного участия в событиях, — было для социальной ориентации вождей восстания Черниговского полка столь же характерно, как и для вдохновителей демонстрации 14 декабря на Сенатской площади в Петербурге.

31 декабря, в третьем часу дня, С. И. Муравьев выступил из Василькова к Брусилову. Значение этого пункта для мятежников

---

[1]) Всего заготовлено было в Василькове до 15 экземпляров «катехизиса».

определялось особенностями самого его стратегического положения — он находился на расстоянии одного перехода и от Киева и от Житомира. Здесь можно было ожидать дальнейшей информации,— и в зависимости от нее определить окончательный план действий. Между тем, в дер. Мотовиловке, где назначена была ночевка, повстанцами встречены были 1-я гренадерская и 1-я мушкетерские роты Черниговского полка. На предложение присоединиться, — согласием ответила только часть второй, — прочие же беспрепятственно пропущены были к Белой Церкви. Зато утром, 1-го января, к восставшим частям присоединилась приведенная подпор. Быстрицким 2-я мушкетерская рота. Максимальные силы мятежников определялись, таким образом, в самый разгар их действий — шестью с половиною ротами (около 1.000 чел. рядовых) при 17 офицерах [1]). Не желая по случаю нового года утомлять войска и возбуждать их ропот новым переходом,— С. И. Муравьев задержался в Мотовиловке и на дневку.

Это промедление оказалось чрезвычайно губительным для всего дела восстания. Первоначальная растерянность корпусных и дивизионных штабов сменилась к этому времени лихорадочною работою по локализации мятежного выступления. Ближайшие к стоянкам Черниговского полка воинские части, в которых были основания ожидать сочувствия повстанцам (Кременчугский и Алексопольский пехотные, Ахтырский гусарский и 17-й Егерский полки), были спешно сняты со своих квартир и уведены в тыл. Их места заняли совершенно не затронутые пропагандою кавалерийские части и конная артиллерия, которыми и выполнена была до конца задача по планомерному окружению муравьевских рот и ликвидации восстания.

Утром, 2-го января, осведомившись о происходящих в Брусиловском направлении перемещениях войск и не имея никаких известий ни из Новоград-Волынского района (где в это время определялась безрезультатность судорожных попыток братьев Борисовых и кап. Тютчева оказать поддержку повстанцам возмущением своих частей), ни из Киева (разведчики Муравьева были захвачены на обратном пути стоящими у города караулами), С. И. Муравьев повернул полк на Белую Церковь, где ничего не могло быть еще приготовлено для серьезного отпора и где все основания были

[1]) В рядах находились и нижние чины, освобожденные из военной тюрьмы, а трем солдатам из разжалованных офицеров предоставлены были командные должности.

рассчитывать на усиление повстанцев присоединением к ним 17-го Егерского полка (возмутить его должен был при приближении черниговцев член Южного общества, подпоручик А. Ф. Вадковский, получивший соответствующие инструкции в Василькове 31 декабря). Представляется совершенно несомненным, что слабость наличной ударной группы и отсутствие артиллерии особенно волновало вождей заговора и заставляло их — в ожидании подкреплений — действовать по линии наименьшего сопротивления. Однако, переночевав в дер. Пологах, в 15-ти верстах от Белой Церкви, мятежники через разведчиков осведомились, что никаких войск в Белой Церкви уже нет. Вновь приходилось менять направление и возвращаться к старому плану — пробиваться через Трилесы к полкам 8-й пехотной дивизии. Эти метания из стороны в сторону и видимая неуверенность действий вождей чрезвычайно неблагоприятно отразилась и на солдатской массе. Дисциплина стала падать, начался ропот, усилилось дезертирство. А между тем кольцо правительственных войск вокруг мятежников все более и более сжималось. 3 января, около 1 ч. дня, между деревнями Ковалевкой, Устимовкой и Поляниченцами муравьевские роты встречены были отрядом ген. Гейсмара, состоявшим из 4-х эскадронов гусар и конно-артиллерийской роты с 2-мя орудиями. Приведя свои роты в боевой порядок и став во главе взводной колонны, С. И. Муравьев двинулся прямо на пушки. Однако, его команда «вперед» была встречена картечью противника. Ряды повстанцев заколебались, в числе первых жертв оказался и сам Муравьев, раненый в голову. После шестого или седьмого залпа, гусары, заехавшие в тыл колонны,— с криками «бросай ружья!» врезались в мятежников и довершили их разгром. Убитыми на месте осталось шесть нижних чинов, несколько обозных крестьян и три офицера (два из них, впрочем, застрелились, будучи перед тем только ранены). В плен взято было пять офицеров и 859 солдат. Правительственные войска никаких потерь не понесли.

Следствие по делу о восстании Черниговского пехотного полка и длительная агентурная слежка в его районе вскрыли необычайно широкий размах развитой Васильковскою управою Южного общества и обществом Соединенных Славян агитации и пропаганды. Охватив едва ли не все части 3-го корпуса — от титулованных штаб-офицеров до солдатских низов, «декабрьская» пропаганда находила чрезвычайно сочувственный отклик в малоземельных

шляхетских кругах, в среде местечкового купечества, мелких заводчиков и фабрикантов, служащих крупных поместий, наконец, в городской разночинной интеллигенции. Но не только здесь обеспечено было сочувствие делу восстания. Последнее едва не зажгло и крепостного крестьянства, очень нервно реагировавшего на Васильковский эксперимент. Против воли и ожидания вождей Южного общества, мятежные лозунги разгромленного полка, бесконечно варьируясь и упрощаясь, быстро распространились по обширной территории всех прилегающих губерний и оживили в них давнишние надежды порабощенных масс на близость освобождения. В Киевской губернии уже в январе 1826 г. встал призрак «колиивщины». С восстанием Черниговского полка упорно ассоциируется лишь «начало дела», ибо «много полков взбунтовалось, придут в Белую Церковь и начнут резать панов», истребление которых представляется единственным средством избавления от крепостного гнета. В Таращe шли грозные толки о необходимости народного ополчения; в глухих и далеко один от другого отстоящих уездах одновременно проносился слух о проезде согнанного с престола «цесаревича» и к «резанине ляхов и жидов» приурочивали «коронацию». Акты поветовых и губернских судов дают все прогрессирующие цифры уголовных дел, связанных с неповиновением крестьян помещикам и вотчинным властям, призывами к кровавой расправе и сочувственными воспоминаниями о мятежном полке. Помещики массами начинают к пасхе покидать деревни и, заражая своей тревогой весь аппарат провинциальной администрации, закрепляют в народе представление о реальности надвигающейся «расплаты». Понадобилось исключительное напряжение всех органов государственной власти в Киевской, Подольской, Волынской и Херсонской губерниях, чтобы ликвидировать вызванное Васильковским восстанием массовое брожение — самое сильное для всего XIX века проявление в этом районе недовольства установившимися формами социально-экономических отношений.

Основной материал по истории восстания Черниговского полка и правительственных мероприятий по его ликвидации до последнего времени оставался вне поля зрения исследователя и читателя — и лишь в готовящихся ныне юбилейных изданиях Центрархива представлен будет публикациями важнейших из дошедших до нас документальных данных. Критические сводки старого материала

о действиях Черниговского полка даны в работах В. С. Иконникова «Крестьянское движение в Киевской губ. 1826 — 1827 г.г. в связи с событиями того времени» («Сборн. статей, посвященных В. И. Ламанскому», ч. II, СПБ, 1908, стр. 657 — 742) и М. В. Довнар-Запольского «Декабрьская революция 1825 г.» («Гол. Минув.», 1917, № 7 — 8, стр. 49 — 69). Дополняют эти общие сводки исследование П. Е. Щеголева «Катехизис Муравьева-Апостола» («Историч. этюды», СПБ, 1913, стр. 319 — 369) и публикации Ю. Г. Оксмана («Декабристы». Неизд. мат. и статьи. Под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана, М., 1925 г., стр. 5—36 и 53—74).

1.

Подготовка вооруженного восстания в войсках 3-го корпуса в 1825 г.

1. Из показаний Пестеля [1]).

Общество имело желание как можно более начальников войск обратить к своей цели и принять в свой Союз, особенно полковых командиров, предоставляя каждому из них действовать в своем полку, как сам наилучше найдет. Желало также и прочих начальников в общество приобрести: генералов, штаб-офицеров, ротных командиров. Надежда на 3-й корпус была двойная: во-первых, на членов общества из штаб и обер-офицеров, а во-вторых, на Семеновских солдат, которые своим жребием весьма недовольны и притом влияние имеют на других солдат. О сем узнали члены Васильковской управы во время лагеря 1825 года. Они говорили с Семеновскими солдатами о их положении и заметили сильный между ими дух неудовольствия. Так, по крайней мере, о сем мне рассказывал Бестужев-Рюмин. На 1-й и 2-й корпус надеялись потому, что в оных находятся Семеновские солдаты, о коих полагали, что они верно в том же духе, как и солдаты 3-го корпуса. Сношений с ними не имели, но из Семеновского происшествия видно было единодушие прежних солдат сего полка.

---

[1]) Дело Пестеля, л. 133. Как сам Пестель смотрел на дело подготовки солдат к восстанию, видно из его «напутствия» при назначении Н. И. Лорера командиром 1-го батальона Вятского полка:

«У вас будет славный батальон, в особенности 2-я гренадерская рота, настоящая гвардия, и с этими людьми можно будет много сделать pour notre bonne cause.. остальные роты легко пойдут за головой; а я надеюсь что вы, с вашим уменьем привязывать к себе сердца людей, легко достигнете нашей цели, ежели-б она когда-нибудь понадобилась»... («Рус. Бог.», 1904 г., III, стр. 78).

2. Из показаний Муравьева-Апостола [1]).

Вопрос. Пункт 10-й, б. Каким полкам принадлежат те, служившие прежде в Семеновском полку солдаты, коих вы в лагере 1825 года преклоняли к цели общества? Каким образом сие производили и какого рода вы взяли с их обещание?

Ответ. 1825 года, во время лагеря при Лещине, приходили ко мне солдаты, бывшие в Семеновском полку, Пензенского Гульбин, Тамбовского Малафеев и Иванов, Саратовского Федор Николаев, Анойченко, Греков и другие, коих имен не припомню. Я с ними разговаривал о тягости службы, бранил ее; вспоминал им старый полк; спрашивал их, помнят ли они своих старых офицеров, помнят ли меня; говорил им, что я уверен, что они от своих старых офицеров никогда и нигде не отстанут, и тому подобные говорил им речи; особенного же какого обещания с них не брал.

2.

Из показаний рядового Федора Анойченко [2]).

Подполковника Муравьева, служившего в Черниговском пехотном полку, узнал я в 1817 или 1818 году, хорошо не припомню; но только тогда, когда поступил я к нему из 4-й в 3-ю фузилерную роту, где он, Муравьев, был ротным командиром лейб-гвардии Семеновского полка. А Бестужева-Рюмина, Полтавского пехотного полка, знал я также в Семеновском полку еще портупей-прапорщиком потому, что он часто ходил под знаменами и, будучи молод, любил шутить с солдатами, в числе коих и я бывал. Когда Муравьев служил в Черниговском пехотном полку, то я в первый раз с самого выхода моего из Петербурга встретился как с ним, так и с Бестужевым, в лагере под м. Лещиным следующим образом: в один день, но которого числа не упомню, шел я с рядовым Василием Турковым, также из Семеновского полка выписанным и некоторыми другими, коих теперь не припомню, за провиантом и повстречал баталион Муравьева, шедший на учение, при котором находились впереди пешком подполковник Муравьев и Полтавского полка подпоручик Бестужев; когда же Муравьев, узнав из нас рядового Василия Туркова, бывшего прежде в его роте, то подозвав его к себе, поздоровался с ним и спросил, куда он идет. Получа надлежащий ответ, спро-

---

[1]) Дело С. И. Муравьева-Апостола, лл. 132, 156.

[2]) Из вопросов, данных Черниговского пехотного полка подполковнику Сергею Муравьеву-Апостолу, от 31-го генваря 1826 г., и ответов его.

сил, нет ли еще с ним кого из Семеновских солдат, и когда Турков назвал меня, то я также был им подозван, и после обыкновенных приветствий и расспросов — в котором полку, в которых ротах мы служили, — приказал нам по окончании приемки провианта притти к нему в балаган, находящийся в Черниговском пехотном полку. Исполняя сие приказание, мы пришли к нему в балаган и нашли Муравьева сидящим около стола, с ним были человека четыре или пять штаб- и обер-офицеров... Полковник Муравьев, увидевши нас, позвал к себе своего человека и спросил, есть ли у него мелкие деньги, и когда тот отвечал, что у него более нет кроме одной монеты в двух польских злотах, т.-е. рубля 20 коп. на наши деньги, то Муравьев, взявши оные, отдал Василию Туркову, сказавши: «Вот вам, ребята, на водку! Я бы вам дал и больше, но теперь нет мелких денег; а когда придете в другой раз, тогда я вам дам более». Возвратясь в свой полк и в свою палатку, мы рассказывали товарищам о нашей встрече с Муравьевым и о том, что он дал нам денег; но дальнейшего разговора об нем не было. В другой раз я был у Муравьева, которого месяца и числа не упомню. После застрельщичьего учения, ходил к нему один и тогда нашел у него Бестужева. Тут они оба говорили мне, что служба тяжела, что государь не хочет ничего сделать в наше облегчение, при чем Муравьев произносил против Его особы дерзкие и непристойные ругательства. Говорил, что немного надо потерпеть и все переменится, что тогда солдаты будут жить в изобилии, будут иметь деньги и прочее, чтобы мы слушали только его, Муравьева, голоса и приказания и чтобы старались склонять и подговаривать прочих солдат следовать за нами, если откроется бунт; при чем дал мне 5 руб. ассигнациями. В третий раз я был с рядовым Макаром Пересеткиным, который еще прежде меня бывал у Муравьева и которого хорошо знал подпоручик Бестужев. При чем Муравьев опять то же говорил или тому подобное, и мы обещались ему склонять прочих армейских нижних чинов, лучших в полку, чтобы и они пристали к его, Муравьеву, делу, которому он однакож названия никакого не давал; но я, как и все без исключения Семеновские нижние чины 8-й пехотной дивизии, знавшие то же самое чрез Муравьева, понимали, что это должно клониться к бунту против царской власти. В первый раз я был у Муравьева в Лещине же также с рядовым Василием Турковым, и еще с Антоном Янтаревым; наущения его в этот раз были одни и те же, и он дал нам по польскому злоту на человека. В пятый раз я был перед выступлением из Лещина вместе с прочими Семеновскими, в числе около пятнадцати, из них припомнить могу только: Петра Гульбина, Николая Погодаева, Федора Николаева, Бобылева, а прочих не помню, тут Муравьев произносил также ругательства против Государя и против службы, уговаривал потерпеть немного, обещевая облегчение и во всем избыток; но при том говорил, чтобы вели себя хорошо по службе, были осторожны и поведе-

нием своим не дали бы какого подозрения начальству, наконец, чтобы всегда держались его стороны, при сем случае он дал нам 25 руб. ассигнациями, и на мою долю досталось пол-рубля серебром... О том, что слышал от Муравьева и чему он меня научал, в полку и в роте своей не открывался; кроме Семеновских же солдат, кои сами по себе уже все о том знали; открывать о том другим солдатам удерживал меня страх, чтобы кто меня не выдал и не об'явил начальству. В Лещине приходили к Муравьеву почти все нижние чины прежнего состава Семеновского полка, коим, как мне известно, Муравьев говорил всегда одно и то же, что и мне и поименованным мною товарищам.

3.

Вопрос о методах пропаганды среди солдат на совещании С. И. Муравьева-Апостола с вождями Соединенных Славян 15 сентября 1825 г.[1]).

... Сергей Муравьев с Горбачевским, удалившись в другой конец комнаты, разговаривали о восстании, в особенности о приготовлении солдат. Горбачевский утверждал, что от солдат ничего не надобно скрывать, но стараться с надлежащею осторожностью об'яснить им все выгоды переворота и ввести их постепенно, так сказать, во все тайны общества, разумеется, не открывая им сего, заставить их о сем думать и дойти до того, чтобы они сражались не в минуту энтузиазма, но постоянно, за свои мысли и за отыскиваемые ими права. Здесь Горбачевский рассказал С. Муравьеву предполагаемый Славянами план действия на нижних чинов и говорил, что должно принять всем членам одинакий способ действий. Он был убежден, что откровенность и чистосердечие подействуют на русского солдата более, нежели все хитрости махиавелизма. Муравьев думал иначе: ему казалось не только бесполезным, но даже опасным открывать солдатам что-либо клонящееся к цели общества, что они отнюдь не в состоянии понять выгод переворота; что республиканское правление, равенство сословий и избрание чиновников будет для них загадкою сфиникса. Горбачевский возражал, что сих политических тонкостей не нужно им толковать и рассказывать, но что на это есть другой язык, который они поймут, лишь бы только сообразжались с их понятиями. «Кроме того, — прибавил он, — у всякого командира есть столько способов, что если солдаты, во время восстания, за ним не пойдут, то, конечно, командир сам виноват, и сие должно приписать не чему другому, как его нехотению, или просто нерадению». С. Муравьев отвечал, что, по

[1]) Записки И. И. Горбачевского, стр. 45—46; 52—55.

его мнению, лучший способ действовать на русских солдат религиею; что в них должно возбудить фанатизм, и что чтение Библии может внушить им ненависть к правительству. «Некоторые главы, — продолжал он, — содержат прямые запрещения от бога избирать царей и повиноваться им. Если русский солдат узнает сие повеление божие, то, не колеблясь ни мало, согласится поднять оружие против своего государя.

Члены Южного общества действовали, большей частью, в кругу высшего сословия людей; богатство, связи, чины и значительные должности считались как бы необходимым условием для вступления в общество; они думали произвести переворот одною военною силою, без участия народа, не открывая даже предварительно тайны своих намерений ни офицерам, ни нижним чинам, из коих первых надеялись увлечь энтузиазмом и обещаниями, а последних — или теми же средствами, или деньгами и угрозами. Сверх того, так как члены Южного общества были, большею частью, люди зрелого возраста, занимавшие довольно знающие места, имевшие некоторый вес по гражданским отношениям, то для них было тягостно самое равенство их свободного соединения, привычка повелевать невольно брала верх и мешала повиноваться равному себе, и тем более препятствовала иметь доверенность в сношениях по обществу с лицами, стоящими ниже их в гражданской иерархии. — Славяне, напротив, в действиях своих руководствовались совершенно противоположными началами: они требовали от своего сочлена, ни мало не взирая на светские его отношения, старания стремиться к собственному усовершенствованию, презрения к предрассудкам и твердого и обдуманного желания полного во всем преобразования. Они были проникнуты обширностью своего плана и для приведения его в исполнение считали необходимым содействие всех сословий; в народе искали они помощи, без которой всякое изменение непрочно; собственным же своим положением убеждались, что частная воля, частное желание — ничтожны без сего всемощного двигателя в политическом мире. Славяне, все без исключения, люди молодые, пылкие, доверчивые и решительные, не могли ограничиваться одними желаниями: деятельность сделалась потребностью их души, жаждущей овладеть желаемым. Равенство и даже подчиненность в стремлении к общему делу не могли устрашить тех, которые еще не вкусили яда власти. Однако, несмотря на разномыслие в средствах и образе действий, сии люди соединились и поклялись, жертвуя всем, достигнуть цели. Сближение сие, конечно, изменило несколько характер Васильковской управы, но не могло вполне пробудить ее от бездействия. Славяне же, укрепленные новыми силами, начали еще с большим рвением действовать на своих подчиненных. Плодом их действия было восстание Черниговского полка.

4.

Агитация членов Общества Соединенных Славян.

1. Из записок И. И. Горбачевского [1]).

Немедленно по возвращении из Лещинского лагеря на зимние квартиры Славяне, горевшие нетерпением достигнуть желаемой цели, начали распространять свои мысли между нижними чинами. В 9-й дивизии офицеры Черниговского полка еще во время лагеря действовали на солдат; прибыв на квартиры, они усилили свои действия и неослабимо, с величайшею ревностию, приготовляли своих подчиненных — будущих сподвижников великого дела. В полках 6-й дивизии, члены общества также не оставались праздными и всеми способами стремились к избранной цели; но можно положительно сказать, что никто из них не действовал сильнее и решительнее артиллеристов 8-й бригады. Они употребляли все возможные усилия к приготовлению своих подчиненных, старались как бы слиться с ними, породнить их с своими мыслями и желаниями; они даже открыли им все свои намерения и, когда поверяли им свои надежды, в сем случае Славяне Черниговского полка и 8-й бригады переступили, может быть, границы благоразумия; но, к их счастию и к чести русских, между нижними чинами не нашлось ни одного изменника: за доверенность своих офицеров они платили скромностью и верностью, слушали пылких Славян со вниманием, любопытством, хотя и не без удивления; некоторые из них даже клялись следовать всюду за добрыми, как они говорили, офицерами и, если нужно, умереть вместе с ними. Какое-то темное желание изменить существующий порядок вещей волновало их ум и сердце; настоящее положение было им тягостно; они хотели перемены, но какой, — они в том не могли себе сначала дать ясного отчета.

2. Из показаний рядового Черниговского полка Игнатия Ракузы [2]).

В сентябре месяце 1825 года, когда были в лагерях 3-го корпуса две пехотные дивизии, также дивизия кавалерийская и артиллерийские бригады, я заметил уже согласие к возмущению между воинскими чинами; я отклонялся от сих заговоров. Вскоре после сего я был преклоняем к сему поручиком Кузьминым; при сем случае находился и капитан Фурман. Первый говорил мне: «что я не хочу добра делать». Фурман прибавил: «ты вовсе за-

---

[1]) Op. cit., стр. 59—60.

[2]) Дело С. И. Муравьева-Апостола, л. л. 194, 195, 196. Игнатий Ракуза, бывш. офицер, в 1821 г. был разжалован в солдаты «за дерзость и грубость против начальства».

быт; никто не хочет о тебе стараться. Скажи, на кого ты надеешься?» Я отвечал, что надежда моя есть бог. «Но надежда твоя плохая», — возразил Фурман: «ты знаешь, что разжалован невинно; не бог тебя разжаловал, государь. Я советую тебе нас послушаться; ты не знаешь еще наших намерений». Тут начал он хулить правительство, как можно хуже; говорил, что оно есть подлое, что никакого порядка нет: «в сем случае ты можешь найти средство сделать доброе дело, т.-е. внушать об оном некоторым тебе известным нижним чинам и вливать в их сердца, что покуда будет существовать фамилия Романовых, потуда доброго не будет; ежели мы возьмемся за сие дело, то истребим тягость народа и войска, угнетаемого ненужным и бесполезным делом». Далее, об'ясняя о малом жалованьи, какое офицеры и солдаты получают, о бедности их, прибавил, что они все это исправят, когда хорошо за то возьмутся; тогда будет конституция; тогда крестьяне из-под крепости освободятся. «Тогда и ты (говорил он, обращаясь ко мне) будешь свободен и получишь награду за твое неповинное терпение». Не соглашаясь на сие предложение, я отвечал Фурману, что когда слухи не разят государя о причиненных обидах, то, следственно, он не в силах проникать во все, хотя и желал бы. Но Фурман не переставал убеждать меня, сказывая, что им самим неловко уговаривать нижних чинов и некоторых людей. «Начинай, — продолжал он, — стараться; мы уже имеем тысячи сот в оных намерениях». Однакож я не согласился. После сего я замечал, что к Кузьмину в балаган собираются офицеры разных полков, и когда я входил к ним в сие время, то под разными предлогами от их беседы был отклоняем.

5.

Пропаганда среди солдат 8-ой Артиллерийской бригады [1]).

1. Из показаний подпоручика Андреевича 2-го.

Приготовление солдат к решимости состояло в ненависти к правительству, возбужденной в них посредством разных в пример приводимых несправедливостей оного. Средства к возмущению духа в солдатах были самые те примеры несправедливости командиров, коим они сами свидетели, и доброе с ними обхождение со стороны членов, принимая участие в их несносном положении; об'являя, что, переменяя правительство, убавят им лета их службы, прибавится жалованье, уменьшится строгость, чрез которую теперь

[1]) Печатается впервые. Извлечено из дела Штаба 1-ой Армии «О злоумышленных тайных обществах», листы 811—815.

они так мучимы бывают, говоря им даже то, что они есть основание всему, что на них держится вся слава государства и крепость сего рода правительства, которое к ним столь несострадательно. И что стоит только им пожелать перемены законов и тотчас все сделают и многими другими средствами, от коих они беспрестанно делались решительнее.

Кто же именно из тех, коим я предлагал, то сие относится только до фейерверкеров, которые состояли у меня под командою, именно Гончаров и Фаддеев, которые слышав от меня, сообщали оное солдатам; сам же я с солдатами не входил ни в какие разговоры, кроме что был для них во всяком случае добр. Иные фейерверкеры мне доносили, мнение солдат, что если все сие, что я говорил, будет выполнено, то каждый солдат с удовольствием на то решится, ибо солдату все равно умирать, так лучше умереть со славою за отечество. Сии фейерверкеры лучшие поведением из роты, и другие, коих фамилии не упомню, равно на то соглашались. Что же касается до прочих членов общества, то, вероятно, и они успели.

2. Из показаний подпоручика Борисова 2-го.

Не бывши еще членом Южного общества и не имея в виду никакой цели, обходился я всегда с моими подчиненными ласково, был снисходителен к их ошибкам, а иногда в годовые праздники и торжественные дни, ежели у меня случались деньги, давал им на водку, чем и внушал в них к себе некоторую привязанность. Фейерверкера же Зенина расположил к себе тем, что в свободное время, показывал ему, по его просьбе, арифметику и геометрию. После сентября месяца 1825 года, когда сообразно наставлениям, полученным от Бестужева, должен был я действовать на солдат, то сделал некоторые наблюдения над духом оных, решился употребить к сему фейерверкеров лучшего поведения. Зенин был первый, на которого я обратил внимание, и старался от него узнать довольны ли солдаты их нынешнею участью (хотя уже заметил их неудовольствие), и, вошедши с ним в подробности, говорил ему, что о них также, как и вообще о нашем сословии людей, заботятся многие значительные особы и стараются о том, дабы облегчить их жребий, что им не должно только унывать, быть твердыми, и в случае нужды, решиться умереть за свои права, что ежели они исполнят все это, то лета их службы уменьшатся, — командиры и частные офицеры не будут их обижать более по своим капризам, ошибки во фронте не навлекут палочных ударов впредь. Однакож между прочим прибавил, что сие хотят сделать таким образом, чтобы не нужно было никому умирать. Точно так же поступал я, разговаривая с другими; сначала они колебались, но, обольщенные представляемою им золотою будущностью, говорили мне неоднократно, рады со мною умереть; однако на солдат действовать опасались, хотя я о перевороте

говорил слегка и требовал только, дабы они старались извлечь солдат из уныния, в коем они погруженными находятся, удалить от них безнадежность, что жребий их никогда перемениться не может, заставить жить в согласии друг с другом, повиноваться фейервейкерам, удаляться пьянства, быть твердыми и готовыми на все.

6.

Усиление пропаганды среди солдат после известий о смерти Александра I [1]).

Бестужев просил Славян ускорить дело и употребить все усилия к приготовлению нижних чинов. «Нам представляется случай ранее, нежели мы думали, умереть со славою за свободу отечества, — писал он Горбачевскому, — может быть в феврале или марте месяце, голос родины соберет нас вокруг хоругви свободы». В сем же письме Бестужев просил Горбачевского вместе с Борисовым 2-м приехать к 15 января 1826 года в г. Киев. Известие сие чрезвычайно ободрило Славян. Горбачевский тотчас уведомил Бечасного о приезде Андреевича и просил его приехать к нему. Славяне провели всю ночь в сообщениях, разбирали возможность скорого восстания, приискивали средства к приведению сего дела в исполнение и, наконец, положили: ускорить свои действия, об'явить фейерверкерам и рядовым о близости переворота, стараться укрепить их дух и усугубить деятельность...

На другой день Горбачевский и трое его товарищей виделись с фейерверкерами двух рот 8-й бригады и, согласно с принятым решением, сообщили им о полученных из Киева известиях и о мерах к дальнейшему действию. Это не удивило фейерверкеров: они, кажется, заранее были на все готовы; но нечаянный приезд Андреевича из Киева без дозволения начальства сильно подействовал на умы солдат и произвел глубокое впечатление, благоприятное намерениям Славян...

Между всеми сословиями начали распространяться разные слухи о перемене существующего порядка. Один из фейерверкеров, преданных Борисову 2-му, сообщил, что городской голова, мещанин, уважаемый всем городом, разговаривая с ним о смерти Александра, явно обнаружил свои надежды на лучшую будущность и намекал о близком перевороте, которого желают многие. По словам сего же фейерверкера, многие унтер-офицеры и солдаты Саратовского полка, ночевавшие в городе, из'явили готовность действовать и упоминали о каком-то штаб-офицере, который поддерживал эти чувства и давал им понять, что улучшение их положения находится в собственных их руках и что от них

---

[1]) Записки И. И. Горбачевского, стр. 72—75.

самих зависит терпеть притеснения или прекратить оные. Подобные слухи и разговоры нижних чинов сильно помогали действиям Славян, коих дела приметно улучшались.

7.

Черниговский пехотный полк накануне восстания [1].

За два дня до Рождества Христова в Черниговском полку узнали о происшествии 14 декабря. На другой день поутру С. Муравьев об'явил Славянам, что он поедет в Житомир и скоро возвратится...

Вечером того же дня, вскоре после от'езда С. Муравьева (24 декабря), ротные командиры Черниговского полка получили от полкового командира повеление собрать роты в полковой штаб для присяги новому императору Николаю I. Услышав о сем повелении, Славяне сейчас согласились собрать свои роты в полной походной и боевой аммуниции, намереваясь воспользоваться случаем и, не ожидая приезда Муравьева из Житомира, возмутить полк и итти прямо на Киев, где Муравьев, услыша о сем, мог соединиться с ними. Сию мысль подало им известие о неудачном происшествии 14 декабря в С.-Петербурге: зная несчастные следствия оного, они хотели произвесть новое восстание на юге и тем спасти тайное общество от конечной гибели. — Рано поутру, 25 декабря, когда все роты Черниговского полка собрались в Васильков, члены Славянского общества поколебались в своем намерении; они не знали, на что решиться: начать ли действовать, или ожидать возвращения С. Муравьева. «Что мы будем делать, — говорили некоторые из них, — если по приходе нашем в Киев, мы не найдем ни одного из членов, желающих разделить с нами опасность восстания, и если, по каким-либо непредвиденным обстоятельствам, Муравьев будет задержан в Житомире и не приедет к нам? Наше восстание, начатое без ведома и согласия главных членов общества, не повредит ли общему делу и не расстроит ли планов, составленных ими?» Сие рассуждение остановило бурный порыв нетерпеливых Славян, и после долгого совещания, они почли нужным, наконец, отложить свое предприятие и спокойно ожидать возвращения С. Муравьева.

Того же дня, в 10 часов утра, был совершон обряд присяги. Солдаты произносили обещание с отвращением; некоторые из них стояли с мрачным и неподвижным взором, в глубоком молчании, и не только не повторяли слов священника, но даже не слушали оных; офицеры показывали явно нетерпение и негодование, были совершенно невнимательны к сему обряду и многие из них даже

---

[1]) Записки И. И. Горбачевского, стр. 64—69.

не поднимали руки, как это бывает при подобных случаях. Глухой ропот в рядах сопровождал почти каждое слово священника. «Сколько будет этих присяг», — говорили иные. — «Бог знает, — отвечали другие, — это ни на что не похоже: сегодня присяга одному, завтра — другому, а там, может быть, и третьему». Неудовольствие, досада изображались во всех движениях и показывали сильное брожение умов; казалось, что все ожидали чего-то необыкновенного и желали быть свидетелями совершения оного. Гебель все сие видел, но старался скрыть свое неудовольствие от своих подчиненных и произносил клятвенное обещание с особенным благоговением и усердием, как бы желая тем пробудить в сердцах угасшую их преданность к царственному дому. Тотчас по окончании присяги полк был распущен по квартирам; члены общества, по принятому ими намерению, остались в Василькове и, отпустив свои роты в деревни, приказали им, по первому приказу, явиться в полной боевой и походной амуниции туда, куда потребуют их ротные начальники.

Вечером, по случаю полкового праздника, приглашены были к [под]полковнику Гебелю на бал все офицеры, городские жители и знакомые помещики с их семействами. Собрание было довольно многочисленное... Вдруг растворилась дверь в залу, и вошли два жандармских офицера: поручик Несмеянов и прапорщик Скоков. Мгновенно удовольствия были прерваны, все собрание обратило на них взоры, веселие превратилось в неиз'яснимую мрачность, все глядели друга на друга безмолвно: жандармы навели на всех трепет. Через несколько минут Гебель, в сопровождении жандармских офицеров, возвратился в залу и, не сказав никому ни слова, вышел, сел в те же самые сани, в которых приехали Несмеянов и Скоков, и вместе с ними поскакал на квартиру С. Муравьева.

В это время Бестужев-Рюмин находился в Василькове и жил с Башмаковым на квартире Муравьева. Было довольно поздно: они уже спали. Никто из членов, бывших у Гебеля, не мог их уведомить о нечаянном появлении жандармов: отдаленное расстояние и быстрое действие Гебеля не позволили предварить их, и они узнали о нем только тогда, когда, разбуженные стуком и требованием огня, увидели перед собою командира Черниговского полка, сопровождаемого жандармами, которые прямо вошли в кабинет Муравьева и, не сказав ни одного слова, взяли все бумаги, там находящиеся. Кончив свое дело, они помчались по житомирской дороге. Бестужев-Рюмин и Башмаков, пораженные сим явлением, оставались несколько минут в недоумении, из коего были выведены пришедшими Славянами, которые, полагая наверное, что жандармы привезли повеление арестовать Муравьева, оставили тотчас дом Гебеля и побежали в разные места города, чтобы собрать хотя несколько солдат и захватить Гебеля вместе с жандармами; но, не найдя солдат, которые до одного разошлись по деревням, они поспешили к Бестужеву и просили его скакать

в ту же минуту вслед за Гебелем, стараясь обогнать его и уведомить Муравьева об угрожающей ему и всему обществу опасности, говоря, что, между тем, они займутся приготовлением к восстанию. Бестужев-Рюмин не ожидал повторения, взял лошадей и полетел. Он так скоро ехал, что обогнал на дороге Гебеля, был четвертью часа на первой станции прежде его, и поскакал далее. Отправив Бестужева, офицеры Черниговского полка решились в Василькове ожидать возвращения С. Муравьева и, если он будет арестован на дороге, непременно поднять полк и итти на Киев, не заботясь, какой конец будет иметь сие действие.

8.

Действия С. И. Муравьева-Апостола перед восстанием [1])

Приехав в Житомир рано утром 25 декабря, [С. И. Муравьев-Апостол] явился к корпусному командиру, который пригласил его к себе на обед. Во время стола генерал Рот рассказал ему подробно о происшествии 14 декабря, получив сие известие через экстра-почту. Из сего разговора С. Муравьев ясно видел, что общество открыто правительством, и что меры к арестованию членов уже приняты. После обеда, ни мало не медля, он поехал в Троянов, где квартировал Александрийский гусарский полк, коим командовал Александр Муравьев, брат Артамона Муравьева. Сергей Муравьев, пробыв в Троянове не более часу, успел переговорить с офицерами сего полка, принадлежащими к обществу, и, без сомнения, уведомил их о случившемся в столице происшествии. Потом поехал он с братом своим Матвеем в Любар к Артамону Муравьеву, командовавшему Ахтырским полком. Должно полагать, что С. Муравьев в это время не думал о возмущении, ибо по приезде к Артамону Муравьеву он не делал никаких предложений, но старался узнать о готовности нижних чинов и даже, рассказывая о 14 декабре, он не одобрял сего дела. Потом разговор обратился на предметы вовсе посторонние, как вдруг вошел в комнату Бестужев-Рюмин.

— Тебя приказано арестовать, — сказал он, задыхаясь, С. Муравьеву: — все твои бумаги взяты Гебелем, который мчится с жандармами по моим следам.

Эти слова были громовым ударом для обоих братьев и Артамона Муравьева.

— Все кончено! — вскричал Матвей Муравьев. — Мы погибли, нас ожидает страшная участь; не лучше ли нам умереть? Прикажите подать ужин и шампанское, — продолжал он, обратясь к Артамону Муравьеву: — выпьем и застрелимся весело.

---

[1]) Записки И. И. Горбачевского, стр. 88—93.

— Не будет ли это слишком рано? — сказал с некоторым огорчением С. Мураьвев.

— Мы умрем в самую пору, — возразил Матвей: — подумай, брат, что мы четверо главные члены и что своею смертию можем скрыть от поисков правительства менее известных.

— Это отчасти правда, — отвечал С. Муравьев, — но, однакож, еще не мы одни главные члены общества. Я решился на другое. Артамон Захарович может переменить вид дела.

И, обратясь к Артамону Муравьеву, он предложил ему немедленно собрать Ахтырский полк, итти на Троянов, увлечь за собою Александрийский гусарский полк (так, как прежде и обещал Артамон Муравьев), явиться нечаянно в Житомир и арестовать всю корпусную квартиру. Не ожидая ответа от Артамона, С. Муравьев вслед за сим написал две записки: одну — к Горбачевскому, другую — к Спиридову и Тютчеву, в коих уведомлял их о начале восстания и приглашал к содействию, назначив Житомир сборным пунктом. Отдавая сии записки Артамону Муравьеву, он просил его убедительно отправить их тотчас с нарочными. Артамон, взяв от него сии записки, после некоторого молчания, начал говорить о невозможности восстания и, между прочими отговорками, сказал:

— Я недавно принял полк и потому еще не знаю хорошо ни офицеров, ни солдат; мой полк не приготовлен еще к такому важному предприятию; пуститься на оное значит заранее приготовить неудачу.

Ротмистр Семичев, который пришел к Артамону Муравьеву за несколько минут до приезда Бестужева, при таком ответе своего командира о расположении полка, не мог удержаться от возражения.

— Я думаю совершенно противное, г. полковник, — сказал он: — в этом случае нужна решимость и сильная воля; если вы не хотите сами говорить с офицерами и солдатами, то соберите полк в штаб-квартиру; остальное нам предоставьте. — Замечание Семичева пробудило надежду в сердце Муравьева, его просьба приняла вид требования; представляя будущность, ожидающую членов общества, от требования он перешел к упрекам. Но Артамон Муравьев не хотел и слышать о возмущении. — Я сейчас еду, — сказал он с жаром, — в С.-Петербург к государю, расскажу ему все подробно об обществе, представлю, с какою целью оно было составлено, что намеревалось сделать и чего желало. Я уверен, — продолжал он, — что государь, узнав наши добрые и патриотические намерения, оставит нас всех при своих местах, и верно найдутся люди, окружающие его, которые примут нашу сторону.— При сих словах он сжег на свечке записки, писанные Сергеем Муравьевым к Славянам. С. Муравьев потерял терпение.

— Я жестоко обманулся в тебе, — сказал он с величайшею досадою: — поступки твои относительно нашего общества заслуживают всевозможные упреки. Когда я хотел принять в общество

твоего брата, он, как прямодушный человек, об'явил мне откровенно, что образ его мыслей противен всякого рода революциям и что он не хочет принадлежать ни к какому обществу; ты же, напротив, принял предложение с необыкновенным жаром, осыпал нас обещаниями, клялся сделать то, чего мы даже не требовали; а теперь, в критические минуты, когда дело идет о жизни и смерти всех нас, ты отказываешься и даже не хочешь уведомить наших членов об угрожающей мне и всем опасности. После сего я прекращаю с тобою знакомство, дружбу, и с сей минуты все мои сношения с тобою прерваны. — После минутного молчания, С. Муравьев еще раз попытался уговорить Артамона Муравьева, написал новую записку в 8-ю бригаду и, отдавая ее Артамону, сказал с выражением горести: — Доставь эту записку в 8-ю бригаду; это последняя моя к тебе просьба, одна услуга, которую я смею от тебя ожидать.

Артамон Муравьев взял записку и, казалось, тронутый просьбами своего родственника и сочлена, соглашался доставить оную Славянам; но, лишь только С. Муравьев уехал, он ее уничтожил, как и прежние. Славяне после сетовали на С. Муравьева, и именно за то, что он из Любара не дал им никакого известия, и впоследствии только узнали причину непонятного молчания.

Сергей Муравьев решился тотчас оставить местечко Любар, не имея более надежды на Ахтырских гусар. Он просил Артамона Муравьева дать ему своих лошадей, чтобы скорее доехать в свой полк, но и сия маловажная просьба осталась без удовлетворения: командир Ахтырского полка извинялся и клялся, что у него нет ни одной лошади, годной к упряжи. Между тем Бестужев-Рюмин решился ехать к артиллеристам и лично уведомить Славян о начале восстания. — Я сам еду в 8-ю бригаду, — сказал он: — дайте мне, Артамон Захарович, верховую лошадь; 20 верст недалекий путь. — Просьба Бестужева имела одну участь с просьбою Муравьева: Артамон засыпал его словами, но не дал верховой лошади, оправдываясь тем, что такой поступок покажется подозрительным местному начальству. Он советовал Бестужеву выехать из Любара вместе с Муравьевым, отпрячь за городом от его тройки пристяжную лошадь и, об'ехав кругом Любар, скакать, куда ему угодно.

Огорченный столь неожиданным поведением командира Ахтырского полка, Сергей Муравьев вместе с братом Матвеем и Бестужевым-Рюминым спешили оставить Любар и должны были тащиться на измученных уже лошадях. Желая скорее приехать в свой полк, С. Муравьев дал еврею, своему извозчику, по три рубля серебром на милю. Разными проселочными дорогами, наконец, 28 декабря, под вечер они достигли деревни Трилесы, отстоящие от Василькова в 45 верстах, и остановились на квартире поручика Кузмина, квартировавшего в сей деревне с своею ротою.

9.

Попытка ареста С. И. Муравьева-Апостола в Трилесах и начало восстания [1]).

Черниговские офицеры, которых мы оставили в Василькове, с нетерпением ожидали знака к восстанию. Хотя они не сомневались в готовности других членов Тайного общества содействовать им в достижении общей цели и были уверены, что поездка Андреевича и Бестужева [2]) увенчается счастливым успехом, но неизвестность становилась для них час от часу тягостнее: они не могли действовать и не умели оставаться праздными. Для начала действия им необходимо было узнать, где С. Муравьев и на что он решился. Наконец, сие желание их исполнилось. Около 11 часов ночи, с 28 на 29 декабря 1825 г., Кузьмин получил через рядового вверенной ему роты записку следующего содержания: «Анастасий Дмитриевич! Я приехал в Трилесы и остановился на вашей квартире. Приезжайте и скажите барону Соловьеву, Щепиле и Сухинову, чтобы они тоже приехали как можно поскорее в Трилесы. Ваш Сергей Муравьев». Кузьмин немедленно сообщил своим товарищам желание Муравьева с ними увидеться. «Едем, — вскричали они в один голос, — едем в сию же ночь». Через несколько минут лошади были готовы. Но мысль, что, может быть, С. Муравьев уже арестован Гебелем, по приезде его в Трилесы, остановила их стремление и заставила их подумать.

— Что мы будем делать, если Гебель арестовал Муравьева? — спросил один из них.

— Освободить его и начать действовать, освободить его! — был единодушный ответ.

Решившись на столь смелое предприятие и не зная, какою дорогою поедет Гебель с арестованным Муравьевым из Трилес в Васильков, черниговские офицеры решились разделиться и ехать двумя дорогами, чтобы непременно его встретить. Соловьев и Щепила поехали большой дорогою, а Кузьмин и Сухинов — проселочною.

Между тем, как они спешили в Трилесы, их опасение исполнилось. В полночь того же числа прибыл туда Гебель с жандармским офицером Лангом и, узнав, что С. Муравьев и брат его Матвей остановились на квартире Кузьмина, он собрал часть квартировавшей там роты, окружил дом, вошел тихонько в комнату, в которой оба Муравьева спокойно спали, взял пистолеты, лежавшие на столе, и потом, разбудивши их, об'явил им повеление об аресте.

В 8 час. утра, 29 декабря, Кузьмин и Сухинов прискакали первые в Трилесы. Увидя дом свой, окруженный часовыми, Кузьмин

---

[1]) Зап. И. И. Горбачевского, стр. 102—110.

[2]) Для предупреждения о начале восстания войсковых частей, в которых работали члены Тайного общества. *Ред.*

сказал своему товарищу: «Сбылось наше предположение, Муравьев арестован; к счастию, мы его здесь застали». И с этими словами они оба вошли прямо в комнату. Гебель встретил Кузьмина выговором за отлучку от роты, а Сухинова — за неявку к новому своему назначению. Кузьмин и Сухинов, пораженные таковым приветствиями, старались, однакож, сохранить хладнокровие и не отвечать ни слова на дерзости Гебеля. Мысли их были заняты другим предметом. Они с нетерпением ожидали приезда Соловьева и Щепилы, которые с таким же чувством летели к ним на помощь и скоро достигли Трилес. Сухинов выбежал к ним навстречу. «Муравьев арестован, Гебель здесь», — сказал он с досадою. Услышав сие, Щепила тотчас соскочил с повозки и в сильном движении сказал: «Убить его!». Сделав два шага вперед: «убить его непременно», — повторил несколько раз решительным голосом пылкий товарищ Соловьева. «Пойдем к ним скорее», — продолжал он, запыхаясь от гнева и идя скорыми шагами к квартире Кузьмина. Соловьев и Сухинов за ним следовали.

Командир Черниговского полка, увидя еще двух новоприезжих и, может быть, подозревая их в каком-нибудь замысле, начал также им делать выговор и упреки за отлучку от своих мест и требовал, чтобы они немедленно отправились в свои роты. Барон Соловьев отвечал ему, что он первый решительно не будет повиноваться его приказанию. Щепила повторил то же. Невзирая на положительность отказа и на решительный тон, которым он был произнесен, Гебель требовал повиновения еще с большею настойчивостью. Это произвело ужасный спор, во время которого Муравьев дал знак офицерам, чтоб они приступили к действию, и к сему знаку прибавил он тихим, но внятным для них голосом: «Убить его». Гебель, разгоряченный спором, хотя не заметил знак и не слыхал рокового приговора, но видя невозможность восторжествовать над упорством своих офицеров, а может быть, опасаясь неприятных следствий, смягчил строгий голос командира и хотел восстановить дисциплину ласковыми словами. Однако его усилия были тщетны; все было кончено, и намерение начать действовать твердо было принято.

Через несколько минут Кузьмин вышел в другую комнату, отделенную от первой большими проходными сенями, с тем, чтобы все приготовить к восстанию и об'явить солдатам своей роты о предпринимаемом действии. Щепила, Соловьев и Сухинов вышли вслед за ним с тою же целью. Успех был неимоверный: солдаты из'явили готовность во всем повиноваться своим офицерам. Ободренные столь счастливым началом, офицеры Черниговского полка немедленно хотели приступить к освобождению Муравьева. Щепила и Соловьев вышли из кухни, где была временная караульня, в сени, чтобы свободнее там переговорить о мерах, необходимых к исполнению сего намерения. В это самое время поручик Ланг, хлопотавший об от'езде, вышел из противолежащей комнаты. Щепила, увидя Ланга и думая, что он подслушал их разговор

схватил ружье, стоявшее в углу сеней, и хотел его смертию начать предполагаемое действие. Но Соловьев, махнув рукою, отвел смертельный удар.

— Оставим его в живых, — сказал он Щепиле, — лучше мы его арестуем; для нас достаточно этого. — Испуганный жандарм, видя опасность, выбежал без всякого шума из сеней и искал спасения в бегстве. Черниговские офицеры заметили его удаление и, опасаясь, чтобы он не известил кого-либо о начале возмущения и не остановил бы тем успеха, послали тотчас Сухинова схватить Ланга и привести его. Сухинов поймал жандармского поручика недалеко от дома, но, из человеколюбия, не решившись вести ненавистного жандарма к своим товарищам, он оставил его в доме священника и посадил в погреб, намереваясь его взять оттуда, когда умы успокоятся и когда можно будет содержать его под арестом, не подвергая опасности его жизни. Возвратившись, он об'явил своим товарищам, что жандарма не нашел; в пылу негодования Щепила и Кузьмин настоятельно требовали от Сухинова, чтобы он привел беглеца. Сухинов послушался и поспешил в дом священника, но, к удивлению своему, не нашел там своего узника, который во время его отсутствия в самом деле бежал и почти первый донес в дивизионную квартиру о начале возмущения.

Между тем подполковник Гебель, разговаривая с Муравьевым, ничего не знал, что происходило в сенях. Не видя долгое время поручика Ланга и скучая долгим приготовлением лошадей, он начал звать его громким голосом. Не имея никакого ответа, он с досадою выбежал из комнаты и бросился прямо в караульню, чтобы послать вестового отыскивать Ланга, но, встретив там Щепилу и Кузьмина, который отдавал приказания своему фельдфебелю, он забыл свое намерение, пришел снова в бешенство и начал осыпать выговорами и укоризнами офицеров, которые, на этот раз, не были так снисходительны, как прежде: Щепила отвечал Гебелю на его выговоры сильным ударом штыка в брюхо. Почувствовав тяжелую рану, командир Черниговского полка хотел выскочить вон из комнаты, но в дверях его встретил Соловьев и, ухватив обеими руками за волосы, повалил на землю. Кузьмин и Щепила бросились на упавшего Гебеля и начали его колоть и бить. Соловьев, оставя Гебеля в руках своих товарищей, спешил освободить арестованных Муравьевых, которые, пользуясь отсутствием полкового командира и жандарма и заметя движение офицеров и шум, происходивший в сенях, выбили окошко и выскочили из комнаты. Часовой, не зная ничего, хотел было воспрепятствовать мнимому побегу, но прибежавший на его крик ефрейтор заставил его молчать пощечиною. Соловьев вбежал в комнату и, не нашед в оной Муравьевых (Сергея и брата его Матвея), бросился к выбитому окошку, из коего, к крайнему удивлению, увидал С. Муравьева на дворе, наносившего тяжелые удары ружейным прикладом по голове Гебелю, который, после побоев Щепилы и Кузьмина, собрал послед-

ние силы и, поднявшись на ноги, вынес их, так сказать, на своих плечах из сеней и был остановлен в дверях С. Муравьевым.

Вид окровавленного Гебеля, прислонившегося к стене и закрывающего голову руками, в надежде тем защитить себя от наносимых ему ударов, заставил Соловьева содрогнуться: он немедленно выскочил в окно и, желая как можно скорее кончить сию отвратительную сцену, схватил ружье и сильным ударом штыка в живот повергнул Гебеля на землю. Обратясь потом к С. Муравьеву, начал он его просить, чтобы он прекратил бесполезные жестокости над человеком, лишенным возможности не только им вредить, но даже защищать свою собственную жизнь. Сии просьбы имели свое действие: С. Муравьев оставил Гебеля и только в это время почувствовал, что ознобил себе пальцы от прикосновения ружейного ствола.

Едва С. Муравьев оставил полумертвого Гебеля, как сей несчастный пришел в себя, приподнялся на ноги и в беспамятстве пошел, шатаясь, сам не зная куда. К несчастию, он попался на глаза Кузьмину, который подбежал к нему, ударом по шее сшиб его с ноги и, в исступлении нанес ему еще восемь тяжелых ран; удары были так сильны, что за каждым разом Кузьмин должен был употреблять силу, чтобы выдернуть свою шпагу из костей Гебеля. Может быть, Кузьмин прекратил бы страдания Гебеля, если бы не подбежал к нему Соловьев и не уговорил оставить изувеченного человека, представляя его совершенно им безвредным и едва дышащим. Кузьмин удалился, но жизнь не оставила Гебеля. Ослабленный истечением крови, с разбитою головою, покрытый ранами, он снова собрал силы, поднялся на ноги и, шатаясь вышел за ворота, сделал там несколько шагов и упал без чувств посреди улицы. Один рядовой роты Кузьмина остановил ехавшего по улице крестьянина, положил Гебеля на сани и повез его в дом управителя.

С. Муравьев, узнав об этом, впал в некоторый род неистовства: требовал, чтобы офицеры отыскали Гебеля и непременно лишили его жизни... Между тем С. Муравьев приказал Кузьмину собрать роту и итти в Ковалевку, а сам, взяв с собою Соловьева и Щепилу, поехал вперед в сию деревню.

10.

Занятие «мятежниками» г. Василькова [1]).

Все случившееся в Трилесах было уже известно в городе Ужас распространился между жителями, а местное начальство старалось взять меры, могущие остановить успех Муравьева. Трухин, старший майор после С. Муравьева, удвоил городской караул и отправил приказание во все роты непременно собраться в город. Узнав, что Соловьев и Щепила приехали в Васильков и остановились у полко-

---

1) Записки И. И. Горбачевского, стр. 111—126.

вого квартирмейстера, поручика Войниловича, майор Трухин тотчас взял роту внутренней стражи, городничего и дежурного по караулам, поручика Быстрицкого, пошел на квартиру помянутого офицера и там арестовал Соловьева и его товарища в то время, как они отдыхали, ожидая свежих лошадей. Потом он приказал поручику Быстрицкому ехать в деревню, принять роту Соловьева и привести ее в Васильков. На главной гауптвахте, где содержались арестованные офицеры, было отдано строжайшее приказание от майора никого к ним не впускать, не говорить ни слова с мятежниками, и, если они вздумают подговорить караульных, то стрелять по ним без всякого сожаления. Однако, несмотря на сей строгий приказ, Щепила и Соловьев не только принимали посещения других офицеров, говорили с солдатами, но даже рассказали им подробно о всем случившемся в Трилесах и просили их не оставлять своих товарищей в столь трудных обстоятельствах. Как караульные солдаты, так и офицеры, посещавшие арестантов, обещали непременно присоединиться к восставшим ротам.

В скором времени майор Трухин, вероятно из предосторожности, разлучил Соловьева и Щепилу, приказав перевести сего последнего на квартиру и содержать там под таким же строгим присмотром, как и на гаупвахте. Бедный майор не замечал, что на его приказания явно смеялись не только офицеры, но и солдаты, хотя, повидимому, приводили их в исполнение.

С. Муравьев в деревне Ковалевке позвал тотчас к себе фельдфебеля и унтер-офицеров 2-й гренадерской роты, чтобы узнать их мнение относительно замышляемого возмущения.

Видя, что они готовы разделить с ним все опасности предприятия, он приказал фельдфебелю собрать роту. Гренадеры собрались против квартиры своего ротного командира, с которым Муравьев вышел к ним и, после обыкновенных приветствий, об'явил о деле в коротких словах. Потом спросил их, чувствуют ли они довольно мужества, чтобы отважиться на столь смелый и великий подвиг. Гренадеры единодушно из'явили свое согласие и отвечали положительно. Распустив их по квартирам, С. Муравьев приказал им готовиться к походу.

Для успеха восстания, начатого без всякого предварительного плана, необходимо было скорое и единодушное содействие всех членов Тайного общества. С. Муравьев был уверен в преданности к общему делу членов Славянской управы и потому спешил их уведомить о восстании Черниговского полка. С сим намерением он послал Башмакова известить членов 8-й артиллерийской бригады и пригласить их к поднятию оружия. Кроме сего, Башмаков должен был заехать к капитану Черниговского полка Фурману и отправить его с таким же поручением к членам 8-й пехотной дивизии. Вслед за Башмаковым Муравьев послал в 17-й егерский полк, к подпоручикам Вадковскому и Молчанову, унтер-офицера Какаурова с запискою, в которой просил одного из них приехать в Васильков для совещания. От скорого исполнения подобных

приказаний, может быть, зависил жребий С. Муравьева и его товарищей; но, к несчастью, сии приказания не были исполнены с надлежащею скоростью и точностью. Унтер-офицер Какауров выполнил возложенную на него обязанность, как следовало умному и расторопному солдату, но поведение Башмакова и Фурмана заслуживает самое строгое порицание; вместо того, чтобы спешить в назначенные им места, они теряли время за картами и вином. В 25 верстах от Василькова, они были арестованы земским исправником, который взял их за карточным столом весьма не в трезвом виде.

Бестужев-Рюмин приехал в Ковалевку и тут узнал о происшествиях, случившихся во время его поездки. Положительно неизвестно, где он был; но, вероятно, сколько можно догадываться по обстоятельствам, он ездил в ближайшие полки и приглашал к действию командиров оных. Почти вслед за ним пришел Кузьмин с частью своей роты. Опасаясь оставить С. Муравьева без прикрытия, он дожидался, пока соберется вся рота, разбросанная по деревням, и предпоручил своему фельдфебелю Шутову привести остальную команду в город Васильков. На другой день (30 декабря), рано поутру, С. Муравьев с 1-ю гренадерскою ротой и большею частью 5-й мушкетерской, выступил из Ковалевки, намереваясь в один переход сделать 35 верст и притти в Васильков. Майор Трухин, узнав о сем движении, приказал в городе бить тревогу, а 44-й мушкетерской роте, занимавшей караулы, приготовиться к бою. Сии приготовления навели на городских жителей ужас: все думали, что через несколько минут Васильков будет театром кровавой битвы; но вышло совершенно противное. В 3 часа пополудни авангард С. Муравьева, под командою Сухинова, спокойно вошел в город, достиг городской площади без всякого сопротивления и не обнаружил никаких неприязненных расположений против жителей. Миролюбивый вид мятежников ободрил майора Трухина; надеясь обезоружить их одними словами, он, в сопровождении нескольких солдат и барабанщика, подошел к авангарду и начал еще издалека приводить его в повиновение угрозами и обещаниями; но когда он подошел поближе, его схватили Бестужев и Сухинов, которые, смеясь над его витийством, толкнули его в средину колонны. Мгновенно исчезло миролюбие солдат: они бросились с бешенством на ненавистного для них майора, сорвали с него эполеты, разорвали на нем в куски мундир, осыпали его ругательствами, насмешками и, наконец, побоями. В сие время С. Муравьев, подошедши с своею колонною на площадь, избавил Трухина от дальнейших неприятностей, приказав солдатам не трогать его и отправить на гауптвахту под арест. Почти в то же самое время 4-я мушкетерская рота, стоявшая на карауле, и 6-я, пришедшая к ней на смену, под предводительством арестованного Соловьева, при радостных восклицаниях, присоединились к С. Муравьеву. Вскоре потом пришел на помощь Щепила, командуя караулом, содержащим его под арестом.

Столь счастливое начало оживило новою надеждою сердца черниговских офицеров. Они не сомневались в будущих успехах своего оружия и уже мечтали об окончании трудного подвига. Приезд подпоручика Вадковского 17-го егерского полка усилил еще более их надежды. Он обещал С. Муравьеву, с помощью товарища Молчанова, взбунтовать если не весь егерский полк, то, по крайней мере, баталион; и ту же минуту отправился с площади в Белую Церковь, для приведения в действие своего намерения. Но по приезде туда, на заставе был арестован, закован в кандалы и тотчас отправлен в главную квартиру 1-й армии. Когда все роты собрались на площадь, и Муравьев увидел, что город в его власти, он приказал Сухинову и Мозалевскому итти на квартиру Гебеля (которого уже привезли из Трилесов) за знаменами и полковым ящиком. При сем случае произошел беспорядок, о котором нельзя не упомянуть. При входе в дом, занимаемый Гебелем, Мозалевский заметил, что на левом фланге взвода, назначенного под знамена, недостает нескольких рядов; тут же услышал он в комнатах шум и крик. Он тотчас догадался, что солдаты, оставив ряды, ворвались во внутренность дома и предаются бесчинству. Догадки свои он сообщил Сухинову, который, обнажив саблю, бросился в комнаты и увидел перед собою толпу раз'яренных солдат, готовых принести Гебеля в жертву их мщению. Они оскорбляли несчастную жену своего командира, а некоторые даже предлагали убить ее вместе с малолетними ее детьми. Просьбы и ласковые слова были в сем случае бесполезны. Одна твердость характера и решительность могли укротить буйство солдат. Сначала Сухинов угрожал наказать смертью тех, которые, забыв военную дисциплину, оставили ряды без приказания офицера, осмелились нарушить спокойствие бедной женщины, оскорбляют ее и даже замышляют гнусное убийство. Но видя, что его слова не производят никакого действия, он решился подтвердить оное делом и наказать немедленно первого виновного. Раздраженные солдаты вздумали обороняться, отводя штыками сабельные удары, и показывали явно, что даже готовы покуситься на жизнь своего любимого офицера. Сухинов, не теряя духа, бросился на штыки, осыпая сабельными ударами угрожавших ему убийц и выгнал их из дому. Остальные солдаты, стоявшие в это самое время на дворе, под командою Мозалевского, хотели было итти на помощь к своим товарищам, но Мозалевский, встав впереди и с саблею в руках, сказал им, что, кто первый осмелится пошевелиться, тот ляжет на месте. Мужеством и твердостью сих двух офицеров спасена жизнь Гебелю, его жене и детям, и дом избавился от конечного разграбления.

По возвращении на площадь со знаменами, Мозалевский получил от С. Муравьева приказание отыскать непременно скрывшегося полкового ад'ютанта Павлова, отобрать от него архив, полковую печать и посадить его самого под арест. Щепиле было дано такое же повеление, и, взявши солдат, они отправились вместе

с Мозалевским отыскивать Павлова, который, как известно было, скрывался в городе. Поиски были бесполезны. Павлов был спрятан в постели между перинами у жены городничего, где он пробыл до самого выступления С. Муравьева из Василькова, и тогда только оставил свою роскошную темницу и поспешил уведомить киевское начальство о возмущении в Черниговском полку. Сии поиски, коих цель была известна всем в городе, послужили, однакож, к сплетению гнусной клеветы, которою недоброжелатели всякого нововведения старались очернить С. Муравьева и его сподвижников и выдумали, что будто бы, по приказанию его, уголовные преступники были выпущены из тюрьмы, а уездное казначейство разграблено. Но, по произведенному самим правительством следствию, эти обвинения оказались ложными, к стыду самих клеветников.

С. Муравьев оставался на городской площади и еще не делал последних распоряжений. Заметя беспокойство городских властей и желая уничтожить их опасения, он призвал к себе почетных граждан, об'явил им цель возмущения, которое нимало не угрожало личной и вещественной их безопасности, просил их не предаваться напрасному страху и уверил, что порядок и тишина будут строжайше наблюдены. Потом просил он доставить под квитанцию нижним чинам с'естные припасы и водку. Ласковое и благородное обращение Муравьева не осталось без действия. Успокоенные жители доставили все припасы, удовольствованные солдаты были помещены на тесных квартирах, город окружен военною цепью, а Богуславская и Киевская заставы были заняты сильным караулом. На первую был назначен Мозалевский, на вторую — Рыбаковский.

В 8 часов вечера пришел в Васильков 5-й мушкетерской роты фельдфебель Шутов с рядовыми,, оставленными поручиком Кузьминым. Не доходя 7 верст до Василькова, около корчмы, называемой Мытницы, встретил его командир 9-й дивизии, генерал Тихановский, и на его вопрос, куда он идет с командою, Шутов отвечал: «К своей роте, в Васильков». — «Знаешь ли ты, что делается в полку?» — спросил генерал. — «Знаю, и затем именно туда иду», — отвечал смело Шутов. Генерал Тихановский, услышав сие, приказывал ему итти с командою в дивизионную квартиру, или обратно на ротный двор. Шутов отвечал, что он не может ему повиноваться и нарушить обещания, данного ротному командиру, поручику Кузьмину, и батальонному командиру, С. И. Муравьеву; что ежели его команда оставит, то он один пойдет в Васильков. Генерал Тихановский, видя твердость Шутова, оставил его и, подошедши к солдатам, стал их уговаривать отстать от своего фельдфебеля и итти не в Васильков, а в Белую Церковь; грозил им жестоким наказанием за непослушание, а в противном случае обещал им большие награды. Но слова и убеждения его не действовали: солдаты оставались так же верны, как и их фельдфебель; все до одного пришли, под командою Шутова,

в Васильков и явились к своему ротному командиру. Шутов, донося при вечернем рапорте, сказал ему: «Я хотел было, ваше высокоблагородие, арестовать его, но не смел этого сделать, не имея на сие никакого приказания» [1]). Полагая, что Тихановский, может быть, приедет в Васильков, С. Муравьев приказал Мозалевскому арестовать его на заставе и привести тотчас к нему. Сего, однако, не случилось, но вместо Тихановского, в 9 часов вечера, на Богуславскую заставу прискакал жандармский поручик Несмеянов. Часовые остановили повозку и вызвали офицера. Мозалевский потребовал от жандарма его бумаги и об'явил ему, что он арестован. Жандарм не хотел ничего слушать и показывал вид, что он намерен защищаться, вынимая пистолеты. Мозалевский приказал караульным окружить повозку и скомандовал «на-руку». Нечего было делать; жандарм выдал свои бумаги и был отвезен на главную гауптвахту. В скором времени другой жандармский офицер — Соков, приехавший с повелением арестовать Матвея Муравьева, подвергся той же участи, как и первый, который должен был арестовать Сергея Муравьева.

Между тем, офицеры Черниговского полка не теряли времени. Ночь с 30 на 31 декабря проведена в приготовлениях к походу. Каждый занимался своим делом, забывая опасность; деятельность и усердие членов общества были беспримерны: они старались одушевить солдат новым мужеством и поддержать бодрость их духа. Чтобы успешнее действовать на них, они всеми силами старались обеспечить их продовольствие. Сами солдаты в приготовлении к походу показывали не менее ревности: ружья, патроны и вся амуниция были осмотрены с величайшим тщанием, и все недостатки были исправлены. Посреди общей деятельности один С. Муравьев не принимал участия в приготовлениях: он оставался уединенным, писал целую ночь, но куда и к кому — никто даже из близких ему не мог узнать.

В вечернем приказе С. Муравьева было сказано, что все роты, находящиеся налицо, должны собраться на площадь на другой день (31 декабря) в 9 часов утра. В назначенное время 5 рот, а именно: 1-го батальона — 3-я мушкетерская, 2-го батальона — 2-я гренадерская, 4-я, 5-я и 6-я мушкетерские роты пришли на сборное место в полной походной амуниции. Музыканты без всякого приказания явились сами, и 60 человек, оставя инструменты, взяли оружие из полкового цейхгауза и стали в ряды своих товарищей. 1-й гренадерской и 1-й мушкетерской рот не было на площади, потому что, по приходе в Васильков, С. Муравьев тотчас послал приказание в сии роты собраться им в деревню Мотивиловку и там ожидать его прихода. 2-я мушкетерская рота, за которой был отправлен поручик Быстрицкий майором Трухиным, не успела

[1]) Такая верность и преданность солдат достойна всякого замечания. Шутов знал, что он произведен в офицеры, что приказ об оном находится в дивизионной квартире; также знал какая его ожидает награда и какое наказание. Он прогнан сквозь строй и сослан в Сибирь на каторгу.

еще притти. При собравшихся ротах находились следующие офицеры. Командиры рот: 3-й мушкетерской — поручик Щепилла: 2-й гренадерской — поручик Петин; 4-й мушкетерской — поручик Маевский; 5-й — поручик Кузьмин; 6-й — поручик Сухинов вместо откомандированного Фурмана. Командир 2-й мушкетерской роты шт.-капитан барон Соловьев тут же находился, хотя рота его еще в то время не пришла. В сих ротах — офицеры: Апостол-Кегич, Рыбаковский, князь Мещерский, Мозалевский, Белелюбский, Кондырев, Жизневский, Войнилович. Сверх того, находились тут и Полтавского полка поручик Бестужев-Рюмин, отставной подполковник Матвей Муравьев-Апостол и приехавший во время сбора полка на площадь свиты его велич. подпоручик Ипполит Муравьев-Апостол. Ротные командиры и офицеры поверили людей, осмотрели амуницию и с нетерпением ожидали С. Муравьева, который долго не выходил из своего кабинета, проведши там около часу времени с Мозалевским. Никто не знал зачем Мозалевский был у Муравьева и какое получил поручение.

Вышедши в залу, он приказал позвать полкового священника и, об'яснив ему цель восстания и свои намерения, просил его содействовать в сем благом деле молитвою и крестом. «Русское духовенство, — сказал ему, наконец, С. Муравьев, — всегда было на стороне народа; оно всегда, во времена бедствий нашего отечества, являлось смелым и бескорыстным защитником прав народных». Священник, человек молодой и довольно просвещенный, постигнул возвышенные и благородные чувства С. Муравьева. «Я согласен на ваше предложение, — сказал он ему, — и готов умереть с вами для общей пользы; но... я имею жену, детей, — прибавил он после некоторого молчания, — если ваше предприятие не удастся, что будет с ними? Бедность, нищета и даже позор ожидают мою жену и моих сирот». Супружеская и родительская любовь мгновенно поколебали в нем первый порыв любви к отечеству; он готов был отказаться от прежних слов своих. Но Муравьев снова успел возбудить в душе его благородное самоотвержение. Желая успокоить справедливое опасение священника насчет его семейства, он дал ему 200 руб. «Вручите сии деньги вашему семейству, — сказал С. Муравьев, — они будут необходимы для него во время вашего отсутствия; между тем будьте уверены, что ни Россия, ни я никогда не забудем ваших услуг». Священник, не возражая более, пошел вместе с Муравьевым на площадь.

Собравшиеся роты были построены в густую колонну. Подошед к ней, С. Муравьев приветствовал солдат дружелюбно и потом в коротких словах изложил им цель восстания и представил, сколь благородно и возвышенно пожертвовать жизнью за свободу. Восторг был всеобщий: офицеры и солдаты из'явили готовность следовать всюду, куда поведет их любимый и уважаемый начальник. Тогда С. Муравьев, обратясь к священнику, просил его прочитать политический катехизис, который состоял из чистых республиканских правил, приноровленных к понятиям каждого.

Священник читал громким и внятным голосом правила и обязанности свободных граждан. «Наше дело, — сказал Муравьев по окончании чтения, обратясь снова к солдатам, — наше дело так велико и благородно, что не должно быть запятнано никаким принуждением; и потому, кто из вас, г.г. офицеры и рядовые, чувствует себя неспособным к такому предприятию, тот пускай немедленно оставит ряды; он может без страха остаться в городе, если только совесть его позволит ему быть спокойным и не будет его упрекать за то, что он оставил своих товарищей на столь трудном и славном поприще и в то время, как отечество требует помощи каждого из сынов своих». Громкие восклицания заглушили последние слова С. Муравьева. Никто не оставил рядов, и каждый ожидал с нетерпением минуты лететь за славою или смертью.

Между тем, священник приступил к совершению молебна. Сей религиозный обряд произвел сильное впечатление. Души, возвышенные опасностью предприятия, были готовы принять священные и таинственные чувства религии, которые проникли даже в самые нечувствительные сердца. Действие сей драматической сцены было усугублено неожиданным приездом свитского офицера, который с восторгом бросился в об'ятия С. Муравьева. Это был младший брат его Ипполит. Надежда получить от него благоприятные известия о готовности других членов заблистала на всех лицах. Каждый думал видеть в его приезде неоспоримое доказательство всеобщего восстания, и все заранее радовались счастливому окончанию предпринятого подвига. Среди сих надежд колонна, получив благословение священника, с криком: «ура!» двинулась по дороге в деревню Мотовиловку. Городские жители, теснившиеся вокруг, провожали воинов, желая им успеха. «Да поможет вам бог!» — раздавалось повсюду. Солдаты были бодры, мужество блистало в их взорах, веселые песни выражали спокойствие их душ. Для удержания порядка и отвращения внезапного нападения войско шло в боевом порядке. Авангардом командовал Войнилович; арьергардом — Сухинов. Деятельность и бдительность сего последнего оправдали вполне доверенность Муравьева и его товарищей. Несмотря на благородное чувство, одушевлявшее большую часть солдат, в столь значительном числе оных неминуемо находились такие, которые думали, что при подобных случаях можно позволить себе, без упрека совести, разного рода шалости и бесчинства и безнаказанно нарушать дисциплину. Сухинов благоразумною осторожностью и строгим соблюдением военных правил укрощал их буйство и поддерживал порядок. Некоторые из них притворялись пьяными с намерением отстать от полка и предаться беспорядкам. Подобные хитрости не ушли от бдительности Сухинова: он уничтожал все их замыслы. При самом начале, один рядовой, сорвавший платок с женщины, провожавшей его, как доброго постояльца, был немедленно строго наказан при всех его товарищах. Войнилович, по распоряжению С. Муравьева, прибли-

жаясь к каждой корчме, посылал туда унтер-офицера и двух рядовых с строгим приказанием ставить у дверей корчмы часовых и никого не впускать в оную. Таким образом прекращались все беспорядки, почти неизбежные при движении полка.

Во время дороги к Мотовиловке, Ипполит Муравьев рассказал офицерам Черниговского полка, что он выехал из Петербурга, 13 декабря, с поручением от членов Северного общества уведомить членов Южного о намерении начать возмущение в столице и пригласить их к содействию. Тут же он сказал, что московские члены разделяют мнение петербургских и обещают помогать успехам восстания, где бы оно ни началось. И, наконец, он прибавил, что дорогою узнал о печальном событии 14 декабря. «Мой приезд к вам в торжественную минуту молебна, — говорил он, — заставил меня забыть все происшедшее. Может быть, ваше предприятие удастся; но если я обманулся в своих надеждах, то не переживу второй неудачи и клянусь честью пасть мертвым на роковом месте». Сии слова тронули всех. «Клянусь, что меня живого не возьмут! — вскричал с жаром поручик Кузьмин. — я давно сказал: «Свобода или смерть!». Ипполит Муравьев бросился к нему на шею. Они обнялись, поменялись пистолетами и оба исполнили клятву.

11.

«Православный Катехизис» [1].

(Прокламация С. И. Муравьева-Апостола.)

Во имя отца и сына и святого духа.

Вопрос: Для чего бог создал человека?

Ответ: Для того, чтоб он в него веровал, был свободен и счастлив.

Вопрос: Что значит веровать в бога?

Ответ: Бог наш Иисус Христос, сошедши на землю для спасения нас, оставил нам святое свое евангелие. Веровать в бога значит следовать во всем истинному смыслу начертанных в нем заповедей.

Вопрос: Что значит быть свободным и счастливым?

Ответ: Без свободы нет счастья. Святой апостол Павел говорит: ценою крови куплены есте, не будете рабы человекам.

---

[1]) «Катехизис» и Воззвание» печатаются нами по тексту сборн. «Из писем и показаний декабристов», под ред. А. К. Бороздина, СПБ. 1906 г., стр. 85—88; в тексте катехизиса несколько явных описок выправлено на основании сравнительного изучения трех нам известных списков. Выяснению русских и иностранных источников этого своеобразнейшего памятника агитационной литературы посвящено исследование П. Е. Щеголева («Исторические этюды», П, 1913 г., стр. 319—363).

Вопрос: Для чего же русский народ и русское воинство несчастно?

Ответ: Оттого, что цари похитили у них свободу.

Вопрос: Стало быть, цари поступают вопреки воле божьей?

Ответ: Да, конечно, бог наш рек: болий в вас, да будет вам слуга, а цари тиранят только народ.

Вопрос: Должны ли повиноваться царям, когда они поступают вопреки воле божией?

Ответ: Нет! Христос сказал: не можете богу работать и мамоне; оттого-то русский народ и русское воинство страдают, что покоряются царям.

Вопрос: Что ж святой закон наш повелевает делать русскому народу и воинству?

Ответ: Раскаяться в долгом раболепствии и, ополчась против тиранства и несчастия, поклясться: да будет всем един царь на небеси и на земли — Иисус Христос.

Вопрос: Что может удержать от исполнения святого сего подвига?

Ответ: Ничто! Те, кои воспротивятся святому подвигу сему, суть предатели, богоотступники, продавшие души свои нечестию, и горе им, лицемерам, яко страшное наказание божие постигнет их на сем свете и на том.

Вопрос: Каким же образом ополчиться всем чистым сердцем?

Ответ: Взять оружие и следовать за глаголющим во имя господне, помня слова спасителя нашего: блажени алчущие и жаждущие правды, яко те насытятся, и низложив неправду и нечестие тиранства, восстановить правление, сходное с законом божиим.

Вопрос: Какое правление сходно с законом божиим?

Ответ: Такое, где нет царей. Бог создал всех нас равными и, сошедши на землю, избрал апостолов из простого народа, а не из знатных и царей.

Вопрос: Стало быть, бог не любит царей?

Ответ: Нет! Они прокляты суть от него, яко притеснители народа, а бог есть человеколюбец. Да прочтет каждый, желающий знать суд божий о царях, книги царств главу 8-ю: «собрашася мужи израилевы и приидоша к Самуилу и рекоша ему: ныне постави над нами царя, да судит ны; и бысть лукав глагол сей пред очима Самуиловыма, и помолися Самуил ко господу, и рече господь Самуилу: послушай ныне гласа людей, якоже глаголят тебе, яко ни тебе уничтожиша, но мене уничтожиша, еже не царствовати ми над ними, но возвестиша им правду цареву. И рече Самуил вся словеса господня к людям, просящим от него царя, и глагола им: сие будет правда царева: сыны ваша возьмет и дщери ваша возьмет и земли ваша одесятствует, и вы будете ему раби и возопиете в день он от лица царя вашего, его же избрасте себе, и не услышит вас господь в день он, яко вы сами избрасте себе царя». Итак избрание царей противно воле божией, яко един наш царь должен быть Иисус Христос.

Вопрос: Стало, и присяга царям богопротивна?

Ответ: Да, богопротивна. Цари предписывают принужденные присяги народу для губления его. Не призывай всуе имени господня: господь же наш и спаситель Иисус Христос изрек: аз же глаголю вам не клянитеся всяко, и так, всякая присяга человеку противна богу, яко надлежащая ему единому.

Вопрос: От чего упоминают о царях в церквах?

Ответ: От нечестивого приказания их самих, для обмана народа, и ежечасным повторением царских имен оскверняют они службу божию вопреки спасителева веления: молящие не меньше глаголят, якоже язычники.

Вопрос: Что же наконец подобает делать христолюбивому Российскому воинству?

Ответ: Для освобождения страждущих семейств своих и родины своей и для исполнения святого закона христианского, помолясь теплою надеждою богу, поборающему по правде и видимо покровительствующему уповающим твердо на него, ополчиться всем вместе против тиранства и восстановить веру и свободу в России.

А кто отстанет, тот, яко Иуда предатель, будет анафема проклят. Аминь.

12.

Проект «воззвания» к народу, составленный М. П. Бестужевым-Рюминым [1]).

Бог умилосердился над Россиею, послал смерть тирану нашему. Христос рек: не будьте рабами человеков, яко искуплены кровью моею. Мир не внял святому повелению сему и пал в бездну бедствий. Но страданья наши тронули всевышнего. Днесь он посылает нам свободу и спасение. Братья! раскаемся в долгом рабolепствии нашем и поклянемся: да будет нам един царь на небеси и на земли Иисус Христос.

Все бедствия русского народа проистекали от самовластного правления. Оно рушилось. Смертию тирана бог ознаменовывает волю свою, дабы мы сбросили с себя узы рабства, противные закону христианскому. Отныне Россия свободна. Но, как истинные сыны церкви, не покусимся ни на какие злодейства, и, без распрей междуусобных, установим правление народное, основанное на законе божием, гласящем: да первый из вас послужит вам.

Российское воинство грядет восстановить правление народное, основанное на святом законе [2]). Никаких злодейств учинено не будет. — Итак, да благочестивый народ наш пребудет в мире и спокойствии, и умоляет всевышнего о скорейшем свершении святого

---

[1]) Дело С. И. Муравьева-Апостола, л. 60.

[2]) «Почерпнутое из христианского закона» — поправка Бестужева-Рюмина.

дела нашего. Служители алтарей, доныне оставленные в нищете и презрении злочестивым тираном нашим, молят бога о нас, восстановляющих во всем блеске храмы господни.

13.

Революционные роты Черниговского полка в походе [1]).

31 декабря 1825 г., в 2 часа пополудни, роты Черниговского полка, под командою С. Муравьева, вступили в Мотовиловку, где уже были собраны 1-я гренадерская рота и часть 1-й мушкетерской и ожидали его прибытия. Как скоро Муравьев увидел солдат помянутых рот, подошел к ним и начал говорить о цели восстания и дальнейших своих намерениях. «Я надеюсь, — сказал он, — что вы не оставите своих товарищей и готовы или умереть, или победить с ними; однакож, если вы чувствуете себя неспособными разделить наши труды, я не принуждаю вас следовать за полком; это зависит от вашей воли». Солдаты молчали, и ни один из них не из'явил готовности повиноваться своему подполковнику. «Я отгадываю ваши мысли, — воскликнул С. Муравьев после некоторого молчания. — Вы не можете быть нашими товарищами. Итак, возвратитесь на свои квартиры». Гренадеры немедленно пошли обратно в деревню Снетинку; взвод же мушкетеров 1-й роты, квартировавший в Мотовиловке, хотя разошелся по квартирам, однакож после соединился с полком.

С. Муравьев, не распустив еще полк, отдал приказ, что 1 января будет дневка, поручил ротным командирам иметь попечение о продовольствии нижних чинов, так и о снабжении их теплою одеждою, и стараться более всего поддерживать бодрость духа солдат. Роты, по его приказанию, были размещены по тесным квартирам; на всех входах и выходах из деревни и в деревню были поставлены посты, всем отдано было приказание быть в готовности во всякое время к защите, и были назначены дежурные по полку и ротам. На дневке С. Муравьев осматривал все караулы, был во всех ротах, разговаривал с солдатами, ободрял их и более всего заботился о их нуждах. Об'езжая караулы, Муравьев был окружен народом, возвращавшимся из церкви. Добрые крестьяне радостно приветствовали его с новым годом, желали ему счастья, повторяли беспрестанно: «Да поможет тебе бог, добрый наш полковник, избавитель наш». С. Муравьев тронут был до слез, благодарил крестьян, говорил им, что он радостно умрет за малейшее для них облегчение, что солдаты и офицеры готовы за них жертвовать собою и не требуют от них никакой награды, кроме их любви, которую постараются заслужить. Казалось, крестьяне при всей их

[1]) Записки И. И. Горбачевского, стр. 137—151.

необразованности понимали, какие выгоды могут иметь от успехов Муравьева; они радушно принимали его солдат, заботились о них и снабжали их всем в избытке, видя в них не постояльцев, а защитников. Чувства сих грубых людей, искаженных рабством, утешали С. Муравьева. Впоследствии, он несколько раз говорил, что на новый год он имел счастливейшие минуты в жизни, которые одна смерть может изгладить из его памяти.

В тот же день прибыл в Мотовиловку, со 2-ю мушкетерскою ротою, подпоручик Быстрицкий. Получив приказание от майора Трухина принять означенную роту, он немедленно отправился в деревню Германовку, где, собрав оную, выступил с нею в Васильков. В Василькове узнал он, что С. Муравьев с полком уже вышел в поход и тотчас решился догнать его, но перед тем хотел убедиться в расположении солдат. Для сего спросил их, хотят ли они следовать за товарищами и намерены ли действовать с ними заодно. Они все об'явили готовность, однако, Быстрицкий сим еще не удовольствовался. Взяв в сторону фельдфебеля, всем полком любимого и уважаемого унтер-офицера Аврамова, он спросил его, как он думает, можно ли решиться на сие дело. — «Не только можно, но должно, — отвечал храбрый и честный Аврамов; — нам будет стыдно отстать от своих товарищей. Как я, так и вся рота знаем цель Сергея Ивановича Муравьева; я ручаюсь за солдат». Уверясь таким образом в единодушии всей роты, Быстрицкий тотчас выступил из Василькова и на другой день, в 12 часу, прибыл в Мотовиловку, переночевавши в деревне Салтановке. Быстрицкий построил роту на небольшой площадке сей деревни, поблагодарил солдат за их усердие, за сохранение порядка и тишины во время похода, и в заключение сказал: «Я уже не ваш командир, вы здесь найдете любимого вашего капитана» — и, простившись с ними, пошел к Муравьеву. Отдадим должную похвалу обдуманному и решительному действию подпоручика Быстрицкого, который до самого конца не изменил своему характеру. Когда после разбития он и товарищи его были привезены в Могилев к начальнику штаба и когда генерал Толь сказал ему: «Вы могли бы удержать роту и тем заслужить награду», — он отвечал ему: «Ваше превосходительство, я, может быть, сделал глупость, но подлости никогда»...

Между тем Соловьев, узнав о прибытии своей роты, спешил к своим мушкетерам. Солдаты бросились навстречу к своему командиру, обнимали, целовали его; искренняя радость изливалась из сердец непринужденно. Тут унтер-офицер Кучков при всей роте спросил Соловьева, куда Муравьев хочет итти и в каком месте соединятся они с другими полками. Услышав от Соловьева, что Муравьев идет на Житомир и соединится на пути к сему городу с другими полками, Кучков возразил с радостью, которая выражала некоторое нетерпение: «Что нам медлить, зачем еще дневка, лучше бы без отдыха итти до Житомира!» Солдаты одобряли слова Кучкова... Проницательность и опытность старого служи-

вого внушили ему сие здравое размышление. Слова его смутили Соловьева; он чувствовал всю справедливость сего замечания, но, желая успокоить солдат, хладнокровно сказал: «(Под) полковник лучше вас знает, что делать. Надобно подождать, а тем временем проведать, какие полки идут против нас». Отдав некоторые приказания фельдфебелю, Соловьев велел разместить роту по квартирам.

Наблюдая действия 2-й мушкетерской роты и других восставших рот Черниговского полка, с невольным удивлением спрашиваешь себя откуда Шутов, Николаев (Харитонов?), Аврамов и другие взяли сию твердость и решимость? Каким образом во всех нижних чинах явилось столь постепенное усердие и столь высокое самоотвержение? Преданность к ротным командирам и любовь к С. Муравьеву одни не могли сего произвести. К сим побуждениям присоединялись другие двигатели. Кузьмин, Щепилла, Соловьев и другие офицеры часто беседовали между собою о делах общества в присутствии своих фельдфебелей и таким образом, знакомили их с своим образом мыслей, который заставлял сих простодушных, но благородных людей обдумывать свое поведение и готовиться оправдать доверенность своих начальников. Фельдфебеля, с своей стороны, были откровенны с солдатами, и сии последние невольным образом, сколько могли, привыкли разделять их желания и цель. Присоединим к сему действию благородное поведение офицеров, кроткое обращение с подчиненными, бескорыстную заботливость о их нуждах; тогда это вместе нам покажет, каким образом они умели найти верное и неизменное содействие людей, решившихся с ними погибнуть.

Вечером, 1 января, был отдан приказ о выступлении в поход, и на другой день, в 8 часов утра, роты были уже на сборном месте. Уныние и какая-то боязнь изображались на всех лицах. Щепилла, Кузьмин, Соловьев и Быстрицкий, заметя в солдатах сию внезапную перемену и полагая, что на их нравственное состояние имело влияние бегство многих офицеров, которые ночью уехали в Васильков, тотчас пошли уведомить о сем С. Муравьева и просили его взять против сего меры. При сем известии С. Муравьев не мог скрыть своего замешательства, но, успокоив верных ему офицеров, пошел с ними к собравшимся ротам. «Не страшитесь ничего, — сказал он солдатам, — может ли вас опечалить бегство подлых людей, которые не в силах сдержать своего обещания и которые чувствуют себя не только неспособными, но даже недостойными разделить с нами труды и участвовать в наших благородных предприятиях. Если кто-нибудь из вас столь малодушен, что из бегства ничтожных людей делает невыгодные заключения о нашем деле и желает покинуть своих товарищей, пусть тот сейчас оставит ряды и, покрытый негодованием, идет куда хочет: его никто не будет удерживать, ни уговаривать».

Важность, внушающая уважение, смелость, громкий и твердый голос С. Муравьева, возвратили ему прежнюю доверенность его

подчиненных. Его слова, видимо, ободрили солдат, слушавших со вниманием; прежнее спокойствие опять заблистало на всех лицах, и никто не думал воспользоваться позволением удалиться.

В 9 часов, полк выступил из Мотовиловки и двинулся по дороге, которая через деревню Марьяновку ведет к деревне Пологам, лежавшей в 12 верстах от Белой Церкви. Сим движением Муравьев надеялся соединиться с 17-м Егерским полком, квартировавшим тогда в сем местечке. В 4 часа пополудни (2 января) С. Муравьев занял деревню Пологи. Не получая никакого известия о 17-м Егерском полку, на который он имел большую надежду, С. Муравьев препоручил Сухинову разведать, где находится сей полк и чего можно ожидать от находящихся в сем полку членов. При наступлении вечера Сухинов взял несколько надежных солдат и, составив из них конный отряд, отправился к Белой Церкви. За 1½ версты от сего местечка он встретил казаков графини Браницкой, посланных для разведывания и охранения ее имения от так называемых бунтовщиков. Сухинов воспользовался встречею. Под'ехав на довольно близкое расстояние к казачьему отряду, он обнажил саблю и бросился на них с громким криком «вперед». Испуганные нечаянным и смелым нападением, казаки рассеялись; один из них, пойманный самим Сухиновым, хотел было сопротивляться, но Сухинов ударом сабли сшиб его с лошади и начал расспрашивать. Хотя, повидимому, казак чистосердечно говорил, что 17-й Егерский полк уже другой день как вышел из Белой Церкви неизвестно куда, но Сухинов, желая удостовериться в истине сего показания, сам под'ехал к местечку и старался узнать от некоторых жителей все, касающееся до выхода сего полка. Ответы жителей, с которыми говорил Сухинов, подтвердили сказанное казаком. В самом деле, полковой командир, арестовав Вадковского, в ту же ночь выступил с полком из Белой Церкви в противоположную сторону от Василькова, не сказав никому, куда идет.

Разведывание Сухинова о 17-м Егерском полку послужило поводом к сплетению гнусной лжи, будто бы С. Муравьев, возмутив Черниговский полк, пошел к Белой Церкви с намерением завладеть несметными сокровищами, хранившимися у богатой и скупой графини Браницкой. Конечно, никто из благоразумных людей не верил и не поверит сей клевете; но, может быть, нашлись люди, которые почитали возможным столь бесчестное действие. Привязанность их к старому порядку вещей, выгоды, получаемые от злоупотреблений, внушают им ненависть ко всякой перемене и заставляют думать, что каждое нововведение есть уже начало анархии, что желающий улучшения есть более, нежели анархист, и потому способен быть убийцею, грабителем, одним словом — противообщественным человеком.

Известие о выходе 17-го Егерского полка заставило С. Муравьева переменить план действия. На другой день, т.-е. 3 января, он оставил Пологи и вознамерился итти через Ковалевку и

Трилесы на Паволочь, а оттуда в Житомир для соединения с Славянами. В Паволоче квартировала 5-я конная рота. С. Муравьев думал, что командир сей роты и офицеры, принадлежа к обществу, тотчас соединятся с Черниговским полком. Нет сомнения, что с артиллериею дело Муравьева приняло бы иной вид, тем более, что пехотные солдаты смотрят на орудия с некоторым благоговением и ожидают от них почти сверх'естественной помощи; к тому же присоединение конной роты придало бы новые силы солдатам и обновило бы их надежду на другие полки.

В деревне Пологах, ночью со 2 на 3 января, несколько гусар под'ехали к самым часовым. Часовые хотели стрелять, и потому гусары, не отваживаясь на дальнейшие покушения, скрывались немедленно. Замечательно, что в это время гусарский офицер, высокого роста и довольно плотный, под'ехал на близкое расстояние к одному из постов, начал разговаривать с солдатами, хвалить их решительность, одобрял восстание, удивляясь их пожертвованиям, и обещал скорой помощи. На другой день офицеры Черниговского полка, услышав о сем обстоятельстве от солдат, занимавших сей пост, полагали, что приезжавший офицер был командир Ахтырского полка, и радовались нечаянной помощи от человека, на которого перестали рассчитывать. Но, вероятно, это было не что иное, как хитрость: гусарам нужно было только узнать расположение и дух черниговских солдат, ибо прежде рассвета они все скрылись, и до самого разбития С. Муравьева ни один солдат не видал ни одного гусара.

3 января, когда полк собрался для выступления из Полог, Муравьев увидел, что и в сию ночь много офицеров оставили свои места и скрылись неизвестно куда, между тем как ни один солдат в продолжение всего сего несчастного восстания, даже и не думал покинуть своих товарищей.

Сергей Муравьев, как и все оставшиеся с ним офицеры, скрыли свое неудовольствие и, по возможности, старались поддерживать бодрость солдат, обещая скорую помощь и несомненный успех в предприятии. В 4 часа утра Черниговский полк выступил из Полог и в исходе 11 часа вступил в деревню Ковалевку, где Муравьев дал солдатам роздых, остановясь на площади против управительского дома. Он потребовал под квитанцию хлеба и водки для нижних чинов. Управитель доставил солдатам всего в изобилии, во время привала пригласил С. Муравьева и офицеров к себе на обед и угощал их радушно. Тотчас после обеда С. Муравьев вместе с офицерами пересматривал бумаги, взятые у него Гебелем в Василькове и опять отнятые в Трилесах; как бы предчувствуя ожидавшее его поражение, он сжег все письма, полученные от членов Тайных обществ, и некоторые из бумаг, относящиеся к сим делам. Те же, которые он, неизвестно почему, оставил, были впоследствии захвачены правительством.

14.

Действвия солдат Черниговского полка во время восстания.

(Из «заключения» военно-судной комиссии, утвержденного ген. Сакеном 5 авг. 1826 г.) [1]).

По рассмотрении военно-судного дела, произведенного над нижними чинами Черниговского пехотного полка за измену и мятеж, я в силу высочайших его императорского величества поведений, из'ясненных в отношениях [начальника главного штаба] от 6 февраля за № 369 и от 16 истекшего июля за № 81, конфирмовал: 1) фельдфебеля Михея Шутова, унтер-офицера Прокофия Никитина, и рядового Олимпия Борисова, яко главнейших по сему делу преступников, в которых, кроме измены и присоединения их с прочими к возмутителю Муравьеву, заключаются важнейшие дерзости и буйства: первого в том, что он по долговременному служению в роте, без сомнения, имел более от своих солдат уважения и доверенности, при самом начале, видя из нападения Муравьева со своими участниками на полковника Гебеля, явной бунт, легко мог бы первых удержать посредством солдат, а сих последних уговорить строгостию законов и данному государю своему присягою, от чего и не мог бы бунт сей возникнуть; но, напротив того, он, Шутов, первый оставив караул и начальника своего, убежал; а потом, собравши роту отправился за мятежниками и еще, наконец, при встрече солдат, возвращенных дивизионным начальником на ротный двор, из'явил к оному в самых дерзких выражениях явное презрение, каковым поступком был первым началом происшедшего бунта.—Второго — Никитина, в том, что он, по откомандировке возмутителем Муравьевым с полковым квартирмистром в 1-ю гренадерскую и 1-ю мушкетерскую роты для подобного возмущения, обратился на грабеж; а придя в дом дворянина Милевича, изрыгнул поношение к особе государя императора, требовал от хозяина денег; когда же пришедший туда 3-го Фурштатского баталиона майор Тимофеев с тремя офицерами, узнав о их буйстве, начал уговаривать, чтоб он отстал от Муравьева, то он, Никитин, со смехом сказал, что нет у них никаких начальников, тут же, взяв ружье на-перевес с примкнутым штыком, подскочил к нему, Тимофееву, и намеревался нанесть оным удар; но, быв до сего офицерами не допущен, бросился на него же с кулаком.—А третьего — Борисова, в том, что, с прибытием Муравьева в Васильков, при арестовании мятежниками майора Трухина и по столкнутии его в Гре-

[1]) Печатается впервые, извлечено из дела Главного Аудиториата «о нижних чинах Черниговского полка, сужденных за измену и мятеж, всего 136 человеках».

надерский взвод, дерзнул ударить начальника своего по шее; по снятии с Шутова имеемой им в память 812 года медали, прогнать шпицрутенами чрез тысячу человек каждого по двенадцати раз с наблюдением установленного порядка на счет тех, кои в один раз наказания не выдержат и потом, по выключке из воинского звания, сослать их вечно в каторжную работу. 2) Из прочих затем не из дворян унтер-офицеров: Ивана Лазыкина, Тимофея Николаева, Ивана Корчагина, Архипа Дубова и Егора Тимофеева, наиболее других изобличившихся виновными в добровольном последовании с возмутителем Муравьевым и его сообщниками; в исполнении всех злодейских их предприятий, а первые трое в забрании в квартире полкового командира знамен и казенного денежного ящика; Николаев же, сверх того, в произведении различных буйств; по разжаловании всех их в рядовые, прогнать шпицрутенами чрез тысячу человек по шести раз. 3) Ивана Дмитриевского, каптенармуса Кириллу Якубовского, унтер-офицеров: Спиридона Пучкова, Ивана Харитонова, не менее первых найденных в содействии Муравьеву в гнусных его предприятиях, выше сего описанных, разжаловав тоже в рядовые, прогнать шпицрутенами через тысячу человек каждого по пяти раз. 4) Спиридона Иванова, Павла Сафронова, Ивана Простака, Михайлу Башкина, Моисея Чугунова, Ивана Павлова, Логина Сергеева, фельдфебеля Карпа Никитина, унтер-офицеров: Василия Гаврющенка, Прокофия Внукова, Панкратия Лебедева, Ивана Григорьева, Леонтия Костюкова, Мирона Кучеринского, Андрея Сидорова, Никифора Маценку, Василия Муратова, Андрея Кондракова, Дмитрия Соловкина, Павла Алексеева, фельдфебеля Александра Титова, унтер-офицеров: Осипа Горяева, Степана Лахтина, Ульяна Данилова, Василия Яковлева, Моисея Гордиенку, полкового барабанщика Андрея Гребеникова и баталионного Никиту Полина, кои, быв очевидцами всех мятежных действий возмутителя Муравьева и его соумышленников, клонящихся к испровержению законной власти, добровольно последовали за ним и вовлекли к тому и других нижних чинов в команде их бывших;—как нарушителей верноподаннической присяги, тоже по разжаловании в рядовые, прогнать чрез тысячу человек по три раза, а бывших вместе с ними поименованными в 3 и 4-м пунктах, в одинаковом преступлении изобличенных, из обер-офицерских детей Виталия Фитиалина и Григория Ляшковского, по лишении права обер-офицерским детям присвоенного, разжаловать только в рядовые до выслуги. 5) Унтер-офицеров состоящих в музыкантской команде: Самойлу Леонтьева, Василия Тимофеева и Алексея Макарова, которые, хотя как из общих опросов музыкантской команды видно, последовали за мятежниками с принуждения оных и чинимых от них угроз: наказать их тесаками, а в случае непослушания поколоть штыками; но как они имели более других рассудка и случая уклониться от мятежников, чего однакож не исполнили, тож по разжаловании в рядовые прогнать чрез тысячу человек по одному разу. 6) Фельдфебеля Клима

Абрамова, унтер-офицеров: Сафрона Сычева, Ивана Васильева, Тимофея Рошкова, Ефима Матвеева, Дмитрия Швецова, Ивана Герасимова, Кондратия Федорова, Василия Кушкова, Романа Калюжного, Кондратия Юрьева и Дмитрия Щербакова, менее других оказавшихся виновными, но токмо за одно добровольное последование с возмутителем Муравьевым, по лишении из них Абрамова и Юрьева знаков отличия военного ордена, тоже разжаловать всех в рядовые, прогнать чрез тысячу человек по два раза. 7) Портупей-прапорщика Ивана Цевловского, унтер-офицеров: Ивана Рутницкого и Ивана Галкина, за таковое же добровольное последование за возмутителем, из коих однако, как по делу значится, последние двое, быв выведены из своего заблуждения, впоследствии времени от мятежников отклонились и особенных преступлений за ними не оказалось, при том Цевловский и Рутницкий вовлечены к тому были более по неопытности и незрелости лет, не могли предвидеть ни отклонить случившихся последствий, разжаловать токмо в рядовые с лишением Цевловского дворянского достоинства и Рутницкого права обер-офицерским детям присвоенного впредь до выслуги. 8) Рядовых Алексея Никифорова, Алексея Григорьева, Ивана Аникина, Мартына Рогачева, Василия Домшина, Николая Иванова, Никиту Холодкова, Павла Шурму и Петра Лаврентьева, бывших в Трилесах в карауле при арестованных мятежниках Муравьевых, за неисполнение приказания полкового своего командира полковника Гебеля, допущение напасть на него тем мятежникам и оставление своих постов — равно рядовых же Дмитрия Грохольского и Игнатия Ракузу, разжалованных на предь сего за преступление из офицеров с лишением дворянского достоинства, кои еще прежде возмущения были известны о Тайном обществе злоумышленников и о злодейской их цели, о коих не только не об'явили начальству, но по возможности оказывали к тому содействие, а Ракуза сверх того и за оклеветание разных невинных лиц; Федора Иванова, Сидора Романова, Данилу и Якова Зайцевых, Тимофея Савельева, Тараса Николаева и Андрея Васильева, ревностно исполнявших приказание Муравьева и его соумышленников в забрании знамен и казенного полкового ящика — Спиридона Кузионова, Максима Андрианова, знавших о бунте и возмущавших к оному сотоварищей своих: Алексея Федорова, Павла Прокофьева и Якова Сафронова, кои кроме общей измены быв посланы, как из дела видно, в Киев, разбросали там возмутительные катехизисы; по важности всех их преступлений — чрез тысячу человек по четыре раза. 9) Михайлу Николаева, Кондратия Степанова, знавших о всем происходившем в селении Трилесах, но оставивших без всякой помощи своего полкового командира и присоединившихся к мятежникам; Михайлу Пушлина, Ивана Борисова, отдавших без наималейшего сопротивления полковые знамена и полковой ящик, и Петра Ефимова, сверх присоединения к мятежникам, ока[за]вшего грубости полковому ад'ютанту с произношением возмутительных слов — прогнать тоже чрез тысячу

человек по три раза. 10) Никиту Волкова, Василия Ахменчука, Василия Соколова, последовавших за мятежниками, не взирая на сделанные им от ротного командира и фельдфебеля предварения; Фому Ляпина, Исая Рубцова, Яна Матвеева, делавших сверх последования за мятежниками разные буйств аи ругательства своим унтер-офицерам, тож чрез тысячу человек по три раза. 11) Лукьяна Григорьева, Ивана Сидорова, Никифора Нестерова, Фриц Фрица, Юрия Адо, Дмитрия Рудакова, Сергея Павлова, Петра Долганова, Гаврилу Филимонова, Лазаря Семенова, Афанасия Алексеева, Юрия Яна, Исаия Жилкина и Максима Степанова, кои сверх добровольного последования за мятежниками, изобличены в отнятии у мужиков шапок, сапогов и в кражах одежды, тож чрез тысячу человек по два раза. 12) Степана Антонова, Григория Антонова и содержавшегося на гаубтвахте, бежавшего из Елецкого пехотного полка Максима Алексеева, за коими, кроме добровольного последования за мятежниками, других преступлений не оказалось, прогнать тож чрез тысячу человек по одному разу. 13) Михайлу Галобокова, Гаврилу Садакова, Алексея Осмолова, Иевлея Страмилова, Петра Товаша, Бертеля Яна, Никиту Ларионова, Варфоломея Агеева, Лаврентия Козмина, Григория Литвиненка, Ивана Константинова и Антона Чернухина, барабанщика Якова Силаева, плотника Павла Юрьева и фурлейта Михайлу Молчана, как ни в каких особенных преступлениях не оказавщихся и вовлеченных в шайку мятежников, единственно по простоте своей, и более примером начальствовавшими над ними офицеров и унтерофицеров, по снятии из них с Константинова знака отличия св. Анны, а с Чернухина знака военного ордена, наказать всех палками по двести лозанов. 14) Рядового Якова Михайлова, как ни в чем невиновного, освободя от суда и ареста, без всякого наказания, употребить на службу в том же полку. 15) Казенного полковника Гебеля денщика Александра Григорьева, как явного бунтовщика и не защищавшего своего начальника, но напротив предавшегося мятежникам, первоначально с забранным им экипажем Гебеля, а потом и из квартиры его своими вещами, в пример и страх другим прогнать чрез тысячу человек четыре раза. 16) Лишенного духовного звания Даниила Кейзера, изобличенного в исполнении приказаний мятежников из корысти и нарушившего священные обязанности к богу и государю, следовало бы подвергнуть тоже телесному наказанию, но как он из дворян, то по основанию жалованной дворянству грамоты, лиша дворянского достоинства, обратить на службу вечно рядовым. И как его, так и всех подвергнувшихся наказанию, сообразно высочайшему повелению отправить как порочных на службу в Кавказский отдельный корпус.

15.

Разгром Черниговского полка [1].

В полдень Муравьев вышел из Ковалевки к Трилесам. Прежде нежели расскажем встречу его с отрядами Гейсмара, необходимо показать (сколько нам известно), в каких силах он сошелся с неприятелем. Полагая круглым счетом в роте по 140 человек с унтер-офицерами, в 6 ротах было 840 человек. К сему должно прибавить взвод мушкетеров 1-й роты, которые, в числе 70 человек, соединились в Мотовиловке с полком, и 60 музыкантов, ставших в ряды своих товарищей по собственному желанию; следовательно, вся сила С. Муравьева состояла из 970 человек нижних чинов и пяти офицеров, а именно барона Соловьева, Щепилы, Кузьмина, Сухинова и Быстрицкого. Кроме сих офицеров, находились при нем Бестужев-Рюмин, Матвей и Ипполит Муравьевы-Апостолы. С. Муравьев с своим отрядом, оставив вправо и влево дороги, идущие из Ковалевки в Трилесы через деревни, для сокращения пути избрал дорогу, проложенную прямо через степь. Полк, сомкнутый в полувзводную колонну, медленно двигался вперед, не выходя из околицы, и, прошедши от Ковалевки не более 6 верст, между солдатами распространился слух, будто бы пушечное ядро убило в обозе крестьянина с лошадью. Никто не слышал выстрела; нигде не было видно не только орудий, но даже ни одного неприятельского солдата; между тем, в колонне произошло волнение, и солдаты начали толковать, спорить, теряясь в догадках. Офицеры старались их успокоить, уверяя, что сия новость не что иное, как выдумка какого-нибудь труса или лгуна. Однакож С. Муравьев построил взводы, сомкнув полк в густую колонну справа, вызвал стрелков по местам взводов и продолжал итти.

Едва колонна вышла из околицы и сделала не более ¼ версты, как пушечный выстрел поразил слух изумленных солдат, которые увидели в довольно значительном расстоянии орудия, прикрытые гусарами. За сим выстрелом последовало несколько других, но ни один из оных не причинил ни малейшего вреда колонне: может быть, стреляли холостыми зарядами. Полк шел вперед. Муравьев приказал осмотреть ружья и приготовиться к бою. Приказание сие ободрило солдат, но сей порыв оживленного мужества был остановлен действительными пушечными выстрелами. Первый картечный выстрел ранил и убил несколько человек. С. Муравьев хотел вызвать стрелков: новый выстрел ранил его в голову; поручик Щепила и несколько рядовых пали на землю мертвыми. С. Муравьев стоял как бы оглушенный: кровь текла по его лицу. Он собрал все свои силы и хотел сделать нужные распоряжения, но солдаты, видя его окровавленным, поколебались: первый взвод бросил ружья и рассыпался по полю; второй следовал его при-

---

[1]) Записки И. И. Горбачевского

черу; прочие, остановясь сами собою, кажется, готовились дорого продать свою жизнь. Несколько метких картечных выстрелов переменили сие намерение. Действие их было убийственно: множество солдат умерло в рядах своих товарищей. Кузьмин, Ипполит Муравьев были ранены; Быстрицкий получил сильную контузию, от которой едва мог держаться на ногах... Мужество солдат колебалось: Сухинов, Кузьмин и Соловьев употребили все усилия к возбуждению в них прежних надежд и бодрости. Последний, желая подать собою пример и одушевить их своею храбростью, показывал явное презрение к жизни, становился под самые картечные выстрелы и звал их вперед; но все было тщетно. Вид убитых и раненых, отсутствие С. Муравьева нанесли решительный удар мужеству восставших черниговцев: они, бросив ружья, побежали в разные стороны. Один эскадрон гусар преследовал рассыпавшихся по полю беглецов; другой окружил офицеров, оставшихся на месте, занимаемом прежде колонною, между ранеными и убитыми. В это самое время Соловьев, увидя недалеко от себя С. Муравьева, идущего тихими шагами к обозу, подбежал к нему, чтобы подать ему помощь. С. Муравьев был в некотором роде помешательства; он не узнал Соловьева и на все вопросы отвечал: «Где мой брат, где мой брат?». Взяв его за руку, Соловьев хотел его вести к офицерам, оставшимся на прежнем месте. Но едва он сделал это движение, как Бестужев-Рюмин подошел к ним и, бросясь на шею к С. Муравьеву, начал осыпать его поцелуями и утешениями. Вместе с Бестужевым приблизился к ним один рядовой первой мушкетерской роты. Отчаяние изображалось на его лице; вид Муравьева привел его в исступление; ругательные слова полились из дрожащих от ярости уст его. «Обманщик!» — вскричал он, наконец, и с этим словом хотел заколоть С. Муравьева штыком. Изумленный таковым покушением, Соловьев закрыл собою Муравьева. «Оставь нас, спасайся! — закричал он мушкетеру, — или ты дорого заплатишь за свою дерзость». Сделав несколько шагов назад, солдат прицелился в Соловьева, грозя застрелить его, если он не откроет С. Муравьева. Соловьев схватил на земле лежавшее ружье и сделал наступательное движение, которое заставило опомниться бешеного солдата; он удалился, не сказав ни слова. Когда надежды успеха исчезли, Ипполит Муравьев, раненый, истекая кровью, отошел несколько шагов от рокового места и почти в то же самое время, когда гусар наскочил на него и прострелил ему череп, упал мертвый к ногам лошади гусара. По приказанию генерала Гейсмара, гусары окружили офицеров и раненых солдат и отобрали от них оружие.

Таким образом кончилось пагубное для многих восстание Черниговского полка. Около 60 человек и 12 крестьян, находившихся в обозе, были убиты или тяжело ранены. Поручик Щепила умер в рядах; С. Муравьев был ранен в голову; Ипполит Муравьев в левую руку; Кузьмин — в плечо на вылет: все трое картечами. Быстрицкий получил сильную контузию в правую ногу; шинель

Бестужева была простреляна в нескольких местах. Это служит доказательством, под каким убийственным огнем стоял Черниговский полк и сколь мало думали офицеры о своей жизни.

16.

Восстание Черниговского полка в воспоминаниях М. И. Муравьева-Апостола [1]).

Участвовавший в походах 1812, 1813 и 1814 годов Сергей Иванович [Муравьев-Апостол] достаточно был сведущ в военном деле, чтобы не питать никакой надежды на успех восстания при силе, заключавшейся в горсти людей. Но обстоятельства так сложились, что восстание, непредвидимое, неприготовленное, было уже совершившимся фактом, вследствие грубого, безрассудного обхождения Гебеля с офицерами, уважения которых не умел он снискать. Солдаты ненавидели его, сочувствовали своим офицерам, питали к ним полное доверие, а тем более к Сергею Ивановичу. Они ему говорили, что готовы следовать за ним, куда бы он их ни повел. Офицеры, нарушившие закон военного повиновения, из преданности и любви к нему, ожидали его решения. Покинуть их — значило бы отказаться разделить с ними горькую участь, их ожидавшую. Брат решился итти в поход для соединения с 8-ю пехотною дивизиею, расположенною за Житомиром. В 8-й пехотной дивизии находились многие члены Тайного союза и Общества Соединенных Славян. В числе первых считалось несколько полковых командиров, на содействие которых можно было положиться: несколько рот старого Семеновского полка переведены были в эту дивизию и вполне доверились брату. Офицеры пешей 8-й артиллерийской бригады, когда до них дошла весть о смерти государя, дали знать Сергею Ивановичу, что у них все готово к походу и лошади подкованы на зимние шипы. К тому же надежда, что восстание на юге, отвлекая внимание правительства от товарищей-северян, облегчит тяжесть грозившей им кары, как бы оправдывала, в его глазах, отчаянность его предприятия; наконец и то соображение, что, вследствие доносов Майбороды и Шервуда, нам не будет пощады, что казематы—те же безмолвные могилы; все это взятое вместе, посеяло в брате Сергее Ивановиче убеждение, что от предприятия, повидимому безрассудного, нельзя было отказаться, и что настало время искупительной жертвы. Рота выступила из Трилесья. Ночлег наш был в селе Спидинки. 30 декабря, около третьего часа пополудни, роты дошли до Василькова. Против нас была выставлена цепь стрелков. Когда рота подошла к ней на такое расстояние, что можно было разглядеть лица солдат,

---

[1]) «Рус. Арх.», 1871 г., стр 232—238. (Отд. изд. «Воспом. М. И. Муравьева-Апостола», под ред. С. Я. Штрайха, П. 1922 г.)

стрелки с криком «ура!» соединились с своей пятой ротой и вместе с ней вступили в Васильков. По вступлении в город, брат принял следующие меры: освободил из-под ареста М. А. Щепилу, барона Вениамина Николаевича Соловьева, Ивана Ивановича Сухинова, возвратившихся накануне из Трилесья; усилены были караулы у острога и у казначейства; наряжен был оберегательный караул к дому, занимаемому Гебелем; отдан был приказ на всех заставах, никого не впускать в город и не выпускать из него, без ведома и разрешенния брата. Ночь прошла спокойно. Несколько офицеров, ехавших в отпуск или возвращавшихся в свои полки, являлись к Сергею Ивановичу и без задержки отправлялись далее. Проезжий жандарм задержан был ночью. 31 декабря, второй баталион Черниговского полка, в полном своем составе, рано утром соединился в Василькове; две роты первого баталиона присоединились тоже к нам. После продолжительного колебания полковой священник Черниговского полка согласился отслужить молебен и прочесть перед фрунтом катехизис, составленный братом. В нем излагались обязанности воина в отношении к богу и отечеству.

Роты, помолившись, готовились выступить из Василькова; тут под'езжает почтовая тройка, и брат Ипполит бросается в наши об'ятия. Ипполит, только что выдержав блестящий экзамен, был произведен в офицеры генеральн. штаба и определен во вторую армию. Напрасно мы его умоляли ехать далее в Тульчин, место его назначения: он остался с нами.

31 декабря прибыли мы в с. Мотовиловку, где у нас была дневка, по случаю нового года.

2 января 1826 года брат Сергей Иванович намеревался направиться на Бердичев, чтобы воспользоваться лесистою местностью. Узнав, что 17 Егерский полк, расположенный в Белой Церкви, выставлен против нас, он свернул на Житомир, кратчайшею дорогою, через Трилесье.

3 января 1826 г. на привале мы узнали, что кавалерийский отряд с конно-артиллерийскою ротою загораживает путь в Трилесье. Всеобщая радость: конно-артиллерийскою ротою начальствовал полковник Пыхачев, член Тайного Союза. В 1860 г., жительствуя в Твери, я только тогда узнал, что Пыхачев, накануне того дня, когда его рота выступила против нас, был арестован. Мы снялись с привала, построились в ротные колонны и пошли далее. Местность оказалась самою невыгодною для пехоты, имеющей встретиться с кавалерией. Отряд, пушки в виду. Мы подвигаемся вперед. Раздается пушечный выстрел, за ним второй, ядро пролетело над головами. Мы все шли вперед. Открылась пальба картечью, у нас несколько человек пало, одни убитыми, другие ранеными, в числе первых начальник шестой мушкетерской роты, штабс-капитан Михаил Алексеевич Щепила. Тогда Сергей Иванович решился прекратить неравный бой и спасти свою команду от неминуемой погибели, и приказал поставить ружья в козлы. Солдаты, повинуясь ему, не понимали, с каким намерением на-

чальник остановил их на походе. Сергей Иванович им сказал, что виноват перед ними, что, возбудив в них надежду на успех, он их обманул. Артиллеристам Сергей Иванович стал махать белым платком и тут же упал, пораженный картечью. Ипполит, полагая, что брат убит, застрелился из пистолета.

Нас рассадили в сани; пришлось нам проехать мимо наших солдат, которые с соболезнованием смотрели на брата. Ни у кого из них на лице не проявилось ни малейшего знака укора. После нашего от'езда, кавалерия обступила черниговских солдат.

В Трилесье нас поместили в корчму, приставив к нам караул из белорусских гусар. У брата рана не была перевязана, и нечем было перевязывать. Вещи наши, и белье, и прочее, расхищены были гусарами.

Наступила ночь, подали огонь. — Кузьмин, лежавший на соломе против меня, просил меня подойти к нему. Я ему указал на раненую голову брата, лежавшую на моем плече. Кузьмин, с видимым напряжением, подполз ко мне, передал рукопожатие, по которому Соединенные Славяне узнавали своих, простился дружелюбно со мною, дополз до своей соломы, и тут же, лежа, застрелился из пистолета, спрятанного в сюртучном рукаве у него. Кузьмин скрыл от нас полученные им две картечные раны, одну в бок, другую в левую руку...

От выстрела, сделанного Кузьминым, с братом повторился обморок, которому он уже несколько раз до того подвергался, вследствие потери крови из неперевязанной раны.

Утром 4 января 1826 года рану перевязали, подали сани; приготовлен был конвой из Мариупольских гусар, чтобы отвезти нас в Белую Церковь. Сначала начальник конвоя долго не соглашался на нашу просьбу дозволить нам проститься с братом нашим Ипполитом, потом повел нас к нежилой, довольно пространной хате. На полу лежали голые тела убитых, в числе их и брат наш Ипполит. Лицо его не было обезображено пистолетным выстрелом: на левой щеке под глазом заметна была небольшая опухоль, выражение лица было гордо-спокойное. Я помог раненому брату Сергею встать на колени; поглядели на нашего Ипполита, помолились богу и дали последний поцелуй нашему убитому брату.

Меня посадили в сани вместе с раненым братом. Дорогою мы утешали себя мыслию, что и в Сибири, где мы ни были бы брошены, мы будем неразлучно вместе. Молодой мариупольский гусарский офицер, который был посажен на передке наших саней, без вызова на разговор с нашей стороны, заговорил о своем и своих сослуживцев сочувствии к нам.

17.

«Общий взгляд на действия С. И. Муравьева».

(Из записок И. И. Горбачевского.) [1]).

Взглянем теперь на совокупность происшествий и рассмотрим внимательно, беспристрастно, действия С. Муравьева. Медленность и какая-то неопределенность в движениях поражают при первом взгляде. Спрашиваем, что заставляло его, после столь смелого начала, ограничиться движениями около Василькова, делать небольшие переходы и дневать в Мотовиловке, между тем как солдаты, так и офицеры только того и желали, чтобы действовать наступательно. Сии жалобы не могли скрыться от начальника. Если бы Муравьев, не дожидая помощи, сам искал оную; если бы движения Черниговского полка были быстры, внезапны, то кроме существенной выгоды сии движения укрепляли бы дух подчиненных и поддерживали их надеждою успеха. С. Муравьеву должно было собрать полк как можно скорее, избрать какой-либо один или два пункта и действовать с быстротою молнии. Киев, Брусилов, Белая Церковь, Паволочь, потом Житомир, — вот места, куда должен был броситься и увлечь за собою находившиеся там полки, в коих или командиры или офицеры, будучи членами Тайного общества, верно бы соединились с ним, тем более, что один усиленный переход достаточен был для занятия которого-нибудь из этих мест. В Киеве он мог бы надеяться на присоединение Курского пехотного полка и даже других полков, стоявших в окрестностях города. Кроме того, артиллерийские офицеры, находившиеся при арсенале, вероятно, сдержали бы слово, данное ими Андреевичу, и занятие такого города, как Киев, имело бы большое влияние на умы. В Паволоче командиры конной роты артиллерийской и офицеры, принадлежа к обществу, конечно не упустили бы случая оправдать, при появлении С. Муравьева, делом все, что говорилось ими при других членах. Брусилов и Белая Церковь представляли ему более или менее подобных выгод. Если же он не имел намерения воспользоваться сими выгодами и надеялся более на 8-ю, нежели на 9-ю дивизию, то и в таком случае ему должно было устремиться к квартирам и занять Житомир быстрым, неожиданным движением. Во время самого похода из Василькова до деревни Полог и далее, С. Муравьев на каждом шагу делал ошибки и непростительные упущения; кроме того, он не принимал никаких предосторожностей. Когда он находился в Пологах и его уведомили, что ночью гусары под'ехали к самым постам, он оставил сие донесение без внимания. Совет Сухинова сделать сильную рекогносцировку также был отвергнут. Вместо того, чтобы, по предложению Сухинова, итти из Ковалевки в Трилесы которою-нибудь

[1]) Op. cit., стр. 156—165.

из дорог, лежащих через деревни, он пошел степью, незащищенною ничем и весьма удобною как для кавалерийской атаки, так и для действия артиллерии. Идя же в Трилесы через деревни Поленичинцы, Пилиповку и Королевку, которые, соединясь между собою, составляют как бы одно селенье, при нападении на него отряда Гейсмара он мог бы защищаться против гусар стрелками; тем более, что тогда артиллерия не вредила бы ему картечью и, может быть, Гейсмар не решился сжечь селения. Даже при выстрелах в него, сделанных конной артиллерией, он мог бы переменить направление и послать одну или две роты в деревню Королевку, которые, обойдя гусарский полк, могли бы ударить его во фланг или грозить ему сим движением [1]). Конечно, гусары не стали бы оспаривать поле сражения, ибо, повидимому, они были посланы только для наблюдения за движением Черниговского полка в ожидании войск, шедших против оного. Кроме сего, гусары неохотно действовали и, может быть, некоторые из них присоединились бы, если бы сии последние одержали верх в сем деле. С. Муравьев должен был употребить всю деятельность и расторопность, чтобы непременно в первом деле иметь хоть малый успех над неприятелем: это придало бы более нравственной силы его подчиненным, и, может быть, слухи о его успехе привлекли бы к нему людей нерешительных, но готовых действовать. При этом случае нельзя не упомянуть и о нравственном состоянии самого С. Муравьева. Кажется, он вовсе не приготовлялся к восстанию и не думал об оном: оно было произведено обстоятельствами. Решительное действие четырех офицеров, когда он был арестован, поставило его в необходимость принять команду. Насильственное начало, ужасная и жестокая сцена с Гебелем сильно поразили его душу: во все время похода он был задумчив и мрачен, действовал без обдуманного плана и как будто предавая себя и своих подчиненных на произвол судьбы. Веселость появлялась на его лице только в кругу офицеров, которые всегда были одушевлены надеждами: тут он опять находил в себе твердость и решительность и, когда выходил с ними к фронту, всегда являлся с свойственною ему привлекательностью и важностью, — одушевлять солдат сильным, кратким красноречием, которое овладевало всеми умами. Но сие действие было непродолжительно. Его брат Матвей много вредил ему. Не имея ни твердости в характере, ни желания жертвовать всем для достижения цели, этот человек с своею детскою боязнью, своими опасениями смущал С. Муравьева и отнимал у него твердость духа. После каждого разговора с братом С. Муравьев впадал в глубокую задумчивость и даже терялся совершенно. Офицеры, заметя сие, старались не оставлять Матвея наедине с братом и даже хотели просить С. Муравьева, чтобы он удалил его от полка. Он дорогою упрекал С. Муравьева в неумеренной же-

---

[1]) Он мог держаться в деревнях и ночью продолжать путь, как солдаты сами желали того.

стокости с Гебелем до того, что С. Муравьев хотел в Василькове итти просить у него прощения, но офицеры его не допустили. По его же совету, С. Муравьев выпустил из-под ареста майора Трухина и жандармских офицеров. При первых выстрелах он спрятался в обозе. Вообще, поведение его было таково, что офицеры раскаивались, что из уважения к С. Муравьеву не настояли на том, чтобы удалить его из отряда. Тягостно иногда говорить прямую истину, но уважение к памяти погибших людей и уважение к самому себе требует исполнения сих обязанностей.

Мы сказали, в чем можно упрекнуть С. Муравьева; скажем теперь и то, что может служить к его оправданию. Может быть, он держался близ Василькова с каким-либо намерением: вероятно, надежда, что посланные против него полки соединятся с ним, была причиною медленности его движений (это подтверждается наставлениями, данными Мозалевскому при отправлении его в Киев, а именно: узнать, какие полки будут посланы против него, кто ими будет командовать и пр.). Высокие чувства и благородная душа С. Муравьева не позволяли ему сомневаться в обещании других членов; он надеялся, что те, которые ручались честию за свои полки и роты, не оставят его в трудные минуты восстания. Он верил всем, не воображая, что в этом случае люди, известные своею храбростью и честностью, сыграют роль трусов и обманщиков. Обещания их набросили на его шею веревочную петлю; за уверенность в их мужестве и правдивости он заплатил жизнью. Приуготовительные действия членов Южного общества не имели никакой определенной цели. Раздоры членов, обманчивые надежды на помощь людей (солдат), с коими они не имели никаких сношений, преувеличение сил своих, слабость характеров, боязнь междоусобия, желание достигнуть своей цели без трудов и опасностей заранее уничтожали всякую уверенность в успехе. В таких обстоятельствах борьба горсти людей с исполинскими силами правительства была верх безрассудства; чтобы выйти победителем, нужно было чудо. Без сомнения, никто не станет обвинять С. Муравьева в легковерии. Можно ли было полагать, что средством к разбитию Черниговского полка будет употреблена конная артиллерийская рота, в которой не только командир, но все, без исключения, офицеры принадлежали к Южному тайному обществу? [1]).

Если медленность Муравьера и робость некоторых членов общества вредили успехам переворота, то, с другой стороны, и решительные меры, принятые местным начальством для усмирения мятежа, делали оные невозможными. Командиры 3-го и 4-го корпусов действовали с необычайною скоростью. Положительно известно, что все повеления в полки о выступлении в поход были посланы от них; неизвестно, имели ли они прежде какие-либо

---

[1]) Генерал Рот, узнав о восстании Черниговского полка, поехал в расположение квартир гусарской бригады и конной артиллерии. Пыхачев мог бы его там арестовать, но он потерял в сем случае, как говорят, голову.

предписания от высшего начальства, или сами собою действовали. Не станем теряться в догадках: сближая время восстания Черниговского полка и движения войск против него со временем разбития С. Муравьева, можно предполагать, что корпусные командиры лично от себя распоряжались.

Как скоро слух о восстании Черниговского полка дошел до командиров 3-го и 4-го корпусов, то все квартировавшие недалеко от Василькова пехотные и кавалерийские полки поднялись с быстротою молнии и шли для укрощния возникшего мятежа. Жандармский офицер Ланг, бежавший из Трилес, дал первый знать в дивизионную квартиру 9-й дивизии (в Белую Церковь) о случившемся там происшествии 29 декабря (1825 г.). Курьеры ту же минуту были отправлены к высшему начальству. По получении известия генерал Рот тотчас поехал в Бердичев и Паволочь за гусарскими полками и артиллерией. Должно думать, что местные начальства не имели настоящего понятия о силе общества. Боязнь и подозрительность увеличивали в их глазах опасность. Из распоряжений генерала Рота можно видеть, что Мариупольский полк и конная № 5 рота были посланы только для наблюдения за движением Черниговского полка, а не для усмирения оного. Ибо, разделив помянутый полк на три отряда, он приказал им занять те дороги, по которым мог следовать С. Муравьев, единственно с тем, чтобы сии конные отряды действовали по обстоятельствам в ожидании других войск. Сии отряды были расположены следующим образом: первый, под командою самого генерала Рота, находился между Белою Церковью и Паволочем; второй — в деревне Пологах, под командою генерала Гейсмара, который отыскал С. Муравьева и потом разбил его; третий неизвестно где стоял: по всей вероятности, он занимал такой пункт, из которого мог в случае нужды подать скорую помощь как первому, так и второму отряду.

Кроме того, генерал Рот приказал двинуться в Паволочь гусарским полкам, а именно: Принца Оранского, Александрийскому и Ахтырскому. Еще с большею скоростью действовало военное начальство города Киева. Узнав от майора Трухина и жандармских офицеров о восстании Черниговского полка, там все пришло в движение. В ту же ночь высланы были против С. Муравьева стоявшие в карауле: 8-й дивизии — Курский пехотный полк и 7-й дивизии — баталион Муромского полка. Кроме того, в 1½ не более часа было отправлено множество курьеров в полки с повелениями выступить немедленно к г. Василькову, а к разным начальствам — с уведомлением о происшествии. Вследствие сих повелений полки 10-й дивизии: Витебской, Полоцкой, 19-й и 20-й Егерские полки; вся 11-я дивизия; полки 12-й дивизии: Воронежской, Рыльской, Старооскольской, — выступили из своих квартир еще до разбития С. Муравьева и двинулись против Черниговского полка. 4-я драгунская дивизия следовала к Василькову, а некоторые полки оной дивизия 3 января уже дошли до города Козельца. Кроме сего,

II армии драгунская дивизия была на походе и находилась уже близ Василькова. 25-я пехотная дивизия Литовского корпуса была собрана в городе Дубнах и ожидала только вторичного повеления выступить в поход. Утверждают, будто границы Галиции занял 30-тысячный корпус австрийцев. Генерал Рот, подозревая, что офицеры 3-го корпуса должны быть в связях с С. Муравьевым, не послал против него ни одного пехотного полка вверенного ему корпуса и отрядил только 3-ю гренадерскую дивизию и конную артиллерию [1]). Вероятно, он предоставил действовать пехотою против С. Муравьева командиру 3-го корпуса князю Щербатову, который двинул почти все полки своего корпуса. Но и здесь генерал Рот и князь Щербатов могли жестоко обмануться: полки Курской, Витебской, Воронежской, Старооскольской, где были члены Общества — подполк. Крупенников, Хотяинцев, Капнист и, вероятно, много других штаб- и обер-офицеров, могли соединиться с Черниговским полком и подать помощь С. Муравьеву. Можно было также надеяться на часть 4-й драгунской дивизии. Кроме сего, к С. Муравьеву могло присоединиться множество членов Тайного общества, рассеянных в разных полках, которые, при малейшем успехе, лично или с своею частью войск пристали бы к нему и тем увеличили его силу. Если бы С. Муравьев был подкреплен артиллерией и несколькими пехотными или конными полками и имел некоторый успех; если бы поляки и жители западных губерний приняли участие в сем деле, то правительство встретило бы большие затруднения в усмирении мятежа. Неизвестно чем бы все это кончилось: может быть, ничтожное восстание С. Муравьева с Черниговским полком было бы новою эпохою жизни русского народа.

18.

Попытка захвата Бобруйской крепости [2]).

В 1824 году, был принят в Славянское общество юнкер Драгоманов, молодой человек, получивший хорошее воспитание. Природные его дарования были развиты занятиями, деятельною жизнью и желанием образовать себя еще более. Вступив в общество, он был ревностнейшим членом оного, участвовал во всех совещаниях в лагере под Лещиным и знал условия, на коих соединились два общества. Хотя он был недоверчив и не полагал, что можно так скоро освободить Россию, однакож, верил силе Южного об-

---

1) С. Муравьев не принял в соображение сего обстоятельства и для того ему должно было не дожидать помощи, но самому стремиться в те полки, где находятся члены. *И. Г.*

2) Записки И. И. Горбачевского, изд. 1916 г., стр. 174—178. Подготовляемые нами к печати документальные данные по делу прапорщика С. И. Трусова вносят ряд существеннейших коррективов в мемуарную версию Бобруйской «истории».

щества и надеялся на успех замышляемого переворота. Будучи убежден, что для возмущения полка необходимо принять в общество ротных командиров, способных действовать на солдат, и, зная, что в Полтавском полку, кроме полкового командира Тизенгаузена, поручика Усовского и Бестужева-Рюмина, нет ни одного члена, — он решился тотчас после Лещинского лагеря увеличить число оных. Вследствие сего намерения он принял в общество двух ротных командиров: поручика Троцкого и подпоручика Трусова, пылких и решительных молодых людей; сообщил им все известное о делах и намерениях Тайного общества, взял обещание действовать по общему плану и поднять знамя свободы при первом знаке к восстанию. За три месяца до восстания Черниговского полка Тизенгаузен с своим полком занял крепость Бобруйск для содержания в оной караула. Драгоманов, Усовский, Троцкий и Трусов, будучи отдалены от своей дивизии, не знали, что происходит в оной. От Бестужева-Рюмина, который никогда не жил в полку, они не имели никакого известия; он их не уведомлял даже, что́ намерены предпринять члены Тайного общества после смерти государя. Посему они следовали правилам, положенным в Лещине: «действовать медленно на солдат и офицеров, но быть в готовности на все». С. Муравьев не заботился о них и, вероятно, забыл, что они существуют: он видел одного Тизенгаузена и всю надежду полагал на него. Тизенгаузен же, с своей стороны, не имея в душе намерения способствовать к восстанию и показывая себя свободолюбивым из каких-то личных по службе неудовольствий, никогда не заботился об офицерах и солдатах и с первыми не имел никакого сношения по делам общества. Обхождение Тизенгаузена с офицерами было, в полном смысле, предосудительно. При каждом случае, он обнаруживал деспотический и мстительный характер, лучшие офицеры вышли из его полка, другие намеревались оставить оный; обращение его с солдатами было еще хуже: на него жаловались, как на грабителя и притеснителя подчиненных.

В начале января 1826 года в Бобруйске Полтавский полк вступил в свою очередь в караул. За несколько часов до развода разнесся слух о восстании Черниговского полка. Трусов и Троцкий, думая воспользоваться случайным сбором полка, немедля нимало, положили взбунтовать полк и завладеть крепостью Бобруйском. Пылая рвением подражать черниговцам и полагаясь на содействие Тизенгаузена, как ревностного члена Южного общества, сии офицеры при вступлении полка в развод обнажили шпаги и, выбежав вперед, закричали: «Товарищи-солдаты, за нами! Черниговцы восстали. Стыдно нам от них отстать; они сражаются за нашу свободу, за свободу России; они надеются на нашу помощь; пособим им, — вперед, ура!». Все офицеры были поражены поступком Троцкого и Трусова. Нечаянность сего поступка навела на всех какую-то неподвижность и оцепенение; солдаты поколебались, в рядах раздался гул, и если б хотя один из них выбежал вперед,

без сомнения он увлек бы многих. Может быть, нужно было одного человека, одной минуты, — и Бобруйск был бы в руках общества; но какая-то невидимая сила держала солдат и офицеров, как прикованных к одному месту. Троцкий и Трусов, пробегая ряды, продолжали убеждать солдат; но [командир полка], стоявший с начала сего действия в отдалении, тотчас догадался, о чем идет дело. Подбежав к Троцкому и Трусову, он приказал их схватить и связать, как негодных бунтовщиков. Ему повиновались немедленно: их схватили и тут же перед полком связали. Троцкого и Трусова сейчас отвели на гаупвахту, где [командир полка] приказал им набить кандалы на руки и ноги. Потом написал рапорт о сем происшествии к главнокомандующему I армией и при сем рапорте отправил Троцкого и Трусова через час в город Могилев...

По приезде в Могилев, Троцкий и Трусов в тот же день были отправлены в Петербург, из коего, по прошествии суток, были снова отосланы в главную квартиру с повелением кончить дело в 24 часа. По прошествии сего времени им была прочтена военно-судною комиссиею сентенция, коей они приговорены к смерти; но конфирмациею главнокомандующего сие наказание смягчено и переменено в вечно-крепостную работу. Они подверглись своему наказанию на месте преступления; через два дня их отправили в крепость Бобруйск. Когда Троцкого и Трусова представили коменданту сей крепости генералу Безаку, который их лично знал, он им сказал: «Вы меня простите, я нисколько не могу смягчить вашей участи; вы по такому делу сосланы сюда, что я ничего не в состоянии для вас сделать». Им тут же выбрили головы, надели каторжное платье и отослали тотчас в работу.

19.

Правительственное сообщение о восстании Черниговского полка и его ликвидации.

(«Русский Инвалид» от 10 января, № 8.)

Начальника главного штаба его императорского величества.

В С.-Петербурге. Января 8 дня 1826 г. № 2.

Черниговского пехотного полка подполковник Муравьев-Апостол, по сделанным открытиям и по показаниям соучастников, оказался одним из главных злоумышленников, стремящихся к общему беспокойствию и разрушению благосостояния государства, имеющих уже прежде за несколько лет самые злодейские намерения против правительства и самой жизни, блаженной памяти, покойного государя императора Александра Павловича. В то самое время, как по открытию сего преступления приступлено было к арестованию подполковника Муравьева-Апо-

с т о л а, он нанес несколько ран полковому своему командиру подполковнику Г е б е л ю, и успел возмутить часть Черниговского пехотного полка, под тем же ложным предлогом сохранения верности прежде данной присяги его императорскому высочеству цесаревичу и великому князю Константину Павловичу. Он арестовал посланных за ним фельд'егеря и жандармов, ограбил полковую казну, освободил закованных каторжных колодников, содержавшихся в Васильковской городовой тюрьме, и предал город неистовству нижних чинов. Три роты под командой майора Т р у х и н а остались верными законному своему государю и ушли от мятежников; а полковой ад'ютант поручик П а в л о в спас полковую печать и бумаги. Главнокомандующий I армией предписал ближайшему корпусному командиру, генералу от инфантерии князю Щ е р б а т о в у, отправиться самому с нужным количеством войск для уничтожения сей шайки злоумышленников и для восстановления прежнего порядка в Черниговском пехотном полку, употребляя к тому меры должной строгости и не щадя бунтовщиков. Хотя можно было надеяться, что сими мерами совершенно прекратятся последствия сего преступления, но для избежания и малейшего опасения, если бы сверх ожидания преступники могли скрыться от преследования генерала князя Щ е р б а т о в а — его императорское величество препоручил его высочеству цесаревичу принять на сие время под начальство свое войско 3-го пехотного корпуса, для скорейшего и вернейшего наказания мятежников.

Государь император, приняв за правило действовать со всею откровенностью пред войсками, коих верность и непоколебимость к законной власти испытал при самом вступлении своем на престол, высочайше повелеть мне соизволил, об'явить им о всем выше из'ясненном, дабы, предав их презрению имя преступника М у р а в ь е в а - А п о с т о л а, сделать известным имена подполковника Г е б е л я, майора Т р у х и н а и поручика П а в л о в а, заслуживающих непоколебимым усердием своим уважение храбрых и верных российских войск.

При самом утверждении сего приказа, получено донесение от главнокомандующего I армиею, с рапортом от командира 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Р о т а, к генерал-ад'ютанту князю Щ е р б а т о в у, в копии при сем приложенной, что возмущение Черниговского полка совершенно прекращено.

Подписал: начальник главного штаба *Барон Дибич.*

Копия с рапорта, полученного 5-го сего января пополудни в 8 часов командиром 4-го пехотного корпуса, генерал-ад'ютантом князем Щ е р б а т о в ы м от командира 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Р о т а от 3 января из местечка Фастова, за № 13.

Узнав по прибытии моем вчерась на ночь в деревню Мохначку, что подполковник М у р а в ь е в с мятежниками, по полученным

известиям о моем движении, оставил намерение итти через Фастов в Брусилов, переменив свое направление, шел к Белой Церкви, в надежде успеть овладеть у графини Браницкой значительной суммой, я сего числа в 3 часа пополуночи выступил с кавалериею и конной артиллериею, дав направление генерал-майору Гейсмару с двумя орудиями и 3 эскадронами к деревне Устимовке; — я же, с 5-ю эскадронами и 6-ю орудиями шел через Фастов, дабы Муравьеву препятствовать всякое отступление, направив равномерно пополуночи 12 рот пехоты с 4 пешими орудиями с Большого Половецкого на м. Белую Церковь. Таким образом, со всех сторон он был окружен и по приближении в час пополудни генерал-майора Гейсмара к деревне Устимовке, где мятежники защищались, но по нескольких выстрелах из орудий, положили оружие. Подполковник Муравьев ранен, брат его застрелился, один офицер убит, кроме других раненых и убитых. О чем вашему сиятельству имею честь сделать первое мое донесение.

СЛЕДСТВИЕ. СУД. ПРИГОВОР.

1.

Манифест по поводу событий 14 декабря 1825 года.

Божиею милостию мы, Николай первый, император и самодержец всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая, об'являем всем верным нашим подданным.

Печальное происшествие, омрачившее 14-й день сего месяца, день обнародования манифеста о восшествии нашем на престол, известно уже в его подробностях из первого публичного о нем об'явления.

Тогда, как все государственные сословия, все чины военные и гражданские, народ и войска единодушно приносили нам присягу верности и в храмах божиих призывали на царствование наше благословение небесное, горсть непокорных дерзнула противостать общей присяге, закону, власти и убеждениям. Надлежало употребить силу, чтоб рассеять и образумить сие скопище. В сем кратко состоит все происшествие, маловажное в самом себе, но весьма важное по его началу и последствиям.

Сколь ни прискорбны сии последствия, но провидение показало в них новый опыт тех сокровенных путей, коими, карая зло, из самого сего зла оно производит добро.

По первому обозрению обстоятельств, следствием уже обнаруженных, два рода людей составляли сие скопище: одни — заблудшие, умыслу не причастные, другие — злоумышленные их руководители.

Чего желали заблудшие? Быть верными данной ими присяге. Всеми средствами обольщения они были уверены, что защищают престол, и в сем уверении не могли они внимать никаким другим убеждениям.

Чего желали злоумышленники? Священные имена преданности, присяги, законности, самое имя цесаревича и великого князя Константина Павловича было токмо предлогом их вероломства; они желали и искали, пользуясь мгновением, исполнить злобные замыслы, давно уже составленные, давно уже обдуманные, давно во мраке тайны между ими тлевшиеся и

отчасти токмо известные правительству: испровергнуть престол и отечественные законы, превратить порядок государственный, ввести безначалие.

Какие средства? Убийство. Первою жертвою злоумышленников был военный генерал-губернатор граф Милорадович; тот, кого судьба войны на бранном поле в пятидесяти сражениях пощадила, пал от руки гнусного убийцы. Другие жертвы принесены были в то же время: убит командир лейб-гвардии Гренадерского полка Стюрлер; тяжко ранены генерал-майор Шеншин, генерал-майор Фридрихс и другие, кровью своею запечатлевшие честь и верность своему долгу.

Ни делом, ни намерением не участвовали в сих злодеяниях заблудившиеся роты нижних чинов, невольно в сию пропасть завлеченные.

Удостоверяясь в сем самым строгим изысканием, я считаю первым действием правосудия и первым себе утешением об'явить их невинными.

Но то же самое правосудие запрещает щадить преступников. Они, быв обличены следствием и судом, восприимут каждый по делам своим заслуженное наказание.

Сей суд и сие наказание, по принятым мерам обнимая зло, давно уже гнездившееся, во всем его пространстве, во всех его видах, истребить, как я уповаю, самый его корень, очистить Русь святую от сей заразы, извне к нам нанесенной, смоет постыдное и для душ благородных несносное смешение подозрений и истины, проведет навсегда резкую и неизгладимую черту разделения между любовью к отечеству и страстью к безначалию, желаниями лучшего и бешенством превращений, покажет, наконец, всему свету что российский народ, всегда верный своему государю и законам, в коренном его составе также неприступен тайному злу безначалия, как недосягаем усилиям врагов явных; покажет и даст пример, как истреблять сие зло, и доказательство, что оно не везде неисцельно.

Всех сил благотворных последствий мы имем право ожидать и надеяться от единодушной приверженности к нам и престолу нашему всех состояний. В сем самом горестном происшествии мы с удовольствием и признательностью зрели от обывателей столицы любовь и усердие, от войск готовность и стремление по первому знаку государя своего карать непокоривых, от начальников их преданность непоколебимую, на высоком чувстве чести и любви к нам утвержденную.

Посреди их отличался граф Милорадович. Храбрый воин, прозорливый полководец, любимый начальник, страшный в войне, кроткий в мире, градоправитель правдивый, ревностный исполнитель царския воли, верный сын церкви и отечества, он пал от руки недостойной, не на поле брани, но пал жертвою того же пламенного усердия, коим всегда горел, пал, исполняя свой долг, и память его в летописях отечества пребудет всегда незабвенна. Дан

в С.-Петербурге в 19-й день декабря месяца, в 1825-е лето от Рождества Христова, царствования же нашего в первое.

На подлинном подписано собственною его императорского величества рукою тако: *Николай.*

Место печати.

Печатан в С.-Петербурге при сенате, декабря 20-го дня 1825 года.

2.

«Комиссия для изысканий о злоумышленных обществах» и ее работа.

1. Из «обозрения» М. А. Фон-Визина [1].

Следственная комиссия приступила к розысканиям. Множество лиц было захвачено в Петербурге по подозрению в участии в Тайных обществах; других свозили в крепость Петропавловскую со всех концов России. Сначала некоторых допрашивал во дворце сам император; к нему приводили обвиняемых с связанными руками назад веревками, как в полицейскую управу, а не в царские чертоги. Государь России, забывая свое достоинство, позволял себе ругаться над людьми беззащитными, которые были в полной его власти, и угрожал им жестокими наказаниями. Тайная следственная комиссия, составленная из угодливых царедворцев, действовала в том же инквизиционном духе.

Обвиняемые содержались в самом строгом заточении, в крепостных казематах и беспрестанном ожидании и страхе быть подвергнутыми пытке, если будут упорствовать в запирательстве. Многие из них слышали из уст самих членов следственной комиссии такие угрозы. Против узников употребляли средства, которые поражали их воображение и тревожили дух, раздражая его то страхом мучений, то обманчивыми надеждами, чтобы только исторгнуть их признания. Ночью внезапно отворялась дверь каземата; на голову заключенного накидывали покрывало, вели его по коридорам и по крепостным переходам в ярко освещенную залу присутствия. Тут, по снятии с него покрывала, члены комиссии делали ему вопросы на жизнь и смерть и, не давая времени образумиться, с грубостью требовали ответов мгновенных и положительных; царским именем обещали подсудимому помилование за чистосердечное признание, не принимали никаких оправданий, выдумывали небывалые показания, будто бы сделанные товарищами, и часто отказывали даже в очных ставках. Кто не давал желаемых им ответов, по неведению ли происшествий, о которых его

---

[1] «Обществ. движение в пер. пол. XIX ст.», т. I, стр. 197—200.

спрашивали, или из опасения необдуманным словом погубить безвинных, того переводили в темный и сырой каземат, давали есть один хлеб с водою и обременяли тяжкими ручными и ножными оковами. Медику крепостному поручено было наблюдать, в состоянии ли узник вынести еще сильнейшие телесные страдания.

После того, могли ли признания обвиняемых, вынужденные такими насильственными средствами, почитаться добровольными? Часто они были не истинны, и показания некоторых обвиняемых, упавших духом, содержали в себе вещи несбыточные и до того нелепые, что человек в здравом уме и с полным сознанием никак не мог бы наговорить такого вздора и во вред самому себе и другим товарищам. Все такие порождения расстроенной фантазии некоторых из узников представлены, как истинные намерения и действия в донесении тайной следственной комиссии. Редактор этого акта воспользовался ими довольно ловко и успел придать вид внутренней связи (вероятности) этому сплетению искаженной истины с небылицами и ложью, не только для обвинения подсудимых, но и для того, чтобы всячески очернить нравственный характер Тайного Союза и самую чистоту его намерений.

Из членов тайной следственной комиссии всех пристрастнее и недобросовестнее поступал бывший после военным министром князь Чернышев: допрашивая подсудимых, он приходил в яростное исступление, осыпал их самыми пошлыми ругательствами, — словом, действовал, как известный английский судья Жефрис в политических процессах при Карле II, и Якове II, которого так драматически представил Вальтер-Скотт в одном из своих романов. Пристойнее всех вели себя князь Алекс. Ник. Голицын и генерал-ад'ютант граф Бенкендорф, у которых часто вырывалось сердечное сочувствие и сострадание к узникам.

В последние недели заседаний следственной комиссии набралось так много подозреваемых в участии в Тайных обществах лиц, что само правительство приказало комиссии ограничиться в своих розысках только теми, которых она признавала более виновными, а прочих освободить от следствия. В продолжение шести месяцев арестованных в разных местах по подозрению было до двух тысяч человек.

Доклад тайной следственной комиссии был единственным обвинительным актом, по которому судились все, замешанные в деле Тайных обществ. В этом докладе действия многих членов представленны намеренно превратно, часто насмешливым тоном, как ребяческие шалости. Главное обвинение против большого числа членов Союза состояло в приписывании им цареубийственных замыслов против особы императора Александра I, несмотря на то, что он несколько лет позже спокойно умер от болезни в Таганроге.

Выражению минутной досады или негодования, вызванному каким-нибудь непохвальным действием верховной власти, приписывали значение обдуманного намерения и считали наравне с пре-

ступлением, как бы уже сделанным. За несколько лет назад вырвавшееся в горячем разговоре нескромное слово, мысль завтра отвергнутую (и позабытую сказавшим ее), называли цареубийственным замыслом. (Тогда как и по нашим законам, всякое преступное намерение, если замышлявший его одумался и добровольно отказался привести его в исполнение, не подвергается осуждению, а здесь необдуманным разговорам, в коротких дружеских беседах, иногда за бокалами шампанского, не имевших никаких последствий, придана важность государственного преступления).

В донесении следственной комиссии не выставлено ни одно обстоятельство ни одно действие подсудимых, которые бы могли возбудить симпатичное участие к ним соотечественников. Сколько было показаний многих из них, в которых представлено в истинном виде тогдашнее состояние России, страдавшей под вековым гнетом самовластия! Сколько верных изображений хаотического беспорядка и в законодательстве и в администрации! Сколько уроков самому правительству для уврачевания тяжких язв, с'едающих Россию! Уничтожением крепостного рабства целой трети ее народонаселения, винных откупов, посредством которых главный государственный доход основан на развращении и разорении народа по несчастной страсти его к крепким напиткам, поощренной с согласия правительства винными откупами, до невероятности размножающими средства удовлетворять эту страсть,—все эти горькие истины и многие другие откровенно и добросовестно высказаны подсудимыми и, однако, обо всем этом умолчено в донесении следственной комиссии государю. Во всем этом политическом процессе правительство действовало с неслыханным пристрастием и как истец или тяжущаяся сторона, и, вместе с тем, как раздраженный неумолимый судья. Какого же правосудия можно было ожидать, когда умышленно нарушались и те немногие судебные обряды и формы, которые служат для подсудимых ограждением от произвола и пристрастия предубежденных судей.

2. Из записок А. М. Муравьева [1].

Комиссия эта состояла из военного министра, глупого старика, занимавшего председательское кресло великого князя Михаила, который был и судьей и стороной в собственном деле, генерала Дибича, пруссака, который, как и многие другие иностранные искатели приключений, пользовался благоволением государя; генерала Кутузова, петербургского генерала-губернатора; князя Голицына, бывшего министра духовных исповеданий; генералов: Потапова, Левашева и Чернышева. Полковник Адлерберг, ад'ютант импе-

[1]) Записки А. М. Муравьева, Пет. 1922 г., стр. 21—23. Французский оригинал этих записок опуб и ован впервые в книге Т. Шимана, «Die Ermordung Pauls und die Thronbesteigung Nikolaus I», Berlin, 1902. S. 161—181.

ратора, присутствовал там, чтобы делать заметки, которые он ежедневно передавал своему повелителю.

Этот инквизиционный трибунал собирался в доме коменданта Петропавловской крепости. В начале его заседания происходили позднею ночью, когда же стали торопиться закончить наш процесс, заседания происходили днем и ночью. Когда эти заседания были ночными, заключенный являлся перед своими судьями изнуренный голодом и мучениями. Плац-майор или один из ад'ютантов приходили в каземат за заключенным, набрасывая ему на лицо покрывало перед тем, как его оттуда вывести, и, взяв за руку, в молчании вели его через крепостные коридоры и переходы. Только в ярко освещенном зале, где находилась комиссия, спадало покрывало. Царедворцы в блестящих мундирах, не давая заключенному времени собраться с мыслями, задавали вопросы, от которых зависели жизнь и смерть, требуя быстрых и решительных ответов о делах, совершенно неведомых допрашиваемому. Хранившееся им молчание было новой уликой, вменявшейся ему в вину.

Этот секретный комитет, как он назывался, был инквизиционным трибуналом — без уважения и внимания к людям, без тени справедливости или беспристрастия, при глубоком неведении законов. Когда комитетом исключительно овладела мысль закончить скорее дело, он свалил в одну кучу виновных и невинных, чтобы отделаться от них и заслужить похвалу за быстроту. Царедворцы, не имевшие иной цели существования, кроме стремления добиться благоволения своего повелителя, не допускали возможности политических убеждений, отличных от их собственных; и это были наши судьи. Особенным остервенением против нас отличались среди них Левашев и Чернышев; им обоим было, главным образом, поручено предлагать вопросы. Все средства казались им хорошими. Они выдавали ложные показания за подлинные, прибегали к угрозам очных ставок, которых потом не давали. Чаще всего они уверяли узника, что его преданный друг во всем признался им. Обвиняемый, которого немилосердно и беспощадно терзали допросами, в оцепенении соглашался подписать (показания). Когда же его друга вводили в зал заседаний, тот не мог ни в чем признаться, так как ничего и не было. Обвиняемые бросались друг другу в об'ятия к вящшему смеху членов комиссии. Между тем их смертный приговор был уже подписан.

3. Из воспоминаний В. И. Штейнгеля [1].

Монарх, задернув этот комитет, с его действиями, непроницаемою для публики, завесою крепостного, всегда страшного с е к р е т а, предоставил себе непосредственное право быть полным

---

[1] Воспоминания В. И. Штейнгеля в «Обществ. движ. в России в перв. пол. XIX в.», т. I, стр. 449—456.

распорядителем судьбы тех, на кого розыск укажет пальцем. Это, конечно, не язык бироновских времен, но при направлении мстительного преследования, всегда столько же страшный. Жертвы скоро свозились отовсюду. Многих привозили прямо во дворец, где генерал-ад'ютант гр. Левашев снимал первый допрос и носил докладывать по нем государю. К некоторым монарх выходил сам. Гнев еще преобладал в нем: укоризны, сарказмы напоминали слова царя-пророка: «прощение царево подобно рыканию льва», и заставляли сожалеть о забытии продолжения этих слов: «яко трава злаку, тако тихость есть». Судя по важности прикосновения, привезенный арестант отсылался с фельд'егерем или в дом генерального штаба, где были отведены особые комнаты, или прямо к коменданту Петропавловской крепости, которым был тогда самый черствый человек генер.-ад'ютант Сукин. Плац-майор отводил жертву в каземат и, совершив в назначенном для нее н о м е р е обряд раздевания и облачения в затрапезный халат, оставлял несчастного всей тяжести первых, быстро переходных и столь ужасных впечатлений. Дом генерального штаба некоторым образом походил тогда на чистилище, а крепость представляла Тартар Данте. Всякому ввозимому, конечно, мечталась та же ужасная мысль, какая выражена поэтом в «Lasciate ogni speranza voi ch'entrate!». Таким образом крепость вскоре наполнилась так, что недоставало места. Прибавили номеров пригородкою временных, из брусьев сырого леса. Занят был даже секретный Алексеевский равелин, в садике которого похоронена несчастная принцесса Тараканова, дочь Елизаветы I, похищенная из Ливорно гр. Орловым-Чесменским и утонувшая во время наводнения в 1777 году.

Слуги нового властителя всегда бывают чрезмерно усердны в угодливость порывам гнева его: и рвать готовы. В XIX веке, комитет генер.-ад'ютантов, вмещавший царского брата, принял обряды инквизиции! Присутствие в доме коменданта открывалось ночью. К допросам водили под покрывалом, накидывая на лицо платок. По приводе в передний зал сажали за ширмы, поставленные в двух углах, со словами: «можете теперь открыться». В этом ожидании за ширмами было слышно, как расхаживали по залу плац-ад'ютанты, жандармы, аудиторы, вообще — вся военная субалтерия; стучали шпорами, рассказывали анекдоты дня, театральные замечания и хохотали, показывая полное безучастие к страдальцам. Может быть, так было и приказано; а никакой приказ подобными людьми так хорошо не исполняется. Пишущий это через 27 лет, с трепетным сердцем вспоминает, как в один из таких сеансов мог видеть чрез замеченную в ширмах дырочку, что из-за других ширм вывели за руку товарища страдания, с завязанными назад руками и с наножным железным прутом, так что он мог едва двигаться. Едва ли то был не Рылеев. Когда надобно было весть в присутствие, плац-майор опять накидывал платок на голову и вводил за руку, как слепого! При этом

царствовала глубокая тишина. Когда введенного останавливали, раздавался бас «откройтесь», и приведенный видел себя перед самым столом этого ареопага.

Думали поражать важностию заседающего сонма и производили впечатление совсем тому противное. Надо отдать справедливость, что не употребляли пыток, какими славилась омерзительной памяти «тайная канцелярия с ее Шешковскими». Но дозволяли себе для вынуждения сознания, налагать железа на руки и на ноги и определять в диэту хлеб и воду; как будто это не то же. Прибавьте к этому помещение некоторых в смрадных нечистых «номерах», наполненных всякого рода насекомыми. В них страдальца отделяла одна брусная, со сквозными пазами, перегородка, от инвалидов, на ночь тоже запираемых, так что он должен был слышать мерзости, и скажите, что это не пытка. Каков был этот способ дознания так названной истины, можно судить потому, что один из содержавшихся, полковник Булатов, убил себя, разбивши голову об стену, другой думал лишить себя жизни, глотая мелкие осколки разбитого стекла.

Когда, таким образом, из одних готовили род гекатенфонии тени Александра, других спасали по уважениям фамильным, даже с сокрытием их прикосновенности. Отсюда вышло то, что 20-летние прапорщики, 18-летние мичмана явились ужасными государственными злодеями, дышавшими цареубийством, ниспровержением престола, а люди уже солидные, участвовавшие обдуманно, оказались невинными и отпущены без огласки, одни из дворца, другие из штаба, третьи даже из крепости, просидевшие в ней до окончания процесса.

Упомянем случай, разительно доказывающий, как эти тайные вынудительные меры к исторжению сознания могут губить людей невинных. Подполковник штаба 2-й армии Фаленберг был арестован, когда только что успел жениться. Жена его была очень больна в это время. Чтобы ее не убить, арестование было произведено со всею предосторожностию. Он мог уверить больную, что уезжает в Бессарабию, и вскоре возвратится. Всю дорогу мучила его одна мысль: «что станет с нею, если узнает». По доставлении его во дворец и по снятии допроса, как малозамешанного, его посадили в штаб вместе с полковником Харьковского драгунского полка Кончеяловым. Терзаемому разлукой дни казались месяцами. Наконец, его уже предваряли о признаках скорого освобождения, как вдруг к Кончеялову пришел восторженный полковник Раевский, только что выпущенный из-под ареста. Заметив третье лицо в комнате: «кто с ним?»; узнав, что это по жене его родственник, которого он лично не знал, Раевский подошел к нему с рекомендацией и, между прочим, в утешение имел неосторожность сказать, что государь чрезмерно милостив! «Требуется одно только искреннее сознание, и что бы вы ни сделали, смело признайтесь, и тотчас будете выпущены». Самого

себя, притом, поставил примером. Расстроенная голова Фаленберга закружилась от такого легкого способа отделаться скорее и лететь к обожаемой своей половине. В тот же вечер он написал гр. Левашеву записку, что «желает признаться». Его позвали. Он показал, что знал о преднамеренном цареубийстве от кн. Барятинского. Его тотчас же отправили в крепость. В комитете, через несколько мучительных дней, дали ему очную ставку.

Кн. Барятинский с жаром убеждал его, что никогда ничего подобного ему он не говорил. Фаленберг, не понимая его благонамеренности, с сердцем выговорил ему: «что же вы хотите меня представить лжецом!» и князь Барятинский вынужден был сказать: «ну, как хотите, по крайней мере я не помню». Видя, что и тут признание нисколько никого не жалобит, он об'явил коменданту истину, что ничего ни о каком цареубийстве не знал и не слыхал до самого издания об'явления, и показал на себя вздор, чтобы только скорее освободиться. Но уже поздно: ему не поверили, и ответили осуждением на 15 лет в каторжную работу.

Другие обвинения достигались не лучшими средствами. То убеждали показывать все, что знают, обольщая милосердием государя; то восстановляли одного против другого, об'являя, будто бы тот показывает в его обвинение; то уверяли, что все уже знают, и только хотят видеть степень искренности сознания; то, наконец, как и выше уже замечено, вымогали сознание угрозами и самою жестокостию. Отчего после и вышло, что некоторые из тех, которых принуждены были признать невинными и выпустить, понесли уже наказание держанием в железах, что по закону считается наказанием телесным. Поэтому их все-таки удалили и под надзор полиции, чтоб не встречать укора. Как хотеть после этого, чтобы верили святости законов. Так всякое отступление от правого пути и беспристрастия порождает нравственную уродливость. Некоторые посредством услужливости плац-майора, могли иметь предостережение и совет родных и знать, что с ними хотят делать; но другие с предубеждением в характере нового государя, явно предоставившего себе распорядиться их судьбою, были оставлены при своем раздражительном положении, совершенно самим себе, которым никто не отвечал ни на один вопрос, ни одним словом, близки были к отчаянию, и увлеченные мыслию не даром, по крайней мере, отдать жизнь свою, писали дерзкие ответы, и тем еще более раздражали против себя. Общий всем задавался вопрос: «что вас заставило восстать против правительства?», и давал повод каждому высказывать все, что мог в осуждение существовавшего порядка вещей и лиц, игравших судьбою России. Дано было право писать из казематов в собственные руки государя. Некоторые воспользовались им...

4. Из записок И. Д. Якушкина [1]).

При допросе Левашева мне было довольно легко, и я во все время допроса любовался «святой фамилией» Доминикина; но когда я вышел в другую комнату, где ожидал меня фельд'егерь, и когда остался с ним вдвоем, то угрозы пытки в первый раз смутили меня. Минут через десять дверь отворилась, и Левашев сделал мне знак войти в залу, в которой был допрос. Возле ломберного стола стоял новый император. Он сказал мне, что бы я подошел ближе, и начал таким образом:

— Вы нарушили вашу присягу?

— Виноват, государь.

— Что вас ожидает на том свете? — Проклятие. Мнение людей вы можете презирать, но что ожидает вас на том свете, должно вас ужаснуть. Впрочем, я не хочу вас окончательно губить: я пришлю к вам священника. Что же вы мне ничего не отвечаете?

— Что вам угодно, государь, от меня?

— Я, кажется, говорю вам довольно ясно; если вы не хотите губить ваше семейство и чтобы с вами обращались, как с свиньей, то вы должны во всем признаться.

— Я дал слово не называть никого; все же, что знал про себя, я уже сказал его превосходительству, — ответил я, указывая на Левашева, стоящего поодаль в почтительном положении.

— Что вы мне с его превосходительством и с вашим мерзким честным словом.

— Назвать, государь, никого не могу.

Новый император отскочил три шага назад, протянул ко мне руку и сказал: «Заковать его так, чтобы он пошевелиться не мог».

Во время этого второго допроса я был спокоен; я боялся сначала, что царь уничтожит меня, говоря умеренно и с участием, что он нападает на слабые и ребяческие стороны общества, что он победит великодушием. Я был спокоен, потому что во время допроса был сильнее его; но когда по знаку Левашева я вышел к фельд'егерю, и фельд'егерь повез меня в крепость, то мне еще более прежнего стала приходить мысль о пытке; я был уверен, что новый император не произнес слова «пытка» только потому, что считал это для себя непристойным.

---

[1]) Записки И. Д. Якушкина. М., изд. 3, стр. 83—84.

3.

Декабристы в Петропавловской крепости.

1. Из записок А. М. Муравьева [1]).

Петропавловская крепость — гнусный памятник самодержавия на фоне императорского дворца, как роковое предостережение, что они не могут существовать один без другого.

Привычка видеть перед глазами темницу, где стонут жертвы самовластия, в конце концов, непременно должна притуплять сочувствие к страданиям ближнего.

Великий боже! Настанет ли день, когда поймут, что люди не созданы быть игрушкой нескольких избранных семей. Когда свет гласности воссияет у нас, какое содрогание вызовут несправедливости, скрываемые этими стенами.

Нехватало казематов ввиду множества жертв. Помещения, предназначенные для гарнизонных казарм, были обращены в тюрьму. Стекла окон, покрытые в проклейку слоем мела, не пропускали в эти логовища живительных лучей солнца. В длинных комнатах этих казарм были устроены из бревен клетки, размещенные так, чтобы сделать невозможным сообщение между ними. Арестованный не мог делать более трех или четырех шагов по диагонали своего каземата. Труба из кованого железа была проведена через некоторые из этих клеток; эти трубы были расположены настолько низко, что все время чувствовалась жара, и это было истинной пыткой для арестанта.

Мы прибыли, миновали крепостной под'емный мост и остановились у дверей квартиры коменданта. Фельд'егерь сдал меня на руки плац-майору, который, не разговаривая со мною, отвел меня в грязную, сырую, мрачную и тесную камеру. Сломанный стол, скверная кровать и железная цепь, один конец которой был вделан в стену, составляли всю его мебель...

Пища была отвратительная, так как деньги, отпускавшиеся для нашего содержания, расхищалась чиновниками во главе с их начальником, старым плац-майором. Часть заключенных находилась на хлебе и воде. Многие имели кандалы на ногах и руках. Сам император по докладу следственной комиссии назначал пищевой режим и предписывал усилить тяжесть заключения. Были также испробованы нравственные пытки. Заключенные получали иногда душераздирательные письма от своих несчастных родителей, которые, будучи обмануты видимостью, воздавали слишком громкую хвалу великодушию того, кто никогда его не проявлял. Священнику поручено было приносить религиозное утешение, но, главным образом, вызывать на признание. Когда он ближе узнал нас всех, то сознался, что был введен в заблуждение на наш счет.

---

[1]) Записки А. М. Муравьева, пер. с франц., П. 1922 г., стр. 19—21.

Кровавая развязка нашего процесса поразила его и вызвала в нем живое негодование. Многие из заключенных болели, многие потеряли рассудок, некоторые покушались на свою жизнь, полковник Булатов уморил себя голодом.

2. Из записок Д. И. Завалишина [1]).

Во время известного наводнения в Петербурге 7 ноября 1824 г. крепость была залита водою, которою пропитались вал и стены крепости, так что и в 1825 г. была страшная сырость. Вдобавок к тому в каждой амбразуре построены были клетки из сырого леса и в этих-то клетках и содержали обвиненных. Эти клетки были так тесны, что едва доставало места для кровати, столика и чугунной печи. Когда печь топилась, то клетка наполнялась непроницаемым туманом, так что, сидя на кровати, нельзя было видеть двери на расстоянии двух аршин. Но лишь только закрывали печь, то делался от нее удушливый смрад, а пар, охлаждаясь, буквально лил потоком со стен, так что в день выносили по двадцати и более тазов воды. Флюсы, ревматизмы, страшные головные болезни и пр. были неизбежным следствием такого положения, и в этом смысле пытка была непрерывная. Кормили скверно, потому что было страшное воровство...

Кажется, было в расчете следственного комитета не давать нам долго оставаться на одних местах, вероятно, из опасения, что мы сблизимся или между собою, или со сторожами. Поэтому, собственно, в крепости нас часто переводили с одного места на другое. Так и меня перевели из Трубецкого бастиона в Кронверкскую куртину; оттуда—к главным воротам и, наконец, когда больше ознакомились с моим значением, — в Алексеевский равелин, составлявший крепость в крепости, или, по-простонародному выражению, каменный мешок, который поэтому и заслуживает, чтобы описать его поподробнее.

Здание, находящееся в Алексеевском равелине, и составляло, собственно, государственную тюрьму; все другие помещения в крепости были, так сказать, случайные и временные. Алексеевский равелин имел своего отдельного коменданта и свою постоянную инвалидную роту, которая пользовалась большими льготами, но не имела зато права выхода из крепости, исключая одного ее фельдфебеля, который посылался с необходимыми бумагами в городскую думу, так как содержание здания было отнесено на счет думы по одной из тех странных аномалий, каких в то время оставалось еще множество от старины. Комендант равелина во время нашего заключения был высокий, бодрый старик, швед Лилиенанкер, как называли его инвалиды; говорили, что ему было уже около 90 лет. Небольшой мостик соединял равелин с крепостью; со стороны равелина на нем стояли два инвалида, а со сто-

---

[1]) Записки Д. И. Завалишина, 2-ое русск. изд., стр. 206, 241—243.

роны крепости два гвардейских часовых из сменявшегося ежедневно гвардейского караула в крепости. Заключенные в равелине известны были уже не под своими именами, а под номерами комнаты, в которой содержались. Когда требовали кого в следственный комитет, то посылался плац-ад'ютант крепости с бумагою о присылке № такого-то. Посланный останавливался на мостике и передавал бумагу начальнику инвалидной команды, выходившему ему навстречу. Это было всегда поздним вечером или ночью. Арестанту надевали на голову черный капор и так вели в следственный комитет, и снимали капор уже в самой комнате заседания комитета. Может быть, это было рассчитано для произведения эффекта. Но так как воровство в России вкрадется везде, то и капоры были сшиты из такого редкого миткаля, что сквозь него можно было видеть все, как через сетку...

Тюремное здание равелина, по треугольной форме этого рода укреплений, было также треугольное. Внутренний дворик, имевший в каждой стороне треугольник по двадцати с небольшим шагов, был обращен в садик, и, кроме дорожек вдоль стен, имел посредине одну только дорожку против дверей...

Комнаты в тюремном здании были обыкновенные, окна большие и четвероугольные, не так, как нарисовано на известной картине Флавицкого «Смерть княжны Таракановой», где окна представлены вверху овальные. Здание само одноэтажное, и, следовательно, также ошибочно показано двух-этажным у Мельникова в его исследовании о княжне Таракановой. Окна имели, разумеется, снаружи железные решетки и были закрашены известкою. Замки у дверей были обыкновенные, и потому не было слышно никогда того шума, который происходил в крепости от отодвиганья и задвиганья запоров, и как, притом, в корридорах были постланы толстые маты, то не было даже слышно и шагов часовых. В дверях было маленькое отверстие со стеклом, чрез которое можно было наблюдать все, что делает арестант в комнате. Отверстие это закрывалось снаружи клеенкою, которая приподнималась, когда надобно было часовому или коменданту заглянуть в комнату. Все печи топились и закрывались из коридора.

Порядок в равелине был следующий: время для вставанья не определялось. Каждый вставал, когда хотел, но за этим наблюдали. Лишь только арестант встанет, не пройдет и десяти минут, как является комендант с большим числом сторожей. Пока один подает умываться, другие убирают комнату и приносят чай, если кому он полагается. Горячую воду, впрочем, приносят в чайнике, а самовара не подают. В это время комендант спрашивает о здоровьи и ведет иногда и посторонний разговор, но только или об очень отвлеченных предметах, или об очень давней старине. О настоящем же времени, даже о погоде, ничего не скажет. Раз палили из пушек, и я спросил о причине пальбы. «Вы ошиблись, это был, верно, гром», отвечал он мне, хотя инвалид и сказал мне после, что действительно была пальба по случаю коронации.

Обед, вечерний чай и ужин подавали, когда спросим; только последний не позже 9 часов. Ночью горел всегда ночник. Книги давали духовного содержания; только впоследствии, по ходатайству Левашева, мне давали книги из моей библиотеки. По предписанию доктора водили гулять в садик в сопровождении инвалида. В садике было одно хилое деревцо и несколько кусточков. Разумеется, кроме стен и неба ничего не было видно, и только отойдя во внешний угол и ставши на рундук, прикрывающий сток воды, мы могли видеть архангела с трубою на шпице Петропавловской крепости, как бы символом того, что только в общее воскресение мертвых может надеяться возвратиться к жизни тот, кто раз попал в эту живую могилу.

Мебель составляли кровать, стол и стул. Компаньонами заточенного были маленькие красные муравьи, черные тараканы, сверчки, мокрицы и мыши, и наблюдения над всеми этими животными составляли одно из обычных развлечений узников. Впрочем, скоро нашлось и другое развлечение: это разговор с соседями сквозь стену. Разумеется, голоса чрез толстую каменную стену не могло быть слышно; но если ударяли в стену чем-нибудь, хотя бы гвоздем, карандашом и т. п., то звук легко передавался, и это подавало мысль составить условную азбуку, в роде употребляемых в сигналах, телеграфах и пр. Трудно было только сначала понять основание азбуки или систему; но раз, что сосед догадался в чем дело, то разумение остального развивалось уже очень быстро. Чтобы избежать большого числа ударов, производились различные сочетания. Иное, например, значило два раздельные удара, иное — сплошные. Один удар означал букву А, два сплошных звука — 1 и пр. Впрочем, системы были разнообразные, более или менее удобные, но так как было много свободного времени, то они достигали своей цели, служа средством сообщения не только с соседями, но через них с самыми отдаленными номерами и вместе с тем доставляли занятие и развлечение.

3. Из записок И. Д. Якушкина [1].

Фельд'егерь привез меня к коменданту Сукину, — его и меня привели в небольшую комнату, в которой была устроена церковь. Воображение мое было сильно поражено; прислуга, по случаю траура одетая в черное, предвещала что-то недоброе. С фельд'егерем просидел я с полчаса; он повременам зевал, закрывая рот рукою, а я молил об одном, — чтобы бог дал мне силы перенести пытку. Наконец в ближних комнатах послышался звук железа и приближение многих людей. Впереди всех появился комендант с своей деревянной ногой; он подошел к свечке, поднес к ней листок почтовой бумаги и сказал с расстановкой: «государь приказал заковать тебя». На меня кинулось несколько человек,

---

[1]) Записки И. Д. Якушкина, изд. 3-е, стр. 85—88.

посадили меня на стул и стали надевать ручные и ножные железа. Радость моя была невыразима; я был убежден, что надо мной совершилось чудо: железа еще не совсем пытка. Меня передали плац-ад'ютанту Трусову; он связал вместе два конца своего носового платка, надел его мне на голову и повез в Алексеевский равелин. Переезжая под'емный мост, я вспомнил знаменитый стих: «Оставьте всякую надежду вы, которые сюда входите». Про этот равелин говорили, что в него сажают только «забытых» и что из него никто никогда не выходил. Из саней меня вынули солдаты, принадлежащие к команде Алексеевского равелина, и ввели меня в 1-й нумер. Тут я увидел семидесятилетнего старика, главного начальника равелина, подчиненного непосредственно императору.

С меня сняли железа, раздели, надели толстую рубашку в лохмотьях и такие же панталоны; потом комендант стал на колени, надел на меня снятые железа, обернул наручники тряпкой и надел их, спрашивая, могу ли я так писать. Я сказал, что могу. После этого комендант пожелал мне доброй ночи, сказав: «божья милость всех нас спасет». Все вышли, дверь затворилась, и замок щелкнул два раза.

Комната, в которую посадили меня, была 6 шагов длины и 4 ширины. Стены, после наводнения 1824 года, были покрыты пятнами; стекла были выкрашены белой краской, и внутри от них была вделана в окно крепкая железная решетка. Около окна в углу стояла кровать, на ней тюфяк и гошпитальное бумажное одеяло. Возле кровати стоял маленький столик, на нем кружка с водою — на кружке были вырезаны буквы «А. Р.». В другом углу, против кровати, была печь. В третьем углу, против печи, стольчак. Кроме того, было еще два стула и на одном из них ночник. Когда я остался один, я был совершенно счастлив: пытка миновалась на этот раз, я имел время собраться с духом и даже спрашивал у себя, что они думали произвести надо мной надетыми на меня железами, которые, как я узнал после, весили 22 фунта.

В 9 часов принесли ужинать, при чем солдат, исполнявший должность дворецкого, каждый раз очень вежливо кланялся. Не евши более двух суток, я поел щей с большим удовольствием. Ходить по комнате мне было нельзя, потому что в железах это было неудобно, и я опасался, что звук желез произведет неприятное чувство в соседях. Я лег спать и спал бы очень спокойно, ежели бы порой не пробуждали меня наручники.

На другой день, по заведенному в равелине порядку, поутру явился комендант равелина в сопровождении унтер-офицера и ефрейтора. Он спросил об моем здоровье и отправился далее по казематам. Все утро я не вставал с постели; часов в 12 услышал я приближающиеся к двери шаги и сделанный почти шопотом вопрос: «Кто здесь сидит?». На этот вопрос отвечено: «Дмитриев!». Дверь растворилась, и вошел рослый, старый и белый, как

лунь, протопоп Петропавловского собора Стахий. Я с ногами сидел на кровати. Он взял стул и, проговорив что-то насчет моего жалкого положения, сказал, что его прислал государь. Затем начался формальный допрос и увещание:

— Всякий ли год бываете у исповеди и святого причастия?

— Я не исповедывался и не причащался 15 лет.

— Конечно, это случилось потому, что вы были заняты обязанностями службы и не имели времени исполнить этого христианского долга?

— Я уже восемь лет как в отставке, и не исповедывался и не причащался потому, что не хотел исполнять это как обряд, зная, что в России более нежели где-нибудь оказывают терпимость к религиозным мнениям, словом, я не христианин.

Стахий увещевал меня, как умел, и, наконец, напомнил о том, что ожидает меня на том свете.

— Если вы верите в божественное милосердие, — сказал я ему, — то вы должны быть уверены, что мы все будем прощены: и вы, и я, и мои судьи.

Этот старик был добрый человек; он заплакал и сказал мне, что ему очень жалко, что он не может быть мне полезен. Тем наше свидание и кончилось. Стахий вышел. Воображение мое разыгрывалось более и более и повременам доходили до какой-то восторженности; когда появился Стахий, он мне напомнил собой инквизитора в «Дон-Карлосе», но после разговора я узнал в нем весьма простого русского попа. После его ухода, вместо обеда, ефрейтор с обыкновенною вежливостью принес кусок черного хлеба, за который я его поблагодарил так же вежливо. Этот день прошел без дальнейших приключений.

4.

«Донесение» Следственной Комиссии и Верховный Уголовный Суд.

(Из воспоминаний В. И. Штейнгеля) [1].

По окончании следствия, поднесен был его величеству от комитета доклад, составленный под редакциею ст. секретаря Блудова. Он вышел точно таким, каким непременно должен выйти всякий обвинительный акт, когда обвиняемые заперты и безгласны, и когда обвинители, в видах обеспечения будущности, интересованы представить дело сколько возможно презрительно ужасным и с тем вместе хотят облечь свои действия искусною тканею

[1]) Воспоминания В. И. Штейнгеля, op. cit., стр. 454—456.

лжей, с отливами яркого беспристрастия[1]). За докладом тотчас последовал указ о назначении Верховного уголовного суда над «государственными преступниками». Он составлен из членов государственного совета, святейшего синода, и правительствующего сената, с исключением некоторых и прибавлением других. Заседание было открыто в правительствующем сенате. Первый вопрос по выслушании высочайшего указа и доклада комитета был о том: «призывать ли подсудимых к подтвердительному допросу, как то велит законный судебный порядок?». Большинство голосов решило этот вопрос отрицательно, поставя побудительною причиною «затруднение». Признано достаточным назначить из членов комиссию, которая бы опросила подсудимых в самой крепости. При этой явной несправедливости, достопочтенный старец адмирал Ал. Сем. Шишков, подал голос, которым отказался от присутствия и от участия в осуждении обреченных предварительно на жертву. Действительно, когда в том же комендантском доме, только в другой комнате, избранная комиссия открыла заседание, никто из содержащихся не знал и даже не подозревал, что уже состоит под судом страшным. Плац-ад'ютанты извещали каждого обыкновенною формою: «Вас просят в комитет сегодня». При входе всякий поражался изменением большей части лиц. На месте Татищева сидел гр. Головкин, вместо кн. Голицына кн. Куракин и т. д. Из членов комитета находился один гр. Бенкендорф. Первый вопрос при показании тетради с прежними вопросами был: «вы ли это писали?». Затем спрашивали: «подтверждаете ли все, показанное вами?» и, нако-

---

[1]) Донесение следственной комиссии, встреченное единодушным возмущением всех обвиняемых (некоторые из которых впоследствии составили в Сибири специальные «разборы» этого акта—напр. М. С. Лунин, Н. М. Муравьев), представляло собою полупамфлет, полутенденциозную сводку данных предварительного дознания о структуре, работе и планах Тайных обществ в России. Зерном, из которого выросло «донесение» была информационная статья для иностранной печати, над которой работал по поручению министерства иностранных дел Д. Н. Блудов. Как устанавливают записки правителя дел следственной комиссии А. Д. Боровкова, история «донесения» такова: «Председатель беспрестанно повторял мне: Скоро ли займемся донесением? Государь требует представить скорее... Наскучив повторением, я сказал: — Если непременно надобно ускорить, так прикажите статью, подготовляемую Блудовым для журналистов, обратить в донесение. В ней немного нужно пополнить и переделать, и она достаточна будет, чтобы показать вообще ход дела и замыслы общества; а разбор и суд будет не по донесению, но по моим отдельным запискам о каждом прикосновенном к делу. Мысль принята. Донесение представлено государю 30 мая 1826 г., когда еще о некоторых крамольниках, казавшихся мелочными, окончательно не было обследовано, да и вообще не о всех еще сделано предварительное распределение. От этого вышло, что иные осужденные Верховным Уголовным Судом на тяжкое наказание, в донесении совсем не упоминаются; напротив, о других в «донесении» говорится, а в приговоре об них ни слова, потому что и к суду они отсылаемы не были». («Рус. Стар.», 1898 г., XI, 348 — 349.) К распубликованному во всех газетах и переведенному на иностранные языки «донесению» были еще секретные «приложения», важнейшие из которых напечатаны в «Русском Архиве» за 1875 г., т. III, стр. 434 — 438.

нец, заключали предложением: «вот подписка, заготовленная в этом смысле, прочтите и подпишите!». Всякий исполнил, не понимая для чего все это требуется. На вопрос: «Что это значит?», плац-ад'ютанты отвечали: «Государю угодно поверить беспристрастие действий комитета». Отобрав, таким образом, подписки, Верховный суд приступил к приговору, в котором разделил подсудимых на 11 категорий или разрядов, за исключением пятерых, обреченных на мучительную смерть — «колесованием!».

5.

Верховный Уголовный Суд.

1. Всеподданнейший доклад Верховного Уголовного Суда [1].

Всепресветлейшему, державнейшему, великому государю императору и самодержцу всероссийскому.

Верховного уголовного суда всеподданнейший доклад.

Верховный уголовный суд, манифестом 11 июня сего года для суждения государственных преступников составленный, всеподданнейше представляет на усмотрение вашего императорского величества существо приговора, о них состоявшегося, изобразив предварительно тот порядок, коим дело сие в нем было производимо.

Обряд производства уголовных дел установлен общими законами, но в деле высших государственных преступлений общий уголовный обряд не мог быть достаточен. Посему ваше императорское величество, при самом составлении сего суда, соизволили преподать ему дополнительные правила, на общем порядке судопроизводства основанные и для успешного движения сего дела необходимые.

Верховный уголовный суд в 3-й день июня месяца открыл свои заседания чтением высочайшего манифеста, потом донесения следственной комиссии и подробных о каждом подсудимом сведений, составленный в той же комиссии из подлинного о них производства. Все, что по прежним сведениям отдельно было

---

[1]) Богатейшее «собрание бумаг, относящихся до Верховного Уголовного Суда» опубликовано в приложениях к изданию Н. К. Шильдера: «Николай I», том I, стр. 666—773. Мы воспроизводим полностью важнейшие из этих актов, основная работа по составлению которых выпала на долю М. М. Сперанского, стремившегося своим активным участием в суде над декабристами реабилитировать себя в глазах Николая, подозревавшего его в связях с деятелями Тайных обществ. Ср. «Николай I и М. М. Сперанский в Верх. Суде над декабристами» — статьи Н. В. Голицына в «Рус. Истор. Журнале», 1917 г., кн. I и II и П. Е. Щеголева в сборнике «Николай I и декабристы», П. 1919 г., стр. 16—35.

известно о существе сих преступлений, при чтении актов представилось суду в ужасной всех обстоятельств совокупности. Чем более он входил в подробности, тем, казалось, расширялась перед ним бездна злобы и нравственого ожесточения. Все прежние чувства ужаса и омерзения возбудились здесь с новою силою.

Но суд не мог, не должен был колебаться сими чувствами; он измерял преступления, но видел перед собою еще токмо подсудимых. Сколь ни достоверны были акты следственной комиссии, но общий порядок правосудия и правила, вашим императорским величеством предначертанные, требовали личного в допросах удостоверения К сему два пути предлежали: призыв подсудимых пред суд или наряд к ним комиссии, судом избранной и из среды ее составленной. Ваше императорское величество тот и другой способ соизволили предоставить его усмотрению. Он избрал последний, как равно достоверный, но по числу подсудимых более удобный.

Ревизионная комиссия исполнила порученное ей дело с точностью. Все подсудимые без исключения подтвердили перед нею собственноручным подписанием прежние их показания. Им открыты были способы дополнять оные всеми обстоятельствами, кои могли они считать нужными к их оправданию; некоторые, и именно пять подсудимых, пользуясь сим дозволением, и действительно представили пояснения. И хотя комиссия не нашла в них ничего важного и существенного, тем не менее представила оные верховному суду на усмотрение. По заключению его, они приобщены к делу и приняты к совокупному с оным соображению.

По окончании, таким образом, ревизии следствия, суд приступил к чтению законов, на преступлении сего рода постановленных и в выписке, при сем прилагаемой, во всей подробности их изложенных.

Из соображения сих законов с делом сами собою проистекали два следующие вопроса:

1) К какому роду преступлений относятся преступления, в актах следственной комиссии обнаруженные? Суд признал единогласно, что все они принадлежат к преступлениям государственным, под именем двух первых пунктов в законодательстве нашем известных.

2) Какое наказание по законам нашим положено за сии преступления? Суд признал и единогласно определил, что преступления, в актах означенные и собственным признанием подсудимых двукратно удостоверенные, подлежат все без из'ятия смертной казни.

Сим одним общим приговором оканчивалось дело во всей законной его точности. Строгость наших законов не дозволяет в сем роде преступлений различать никаких постепенностей. Все, и действовавшие, и соглашавшиеся, и участвовавшие, и даже токмо знавшие, но не донесшие об умысле посягательства на священную особу государя императора или кого-либо из императорской фа-

милии, также об умысле бунта и воинского мятежа, все без из'ятия подлежат смертной казни и по точной силе законов все одним общим приговором считаются к сей казни присужденными.

Сия спасительная строгость наших законов единым монаршим милосердием может быть смягчаема, но смягчаема частно, в виде из'ятий, в известном и определенном случае, а не в виде общего правила, которое всегда остается одно и то же во всей его силе и действии.

В сем самом уважении благоугодно было вашему императорскому величеству и в настоящем случае всемилостивейше повелеть, чтоб верховный уголовный суд определил: «В какой постепенности увеличивается или уменьшается общая вина подсудимых частными и особенными каждого лица обстоятельствами; чтоб он установил разряды разных степеней виновности, чтоб каждому степени положил наказание и чтоб по сим разрядам и степеням распределил подсудимых». (Дополнит. статьи, отделение II, статьи 3, 12, 13 и 14.)

Во исполнение сего высочайшего повеления, для приуготовления начал, на коих должны быть основаны разряды, избрана была из среды суда особая комиссия. Ясно, что оснований разрядов надлежало искать в обстоятельствах дела. К сему два средства представлялись: донесение следственной комиссии и самые дела, в ней произведенные. В донесении излагаются обстоятельства в их совокупности; в делах содержатся они во всей подробности; в них находятся самые ответы подсудимых, самые показания, ими писанные или подписанные и двукратно, сперва при следствии, а потом при ревизии, ими утвержденные. Комиссия признала справедливым соединить оба сии средства, т.-е. свести и поверить изложение следствия с самым его производством и для сего прочесть и пересмотреть раздельно все дела от начала до конца их. Сколько труд сей был многосложен, столько он был необходим. Совершением его комиссия, во-первых, приобрела возможность обозреть подробности дела во всем их пространстве и положить основания разрядов не на одном токмо донесении, но на самых подлинных актах; во-вторых, она удостоверилась не токмо в точности изложения и в сходстве его с делами, но и в точности самого их производства. Во всем составе 121 дела открылось токмо шесть случаев, и случаев не весьма существенных, кои могли требовать некоторого пояснения, и кои, посему, признано нужным через следственную комиссию дополнить. Сим не изменилось существо дел, но приведены обстоятельства их в большую ясность.

В сем порядке обозрев все дело, комиссия приступила к установлению разрядов. Для сего ей предлежало: определить главные роды преступлений; отличить в каждом роде все его виды и, оставив их в порядке постепенности, из сложения и сопряжения их произвесть начала разрядов.

Роды преступлений.

Все разнообразные части сего обширного дела в совокупном их обозрении представляют один главный умысел: умысел на потрясение империи, на испровержение коренных отечественных законов, на превращение всего государственного порядка.

Три средства, три главные рода злодеяний, предполагаемы были к совершению сего умысла: 1) цареубийство, 2) бунт, 3) мятеж воинский.

Виды преступлений.

Каждый из сих главных родов влечет за собою свой длинный ряд преступлений. Все они принадлежат вообще к трем: 1) к знанию умысла, 2) к согласию в нем, 3) к вызову на совершение его; но каждый из сих видов заключает в себе еще разные постепенности, коих подробное изложение состоит в следующем.

По первому пункту.

1) Умысл на цареубийство собственным вызовом или нарядом и назначением других к совершению оного, принятие таковых назначений изысканием средств к совершению их. Сюда также принадлежит и действительное покушение на жизнь кого-либо из членов императорской фамилии.

2) Умысл на истребление императорской фамилии или кого-либо из членов ее возбуждением к тому других или одобрением лица, к тому предназначенного.

3) Умысл на лишение свободы священной особы государя или кого-либо из членов императорской фамилии; умысл на удаление императорской фамилии, собственным вызовом или нарядом и назначением других к совершению оного.

4) Участие в вышеозначенных умыслах согласием, хотя без собственного вызова и приглашения к тому других.

5) Участие в умысле согласием на последний его вид, т.-е. на удаление императорской фамилии или лишение свободы, хотя с противоречием на два первые.

6) Злодерзостные дела, относящиеся к цареубийству, произнесенные не на совещаниях Тайных обществ, но в частном разговоре, и означающие не умысл обдуманный, но мгновенную мысль и порыв.

7) Участие в умысле в том или другом его виде, согласием или даже и вызовом, сперва из'явленным, но потом изменившимся и с отступлением от оного.

8) Участие в умысле согласием, сперва из'явленным, но потом изменившимся, и с отступлением и с противоречием всем прежним жестоким мерам.

9) Знание умысла в том или другом его виде, достоверное но равнодушное, т.-е. без согласия и без противоречия.

10) Знание умысла в том или другом его виде, без согласия и даже с противоречием на первые его виды.

По второму пункту.

1) Учреждение и управление Тайных обществ, имевших целью бунт: приуготовлением способов к бунту или назначением к тому срочного времени или составлением планов, уставов, конституций, прокламаций, форм присяги или возбуждением и подговором нижних воинских чинов.

2) Деятельное участие в сем умысле, когда уже он был основан другими, — участие или распространением возмутительных сочинений, или возбуждением и подговором нижних воинских чинов; сюда же принадлежат и личные внешние сношения с целью отторжения некоторых областей от империи.

3) Участие в сем умысле распространением обществ или посредством привлечения товарищей, или принятием поручений. Сюда же принадлежит и употребление разных подлогов, как-то печати и бумаг.

4) Участие в умысле, но без согласия на меры жестокие или даже и с противоречием оным.

5) Участие в учреждении Тайных обществ, впоследствии не токмо изменившееся, но и сопровождаемое совершенным отступлением от оных.

6) Полное знание сего умысла, хотя без всякого действия.

7) Неполное знание сего умысла, особенно же жестоких его мер, с принятием или без принятия членов.

По мятежу.

1) Личное действие в мятеже с пролитием крови и с полным знанием сокровенной его цели; также согласие именоваться главою мятежа, хотя без пролития крови и без личного действия.

2) Личное действие в мятеже с пролитием крови, хотя без полного знания сокровенной его цели.

3) Личное действие с возбуждением нижних чинов, с полным знанием сокровенной его цели.

4) Личное действие с возбуждением нижних чинов, хотя без полного знания сокровенной цели; также приуготовление товарищей планами и советами с полным знанием сокровенной цели.

5) Действие без возбуждения нижних чинов и возбуждение без действия с полным знанием сокровенной цели.

6) Личное действие без возбуждения нижних чинов или возбуждение без личного действия без полного знания сокровенной цели.

7) Знание о приуготовлениях к мятежу без личного действия, с сведением о сокровенной цели.

8) Согласие к мятежу без полного сведения сокровенной цели.

9) Знание о предстоящем мятеже без действия и без полного сведения о сокровенной его цели.

10) Личное действие в мятеже с возбуждением нижних чинов или возбуждение без личного действия, хотя по увлечению и без знания сокровенной цели оного.

В сем состоят разные виды, кои комиссия нашла и различила в преступлениях.

Основание разрядов. Ясно, что к основанию разрядов нет другого средства, как соединения сих видов в каждом роде преступлений, соразмерно их тяжести. Тот, кто виновен во всех трех родах преступлений, соединяя в себе первые виды в каждом, без сомнения, должен занимать первое место. За ним следуют те, кои найдены виновными в двух токмо родах, соединяя в себе первые их виды, но коих вина в третьем роде или ниже первых, или совсем не существует.

На сем общем правиле комиссия основала разряды, но в приложении оного к случаям, столь разнообразным, необходимо надлежало допустить некоторые ограничения. Вина, весьма тяжкая в одном роде преступления, часто сопрягается в одном лице с другими винами, менее тяжкими в других родах; а как закон в сопряжении вин определяет наказание по тем из них, которая считается тягчайшею, то и надлежало сию тягчайшую вину поставить в свойственном ей разряде, хотя бы лицо по другим его винам принадлежало к разрядам низшим.

В разнообразии преступлений комиссия искала более всего чтоб не смешать одного вида с другим; чтоб не упустить без внимания никакой значительной разности, но каждому виду дать свое место и поставить его в соразмерности с другими. Таким образом произошли одиннадцать разрядов преступлений.

Дабы удостовериться в их точности, комиссия признала нужным сделать примерный опыт самого распределения в них лиц, — опыт, но не самое распределение, ибо сие последнее принадлежало верховному суду, и комиссия не могла предварять его.

Для сего надлежало ей пройти снова всю, так сказать, историю каждого подсудимого: обозреть все обвинения, извлечь из оных вины, кои уликами и собственным признанием утверждены с очевидностью, и сии вины отметить против каждого. Сим образом составлен общий список подсудимых с кратким, но точным означением их преступлений. По сим преступлениям определялось место подсудимого и разряд, к коему он принадлежал. Сим многотрудным приложением комиссия удостоверилась, что самое большое число подсудимых с точностью и сходством во всех существенных обстоятельствах может разместиться в разрядах, ею предположенных, с следующими токмо ограничениями.

1) При подробном рассмотрении дел найдено, что вины некоторых подсудимых усиливаются, а других уменьшаются особенными их обстоятельствами.

Вины усиливаются: тяжкими последствиями зловредного примера, разрушением воинского порядка, кровавыми действиями некоего буйственного рассвирепения.

Напротив вины ослабляются: 1) признаками раскаяния, как-то: совершенным удалением от участия в Тайном обществе, изменением его видов и отступлением от жестоких его предположений; 2) особыми поступками некоторых подсудимых, также к смягчению относящимися; 3) скорым и чистосердечным признанием при следствии; 4) наконец, юностью лет при увлечении в злонамеренное общество. Комиссия не могла не принять в уважение сих особенных обстоятельств и потому, поставив как тех, так и других подсудимых по мере их вины в своих местах, признала, однакоже, справедливым, составив им отдельный список, присовокупить обстоятельства сии к общему соображению верховного уголовного суда.

2) Вины подсудимых утверждены собственным их признанием. Во всем обширном производстве сего дела найдены четыре токмо лица, коих вины утверждаются на обстоятельствах, а не на сознании. Составя о сих лицах особенное изложение, комиссия представила оное на дальнейшее верховного суда усмотрение.

3) Сколь ни тяжки вины, в первом разряде означенные, но есть в числе подсудимых лица, кои по особенному свойству их преступлений не могут итти в сравнение даже с теми, кои принадлежат к сему разряду. Превосходя других во всех злых умыслах силою примера, неукротимостью злобы, свирепым упорством и, наконец, хладнокровною готовностью к кровопролитию, они стоят вне всякого сравнения. Комиссия признала справедливым, отделив их, составить им с изложением их злодеяний особенный список.

В сем заключились представления комиссии.

Верховный уголовный суд, рассмотрев оные во всей подробности, большинством голосов признал, что число разрядов, комиссиею предположенных, за исключением тех злодеяний, кои по чрезмерной их тяжести поставлены вне оных, стоит в надлежащей соразмерности с разнообразием и многочисленностью видов преступлений.

За сим суд в исполнение высочайше предначертанных ему правил приступил к определению каждому разряду наказаний. При сем определении верховный уголовный суд не мог отступить от общего правила, в самом начале единогласно им поставленного, а именно, что все подсудимые без из'ятия по точной силе наших законов подлежат смертной казни. И потому, если установлением разрядов в наказаниях благоугодно будет вашему императорскому величеству даровать некоторым из них жизнь, то сие будет не действием закона, а тем менее действием суда,

но действием единого монаршего милосердия; будет особенным из'ятием, на сей токмо случай по высочайшему вашему предназначению допускаемым. И хотя милосердию, от самодержавной власти исходящему, закон не может положить никаких пределов; но верховный уголовный суд приемлет дерзновение представить, что есть степени преступления, столь высокие и с общею безопасностью государства столь смежные, что самому милосердию они, кажется, должны быть недоступны. По сим уважениям суд большинством голосов определил представить на усмотрение вашего императорского величества следующие положения о казнях и наказаниях.

Первое. Всем преступникам, кои по особому свойству и важности их злодеяний не могут войти в состав разрядов, положить смертную казнь четвертованием.

Второе. Всем преступникам, к первому разряду принадлежащим, положить смертную казнь отсечением головы.

Третье. Всем преступникам, ко второму разряду принадлежащим, определить так называемую в законах наших политическую смерть, т.-е., положить голову на плаху и потом сослать вечно в каторжную работу.

Четвертое. Преступникам, к третьему разряду принадлежащим, по лишении чинов и дворянства ссылку в каторжную работу вечно.

Пятое. Преступникам, к четвертому, пятому, шестому и седьмому разряду принадлежащим, по лишении чинов и дворянства, ссылку в каторжную работу на определенное время и потом вечно на поселение.

Шестое. Преступникам, к восьмому разряду принадлежащим, по лишении чинов и дворянства, вечную ссылку на поселение.

Седьмое. Преступникам, к девятому разряду принадлежащим, по лишении чинов и дворянства, вечную ссылку в Сибирь.

Восьмое. Преступников, к десятому разряду принадлежащих, по лишении чинов и дворянства, написать в солдаты до выслуги.

Девятое. Преступников, к одиннадцатому разряду принадлежащих, лиша чинов, написать в солдаты с выслугою.

Сделав сии положения о казнях и наказаниях, суд приступил к распределению самых преступников по разрядам и о каждом из них постановил приговор. Существо всех сих приговоров, т.-е. имена преступников, главные виды их преступлений и казни, им определенные, содержатся в особенной росписи, из общего протокола составленной и при сем на усмотрение вашего императорского величества подносимой.

Из сей росписи ваше императорское величество усмотреть изволите:

1) Что из 121 человека подсудимых приговором верховного уголовного суда осуждаются: пять человек, вне разрядов состоящих, к смертной казни четвертованием; тридцать один человек, в первом разряде состоящих, к смертной казни отсечением го-

ловы; семнадцать человек, во втором разряде состоящих, к политической смерти с ссылкою вечно в каторжную работу; два человека, в третьем разряде состоящие, к ссылке в каторжную работу вечно; тридцать восемь человек, в четвертом, пятом, шестом и седьмом разряде состоящих, в каторжную работу на определенное время и потом на поселение; пятнадцать человек, в восьмом разряде состоящих, по лишении чинов и дворянства, на поселение вечно; три человека, в девятом разряде состоящие, по лишении чинов и дворянства, к ссылке в Сибирь вечно; один человек, в десятом разряде состоящий, по лишении чинов и дворянства, в солдаты до выслуги; восемь человек, в одиннадцатом разряде состоящих, по лишении чинов, в солдаты с выслугою.

2) При сем распределении из тех четырех подсудимых, коих вины утвеждаются обстоятельствами без собственного их сознания, трое, и именно: Тургенев, князь Шаховской и Цебриков, по особому рассмотрению их преступлений, отнесены верховным уголовным судом к свойственным им разрядам и вмещены — первый из них в первый разряд, второй — в восьмой, третий — в одиннадцатый; о Горском же, как не вошедшем ни в какой разряд, представляется при сем выписка из особого протокола, о нем состоявшегося.

В заключение верховный уголовный суд вменяет себе долгом донести, что определения и приговоры его состоялись или по большинству голосов всего собрания, или же по большему числу голосов одинакого мнения.

Члены святейшего синода, в верховном суде присутствовавшие при заключении общего протокола, сообразно правилам их и прежним примерам, из'явили мнения их следующими словами: «Слушав в верховном уголовном суде следствие о государственных преступникам Пестеле, Рылееве и других их сообщниках, умышлявших на цареубийство и введение в России республиканского правления, и видя собственное их во всем признание и совершенное обличение, согласуемся, что сии государственные преступники достойны жесточайшей казни, а, следовательно, какая будет сентенция, от оной не отрицаемся, но поелику мы духовного чина, то к подписанию сентенции приступить не можем».

Всемилостивейший государь. С того самого дня, как горестные происшествия обнаружили сие дело, когда вспыхнувший мятеж укрощен был единым личным присутствием вашим, все верные подданные ваши в благоговейном чувстве признали единодушно, что судьба России, твердой вашей деснице провидением вверенная, пребудет непоколебима. Впоследствии, когда, признав дело сие делом всех верных сынов отечества, делом всей России, ваше императорское величество соизволили по образу высоких ваших предков призвать к суждению оного высшие государственные сословия с присоединением к ним военных и гражданских чиновников, сим самым снова утвердили ту истину, что если мрачный дух крамолы, внешними примерами подстрекаемый, может вторг-

нуться в Россию, то, заключенный в тесных пределах отчаянного разврата или буйного своевольства мыслей, никогда не проникнет он в недро ее, для него неприступное; и что в отечестве нашем любовь к государю и преданность к престолу опираются на коренных законах наших, на самых нравах и свойствах природных.

Верховный уголовный суд, чувствуя всю важность его призывания, желал в полной мере оправдать из'явленное ему вашим императорским величеством доверие и, проходя с неутомимым вниманием весь многосложный состав сего обширного дела, искал по слову вашему единого: «справедливости, справедливости нелицеприятной, ничем непоколебимой, на законе и силе доказательств утвержденной».

Подлинный за подписанием председателя и членов верховного уголовного суда.

2. Роспись государственным преступникам, приговором Верховного Уголовного Суда осуждаемым к разным казням и наказаниям.

I.

Государственные преступники, осуждаемые к смертной казни четвертованием.

№№. Имена преступников.	Главные виды преступлений.
1. Полковник Пестель.	Имел умысел на цареубийство; изыскивал к тому средства, избирал и назначал лиц к совершению оного; умышлял на истребление императорской фамилии и с хладнокровием исчислял всех ее членов, на жертву обреченных, и возбуждал к тому других, учреждал и с неограниченною властию управлял Южным Тайным обществом, имевшим целию бунт и введение республиканского правления; составлял планы, уставы, конституцию; возбуждал и приготовлял к бунту; участвовал в умысле отторжения областей от империи и принимал деятельнейшие меры к распространению общества привлечением других.
2. Подпоручик Рылеев.	Умышлял на цареубийство; назначал лиц к совершению оного; умышлял на лишение свободы, на изгнание и на истребление императорской фамилии и приуготовлял к тому средства; управлял оным; приуготовлял

способы к бунту; составлял планы; заставлял сочинить манифест о разрушении правительства; сам сочинял и распространял возмутительные песни и стихи; принимал членов; приуготовлял главные средства к мятежу и начальствовал в оных; возбуждал к мятежу нижних чинов чрез их начальников посредством разных обольщений, и во время мятежа сам приходил на площадь.

3. Подполковник Сергей Муравьев-Апостол.	Имел умысел на цареубийство; изыскивал средства; избирал и назначал к тому других; соглашаясь на изгнание императорской фамилии, требовал в особенности убиения цесаревича и возбуждал к тому других; имел умысел и на лишение свободы государя императора; участвовал в управлении Южным Тайным обществом во всем пространстве возмутительных его замыслов; составлял прокламации и возбуждал других к достижению цели сего общества, к бунту; участвовал в умысле отторжения областей от империи; принимал деятельнейшие меры к распространению общества привлечением других; лично действовал в мятеже с готовностию пролития крови; возбуждал солдат; освобождал колодников; подкупил даже священника к чтению пред рядами бунтующих лжекатехизиса, им составленного, и взят с оружием в руках.
4. Подпоручик Бестужев-Рюмин.	Имел умысел на цареубийство; изыскивал к тому средства; сам вызвался на убийство блаженныя памяти государя императора и ныне царствующего государя императора; избирал и назначал лиц к совершению оного; имел умысел на истребление императорской фамилии; из'являл оный в самых жестоких выражениях рассеяния праха; имел умысел на изгнание императорской фамилии и лишение свободы блаженныя памяти государя императора и сам вызывался

на совершение сего последнего злодеяния; участвовал в управлении Южного общества; присоединил к оному Славянское; составлял прокламации и произносил возмутительные речи; участвовал в сочинении лжекатехизиса; возбуждал и приуготовлял к бунту, требуя даже клятвенных обещаний, целованием образа; составлял умысел на отторжение областей от империи; действовал в исполнении оного; принимал деятельнейшие меры к распространению общества привлечением других; лично действовал в мятеже, с готовностию пролития крови; возбуждал офицеров и солдат к бунту, и взят с оружием в руках.

5. Поручик Каховский.

Умышлял на цареубийство и истребление всей императорской фамилии и, быв предназначен посягнуть на жизнь ныне царствующего государя императора, не отрекся от сего избрания и даже из'явил на то согласие, хотя уверяет, что впоследствии поколебался; участвовал в распространении бунта привлечением многих членов; лично действовал в мятеже; возбуждал нижних чинов; сам нанес смертельный удар графу Милорадовичу и полковнику Стюрлеру и ранил свитского офицера.

II.

Государственные преступники первого разряда, осуждаемые к смертной казни отсечением головы.

№	Имена преступников.	Главные виды преступлений.
1.	Полковник князь Трубецкой.	В 1825 году умышлял на цареубийство и соглашался с предложением других; предлагал лишение свободы императора и императорской фамилии при занятии дворца; управлял Северным Тайным обществом, имевшим целию бунт, и согласился именоваться главою и предводителем воинского мятежа, хотя в нем лично и не действовал.

2. Поручик князь Оболенский.	Участвовал в умысле на цареубийство одобрением выбора лица, к тому предназначенного; по разрушении Союза Благоденствия, установил вместе с другими Тайное Северное общество; управлял оным и принял на себя приуготовлять сочинения для содействия цели общества; приуготовлял главные средства к мятежу; лично действовал в оных оружием с пролитием крови, ранив штыком графа Милорадовича; возбуждал других и принял на себя в мятеже начальство.
3. Подполковник Матвей Муравьев-Апостол.	Имел умысел на цареубийство и готовился сам к совершению оного; участвовал в восстановлении деятельности Северного общества и знал умыслы Южного во всем их пространстве; действовал в мятеже и взят с оружием в руках.
4. Поручик Борисов 2-й.	Умышлял на цареубийство; вызывался сам; дал клятву на совершение оного и умышлял на лишение свободы его высочества цесаревича; учредил и управлял Тайным обществом, имевшим целию бунт; приуготовлял способы к оному; составил катехизис и клятвенное обещание; действовал возбуждением нижних чинов к мятежу.
5. Подпоручик Борисов 1-й.	Умышлял на цареубийство принятием назначения на совершение оного; учреждал и управлял Тайным обществом вместе с братом своим; содействовал составлению устава; действовал возбуждением нижних чинов к мятежу.
6. Подпоручик Горбачевский.	Умышлял на цареубийство; обещался с клятвою на сие злодеяние и назначал других; участвовал в управлении Тайным обществом; возбуждал и подговаривал к бунту нижних чинов; в произведении бунта дал клятву; старался распространить общество принятием членов и возбуждал нижних чинов к мятежу.

7. Майор Спиридов.	Умышлял на цареубийство; вызывался сам, дал клятву на образе, совершить оное и назначал к тому других; участвовал в управлении Славянским обществом; старался о распространении его, принятии членов и возбуждал нижних чинов.
8. Штабс-ротмистр князь Барятинский.	Умышлял на цареубийство с назначением лица к совершению оного; участвовал в управлении Тайного общества, старался распространять оное принятием членов и поручений и знал о приуготовлении к мятежу.
9. Коллежский асессор Кюхельбекер.	Покушался на жизнь его высочества великого князя Михаила Павловича во время мятежа на площади; принадлежал к Тайному обществу с знанием цели; лично действовал в мятеже с пролитием крови; сам стрелял в генерала Воинова и рассеянных выстрелами мятежников старался поставить в строй.
10. Капитан Якубович.	Умышлял на цареубийство с вызовом на лишение жизни покойного государя и сверх того предложил бросить жеребий на убиение ныне царствующего императора; был на совещаниях общества и знал его тайны относительно бунта, хотя и не был принят в оное; лично действовал в мятеже, участвовал в приуготовлении оного; помогал советами, предлагал разбить питейные домы, позволить грабеж и, взяв хоругви из церкви, итти ко дворцу; во время самого мятежа, присоединясь к мятежникам, ободрял и поощрял их, и пришел с ними на пощадь.
11. Подполковник Поджио.	Умышлял на цареубийство, собственным вызовом к совершению оного, также изысканием к тому средств, избиранием и назначением лиц; умышлял на истребление императорской фамилии; участвовал в восстановлении деятельности Северного общества, с предложением составлен-

	ных им правил, советовал и убеждал князя Волконского возмутить вверенное ему войско.
12. Полковник Артамон Муравьев.	Умышлял на цареубийство с собственным троекратным вызовом на совершение оного; участвовал в умысле произвесть бунт; привлекал в Тайное общество других и приуготовлял товарищей к мятежу.
13. Прапорщик Вадковский.	Умышлял на цареубийство и истребление всей императорской фамилии, возбуждая к оному и других; участвовал в умысле произвести бунт и в распространении Тайного общества, принятием в оное товарищей.
14. Прапорщик Бечаснов.	Соглашался в умысле на цареубийство принятием с клятвою назначения к совершению оного; участвовал в умысле бунта возбуждением и подговором нижних чинов и принял в общество одного товарища.
15. Полковник Давыдов.	Имел умысел на цареубийство и истребление императорской фамилии, о чем и совешания происходили в его доме; участвовал в управлении Тайного общества и старался распространять оное принятием членов и поручений; участвовал согласием в предположениях об отторжении областей от империи и приуготовлял к мятежу предложением одной артиллерийской роте быть готовою к действиям.
16. 4-го класса Юшневский.	Участвовал в умысле на цареубийство и истребление императорской фамилии, с согласием на все жестокие меры Южного общества; управлял тем обществом вместе с Пестелем, с неограниченною властию; участвовал в сочинении конституции и произнесении речей; участвовал также в умысле на отторжение областей от империи.
17. Штабс-капитан Александр Бестужев.	Умышлял на цареубийство и истребление императорской фамилии; возбуждал к тому других; соглашался также и на лишение свободы импе-

	раторской фамилии; участвовал в умысле бунта привлечением товарищей и сочинением возмутительных стихов и песен; лично действовал в мятеже и возбуждал к оному нижних чинов.
18. Подпоручик Андреевич 2-й.	Участвовал в умысле на цареубийство согласием; первый умышлял на лишение свободы его императорского высочества цесаревича; участвовал в умысле бунта возбуждением и подговором нижних чинов и приуготовлял товарищей к воинскому мятежу.
19. Капитан Никита Муравьев.	Участвовал в умысле на цареубийство из'явлением согласия в двух особенных случаях, в 1817 и 1820 г.г., и хотя впоследствии и изменил в сем отношении свой образ мыслей, однакож предполагал изгнание императорской фамилии; участвовал вместе с другими в учреждении и управлении Тайного общества и в составлении планов и конституции.
20. Коллежский асессор Пущин.	Участвовал в умысле на цареубийство одобрением выбора лица, к тому предназначенного; участвовал в управлении общества; принимал членов и давал поручения; лично действовал в мятеже и возбуждал нижних чинов.
21. Генерал-майор князь Волконский.	Участвовал согласием в умысле на цареубийство и истребление императорской фамилии; участвовал в управлении Южным обществом и старался о соединении его с Северным; действовал в умысле на отторжение областей от империи и употреблял поддельную печать полевого аудиториата.
22. Капитан Якушкин.	Умышлял на цареубийство собственным вызовом в 1817 году и участвовал в умысле бунта принятием в Тайное общество товарищей.
23. Подпоручик Пестов.	Участвовал в умысле на цареубийство принятием с клятвою назначения к совершению оного и соглашался в умысле бунта.

24. Лейтенант Арбузов.	Умышлял на цареубийство и истребление императорской фамилии, участвовал в умысле бунта с привлечением товарищей; лично действовал в мятеже, возбуждал нижних чинов и товарищей.
25. Лейтенант Завалишин.	Умышлял на цареубийство и истребление императорской фамилии, возбуждая к тому словами и сочинениями, и принадлежал к Тайному обществу с знанием сокровенной цели.
26. Полковник Повало-Швейковский.	Участвовал в умысле на лишение свободы покойного государя императора в Бобруйске и при Белой Церкви, а ныне царствующего государя императора в Бобруйске и знал об умысле на цареубийство; участвовал в умысле произвести бунт и в распространении Тайного общества, принятием от него поручений и привлечением одного товарища.
27. Поручик Панов 2-й.	Принадлежал к Тайному обществу и, по учинении уже присяги, лично действовал в мятеже; возмутил несколько рот; вступил с ними на двор Зимнего дворца и потом присоединился к другим мятежникам на площади; команда его производила стрельбу.
28. Поручик Сутгоф.	Принадлежал к Тайному обществу и по учинении присяги лично действовал в мятеже; возмутил свою роту и присоединил ее на площади к мятежникам; команда его производила стрельбу.
29. Штабс-капитан князь Щепин-Ростовский.	Лично действовал в мятеже с возбуждением нижних чинов, коими предводительствовал на площади с пролитием крови и с нанесением тяжких ран генералам: Шеншину, Фридрихсу, полковнику Хвощинскому, одному унтер-офицеру и гренадеру.
30. Мичман Дивов.	Умышлял на цареубийство и истребление императорской фамилии с возбуждением других словами и лично

	действовал в мятеже с возбуждением нижних чинов.
31. Действительный статский советник Тургенев.	По показаниям 24-х соучастников, он был деятельным членом Тайного общества, участвовал в учреждении, восстановлении, совещаниях и распространении оного привлечением других; равно участвовал в умысле ввести республиканское правление; удалясь за границу, он по призыву правительства к оправданию не явился, чем и подтвердил сделанные на него показания.

III.

Государственные преступники второго разряда, осуждаемые к политической смерти, по силе указа 1753 года, апреля 29-го числа, т.-е. положить голову на плаху, а потом сослать вечно в каторжную работу.

№	Имена преступников.	Главные виды преступлений.
1.	Капитан Тютчев.	Участвовал в умысле на цареубийство согласием; участвовал в умысле бунта возбуждением и подговором нижних чинов и знал о приуготовлении к мятежу.
2.	Поручик Громницкий.	Участвовал в умысле на цареубийство согласием; участвовал в умысле бунта распространением Тайного общества, принятием его поручений и привлечением товарищей; знал о приуготовлении к мятежу.
3.	Прапорщик Киреев.	Участвовал в умысле на цареубийство согласием, также соглашался в умысле бунта и приуготовлял товарищей к военному мятежу.
4.	Поручик Крюков 2-й.	Участвовал в умысле на цареубийство и истребление императорской фамилии согласием; участвовал в умысле произвести бунт и в распространении Тайного общества принятием поручений и привлечением товарищей.
5.	Подполковник Лунин.	Участвовал в умысле цареубийства согласием, в умысле бунта, принятием

	в Тайное общество членов и заведением литографии для изданий сочинений общества.
6. Корнет Свистунов.	Участвовал в умысле цареубийства и истребления императорской фамилии согласием, а в умысле бунта, принятием в общество товарищей.
7. Поручик Крюков 1-й.	Участвовал в умысле на цареубийство и истребление императорской фамилии согласием, а в умысле бунта, распространением Тайного общества и привлечением товарищей.
8. Поручик Басаргин.	Участвовал в умысле на цареубийство согласием и в распространении Тайного общества принятием одного члена.
9. Полковник Митьков.	Участвовал в умысле на цареубийство согласием и принадлежал к Тайному обществу с знанием сокровенной цели.
10. Поручик Анненков.	Участвовал в умысле на цареубийство согласием и принадлежал к Тайному обществу с знанием цели.
11. Штаб-лекарь Вольф.	Участвовал в умысле на цареубийство и истребление императорской фамилии согласием и принадлежал к Тайному обществу с знанием цели.
12. Ротмистр Ивашев.	Участвовал в умысле на цареубийство согласием и принадлежал к Тайному обществу с знанием цели.
13. Подпоручик Фролов 2-й.	Участвовал в умысле на цареубийство согласием и принадлежал к Тайному обществу с знанием цели бунта.
14. Подполковник Норов.	Участвовал согласием в умысле на лишение в Бобруйске свободы блаженной памяти императора и ныне царствующего государя, и принадлежал к Тайному обществу с знанием цели.
15. Капитан-лейтенант Торсон.	Знал умысел на цареубийство и участвовал в умысле бунта принятием одного члена.

16.	Капитан-лейтенант Николай Бестужев 1-й.	Участвовал в умысле бунта принятием в Тайное общество членов, лично действовал в мятеже, возбуждал нижних чинов и сам был на площади.
17.	Штабс-капитан Михайло Бестужев.	Принадлежал к Тайному обществу с знанием цели оного, лично действовал в мятеже, возбуждал нижних чинов и привел на площадь роту.

IV.

Государственные преступники третьего разряда, осуждаемые к ссылке вечно в каторжную работу.

№	Имена преступников.	Главные виды преступлений.
1.	Подполковник барон Штейнгель.	Знал об умысле на цареубийство и лишение свободы с согласием на последнее; принадлежал к Тайному обществу с знанием цели и участвовал в приуготовлении к мятежу планами, советами, сочинением манифеста и приказа войскам.
2.	Подполковник Батенков.	Знал об умысле на цареубийство, соглашался на умысел бунта и приуготовлял товарищей к мятежу планами и советами.

V.

Государственные преступники третьего разряда, осуждаемые к временной ссылке в каторжную работу на 15 лет, а потом на поселение.

№	Имена преступников.	Главные виды преступлений.
1.	Штабс-капитан Муханов.	Произносил дерзостные слова в частном разговоре, означающие мгновенный порыв на цареубийство, и принадлежал к Тайному обществу, хотя без полного понятия о сокровенной цели относительно бунта.
2.	Генерал-майор Фонвизин.	Умышлял на цареубийство согласием, в 1817 году из'явленным, хотя впоследствии времени изменившимся с отступлением от оного; участвовал в умысле бунта принятием в Тайное общество членов.

3. Штабс-капитал Поджио.	Участвовал в умысле на цареубийство и даже вызовом, сперва из'явленным, но потом изменившимся, и с отступлением от оного принадлежал к Тайному обществу с знанием цели и знал о приуготовлении к мятежу.
4. Подполковник Фаленберг.	По принятии в 1822 или 1823 году князем Барятинским в Тайное общество соглашался произвести цареубийство, и хотя впоследствии и начал от общества уклоняться, но сокровенную цель его знал.
5. 10-го класса Иванов.	Участвовал в умысле бунта принятием членов и приуготовлял товарищей к мятежу.
6. Подпоручик Мозган.	Знал об умысле цареубийства, участвовал в умысле бунта принятием одного члена и возбуждал нижних чинов не противиться мятежу, когда он откроется.
7. Штабс-капитан Корнилович.	Знал об умысле на цареубийство; участвовал в умысле бунта принятием поручения с известиями от Южного общества к Северному и в приуготовлении к мятежу.
8. Майор Лорер.	Знал об умысле на цареубийство; участвовал в умысле Тайного общества принятием от него поручений и привлечением товарища.
9. Полковник Аврамов.	Знал об умысле на цареубийство и участвовал в умысле бунта распространением общества и принятием одного члена.
10. Поручик Бобрищев-Пушкин 2-й.	Знал об умысле на цареубийство и участвовал в умысле бунта принятием на сохранение бумаг Пестеля и привлечением в Тайное общество одного члена.
11. Прапорщик Шимков.	Знал об умысле цареубийства и участвовал в умысле бунта принятием в Тайное общество одного члена.
12. Корнет Александр Муравьев.	Знал об умысле на цареубийство и участвовал в умысле бунта принятием поручений и привлечением товарищей.

13. Мичман Беляев 1-й.	Знал об умысле на цареубийство и лично действовал в мятеже, с возбуждением нижних чинов.
14. Мичман Беляев 2-й.	Знал об умысле на цареубийство и лично действовал в мятеже с возбуждением нижних чинов.
15. Полковник Нарышкин 2-й.	Знал об умысле на цареубийство и участвовал в умысле бунта принятием в Тайное общество членов.
16. Корнет князь Одоевский.	Участвовал в умысле бунта принятием в Тайное общество одного члена и лично действовал в мятеже, с пистолетом в руках.

VI.

Государственные преступники пятого разряда, осуждаемые к временной ссылке в каторжную работу на 10 лет, а потом на поселение.

№	Имена преступников.	Главные виды преступлений.
1.	Штабс-капитан Репин.	Принадлежал к Тайному обществу с сознанием сокровенной цели и приуготовлял товарищей к мятежу.
2.	Коллежский секретарь Глебов.	Знал о цели Тайного общества, хотя не вполне, и лично действовал в мятеже, дававши деньги солдатам для покупки вина.
3	Поручик барон Розен.	Лично действовал в мятеже, остановив свой взвод, посланный для усмирения мятежников.
4.	Лейтенант Кюхельбекер.	Лично действовал в мятеже с возбуждением нижних чинов.
5.	Мичман Бодиско 2-й.	Лично действовал в мятеже с возбуждением нижних чинов.

VII.

Государственные преступники шестого разряда, осуждаемые к временной ссылке в каторжную работу на 6 лет, а потом на поселение.

№	Имена преступников.	Главные виды преступлений.
1.	Полковник Александр Муравьев.	Участвовал в умысле цареубийства согласием, в 1817 году из'явленным, равно как участвовал и в учреждении

		Тайного общества, хотя потом от оного совершенно удалился, но о цели его правительству не донес.
2.	Дворянин Люблинский.	Знал об умысле на цареубийство и участвовал в учреждении с Борисовым Славянского Тайного общества, с составлением и переводом планов, хотя после из оного и выбыл.

VIII.

Государственные преступники седьмого разряда, осуждаемые к временной ссылке в каторжную работу на 4 года, а потом на поселение.

№	Имена преступников	Главные виды преступлений.
1.	Подпоручик Лихарев.	Знал об умысле на цареубийство, принадлежал к Тайному обществу с знанием цели и знал о приуготовлении к мятежу.
2.	Подполковник Ентальцов.	Знал об умысле на цареубийство, принадлежал к Тайному обществу с знанием цели и знал о приуготовлении к мятежу.
3.	Поручик Лисовский.	Знал об умысле на цареубийство, принадлежал к Тайному обществу с знанием цели и знал о приуготовлении к мятежу.
4.	Полковник Тизенгаузен.	Знал об умысле на цареубийство и на лишение свободы всей императорской фамилии и участвовал в умысле бунта.
5.	Подпоручик Кривцов.	Знал об умысле на цареубийство, принадлежал к Тайному обществу с знанием цели.
6.	Прапорщик Толстой.	Знал об умысле на цареубийство и принадлежал к Тайному обществу с знанием цели.
7.	Ротмистр граф Чернышев.	Знал об умысле на цареубийство и принадлежал к Тайному обществу с знанием цели.
8.	Поручик Аврамов.	Знал об умысле на цареубийство и принадлежал к Тайному обществу с знанием цели.

9.	Поручик Загорецкий.	Знал об умысле на цареубийство и принадлежал к Тайному обществу с знанием цели.
10.	Полковник Поливанов.	Знал об умысле на цареубийство и принадлежал к Тайному обществу с знанием цели.
11.	Поручик. барон Черкасов.	Знал об умысле на цареубийство и принадлежал к Тайному обществу с знанием цели.
12.	Поручик граф Булгари.	Знал об умысле на цареубийство и принадлежал к Тайному обществу с знанием цели.
13.	Канцелярист Выгодовский.	Знал об умысле на цареубийство и принадлежал к Тайному обществу с знанием цели.
14.	Подполковник Берстель.	Знал об умысле на лишение свободы императорской фамилии и принадлежал к Тайному обществу с знанием цели.
15.	Полковник фон-дер-Бриген.	Знал об умысле на цареубийство и принадлежал к Тайному обществу с знанием цели оного.

IX.

Государственные преступники осьмого разряда, осуждаемые к лишению чинов, дворянства и к ссылке на поселение.

№	Имена преступников.	Главные виды преступлений
1.	Подпоручик Андреевич 2-й.	Принадлежал к Тайному обществу с знанием цели оного и возбуждал к мятежу.
2.	Подпоручик Веденяпин 1-й.	Соглашался на умысел бунта и знал о приуготовлении к военному мятежу.
3.	Действительный статский советник Краснокутский.	Принадлежал к Тайному обществу с знанием цели в ограничении самодержавной власти посредством сената и знал о приуготовлении к мятежу 14 декабря 1825 года.
4.	Лейтенант Чижов.	Принадлежал к Тайному обществу с знанием цели оного и соглашался на мятеж.
5.	Камер-юнкер князь Голицын.	Принадлежал к Тайному обществу с знанием цели оного.

6. Штабс-капитан Назимов.	Участвовал в умысле бунта с принятием в Тайное общество одного товарища.
7. Поручик Бобрищев-Пушкин 1-й.	Участвовал в умысле бунта с принятием на сохранение бумаг Пестеля.
8. Подпоручик Заикин.	Участвовал в умысле бунта с принятием поручений от общества и привлечением одного товарища.
9. Капитан Фурман.	Соглашался в умысле бунта.
10. Майор князь Шаховской.	По улике 4-х сообщников, участвовал в умысле на цареубийство и, по собственному признанию, принадлежал к Тайному обществу.
11. Штабс-капитан Фохт.	Принадлежал к Тайному обществу с знанием цели.
12. Подпоручик Мозгалевский.	Принадлежал к Тайному обществу, с знанием цели.
13. Поручик Шахирев.	Принадлежал к Тайному обществу с знанием цели.
14. Полковник Враницкий.	Принадлежал к Тайному обществу, и знал цель его, т.-е. изменение государственного порядка.
15. Лейтенант Бодиско 1-й.	Лично действовал в мятеже бытностью на площади.

X.

Государственные преступники девятого разряда, осуждаемые к лишению чинов, дворянства и к ссылке в Сибирь.

№ Имена преступников.	Главные виды преступлений.
1. Подпоручик граф Коновницын 1-й	Принадлежал к Тайному обществу хотя без полного понятия о сокровенной оного цели относительно бунта, и соглашался на мятеж.
2. Штабс-ротмистр Оржитский.	Хотя не вполне, но знал сокровенную цель Тайного общества относительно бунта, равно как знал и о предстоящем мятеже.
3. Подпоручик Кожевников.	Принадлежал к Тайному обществу хотя без полного понятия о сокровенной цели, и возбуждал нижних чинов к мятежу.

XI.

Государственный преступник десятого разряда, осуждаемый к лишению чинов и дворянства и написанию в солдаты до выслуги.

№	Имя преступника.	Главные виды преступлений.
	Капитан Пущин.	Знал о приуготовлении к мятежу, но не донес.

XII.

Государственные преступники одиннадцатого разряда, осуждаемые к лишению токмо чинов с написанием в солдаты с выслугою.

№	Имена преступников.	Главные виды преступлений.
1.	Мичман Петр Бестужев.	Принадлежал к Тайному обществу и лично действовал в мятеже.
2.	Прапорщик Веденяпин 2-й.	Соглашался на умысел бунта.
3.	Лейтенант Вишневский.	Быв увлечен обманом, лично действовал в мятеже, с возбуждением нижних чинов.
4.	Лейтенант Мусин-Пушкин.	Быв увлечен обманом, лично действовал в мятеже.
5.	Поручик Фок.	Быв увлечен обманом, возбуждал нижних чинов к мятежу.
6.	Лейтенант Акулов.	Быв увлечен обманом, лично действовал в мятеже.
7.	Поручик Цебриков.	По показанию свидетелей, в день мятежа 14 декабря произносил возмутительные слова морскому экипажу, когда он шел на Петровскую площадь, сам подходил к толпе мятежников и ввечеру дал пристанище одному из первейших бунтовщиков, князю Оболенскому.
8.	Подпоручик Лаппа.	Принадлежал к Тайному обществу хотя без полного понятия о сокровенной цели оного относительно бунта.

Подлинная роспись за подписанием председателя и членов Верховного уголовного суда.

3. Указ Верховному уголовному суду.

Рассмотрев доклад о государственных преступниках, от Верховного уголовного суда нам поднесенный, мы находим приговор, оным постановленный, существу дела и силе законов сообразный.

Но силу законов и долг правосудия желая по возможности согласить с чувствами милосердия, признали мы за благо определенные сим преступникам казни и наказания смягчить нижеследующими в них ограничениями.

I. Преступников первого разряда, Верховным уголовным судом к смертной казни осужденных, а именно: полковника князя Трубецкого, поручика князя Оболенского, подпоручика Борисова 2-го, отставного подпоручика Борисова 1-го, подпоручика Горбачевского, майора Спиридова, штабс-ротмистра князя Барятинского, капитана Якубовича, отставного подполковника Поджио, полковника Артамона Муравьева, прапорщика Вадковского, прапорщика Бечасного, отставного полковника Давыдова, 4-го класса Юшневского, подпоручика Андреевича 2-го, коллежского асессора Пущина, подпоручика Пестова, лейтенанта Арбузова, лейтенанта Завалишина, полковника Повало-Швейковского, поручика Панова 2-го, поручика Сутгофа, штабс-капитана князя Щепина-Ростовского, мичмана Дивова и действительного статского советника Тургенева, — даровав им жизнь, по лишении чинов и дворянства, сослать вечно в каторжную работу.

II. Нижеследующих преступников того же первого разряда и к той же смертной казни Верховным уголовным судом осужденных, по лишении чинов и дворянства, сослать в каторжную работу на двадцать лет и потом на поселение; а именно: 1) отставного подполковника Матвея Муравьева-Апостола по уважению совершенного и чистосердечного его раскаяния; 2) коллежского асессора Кюхельбекера по уважению ходатайства его императорского высочества великого князя Михаила Павловича; 3) штабс-капитана Александра Бестужева по уважению того, что лично явился ко мне с повинною головою; 4) капитана Никиту Муравьева по уважению совершенной откровенности и чистосердечного признания; 5) генерал-майора князя Волконского по уважению совершенного раскаяния; 6) отставного капитана Якушкина также по уважению совершенного раскаяния.

III. Преступников второго разряда, Верховным уголовным судом осужденных к политической смерти с положением головы на плаху и к ссылке вечно в каторжную работу, а именно: капитан-лейтенанта Николая Бестужева 1-го и штабс-капитана Михаила Бестужева, по лишении чинов и дворянства, сослать вечно в каторжную работу. Капитана Тютчева, поручика Громницкого, прапорщика Киреева, поручика Крюкова 2-го, подполковника Лунина, корнета Свистунова, поручика Крюкова 1-го, поручика Басаргина, полковника Митькова, поручика Анненкова, штаб-лекаря Вольфа, ротмистра Ивашева, подпоручика Фролова 2-го и капи-

тан-лейтенанта Торсона, по лишении чинов и дворянства, сослать в каторжную работу на двадцать лет, а потом на поселение; отставного подполковника Норова, по лишении чинов и дворянства, сослать в каторжную работу, на пятнадцать лет, а потом на поселение.

IV. Преступников третьего разряда, Верховным уголовным судом осужденных в каторжную работу вечно, а именно: отставного подполковника барона Штейнгеля и подполковника Батенкова, по лишении чинов и дворянства, сослать в каторжную работу на двадцать лет и потом на поселение.

V. Преступников четвертого разряда, Верховным уголовным судом осужденных к ссылке в каторжную работу на пятнадцать лет и потом на поселение, а именно: штабс-капитана Муханова, отставных: генерал-майора Фон-Визина и штабс-капитана Поджио; подполковника Фаленберга, 10-го класса Иванова, подпоручика Мозгана, штабс-капитана Корниловича, майора Лорера, полковника Аврамова, поручика Бобрищева-Пушкина 2-го, прапорщика Шимкова, корнета Александра Муравьева, мичмана Беляева 1-го, мичмана Беляева 2-го, полковника Нарышкина 2-го и корнета князя Одоевского, по лишении чинов и дворянства, сослать в каторжную работу на двенадцать лет и потом на поселение.

VI. Преступников пятого разряда, Верховным уголовным судом осужденных к ссылке в каторжную работу на десять лет и потом на поселение, а именно: штабс-капитана Репина и лейтенанта Кюхельбекера, по лишении чинов и дворянства, сослать в каторжную работу на восемь лет и потом на поселение; мичмана Бодиско 2-го сослать в крепостную работу, а коллежского секретаря Глебова и поручика барона Розена сослать в каторжную работу по приговору на десять лет и потом на поселение.

VII. Преступников шестого разряда, Верховным судом осужденных к ссылке в каторжную работу на шесть лет и потом на поселение, а именно: отставного полковника Александра Муравьева по уважению совершенного и искреннего раскаяния сослать на житие в Сибирь, не лишая чинов и дворянства; дворянина Люблинского, по лишении дворянства, сослать в каторжную работу на пять лет и потом на поселение.

VIII. Преступников седьмого разряда, Верховным судом осужденных к ссылке в каторжную работу на четыре года и потом на поселение, а именно: подпоручика Лихарева, подполковника Ентальцева, поручика Лисовского, полковника Тизенгаузена, подпоручика Кривцова, прапорщика Толстого, ротмистра графа Чернышева, поручика Ивана Аврамова, поручика Загорецкого, полковника Поливанова, поручика барона Черкасова, канцеляриста Выгодовского и отставного полковника фон-дер-Бригена, по лишении чинов и дворянства, сослать в каторжную работу на два года и потом на поселение, а подполковника Берстеля и поручика графа Булгари, по уважению молодости его лет, в крепостную работу на два года.

IX. С преступниками восьмого разряда, Верховным уголовным судом осужденными к лишению чинов и дворянства и к ссылке на поселение, а именно: с подпоручиком Андреевым 2-м, подпоручиком Веденяпиным 1-м, действительным статским советником Краснокутским, лейтенантом Чижовым, камер-юнкером князем Голицыным, штабс-капитаном Назимовым, поручиком Бобрищевым-Пушкиным 1-м, подпоручиком Заикиным, капитаном Фурманом, майором князем Шаховским, штабс-капитаном Фохтом, подпоручиком Мозгалевским, поручиком Шахиревым и с полковником Враницким поступить по приговору Верховного уголовного суда, а лейтенанта Бодиско 1-го написать в матросы.

X. Преступников девятого разряда, Верховным уголовным судом осужденных к лишению чинов и дворянства и к ссылке в Сибирь, а именно: подпоручика графа Коновницына, отставного штабс-ротмистра Оржитского и подпоручика Кожевникова, по лишении чинов и дворянства, написать в солдаты в дальние гарнизоны.

XI. С преступником десятого разряда, капитаном Пущиным 1-м, осужденным к лишению чинов и дворянства и к написанию в солдаты до выслуги, поступить по приговору суда.

XII. С преступниками одиннадцатого разряда, осужденными Верховным уголовным судом к лишению чинов с написанием в солдаты с выслугою, и именно: с мичманом Петром Бестужевым, прапорщиком Веденяпиным 2-м, лейтенантом Вишневским, лейтенантом Мусиным-Пушкиным, лейтенантом Акуловым, подпоручиком Фоком и с подпоручиком Лаппою, поступить по приговору суда, распределив их в дальнейшие гарнизоны; но поручика Цебрикова, по важности вредного примера, поданного им присутствием его в толпе бунтовщиков в виду его полка, как недостойного благородного имени, разжаловать в солдаты без выслуги и с лишением дворянства.

XIII. Наконец, участь преступников, здесь не поименованных, кои по тяжести их злодеяний поставлены вне разрядов и вне сравнения с другими, предаю решению Верховного уголовного суда и тому окончательному постановлению, какое о них в сем суде состоится.

Верховный уголовный суд в полном его присутствии имеет об'явить осужденным им преступникам как приговор, в нем состоявшийся, так и пощады, от нас им даруемые, и потом обратить все к надлежащему, куда следует, исполнению. Правительствующий сенат, с свой стороны, не оставит доклад Верховного суда и настоящие по оному постановления издать совокупно во всеобщее известие.

На подлинном собственною его императорского величества рукою подписано тако:

Николай.

Царское Село
10 июля 1826 года.

4. Выписка из протокола Верховного уголовного суда от 11 июля 1826 года.

Верховный уголовный суд, по выслушании высочайшего именного указа, в 10-й день июля сему суду данного, положили: поелику XIII статьею сего высочайшего указа его императорское величество всемилостивейше соизволил участь преступников, в оном не поименованных, кои по тяжести их злодеяний поставлены вне разрядов и вне сравнения с другими, предать решению Верховного уголовного суда и тому окончательному постановлению, какое о них в сем суде состоится, то, сообразуясь с высокомонаршим милосердием, в сем самом деле явленным смягчением казней и наказаний, прочим преступникам определенных, Верховный уголовный суд по высочайше представленной ему власти приговорили: вместо мучительной смертной казни четвертованием: Павлу Пестелю, Кондратию Рылееву, Сергею Муравьеву-Апостолу, Михайле Бестужеву-Рюмину и Петру Каховскому приговором суда определенной, сих преступников за их тяжкие злодеяния повесить.

Подлинный протокол за подписанием председателя и членов Верховного уголовного суда.

6.

Провинциальные военно-судные комиссии.

1. Высочайше утвержденный приговор об офицерах Черниговского пехотного полка, судимых в Могилеве [1]).

Правительствующий сенат в общем Московских департаментов собрании слушали предложение г. министра юстиции генерала от инфантерии князя Лобанова-Ростовского, что г. военный министр, за отсутствием г. начальника главного штаба его императорского величества, препроводил к нему для внесения в правительствующий сенат засвидетельствованную копию с высочайше конфирмированного в 12-й день минувшего июля всеподданнейшего доклада аудиториатского департамента, Черниговского пехотного полка о штабс-капитанах: Маевском, бароне Соловьеве, поручиках: Сизиневском, Петине и прочих сужденных за участие в произведенном бывшим в том полку подполковником Сергеем Муравьевым-Апостолом мятеже. Означенную копию со всеподданнейшего доклада аудиториатского департамента он, г. министр юстиции, предложил правитель-

---

[1]) «С.-Петербургские Сенатские Ведомости», 21 августа 1826 г., № 43.

ствующему сенату, присовокупляя, что о исполнении последовавшей по оному докладу высочайшей конфирмации, как уведомил его г. министр юстиции, г. военным министром надлежащее распоряжение уже сделано. Всеподданнейшим же докладом аудиториатский департамент его императорскому величеству в высочайшее благоусмотрение представлял заключение свое следующего содержания, что по рассмотрению дела находит оный департамент: 1) из подсудимых штабс-капитан барон Соловьев и поручик Сухинов, принадлежа тайному Славянскому обществу, избравшему себе противозаконные правила стремиться на испровержение установленного в государстве порядка, были верными сподвижниками и участниками во всех злых замыслах возмутителя подполковника Сергея Муравьева-Апостола, ибо они, Соловьев и Сухинов, в то время, как Муравьев и брат его, по высочайшему повелению арестованы полковником Гебелем в селении Трилесах, забыв должное к его званию уважение, для освобождения Муравьева, вместе с ним и поручиками Кузьминым и Щепилою, сделали на Гебеля нападение и, отобрав у часовых ружья, причинили ему оными жестокие раны; потом с возмущенными Муравьевым двумя ротами, когда вошел он в город Васильков, из них Сухинов, следуя вперед с толпою возмущенных солдат и повстречав подполковника Трухина, с частью нижних чинов шедшего навстречу Муравьеву-Апостолу — окружил их сею толпою; при чем сорваны были с Трухина эполеты и шпага, и он посажен на гауптвахту, откуда тогда же выпущены все арестанты, в том числе и Соловьев, который еще до вступления Муравьева, приехав в Васильков, был Трухиным арестован; после сего Сухинов, с тою толпой отправясь в квартиру полкового командира, взял там знамена и казенный ящик; а переночевав с Муравьевым в Василькове и способствуя, они, Соловьев и Сухинов, ему уговорить еще бывшие там три роты присоединиться к ним, находились оба при чтении полковым священником на площади перед всеми ротами составленного Муравьевым-Апостолом и подпоручиком Бестужевым-Рюминым возмутительного катехизиса, наполненного оскорбительными выражениями противу верховной власти с превратным истолкованием текстов священного писания и потом, провозгласив мнимую свободу, отправились из Василькова с теми ротами под командою Муравьева-Апостола, имевшего намерение возмутить вблизи расквартировавшиеся войска; но на пути быв преследованы воинским отрядом, из них Соловьев взят с оружием в руках, а Сухинов бежал и, укрываясь в разных местах, составил себе фальшивый паспорт. Прапорщик же Мозалевский, по вступлении Муравьева-Апостола в Васильков с двумя ротами, тотчас присоединился к нему и, по приказанию его, заняв пост караульного офицера на заставе, останавливал всех приезжающих в Ва-

сильков; при чем, взяв под арест прибывших туда двух жандармских офицеров и произнося над ними угрозы, посадил их на гауптвахту, отобрал имевшиеся у них деньги, дал из них 25 рублей бывшим в карауле солдатам на водку, а прочие доставил Муравьеву; потом по повелению его, переодевшись в партикулярное платье и получив три возмутительных катехизиса, отправился в город Киев с одним унтер-офицером и тремя рядовыми, у коих велел спороть погоны, дабы не узнали, которой они дивизии; а по прибытии в Киев приказал бросить сии катехизисы на улицах; однако, при возвращении обратно, на дороге был схвачен и взят под арест; сверх того, знал Мозалевский о существовавшем в 3-м корпусе Тайном обществе, но не донес о сем начальству. 2) Подпоручик Быстрицкий, до вступления еще Муравьева-Апостола с возмущенными им двумя ротами в Васильков, был командирован подполковником Трухиным в местечко Германовку для принятия под начальство свое состоявшей в команде барона Соловьева 2-й мушкетерской роты, прибыл с оною в Васильков 31 декабря 1825 года по выступлении уже оттуда Муравьева-Апостола и, узнав, что он вооруженною рукою заставих всех повиноваться, решил соединиться с полком единственно из боязни быть насильно захваченным от однополчан или от самого Муравьева-Апостола; и потому, не остановясь в Василькове пошел с ротою в селение Мотовиловку, где сдал ее барону Соловьеву; потом находился при мятежниках до самого поражения их и взят был воинским отрядом с оружием в руках; и хотя Быстрицкий обстоятельствами дела не уличен в принадлежности его к Тайному обществу и в знании о настоящей цели Муравьева-Апостола и сообщников его, но виновен Быстрицкий в том, что при приходе в Васильков с ротою, не испросив от начальников своих наставления, что ему делать, самовольно ушел оттуда и, передав роту в руки мятежников, сам при них остался, чем и сделался сообщником их. 3) Штабс-капитан Маевский, поручики: Петин и Сизиневский и подпоручик Войнилович, видя противозаконные и возмутительные действия Муравьева-Апостола, присоединились к сообществу его и исполняли данные от него повеления; поелику из них Петин, командуя 2-ю гренадерскою ротою, когда прибыл к нему Муравьев-Апостол из селения Трилес, после причинения там увечья полковнику Гебелю, не старался узнать, для чего он приказал сей роте быть в готовности; а видя, что Муравьев-Апостол поил солдат водкой и говорил им: «Служите за бога и веру для вольностей», не воспротивился Муравьеву в таких злых его замыслах, но последовал за ним с тою ротою в Васильков; если же Петин, как об'яснился перед судом, не имел возможности противу угроз Муравьева воспротивиться, по крайней мере, при начале еще возмущения обязан был, заметив противозаконное Муравьева

обольщение нижних чинов, внушить им прямую их обязанность; и тогда, буде бы они не послушались, изыскать средства отстать от мятежников. Маевский же, Сизиневский и Войнилович, ежели и угрозами Муравьева-Апостола и сообщников его принуждены были исполнять волю их, имели совершенную возможность не подвергая жизнь свою опасности, удалиться от них; ибо Маевский, получив от Муравьева дозволение, ездил из Василькова в селение Плисецкое, где квартировала бывшая в команде его рота, для взятия оставшихся там вещей и жалованья; Войнилович посылан Муравьевым с приказанием от него в 1-ю гренадерскую роту, которая обще с капитаном Козловым не присоединилась к Муравьеву и, не поверив никаким ложным его обольщениям, удалилась и ушла в дивизионную квартиру; а Сизиневский, не отстав от мятежников, последовал за ними; а после уже, как они, так и Петин, почувствовав заблуждение свое, бежали и добровольно явились к начальнику. 4) Подпоручики: Рыбаковский, Кондырев и прапорщики: князь Мещерский, Апостол-Кегич и Белелюбский, по вступлении Муравьева-Апостола в Васильков, были так же присоединены им к мятежнической его шайке, и из них Рыбаковский находился по приказанию его в карауле у заставы, а после все они последовали из Василькова за Муравьевым при возмущенных ротах; но на пути отстав от оных, ушли и добровольно явились своему начальству. Пред судом все они об'явили, что, боясь угроз, пристали к мятежникам; а из дела видно, что с Кондырева, когда повстречался он с Сухиновым и с бывшею с ним толпою нижних чинов, сорваны эполеты, и тогда же он, Кондырев, вместе с подполковником Трухиным посажены на гауптвахту; Апостол же Кегич, возвращавшийся в Васильков с жандармским поручиком Несмеяновым был взят у заставы Мозалевским и арестован; а Белелюбский при вступлении Муравьева в Васильков, находясь в карауле на гауптвахте и имея у себя нижних чинов не более восьми человек, не мог сделать никакого сопротивления против мятежников, которые заряженными пистолетами угрожали лишить его жизни; но в то время, как он был послан им снять караулы, скрылся, не исполнив приказания, и на другой день, случайно увидя его, Муравьев принудил следовать за ним; сверх сего полковник Гебель и подполковник Трухин удостоверяли, что Кондырев, князь Мещерский и Апостол-Кегич насильно были вовлечены мятежниками и к обществу их не принадлежали; а Васильковский городничий и земский исправник об'яснили суду: первый, — Что Кондырев приходил к нему, городничему, в отчаянии и слезах и, об'являя, что следует за Муравьевым поневоле, просил засвидетельствовать о сем перед начальством, и что с подобными об'явлениями и просьбой приходили также к нему, городничему,

Рыбаковский, Апостол-Кегич и князь Мещерский, сказывая, что за всеми ими был от Муравьева-Апостола особый надзор; а последний, что Кондырев и Рыбаковский точно являлись к нему и спрашивали ад'ютанта Павлова; при чем Кондырев с заплаканными глазами говорил, что он по принуждению Муравьева послан за Павловым. Посему вина их, Рыбаковского, Кондырева, князя Мещерского, Апостола-Кегича и Белелюбского, что последовали за Муравьевым, не воспротивясь ему, заслуживает снисхождения, тем более, что сопротивление одних их, как в полку младших и в команде своей никаких частей не имевших, было бы бесполезно. 5) Хотя подпоручик Молчанов предан суду по случаю, что имел связь с подпоручиком Вадковским, его родственником, который был членом Тайного общества и приезжал к Муравьеву в Васильков в день произведенного им возмущения; но Молчанов по судопроизводству ни в чем виновным не оказался; ибо Вадковский перед от'ездом своим к Муравьеву читал только полученную от Муравьева записку о том, что их Тайное общество открыто; однако не пояснил, в чем именно оное состояло и, следовательно, доносить начальству о том, что Молчанов настояще не знал и что прежде сего было открыто, почитал он уже не нужным; притом и противу показаний Сергея и Матвея Муравьевых в намерении убить генерал-лейтенанта Рота, он, Молчанов, не сознался и по делу нет в том никаких доказательств. Соображая все сии обстоятельства с прописанными в сентенции военного суда законами, Аудиториатский департамент признает из подсудимых: барона Соловьева, Сухинова и Мозалевского, как по злым действиям из главных сообщников возмутителя Сергея Муравьева-Апостола, подлежащими смертной казни. Сверх того полагаем: а) сообщников подполковника Муравьева-Апостола поручиков: Кузьмина и Щепилу, прапорщика квартирмейстерской части Муравьева-Апостола, участвовавших в возмущении, но убитых на месте поражения, согласно с мнением главнокомандующего 1-й армиею, из списков выключить, как изменников, на могилах их крестов и никаких памятников, приличных христианскому потребению, не делать; но, поставя виселицу, к вечному их посрамлению, прибить под оною имена их. б) Подпоручика Быстрицкого за то, что прийдя с ротою в Васильков, по выходе уже оттуда Муравьева-Апостола и не испросив от начальников своих наставления, что делать, самовольно ушел и, передав роту в руки мятежников, остался при них и после взят обще с ними с оружием в руках: лиша чинов и дворянского достоинства и переломля над головой его шпагу, сослать в Сибирь в каторжную работу. в) Штабс-капитана Маевского, поручиков: Петина и Сизиневского и подпоручика Войниловича, за исполнение приказаний Му-

равьева-Апостола, видя действия его возмутительными и противозаконными, во уважение, что, они, признав после заблуждение свое, отстали от него и добровольно явились начальству, лиша чинов и дворянского достоинства, написать в рядовые, определив в дальние гарнизоны. г) Подпоручиков: Рыбаковского и Кондырева, прапорщиков: князя Мещерского, Апостола-Кегича и Белелюбского, не имевших намерения к возмущению, но противу желания их увлеченных с собою Муравьевым-Апостолом и бежавших от него, как скоро нашли случай, и тогда же явившихся к начальству, приемля во внимание неопытность их и молодые лета, посадить в крепость на полгода для восчувствования оказанного ими при возмущении малодушия и потом определить на службу. д) Подпоручика Молчанова, как виновным ни в чем не изобличенного, освободить от суда и ареста, отправить на службу. е) За оказавшиеся недостатки в Черниговском пехотном полку после происшедшего в оном мятеже амуничные вещи взыскать, исчисленную Комиссариатским департаментом, сумму 1.170 руб. 8¾ коп. с имения подсудимых: Соловьева, Сухинова, Мозалевского, Быстрицкого, Маевского, Петина, Сизиневского и Войниловича, как признанных по сему делу виновнейшими. ж) Поручика гусарского принца Оранского полка князя Коребут-Воронецкого, который при производстве сего дела уличен в несправедливом начальству донесении о взятии якобы им в селении Гребенках, во время означенного мятежа, капитана Фурманова и рядового Башмакова с тридцатью человеками бунтовщиков и в удержании у себя отобранных у рядового Черниговского полка Евдокима Степанова 18 руб. серебром; кои тотчас не возвратил, но доставил оные уже по востребованию начальством, арестовать за те неприличные поступки на три месяца с содержанием на гауптвахте. На подлинном высочайшая его императорского величества конфирмация, за собственноручным его величества подписанием, воспоследовала такова: барона Соловьева, Сухинова и Мозалевского, по лишении чинов и дворянства и переломления шпаг над их головами перед полком, поставить в городе Василькове, при собрании команд из полков 9-й пехотной дивизии, под виселицу и потом отправить в каторжные работы вечно. К той же виселице прибить имена убитых Кузьмина, Щепилы и Муравьева-Апостола, как изменников, по выключке их из списков. О Быстрицком и прочих, равно и касательно взыскания денег за растраченные амуничные вещи, быть по мнению Аудиториатского департамента.

Николай.

В Царском Селе.
Июля 12 дня, 1826 года.

2. Из солдатских «дел» в Белоцерковской военно-судной комиссии.

Из донесения Главнокомандующего 1-й Армией на имя Нач. Главного Штаба о солдатах бывшего Семеновского полка, распропагандированных осенью 1825 г. [1]).

По рассмотрении военно-судного дела, произведенного в комиссии военного суда, учрежденной по высочайшему его императорского величества повелению в местечке Белой Церкви, над нижними чинами полков 8-й пехотной дивизии, переведенными из прежнего состава лейб-гвардии Семеновского полка, за участие в заговоре противу правительства, по злоумышленной связи с мятежником Сергеем Муравьевым-Апостолом, найден приговор оного суда, равно и выведенные по оному преступлении, всех и каждого из подсудимых в большей или меньшей степени, правильным, основанным на точной истине и очевидных доказательствах, не подлежащих ни малейшему сомнению, и как в преступлениях оных подсудимых заключается важный умысел, и желание содействовать изменнику и государственному злодею Муравьеву-Апостолу, к испровержению законной в государстве власти, а некоторых даже собственный вызов на цареубийство и возбуждение других к совершению сего злодейского предприятия, то за преступления сего рода все они не только не могут подходить под всемилостивейший манифест, состоявшийся после учиненного над ними в суде приговора, а должны бы как государственные злоумышленники по мере вины своей понесть заслуженную ими казнь. Но, соображаясь с беспримерным его императорского величества милосердием, оказанным над подобными им преступниками, я конфирмировал: первое: из оных подсудимых рядовые Саратовского пехотного полка Федор Анойченко, Федор Николаев и Тамбовского пехотного полка Петр Малафеев, были главными содейственниками Муравьеву в изменнических его замыслах, к которому они приходили по нескольку раз и выслушивали от него с очевидным равнодушием дерзновеннейшие поношения блаженной памяти государя императора и возмутительнейшие внушения и подговоры к мятежу; при чем из них Николаеву, как сам он показывает, Муравьев, из'являя, между прочим, сожаление, что он отслужил свои лета, но что его принуждают еще оставаться на службе, говорил: «что ему теперь не грех из чистого ружья застрелить государя». Но, однако, на сие он, Николаев, не согласился; а Малафеев, при первом посещении Муравьева, сам из'являл дерзновенный ропот на настоящую службу и жаловался на перетерпеваемые якобы притеснения от начальства,

---

[1]) Печатается впервые, — по делу Главного Аудиториата о солдатах 8-й пех. дивизии, 16 дек. 1826 г., № 89.

которому Муравьев также показывал пистолетом пример, как бы кого застрелить. Кроме того, сами Анойченко и Николаев, сами сознаются, что из всех вышеиз'ясненных дерзновенных и возмутительных поношений и внушений видели явно, что оные клонятся к бунту; однако за всем тем неоднократно обещевались Муравьеву содействовать в злодейских его предприятиях; в особенности же Анойченко и Малафеев, из коих первый, по заверению другого мятежника Бестужева-Рюмина, обещал даже привесть за собою всю роту, в которой служит, без офицеров; в чем он, Анойченко, не сделал точного сознания, да и других достоверных доказательств на него в том не об'явилось, но по из'ясненным преступным и возмутительным внушениям, делаемым ему от Муравьева, и по неоднократно из'явленному им согласию к содействию, подпадает в том большому подозрению. Сверх того он же Анойченко, вместе с рядовым одной с ним роты, из армейских, Федором Юрашем, из'являл таковую же готовность к содействию, Пензенского пехотного полка майору Спиридову, бывшему напредь сего ротному своему командиру, на слова которого, чтобы они надеялись на своих (мятежных) начальников, которые их не покинут и готовы за них пропасть, ответствовал вместе с Юрашем: «что они за таковых начальников готовы умереть», а Малафеев, сверх описанного, по приказанию Муравьева, приводил к нему многих своих товарищей, из Семеновских, в одном полку с ним служащих, для получения таких же возмутительных и продерзостных внушений, как сам он получал, и хотя он, Малафеев, между прочим показывает, что будто бы он не понимал, к чему клонились деланные ему внушения и подговоры, но таковое об'яснение по из'ясненным выше сего поступкам не заслуживает ни малейшего вероятия и уважения; Николаев же будто бы о всех деланных ему внушениях об'являл фельдфебелю своему Федору Фомиляту при портупей-прапорщике (что ныне прапорщиком) Гидееве, из коих будто бы Фомилят запрещал ему далее о том говорить, стращая Камчаткою, чего он, Николаев, по отрицательности Фомилята и прапорщика Гидеева, не только ни чем не доказал, но еще сим обнаружился в несправедливости своего извета, ибо никто из прочих товарищей Семеновских, в одной роте с ними служащих, сего не подтвердил; письмо же писал Фомилят к Муравьеву от Николаева о присылке на необходимые нужды денег по одной только просьбе его, Николаева, а по сим, как равно и по другим в деле имеющимся ответам его, Николаева, совершенно явно видно, что обстоятельство, касательно об'явления фельдфебелю о внушениях Муравьева, есть вымышленное им, Николаевым, в надежде избегнуть через то наказания и с предположением, что через таковое об'яснение фельдфебелю, как ближайшему своему начальнику, окончатся пределы личной его ответственности. А потому их: Анойченку, Николаева и Малафеева, прогнать шпицрутенами через тысячу человек каждого по двенадцати раз. В т о р о е: рядовых пехотных полков:

Саратовского — Антона Янтаря, Макара Пересеткина, Алексея Андреева; Тамбовского — Федора Михайлова, Гаврилу Резникова, Степана Никитина, Григория Сорокина, Павла Мартынова, Семена Кулакова, Тихона Рослова, Игнатия Максимова, Филиппа Щербинина, Ефима Колодченку; Пензенского — Петра Гульбина; Троицкого — Анисима Пестерева, Макара Прокофьева и Василия Кирьякова, оказавшихся виновными в равном посещении Муравьева, в выслушивании от него дерзновеннейших поношений на службу, начальство, и на особу государя императора, со из'явлением согласия содействовать его преднамерениям и подговаривать к тому прочих своих товарищей, прогнать всех их шпицрутенами через тысячу человек каждого по шести раз. Третье: Тамбовского полка унтер-офицера Игнатия Иванова и Саратовского ж полка рядовых: Василия Туркова, Андрея Бобылева, Петра Грекова, Василия Иванова, Гурьяна Афанасьева, Григория Никитина, Андрея Никитина, барабанщика Петра Сорокина, рядового Федула Латышева, горниста Михайлу Коколова; Пензенского — рядового Андрея Муркина; Троицкого — Макея Проскурина, Якова Антипова; 16-го Егерского — Андрея Тазильцова, Федора Шевченку, Александра Потапова и Якова Василенку, равномерно оказавшихся в тех же самых преступлениях виновных, как вышеозначенные во втором пункте подсудимые, кроме того только, что сии последние рядовые на деланные им Муравьевым внушения не из'явили согласия и не распространяли оных мыслей между прочими своими товарищами, а только унтер-офицер Иванов сверх того оказался еще виновным в ослушании и грубости во время караула противу прапорщика Дехтенки, по разжаловании его, Иванова, в рядовые, прогнать их всех шпицрутенами через тысячу человек, Иванова пять раз, а рядовых каждого по четыре раза. Четвертое: рядовых Егерских полков: 15-го, Козьму Алексеева и 16-го, Козьму Кляпова, слушавших от Муравьева ругательства на службу и внушение как о тягости, так и о перемене оной с условием не отставать от него, получая за сие значительные деньги, прогнать обоих шпицрутенами через тысячу человек по три раза. Пятое: рядовых — Тамбовского пехотного полка: Николая Погодаева и Пензенского, Ивана Бородина, из коих первый, слышавший произносимые бывшим у Муравьева мятежником Бестужевым-Рюминым непристойные против начальства ругательства и разные зловредные от Муравьева в отношении службы внушения, а второй, внимавший склонениям мятежного офицера, подпоручика Мозгана не действовать самому против возмутившихся черниговцев и подговаривать к тому прочих своих товарищей, к чему, однако, оба они согласия не оказывали, прогнать тоже шпицрутенами через тысячу человек по два раза, и потом всех поименованных как в сем, так и в прежних четырех пунктах,

по лишении тех из них, кои имеют знаки отличия и нашивки на рукавах мундиров, таковых знаков и нашивок, отправить в Отдельный Кавказский корпус. Шестое: того же Саратовского полка — рядовых из армейских: Федора Козейчука, Григория Маковаго, Василия Гурина, Тамбовского—Емельяна Лукьянова, Ивана Ефимовича, Евсея Рышкова и Матвея Матюшка, за то, что они, слышав от товарищей своих, посещавших Муравьева, о произносимых сим последним ругательствах противу службы, начальства и государя, и делаемых им обнадеживаниях, не донесли о том начальству, но по уважении того, что они разговор сей приняли без всяких намерений и склонения, и как еще из дела видно, из них рядовой Лукьянов выговаривал одному из тех рядовому Михайлову, бывшему у Муравьева, что он напрасно ходит к нему и слушает такие речи, о которых знать им не нужно, наказать в пример другим пред собранием полка палками, дав каждому по триста лозанов, и седьмое, фельдфебеля Саратовского же полка Федора Фомилята за то, что, знав от подсудимого Николаева, что Муравьев, не известно по какой причине, в лагере раздавал всем, прежнего состава, семеновским солдатам деньги и, кроме того, еще приказывал им и писать к нему в их нуждах, не донес о том ближайшему своему ротному начальнику, хотя без всякого в том умысла, однакож невнимательность таковая, по занимаемому им званию, доказывает большую в нем нерасторопность, по уважению прежней беспорочной его службы, разжаловать в рядовые с оставлением в том же полку впредь до отличной выслуги, лишив как его, так и поименованных в шестом пункте первых трех человек рядовых имеемых за беспорочную службу на мундирах нашивок.

3. Приведение в исполнение приговоров Могилевской и Белоцерковской военно-судных комиссий [1]).

Соловьеву, Сухинову, Мозалевскому и Быстрицкому в Могилеве не читали конфирмованных сентенций; они 18 июля были отправлены в город Острог, где квартировал новосформированный Черниговский полк. 22 или 23 июля, на другой день их приезда в помянутый город, новый Черниговский полк был собран на городской площади под командою излечившегося от ран полковника Гебеля. Для исполнения сентенции назначен был начальник штаба 3-го корпуса князь Горчаков.

Первые были выведены перед полк Соловьев и Быстрицкий, которым на квартире сняли железа. Соловьеву прочли сентенцию, в коей, между прочим, сказано было: «переломить шпагу пред полком; с имения взыскать деньги за растраченные казенные вещи во время бунта; подвесть на месте преступления, в городе

[1]) Записки И. И. Горбачевского, М. 1916 г., стр. 182—185.

Василькове, под виселицу», и пр.; Быстрицкого же, «разжаловав и переломив шпагу пред полком сослать на вечно в каторжную работу». По исполнении сего, их тут же, на площади, заковали в железа. Быстрицкого прямо отвезли в городскую тюрьму для отсылки в Сибирь, а Соловьева посадили в приготовленную кибитку и отправили в Житомир. Потом привели пред полком Сухинова и Мозалевского: им была прочтена сентенция та же самая, что и Соловьеву. Когда Сухинов услышал слова: «сослать в вечно-каторжную работу в Сибирь», то громко сказал: «И в Сибири есть солнце»... Но князь Горчаков не дал ему докончить, закричал с бешенством, чтобы он молчал, грозя, что будет за это непременно во второй раз отдан под суд. Говорят даже, что начальник штаба хотел привести в исполнение сию угрозу, но генерал Рот не согласился. Соловьев, Сухинов и Мозалевский, привезенные из города Острога, содержались в Житомире целый месяц и потом отправлены были в город Васильков. 23 августа, на другой день их приезда в сей город, они были выведены на городскую площадь, на которой собран был Тамбовский пехотный полк, занимавший в сие время прежние квартиры старого Черниговского полка, и баталион, составленный из солдат, собранных из всех рот каждого полка 9-й дивизии. На площади стояла огромная виселица; народ теснился кругом площади, как бы в ожидании какого-нибудь необыкновенного зрелища. Помещики, не только киевские, но из Полтавской и Черниговской губерний, приехали в Васильков с своими семействами единственно для того, чтобы увидеть, каким образом повесят бунтовщиков. Кровли домов и заборы—все было унизано зрителями. По вторичном прочтении читанной уже сентенции палач каждого из них обводил кругом виселицы и оставил всех трех некоторое время под оною. Тут же к виселице прибили доску с именами Щепилы, Кузьмина и Ип. Муравьева. По окончании сей церемонии, Соловьев и его товарищи были сданы офицеру инвалидной команды, который их отвел в городскую тюрьму.

Из всех нижних чинов, участвовавших в восстании Черниговского полка и бывших в походе с С. Муравьевым, военным судом приговорено было к наказанию 120 человек, из коих несколько были присуждены к прогнанию сквозь строй через 12 тысяч и к сосланию в Сибирь в каторжную работу; прочие через 8, 6, 5, 2 и 1 тысячу человек; некоторые только к 500 или 200 ударов палками пред полком, и с сосланием в Грузию на службу. Те из солдат, которые не были наказаны, отправились в Грузию все вместе; наказанные же отправлены туда, по 12 человек в партии, под конвоем. Сии приговоры приведены были в исполнение в Белой Церкви генерал-майором Вреде. Тамбовский и Саратовский полки назначены были для экзекуции. Человеколюбие генерал-майора Вреде заслуживает особенной похвалы. Он просил солдат щадить своих товарищей, говоря, что их поступок есть следствие заблуждения, а не злого умысла. Его просьбы не остались тщетными:

все нижние чины были наказываемы весьма легко; но в числе сих несчастных находились разжалованные прежде из офицеров Грохольский и Ракуза и были приговорены к наказанию шпицрутеном через шесть тысяч человек. Незадолго до экзекуции между солдатами пронесся слух, что Грохольский и Ракуза лишены офицерского звания за восстание Черниговского полка и, невзирая на сие, приговорены судом к телесному наказанию. Мщение и негодование возродилось в сердцах солдат: они радовались случаю отомстить своими руками за притеснения и несправедливости, испытанные более или менее каждым из них от дворян. Не разбирая, на кого падет их мщение, они ожидали минуты с нетерпением: ни просьба генерала Вреде, ни его угрозы, ни просьбы офицеров, — ничто не могло остановить ярости бешеных солдат; удары сыпались градом: они не били сих несчастных, но рвали кусками мясо с каким-то наслаждением. Грохольского и Ракузу вынесли из линии почти мертвыми.

7.

Объявление приговора в Петербурге и смерть вождей заговора.

1. Из воспоминаний В. И. Штейнгеля [1]).

12 июля Верх. угол. суд открыл последнее заседание свое в сенате, решившись предварительно не призывать осужденных для об'явления сентенции в сенате, но самому поехать для этого в крепость. Когда все собрались, митрополит краткою речью представил важность настоящего действия, предложил испытать: «все ли чисты в совести своей», потому что еще есть время обратиться к милосердию монарха. По утвердительном ответе он сказал: «Ну, так помолимся». Встали, ознаменовались крестом и поехали процессионально, длинною вереницею карет, в крепость, в сопровождении двух жандармских эскадронов. В среднем салоне комендантского дома было уже все приготовлено к открытию заседания. В глубине комнаты — столы, накрытые красным сукном, были расставлены покоем, внутри которого поставлен особый небольшой стол для обер-секретаря, и пульнет для министра юстиции. Этим высшим блюстителем правосудия тогда был известный горячкою, доходившею иногда до бешенства, кн. Дм. Ив. Лобанов-Ростовский, отличный полковник екатерининского времени, когда держались, относительно выправки рекрут, известного правила: «девять забей, десятого поставь».

По открытии заседания, из всех казематов вывели затворников и провели чрез задний двор и заднее крыльцо в дом коменданта.

---

[1]) Воспоминания В. И. Штейнгеля. Op. cit. Стр. 459—467.

Такое, для большей части разобщенных, узников свидание произвело самое сильное, радостное впечатление. Обнимались, целовались, как воскресшие, спрашивая друг друга: «что это значит?». Знавшие об'ясняли, что будут об'являть сентенцию. «Как, разве нас судили?». «Уже судили!», был ответ. Но первое впечатление так преобладало, что этим никто так сильно не поразился. Все видели, по крайней мере, конец мучительному заточению. Ведомых на поражение разместили по комнатам, следуя порядку разрядов. Потом начали вводить одними дверьми в присутствие и, по прочтении сентенции и конфирмации обер-секретарем, выпускали в другие. Тут в ближайшей комнате стояли священник протоиерей Петр Мысловский, общий увещатель и духовник; с ним лекарь и два цырюльника с препаратами кровопускания. Их человеколюбивой помощи ни для кого не потребовалось: все были выше понесенного удара. Во время прочтения сентенции в членах Верховного суда не было заметно никакого сострадания, одно любопытство. Некоторые с искривлением лорнетовали и вообще смотрели, как на зверей. Легко понять, какое чувство возбуждалось этим в осужденных. Один, именно подполк. Лунин, многих этих господ знавший близко, крутя усы, громко усмехнулся, когда прочли осуждение на 20 лет в каторжную работу. По об'явлении сентенции всех развели уже по другим казематам.

В ночь на 13 число, на гласисе крепости устроили виселицу, и осужденных моряков отправили в Кронштадт. В 2 часа ночи в крепости и около нее было уже полное движение. Всех узников вывели на двор и разместили в два каре: в одно — принадлежавших к гвардейским полкам, в другое — прочих. В то же время выводимые полки гвардии строились вокруг эспланады. Утро было мрачное, туманное. Разложены были костры огня около мест, назначенных для каре. В 3 часа осужденных вывели на экзекуцию. Во втором каре исполнили ее над всеми вместе; из первого — разводили по полкам, кто к которому принадлежал. Срывая эполеты и мундиры бросали в огонь. Таким образом оборванным странно было видеть между себя одного, оставшегося с орденами. Это был полковник Александр Николаевич Муравьев. Помилованного государем забыли пощадить от вывода на экзекуцию. Когда второе каре уводили обратно в крепость, раздался в нем хохот. Это после приписали бесчувственности, ожесточению; ничего не было: предмет смеха был Якубович в высокой офицерской шляпе с султаном, в ботфортах, и в затрапезном коротеньком до колен халате, выступающий с комической важностью.

Пять жертв, с которыми не допустили и пред об'явлением сентенции никому видеться, провели по фронту войск с надписями на груди: «злодеи, цареубийцы». Под виселицами с ними простился и благословил их напутствовавший их протоиерей Мысловский. Пестель подошел к нему последний, и сказал: «Хотя я и люте-

ранин, батюшка, но такой же христианин, благословите и меня». Когда по наложении покрывал и петель отняли подмосток, и страдальцы всею тяжестию своею повисли, трое — Муравьев, Бестужев и Каховский — оборвались. Сейчас подскакал один из генералов, крича: «скорей! скорей!». Между тем Муравьев успел сказать: «Боже мой! и повесить порядочно в России не умеют!». Надо отдать полную справедливость духовнику, — мы назвали его выше, — что он от этой казни унес глубокое чувство уважения к страдальцам. Он после без боязни, не обинуясь, говорил и писал к своим друзьям, что они умерли, как святые, дорожил данными от них вещами на память, и до кончины своей поминал и молил о упокоении душ их пред престолом божиим. Тела погибших в следующую ночь тайно отвезены на остров Голодай и там зарыты скрытно. Так совершилась казнь несчастных жертв...

Во время всей этой процессии, чрез каждые полчаса отправлялись в Царское Село, где находился государь, фельд'егеры с извещением, что совершается все «благополучно». И в этот же самый вечер офицеры кавалергардского полка дали праздник на Елагином острову своему новому шефу — царствующей императрице, с великолепным фейерверком. Быть может, хотели показать, что несчастные не достойны ни участия, ни сожаления, и думали треском потешных огней заглушить стенание и плач глубоко огорченных родных.

Над моряками в Кронштадте в то же утро экзекуция исполнена на флагманском корабле адмирала Кроуна. Сорваны эполеты, и мундиры брошены в воду. Можно сказать, что первое проявление либерализма старались истреблять всеми четырьмя стихиями: огнем, водою, воздухом и землею.

2. Письма Николая I [1]).

Царское Село, 10 июля 1826 г.

Ужасный день настал, милая матушка, и, согласно вашего приказания, я сообщаю вам о происшедшем. Сегодня я получил доклад Верховного суда, составленный кратко, и он дал мне возможность, кроме пяти человек, воспользоваться данным мне правом немного убавить степень наказания. Я отстраняю от себя всякий смертный приговор, а участь пяти наиболее жалких предоставляю решению суда. Эти пять следующие: Пестель, Рылеев, Каховский, Сергей Муравьев и Бестужев-Рюмин; 24 приговорены к вечной каторге вместо смертной казни. В числе этих находятся: Трубецкой, Оболенский, Волконский, Щепин-Ростовский и им подобные.

---

[1]) «Историч. Вестник», 1916 г., VII, стр. 104—106.

Я провел тяжелые сутки, и, проходя через покои нашего ангела, я себе сказал, что за него мне приходится исполнять этот ужасный долг и что всемогущий в своей милости избавил его от этих мучений. Но «да будет воля твоя», и от глубины души поблагодарим провидение, что оно спасло нашу дорогую родину.

Царское Село, 12 июля 1826 г.

Милая и добрая матушка.

Приговор состоялся и об'явлен виновным. Не поддается перу, что во мне происходит; у меня какое-то лихорадочное состояние, которое я не могу определить. К этому, с одной стороны, примешано какое-то особое чувство ужаса, а с другой — благодарности господу богу, коему было благоугодно, чтобы этот отвратительный процесс был доведен до конца. Голова моя положительно идет кругом. Если я добавлю к этому о том количестве писем, которые ко мне ежедневно поступают, одни — полные отчаяния, а другие — написанные в состоянии умопомешательства, то могу вас уверить, любезная матушка, что только одно чувство ужасающего долга на занимаемом посту может заставить меня терпеть все эти муки. Завтра в три часа утра это дело должно совершиться; вечером надеюсь вам сообщить об исходе.

Царское Село, 13 июля 1826 г.

Пишу на скорую руку — два слова, милая матушка, желая вам сообщить, что все совершилось тихо и в порядке, гнусные и вели себя гнусно, без всякого достоинства. Сегодня вечером выезжает Чернышев, и, как очевидец, может рассказать вам все подробности. Извините за краткость изложения, но, зная и разделяя ваше беспокойство, милая матушка, я хотел довести до вашего сведения то, что мне уже стало известным.

3. Всеподданнейшее донесение с.-петербургского генерал-губернатора [1]).

Экзекуция кончилась с должною тишиною и порядком как со стороны бывших в строю войск, так со стороны зрителей, которых было не много. По неопытности наших палачей и неуменью устраивать виселицы, при первом разе трое: а именно Рылеев, Каховский и Муравьев, сорвались, но вскоре опять были повешены и получили заслуженную смерть. О чем вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу.

---

1) «Былое», 1906 г., III, стр. 232.

4. Рассказ В. И. Беркопфа [1]).

Василий Иванович Беркопф, бывший начальник кронверка в Петропавловской крепости, рассказывал на вечере у профессора скульптуры барона П. К. Клодта следующее.

Пестель, Бестужев-Рюмин, Муравьев-Апостол, Рылеев и Каховский содержались в Петропавловской крепости раздельно и были в тех самых мундирных сюртуках, в которых были захвачены. До произнесения смертного приговора преступники, навещаемые протопопом из Казанского собора, не были скованы; но потом были обременены самыми тяжелыми кандалами...

Виселица изготовлялась на Адмиралтейской стороне; за громоздкостью везли ее на нескольких ломовых извозчиках чрез Троицкий мост. Высочайший приказ был: исполнить казнь к 4-м часам утра, но одна из лошадей ломовых извозчиков, с одним из столбов для виселицы, где-то впотьмах застряла; почему исполнение казни промедлилось значительно...

В воротах, чрез высокий порог калитки, с большим трудом переступали ноги преступников, обремененных тяжкими кандалами, что, по мнению Беркопфа, было причиною падения с виселицы троих, а не одного, как носился слух в народе. Пестеля должны были приподнять в воротах: так был он изнурен. Под виселицею была вырыта в земле значительной величины и глубины яма; она была застлана досками; на этих-то досках следовало стать преступникам, и когда были бы надеты на них петли, то доски должно было из-под ног вынуть. Таким образом казненные повисли бы над самой ямой; но, за спешностию, виселица оказалась слишком высока, или, вернее сказать, столбы ее недостаточно глубоко были врыты в землю, а веревки с их петлями оказались поэтому коротки и не доходили до шей. Вблизи вала, на котором была устроена виселица, находилось полуразрушенное здание училища торгового мореплавания, откуда, по собственному указанию Беркопфа, были взяты школьные скамьи, дабы поставить на них преступников. По предварительном испробовании веревок, оказалось, что они могут сдержать восемь пудов. Сам Беркопф научил действовать непривычных палачей, сделав им образцовую петлю и намазав ее салом, дабы она плотнее стягивалась. Скамьи были поставлены на доски, преступники встащены на скамьи, на них надеты петли, а колпаки, бывшие на их головах, стянуты на лица. Когда отняли скамьи из-под ног, веревки оборвались, и трое преступников, как сказано выше, рухнули в яму, прошибив тяжестию своих тел и оков настланные над ней доски. Запасных веревок не было, их спешили достать в ближних лавках, но было раннее утро, все было заперто; почему исполнение казни еще промедлилось. Однако операция была повторена, и на этот раз совершенно удачно. Спустя малое время, доктора

---

[1]) «Рус. Арх.», 1881 г., II, стр. 344—346.

освидетельствовали трупы, их сняли с виселицы и сложили в большую телегу, покрыв чистым холстом; но похоронить не повезли, ибо было уже совершенно светло, и народу собралось вокруг тьма-тьмущая. Поэтому телега была отвезена в то же запустелое здание училища торгового мореплавания, лошадь отпряжена, а извозчику (кажется из мясников) наказано прибыть с лошадью в следующую ночь.

ИСТОРИЧЕСКАЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.
От составителей . . . . III—IV

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.

Экономика и политика 1815—1825 гг. в восприятии декабристов.

1. «Свод показаний членов злоумышленного общества о внутреннем состоянии государства» 1
2. Письмо А. А. Бестужева из крепости о положении России после наполеоновских войн 9
3. Система международных отношений эпохи реакционных конгрессов в «Обозрении» декабриста М. А. Фон-Визина 12
4. Крепостная деревня (из дневника декабриста Н. И. Тургенева) . . 15
5. Помещичий произвол и злоупотребления земской полиции (из записок И. Д. Якушкина) 19
6. «О солдате». Записка В. Ф. Раевского 20
7. Военные поселения 25
   Из записок М. А. Фон-Визина . . . . —
   Из «письма» бар. В. И. Штейнгеля к Николаю 26
   Автобиографические записки Е. Ф. Фон-Брадке 27
8. Возмущение лейб-гвардии Семеновского полка 30
   Из записок Н. И. Лорера 33
   Из очерка, приписываемого К. Ф. Рылееву 35
   Прокламации 1820 года 37

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

Опыты использования легальных возможностей 1817—1823 гг.

1. Киевская Ланкастерская школа в 1817 г. (рапорт ген. М. Ф. Орлова) 41
2. Из «Опыта теории налогов» Н. И. Тургенева 43
3. Проект освобождения крестьян И. Д. Якушкина 48
4. Нечто о состоянии крепостных крестьян в России (официальная записка 1819 г.) — Н. И. Тургенева 50
5. «О легкой возможности уничтожить существующий в России торг людьми» (всеподданнейшее письмо бар. В. И. Штейнгеля 1823 г.) 58
6. Приказы ген. М. Ф. Орлова по 16 пехотной дивизии в 1820—1822 гг. 60
7. Основания судебной реформы в проекте Н. И. Тургенева (1822 г.). 64

Стр.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ.

Первые тайные организации декабристов.

«Союз Спасения» (1816—1817 гг.) 67
«Союз Благоденствия» (1818—1821 гг.) 70
1. Условия возникновения первых тайных организаций 76
2. Организация Союза Спасения (записки кн. С. П. Трубецкого) . . . 78
3. Из показаний Пестеля 80
4. Из показаний М. Ф. Орлова . . . . . —
5. Из показаний кн. С. П. Трубецкого . . . . . —
6. Вопрос о цареубийстве в Союзе Спасения (из «Донесения следственной комиссии») 81
7. Организация Союза Благоденствия (записки кн. С. П. Трубецкого) 83
8. «Законоположение Союза Благоденствия» (по тексту, опубликованному А. Н. Пыпиным) 84
9. Из показаний Пестеля о Союзе Благоденствия 103
10. Союз Благоденствия в период расцвета 105
11. Упадок Союза Благоденствия (записки кн. С. П. Трубецкого и Н. И. Тургенева) . . . . . —
12. Подготовка с'езда членов Союза Благоденствия 106
13. Московский с'езд 1821 г. и закрытие «Союза Благоденствия» (записки И. Д. Якушкина) 108
14. Записка М. К. Грибовского, о Союзе Благоденствия, представленная ген. А. Х. Бенкендорфом императору Александру I 109

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Революционная работа в районе первой и второй армии 1821 — 1825 гг.

Южное Общество (1821—1825 гг.). Общество Соединенных Славян (1823—1825 гг.). Дело В. Ф. Раевского 117
1. Автобиография Пестеля (по его показаниям) 123
2. Официальная записка о работе Пестеля в тайных организациях . . 128
3. «Русская Правда» 133
4. «Государственный Завет» 179
5. Организация Южного Общества (из показаний Пестеля) 182
6. Дело майора В. Ф. Раевского 183
7. Взаимоотношения Северного и Южного Обществ (из записок кн. С. Г. Волконского) 196
8. Пестель в Петербурге (из показаний Н. М. Муравьева) 197
9. Борьба северян с Пестелем на юге (из записок кн. С. П. Трубецкого) 199
10. Из показаний А. В. Поджио о методах пропаганды Пестеля . . . . —
11. Васильковская управа (из показаний Пестеля) 20
12. Сношения Южного Общества с Польским Патриотическим Обществом 203

Стр.

Показания М. П. Бестужева-Рюмина 203
Показания Пестеля. 205
13 Общество Соединенных Славян (из записок И. И. Горбачевского). 206
14. «Правила Общества Соединенных Славян» 207
15. «Клятва» при вступлении в Общество Соединенных Славян 209
16. Реорганизация Общества Соедин. Славян в марте 1825 г. (из записок И. И. Горбачевского). 210
17. Слияние Общества Соедин. Славян с Южным Обществом (из записок И. И. Горбачевского). 211
18. Речь М. П. Бестужева-Рюмина на заседании Общества Соединенн. Славян 214
19. Вопросы вооруженного восстания и государственного переворота в Южном Обществе 215
20. План восстания 3-го корпуса в 1826 г. и схема действий Пестеля . 217
21. Южное Общество и провокация гр. Витта (из записок кн. С. Г. Волконского) 220
22. Провокация Шервуда и предательство кап. Майбороды (донесение бар. Дибича от 4 декабря 1825 г.) 221
23. Тульчинская организация накануне разгрома 227
24. Последние планы вооруженного выступления 228
1. Замысел Пестеля . . . . —
2. Проект А. В. Поджио 230

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ.

Северное Общество (1821—1825 г.г.).

Северное Общество (1821—1825 гг.) 232
1. Первоначальная организация Северного Общества 234
1) Из донесений Следственной Комиссии . . . . —
2) Из показаний Н. М. Муравьева . . . . —
2. Проект конституции Никиты Муравьева 235
3. «Любопытный разговор» 249
4. Структура Северного Общества 251
1) Из донесений Следственной Комиссии . . . . —
2) Из показаний А. Бестужева 252
5. Северное Общество в 1823—1824 гг. (из показаний А. В. Поджио). 254
6. Пестель в Петербурге 255
1) Из показаний кн. Трубецкого . . . . —
2) Из показаний Пестеля 257
3) Из показаний Рылеева 258
7. Северное Общество в 1825 г. 260
1) Из показаний А. Бестужева . . . . —
2) Из показаний Н. Муравьева 263
8. Междуцарствие (19 ноября — 14 декабря 1825 г.) 264
1) Беседа с.-петербургского генерал-губернатора гр. Милорадовича с кн. Шаховским о событиях во дворце после получения известия о смерти Александра I (запись Р. М. Зотова). . —

Стр.

2) Северное Общество в дни междуцарствия (из показаний Рылеева) 265
9. План восстания и его подготовка (из показаний Трубецкого) . . . 269
10. Программа манифеста, найденная 14 декабря в бумагах «диктатора» кн. С. П. Трубецкого 281

ОТДЕЛ ШЕСТОЙ.

«14 декабря 1825 года».

1. Рассказ и показание кн. С. П. Трубецкого 288
2. Рассказ В. И. Штейнгеля 292
3. » А. Е. Розена 296
4. » Е. П. Оболенского 304
5. » М. А. Бестужева 305
6. » Н. А. Бестужева 315
7. » А. П. Беляева 317
8. Показания А. Луцкого и Н. Поветкина 321
9. Из записок Николая I 323
10. Рассказ Ф. П. Толстого 331
11. » Н. С. Голицина 334
12. » П. А. Каратыгина 338
13. » И. П. Пустошкина 341
14. Записка В. Р. Марченко 343
15. Письмо Н. М. Карамзина 346
16. Дневник Н. Д. Дурново 347
17. Официальная реляция о 14 декабря 1825 г. 349
18. Эпилог 14 декабря (рассказ М. М. Попова) 353

ОТДЕЛ СЕДЬМОЙ.

Агитация и пропаганда Южного Общества в войсках 3-го корпуса и восстание Черниговского пехотного полка.

1. Подготовка вооруженного восстания в войсках 3-го корпуса в 1825 г. 355
   а) Из показаний Пестеля 364
   б) «Выписка из вопросов, данных Черниговского пех. полка подполковн. С. Муравьеву-Апостолу и ответов его» 365
2. Из показаний рядового Федора Анойченко о встречах с С. И. Муравьевым-Апостолом . . . . —
3. Вопрос о методах пропаганды среди солдат на совещании С. И. Муравьева-Апостола с вождями Соединенных Славян 15 сент. 1825 г. 367
   Агитация бывш. членов Общества Соед. Славян 369
   а) Из записок И. И. Горбачевского . . . . —
   б) Из показаний рядового Чернигов. пех. полка Игнатия Ракузы —
5. Пропаганда среди солдат 8-й Артиллерийской бригады 370
   а) Из показаний подпоручика Андреевича 2-го . . . . —
   б) Из показаний подпоручика Борисова 2-го 371

Стр

6. Усиление пропагандистской работы среди солдат после известия о смерти Александра I 372
7. Черниговский пех. полк накануне восстания (из записок И. И. Горбачевского). 373
8. Действия С. И. Муравьева-Апостола перед восстанием 375
9. Попытка ареста С. И. Муравьева-Апостола в Трилесах и начало восстания 378
10. Занятие «мятежниками» города Василькова (из зап. И. И. Горбачевского). 381
11. «Катехизис» С. И. Муравьева-Апостола 389
12. Проект «Воззвания» к народу, составленный М. П. Бестужевым-Рюминым 391
13. Революционные роты Черниговского пех. полка в походе 392
14. Действия солдат Черниговского полка во время восстания (из «заключения» военно-судной комиссии, утвержденного ген. Сакеном 5 августа 1826 г.) 397
15. Разгром Черниговского полка (из записок И. И. Горбачевского). . 401
16. Восстание Черниговского полка в воспоминаниях М. И. Муравьева-Апостола 403
17. «Общий взгляд на действия С. И. Муравьева-Апостола» (из записок И. И. Горбачевского). 406
18 Попытка захвата Бобруйской крепости (из записок И. И. Горбачевского 410
19. Правительственное сообщение о восстании Черниговского полка и его ликвидации 412

ОТДЕЛ ВОСЬМОЙ.

Следствие. Суд. Приговор.

1. Манифест Николая I о событиях 14 декабря и об учреждении Следственной Комиссии 415
2. Комиссия для следственных изысканий о злоумышленных обществах и ее работа 417
   а) Из «Обозрения» М. А. Фон-Визина . . . . —
   б) Из записок А. М. Муравьева 419
   в) Из воспоминаний В. И. Штейнгеля 420
   г) Из записок И. Д. Якушкина 424
3. Декабристы в Петропавловской крепости 425
   1. Из записок А. М. Муравьева . . . . —
   2. Из записок Д. И. Завалишина 426
   3. Из записок И. Д. Якушкина 428
4. Донесение Следственной Комиссии и Верховный Уголовный Суд (из воспоминаний В. И. Штейнгеля). 430
5. Верховный Уголовный Суд 432
   1. Доклад Верховного Уголовного Суда . . . . —
   2. Роспись государственным преступникам 441

Стр,

3. Указ Верховному Уголовному Суду 458
4. Выписка из протокола суда от 11 июля 1826 г. 461

6. Военно-судные комиссии в провинции . . . . —
1. Высочайше утвержденный приговор об офицерах Черниговского полка, судимых в Могилеве . . . . —
2. Из солдатских «дел» в Белой-Церкви 467
3. Приведение в исполнение приговоров Могилевской и Белоцерковской комиссий (из записок И. И. Горбачевского) 470

7. Об'явление приговора в Петербурге и смерть вождей заговора . . 472
1. Из воспоминаний В. И. Штейнгеля . . . . —
2. Письма Николая I 474
3. Донесение с.-петербургского генерал-губернатора 475
4. Рассказ В. И. Беркопфа 476

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

К СТОЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ (1825—14 декабря—1925)

ГЕРЦЕН, А. И.
РУССКИЙ ЗАГОВОР 1825 г.
С предислов. М. Н. ПОКРОВСКОГО
Стр. 24. Ц. 12 к.

ПЛЕХАНОВ, Г. В.
14 декабря 1825 года
Речь, произнесенная на русском собрании в Женеве 14/27 декабря 1900 года.
С предислов. М. Н. ПОКРОВСКОГО
Стр. 32. Ц. 12 к.
Нельзя горячо не порекомендовать самому широкому кругу читателей выпущенную отдельным изданием речь Плеханова, произнесенную им в 1900 году—к 75-летию выступления декабристов. В этой речи блестяще, по-плехановски, обрисовано состояние русского общества к 20-м годам прошлого столетия, развитие событий в 1825 году, дан четкий марксистский анализ всего движения „декабристов“. Ал. Т.
(„Советский Юг“. 12/1-26 г. Ростов-н-Д.)

А. К. ПРЕСНЯКОВ.
14 декабря 1825 года
С приложением военно-исторической справки Г. С. ГАБАЕВА
ГВАРДИЯ В ДЕКАБРЬСКИЕ ДНИ 1825 года“
(Центрархив) (Печ.)

ГОРОДЦОВ, А. И.
1825 (14 декабря)
Стр. 64. Ц. 30 к.
Популярно написанная книжка о восстании декабристов.

ПОКРОВСКИЙ, М. Н.
ДЕКАБРИСТЫ
Сборник статей
(Центрархив) (Печ.)

КЛЕВЕНСКИЙ, М.
ДЕКАБРИСТЫ
Хрестоматия для самообразования.
Стр. 168. Ц. 90 к.

ЧЕРНОВСКИЙ, А. и ГАВРИЛОВ М.
ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ДЕКАБРЯ
Сборник к столетию восстания декабрист
(Ленинградский Губполитпросвет.)
Стр. 224. Ц. 1 р. 60 к.

ВОЙТОЛОВСКИЙ, Л.
ДЕКАБРИСТЫ
1825 — 14 декабря — 1925.
Стр. 32. Ц. 25 к.

ИВАНИЦКИЙ, С.
ВОЖДЬ ДЕКАБРИСТОВ
Стр. 52. Ц. 45 к.
Библиографический очерк вождя Южного общества декабристов Пестеля. Написан для комсомола.

Имеются в продаже следующие издания:

БЕРСЕНЕВ, С. Сергей Иванович Муравьев-Апостол. Ц. 15 к.

БЕСТУЖЕВ, Н. А. Кондратий Федорович Рылеев. Ц. 25 к.

МУРАВЬЕВ, А. М. (декабрист). Записки. Перевод, предисловие и примечания С. Я. Штрайха. Ц. 15 к.

ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ, Н. П. Павел Иванович Пестель. Биографический очерк. Ц. 5 к.

РЫЛЕЕВ, К. Ф. Войнаровский. Поэма. Ц. 5 к.

ЩЕГОЛЕВ, П. Е. Каховский. Ц. 25 к.

ЩЕГОЛЕВ, П. Е. Николай I и декабристы. Ц. 12 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

К СТОЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ (1825—14 декабря—1925)

ВОЛКОНСКАЯ, М. Н. кн.

ЗАПИСКИ

(„Библиотека мемуаров")

Стр. 72. Ц. 50 к.

Автор книги—жена декабриста Волконского. Записки ярко рисуют жизнь и быт декабристов в Нерчинских рудниках и Благодатских приисках. Книга написана просто и интересно и имеет историческую ценность, освещая сравнительно темный период в истории декабристов.

„Книжные Новости"

КЛЕВЕНСКИЙ, М.

К. Ф. РЫЛЕЕВ

(„Биографическ. биб-ка")

Стр. 80. Ц. 60 к.

Биография написана с обстоятельным исполнением всех имеющихся и, между прочим, только теперь публикуемых Центрархивом следственных материалов по делам о декабристах. Вместе с очерком жизни и деятельности К. Рылеева дан общий очерк эпохи движения декабристов и восстания 14 декабря 1825 г.

ЩЕГОЛЕВ, П. Е.

ДЕКАБРИСТЫ

Стр. 362. Ц. 3 р.

В книге собраны все работы П. Е. Щеголева о декабристах, разновременно, начиная с 1903 года, появлявшиеся в печати.

ЩЕГОЛЕВ, П. Е.

ПЕТР ГРИГОРЬЕВИЧ

КАХОВСКИЙ

(„Историко-революционная биб-ка")

Стр. 87. Ц. 25 к.

Книга П. Щеголева посвящена характеристике одного из пяти казненных декабристов на основании главным образом писем Каховского из крепости к Николаю I, генералу Левашеву, а также собственноручных признаний его Следственной Комиссии. Портрет Каховского сделан опытной рукой человека, умеющего разбираться в архивном материале.

(„Печать и Революция")

МОДЗАЛЕВСКИЙ, Б. Л.

Роман декабриста КАХОВСКОГО

казненного 13 июля 1826 года

(Труды Пушкинского Дома при Академии Наук СССР).

Стр. 126. Ц. 1 р.

В письмах героини романа Каховского с простодушием, отнюдь не рассчитанным на сторонний читательский глаз, рассказано многое и о быте, и о настроениях, и о среде непосредственно окружавших центральную группу декабристов, и о самих декабристах, и наконец, об одном из них — о Каховском, кончившем жизнь на виселице.

ШЕБУНИН, А. Н.

Н. И. ТУРГЕНЕВ

(„Биографическ. Б-ка")

Стр. 132. Ц. 60 к.

Прекрасное знание специальной литературы, умелое использование неизданных материалов, продуманность всей биографической и исторической схемы, деловитость и доступность изложения делают книжку одинаково интересной и для популярного чтения и для научного изучения...

(„Печ. и Рев." 1925. Кн. IV).

МУЗЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

Сборник I. Под ред. П. Е. Щеголева. С многочисленными рисунками, фотографиями, снимками и портретами. Изд. Муз. Револ. Стр. 105. Ц. 3 р. 40к.

Содержание: А. И. Герцен—Кондратий Рылеев и Николай Бестужев. **П. Е. Щеголев**—Каракозов в Алексеевском равелине. **А. Шилов**—Дело Аргольдта, Сливицкого, Ростаковского и Щура 1862 г. (Из истории революционной пропаганды в армии.) **В. И. Иохельсон**—Календарь народной воли. (Из воспоминаний.) **Р. Кантор**—Александр III в заботах о своем народе. **А. Ш.**—Ег. С. Сазонов в бреду. **П. Щеголев**—К иконографии декабристов.—Памяти декабристов.—Первое заседание Музея Революции. Стенографический отчет. **Илья Ионов.**—В орловской каторжной тюрьме (1912).—Вещи А. И. Желябова. Библиографич. Бюро Музея Револ. и его работы.

2 р. 75 к.—Р

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1926 год НА

„КРАСНЫЙ АРХИВ"

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

В. В. АДОРАТСКОГО, В. В. МАКСАКОВА, М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО, В. М. ФРИЧЕ

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ ТОМОВ В ГОД

Журнал ставит своей задачей научную публикацию неизданных архивных материалов по истории внешней политики, империалистической войны, истории революционного движения, истории литературы, быта и культуры. (Из отзывов о VIII — IX т. т.)

За „КРАСНЫМ АРХИВОМ" установилась репутация одного из интереснейших наших исторических журналов. Восьмой и девятый томы его, вышедшие в 1925 г., вполне поддерживают эту репутацию. В них мы находим ряд ценнейших документов нашего прошлого, рисующих как общую политическую жизнь страны, так, в частности, и развитие в ней революционного движения". („Каторга и ссылка" 1925 г. № 6/19 Стр 256).

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

На год (6 томов) — 15 р., на 6 мес. (3 тома) 8 р.

Государственное Издательство дает в виде приложения к журналу „Красный Архив"

за 15 руб., вместо 25 руб. 50 коп. в розничной продаже

ВИТТЕ, С. Ю., гр. Воспоминания. 3 тома.
ПЕРЕПИСКА Николая и Александры Романовых. 2 тома.
ПОБЕДОНОСЦЕВ, К. Письма и заметки. 2 тома.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

Приложения даются исключительно ГОДОВЫМ подписчикам, уже внесшим подписную плату до конца года (15 р.), а также подписчикам, внесшим подписную плату за приложения с апреля месяца (и ранее) до конца года.

Подписная цена за приложения — 15 р. — вносится в следующем порядке: при подписке задаток 5 р. и затем каждые 2 месяца не менее 2-х руб. с таким расчетом, чтобы полный взнос был сделан не позднее 1-го ноября с. г.

Книги будут высылаться подписчикам в следующем порядке:

При № 1 журнала — ПОБЕДОНОСЦЕВ 2 тома.
При №№ 2, 3 и 4 — ВИТТЕ по 1 тому.
При №№ 5 и 6 ПЕРЕПИСКА РОМАНОВЫХ по 1 тому.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: МОСКВА, Воздвиженка, Старо-Ваганьковский пер., 8. Тел. 3-72-91.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ Периодсектором Госиздата (Москва, Воздвиженка, 10/2), всеми магазинами, отделениями, конторами и уполномоченными Периодсектора, снабженными соответствующими удостоверениями.